

ТАЙНАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
КОМИНТЕРНА

КОМИНТЕРН
И СОВЕТСКАЯ
РАЗВЕДКА

КОМ
ИНТЕРН

ОСИП
ПЯТНИЦКИЙ И

НА ВЕСАХ
ИСТОРИИ

В. И. ПЯТНИЦКИЙ

**ОСИП
ПЯТНИЦКИЙ и
КОМИНТЕРН
НА ВЕСАХ ИСТОРИИ**

Под общей редакцией А.Е. Тараса

**МИНСК
ХАРВЕСТ
2004**

Рецензент:

В. М. ЛУРЬЕ, старший научный сотрудник
Института военной истории Министерства обороны
Российской Федерации.

Охраняется законом об авторском праве. Воспроизведение всей книги или любой ее части запрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Пятницкий В. И.

П 99 Осип Пятницкий и Коминтерн на весах истории /Под общ. ред. А. Е. Тараса/. — Мн.: Харвест, 2004. — 720 с., [16] л. ил.: ил.

ISBN 985-13-2140-0.

В книге описана деятельность Всемирной партии коммунистов (Коминтерна), существовавшей в 1919—1943 гг. При этом главное внимание автор уделил конспиративной ее стороне, о которой до сих пор на русском языке ничего не публиковалось. Автор, младший сын И. А. (Осипа) Пятницкого (1882—1938), руководителя аппарата Коминтерна в 1921—37 гг., построил повествование через изложение основных событий биографии своего отца.

Значительное внимание он уделил рассказу о том, как И. В. Сталин установил режим личной власти в партии и в стране, как он физически уничтожил почти всех большевиков-ленинцев, в том числе И. А. Пятницкого, выступившего против массовых репрессий в СССР.

Книга написана по материалам архивов, воспоминаниям участников давних событий, материалам прессы 1920-х и 30-х годов. Она предназначена не только профессиональным историкам, но и широкому кругу читателей, интересующихся историей XX века.

УДК 940.5
ББК 63.3(0) 52

ISBN 985-13-2140-0

© В. И. Пятницкий, 2004
© Харвест, 2004

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ОБ АВТОРЕ

Автор книги, которую вы держите в руках, Владимир Иосифович Пятницкий — младший сын всемирно известного революционера, одного из создателей и руководителей ленинской партии большевиков и Коммунистического Интернационала (Коминтерна), Иосифа (Осипа) Пятницкого.

Книгу свою, явившуюся плодом долголетних исследований, встреч и бесед с выдающимися деятелями Коминтерна, партии большевиков, советской разведки, он посвятил памяти своего отца, преподнося моменты его биографии через события, в которых он участвовал, и через ту работу, которую он выполнял по поручению своей партии. Однако в силу природной скромности он практически ничего не рассказывает о себе. Между тем его жизнь сама по себе настолько интересна, что могла бы послужить материалом для отдельной книги. Поэтому постараюсь вкратце восполнить этот пробел.

Владимир Пятницкий родился в 1925 году в Москве. В конце 30-х годов его семья была репрессирована: отец и старший брат, десятиклассник Игорь — в 1937 году; мать и сам Владимир — в 1938. В течение нескольких месяцев Владимир содержался в Даниловском детском приемнике НКВД. Сотрудники НКВД не знали, что с ним делать, ибо уголовный кодекс СССР предусматривал уголовную ответственность только с 14 лет, а Владимиру едва исполнилось 13. Выход был найден. «Авторитетная» медицинская комиссия этого ведомства установила, что метрика неверна, что обследуемому субъекту не менее 14 лет и, следовательно, он арестован правильно. Таким образом, Владимир повзрослел на целый год.

Но тем временем сменилось руководство органов госбезопасности. Ежов был арестован, его пост занял Берия. Началась кампания по «зачистке» мест заключения, в ходе которой Владимира направили в Кропоткинскую (на Кубани) колонию для малолетних преступников. Оттуда он вскоре сбежал, однако был задержан в Армавире и направлен в детский дом в станице Вознесенской.

Летом 1942 года, закончив 9 классов средней школы, Владимир Пятницкий убежал в действующую армию. В то время не-

мецкая армия прорвалась на Кубань. Владимир участвовал в боях на Северном Кавказе. И тут произошел один из парадоксов судьбы. Старшего брата Игоря обвинили в том, что он якобы создал у себя в школе молодежную диверсионную (!) группу «Дети за отцов», а младшего брата в августе 1942 года направили на учебу в секретную диверсионно-разведывательную спецшколу № 005 Центрального штаба партизанского движения в Астрахани.

Пройдя краткий курс обучения, он в ноябре 1942 года в составе диверсионно-разведывательной группы № 55 «Мститель» был направлен на оккупированную немцами территорию Калмыцкой республики (левый фланг Сталинградского фронта). После разгрома армии фельдмаршала Паулюса под Сталинградом Владимир, находясь в резерве Южного отделения ЦШПД, работал помощником прокурора Приютинского района Калмыкии. И это в 17 лет!

С мая 1943 года Владимир вновь находился в рядах действующей армии. В составе 5-го Гвардейского казачьего кавалерийского корпуса он прошел путь от Ростова-на-Дону до Вены, будучи командиром взвода разведки, офицером связи штаба 12-й Гвардейской дивизии, а после окончания войны — командиром сводного знаменного взвода дивизии. Затем работал комсоргом военного завода № 50 МВС.

После демобилизации из армии в 1948 году Владимир пытался вернуться в родную Москву, но при получении паспорта был выдворен из столицы как «сын врага народа». Приехав после этого в Ленинград, он поступил на работу на Балтийский завод. Работал судосборщиком, электросварщиком, одновременно был комсоргом крупнейшего на заводе корпусного цеха.

Во время сфабрикованного МГБ так называемого «ленинградского дела», Владимира уволили с работы и долгое время он перебивался случайными заработками.

После реабилитации родителей и брата в 1956 году он закончил сначала Ленинградский судостроительный техникум, а затем Ленинградский кораблестроительный институт. Работал в ряде судостроительных организаций Ленинграда конструктором, затем в Ленинградском совнархозе, курируя военное судостроение. После ликвидации совнархозов работал на объектах ленинградской промышленности. Последняя его должность — директор завода и начальник производства крупного объединения.

В последние годы Владимир Иосифович участвовал в демократическом переустройстве общества, он является одним из со-

здателей Ленинградского (Петербургского) отделения общества «Мемориал», Ассоциации жертв политических репрессий и ряда благотворительных организаций.

Я знаю Владимира Пятницкого более десяти лет как принципиального и очень надежного человека. Впитав определенные убеждения, он ни разу не изменил им и при всех обстоятельствах оставался самим собой.

Коснувшись вкратце биографии автора книги, хочу сказать пару слов и по поводу его грандиозного (иначе не назовешь) труда. Дело не в количестве печатных страниц, а в том, что впервые в отечественной исторической литературе предпринята серьезная попытка произвести анализ столь крупного и неоднозначного явления, каким являлся Коммунистический интернационал (Коминтерн), иначе говоря, Всемирная коммунистическая партия.

*Генерал-лейтенант в отставке
В.П. Черемных*

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Эту книгу я посвящаю памяти своего отца и его боевых соратников по ленинской большевистской партии, Октябрьской революции, гражданской войне и Коммунистическому Интернационалу, которые посвятили свои жизни делу освобождения трудового народа от угнетения горсткой олигархов.

Они верили в эту идею. Может быть, заблуждаясь, опережая то время, в котором жили, но верили беззаветно, не жалея ни сил своих, ни жизней. А погибли они от рук Советской власти, которую сами же и создали, и той партии, которую сами же выпестовали в труднейших условиях царского самодержавия.

Они были людьми честными, смелыми, бескомпромиссными. Видимо, просто родились несколько раньше, чем им следовало. И угнетенный народ поверил им. Вспомним, что 125 тысяч коммунистов сумели увлечь за собой миллионы россиян на совершение революции в октябре 1917 года, создать рабоче-крестьянскую армию, разгромить наголову контрреволюционные силы всех оттенков, руководимых кадровыми генералами и офицерами царской армии, а также армии 14 империалистических государств, стремившихся поживиться за счет русской земли.

Но, к сожалению, они не учли того, что испокон веков к победителям прилипают проходимцы всех видов и категорий. В результате постепенно изменилась идеология правящей партии. Истинных революционеров постепенно оттеснили от рычагов власти, а их места заняли беспринципные, корыстолюбивые партийные чиновники, всеми силами стремившиеся обеспечить лишь собственное благо.

Вспомним в этой связи Великую французскую революцию 1789 года. Ее история поучительна. Революция совершили фанатики идей, но воспользовались ее плодами проходимцы, а усилия народных масс, разгромивших одних эксплуататоров, привели к власти других. Головы французских революционеров срубали гильотины, и никто не знает, где покоится их прах.

То же самое произошло в СССР. Все, кто стоял у истоков Октябрьской революции, были уничтожены, а им на смену пришли партократы. Погибли сотни тысяч прекрасных людей. Где покоятся их тела, точно не знает никто. Места их захоронений до пос-

ледного времени скрывались. Кое-где установлены скромные памятники. В других местах братские могилы поросли бурьяном.

Так вот, эта книга является нерукотворным памятником всем тем, кто погиб в результате действий сталинской инквизиции.

1. Почему я выбрал эту тему? На примере моего отца мне хотелось показать, что собой представляли профессиональные революционеры ленинской плеяды. Ведь Осип Пятницкий, по отзывам его друзей и его врагов, был типичным представителем этого узкого круга людей. Чем они отличались от других? Тем, что их жизнь принадлежала делу революции, в которое они беззаветно верили, а их действиями управляли не личные материальные потребности, а это дело. Они были скромны и бескорытны. Они умели на простых примерах объяснять людям, за что борются, и могли увлечь массы трудящихся на демонстрации протеста против существующей несправедливости, на баррикады борьбы за свои поруганные права и, наконец, на революцию, чтобы свергнуть класс угнетателей.

Они были разных национальностей, разного уровня образования, принадлежали к разным слоям общества. Но их объединяло общее дело, которому они посвятили свои жизни. Вспомним Бабушкина, Баумана, Гусева, Дзержинского, Кенковели, Кнорина, Красина, Литвинова, Мицкевича, Орджоникидзе, Сольца, Фрунзе, Шаумяна и многих, многих других. Они были друзьями отца и его товарищами по борьбе.

К сожалению, еще при Советской власти их имена стали постепенно затушевывать, объявлять нетипичными, просто замалчивать. Особенно эта тенденция проявилась в 1990-е годы. Всех, кто делал Октябрьскую революцию, устанавливал власть Советов, строил великую державу, стали обливать ушатами грязи и представлять в негативном виде. Например, так произошло с Ф.Э. Дзержинским, человеком беспримерной скромности и чести.

На примере личности Осипа Пятницкого я пытаюсь показать жизнь профессионального революционера. Ибо новое поколение россиян знает об этом только понаслышке.

Самый зрелый ее период проходил на службе Всемирному коммунистическому движению, которое обрело имя III (Коммунистического) Интернационала, или Коминтерна. Должен заметить, что в последние годы советской власти даже многие местные представители партийной номенклатуры, с которыми мне приходилось общаться, не знали, что Коминтерн и Коммунистичес-

кий Интернационал — это одно и то же. А ведь Коминтерн объединял в себе все компартии мира, куда и партия советских коммунистов ВКП(б) входила как русская секция.

Даже гимном Советского Союза долгое время являлся Интернационал, в честь Коммунистического Интернационала. И до сих пор у самого крупного государства мира — Китайской народной республики — гимном является Интернационал.

Сейчас, к сожалению, новому поколению граждан России ничего не известно о всемирной коммунистической партии — Коминтерне. В этой книге я пытаюсь рассказать об этой неординарной организации, ее зарождении, истории, вождях и ее разгроме сталинской кликой.

2. Почему я выбрал такую схему изложения? Первая часть книги показывает, как молодой безграмотный паренек стал маститым политиком, «гроссмейстером» конспирации, как называли его немецкие друзья. А вот все дальнейшее заставило задуматься.

В послесталинский период, в так называемый «период расцвета эпохи застоя», вышли несколько толстенных книг, в названии которых фигурировало слово Коминтерн. Но, хотя их написали маститые академики, ничего, кроме пустопорожних рассуждений, найти в них нельзя. В целом, эти авторы сделали главным предметом своего рассмотрения лишь те четыре года из 25 лет существования Коминтерна, когда по указанию «вождя мирового пролетариата» (Сталина) проводилась линия на установление «единого народного фронта», полностью провалившаяся к концу 1930-х годов.

Тема Коминтерна по своей природе воспринимается двояко. Это очень метко подметил английский писатель Джордж Оруэлл, автор всемирно известного политического памфлета «Скотный двор». Вот что он сказал еще в середине 1930-х годов:

«Когда мы вспоминаем о Коммунистическом Интернационале, то на память приходят многомиллионные массы трудящихся, марширующие сплоченными рядами в борьбе за свои права. А когда произносим слово Коминтерн, то перед глазами встает узкая группа доктринеров и аппаратчиков, в тиши своих кабинетов занимающихся фракционными склоками и выработкой далеких от жизни теорий и доктрин».

Но вернемся к затронутой теме. Все, кто писал о Коминтерне в «застойный период» либо пишут сегодня, оценивают его с вы-

соты нынешних исторических и политических занятий. При этом они зачастую освещают историю Коминтерна самым негативным образом. Ведь мертвые сдачи не дадут. Хотя я не историк, все же скажу, что такие писаки подлинную историю Коммунистического Интернационала знают очень плохо. Но я не буду приводить примеры их искажений действительности. Пусть это останется на их совести.

В предлагаемой книге я использовал, во-первых, материалы, напечатанные в журнале «Коммунистический Интернационал», которые освещали события по горячему следу.

Во-вторых, широко использовал архивные материалы секретариата О. Пятницкого (РЦХИДНИ, фонд 485), оспаривать которые просто неразумно.

В-третьих, многое мне довелось узнать от тех друзей и соратников моего отца, которым удалось выжить в страшное время политического террора 1937—38 гг.

Сведения о так называемом «Коминтерновском деле» я собрал из архивно-следственного и реабилитационного дел Осипа Пятницкого, которые по существующим законам посторонним лицам не выдаются.

Теперь о схеме изложения. Чтобы читатель мог правильно понять историческое развитие Коминтерна, я разделил его деятельность на 5 основных периодов:

- 1) 1919—21 гг. Организационный.
- 2) 1921—25 гг. Период руководства Г.Е. Зиновьева.
- 3) 1926—28 гг. Период руководства Н.И. Бухарина.
- 4) 1928—35 гг. Период технического руководства В.М. Молотова, И.А. Пятницкого, Д.З. Мануильского. Политический лидер — И.В. Сталин.
- 5) 1935—43 гг. Период фактического руководства Сталина через его марионеток Г.М. Димитрова, О.В. Куусинена, Д.З. Мануильского.

Начиная с 1928 года политическим лидером Коминтерна, а затем и непосредственным руководителем, был Сталин. А вот организационным руководителем в период 1921—1937 гг. являлся Осип (Иосиф) Пятницкий.

В соответствии с указанными периодами я строю свое повествование. Кроме того, я довольно подробно рассказал о том, что происходило в то время в российской партии коммунистов (рус-

ской секции Коминтерна), ибо в действительности она была первой среди равных. От нее зависели все зарубежные компартии — остальные секции Коминтерна.

* * *

Коминтерн в 1920-е и 1930-е годы, с политической точки зрения, представлял собой надгосударственную структуру. Это была организация, которая обособленно плавала в океанских просторах мировой политики, словно громадный айсберг. Подобно айсбергу, она имела свою видимую («надводную») часть и невидимую («подводную»), строго засекреченную, совершенно неизвестную посторонним людям. Главной была «невидимая» часть, составившая 9/10 данного «айсберга».

Так вот, Осип Пятницкий был создателем и руководителем этой невидимой, сугубо конспиративной, строго секретной части коминтерновской деятельности. Он не только управлял делами Коминтерна и его финансами. Он лично руководил работой аппарата Исполкома Коминтерна, взаимодействием военных аппаратов национальных компартий с советскими спецслужбами, осуществлял связь руководства Коминтерна с советскими финансовыми органами, наркоматами иностранных дел и внешней торговли, а также с ЦК РКП(б)—ВКП(б).

Все, что связано с действиями официальной («открытой», «надводной») части Коминтерна, нетрудно установить по материалам прессы, например, по упомянутому журналу «Коммунистический Интернационал», по сообщениям других журналов и газет на русском языке, по сборникам несекретных документов и т.д. Сколько-нибудь внятного рассказа о тайной его деятельности вы не найдете нигде. Мое исследование в этой области, по сути дела, является первым.

3. Как назвать книгу? Это оказалось трудной задачей. Надо было, чтобы оно легко воспринималось, привлекало читателя и указывало на главное в содержании.

Я хотел рассказать о своем отце, который более 15 лет жизни посвятил работе в Коминтерне. Поэтому при описании биографии Осипа Пятницкого получилась история организации, в которой он работал. А его роль в Коминтерне была поистине огромной. На протяжении всего этого периода он осуществлял организационно-техническое руководство всемирным коммунистическим движением, включая вопросы конспиративной деятельности всех компартий мира.

Будучи человеком феноменальной работоспособности, он отличался беспредельной честностью и щепетильностью, был настоящим бесребреником в быту и фанатиком коммунистической идеи, поглощавшей все его время и силы. По-видимому, трудно было найти более подходящего человека на эту должность.

Осип Пятницкий входил в высшее политическое руководство Коминтерна и своей партии, ни одно серьезное решение руководства Коминтерна без его санкции внедряться в жизнь не могло. Его роль в Коминтерне некоторые авторы сравнивают с должностью «начальника центрального штаба всемирного коммунистического движения». Руководство эмиграционного антисоветского Русского общевоинского союза (РОВС), генералы Кутепов и Миллер, называли Осипа Пятницкого «шеф-поваром на кухне Коминтерна и мировой революции».

Известный немецкий исследователь спецслужб Третьего Рейха (Абвера, Гестапо, СД) Гейнц Хейне считал моего отца «серым кардиналом» Коминтерна, управлявшим его организацией и финансами. На мой взгляд, каждая из этих характеристик могла бы стать названием книги. Но я решил иначе. Поднятая мною тема близка и дорога мне, сыну героя книги. А как воспримут мой рассказ читатели, особенно молодые? Предоставляя им возможность самим делать выводы о нашем прошлом, я решил назвать свою книгу «Осип Пятницкий и Коминтерн на весах истории».

5. Наконец, мне хотелось бы поблагодарить историка А.И. Колпакиди за помощь, оказанную при работе над некоторыми разделами книги; моего друга генерал-лейтенанта В.П. Черемных за статью обо мне; В.А. Колесникова за финансовую помощь при компьютерном наборе текста, а также наборщицу И. Барулину и фотографа В.М. Меклера.

Владимир Пятницкий

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава I

Становление революционера

Об Осипе Пятницком в советское время вышли несколько книг, были опубликованы его «Избранные воспоминания и статьи», поэтому я лишь вкратце опишу его жизненный путь до октября 1917 г.

Иосель Ориолов Таршис* родился в уездном городке Вилькомир (ныне Укмерге) в Ковенской губернии (ныне Литва) в 1882 г. У моих деда и бабушки Ориоля Янкелевича и Шейны Таршис были четыре сына и три дочери. Отец был самым младшим. В детстве он не получил никакого образования.

Читать он научился самоучкой, не по букварю, а по газетам и листовкам на еврейском, польском, литовском и русском языках, большинство из которых были революционного характера. В семье говорили только по-еврейски. Так что своим образованием он был обязан только самому себе.

В 13 лет родители отдали его в обучение к дамскому портному. Так Иосель стал ремесленником и начал самостоятельную трудовую жизнь.

В конце 1897 г. Иосель перебрался в Ковно (ныне Каунас) к одному из братьев, у которого поселился. Брат был столяром, и мой отец — это получилось как бы само собой — включился в деятельность кружка самообразования и нелегального профсоюза столяров. А оттуда был прямой путь к революционной подпольной деятельности. Интересно, что в Ковно в тот же период начали действовать будущие его соратники по Коминтерну Пранас Эйдукавичюс, Арон Сольц и Викентий Капсукас (Мицкявичюс, или, на русский манер, Мицкевич), а также молодой Феликс Дзержинский. Но с ними Иосель тогда не встречался.

В середине 1898 г. Иосель стал полноправным активным членом как подпольного кружка, так и профсоюза. В 14 лет он уже был профсоюзным вожаком, объединившим вокруг себя товари-

* Иосель Ориолов Таршис — в дальнейшем Иосиф Аронович Пятницкий, позже Осип Пятницкий.

щей по профессии. А в 16 лет (в 1898 г.) окончательно связал свою жизнь с революционным движением. Именно этот год позже считался годом его вступления в РСДРП, хотя формально такая процедура тогда не проводилась.

Нравы в рабочей среде в то время совершенно отличались от нынешних. Солидарность между рабочими была очень велика. Во время стачек они помогали друг другу деньгами, советами, агитацией, задерживали штрейкбрехеров, оказывали помощь арестованным. К предателям относились жестоко. Все это объяснялось крайне тяжелыми условиями труда, низкой зарплатой, полным отсутствием социальных гарантий и льгот в Российской империи. Недаром, когда позже Пятницкий попал в Берлин и познакомился с условиями труда немецких рабочих, то пережил настоящее потрясение.

Одновременно с работой в профсоюзе Иосель посещал два нелегальных политических кружка, которыми руководили интеллигенты: один — по вопросам политэкономии, другой — по общеполитическим вопросам. Большое впечатление на него произвели книга Степняка-Кравчинского «Андрей Кожухов» и книга о Парижской коммуне.

Из Ковно Иосель переехал в Вильно (ныне Вильнюс), где с помощью местных товарищей получил работу и вступил в нелегальный профсоюз дамских портных, а вскоре стал его секретарем и кассиром, не оставляя работы в мастерской. Здесь, в Вильно, в 1900 году произошло первое, если можно так выразиться, боевое крещение Пятницкого. Он участвовал в захвате полицейского участка и освобождении троих арестованных товарищей. Рабочие окружили здание участка, перерезали телефонные провода и устроили настоящий штурм, в ходе которого несколько человек были ранены. Спустя две недели Иосель по поручению подпольной организации обеспечил переход через границу двух женщин из числа освобожденных в полицейском участке. Это был первый случай, когда ему пришлось иметь дело с нелегальным переходом границы — делом, которым он потом занимался в течение 10 лет.

В 1899 и 1900 годы Иосель Пятницкий был одним из организаторов празднования 1 мая в Вильно. Оба раза демонстрантов жестоко избивали казаки и полиция. Подпольная работа Пятницкого в тот период заключалась в организации профсоюза, организации стачек и забастовок, доставке нелегальной литературы из Ковно в Вильно и ее распространении в городе.

В то время среди рабочих Литовского края действовал ряд политических партий разной национальной ориентации. Еврейские рабочие в большинстве своем входили во всеобщий еврейский рабочий союз в России и Польше (Бунд), польские — в Польскую партию социалистов (ППС), литовские — в Литовскую социал-демократическую партию и в Рабочий союз Литвы. В РСДРП объединялись рабочие разных национальностей. Судя по всему, первые два года политической деятельности (до 1900 г.) Иосель был тесно связан с Бундом.

Естественно было бы ожидать, что юноша присоединится к одной из его организаций. Однако с самого начала его привлекала перспектива участия в общероссийской организации. Его привлекали российские газеты и подпольная литература, где освещалось положение трудового люда и развитие рабочего движения, и он с юношеской страстностью отдался созданию общероссийской рабочей партии. Он уже понимал, что угнетение пролетариата происходит от государственной власти, которая находилась в руках самодержца российского и его правительства, следовательно, против них и должна быть направлена борьба трудящихся масс, составляющих большинство народа России. Этот взгляд и привел его в ряды Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП).

В 1900 году в Вильно появился некий слесарь по кличке Файвчик, прибывший из Парижа по поручению группы «Освобождение труда», только что объединившейся с «Искрой». Именно этот Файвчик впервые рассказал Иоселю о программе группы «Освобождение труда» и о подготовке издания газеты «Искра». Он познакомил его с младшим братом Мартова (Цедербаума) — Сергеем Цедербаумом (Ежовым). Последний был уполномоченным от группы, которая подготавливала издание «Искры». Через него стали поступать из-за границы указания, куда следует направлять транспорты с литературой, где их следует получать. Иосель всецело переключился на транспортировку «Искры» в Россию и отправку нужных людей за границу. Эта задача в то время была наиболее актуальной и трудной. Так он стал одним из первых агентов «Искры».

Он говорил на еврейском и литовском, очень плохо на русском и немецком, немного на польском языке. Однако был очень коммуникабельным. Это открывало перед ним сердца и двери людей разных национальностей. И всех, с кем ему приходилось общаться, он увлекал своим личным примером, заставляя помогать ему, то есть работать на революцию.

В то время существовали несколько путей доставки «Искры» в Россию. Одним из них был литовский, самый короткий и самый эффективный. Он начинался в Германии, где печаталась «Искра», шел через западную границу, пограничные литовские города и местечки в Ковно и Вильно, а оттуда ее распространяли по городам всей России.

В 18 лет Пятницкий, как говорится, «оседлал» границу. Он стал незаменимым работником для всех революционных организаций Западного края.

В начале 1901 года во многих городах России стали создаваться по инициативе Ленина группы содействия «Искре». Редакция новой газеты сплотила вокруг себя самоотверженных и преданных делу рабочего класса революционеров-профессионалов, которых называли агентами «Искры». На них легла вся практическая работа по организационному сплочению социал-демократов на местах, по организации доставки в Россию печатного органа партии («Искры») и по ее распространению. Пятницкий был одним из первых среди этих людей.

Он был очень ловок, предприимчив и отважен. Но, несмотря на пылкость натуры, умел сочетать смелость с точным расчетом. Это помогало в работе. Старшие товарищи поручали ему сопровождение транспортов с нелегальной литературой и переправку людей через границу. При этом он находил столько неординарных решений, что вскоре ему стали поручать проведение этих операций не только в своей организации, но и руководители конкурирующих организаций: Бунда, ППС и литовских социал-демократов. Попутно он помогал переправлять националистическую и религиозную литературу. Таким образом он получил в свои руки доступ к конспиративным связям и явкам этих организаций. А через них завел знакомства с контрабандистами разных национальностей по обе стороны российско-германской границы.

В конце концов жандармы «вычислили», кто занимается транспортировкой литературы, и стали разыскивать Пятницкого. Он попросил найти ему заместителя, так как ожидал ареста со дня на день. Однако в начале марта 1902 года, в тот день, когда Иосель и человек, которого нашли ему на смену, — народник Василий Арцыбушев (старше Пятницкого на 26 лет) — собрались ехать в Ковно для передачи связи, Пятницкого арестовали прямо в вагоне поезда. Оказалось, что в этот период произошел крупный провал «искровцев» в Киеве, в результате которого во всех западных губерниях России прошли массовые аресты. Среди прочих в поле зрения

начальника жандармского управления в Киеве генерала Новицкого попал и 19-летний Иосель Таршис (Пятницкий).

* * *

*Из циркуляра директора департамента
полиции Лопухина № 5350
от 21 августа 1902 г.:*

«П. 11. Таршис Ориолов, известный по наблюдению под кличкой «Смуглый», 1882 года рождения, надлежит привлечь в качестве обвиняемого при Киевском Губернском жандармском управлении к дознанию о преступной деятельности социал-демократической группы «Искра» и Киевского комитета социал-демократической партии.

Приметы: телосложение худощавое, брюнет с густыми выющими волосами, маленькие усики, бакенбарды подстрижены, лицо длинное, подбородок острый, типичный еврей с длинным орлиным носом.

...Принимая во внимание, что названные лица (идет перечисление 11 фамилий, в том числе Бауман, Литвинов, Таршис) являются наиболее видными представителями революционного движения, Департамент полиции имеет честь покорнейше просить надлежащие власти принять все зависящие меры к розыску вышеперечисленных лиц и в случае обнаружения подвергнуть обыску, арестовать и препроводить под надлежащим конвоем в распоряжение начальника Киевского губернского жандармского управления и телеграфировать о сем Департаменту полиции».

*Из материалов Киевского губернского
жандармского управления, № 7985
от 5.09.1902 г.:*

«Литер Б-262. Секретно.

Сведения о лице, привлеченном к дознанию в качестве обвиняемого:

Таршис Иосель Ориолович.

П. 18. Место воспитания, образование: — ни в каких учебных заведениях не был. Совершенно не грамотен по-русски и малограмотен по-еврейски.

П. 22. Основания привлечения к дознанию: агентурная связь и данные наблюдения, из коих известно, что Таршис был знаком

многим крупным деятелям и носил в партии конспиративную кличку «Виленец».

Начальник Киевского жандармского управления
генерал-майор Новицкий»

* * *

В Киеве готовилось громкое дело «искровцев». В связи с этим Иоселя перевели в находившуюся в Киеве Лукьяновскую тюрьму. Здесь судьба свела его со многими крупными социал-демократами, среди которых были Николай Бауман, Максим Литвинов (Валах), а главное, наборщик «Искры» Иосиф Блюменфельд, хорошо образованный марксист. Блюменфельд сразу же всерьез занялся политическим образованием Пятницкого. Таким образом, тюрьма стала настоящим «университетом» для молодого Иоселя.

Однако Пятницкий недолго оставался за решеткой. Заключенные «искровцы» готовили побег, в чем Иосель принял самое активное участие. По его каналам на воле нашли паспорта и деньги. Побег был довольно сложным — Лукьяновская тюрьма считалась одной из лучших.

По этому поводу Надежда Константиновна Крупская вспоминала:

«Летом 1902 года из Киевской тюрьмы бежали 11 «искровцев», в том числе и «Пятница», тогда совсем молодой парень. Мы с товарищем Лениным жили в то время в Лондоне. Нас заранее уведомили о готовившемся побеге. Знавшие Киевскую тюрьму товарищи говорили, что это дело совсем немыслимое, и однако побег совершился. «Пятница» был одним из его организаторов»*.

Бежав из тюрьмы 18 августа 1902 г. (он провел за решеткой пять месяцев и четыре дня), после долгих мытарств и приключений отец прибыл в Берлин, где сразу включился в организацию переправки литературы и людей в Россию.

Именно в этот период у него появилась кличка, ставшая фамилией на всю жизнь. Социал-демократки мать и дочь Бахи придумали ему в целях конспирации прозвище Фрейтаг (в переводе с немецкого «Пятница»), так как он постоянно назначал им встречи именно по пятницам.

* Из приветствия ко дню 50-летия О. Пятницкого. «Правда» от 30.01.32 г.

В конце февраля 1903 г. в Берлин приехал член ЦК РСДРП Носков. Вместе с ним Иосель выехал в Лондон, где в то время находилась редакция «Искры». Здесь он впервые встретился с Лениным, Крупской и с другими членами редакции «Искры» — Мартовым, Засулич и Дейчем, а также со своим наставником по Лукьяновской тюрьме Блюменфельдом. Причем с Мартовым и Блюменфельдом у него завязались особенно близкие отношения, он проводил с ними гораздо больше времени, чем с Лениным и Крупской.

На заседании редакции «Искры» речь шла о создании транспортно-пункта «Искры» в Берлине. Пятницкому поручили организовать службу связи Заграничного центра РСДРП с Россией. По возвращении в Берлин началась его активная деятельность уже в новом качестве. Таким образом, на плечи 20-летнего Иоселя Пятницкого легла огромная ответственность, он стал представлять интересы ЦК партии в Берлине. В его руках сосредоточились все конспиративные связи на границах, он осуществлял связь с техническими агентами ЦК внутри России. Берлин был основным центром по снабжению революционной литературой и по переправке функционеров партии через границу. Отсюда велась вся переписка с Россией. Пятницкому приходилось эти письма собирать, расшифровывать и отправлять по месту назначения. Еще до поездки в Лондон он побывал в ряде пунктов на германо-российской границе, восстановил свои старые связи с контрабандистами, а после возвращения из Лондона нашел новый чрезвычайно ценный канал переправки литературы — литовскую католическую организацию, переправлявшую через границу религиозные книги на литовском языке. Именно с той поры Пятницкий специализировался в конспиративной и подпольной «технике» и овладел этим искусством настолько, что после Октябрьской революции ЦК партии поручил ему организовать службу связи Коминтерна.

В это время произошло чрезвычайно важное событие в жизни партии — II съезд. На этом съезде, как известно, осуществился раскол РСДРП на большевиков и меньшевиков. Большинство личных друзей Пятницкого оказались в лагере меньшевиков: Мартов, его политический наставник Блюменфельд, руководитель Берлинской группы РСДРП доктор Вечеслов, большинство членов редакции «Искры» и другие.

Первое время Иосель не мог решить, к какому лагерю примкнуть. Выбор пришлось делать в октябре 1903 г. на съезде Загра-

ничной лиги русской революционной социал-демократии в Женеве. Несмотря на то, что прибывшего на съезд Пятницкого усиленно обрабатывали и Дан, и Мартов, и Блюменфельд, он колебался. Организационные принципы, за которые выступал Ленин, были ему больше по душе. Как человека, постоянно занятого тяжелой практической работой, его раздражали трепачи-политики, оторванные от реальной действительности. После мучительных колебаний Пятницкий стал на сторону Ленина и с тех пор неуклонно следовал по избранному пути, вплоть до своего последнего часа.

И опять — транспортировка нелегальной литературы, переправка людей в Россию, конспирация, риск, постоянные переезды из одной страны в другую.

Вот как описывают работу Пятницкого в то время известные большевики:

В.Д. Бонч-Бруевич:

«Большой транспорт в то время сосредоточивался в руках Пятницкого и Литвинова, которые главным местом пребывания имели Берлин и оттуда управляли границей... Пятницкий был сама воплощенная конспирация — молчаливый, сосредоточенный, но в высшей степени энергичный и настойчивый. Он всегда был завален делами транспортировки нашей литературы и людей»*.

М. Лядов:

«Берлинская конспиративная группа, которую возглавлял Пятницкий, живший под фамилией Фрейтага, вела большую ответственную работу. В ее руках находились все конспиративные связи на границах, ею велись все сношения с техническими агентами внутри России. Это был основной нерв партийной подпольной техники по снабжению России заграничной литературой и переправки работников из-за границы в Россию. Душой этого дела был Пятницкий, живой, энергичный. Он жил только этой работой. Ни о чем, кроме нее, в то время не мог думать. Он формальным образом терроризировал немецких социал-демократов... Пятницкий на своем ломаном языке наседали на какого-нибудь немецкого партийного чиновника, наседали на него до тех пор, пока тот не соглашался выполнять то или иное, необходимое для транспорта дело.

* Бонч-Бруевич. Нелегальная поездка в Россию. М.: «Политиздат», 1932.

Несмотря на это, немцы, с которыми ему приходилось иметь дело, уважали его. И часто в разговорах с немцами, в особенности с рядовыми работниками, приходилось слышать самые лестные отзывы о нем. «Да, — говорили они, — если бы у нас были такие работники, готовые на самопожертвование, как ваш Фрейтаг, дело бы у нас шло лучше. У нас, к сожалению, чересчур много чиновников и мало революционеров...»

«Со всеми этими трудностями Пятницкий справлялся блестяще. Он был как будто специально рожден для конспиративной работы. Он ездил сам по границам, торговался с контрабандистами, буквально «дрожал над каждой партийной копейкой»*.

Осенью того же года Крупская вызвала Пятницкого в Женеву. Здесь он участвовал в собрании большевиков, на котором было решено издавать и транспортировать в Россию новую большевистскую газету «Вперед» вместо перешедшей к меньшевикам «Искры». После выхода нового печатного органа большевиков Пятницкий прекратил отправку меньшевистской литературы в Россию.

В это же время развернулась подготовка к III съезду партии. Пятницкому предстояло переправлять делегатов съезда через границу. При этом он обнаружил за собой усиленную слежку в Берлине, поэтому вынужден был перебраться в Женеву и там организовать новый пункт по приему делегатов. После окончания съезда ему же пришлось, уже из Лейпцига, отправлять их обратно в Россию.

Из-за настойчивых преследований германской полиции новый ЦК, избранный на III съезде партии, отправил Пятницкого на партийную работу в Россию.

В мае 1905 года с мандатом Ленина Пятницкий выехал в Одессу. Он прибыл в этот город уже после восстания на броненосце «Потемкине», сразу же был кооптирован в состав Одесского комитета и стал партийным организатором Городского района.

Секретарем Одесского комитета был хорошо известный Пятницкому по Германии Сергей Гусев (Драпкин), позже один из соратников Пятницкого по Коминтерну.

В одном из писем, адресованных Ленину, Гусев, характеризуя работу Пятницкого, писал:

«Какой великолепный организатор и агитатор Фрейтаг. Вот идеальный работник, вот партийный человек до мозга костей. Прямо не налюбуюсь на него».

* М. Лядов. Из жизни партии. М.: «Политиздат», 1956.

На одном из заседаний Одесского комитета рассматривался вопрос о профсоюзах. На нем выступил и Пятницкий. Обосновывая партийную тактику в этом вопросе, он заявил:

«Нужно идти во все профессиональные союзы. Это лучшая из всех существующих трибун для нашей агитации, даже для агитации вооруженного восстания. Никто не говорит о том, что, беря руководство профсоюзами, мы должны подчиняться «узкопрофессиональным» тенденциям и сузить себя до профессионализма. Наоборот, в своей агитации мы должны постоянно подчеркивать неотделимость профессионального движения от политической организации, от широкого политического движения».

Это предложение одобрили все присутствующие на заседании комитета и приняли за основу для повседневной работы.

Наступило время решительных действий. 12 октября 1905 г. большевистский комитет Одессы призвал рабочих к забастовке и массовой демонстрации. Руководителем демонстрации комитет назначил Пятницкого. 16 октября состоялась демонстрация, в ходе которой произошли настоящие бои рабочих с казаками и полицией.

Тогда же происходил болезненный процесс слияния местных большевистских и меньшевистских организаций. Это позволило успешно провести в Одессе декабрьскую всеобщую политическую забастовку. Спустя две недели после ее окончания, 15 января 1906 г., во время заседания партийного комитета Городского района, Пятницкого арестовала полиция. Его не опознали (он назвал себя Покимунским) и после 6-и месяцев заключения выпустили из тюрьмы под надзор полиции до суда под денежный залог. Если бы агентам охраны удалось выяснить, кого они захватили в свои сети, то ему грозила бы многолетняя каторга, если не петля.

Во время его отсутствия руководство Одесской парторганизации захватили меньшевики. Однако Пятницкий быстро сориентировался и приступил к воссозданию большевистской организации. Но оставаться в Одессе ему было опасно, уже пришла повестка в военный суд. Поэтому, получив от С. Гусева, находившегося уже в Москве, новое задание Заграничного центра партии начать работу в Московском комитете партии, он уехал в Москву. Там он стал руководителем всего конспиративно-технического аппарата Московского комитета.

В недалеком прошлом, руководя Берлинским пунктом, он уже сталкивался с такой работой, тем не менее, многое приходилось делать впервые. Опять чемоданы с двойным дном, панцири, сохранившие прокладку из искусно заложённой литературы, разработка и шифровка корреспонденции, изготовление «липовых» документов, устройство явок, пароли, а самое главное — руководство нелегальной типографией Московского комитета. Много внимания уделял он и паспортному бюро. Через Пятницкого осуществлялись контакты с партийными комитетами южной и центральной России. Приходилось взаимодействовать и с военно-техническим бюро, занимавшимся изготовлением бомб и сложных видов оружия.

Самому Пятницкому семь месяцев пришлось жить без паспорта, по несколько раз в месяц меняя квартиру, ночуя на явках и у друзей.

Накануне Первомайских праздников провалилась нелегальная типография Московского комитета. Пятницкий немедленно взялся за организацию новой типографии и к лету 1907 года, несмотря на огромные трудности, ему удалось запустить ее в районе Сокольников. К тому времени он обзавелся настоящим паспортом на имя грузинского князя Пимена Санадирадзе (в то время он весьма походил на грузина). Но, несмотря на все предосторожности, полицейское кольцо вокруг него сжималось.

В начале 1908 г. по вызову Ленина Пятницкий выехал за границу, в распоряжение Заграничного бюро РСДРП. С большим трудом ему удалось добраться до Женевы. Там ему вновь поручили всю технику Заграничного бюро РСДРП и его конспиративный аппарат.

Опять беспокойная жизнь подпольщика, опять русско-германская граница. Теперь уже не только царская охранка, но и немецкая, французская, швейцарская полиция, помогавшие Охранному Бюро выслеживать связи Заграничного центра с партийными комитетами в России, заинтересовались его фигурой. Вновь началась охота за ним.

Борьба шла не только с охранкой, но и с меньшевиками, которые всячески стремились отобрать у него связи с Россией. Ведь без этого они были генералами без войска.

В такой повседневной работе отработывалась тактика и стратегия организационной работы партии в условиях подполья и конспирации. Эту науку впоследствии Пятницкий успешно внедрял в практику всех партий Коминтерна.

Примечательное событие произошло летом 1909 г. в Лейпциге: сюда приехала старая знакомая Пятницкого еще по Берлину, 25-летняя Нина Маршак. Вскоре она стала его первой женой. В связи с этим надо сказать о ней пару слов. Нина Семеновна Маршак родилась в 1884 г. в Ростове-на-Дону, в семье еврейского купца. Окончила ростовскую гимназию. Еще гимназисткой стала активистской Южнорусской группы учащихся (молодежная социал-демократическая организация), затем выехала в Берн для получения медицинского образования и оказалась в Берлине, где познакомилась с Пятницким. Активно помогала ему в распространении «Искры», которую нелегально провозила в Киев, Полтаву, Ростов-на-Дону и другие города. Во время первой русской революции 1905 года она работала в Москве и Одессе, а после революции вновь помогала Пятницкому в транспортировке литературы через границу.

Надо сказать, что Пятницкий не любил вспоминать о своей первой жене в связи с тем, что после его повторного возвращения в Россию на партийную работу Нина Маршак, оставшаяся в Париже, сошлась с другим крупным большевиком — Алексеем Рыковым, будущим председателем Совнаркома СССР.

Кстати, и Пятницкого и Рыкова, спустя некоторое время после возвращения в Россию, арестовали, и Нина Маршак отправилась к Рыкову в ссылку в Нарым. Интересно, что в 1937 году Нину Маршак арестовали почти одновременно с Пятницким, гораздо позже, чем ее мужа А.И. Рыкова. Перед арестом она занимала руководящую должность в Наркомздраве РСФСР, которым руководил Григорий Каминский. С ним Пятницкий возглавит «заговор» против Сталина на Пленуме ЦК в 1937 г. Погибла Нина Маршак в тюрьме, по всей видимости, в 1944 году.

Жизнь Пятницкого в 1909—1910 гг. была полна опасностей и бесконечных переездов. Его уже знала полиция многих европейских стран. С высшими ее чинами сотрудничали российские сыщики в поисках неуловимого «транспортера» запрещенной политической литературы в Россию Альберта (под этим псевдонимом действовал в то время Пятницкий).

* * *

Из агентурной записки Московского охранного отделения от 15.10.1911 г. об организации партийного транспорта РСДРП:

«Центральный партийный транспорт организован ЦК РСДРП и сначала находился в непосредственном заведовании загранично-

го бюро ЦК, после же уничтожения его «частным совещанием ЦК» весной текущего года, заведование транспортом перешло к организованной упомянутым совещанием «технической комиссии».

Центральный транспорт имеет своей целью доставку русским партийным организациям всех изданий ЦК и изданий других литературных групп, направление которых в данный момент соответствует тактическим и организационным задачам ЦК.

Практическое руководство этой технической организацией и ответственность лежит на двух лицах, избираемых и утверждаемых исполнительным органом ЦК в данный момент — «технической комиссией».

Одно из них, живущее за границей, заведует кассой, составлением транспорта, переправкой его через границу и общей отчетностью. Другое, живущее в России, организует вывозку литературы с пограничных складов и доставку местным организациям.

Заграничным руководителем транспорта в данное время является «Альберт», русским же «Петунников»*. «Альберт» живет в Лейпциге (настоящая его фамилия, кажется, Креймарь, а раньше предполагалось, что это Иосель Таршис). «Альберт» носил раньше кличку «Пятница», работал в Одессе и Москве, в последней, кажется, в 1906 г. заведовал комитетской типографией, очень осторожный конспиратор.

На содержании партии в ее транспортной организации находятся три лица: «Альберт», «Петунников» и «Валериан», остальные лица получают только на расходы по перевозке и распространению.

Приблизительная стоимость транспорта такова: в три месяца отправляется два транспорта по 4 пуда, итого 8 пудов. За переправку их через границу на тот берег 220 руб. Каряевич за хранение и сортировку — 50 руб. Развозка в Петербург и Москву — 65 руб., доставка в Новозыблов — 15 руб., рассылка по почте — 15 руб., содержание работников за три месяца — 500 руб., непредвиденные расходы — 50 руб., всего — 915 руб., т.е. доставка одного пуда, не считая печатания, обходится около 115 руб.»

* * *

Заграничная партийная организация большевиков находилась тогда в крайне тяжелом положении, как и вся РСДРП. В партии существовали несколько фракций, объединявшихся вокруг того или иного издания. Большевики-ленинцы — вокруг газеты «Про-

* Петунников, он же Матвей, это Матвей Иванович Бряндинский, агент охраны.

летарий»; меньшевики-ликвидаторы — вокруг «Голоса социал-демократа»; большевики-примиренцы («партийцы», как они себя называли, — Любимов, Владимиров, Лозовский) — вокруг газеты «За партию»; группа большевиков-отзовистов (сторонники отзыва социал-демократических депутатов из 3-й Государственной думы — Богданов, Алексинский, Луначарский, Лядов) — вокруг газеты «Вперед». В Вене группа «нефракционных» социал-демократов (Троцкий, Урицкий, Иоффе) издавали свою газету «Правда». В такой борьбе мнений, направлений, идей разобраться было крайне трудно. Однако Пятницкий никогда не колебался, он всегда по всем вопросам поддерживал фракцию большевиков-ленинцев.

В начале 1910 г. в Париже прошел пленум ЦК. Было решено объединить все течения РСДРП, создать единый ЦК и центральный партийный орган. В связи с этим решили ликвидировать как меньшевистский «Голос социал-демократа», так и большевистский «Пролетарий» и создать вместо них газету «Социал-демократ», а также оказать финансовую помощь популярной среди рабочих газете Троцкого «Правда».

В конце декабря 1910 г. Пятницкий вновь выехал в Париж. Перед возвращением в Лейпциг он встретился с Лениным. В беседе они обсудили создавшееся после объединения положение, и пришли к выводу, что необходимо воссоздать отдельную большевистскую организацию. Это было связано с тем, что ни одно из условий объединения РСДРП меньшевики не выполнили. Слабые и мало популярные в российском подполье, меньшевики чувствовали себя гораздо увереннее в парижских кафе. На фракционных собраниях они всегда пытались протаскивать своих людей и свои решения, в то время как большевики, тянувшие на себе львиную долю дел, связанных с работой в России, оказались, в результате этих интриг, оттесненными от руководства партии. Это хорошо видели и Ленин, и Пятницкий.

Пятницкому довольно часто приходилось бывать в Париже, и каждый раз он встречался с Лениным. Шла усиленная подготовка к воссозданию большевистской партии, то есть осуществлялись организационные мероприятия для проведения партийной конференции в Праге (знаменитая Пражская партийная конференция). Руководство ее подготовкой легло на плечи Пятницкого. Ему приходилось по несколько раз ездить из Германии в Париж, из Парижа в Прагу и обратно, встречаться и договариваться с чешскими социал-демократами, искать подходящее помеще-

ние, обеспечивая явки, переход делегатов через границу, их размещение и пр.

Конференция открылась 12 апреля 1912 года. Пожалуй, лучше всего говорят о роли Пятницкого в ее проведении документы Московского охранного отделения. На ней в качестве делегатов присутствовали секретные сотрудники московской охраны Р.В. Малиновский, А.С. Романов. Кроме них, хорошо осведомлен был об этой конференции и М.И. Бряндинский. На основании сведений, сообщенных этими тремя осведомителями, и была составлена 9 февраля 1912 года агентурная записка:

«1. Путь следования: техническое оборудование порядка и способ переправки делегатов через имперскую границу и последующей отправки таковых в Прагу всецело было передано на усмотрение главного транспортера ЦК «Альберта» (известного департаменту полиции мещанина Вилькомира Ковенской губернии — Иосифа Ориолова Таршиса, исполнявшего в 1907 году обязанности секретаря Московского комитета РСДРП под партийным псевдонимом «Пятница», проживает в настоящее время в Лейпциге под фамилией Рашковский). Последний связывался с отъезжавшими, не имевшими заграничных паспортов, еще в пределах приграничной полосы, преимущественно в районе Привиленских губерний и организовал данный переход границы при посредстве хорошо известного ему по транспортировке литературы контрабандистов»...

«V. Деятельность нового ЦК РСДРП: тотчас по своем избрании, еще в период заседания конференции, новые члены ЦК успели организовать два своих собрания, результаты коих выразились в следующем:

2. Назначены в редакцию ЦО и в рабочую группу — «Ленин», «Григорий Зиновьев» и «Каменев», каждый с жалованием по 200 франков в месяц.

5. Назначены для переговоров с держателями большевистских денег «Тимофей», «Альберт» (в роли переводчика) и депутат Государственной Думы Политаев.

7. Избраны члены «Русского бюро ЦК» (по терминологии участвующих в заседании цекистов — «исполнительное бюро»), куда вошли: «Тимофей», «Серго» и «Кобо». К ним присоединен в роли разъезжего агента и «Филин», всем поименованным лицам назначено по 50 руб. жалования в месяц... а обязанность главного транспортера ЦО оставлена за «Альбертом».

2 июля 1914 г.»

Владимир Бурцев, руководитель комиссии партии С.-Р. по борьбе с провокаторами, вот что писал по поводу упомянутых лиц (газета «Русское слово» № 84 от 16 апреля 1917 г.):

«Если Малиновский был самым маститым агентом по своему положению в партии (на Пражской конференции был избран членом ЦК РСДРП. — *Авт.*), то Бряндинского, как мы уже сказали, нужно считать самым крупным из провокаторов, работающих в рядах партии».

Позже именно Пятницкий разоблачил Бряндинского и Житомирского как агентов охраны.

Сам Пятницкий вместе с Лениным, Каменевым и Семашко присутствовали на конференции в качестве делегатов от Заграничного центра партии. На конференции его утвердили главным «транспортником» ЦО партии. В качестве первейшего задания ему поручили организацию отправки делегатов конференции назад в Россию.

Летом того же 1912 года Пятницкий встретился с Лениным и Крупской в Лейпциге, а в ноябре переехал в Париж, ибо с переездом центра партии в Австро-Венгрию (Краков) его пребывание в Германии потеряло свое значение. Сразу же после приезда во Францию он был избран членом Комитета заграничных организаций содействия большевикам и одновременно стал агентом «Правды» в Париже.

Пятницкий решил вернуться в Россию, но для того чтобы попасть в гущу рабочих, на крупное производство, он решил овладеть дефицитной в то время в России специальностью электромонтера. В Париже в начале 1913 года была открыта школа электромонтеров «Рашель» для русских эмигрантов, созданная на средства русского богача в честь умершей дочери, имя которой и носила школа. Так 29-летний Пятницкий впервые получил возможность получить хоть какое-то образование.

14 июля 1913 года Пятницкий приехал в Польшу, в Поронино, где в это время находился Ленин. Целую неделю он жил в доме Владимира Ильича, ежедневно общаясь с ним. Тогда, кстати, произошло его знакомство с Григорием Каминским, которому в ту пору было 18 лет, и он только вступал на путь революционной борьбы...

Надо сказать, что отношения между Пятницким и Лениным не были отношениями безусловного подчинения ученика учителя

лю. В частности, расходились их оценки германской социал-демократии, которой Пятницкий в то время безоговорочно восхищался, а Ленин относился к ней весьма скептически.

Такие разногласия проявились и в Поронино. Они касались отношения к социал-демократической партии Королевства Польского и Литвы.

В 1911 г. среди польских социал-демократов произошел раскол. Находившееся в эмиграции главное правление партии во главе с Лео Иогансом Тышкой, которого Пятницкий весьма уважал как старого и опытного революционера-практика, и Розой Люксембург, а также Феликсом Дзержинским и другими, оторвалось от действующих в стране парторганизаций, занимало неверную позицию по вопросу борьбы фракций в РСДРП. Оно фактически играло на руку меньшевикам, что вызвало оппозицию со стороны Варшавской и некоторых других парторганизаций. Образовалась оппозиционная фракция «разломовцев» (т.е. раскольников), в которую вошли многие из будущих соратников Пятницкого по Коминтерну: Карл Радек, Александр Малецкий, Иосиф Уншлихт, Якуб Ганецкий.

На совещании «верхов» ленинцев, происходившем с 25 сентября по 1 октября 1913 года в Галиции, в деревне Белые Дунасы недалеко от Поронино, было решено кооптировать в члены ЦК, кроме Шотмана, также Правдина — рабочего Санкт-Петербургского Александровского завода. И, кроме того, дать полномочия Русской коллегии ЦК кооптировать еще следующих лиц в случае пригодности таковых: неустановленного Алешу «Кавказского», Барвару Яковлеву и Пятницу (он же Альберт, он же Россельберг).

И вот в Поронино у Пятницкого с Лениным произошел серьезный спор по поводу отношения к расколу среди польских социал-демократов. Дело в том, что в это время большевики готовили новый партийный съезд, который так и не состоялся (возможно, из-за того, что Пятницкий не участвовал в его подготовке). В разговоре с Лениным Пятницкий настаивал на приглашении на этот съезд представителей главного правления СДПиЛ. Ленин был категорически против, считая, что достаточно присутствия только «разломовцев», так как они разделяли все пункты ленинской программы. В результате Ленин, который отличался чрезвычайно жестким характером, отстранил Пятницкого от подготовки съезда и отправил его на работу в Россию, что совпадало с желанием самого Пятницкого.

* * *

«№ 6454 от 28 июля 1913 года. Секретно.

По полученным департаментом полиции сведениям, принадлежащий к российской социал-демократической рабочей партии центральный агент той же партии по транспортировке из-за границы в Россию нелегальной литературы, мещанин города Вилькомир Ковенской губернии Иосель Ориолов Таршис (он же «Альберт» и «Пятница») вместе с женой, дочерью Виленского мещанина Антониной (Ниней) Соломоновной Маршак, также принадлежавшей к вышеназванной партии, предлагает приехать в Россию, причем возможно, что Таршис проедет через границу нелегально.

Современный портрет Таршиса следующий: лет 30, ниже среднего роста, сложения слабого, тонкий, грудь впалая, жгучий брюнет, волосы длинные, сзади подстриженные, усы черные, борода тоже черная, окладистая, довольно длинная, нос большой, крючковатый, глаза серые. Одевается в темно-серый или черный пиджачный костюм, шляпа мягкая, светло-серая, с профильным проломом, черное летнее пальто, черные ботинки.

Приметы Маршак, относящиеся к 1910 году, следующие: лет 25, низкого роста, полная брюнетка с полным круглым лицом, нос крючковатый.

Сообщая об изложенном и препровождая при сем фотографическую карточку Иоселя Таршиса (карточки Маршак не имеется), прошу распоряжения о принятии мер в случае появления Таршиса и Маршак в вверенной Вашему наблюдению местности и установления за ними наблюдения, а в случае проживания по подложным паспортам, подвергнуть аресту для выяснения их личности и деятельности.

На пограничных пунктах надлежит обыскивать названных лиц и поступать с ними по результатам обыска, причем, в случае обнаружения чего-либо преступного, предоставить им свободно следовать, уведомив о направлении избранного ими пути начальника подлежащего жандармского управления для установления за деятельностью и сношениями названных лиц наблюдения; в случаях же приезда этих лиц под чужими фамилиями, они подлежат задержанию и передаче в ближайшее жандармское управление для выяснения их личностей и деятельности.

Полковник

Шредель»

* * *

Прежде чем окунуться в российскую жизнь, Пятницкий выполнил несколько поручений Заграничного бюро ЦК в Киеве, Харькове и Ростове, передал рабочим-большевикам Г. Петровскому и М. Муранову (один из наиболее близких Пятницкому людей в послеоктябрьский период жизни) приглашения выехать за границу на совещание ЦК с думской фракцией.

Приехав в Москву, он встретился со своим старым знакомым Л.Б. Красиным, работавшим техническим директором филиала фирмы «Сименс-Шуккерт», и по его протекции получил работу на цементном заводе недалеко от города Вольска. За полгода работы на заводе Пятницкий в совершенстве овладел своей специальностью и через Крупскую сумел установить связь с Заграничным бюро ЦК. Он близко познакомился с жизнью и проблемами рабочих, создал на заводе парторганизацию и удачно провел забастовку.

После Вольска его отправили в Самару на оборудование городского трамвая. 16 апреля он прибыл в этот город, но долго не мог установить связь с местными большевиками. Пришлось обратиться за рекомендацией к Ленину, который написал в самарский еженедельник «Заря Поволжья», находящийся под влиянием социал-демократов, рекомендательную записку на Пятницкого:

«Уважаемые коллеги! Хотел бы Вам сообщить, что в Самаре теперь живет один мой близкий друг Генрих. Он вероятно уже познакомился с Вами или познакомится. Прошу его любить и жаловать — прекрасный человек»...

Рекомендация помогла, и вскоре Пятницкому удалось не только связаться с местными большевиками, но и создать временный Самарский комитет РСДРП, а также получить контроль над еженедельником «Заря Поволжья». Он был в самой гуще самарского пролетариата, вел работу по объединению разрозненных групп большевиков. Опять конспирация, подпольные квартиры, явки, постоянная опасность быть опознанным провокаторами и осведомителями охраны.

Главная задача, поставленная Загранбюро ЦК перед Пятницким: созвать Поволжскую партийную конференцию, а также организовать выборы делегатов от Поволжья на Венский международный социалистический конгресс. Но 29 июня 1914 г. его арестовали.

Шесть месяцев он находился в самарской тюрьме. В конце года суд приговор к трем годам ссылки в Енисейскую губернию. В декабре 1914 г. этап арестантов, в котором находится Пятницкий, отправился в ссылку. Пересыльные тюрьмы Челябинска и Красноярска. Тринадцатого января 1915 г. — этап из Красноярска в Енисейск (пешком 400 верст); из Енисейска до села Богучаны на Ангаре, этапом — 700 верст. Сибирские морозы и метели, а вокруг на тысячи верст тайга*.

Сразу же после обоснования на «новом месте жительства», в деревне Федино, на границе Енисейского и Канского уездов, Пятницкий возглавил местную колонию ссыльных. Ему пришлось участвовать в организации политических ссыльных по всей Ангаре и ее притокам, а также в сходках местных крестьян и организовывать побеги ссыльных. Известный советский генерал, а тогда еще молодой большевик Сергей Иванович Петриковский, находившийся в ссылке вместе с ним, так описывал Пятницкого в тот период:

«Я его помню в расцвете физических сил. Многие из присутствующих здесь знают и помнят его внешний вид, когда кабинетная работа и возраст наложили свои тяжелые руки на товарища Пятницкого, оставив лишь его замечательные и очень красивые глаза, в которых можно было наблюдать то гнев бури, то тепло и ласку.

В ссылке он был очень красивый. Миниатюрный, если так можно выразиться, по сравнению с нами, здоровыми парнями, он был, в то же время, очень пропорциональным и изящным. Было в нем что-то от старых грузинских гравюр...

Наша фединская колония была значительна своей организованностью и товариществом. Мы не знали склок. Много разнообразно работали. Достигли некоторой материальной обеспеченности. Этим мы главным образом обязаны товарищу Пятницкому, его личному примеру и авторитету...

В тяжелых условиях глухой сибирской ссылки он оставался активным и горячим общественником. Он участвовал в организации политических ссыльных на Ангаре и ее притоках, вел с товарищами активную переписку, содействовал и, если было нужно, организовывал побеги товарищей. Он же принимал участие в

* Поневоле сравниваешь этот якобы «жуткий» приговор закоренелому «врагу царизма», за которым полиция гонялась добрый десяток лет, с типичными приговорами советских судов «врагам народа» — расстрел либо 10—15 лет каторжных работ в трудовых лагерях. Да, старый режим был обречен. Вместо того, чтобы отстреливать революционеров всех мастей, он всего лишь убирал их на пару-тройку лет подальше от городов! — *Прим. ред.*

сходках местных сибирских крестьян. Они очень уважали Пятницкого и часто приходили к нему советоваться. То, что фединские крестьяне позднее приняли участие всей деревней в Краснопартизанском отряде против Колчака — также большая заслуга товарища Пятницкого»...

Глава 2

Бурный 1917-й

В Федино Пятницкого застала весть о Февральской революции. В марте 1917 г., по дороге из ссылки, его догнала телеграмма Свердлова, предписывавшая прибыть в Москву, в распоряжении Московского комитета партии.

23 марта Пятницкий вошел в здание Московского Совета рабочих депутатов. Здесь его встретили старые друзья по большевистскому подполью: Смидович, Ногин и Землячка.

На одном из первых после февральской революции заседаний, Московский комитет партии большевиков направил Пятницкого на работу среди железнодорожников. Одновременно МК принял решение о создании экстерриториального железнодорожного района (ЖР). В помощь Пятницкому выделили известных московских большевиков Н. Зимина, А. Амосова, М. Черняка, Г. Аронштама и Ю. Фигатора.

У железнодорожников их рабочие организации строились, с одной стороны, по цеховой принадлежности, с другой — исключительно по линейному (дорожному) принципу. Созывались дорожные съезды, избирались дорожные комитеты. Эти комитеты объединялись в узловое бюро дорожных комитетов. На его основе и возник районный совет Московского железнодорожного узла. Он целиком находился под влиянием эсеров и меньшевиков. Необходимо было организовать железнодорожников в партийном, советском и профсоюзном планах. Это понимали и большевики, и лидеры соглашательских партий.

Началась борьба за определяющее влияние на железнодорожный пролетариат Московского узла. В преддверии дальнейших революционных событий большевики придавали этому участку особое значение.

Что представлял собой железнодорожный район (ЖР) второй столицы России? Он объединял железнодорожников Московс-

кого узла в пределах окружной железной дороги, а сам Московский узел представлял собой перекресток одиннадцати железных дорог, включал целый ряд вокзалов, организаций и производств. Причем все они располагались на территории разных районов города.

Таким образом, ЖР своей территории не имел. Потому его и назвали экстерриториальным. Каждая дорога в пределах окружной составляла самостоятельную единицу, так называемый подрайон, который объединял вокруг себя все железнодорожные предприятия и организации данной дороги. Все подрайоны в свою очередь были объединены в ЖР Москвы.

Но работники железнодорожного транспорта жили в территориальных районах Москвы и Подмосковья, в функции Советов которых входили общегражданские вопросы, обеспечение продовольствием, жилищные проблемы. Это обстоятельство вынудило железнодорожников выдвигать своих представителей также и в территориальные органы власти. Таким образом, влияние железнодорожников в масштабе города значительно возросло. Они имели своих представителей во всех районах Москвы, в Московском Совете и в Московском комитете партии.

Одновременно с железнодорожным районным Советом был создан и железнодорожный райком партии. Он объединял партийные ячейки всех дорог и железнодорожных организаций Московского узла. Создание внетерриториальной партийной организации было вызвано обилием разнообразных специфических вопросов революционной работы среди железнодорожников.

Осип Пятницкий своими помощниками в короткий срок связался с партийными организациями дорог, организовал работу райкома, создал на каждой дороге подрайкомы партии. К лету 1917 г. под его руководством в партию большевиков вступили более полутора тысяч железнодорожников.

На апрельских выборах в исполком Совета ЖР, как и в других местах, в Москве победили меньшевики и эсеры. Тем не менее, уже в мае Пятницкий «завоевал» Совет ЖР и стал его председателем. Обладая железной хваткой и талантом организатора, он организовал перевыборы Исполкома, изгнал из него эсеров и меньшевиков. Простота, ясность и доступность агитации, проводимой большевиками, создавали им прочные позиции среди железнодорожников. В конце концов Железнодорожный районный Совет стал опорным пунктом борьбы за власть на железных дорогах всей страны.

Связь железнодорожного райкома РКП(б) с железнодорожными организациями в тот период времени ограничивалась лишь службой тяги — производственными мастерскими и депо. А службы движения и пути, конторщики и другие служащие для райкома были недоступны. Поэтому райком решил опираться на мастеровых и рабочих, которых на железнодорожном транспорте было большинство.

Работать среди железнодорожников было чрезвычайно трудно. До революции они находились в привилегированном положении. Их даже освобождали от службы в армии во время войны. Поэтому влияние эсеров и меньшевиков, особенно среди железнодорожной верхушки — технических работников и служащих, было значительным.

В конце марта 1917 г. Пятницкого избрали членом железнодорожного райкома партии и его президиума, одновременно он вел большую работу в Московском комитете партии и Моссовете. 3—4 апреля на Московской общегородской партийной конференции Пятницкий избирается в состав Московского комитета и, несколько позже, в состав исполкома Моссовета.

К тому времени на железнодорожном транспорте образовалось несколько узкозамкнутых профсоюзов: машинистов, кондукторов, телеграфистов, конторщиков и другие. Но главная масса железнодорожных пролетариев — рабочих мастерских и депо — профсоюзным движением охвачены не были. Пятницкий сразу обратил внимание на этот факт. Райком партии уполномочил Пятницкого, его соратников Н. Зимина и Г. Аронштама вести организационную работу в сторону создания единого профсоюза железнодорожников.

Они разработали проект устава, который был одобрен пленумом райсовета и передан на рассмотрение местных комитетов. После этого было созвано расширенное совещание представителей местных организаций Московского узла, на котором устав был утвержден. Однако представители меньшевиков и эсеров всячески мешали созданию единого профсоюза, затягивая работу совещания до окончания работы Учредительного съезда всех железнодорожников, который проходил в это же время в Москве и длился около полутора месяцев, начиная с 28 июля 1917 г. Наконец, 7 сентября он избрал свой исполнительный орган — «Викжель» (Всероссийский исполнительный комитет профсоюза железнодорожников), объединивший, главным образом, чиновников и служащих.

Местом расположения «Викжеля» была избрана Москва — железнодорожный центр России. «Викжель» всячески подчеркивал свою самостоятельность, вмешивался во все дела, касавшиеся железнодорожников, и всякий раз накладывал свое вето на те решения, с которыми не был согласен. Большинство в этой организации принадлежало меньшевикам и эсерам. Он был настроен против большевиков и в дальнейшем всячески мешал им в совершении вооруженного восстания и создании Советской власти.

Поэтому Московский комитет поручил Пятницкому организовать борьбу с «Викжелем», ибо разрушение «Викжеля» являлось основным фактором завоевания железных дорог*.

Это обстоятельство заставило руководство железнодорожного райсовета взять на себя функции учредительного органа по созданию единого профсоюза мастеровых и рабочих, который смог бы противостоять «Викжелю». В реализацию этого поручения Пятницкий собрал инициативную группу, объявившую себя организационным бюро по созыву съезда такого профсоюза и определившую сроки и место его проведения.

Расширенное совещание представителей всех организаций Московского железнодорожного узла утвердило устав и создало профсоюз мастеровых и рабочих Московского железнодорожного узла. Примерно в то же время питерские большевики создали по примеру москвичей такой же профсоюз на железнодорожном узле Петрограда. Оба этих союза решили корректировать свои действия по созданию Всероссийского союза железнодорожных мастеровых и рабочих. Но в связи с надвигавшимися революционными событиями созыв учредительного съезда пришлось отложить.

В конце июля Осипа Пятницкого делегировали от Московской парторганизации на VI съезд партии, а 22 августа его избирают в состав Исполнительной комиссии (Бюро) МК РКП(б).

После разгрома в Петрограде июльской демонстрации железнодорожный райком начал форсировать формирование на всех дорогах Московского узла отрядов Красной гвардии как вооруженной опоры власти Советов. При райсовете был создан штаб этих отрядов**.

* Как в 1917 году, так и в последующие десятилетия большевики всеми силами противились созданию профсоюзов, действительно озабоченных условиями труда и заработками своих членов. Им были нужны лишь покорные исполнители любых их решений. Отсюда и борьба с «Викжелем», не желавшим идти на поводу у этих фанатиков и защищавшим именно профессиональные интересы своих членов. — *Прим. ред.*

** Как сказали бы сейчас, большевики создавали свои «незаконные вооруженные формирования». — *Прим. ред.*

В сентябре Пятницкого избрали секретарем Московского комитета (МК) РКП(б). Благодаря своей работе в ЖР, он был в курсе дел всех районов Москвы. Именно этот фактор послужил весомым аргументом для выдвижения его кандидатуры. Несколько позже, в начале октября, на совещании руководящих работников МК происходило обсуждение написанного Лениным «Письма в ЦК, МК, ПК и к членам Советов Питера и Москвы — большевикам». В письме было сказано:

«Очень может быть, что именно теперь можно взять власть без восстания: например, если бы Московский Совет тотчас взял власть и объявил себя (вместе с Питерским Советом) правительством. В Москве победа обеспечена и воевать некому».

Начался жаркий спор. Нашлись горячие головы (будущие «левые коммунисты» Ломов-Апоков, Осинский и Варвара Яковлева), которые предлагали в соответствии с письмом Ленина выступить в Москве. Пятницкий был решительно против. Он считал, что Москва почина восстания на себя взять не может, что она может только поддержать выступление, когда оно начнется в Петрограде.

Аргументы его были, как всегда, убедительны: рабочие в Москве плохо вооружены, связь большевиков с гарнизоном слаба, сам гарнизон на три четверти разоружен (у заподозренных в большевизме частей изъяты пулеметы, ручные гранаты, боеприпасы и даже винтовки). Кроме того, во главе Московского Совета стоят эсеры и меньшевики.

Точка зрения Пятницкого победила. Решено было созвать общегородскую партконференцию, на которой и обсудить вопрос о вооружении восстания. Десятого октября состоялась конференция, которая высказалась за восстание, поручив МК его подготовку. На следующий день Пятницкий выехал в Петроград. С 11 по 16 октября он находился в столице, где встретился с Лениным, Свердловым и другими руководителями партии. Он рассказал им о положении, сложившемся в Москве, о том, почему Москва не может взять на себя почина восстания, но обещал твердую поддержку в случае выступления в Петрограде.

Тринадцатого октября при личной встрече Пятницкий получил от Ленина согласие баллотироваться в Учредительное собрание от Московской организации. Они обсудили вопросы подготовки и проведения будущего восстания.

В начале октября по настоянию Пятницкого МК создал так называемую хозяйственную комиссию МК, которой поручили организационно-техническую подготовку вооруженного восстания. Пятницкого ввели в состав этой комиссии и сделали ответственным перед МК за ее работу.

17 октября, после своего возвращения из Москвы, О. Пятницкий провел в помещении железнодорожного райкома межрайонное собрание московского партактива. С докладами на нем выступили он и Варвара Яковлева. Пятницкий рассказал о своих встречах с Лениным и другими руководителями партии в Петрограде. Его, вместе с соратниками по большевистскому подполью М. Владимирским и И. Цивцивадзе, избрали секретарями МК РКП(б). 19 сентября О. Пятницкий был избран в новый состав Исполкома Моссовета.

22 октября на заседании МК Пятницкий от имени секретариата заявил, что организация работы МК рассчитана на работу в мирное время, а для работы в условиях подготовки к вооруженному восстанию необходимо изменить организационную структуру МК. Он предложил создать ряд комиссий, в том числе военную и по Красной гвардии, а также Боевой партийный центр, которому поручить руководство подготовкой и проведением вооруженного восстания в Москве.

25 октября О. Пятницкого и М. Владимирского МК избрал в Боевой партийный центр по руководству восстанием. Кроме них, в него вошли представители от Областного бюро — В. Яковлева и И. Стуков; от Московского окружного комитета — В. Соловьев, от Военного бюро — Е. Ярославский; от профсоюзов — Б. Козелев. На другой день в Партийный центр был введен В. Подбельский.

Партийный центр сразу же послал во все районы Москвы руководящие указания и направил уполномоченных, чтобы следить за их реализацией на местах. Были отданы распоряжения по захвату телеграфа, телефона и почтамта. Для защиты Моссовета был вызван самокатный батальон.

Вечером того же дня объединенный Пленум Советов рабочих и солдатских депутатов, по предложению большевиков, приступил к избранию Военно-революционного комитета Москвы (МВРК). Первоначально МВРК состоял из семи человек и шести кандидатов. В последующие дни его состав увеличился за счет кооптации. В МВРК вошли члены Боевого партийного центра О. Пятницкий и М. Владимирский.

Боевой партийный центр был наделен диктаторскими полномочиями. Он стал коллективным руководителем революционной борьбы московского пролетариата: зорко следил за тем, чтобы МВРК, районные Советы и их боевые органы не уклонялись от выполнения партийной линии, неоднократно выправлял половинчатые решения и откровенные ошибки МВРК. К сожалению, по непонятным причинам в советской исторической и мемуарной литературе деятельность Боевого партийного центра замалчивалась.

Двадцать шестого октября Пятницкий провел объединенное заседание райкома и Совета ЖР, на котором были образованы, по аналогии с городскими структурами, Боевая «пятерка» и Военно-революционный комитет Московского железнодорожного узла. Были даны указания всем дорогам о создании там своих ВРК и немедленном захвате вокзалов.

Таким образом, к началу Октябрьской революции Пятницкий являлся одновременно членом Исполкома Моссовета, секретарем МК, членом Боевого партийного центра и ВРК Москвы, а также председателем Железнодорожного Совета, руководителем боевой партийной «пятерки» и ВРК ЖР. Он руководил всей деятельностью московских железнодорожников в октябрьские дни 1917 года.

Совет ЖР располагался в Царском павильоне у Николаевского вокзала. Туда переехали и райком партии, и партийная боевая «пятерка». Там же находились штаб ревкома района, и штаб Красной гвардии. (Позже все эти организации переехали в здание бывших женских курсов на Ново-Басманную улицу, дом 2).

Вообще ЖР в дни Октябрьских событий играл очень важную роль. Он созывал в Москве депутатов железнодорожных советов из губерний центральной России, влиял на железнодорожные организации отдаленных районов.

Задачи, которые поставил МК перед железнодорожной партийной организацией, были непростыми.

В политическом плане требовалось ликвидировать «Викжель», распространить влияние большевиков из центра с большими массами железнодорожного пролетариата по линии железных дорог на всю сеть путей сообщения, на их предприятия, станции, полустанки и разъезды, по всем местам, где имеются работники железнодорожного транспорта.

В производственном плане нужно было добиться, чтобы Московский железнодорожный узел работал бесперебойно, ибо его остановка означала смерть для пролетарской республики.

Боевой партийный центр потребовал от железнодорожников установить контроль над всеми вокзалами Москвы, не пропускать к Москве ни одного эшелона враждебных войск и, наоборот, обеспечить прибытие в Москву революционных отрядов из Петрограда и других мест.

ВРК каждой отдельной дороги постоянно были в курсе дел по всей линии своей дороги и контролировали не только движение по ней, но и телефонно-телеграфную связь. Поэтому районный ВРК, тесно связанный с железнодорожными организациями всех дорог, был в курсе дела передвижения войск и казачьих отрядов. Он всячески противодействовал их передвижению и высадке. Осуществлялось это следующим образом. Когда ВРК района получал известие, что по Александровской дороге движется в сторону Москвы какой-то воинский эшелон, он давал распоряжение «манежить» его на полустанках до выяснения, кто и зачем пытается попасть в Москву. Пока разведка не давала ответ на эти вопросы, эшелон «мариновали» на каждом полустанке, а затем перегоняли на окружную дорогу и кружили по ней вокруг Москвы.

Когда же разведке удавалось выяснить его принадлежность, то он либо пропускался по назначению, либо загонялся в тупик Николаевской ветки к казармам революционных солдат и красногвардейцев и разоружался ими. Бывали случаи, когда вокруг Москвы «гоняли» по пять эшелонов в день, не давая им встретиться.

Поначалу захват власти большевиками в Москве проходил довольно успешно. В Ивано-Вознесенск, Кострому, Владимир, Тулу, Брянск, Нижний Новгород и другие промышленные центры, входившие тогда в Центрально-промышленную область, были посланы телеграммы, извещавшие о начале восстания. В Москве по районам было дано указание привести все силы в боевую готовность. Солдаты 56-го пехотного запасного полка и самокатного батальона установили охрану почтамта, телеграфа и здания Моссовета. С 26 октября был прекращен выпуск буржуазных газет.

25—27 октября образовались районные ВРК, состоявшие, главным образом, из большевиков. МВРК располагал значительными силами Красной гвардии и опирался на революционных солдат гарнизона. Красная гвардия накануне восстания насчитывала около шести тысяч человек, к началу ноября — около 30 тысяч. На стороне МВРК было большинство солдат гарнизона

(55, 56, 85, 192, 193, 251-й пехотные запасные полки, две запасные артиллерийские бригады, телеграфно-прожекторный полк, самокатный батальон, две автороты). Однако из-за нехватки оружия из 30 тысяч солдат могли выступить не более 5—6 тысяч человек.

Серьезной силой являлись «двинцы» — революционные солдаты, главным образом, 5-й армии Северного фронта, заключенные в конце июня 1917 года в Двинскую военную тюрьму за выступления против войны и Временного правительства. В начале сентября 869 солдат-двинцев перевели из Двинска в Москву, в Бутырскую тюрьму. Здесь они объявили голодовку. Моссовет создал специальную комиссию по освобождению «двинцев». В результате требований московских рабочих «двинцев» 22 сентября освободили и разместили в двух военных госпиталях — Савеловском и Озерковском. Большинство «двинцев» были анархистами, но так как в то время анархисты примыкали к большевикам, то во время революционных событий они сражались на стороне большевиков.

Контрреволюционный лагерь тоже мобилизовал силы. 25 октября Городская дума избрала Комитет общественной безопасности (КОБ) во главе с правым эсером, городским головой В.В. Рудневым и командующим войсками МВО полковником К.И. Рябцевым.

КОБ опирался на юнкеров Александровского и Алексеевского военных училищ, шесть школ прапорщиков (из них две заявили о своем нейтралитете), многочисленных офицеров гарнизона или приехавших с фронта, сотню казаков, отряды «домовой охраны». К началу боев активные силы контрреволюции не превышали 6 тысяч человек, но они были хорошо вооружены и обучены. В дальнейшем их численность увеличилась. Главные надежды КОБ возлагал на войска, о движении которых с фронта к Москве поступали сообщения из Ставки и от командования Западного и Юго-Западного фронтов. Предполагалось также сформировать в Москве новое временное правительство России.

Рабочие и революционные солдаты контролировали окраинные районы города, а также вокзалы. В Кремле находились пять рот 56-го пехотного запасного полка, верных революции. 26 октября сюда была введена рота 193-го полка. Комиссаром Кремля был назначен Е. Ярославский, комиссаром Арсенала — прапорщик-большевик О. Берзин. МВРК разместился в доме генерал-губернатора, откуда поддерживал связь с районами.

Главные опорные пункты контрреволюции находились в центральной части города — Городская дума на Воскресенской площади, где заседал КОБ, гостиница «Метрополь» на Театральной площади, Манеж на Моховой, штаб Московского ВО на Пречистенке, Александровское военное училище на Знаменке, провиантские склады и здания лица цесаревича Николая на Крымской площади. Кроме того, в разных районах находились 5-я школа прапорщиков (Хамовническо-Дорогомиловский район), Алексеевское училище и кадетские корпуса (Басманный район), Крутицкие казармы (Рогожский район). Юнкерские отряды блокировали Кремль и не допустили вывоза оттуда оружия, необходимого Красной гвардии.

Численное превосходство, выгодность положения, инициатива и моральный перевес вначале были на стороне революционных сил.

Боевой партийный центр (БПЦ) приказал перейти в наступление против войск МВО для снятия блокады Кремля. Но этот приказ не был выполнен. Пятницкому пришлось разбираться в этом. Само собой получилось, что он стал одним из руководителей боевого партийного центра, хотя никто на этот пост не избирался, да и поста такого вообще не было.

О роли Пятницкого в дни Октябрьского восстания в Москве позже рассказал его соратник, член Боевого партийного центра, секретарь Московского комитета М.Ф. Владимирский в своей книге:

«Здание Моссовета представляло собой вооруженный лагерь, где были постоянно тысячи народа. Сюда тянулись рабочие из районов, солдаты из казарм, здесь формировались воинские части. Здесь был не только военный штаб, но и штаб партийный. Сюда приходили из райкомов за информацией, указаниями и т. д. Как в дни Октября приходили ежедневно в «Дрезден» в МК, так тянулись теперь к товарищу Пятницкому в Моссовет. Здесь же в «пятерке» (боевой партийный центр. — *Авт.*) были секретарь областного бюро и члены окружки — сюда шли за связью из губерний и областей. Из здания Моссовета шли боевые приказы районным ВРК и их штабам и партийные директивы».

Когда Пятницкий стал выяснять, почему не выполняются указания БПЦ, оказалось, что председатель Моссовета Ногин без разрешения начал переговоры с командующим МВО полковни-

ком Рябцевым. КОБ пошел на переговоры, чтобы оттянуть время и создать выгодную для себя обстановку.

МВРК согласился на вывод из Кремля роты 193-го полка при условии снятия блокады с Кремля. Утром 27 октября эта рота покинула Кремль. Вместе с ней покинул Кремль и комиссар Кремля Е. Ярославский, причем без разрешения БПЦ. В Кремле остался прапорщик Берзин, еще вчера назначенный комендантом Кремля и Кремлевского арсенала. Но юнкера блокаду с Кремля не сняли.

Далее Рябцев предъявил ультиматум, потребовал упразднения МВРК и вывода из Кремля всех революционных частей. Когда этот ультиматум был отвергнут, КОБ приступил к осуществлению своего плана подавления восстания. Чтобы изолировать рабочие районы, прежде всего Замоскворечье, от центра города, юнкерские патрули заняли Москворецкий, Каменный и Крымский мосты.

Вечером 27 октября на Красной площади произошло столкновение между отрядом «двинцев», следовавшим из Замоскворечья к Моссовету, и юнкерами. Понеся значительные потери, «двинцы» пробились через площадь. В бою был смертельно ранен их командир Е.Н. Сапунов. В ночь на 28 октября отряды юнкеров совершили налет на Дорогомиловский ВРК. Другой юнкерский отряд захватил Дорогомиловский мост, рассчитывая удержать его до прибытия на Брянский (ныне Киевский) вокзал войск с фронта. Ночью юнкера укрепились на Садовом кольце от Крымской до Смоленской площади, отрезав Хамовническо-Дорогомиловский район от центра.

Утром 28 октября Рябцев по телефону предложил коменданту Кремля О. Берзину сдать Кремль, заявив, что город находится под его контролем, а МВРК арестован. Не зная действительного положения вещей и не имея связи с МВРК, Берзин ему поверил и открыл Троицкие ворота. Ворвавшись в Кремль, юнкера расправились с солдатами 56-го полка, расстреляв из пулеметов более 300 человек. Закрепившись в здании Градоначальства на Тверском бульваре, белогвардейцы создали угрозу Московскому Совету депутатов. Связь МВРК с районами была нарушена. Часть членов БПЦ и МВРК покинули здание Моссовета и ушли в районы. Боевую инициативу перехватили юнкера.

Осип Пятницкий был взбешен поступком Емельяна Ярославского. На созванном им совместном заседании БПЦ и Секретариата МК с приглашением партактива военных органов районов

Москвы он устроил разбор событий последних дней и трагедии, произошедшей в Кремле после его сдачи. На этом совещании руководители районных ВРК обвинили Е. Ярославского в трусости и предательстве интересов революции, а член МК, руководитель коммунистов Замоскворечья Розалия Землячка потребовала его расстрела. Пятницкому с трудом удалось погасить нервный всплеск эмоций, разыгравшийся на заседании, и перевести ход его на разрешение проблем, возникших в связи со сдачей Кремля. Ярославскому за сдачу Кремля было вынесено строгое партийное взыскание*.

Как показали дальнейшие события, Сталин не забыл этого эпизода биографии Емельяна Ярославского и этим постоянно держал его в повиновении. В то же время по его указанию Ярославский, единственный из всех членов БПЦ, за московское вооруженное восстание был награжден орденом Красного Знамени. Подобную тактику «кнута и пряника» Сталин применял всегда.

В этот тяжелый момент ВРК Москвы выделил Пятницкому в помощь унтер-офицера самокатного батальона М. Сафонова вместе с его мотоциклеткой. Так Пятницкий впервые получил личный транспорт и личного охранника. С того момента Михаил Абрамович Сафонов стал верным товарищем и спутником Пятницкого на всю жизнь. Он был водителем его служебной машины и в Коминтерне, и в ЦК партии.

Безусловно, день 28 октября стал самым критическим для только что установившейся власти Советов в Москве. БПЦ и МВРК ничего не знали о том, что делается в Петрограде. Этим пользовались эсеры и меньшевики, распространявшие слухи о том, что в Петрограде большевики побеждены, что всех большевистских вождей перебили и т.д. МК и Моссовету надо было обязательно связаться с ЦК партии и революционными органами Петрограда, а центральный телеграф Москвы хотя и был занят красногвардейцами, но из-за саботажа служащих не работал.

По решению БПЦ Пятницкий направился в Железнодорожный ревком. Необходимо было немедленно установить связь с Петроградом, выяснить обстановку на дорогах и вокруг города. Прибыв в здание Николаевского вокзала, он узнал, что ревком уже установил связь с городами Московской области. Он был

* Какое «страшное» наказание! Примерно так же «наказали» в 1920 году Георгия Пятакова, Председателя временного рабоче-крестьянского правительства Украины за то, что по его приказу в Крыму расстреляли около 100 тысяч сдавшихся офицеров, унтер-офицеров и солдат войск Врангеля, а также мобилизованных жителей Крыма. — *Прим. ред.*

связан собственной телефонной линией со всеми вокзалами Москвы, а через Николаевский вокзал со всеми железными дорогами. Таким образом, он был в курсе того, что происходило на железных дорогах вокруг Москвы.

Из сообщений членов Железнодорожного ревкома выяснилась вся сложившаяся обстановка. На всех вокзалах были созданы отряды Красной гвардии из железнодорожников. Они успешно обеспечивали порядок на железных дорогах, разоружали офицеров и юнкеров, прибывавших на вокзалы, не допускали к высадке воинские части, политическая ориентация которых была сомнительна, защищали вокзалы от нападения офицеров и юнкеров.

Железнодорожники задерживали движение войск, враждебных ВРК, разбирая железнодорожные пути на подступах к Москве. Вокруг Москвы по окружной дороге кружили эшелоны с воинскими частями, враждебными Советам. Железнодорожный ВРК предупредил руководство «Викжель», что в случае пропуска при его содействии войск, враждебных Совету, его работники будут немедленно арестованы и ревком займет их место.

Одобрив работу ревкома и поручив ему немедленно организовать поиски оружия и боеприпасов на подъездных путях к Москве, Пятницкий направился в управление Московского отделения «Викжеля» с надеждой установить связь с Петроградом. Договориться не удалось. Но Пятницкий узнал, что Московское бюро «Викжеля» было связано с Министерством путей сообщения в Петрограде проводом, который шел через Северный вокзал. А там были свои надежные люди. Они помогли Пятницкому связаться с Петроградом, и он узнал, что «власть удерживается крепко! Образован Совет народных комиссаров во главе с Лениным». У Пятницкого отлегло от сердца. Правительство Советов создано!

Закончив разговор с Петроградом, Пятницкий поинтересовался у связистов, можно ли взять под контроль этот провод и контролировать разговоры «Викжеля» со Ставкой Главкома, командованием Западного фронта и руководителями Московской контрреволюции. Выяснилось, что технически это возможно. Пятницкий распорядился организовать перехват телефонных и телеграфных переговоров, взяв их под неусыпный контроль.

Это положило начало созданию железнодорожной «контрразведки». С того момента ВРК района, а через него и МВРК получили возможность контроля над передвижением войск контрреволюции, своевременной организации их встречи, разоружения или хотя бы задержки.

Вернувшись в помещение ревкома, Пятницкий узнал, что красногвардейцы Казанской дороги обнаружили на подъездных путях несколько вагонов с винтовками. Разоружив охрану и захватив оружие, они по распоряжению БПЦ стали раздавать найденные винтовки по районам для вооружения отрядов Красной гвардии. Так вооруженные силы революции получили 40 тысяч винтовок. Но без патронов они были бесполезны.

Пятницкий распорядился послать экспедицию на патронный завод под Симеоновским монастырем, но администрация завода отказалась выдать патроны. Тогда с помощью вооруженного отряда солдат из ближайшей воинской части завод заняли красногвардейцы, администрацию арестовали, а патроны стали выдавать представителям районных ревкомов. Это существенно изменило боевую обстановку в пользу большевиков.

Выполнив поручение БПЦ, Пятницкий вернулся в здание Моссовета на Скобелевскую площадь, где встретился с Усиевичем, который ознакомил его со сложившимся положением в центре города. Утром 28 октября МВРК, МК и Центральный совет профсоюзов обратились к рабочим Москвы с призывом начать всеобщую политическую забастовку и поддержать МВРК. Резко увеличился приток рабочих в Красную гвардию. Активизировались и солдаты Московского гарнизона. В этот день революционные отряды перешли в решительное наступление, стремясь вновь овладеть инициативой.

Наступление шло от окраин к центру. Особое место занимало Замоскворечье, ставшее базой восстания. Там вместе с рабочими отрядами дрались солдаты расположенного в Замоскворечье 55-го пехотного полка и «двинцы». Из Замоскворечья отряды двинулись через Крымский и Каменный мосты. Овладеть Каменным мостом сразу не удалось. Прорвавшись через Крымский мост, отряды завязали бои в районе Остоженки и Пречистенки, соединились с красногвардейцами Хамовническо-Дорогомиловского района и совместно с ними повели наступление на здание лицея и Провиантских складов.

Отряды соседних районов — Благуше-Лефортовского, Басманного, Рогожского и Симоновского — сосредоточили усилия на взятии Алексеевского военного училища. Красногвардейцы северных и северо-западных районов — Сущевско-Марьиного, Бутырского и Пресненского — в этот день активных боевых действий не вели, прикрывая свои районы от возможного нападения из центра и охраняя окраины на случай подхода с фронта войск.

В Сокольническо-Богородском районе находились крупнейшие вокзалы — Николаевский (ныне Ленинградский), Ярославский и Казанский. Сюда прибывали красногвардейцы из других городов, отсюда поддерживалась связь с Петроградом.

К исходу дня 28 октября красногвардейские и солдатские отряды блокировали центр города. Надежды контрреволюции на прибытие с фронта войск не оправдались. Рабочие Вязьмы и Тулы задержали эшелоны с казаками. Полесский комитет РСДРП(б) 29 октября сообщил в ЦК партии: «Контроль над продвижением войсковых эшелонов нам удалось установить, и никакие эшелоны на Петроград в Москву нами не пропускаются».

29 октября спецотряд, сформированный из красногвардейцев, солдат 55-го и 85-го пехотных запасных полков, самокатчиков и «двинцев» под командой левого эсера прапорщика Ю.В. Саблина, атаковал и захватил здание Градоначальства на Тверском бульваре. Одновременно от противника были очищены Тверская улица и часть Охотного ряда. Угрозы Моссовету больше не существовало, между ним и районами восстановилась связь.

К вечеру были отбиты захваченные юнкерами накануне Почтамт и Центральный телеграф на Мясницкой улице. Рабочие Пресни, выйдя на Кудринскую площадь, повели наступление в сторону Никитских ворот. Ожесточенные бои развернулись на Остоженке и Пречистенке. Сводные отряды четырех районов захватили три из пяти корпусов Алексеевского военного училища.

Под натиском красногвардейских отрядов кольцо, окружавшее центр города, сжималось все больше и больше. Вместе с этим улучшалось общее стратегическое положение большевиков в городе. Покончив с контрреволюционными силами у себя в районах, ревкомы посылали свои отряды на помощь центру. Началось энергичное наступление на Кремль. Попытки юнкеров прорваться из Китай-города через Варваровские ворота к Воспитательному дому потерпели поражение. Их наступление у Каменного моста было отбито. Боевая инициатива перешла полностью в руки МВРК.

В этой обстановке «Викжель» в Петрограде 29 октября ультимативно потребовал создания однородного социалистического правительства. С подобным же требованием выступило и московское бюро «Викжеля». Одновременно оно, по согласованию с «Комитетом спасения родины и революции», потребовало установить с 24 часов 29 октября перемирие между силами революции и контрреволюции и приступить к переговорам о создании однородного социалистического правительства.

К тому моменту военная обстановка сложилась таким образом, что в Москве подобное перемирие было крайне невыгодно большевикам, поскольку бои в городе были в самом разгаре, и оно давало передышку контрреволюционным силам. В Петрограде, наоборот, перемирие играло на руку большевикам, так как позволяло лучше подготовиться к обороне города от наступающих войск генерала Краснова. С другой стороны, А.Ф. Керенский тоже рассчитывал за время перемирия подтянуть верные ему войска к Петрограду.

МВРК пошел на заключение перемирия, которое было объявлено на сутки с 12 часов ночи на 30 октября. Это стало серьезной ошибкой МВРК, давшей противнику, находившемуся в критическом положении, передышку и возможность перегруппировать силы, чтобы продолжать сопротивление.

Пятницкий был возмущен соглашательской политикой Моссовета и ВРК Москвы. Районные ревкомы требовали активных действий. По категоричному требованию БПЦ 30 октября переговоры, оказавшиеся безрезультатными, были прерваны. Поздно ночью МВРК издал приказ, предписывавший всем революционным войскам и отрядам Красной гвардии перейти в наступление. «Викжель» опять попытался вмешаться и потребовал продлить перемирие. Но БПЦ по требованию Пятницкого и Владимирского оставил его без внимания.

В полночь в Москве разгорелись бои с еще большим ожесточением. В ночь на 31 октября МВРК двинул свои силы в решающее наступление и обратился к Советам ряда городов, где уже утвердилась Советская власть, с призывом прислать подкрепление. В Москву прибыли 350 человек из Серпухова, около 800 человек из Подольска, около 400 человек из Звенигородского уезда, 150 человек с Мытищинского завода, 500 солдат из Мызороевского гарнизона, красногвардейские отряды из Орехово-Зуева, Клина, Владимира, Иваново-Вознесенска и других городов. Из Петрограда в Москву был выслан сводный отряд солдат, матросов и красногвардейцев. Всего на помощь Москве из других городов прибыли не менее 5 тысяч бойцов.

В течение 1 ноября были захвачены здания Исторического музея и Городской думы. КОБ укрылся в Кремле, по которому МВРК приказал открыть артиллерийский огонь с Вшивой горки, с Воробьевых гор, из Китай-города и от Крымского моста. Утром 2 ноября Руднев, поняв бесполезность сопротивления, обратился к МВРК с предложением прекратить вооруженную

борьбу. Пока шли переговоры о капитуляции сторонников Временного правительства, военные действия в городе не прекращались. С боем была взята гостиница «Метрополь». Орудия, установленные на Никольской улице, прямой наводкой били по Никольским воротам Кремля. Продолжали сопротивление Александровское военное училище на Знаменке и 5-я школа прапорщиков у Смоленского рынка.

В семнадцать часов 3 ноября революционные силы вступили в Кремль. Днем началось разоружение юнкеров в Александровском военном училище и в других пунктах. В этот день МВРК обратился с манифестом ко всем гражданам Москвы, извещавшим о победе Советской власти. В ходе восстания революционеры потеряли около тысячи человек.

Условия прекращения боевых действий вызвали возмущение среди красногвардейцев. Они никак не могли понять, почему пленным офицерам сохраняют холодное оружие и под честное слово отпускают на все четыре стороны. Они не могли забыть своих товарищей, коварно расстрелянных в Кремле и жаждали расправы. Членам БПЦ и ВРК с трудом удалось успокоить возбужденных красногвардейцев.

По окончании боев в Москве 4 ноября Пятницкий выступил с докладом о деятельности БПЦ на совместном заседании Московских городского и окружного комитетов и областного бюро партии.

Позже он подробно описал подготовку и проведение вооруженного восстания в Москве в соответствующей главе «Истории Гражданской войны», членом редакционной коллегии которой являлся. Но известный советский историк, академик Минц, после ареста Пятницкого присвоил себе его работу, вычеркнув в угоду Сталину, фамилию Пятницкого из истории Октябрьской революции и Московского вооруженного восстания. В то время подобное случалось очень часто.

После реабилитации отца мы с братом добились рассмотрения этого вопроса в КПК при ЦК КПСС. Вопрос этот рассматривался в присутствии академика Минца и секретаря ЦК П. Поспелова. Наша претензия была ими признана.

Можно заметить, что в отличие от Петрограда, в Москве действия большевиков характеризовались определенной вялостью и нерешительностью. Это привело к затягиванию военных действий и увеличило количество жертв с обеих сторон, не говоря уже об уроне, нанесенном историческому центру Москвы во время боев.

Причина этого заключалась в том, что в рядах московских большевиков не было идейного единства. Фактически существовали два течения: умеренное и радикальное.

Радикалы были сосредоточены, в основном, в Московском областном бюро РСДРП(б). Это были А. Бубнов, А. Ломов, Н. Осинский (Оболенский), В. Яковлева, И. Стуков и другие. Все они после победы революции оказались в рядах «левых коммунистов». С весны 1918 г. Московское областное бюро являлось организационным центром «левых коммунистов» во всероссийском масштабе.

Умеренная же часть московских большевиков группировалась вокруг большевистской фракции Моссовета и Московского комитета РСДРП(б). Бесспорными лидерами их были В. Ногин и П. Смидович. Именно эти руководители большевиков шли на переговоры с Рябцевым, постоянно стремились заключить перемирие в самый неподходящий момент, склонялись к идее создания пресловутого «однородного социалистического правительства».

Пятницкого нельзя отнести ни к первому, ни ко второму течению. В период боев он занимал твердую решительную позицию. Как уже сказано выше, именно он, пользуясь своим влиянием среди железнодорожников, организовал успешные поиски спрятанного оружия для революционных сил. В самый решительный момент восстания, когда меньшевики и эсеры распространили слух о поражении восстания в Петрограде, он связался через своих друзей-железнодорожников с Петроградом и выяснил истинное положение дел в северной столице. В дальнейшем он лично руководил красногвардейскими отрядами, участвуя в различных схватках с юнкерами.

Однако уже после победы восстания на состоявшемся в начале ноября совместном заседании МК, областного бюро и окружного комитета партии, он совместно с Е. Игнатовым и П. Кушнером, отстаивая линию ЦК партии о создании власти, внес предложение об образовании в Москве «демократического правительства из представителей всех социалистических партий», представленных на II съезде Советов. Хотя это предложение не прошло, весьма показательна позиция Пятницкого, свидетельствующая о том, что его можно отнести к умеренным деятелям большевизма.

Странно, что в 1937 году сталинские опричники не припомнили Пятницкому этот эпизод.

Глава 3

Годы Гражданской войны

Этот период в биографии Пятницкого до сих пор освещен очень слабо. Мне пришлось «перелопатить» массу материалов, прежде чем я смог правдиво изложить историю его жизни в период с ноября 1917 до конца 1920 гг. А она представляет значительный интерес.

После того, как революционеры захватили власть в обеих столицах — в Петрограде и Москве — они начали «продвигать» новый политический режим (т.е. власть советов рабочих и солдатских депутатов) в глубь страны. Основными линиями такого продвижения являлись железные дороги. В этих условиях контроль над железными дорогами приобрел особое значение.

Несмотря на то, что еще 3 декабря 1917 г. «Викжель» признал переход власти в России к Советам депутатов (на условии передачи ему функций управления железнодорожным хозяйством России), он саботировал большинство указаний и мероприятий этой власти. В результате борьба с «Викжелем» обострилась до предела. Большевикам нужно было в кратчайший срок завоевать влияние на работников железнодорожного транспорта и нейтрализовать «Викжель», ибо от успеха в этом деле напрямую зависела судьба их правительства — Совета народных комиссаров России.

В данной обстановке руководство большевиков направило Пятницкого на железнодорожный «фронт». Он сдал дела в секретариате МК и полностью сосредоточился на работе среди железнодорожников.

10 декабря 1917 года в Петрограде был созван Учредительный съезд профсоюза мастеровых и рабочих железнодорожного транспорта. По предложению большевистской фракции Московского железнодорожного узла, Пятницкого избрали председателем съезда*. Под его руководством съезд принял резолюцию о поддержке власти Совнаркома, осудил позицию «Викжеля», принял устав единого профсоюза мастеровых и рабочих.

Съезд делегировал на созданный «Викжелем» в Петрограде Всероссийский чрезвычайный съезд железнодорожников 98 сво-

* Весьма примечательный факт, ярко характеризующий тактику большевиков. Создается новый профессиональный союз, но работу учредительного съезда возглавляет человек, никакого отношения к данной профессии не имеющий. — Прим. ред.

их участников, предоставив им полномочия действовать от имени вновь созданного профсоюза. Пятницкий возглавил эту делегацию. На чрезвычайный съезд железнодорожников съехались около 700 делегатов от всех железных дорог страны. На нем были представлены все категории работников железнодорожного транспорта «от министра до стрелочников».

Правые эсеры и меньшевики — делегаты съезда — потребовали от представителей Петроградского совета предоставить всем делегатам гарантии того, что их не арестуют за выступления. Большевики и левые эсеры выступили против этого требования. Но съезд большинством в 12 голосов их возражение отклонил. Тогда фракции большевиков и левых эсеров, а также поддержавшие их делегаты, покинули помещение съезда и на другой день собрались в другом месте, тоже объявив себя Всероссийским чрезвычайным съездом железнодорожников.

Заседания этого «параллельного» съезда продолжались с 18 января по 12 февраля 1917 года. Он принял новый тариф зарплаты, позже утвержденный Совнаркомом, принял положение об органах управления на железных дорогах и избрал свой центральный орган — Всероссийский исполнительный комитет железных дорог («Викжедор»). Одним из его руководителей, членом коллегии был избран Пятницкий*.

Другая часть чрезвычайного съезда, созванного «Викжелем», учредила свой центральный орган управления — Всероссийский совет профсоюзов железнодорожников («Всепрофжель»). Он объединял на федеративных началах все профсоюзы отдельных служб, не связанных с Единым профсоюзом железнодорожных мастеровых и рабочих. Его возглавили правые эсеры и меньшевики.

Председателем «Всепрофжеля» был избран левый социал-демократ, интернационалист Соломон Лозовский, с которым позже Пятницкому пришлось неоднократно сталкиваться и бороться во время своей дальнейшей работы. Обе эти новые организации действовали одновременно и параллельно.

Так была выполнена первая задача, возложенная на Осипа Пятницкого ЦК и МК большевистской партии. Ему удалось «взорвать» изнутри «Викжель» как единую структуру управления

* Еще один характерный пример тактики большевиков. Если кто-то осмеливался с ними не соглашаться, они, даже будучи в меньшинстве (как в данном случае), объявляли себя «единственно законными представителями», а своих противников «врагами» и «контрреволюционерами». Такими они были в 1917 году, такими остались до конца своего правления в 1991 году. — *Прим. ред.*

железнодорожным транспортом. А сменивший его «Всепрофжель» уже не обладал прежними возможностями.

Как известно, одним из первых своих декретов Совет народных комиссаров России объявил вне закона партию конституционных демократов (КД), а также закрыл газеты, оппозиционные новому режиму. Несмотря на это, на выборах в Учредительное собрание, состоявшихся 12 ноября 1917 года, большевики получили около 25% голосов избирателей.

Подобное положение вещей категорически не устраивало Ленина, Троцкого, Зиновьева и других руководителей большевиков. По их приказу вооруженные матросы разогнали Учредительное собрание, начавшее свою работу в Петрограде 5 января 1918 года, поскольку оно отказалось принять ряд их ультимативных требований. После этого они приступили к осуществлению радикальных реформ: национализации банков и промышленных предприятий, замене прежних органов управления (губернских, уездных, городских и волостных) советами разных уровней, экспроприации земельных владений, различных зданий и т.п.

Подобные меры вызвали глубокий раскол общества, ожесточенную борьбу между различными политическими и национально-религиозными группами. Весной 1918 года в России началась гражданская война. В то же время попытки стран Антанты помешать выходу России из войны с Германией, Австро-Венгрией и Турцией (3 марта был заключен так называемый «Брестский мир») привели к интервенции ряда иностранных государств.

В 1918 году Пятницкого вновь избрали членом Исполкома Моссовета и одновременно ВЦИК РСФСР. Он состоял в этих представительных высших органах вплоть до 1922 года, продолжая одновременно заниматься вопросами управления железнодорожным транспортом. В то же время для этой цели был создан Наркомат путей сообщения (НКПС). В его ведение передали решение вопросов труда и быта железнодорожников. Но для того существовали профсоюзы. Начались трения, неувязки, борьба самолюбий. Требовалось принимать срочные меры для изменения сложившейся ситуации.

23 марта 1918 года Совнарком своим декретом разделил функции управления железными дорогами. НКПС получил административные функции, а «Викжедор» стал высшей контрольной организацией, но без административных прав. После этого шага управление железными дорогами полностью перешло в руки Совнаркома. А в стране уже началась гражданская война. От

бесперебойной работы транспорта зависела судьба власти Советов. По железным дорогам осуществлялась доставка хлеба в промышленные центры, переброска войск, обеспечение фронтов продовольствием и боеприпасами. С другой стороны, надо было мешать силам Белого движения делать то же самое в своих интересах. Кроме того, приходилось охранять и ремонтировать железные дороги и подвижной состав.

Решением всех этих задач пришлось заняться райкому партии железнодорожного узла и лично Пятницкого, так как он нес персональную ответственность перед МК и ЦК партии за работу Московского железнодорожного района.

В мае 1918 года Пятницкий по заданию ЦК РКП(б) объехал Поволжье и Астраханскую область, а затем и районы Рязано-Уральской железной дороги с целью организации быстрого продвижения продовольственных грузов в центр России.

В начале июня 1918 года руководство «Всепрофжеля», в связи с тяжелым положением, сложившимся в Северо-Западных районах России с обеспечением населения продовольствием, призвало железнодорожников к забастовкам протеста. Начало забастовочного движения почти совпало по времени с мятежом 45-тысячного чехословацкого корпуса (25 мая 1918 г.).

Во второй половине 1918 года Поволжье, Сибирь, Туркестан, Дон, Кубань и Кавказ уже контролировали Белые армии. На железных дорогах Центральной России царил полная неразбериха. В этой обстановке непрерывно возникали конфликты между профсоюзными органами и местными Советами. Требовалось срочно установить единообразную форму управления.

С этой целью в начале сентября 1918 года партком и совет ЖР Москвы совместно с «Викжедором» созвали Всероссийскую конференцию железнодорожников. А уже 4 сентября по предложению «Викжедора» и Железнодорожного райсовета ВЦИК РСФСР принял декрет о национализации всех железных дорог. 30 ноября 1918 года на железнодорожном транспорте было введено военное положение и на всех дорогах учрежден институт военных комиссаров.

В то же время Наркомат путей сообщения созвал совещание комиссаров дорог и округов для рассмотрения тех же вопросов. Руководство большевиков требовало создать единый профсоюз рабочих и служащих железнодорожного транспорта.

«Викжедор» подрывал влияние эсеро-меньшевистского руководства «Всепрофжеля» среди основной массы его членов. Но для

того, чтобы полностью завоевать профдвижение и влияние на железных дорогах, следовало войти внутрь «Всепрофжеля» и, действуя через головы руководителей входящих в него профсоюзов, получить возможность общения с их рядовыми членами. Повторялся тот же прием, что и в борьбе с «Викжелем».

Еще в апреле 1918 года было достигнуто соглашение с руководством «Всепрофжеля» о том, что Союз мастеровых и рабочих целиком входит в него на федеративных началах. А в октябре 1918 г. Союз мастеровых и рабочих созвал Всероссийскую конференцию, принявшую решение о перестройке структуры организации с линейной системы (по отдельным дорогам) на окружную. Она также разрешила принимать в члены Союза всех желающих из других железнодорожных профсоюзов. Поток желающих увеличивался с каждым днем.

Руководство «Всепрофжеля» насторожилось и стало обвинять профсоюз мастеровых и рабочих в сепаратизме. Это вызвало серьезные трения между ними, которые к декабрю 1918 года вынудили противостоящие стороны созвать окружную конференцию всех железнодорожных служб. Она проходила в Петрограде.

От «Всепрофжеля» на нее были делегированы два представителя: Пятницкий, который выступил за создание единого профсоюза железнодорожников, и С. Лозовский, выступавший против этого. На конференции Пятницкого избрали ее председателем, что определило настроение большинства. Вопрос об объединении был решен положительно. В феврале 1919 года такой профсоюз был создан. Председателем Исполнительного комитета — «Цекпрофсожа» стал Осип Пятницкий. Началась работа по объединению всех профсоюзных организаций, существовавших на железнодорожном транспорте, в единый профсоюз железнодорожников, по разделению функций между НКПС и вновь созданным профсоюзом, по созданию аппарата этих организаций.

В жестокой борьбе за подчинение железнодорожных организаций Советской России «сгорели» два наркома путей сообщения: А.А. Кобзев (май—июнь 1918 г.) и В.И. Невский (июль 1918 — март 1919 г.), которые не смогли договориться с профсоюзными лидерами. В марте 1919 года, по предложению Пятницкого, Совнарком назначил наркомом путей сообщения его соратника по большевистскому подполью Л.Б. Красина (1870—1926). Одновременно он был членом Комиссии Реввоенсовета

РСФСР по железнодорожным перевозкам. С ним работать стало намного легче.

В апреле — мае 1919 года положение на военных фронтах стало критическим. Совнарком контролировал не более одной четверти территории бывшей Российской империи. От бесперебойной работы железнодорожного транспорта зависела судьба власти советов. Доставка хлеба в промышленные центры страны, переброска войск, поставка многочисленным фронтам продовольствия и боеприпасов, восстановление разрушенных путей — все это легло на плечи Пятницкого. Он постоянно находился в пути, на колесах. То в Поволжье, то в Белоруссии, то на Урале. Вместе с Красиным он решал массу практических вопросов, обеспечивая, по возможности, бесперебойную работу железнодорожного транспорта.

В это же время началась мобилизация железнодорожников в Красную Армию. В первые месяцы существования советской власти, по существующей традиции, железнодорожников в армию не призывали. Но Пятницкий считал, что штаты на железных дорогах слишком раздуты. Бюро большевистской фракции «Цекпрофсожа», нарком путей сообщения и ЦК РКП(б) одобрили это предложение. Осенью 1919 года в Красную Армию были призваны первые 50 тысяч работников железнодорожного транспорта.

После Октябрьской революции все буржуазные партии переживали острый кризис. Для координации их действий против большевиков, наиболее активные члены этих партий попытались объединиться, создав «Национальный тактический центр». НТЦ готовил широкомасштабный мятеж против нового режима, а также осуществлял акты террора в отношении партийных функционеров и сотрудников ЧК.

Кроме НТЦ в Москве возникли еще две антибольшевистские организации: «Союз возрождения России» и «Совет общественных действий». К апрелю 1919 года они смогли объединиться с «Национальным тактическим центром», при котором для связи с боевыми подпольными группами была создана военная комиссия.

К концу лета 1919 года на Южном фронте сложилась очень тяжелая обстановка. Армия А.И. Деникина угрожала уже непосредственно Москве. К сентябрю контрреволюционные силы создали в Москве свой штаб Добровольческой армии столичного района для координации движений, подготовки и руководства намеченным мятежом.

Но в начале сентября 1919 года усилиями контрразведки ВЧК «Национальный тактический центр» и штаб Добровольческой армии Московского района были ликвидированы. Чекистам удалось арестовать всех основных руководителей подготовленного ими восстания в Москве и Подмоскowie. В результате проведенной операции были арестованы и расстреляны свыше 700 заговорщиков, большинство которых являлись кадровыми офицерами.

В связи с раскрытием заговора и наступлением Деникина 21 сентября 1919 года по решению ЦК и МК РКП(б) в Москве и Подмоскowie было введено военное положение. Был учрежден Комитет обороны Москвы и Московской области, получивший чрезвычайные полномочия. В его состав вошли: председатель ВЧК Ф. Дзержинский, секретарь МК В. Загорский, ответственный организатор ЖР Москвы, член МК и Исполкома Моссовета О. Пятницкий, командующий войсками внутренней службы республики (ВВСР) Корнеев, ответственные работники штаба МВО Корнеев, Батраков, Бурдуков и Лисицин.

Комитет своего аппарата не имел. Он представлял собой орган, объединявший все военные и гражданские учреждения, и действовал через аппараты последних. Руководство работой штаба обороны было возложено на штаб высшего Военного совета республики. Секретариат Комитета состоял из двух секретарей и десяти технических работников.

Комитет проделал огромную работу по укреплению обороноспособности столицы, аппарата столичной ЧК и милиции. Были предусмотрены меры на случай возникновения чрезвычайных обстоятельств, усилена охрана государственных учреждений, патрулирование улиц. Вокруг Москвы развернулось строительство пяти линий полевых укреплений, создавались специальные отряды по борьбе с контрреволюцией, велась мобилизация населения для пополнения армий Южного фронта.

В это время ЦК партии поручил МК подготовку к созданию в Москве и области большевистского подполья на случай сдачи столицы. Решением МК была создана комиссия в составе Пятницкого, Дзержинского, Загорского, Лихачева, Шварца и Людвиной. Председателем этой комиссии и ответственным перед ЦК за ее работу был назначен Осип Пятницкий.

Вскоре были организованы тройки и пятерки подпольщиков, подобраны явочные квартиры, подготовлены паспорта. Будущие подпольщики получили и материальные средства. Монетный

двор отпечатал для них значительное количество денег образца до 1917 года. Во всех районах Москвы были подготовлены тайные типографии с обслуживающим персоналом. Комиссия также готовила кадры и базы для партизанского движения в Подмоскovie.

Только после того, как поход Деникина на Москву был сорван и противник от столицы отброшен, необходимость в подобных мерах отпала. Тем не менее, следует отметить энергичные и умелые действия Ф. Дзержинского и О. Пятницкого в то трудное время. Но вернемся немного назад.

25 сентября 1919 года в Москве, в Леонтьевском переулке, в помещении Московского комитета РКП(б) во время совещания московского партактива бомбой, брошенной анархистами, были убиты несколько ответственных работников МК, в том числе секретарь МК В. Загорский. Пятьдесят пять человек были ранены. Пятницкий должен был участвовать в этом совещании, но по счастливой случайности на него опоздал.

В марте 1920 года решением ЦК РКП(б) Л.Б. Красина перевели на дипломатическую работу. Ему поручили возглавить переговоры с Эстонией. Вместо Красина наркомом путей сообщения стал Л.Д. Троцкий, сохранивший при этом все свои военные посты: Председателя Высшего военного совета, наркома по военным делам и ряд других.

В августе 1920 года Пятницкий вновь избрали секретарем МК партии большевиков. Ему приходилось много сил уделять борьбе с диктаторскими замашками Троцкого. 20 сентября 1920 года пленум ВЦСПС принял решение о слиянии двух Всероссийских союзов, объединявших работников железнодорожного и водного транспорта, в единый профсоюз транспортных рабочих, который стал самым крупным профсоюзом РСФСР. Центральным его органом стал «Цектран» — центральный комитет транспортных рабочих, который возглавил Троцкий.

Троцкий всячески игнорировал выборность и коллегиальность в работе профсоюзного аппарата. В конце концов он навязал партии дискуссию о профсоюзах, но партия его не поддержала. Пятницкий не переносил амбиций Троцкого, не доверял ему. Своим близким друзьям он не раз говорил, что «Троцкий все-таки не большевик. Теперь он с нами, но все же не наш». Он полностью поддержал позицию Ленина во время дискуссии о профсоюзах. Подавляющее большинство железнодорожников-большевиков пошли за ним, а не за Троцким.

Но вскоре тяжелая болезнь уложила Пятницкого на больничную койку. Перенапряжение душевных и физических сил в последние годы подорвало его здоровье. Сдало сердце, возникли приступы диабета. В связи с этим в ноябре 1920 года он передал дела секретаря МК своему преемнику Ф. Сергееву (Артему) и лег в больницу.

* * *

В этом месте нашего повествования уместно сделать небольшое отступление и рассказать о личной жизни Осипа Пятницкого.

Однажды в начале 1920 года, выкроив час, он вырвался в больницу проведать Машу Черняк, своего верного сподвижника по Московскому вооруженному восстанию и работе в Железнодорожном районе Москвы, которая лежала после тяжелого приступа стенокардии.

В это же время больную пришла проведать ее младшая сестра Эмма, тоже Черняк — крупный работник Политуправления Красной Армии. Поговорив у постели больной, Эмма предложила Пятницкому пройти в соседнюю палату, где находилась после серьезного нервного стресса ее подруга по Восточному фронту Юлия Соколова. Пятницкий согласился и впоследствии никогда не жалел об этом.

В соседней палате он увидел юную девушку с изможденным, но очень нежным и удивительно красивым лицом. Каково же было его удивление, когда он узнал, что перед ним отважная разведчица. К такой девочке нельзя было относиться несерьезно. Пятницкий зачастил в больницу, используя для этого любую возможность. Московский комитет партии, Комитет обороны Москвы, Президиум Моссовета и другие комиссии, членом которых он являлся, поглощали его время, требовали всех душевных и физических сил. Но он все же выкраивал время, чтобы заглянуть в больницу и проведать свою новую знакомую. Его тянула туда неведомая сила.

Гуляя по больничному двору или примостившись где-нибудь в укромном местечке в большом больничном коридоре, они беседовали, сколько позволяло время. Юлия тоже потянулась к новому знакомому. Пятницкий вызывал у нее абсолютное доверие. В нем ощущалась целостность уверенного в себе человека. Юлия и раньше много слышала о легендарном Пятнице, верном сподвижнике вождя революции Ленина, а теперь увидела его воочию, живого и такого реального.

Незаметно для себя она поведала о своей жизни. Она родилась в 1899 году в семье православного священника. Ее мать Лидия была родом из разорившихся польских дворян. Она вышла замуж по любви против воли родителей, точнее, просто сбежала из дома к любимому человеку. Молодой священник Иосиф (муж Лидии, отец Юлии) был лишен сана за женитьбу без разрешения духовных чинов и всю жизнь очень переживал это.

У Юлии были старшие братья Геннадий и Вениамин, и младшая сестра Галя. Родители матери внуков своих очень любили, часто принимали их у себя в усадьбе. Но свою дочь и ее мужа от дома отрешили. Лидия так и не смогла больше переступить порог родительского дома.

Юлия с детства была очень красива: тонкие черты лица, смуглость, ясные голубые глаза, прекрасные черные волосы, заплетенные в толстые косы. Она была любознательна, сообразительна и эмоциональна. Умела образно рассказывать, знала наизусть почти всего Пушкина, хорошо декламировала, гимназию закончила с медалью. В совершенстве владела польским, немецким и французским языками.

Во время каникул, бывая в имении деда, Юлия встречалась с сыном соседа по имению — юнкером Мишей Тухачевским и подружилась с ним. Позже, когда Юлию спрашивали, что бы она делала, если бы не произошла революция, она, улыбаясь, отвечала: «Вышла бы, наверное, замуж за Мишу Тухачевского». И это было бы вполне вероятно. Но судьба распорядилась иначе.

Окончив гимназию, Юлия стала учительницей в начальной школе и одновременно, тайком от отца, училась в школе сестер милосердия. Закончив ее, она добровольно вступила в сформировавшийся в городе «батальон смерти» и убыла с ним на Западный фронт. Шла первая мировая война. Дальше идет период ее жизни, мне почти неизвестный: мама никогда не говорила на эту тему со мной и моим старшим братом Игорем.

Знаю только, что на войне она близко сошлась со своей знакомой по школе медсестер, тоже Юлией, княжной Урусовой. Мама рассказывала, что они были как сестры, разделяли на двоих все тяготы фронтовой жизни. Они и обликом походили друг на друга. Потом княжна умерла от тифа, оставив Юлии дневник с подробным описанием своей жизни и семейную реликвию — золотой медальон с фотографиями своих родителей. А еще позже Юлия вышла замуж за молодого генерала русской армии, фронтовика.

Затем грянула февральская революция и развела супружескую пару. Армия разваливалась. Молодого генерала куда-то перевели, а 18-летняя Юлия, прикованная тифом к постели, осталась в госпитале. Расставаясь, они с мужем договорились, что после выздоровления Юлия вернется в родительский дом и будет ждать вестей от мужа.

Весь 1917 год Юлия провела в доме сестры своего отца, тети Ани, в городе Льгов, недалеко от Курска. Работала в сельской школе. В начале 1918 года она была отозвана на работу в льговский отдел народного образования, вступила в партию большевиков и вскоре была избрана секретарем горкома. Все это время усиленно разыскивала следы мужа. Наконец, в сентябре 1919 г. разыскала его на Восточном фронте, в Южной группе войск, которой командовал М.В. Фрунзе.

Юлия попросилась на фронт и по партийной мобилизации ее направили в распоряжение Политуправления Туркестанского фронта. Но к моменту ее прибытия туда, ее мужа, военспеца в штабе Фрунзе, уже не было в живых — он погиб в боях с бандами атамана Дутова. Юлия успела только на его похороны.

Вскоре она получила письмо от отца о судьбе своих старших братьев Геннадия и Вениамина. Они тоже не остались сторонними наблюдателями в той трагедии, которая разделила Россию на два враждебных лагеря. Геннадий встал под знамена Деникина защищать привилегии своих предков, а Вениамин — под красное знамя новой власти. Они воевали на одном фронте, но по разные его стороны. Геннадий был убит в бою. Почти одновременно Вениамин умер в госпитале от тяжелого ранения.

Похоронив мужа, Юлия стала работником Информационного (Разведывательного) отдела штаба Южной группы войск. Вот что рассказала мне ее прямая начальница Эмма Черняк: «После гибели мужа Юлию стал опекать сам командующий, и настолько настойчиво, что ей пришлось подать рапорт о переводе в другую армию. И однажды во время одной неприятной сцены между командующим и его подчиненной внезапно появился друг детства Юлии Михаил Тухачевский — и... после крутого разговора между двумя командармами Тухачевский увез Юлию с собой в свою армию».

В 4-й армии у Тухачевского Юлия тоже работала в Разведотделе. Под именем княжны Юлии Урусовой ее направили в Челябинск, в штаб колчаковского генерала Ханжина. Общее сходство с подругой, знание подноготной семьи князей Урусовых, арис-

тократические манеры и прекрасный французский язык с парижским произношением помогли ей внедриться в контрразведку при штабе генерала Ханжина.

Челябинский писатель Марк Гроссман обнаружил в местном архиве немало документов, относящихся к 1919—20 годам. В своих книгах «Да святится имя твое» и «Годы в огне», рассказывающих о бурных событиях того времени, он подробно описал работу Юлии Соколовой в контрразведке армии Ханжина и ее провал. В самом конце ее героической одиссеи контрразведка белых выследила и арестовала связника, который под видом нищего осуществлял связь между штабом Тухачевского и псевдокняжной. Это произошло накануне освобождения Челябинска красными войсками.

Юлия узнала о провале. Понимая, что ее ждет казнь, она спряталась на складе купца, в доме которого квартировала. Офицеры контрразведки, разыскивая «княжну», которой еще недавно целовали ручки, обшарили все закоулки в доме купца, вошли и в помещение склада. Но обнаружить ее не удалось: Юлия залезла в одну из бочек с солеными огурцами, которые во множестве хранились на складе. Сколько времени она просидела в разъедающем рассоле, неизвестно, но разыскали ее разведчики Тухачевского с трудом, она была уже в полном беспомоществе. Очень долго Юлия приходила в норму, пока не появилась возможность без опасности для здоровья отправить ее в Москву в хорошую больницу.

Можно себе представить, как мой будущий отец, сам не раз бывавший в различных переделках, был потрясен рассказом моей будущей маменьки. Через две недели, едва Юлию выписали из больницы, они поженились. Официально свой брак они не оформляли. Ведь Пятницкий не был разведен со своей первой женой, которая к тому времени была уже женой Алексея Рыкова, и тоже без всяких формальностей. Отцу в ту пору исполнилось 39 лет, матери — 21 год.

За отцом уже прочно утвердилась фамилия Пятницкий. Наиболее известная в партии его партийная кличка (как их тогда называли) «Осип» стала его вторым именем, а псевдоним «Пятница» превратился в новую фамилию.

Юлия не стала менять свою фамилию и осталась Соколовой. А вот по отчеству ее еще долго будут путать. Отчество княжны Урусовой — Борисовна — со времен гражданской войны столь прочно приросло к ней, что в анкете работника Исполкома Ко-

минтерна она числилась Юлией Борисовной. И я в метрике значился сыном Юлии Борисовны (а не Иосифовны) Соколовой. После реабилитации родителей мне пришлось долго доказывать органам власти, что я — сын своей матери. Только третье судебное разбирательство восстановило справедливость.

После женитьбы у Пятницкого возникла проблема с жильем. С момента возвращения из ссылки он своей квартиры не имел. Группа старых большевиков, друзей по подполью, среди которых были Софья Бричкина и Анна Итина с мужем, а также ряд других, осели в большой квартире сбежавшего от революции фабриканта, расположенной на углу улицы Петровки и Кузнечного моста. Они жили там коммуной, как делали это во времена московского подполья и в ссылке. В квартире было много комнат, места хватало всем. Одну из них занимал Пятницкий. Котел довольствия был общий, кто что достанет. Уборкой занимались сообща в свободное время, которого ни у кого не хватало. Напротив квартиры, на одной лестничной площадке жила семья Феликса Дзержинского. Изредка, когда позволяло время, общались домами.

Теперь же, после женитьбы, молодой семье хотелось иметь собственное гнездышко. Моссовет выделил секретарю МК три комнаты в большой коммунальной квартире на Тверском бульваре. Юлия сразу же вызвала к себе в Москву свою сестру Галю, которая поселилась в третьей маленькой комнате.

Через год, в феврале 1921 года, у Пятницкого появился первенец — мой старший брат — Игорь, любимый сын матери, очень похожий на отца. Несколько позже, в апреле 1925 года, родился второй сын — я, любимый сын отца, до удивления похожий на мать. По настоянию отца меня назвали Владимиром, в память о Ленине.

Осип и Юлия очень любили друг друга. Но разница в возрасте и в жизненном опыте, огромное уважение Юлии к работе мужа, определили ее отношение к нему. У Юлии было обостренное чувство справедливости и повышенная совесть. В 1925 году она вышла из партии, посчитав, что, имея двух детей, уже не может быть ей полезной.

Но главное, она с удивлением стала замечать, что образуется совершенно новый, привилегированный класс партийных бюрократов, людей беспринципных, для которых партийный билет стал средством допуска к власти и связанным с нею привилегиям. Она, со свойственной ей прямоотой и откровенностью,

объяснила мужу причину своего решения. И в дальнейшем мама часто спорила с отцом, поражаясь перерождению многих из числа его бывших соратников по созданию партии. Пятницкий тоже видел это и очень переживал. Его уже тогда не устраивало многое из того, что творилось в партии после Ленина. Однако в ответ на наскоки жены он обычно повторял бессмертные слова Грибоедова, переделав их на свой лад: «Я служу делу, а не отдельным личностям».

Мама была очень эмоциональной. Любая женщина воспринимает мир преимущественно эмоционально, но не каждая, имея мужем крупного партийного работника, могла столь болезненно ощущать растущую социальную несправедливость. У нее была «обнаженная совесть».

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава 4

Создание Коммунистического Интернационала

В самый разгар Гражданской войны руководство партии большевиков задумало создать новый, революционный, пролетарский Интернационал. Чтобы понять смысл этого мероприятия, надо сказать несколько слов о двух предыдущих Интернационалах.

Первый Интернационал, или Международное товарищество рабочих, основали Маркс и Энгельс в Лондоне в 1864 году. Но франко-прусская война 1870 года нанесла ему жестокий удар. Выяснилось, что за его социально-революционной программой еще не стоит сплоченная пролетарская масса.

Второй Интернационал, в дальнейшем названный Социалистическим, был основан в Париже в 1889 году, при участии Энгельса. Он представлял собой объединение социалистических и социал-демократических партий ряда стран Европы и Америки.

Основные программные, тактические и политические проблемы рабочего движения обсуждались и решались на международных конгрессах Социинтерна. Всего состоялись 12 его конгрессов, последний — в 1912 году. После начала мировой войны в 1914 году Социинтерн распался. Война показала, что входившие в него партии не могут подняться выше разногласий между национальными отрядами буржуазии.

Из Социинтерна выделилось так называемое Циммервальдское движение, объединившее социалистов-интернационалистов. Оно провело три международных конференции в 1915—16 гг. в Швейцарии. Первую — в городе Циммервальде (отсюда его название), вторую — в Кинтале, третью — в Стокгольме (Швеция). На первой конференции был избран организационный центр Циммервальдского движения — Интернациональная социалистическая комиссия (ИСК), которая находилась в Берне (Швейцария).

На первом же заседании первой конференции (в сентябре 1915 г.) произошло разделение участников на две группы: левую, которую возглавил Ленин, и «правую». Началась идейная борьба

ба между ними, достигшая наибольшей остроты при обсуждении главного принципиального вопроса: куда идти дальше — к восстановлению обанкротившегося Социал-демократического Интернационала или к созданию нового (революционного, пролетарского) Интернационала. Достичь согласия по этому вопросу участникам Циммервальдского движения не удалось. Поэтому большевики порвали отношения с обеими его группами, отказавшись от участия в 3-й конференции в Стокгольме.

В апреле 1917 года Всероссийская конференция РСДРП(б) утвердила резолюцию, которая констатировала, что за время мировой войны в международном рабочем движении сложились три основных направления.

«Оборонцы» — это направление возникло во всех воюющих странах. Его представители порвали с социализмом и стали орудием империалистических правительств, помогая им затягивать войну. Фактически они превратились в классовых противников пролетариата.

«Центр» — партии, причисляемые к этому направлению, подменили революционный социализм национал-шовинизмом. Вместо призыва рабочих к свержению капиталистических правительств, они убеждали их поддержать заключение «демократического справедливого мира».

«Революционные интернационалисты» начали войну с буржуазией в своих странах и, несмотря на военное положение, порвали с «оборонцами», вступили в борьбу с «центром».

В этой же резолюции указывалось, что РСДРП(б) должна взять на себя инициативу по созданию нового Интернационала — Коммунистического — третьего по счету, полностью порвавшего с «оборонцами» и объявившего борьбу соглашательской политике «центра». ЦК РСДРП(б) получил указание конференции немедленно принять меры для создания Коминтерна.

Базой для создания Коминтерна стали, во-первых, так называемые «левые циммервальдцы», в число которых входили все крайние «левые» элементы существующих социал-демократических партий Запада. Это были те элементы, которые подобно русским большевикам и немецким «независимцам» (позже — «спартаковцам»), стояли на интернационалистических позициях и поддерживали ленинский лозунг «превращения империалистической войны в гражданскую».

Кроме того, человеческой базой, откуда большевики черпали кадры 3-го Интернационала, явились «левые» представители со-

циалистических партий стран Запада и Азии, а также бывшие военнопленные, находившиеся в России — немцы, австрийцы, венгры, чехи, словаки, болгары и др.

Сразу же после Февральской революции 1917 года большевики развернули энергичную пропаганду среди военнопленных, организовав их по языковому принципу. Была создана «федерация иностранных групп». В нее вошли 9 групп, в том числе англо-американская. Возглавил федерацию венгр Бела Кун. Ленин придавал «федерации иностранных групп» исключительное значение, что он подчеркнул на VII съезде партии.

Из представителей этих двух групп (крайне «левых» представителей социалистических партий Запада и Азии, а также бывших военнопленных в России) Ленин создал основы мирового коммунистического движения.

В январе 1918 года в Петрограде состоялось первое международное совещание, целью которого была подготовка к созданию Коминтерна. В нем участвовали представители партии большевиков, «левых» эсеров, «левых» социал-демократов Англии, Норвегии, Швеции, США, интернационалисты Польши, Румынии, Чехословакии и Балканских стран.

Участники совещания решили создать международную конференцию «левых» партий и организаций, согласных стать на путь революционной борьбы против своих правительств, за немедленный мир между воюющими странами, за поддержку Октябрьской революции и власти советов в России. Ленин активно привлекал к работе по созданию Коминтерна всех наиболее активных и способных деятелей международного рабочего и революционного движения.

1 конгресс Коммунистического Интернационала

В течение 1918 года в ряде стран Европы, Азии и Америки возникли коммунистические партии (группы). Благодаря этому факту, уже к началу 1919 года оформилось новое международное движение, разделявшее и поддерживавшее концепцию партии большевиков.

24 декабря 1918 года ЦК РКП(б) обратился с призывом к коммунистическим партиям всего мира объединиться в III (Коммунистический) Интернационал. В январе 1919 года в Москве, по инициативе ЦК РКП(б), состоялось международное совещание представителей компартий Советской России, Польши, Венгрии,

Австрии, Финляндии и Балканской революционной социал-демократической федерации. Оно, в свою очередь, обратилось к 39 революционным партиям и группам Европы, Азии и Америки с призывом принять участие в работе Учредительного Конгресса нового Интернационала.

2 марта 1918 года в Москве, при участии представителей 35 коммунистических партий и «левых» групп социал-демократии, состоялся первый международный коммунистический съезд.

4 марта он принял постановление об учреждении Коммунистического Интернационала. При обсуждении этого вопроса высказывались разные мнения. Говорилось о преждевременности этого шага, о слабости коммунистического движения, о сильном влиянии Социинтерна. Однако эти точки зрения не получили поддержки на съезде. Третий (коммунистический) Интернационал, или кратко Коминтерн, был создан. Таким образом, международный коммунистический съезд был преобразован в I конгресс Коминтерна. Его главной задачей стала выработка платформы Всемирного коммунистического движения.

По докладам Н. Бухарина и М. Альберта (Г. Эберлейна), были приняты тезисы о платформе Коминтерна, по докладу Ленина — тезисы о буржуазной демократии и о диктатуре пролетариата. В этих основных документах Конгресс определил современную эпоху как эпоху сокрушения капитализма и наметил главную цель — установление диктатуры пролетариата в форме власти советов депутатов трудящихся. Основным методом достижения этой задачи была провозглашена классовая борьба, включающая в себя вооруженное восстание с целью разрушения буржуазного аппарата власти и буржуазно-демократического государства.

Так был заложен фундамент Коминтерна. Но впереди стояли важная, трудная и сложная задача: из малочисленных коммунистических партий и левых групп интернационалистов создать массовые, боеспособные организации рабочего класса, преодолев при этом синдикалистские и социал-демократические уклоны, т.е. осуществив их большевизацию. Именно борьба за большевизацию компартий по существу и характеризует всю дальнейшую деятельность Коминтерна*.

Инициатором создания Коминтерна и его фактическим организатором стала партия большевиков — РКП(б), которая взяла на себя его финансирование и организационно-техническое обес-

* Фактически «большевизация» партий оказалась, как следует из дальнейшего изложения автора, их «сталинизацией». — *Прим. ред.*

печение деятельности. Поэтому с самого начала своей деятельности Исполком Коминтерна (ИККИ) и его руководящие органы согласовывали свою работу в ЦК РКП(б).

Местом пребывания Исполкома Коминтерна была избрана Москва. Для его размещения Совнарком выделил здание в центре Москвы (на Арбате), в доме № 5 по Денежному переулку, в здании бывшего посольства Италии.

Фактическим инициатором создания Всемирной компартии явился В.И. Ленин. Он вовлек в сферу деятельности Коминтерна наиболее активных и способных деятелей коммунистического движения, в том числе РКП(б). Национальные компартии, в том числе и российская, входили в Коминтерн на правах его отдельных самостоятельных секций. Его политическую линию вырабатывали совместно представители всех секций в ходе бурных дебатов. Но это были споры единомышленников.

В основу организационных структур Коминтерна был положен демократический централизм. Каждая партия имела право на полноценное представительство.

Заслушав доклады представителей национальных компартий и революционных групп, которые показали, что повсюду нарастает революционное движение, что мир находится в состоянии глубокого революционного кризиса, съезд утвердил платформу Коммунистического Интернационала, а также тезисы о буржуазной демократии, о диктатуре пролетариата, об отношении к социал-демократам.

Известие о создании Коминтерна обострило внутривнутрипартийную обстановку в социалистических и социал-демократических партиях Запада и вызвало там ряд расколов. Многие из отколовшихся групп присоединились к национальным компартиям, другие выразили желание вступить в Коминтерн самостоятельно.

Тем не менее, и после раскола Второго Интернационала социал-демократические партии в странах Западной Европы остались значительно более многочисленными, чем коммунистические.

Интересным было отношение делегатов I конгресса Коминтерна к вопросу о профсоюзах. В решениях конгресса совершенно отсутствовал вопрос о работе в старых профсоюзах, находившихся в руках реформистов. Революционный подъем рабочего класса был столь велик, недовольство реформизмом было так распространено, что привлечение пролетарских масс на сторону коммунистов казалось сравнительно легким делом. Считалось, что достичь этого можно быстро и легко, без продолжительной упор-

ной работы в исторически создавшихся массовых рабочих организациях — профсоюзах.

Тактика Коминтерна по отношению к профсоюзам поначалу не была определена. Но совершенно четко проявилось его отношение к Социнтерну. Было ясно сказано, что борьба против него — долг всех революционных рабочих. Конгресс установил не только необходимость разоблачения центризма социал-демократов, но и организационного откола от него революционных элементов.

Выступая 4 марта 1919 года на I конгрессе Коминтерна, Ленин заявил, что «когда мы слышим, как быстро распространяется идея Советов в Германии и даже в Англии, для нас это является важнейшим доказательством того, что пролетарская революция победит. Задержать ее ход можно только на короткое время» (Ленин В.И., ПСС, том 35, с. 505).

Конгресс также решил организованные вопросы. Высшим органом Коминтерна объявлялись его конгрессы. Постановления конгрессов для всех компартий, входивших в Коминтерн, а также для примыкавших к нему организаций, имели обязательную силу. Конгресс избирал руководящий орган Коминтерна — его Исполнительный Комитет, кратко — ИККИ.

I конгресс постановил передать руководство Коминтерном Исполкому (ИККИ), который должен был состоять из представителей компартий наиболее значительных стран, по одному представителю от партии. В первый состав ИККИ должны были прислать своих представителей Россия, Германия, Австрия, Венгрия, Швейцария, Балканская федерация и Скандинавия. А партии тех стран, которые захотят присоединиться к Коминтерну до созыва следующего конгресса, получают место в Исполкоме. В первый состав ИККИ были избраны 15 человек, из них 8 являлись представителями российских коммунистов — РКП(б).

До прибытия в Москву представителей иностранных компартий, избранных членами ИККИ, все обязанности по работе в Исполкоме возлагались на тех лиц, которые в то время находились в Советской России, а это в основном были представители РКП(б).

Первоначально для руководства работой Исполкома были образованы Бюро и Секретариат ИККИ. До полного формирования Исполкома в период до II конгресса Бюро ИККИ выполняло его функции. В Бюро вошли 16 человек: А. Балабанова, Я. Берзин, Н. Бухарин, В. Воровский, Г. Зиновьев, Л. Карахан, Г. Кли-

гер, М. Литвинов, Ю. Мархлевский, А. Меньшой, И. Милич, Ф. Платтен, К. Радек, А. Руднянский, Ю. Сиrola, П. Стучка.

Наряду с Бюро, Исполком избрал Секретариат ИККИ. В него вошли: А. Балабанова, К. Радек, Я. Берзин и В. Воровский. А 28 апреля 1918 года в его состав дополнительно был включен от Наркомата иностранных дел (НКВД) зам. наркома Л. Карахан.

18 июля 1919 г. по решению ЦК РКП(б) и Бюро ИККИ было создано Малое Бюро (5 человек). В его обязанности входило исполнение организационных функций Коминтерна. Оно стало играть роль руководящего органа Коминтерна. Малое Бюро избирал ИККИ и оно отчитывалось перед ним в своей деятельности.

Надо отметить, что с момента создания Коминтерна и вплоть до его роспуска, вопросы, связанные с материальным обеспечением и финансированием ИККИ, решали руководящие органы РКП(б) — ВКП(б): Политбюро, Оргбюро и Секретариат.

Уже в первые дни после окончания работы конгресса было создано Управление делами ИККИ.

На первом же заседании Бюро ИККИ было принято решение о создании аппарата Исполкома, который мог бы осуществлять задуманные планы. А они были, надо прямо сказать, грандиозными.

26 марта 1919 года было принято решение о создании коминтерновского журнала «Коммунистический Интернационал», который выходил на русском, немецком и французском языках. Его первым редактором стал Юлиан Мархлевский. Тогда же был создан отдел международной пропаганды, основной задачей которого была коммунистическая пропаганда, в том числе издание на разных языках важнейших документов Коминтерна и РКП(б).

Несколько позже, 4 июля 1919 г., было создано бюро переводчиков. Затем библиотека, как справочное подразделение аппарата Исполкома. В ней хранились все прибывавшие из-за рубежа газеты, журналы и книги. Одновременно был создан Восточный отдел ИККИ.

В связи с тем, что Председатель Исполкома Коминтерна Г. Зиновьев был избран еще и председателем Петросовета, и большую часть своего времени находился в Петрограде, там было образовано Петроградское бюро ИККИ. При нем находилась большая часть информационного отдела, и основная часть редакции «Коммунистического Интернационала».

Для оказания действенной помощи в формировании национальных компартий и налаживания их регулярных связей с ИККИ, находящимся в Советской России на осадном положении, Исполком создал ряд своих региональных бюро и отделений.

В их функции входили: сбор материалов о рабочем движении, о политической и экономической ситуации в своих странах, обеспечение ИККИ газетами, журналами и книгами, осуществление посреднических функций между зарубежными компартиями и ИККИ, передача денег и документов, а также оперативной и текущей информации. Деятельность этих подразделений финансировал ИККИ.

В разное время 1919 г. были образованы Венгерское и Баварское бюро. Для руководства и связи с ними в Киеве было создано Южное отделение ИККИ, которое затем перебазировалось в Харьков. Оно имело подотдел в Одессе.

2 февраля 1919 г. ИККИ создал Западно-Европейский секретариат для осуществления связи с компартиями Германии, Франции, Италии, Швейцарии и Польши. В апреле 1920 г. к нему перешли функции связи с компартиями Англии и Америки (при этом было ликвидировано Голландское бюро).

Затем были образованы Скандинавское и Венское бюро. Первое обслуживало Швецию, Норвегию и Финляндию. Позже из него выделилось Норвежское бюро, дислоцированное в Осло. Венское бюро обслуживало Австрию, Чехословакию, Румынию, Югославию, Болгарию, Албанию и европейскую часть Турции. Но вскоре из него было выделено Балканское бюро, как самостоятельное подразделение. Оно располагалось в Софии.

В период до II конгресса организационная структура ИККИ лишь создавалась. В этот период Исполком Коминтерна являлся только органом пропаганды, как централизованный орган руководства он еще не функционировал. При этом он оставался всецело русской организацией.

Создавая Коминтерн, ЦК РКП(б) пытался сделать его рычагом внешней политики Советской России. Именно в связи с этим, в первые годы существования в руководящие органы Коминтерна были введены руководители наркомата иностранных дел (НКИД), сам нарком Г. Чичерин и три его заместителя. В. Воровский, М. Литвинов и Л. Карахан стали членами Бюро ИККИ, а В. Воровский секретарем ИККИ. Коллегия НКИД координировала свою работу с Исполкомом Коминтерна. Постоянную связь с ИККИ осуществлял заместитель наркома Л. Карахан.

Зарубежная буржуазная печать достаточно обоснованно утверждала, что Коминтерн полностью находится на службе у правительства РСФСР и у партии большевиков.

II Конгресс Коминтерна

1 июля 1920 года Политбюро ЦК РКП(б) приняло решение о созыве II конгресса Коммунистического Интернационала.

На Пленуме ЦК РКП(б) 16 июля 1920 года был определен состав Российской делегации на предстоящий Конгресс, в Президиум которой вошли В. Ленин, Л. Троцкий, Н. Бухарин, М. Калинин, Л. Каменев, К. Радек, Н. Крестинский и Г. Зиновьев.

II конгресс проходил в Москве с 19 июля по 17 августа 1920 года. Он обсудил и принял Устав Коминтерна. В нем подтверждались и уточнялись основные цели программы действий коммунистов, провозглашенные на I конгрессе: низвержение капитализма, установление диктатуры пролетариата, создание международной Советской республики. Конгресс подтвердил, что достижение этой цели должно осуществляться всеми доступными средствами, вплоть до вооруженного восстания.

Работой конгресса руководил Президиум в составе пяти человек: Ленина и Зиновьева (Россия), Леви (Германия), Росмера (Франция) и Серрати (Италия).

Открывая первое заседание Конгресса, Зиновьев признал, «что, пожалуй, мы увлеклись, что не год, а два или три года потребуются, чтобы вся Европа стала советской». Тем не менее, вера в скорый приход мировой революции у него была непоколебимой. «Годом раньше или годом позже, — говорил он, — мы будем иметь международную Советскую республику»*. Это ошибочное мнение отражало настроения, господствовавшие в ЦК РКП(б) и в Коминтерне.

Конгресс заслушал отчет Исполкома, рассмотрел отчеты отдельных национальных компартий — секций Коминтерна, представленные в письменном виде. Но основным вопросом повестки дня стал доклад Ленина «О положении в мире и задачах Коминтерна», а также организационные мероприятия.

По докладу Ленина конгресс принял решение, которое определило, в качестве ближайшей задачи Коминтерна, создание в каждой стране, на основе разрозненных левых групп, своих национальных компартий. Было также сказано, что каждая компар-

* Коммунистический Интернационал, 1920, № 13. — *Прим. ред.*

тия должна сочетать в своей стране нелегальные методы работы с использованием всех легальных возможностей, и что парламентские фракции коммунистов должны дать образцы революционного использования парламентаризма.

Особое внимание было уделено «левому» уклону в профсоюзах. I конгресс не принял по этому вопросу определенного решения. Между тем, пренебрежение к старым профсоюзам грозило печальными последствиями. Вытесненные с политической арены реформисты успешно закрепляли свое влияние в профсоюзном движении. Возродился Амстердамский Интернационал. Широкие массы рабочих находились именно в этом профсоюзном объединении. Конгресс поставил компартиям задачу борьбы за профсоюзы.

Был принят Устав Коминтерна, учреждавший единую международную коммунистическую партию, основанную на принципе железной дисциплины.

Глава 5

Попытки «устроения» мировой революции

Теперь уже не секрет, что большевики изначально рассматривали Октябрьскую революцию лишь как прелюдию к пролетарской революции в Европе и во всем мире.

Поэтому в первые годы существования советской власти в России (1919—25 гг.) **главной целью** политики руководства РСФСР и РКП(б) являлось продвижение революции на Запад, создание Всемирной Республики Советов. Коминтерн был создан именно для проведения этой политики в жизнь.

Вполне естественно, что пассивно дожидаться восстания европейского пролетариата не следовало, надо было его к этому всячески побуждать и подталкивать. Большевики верили, что революционный пожар вскоре вспыхнет в наиболее развитых странах Европы — в Германии, Австро-Венгрии, Франции, Италии и ряде других. Они делали все возможное, чтобы «подтолкнуть» этот процесс.

Лозунг Всемирной Республики Советов (или Советских Соединенных Штатов) полностью отвечал концепции пролетарской революции, причем предполагалось, что революционный процесс будет протекать не одновременно во всех странах, а переходить

из страны в страну в теснейшей связи друг с другом. В первую очередь на территории Европы.

В 1918—1920 гг. на необъятных просторах бывшей Российской империи шла гражданская война и происходила интервенция ряд государств Антанты. Еще и поэтому советское руководство всеми способами стремилось подтолкнуть развитие мировой революции на Западе. Оно надеялось тем самым отвлечь внимание этих стран от России, направить их усилия на защиту собственной власти.

Итак, руководство Советской России возлагало большие надежды на быстрейшее развитие мировой революции. Все его усилия в то время были направлены на то, чтобы подтолкнуть рабочий класс Европы к вооруженному восстанию против собственной буржуазии.

Сразу же после Октябрьских событий 1917 года были опубликованы все тайные договоры царского правительства с правительствами стран Антанты, поощрялось братание солдат в окопах, возвращение на родину «заряженных большевизмом» австро-венгерских, германских и других военнопленных.

Но основные надежды возлагались на революционное воздействие мирных предложений Советского правительства о трех месяцах перемирия, изложенных в декрете о мире. Член советской мирной делегации Лев Каменев тогда докладывал ВЦИКу, что это время необходимо пролетариату Европы для развития революции.

По вполне понятным причинам, правительства стран Антанты и США не приняли предложений большевиков. Иную позицию пришлось занять странам Центрального блока. Правительства Германии и ее союзников 14 (27) ноября 1917 г. заявили о своем согласии вступить в переговоры с Совнаркомом. Переговоры начались 20 ноября (3 декабря) 1917 года в Брест-Литовске.

На первом этапе переговоров в Бресте советская сторона действовала с позиций бескомпромиссного отстаивания принципов достижения демократического мира, объявленных в Декрете о мире. Одновременно Совнарком всячески затягивал полученную мирную передышку с той целью, чтобы максимально использовать агитационные возможности вокруг переговоров в Бресте для приближения мировой революции. При этом особые надежды возлагались на осуществление революции в Австро-Венгрии и Германии.

И действительно, во многих странах Европы начались спонтанные выступления рабочего класса. Так, в январе 1918 г. по многим городам Австро-Венгрии и Германии прокатилась волна

митингов, демонстраций и забастовок в поддержку позиции советской делегации на переговорах в Бресте. Однако правящие круги этих стран смогли удержать ситуацию под контролем. Следует отметить, что большевистское руководство действовало в условиях жесточайшего дефицита достоверной информации об обстановке в странах Центрального блока. Дошло до того, что 19 января 1918 г. Ленин предложил послать летчиков посмотреть с воздуха, что же на самом деле происходит в Берлине.

В период Брестских переговоров в кругах «левых коммунистов» возникла доктрина так называемой «полевой революции». Автором ее был видный партийный и государственный деятель В. Оболенский (Н. Осинский). Идея «полевой революции» возникла в результате разочарования в несостоявшемся революционном взрыве на Западе.

Революционная ситуация, особенно в Германии и Австро-Венгрии, была налицо, но стачки, уличные беспорядки, эксцессы в солдатской массе все еще не превращались в восстание. Казалось, что в этих странах недостает «последнего толчка». Интернациональный долг, да и собственный интерес русской революции перед лицом немецкого наступления требовали, как полагали «левые коммунисты», героической, революционной войны. Войны, которая не только отстоит Советскую Россию, но, вторгшись в пределы противника, внесет недостающую для восстания внешнюю силу, даст этот самый «последний толчок». Эта тактика и была названа «полевой революцией», в отличие от традиционной «внутренней революции».

Тогда, в начале 1918 года, Ленин отнесся к данной идее отрицательно, считая ее достаточно авантюрной. Но в принципе он ее не отвергал. Он сказал: «Я предоставляю увлекаться международной полевой революцией потому, что она наступит. Все придет в свое время».

Однако реальные события пошли по другому руслу. На третьем месяце советской власти Ленину пришлось признать, что «вероятный момент взрыва революции... совершенно не поддается учету». 3 марта 1918 года делегации РСФСР пришлось подписать в Бресте тяжелейший грабительский мир с Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией.

В конце 1918 — начале 1919 гг. в партии большевиков сложилось убеждение о том, что началась решающая фаза борьбы за мировую революцию. Отмечая рост антивоенных выступлений, революционного движения во всех воюющих странах, Ленин

заклучил, что «всемирная революция неизбежна», «наступает последний и решительный бой».

Убежденность в правильности такой оценки возросла после Владайского солдатского восстания в Болгарии и провозглашения там крестьянской республики в сентябре 1918 г., ноябрьской революции 1918 г. в Германии, провозглашения Советской республики в Венгрии в марте 1919 г. Сведения о революционном брожении, экономическом хаосе и разрухе в Европе, трудностях демобилизации армии в державах-победительницах, рост протестов против их участия в интервенции укрепляли веру в неизбежное скорое торжество мировой пролетарской революции.

Все это породило у коммунистов России надежду на быстрый и решительный прорыв в Европу, прежде всего через Польшу.

Польша, 1919 г.

Итак, первая серьезная попытка большевиков инициировать мировую революцию приходится на весну 1919 года. В связи с этим приведу некоторые факты.

В начале 1919 года Минск стал центром концентрации польских коммунистов. Сюда переехал из Москвы Центральный Исполнительный комитет (ЦИК) польских коммунистических групп в России во главе с Ф. Дзержинским и И. Уншлихтом, был переведен штаб Западной стрелковой дивизии, состоявшей из поляков (командир — бывший штабс-капитан Роман Лонгва, начальник штаба — бывший полковник Николай Забегалов). При дивизии был создан Реввоенсовет в составе пяти человек (хотя обычно Реввоенсоветы действовали только при фронтах и армиях), учреждена школа польских красных командиров.

В саму Польшу нелегально отправили большую группу командного состава дивизии во главе с ее политкомиссаром, бывшим поручиком старой армии Стефаном Жбиковским. Эта группа создала Военный аппарат компартии Польши и готовила вооруженное восстание. Она располагала неограниченными финансовыми средствами, полученными от Коминтерна.

Предполагалось, что поддержка легальных польских советов, где компартия контролировала треть депутатов, и отрядов Красной гвардии позволит захватить Домбровский бассейн, создать там свое правительство и пригласить на помощь польские части из Минска*.

* Очень знакомый сценарий, не правда ли? — Прим. ред.

Для подстраховки несколько поляков (Иосиф Уншлихт, Казимир Циховский и другие) были назначены на ключевые посты в правительстве так называемой Литовско-Белорусской советской республики. В случае гражданской войны в Польше можно было быстро превратить ее в Польшо-литовско-белорусскую республику. Это дало бы возможность, с одной стороны, направить в Польшу так называемую Литовско-Белорусскую армию (4 дивизии, командующий и начальник штаба бывшие генерал-лейтенанты царской армии А. Снесарев и А. Новиков), а с другой стороны, потрафить польскому национализму.

Той же весной 1919 года нарастала революционная волна в Германии. Еще в январе 1919 года в Берлине происходили баррикадные бои между «спартаковцами» и правительственными войсками. В марте в Берлине снова вспыхнули кровопролитные бои между правительственными войсками и «спартаковцами», в ходе которых использовались артиллерия, танки и авиация.

24 марта 1919 года была провозглашена Советская республика в Венгрии, которую возглавил посланец Ленина Бела Кун, а спустя две недели то же самое произошло в Баварии, где во главе восставших встал бывший русский эсер, вступивший в компартию Германии, Евгений Левине.

18 марта 1919 года Ленин телеграфировал члену Реввоенсовета Южного фронта Сталину:

«Только что пришло известие из Германии, что в Берлине идет бой и спартаковцы завладели частью города. Кто победит, неизвестно, но для нас необходимо максимально ускорить овладение Крымом, чтобы иметь вполне свободные руки, ибо гражданская война в Германии может заставить нас двинуться на запад на помощь коммунистам».

Практически одновременно с этой телеграммой передовые части Красной армии вышли на рубеж реки Збруч. По согласованию с Лениным, главком РККА И. Вацетис направил директиву командованию Украинского фронта о прорыве в Европу. Направление удара 1-й Советской украинской армии было определено через территорию Галиции в Венгрию (центром предполагаемого прорыва являлся город Коломыя); 3-й Советской украинской армии — в Бессарабию, с форсированием Днестра.

В самой Венгрии была создана Международная социалистическая федерация, состоявшая из 15 национальных секций, и началось ускоренное формирование интернациональных частей, в кото-

рые вступили свыше 10 тысяч иностранцев. Уже в июне 1919 года венгерская Красная армия в результате так называемого «Северного похода» (руководитель — полковник бывшего австро-венгерского Генерального штаба Аурел Штрумфельд) сумела захватить часть территории Чехословакии, где была провозглашена Словацкая Советская республика и начато формирование словацкой Красной армии (главком Ференц Мюнних) — 12 тысяч штыков.

Параллельно с этим, в марте 1919 года из Москвы в Киев переехала Центральная секция федеральных групп РКП(б). Она приступила к созданию в Одессе и в Киеве 1-й Интернациональной дивизии и 1-й Бессарабской советской дивизии (успели сформировать только две интербригады и одну бессарабскую бригаду). В эти части охотно вступали румыны, болгары, чехи, словаки, сербы, хорваты и македонцы. Предполагалось, что после захвата Бессарабии они двинутся в свои страны.

Ободренный этими временными успехами, Председатель Исполкома Коминтерна Г. Зиновьев выступил на страницах 1-го номера журнала «Коммунистический Интернационал» с обширной статьей, где заявил:

«Теперь III Интернационал имеет своей главной базой три советских республики: Россию, Венгрию и Баварию. Старая Европа бешеными темпами мчится навстречу пролетарской революции... Ибо через год вся Европа будет коммунистической. Борьба за коммунизм перенесется уже в Америку, а может быть, и в Азию, и в другие части света».

Однако вся эта гигантская затея большевиков с треском провалилась. Буржуазное правительство Польши, используя помощь стран Антанты, действовало быстро и решительно. Оно перебросило в Восточную Галицию дополнительные силы, которые быстро разгромили 20-тысячную армию созданной здесь Западно-Украинской республики (ЗУНР) и тем самым преградили путь 1-й Украинской советской армии.

Успешно начавшееся в Бессарабии наступление 3-й Украинской советской армии сорвал мятеж 6-й Украинской советской дивизии, состоявшей в основном из украинских националистов — так называемый мятеж Григорьева*. А успешное наступ-

* Начдив Н.А. Григорьев 7 мая отказался выполнить приказ командования о передислокации дивизии на границу с Бессарабией. Через два дня он поднял мятеж в Елизаветграде (позже Кировоград). Мятежникам (20 тысяч человек при 50 орудиях) удалось быстро захватить большую часть Екатеринославской и Херсонской губерний. Но в конце месяца мятеж был подавлен. — *Прим. ред.*

ление войск Деникина привело к краху всего Украинского фронта и к падению советской власти на Украине.

Не дождавшись помощи, были задушены одна за другой Баварская, Словацкая и Венгерская советские республики. Уже в апреле 1919 года польская армия заняла почти всю территорию Белоруссию и часть Украины. В этой обстановке большевикам пришлось начать переговоры с польским правительством, которые они же сами прервали в связи с захватом польскими войсками города Вильно.

Австрия, 1919 г.

Компартия Австрии тоже пыталась участвовать в мировой революции, впрочем, без особого успеха. 12 марта 1919 г. группа солдат из прокоммунистического 41-го батальона фольксвера (ополчения), известного также как «Красная гвардия Вены», во главе с лейтенантом Эрвином Кишем, захватил здание крупнейшей в Вене газеты с целью напечатания призыва к немедленной социалистической революции. Газету напечатали и распространили, однако революции почему-то не произошло.

2 апреля из Вены в Венгрию отправился батальон добровольцев (1300 человек) во главе с Лео Ротцигилом. Однако этот молодой и энергичный рабочий вожак погиб в одном из первых боев, что стало тяжелым ударом для КПА.

18 апреля руководимая коммунистами демонстрация венских безработных, бывших военнопленных, беженцев и калек (эти социальные группы составляли единственную социальную опору компартии) атаковали здание венского парламента, разгромили его охрану. Но подоспевшие части фольксвера рассеяли демонстрантов, около 40 человек погибли.

Во второй половине мая в Вену прибыл эмиссар Белы Куна, один из видных венгерских коммунистов Эрне Беттельхайм. Он привез с собой кучу денег и совершенно дикий план социалистической революции в Вене.

Руководство компартии он распустил, а вместо него образовал Директорию в составе 4 человек (Ф. Коричонер, И. Вертхайм, К. Томан и еще один бывший военнопленный Г. Мельхер). Началась усиленная обработка упомянутого 41-го батальона фольксвера, был создан так называемый революционный солдатский комитет. Революцию назначили на 15 июля. Но накануне всех членов Директории арестовали, 41-й батальон блоки-

ровали, а толпу несчастных калек, беженцев и безработных расстреляли.

Больше австрийские коммунисты революций не устраивали. Их численность уменьшилась с 40 тысяч в июне до 10 тысяч в декабре 1919 года, после чего они занялись более приятным и полезным делом — фракционной борьбой.

Партия фактически раскололась на две части: «левых» — «фрейитов» по имени лидера партии Йозефа Фрея, популярного в Вене журналиста, футболиста и лидера Красной гвардии в 1918—19 гг., и «правых» — «томанитов» по имени К. Томана. Дело кончилось тем, что по решению Исполкома Коминтерна руководителей обеих фракций выслали из Вены, а партией руководили сначала лидер немецкой секции компартии Чехословакии Алоиз Нейрат, затем болгарин Георгий Димитров.

Восточная Галиция, 1919 г.

Важная роль в планах «продвижения революции на Запад» отводилась Восточной Галиции. Части Красной армии захватили 20 уездов на ее территории, в том числе Тернополь, где провозгласили Галицийскую Советскую республику.

В связи с этим скажу несколько слов о коммунистическом движении в Галиции. Еще в январе 1919 года в Станислав (ныне Ивано-Франковск) с территории Советской Украины нелегально прибыла группа подпольщиков в составе 15 человек. Часть их — украинские чекисты во главе с П. Величко — должна была создать нелегальную резидентуру в Галиции. Другие, члены украинской партии эсеров («боротьбисты») во главе с Карлом Савричем (Максимовичем), имели задачей создание компартии. Обе группы отлично справились со своими задачами.

Саврич связался с местными галицийскими коммунистическими группами. Наиболее крупными среди них были, во-первых, «Интернациональная революционная социал-демократия» (ИРСД), созданная группой украинской молодежи (лидеры Иосип Крылик (Василькив), Роман Раздольский, Роман Кузьма (Турянский); во-вторых, группа активистов левого крыла Еврейской социалистической партии в городе Стрые во главе с М. Фрейлихом; в-третьих, организация социалистов-коммунистов в Дрогобыче.

В феврале 1919 года под руководством К. Саврича эти группы объединились в компартию Восточной Галиции. Галицийс-

кие коммунисты активно участвовали как в первой (весна 1919 г.), так и во второй (лето 1920 г.) попытках развязать мировую революцию. В связи с жестокими преследованиями со стороны польских властей, они создали свои опорные пункты (так называемые закордонные бюро помощи) в Харькове, Праге и Вене.

Галицийская Советская республика существовала всего лишь 76 дней. Она охватывала примерно 1/6 всей территории Западной Украины. Во главе республики стояли Галревком во главе с членом РВС 14-й армии В. Затонским и ЦК КП Галиции во главе с И. Краснокутским — руководителем Галбюро ЦК РКП(б).

За короткий срок существования республики в ней были проведены такие мероприятия, как введение 8-часового рабочего дня и всеобщей трудовой повинности, конфискация помещичьих и церковных земель, организация советов и т.д. Большое внимание уделялось решению национального вопроса, в том числе борьбе с антисемитизмом.

* * *

В манифесте II Конгресса Коминтерна, подготовленным Л. Троцким было очень ясно сказано, что «дело Советской России Коммунистический Интернационал объявил своим делом. Международный пролетариат, — говорилось в нем, — не вложит меча в ножны до тех пор, пока Советская Россия не включится звеном в федерацию советских республик всего мира»*.

Этот манифест подписали главы 32 делегаций, в том числе Ленин, Зиновьев, Троцкий и Бухарин. Большевики считали, что именно мировая революция поможет им удержать и укрепить завоевания Октябрьской революции. В то же время молодые компартии капиталистических стран надеялись, что партия большевиков поможет им придти к власти в своих странах.

Таким образом, осью стратегии и тактики Коммунистического Интернационала была провозглашена концепция Мировой революции. Это признавали и руководители Коминтерна, и руководители национальных компартий.

Руководство РСФСР и РКП(б) обращало свое внимание и на Восток. Об этом свидетельствует «совершенно секретный» меморандум Карахана на имя Ленина — «Представление об отпуске Народному секретариату по иностранным делам 200 тысяч рублей на поддержку рабочих организаций Востока, посылку

* ИМЭЛ. ЦПА. Ф. 325, оп. 1, д. 2.

агитаторов для целей пропаганды на Востоке, на первую четверть года, январь—март 1919 года». В меморандуме перечислены страны, куда предполагалось направить «агитаторов» — Северный и Южный Китай, Корея, Персия, Индия.

5 августа 1919 года Председатель РВС и Наркомвоенмор Советской России Лев Троцкий направил в ЦК РКП(б) секретную записку, в которой излагал план развития мировой революции через страны Азии. Вот лишь некоторые выдержки из нее:

«Дорога на Индию может оказаться для нас в данный момент более проходимой и более короткой, чем дорога в советскую Венгрию. Нарушить неустойчивое равновесие азиатских отношений колониальной зависимости, дать прямой толчок восстанию угнетенных масс и обеспечить победу такого восстания в Азии может такая армия, которая на европейских весах сейчас еще не может иметь крупного значения...

Один серьезный военный работник предложил еще несколько месяцев тому назад план создания конного корпуса (30—40 тысяч всадников) с расчетом бросить его на Индию.

Разумеется, такой план требует тщательной подготовки — как материальной, так и политической. Мы до сих пор слишком мало внимания уделяли азиатской агитации. Между тем международная обстановка складывается, по-видимому, так, что путь на Париж и Лондон лежит через города Афганистана, Пенджаба и Бенгалии.

Наши военные успехи на Урале и в Сибири должны чрезвычайно поднять престиж советской революции во всей угнетенной Азии. Нужно использовать этот момент и сосредоточить где-нибудь на Урале или в Туркестане революционную академию, политический и военный штаб азиатской революции, который в ближайший период может оказаться гораздо дееспособнее Исполкома III Интернационала. Нужно уже сейчас приступить к более серьезной организации в этом направлении, как сосредоточение необходимых сил, лингвистов, переводчиков книг, привлечение туземных революционеров всеми доступными нам средствами и способами.

Разумеется, мы и ранее имели в виду необходимость содействия революции в Азии. Но еще не так давно мы со значительной долей основания все внимание, и все мысли обращали на Запад. Прибалтийский край был у нас. В Польше, казалось, революция разворачивается быстрым темпом. В Венгрии была Совет-

ская власть. Советская Украина объявила войну Румынии и собиралась продвигаться на запад, на соединение с советской Венгрией. Обладание Одессой открывало нам более или менее прямую и надежную связь не только с очагами балканской революции, но и французскими и английскими портами, куда мы направляли значительное количество коммунистической литературы.

Сейчас, повторяю, положение резко изменилось, и нужно отдать себе в этом ясный отчет. Прибалтика не у нас. В Германии коммунистическое движение после первого периода бури и натиска загнано внутрь, и, может быть, на долгий ряд месяцев. Поражение советской Венгрии задержит, по всей вероятности, рабочую революцию в мелких странах: Болгарии, Польше, Галиции, Румынии, на Балканах...

Ареной близких восстаний может стать Азия. Наша задача состоит в том, чтобы своевременно совершить необходимое перенесение туда центра тяжести нашей международной ориентации».

Несмотря на различные подходы к определению направления основного удара, ориентация на мировую пролетарскую революцию еще долго доминировала в политике руководства Советской России и, следовательно, Коммунистического Интернационала.

Польша, 1920 г.

Приведу еще один короткий абзац из упомянутого манифеста II конгресса Коминтерна: «Советская Германия, объединенная с Советской Россией, оказались бы сразу сильнее всех капиталистических государств вместе взятых!».

Характеризуя сложившееся положение того периода, премьер-министр Великобритании Ллойд-Джордж отметил:

«Наибольшую опасность современного положения, я усматриваю в возможности союза Германии с Россией. ...Если в Германии власть будет захвачена «спартаковцами», она наверняка соединит свою судьбу с большевистской Россией. Если это произойдет, то вся Восточная Европа будет вовлечена в большевистскую революцию и через год перед нами будет под командой немецких генералов и инструкторов многомиллионная Красная армия, оснащенная немецкими пушками и пулеметами, готовая к нападению на Западную Европу».

О настроении советского руководства в то время свидетельствует следующая телеграмма, направленная Лениным Сталину в Харьков 23 июля 1920 года:

«Положение в Коминтерне превосходное. Зиновьев, Бухарин, а также и я думаем, что следовало бы поощрить революцию тотчас в Италии. Мое личное мнение, что для этого надо советизировать Венгрию, а может, также Чехию и Румынию. Надо обдумать внимательно. Сообщите ваше подробное заключение. Немецкие коммунисты думают, что Германия способна выставить триста тысяч войска из люмпенов против нас».

Уже были разбиты Колчак, Юденич и Деникин, только в Крыму еще оставался Врангель. Антанта, вынужденная вывести свои войска из Европейской России, сделала ставку на Польшу.

Ленин не раз говорил, что российских крестьян ничто не связывало с белогвардейским офицерством. А вот в польской армии национальная и религиозная идея сплотила рабочих и крестьян, шляхтичей и мужиков. В этом заключалось коренное различие между Белой гвардией и польскими войсками.

Надо также напомнить, что в 1918—22 гг. большевики прямолинейно проводили в жизнь лозунг Великой французской революции — «Мир хижинам, война дворцам!». Как неременное условие Всемирной пролетарской революции они делили все человечество на эксплуататоров — капиталистов и эксплуатируемых (пролетариев).

Именно по классовому, а не национальному признаку оценил Коминтерн на своем II конгрессе летом 1920 года войну с Польшей. В своем обращении к воинам Красной армии он провозгласил войну с Польшей «самой справедливой войной, какую когда-либо знала история. Вы воюете не только за интересы Советской России, а за интересы всего трудящегося человечества, за Коммунистический Интернационал»...

После этого обращения последовал приказ командующего Западным фронтом М.Н. Тухачевского: «Вперед на Запад! На Варшаву! На Берлин! На штыках мы принесем трудящемуся человечеству счастье и мир!».

Новая война с Польшей назревала с конца 1919 года. Большевики, крепко получив по морде от поляков, на которых сами же и полезли, пытались как-то урегулировать вопросы установления границы с Польшей путем взаимного компромисса. Но прийти к

компромиссу не удалось. Во время дипломатических переговоров обе стороны усиленно готовились к новой военной компании. И она началась в конце апреля 1920 года.

24 апреля Польша заключила договор о совместных действиях против Советской России с Украинской директорией. 25 апреля польские войска вместе с армией Симона Петлюры вторглись на территорию Советской Украины, но потерпели поражение. Советское руководство успело укрепить свой Западный фронт. Советские войска повели контрнаступление. Они полностью освободили Белоруссию и Украину.

В начале июля 1920 года Красная армия вступила в пределы Польши, а в середине июля она вышла к Варшаве. Кавалерийский корпус Г. Д. Гая (1887—1937) прорвался даже в Германию. Казалось, что соединение пролетариата России, Польши и Германии вот-вот свершится.

Но лидеры стран Антанты отчетливо сознавали, что призывы Коминтерна разжечь пожар мировой революции не просто пропаганда, а действительная угроза. Чтобы предотвратить катастрофу, из Франции была переброшена 70-тысячная армия польских добровольцев-легионеров под командованием генерала Галлера. В Польшу были поставлены тысячи тонн военного снаряжения и оружия, оставшихся после мировой войны, направлены сотни военных инструкторов.

Не бездействовали в это время и органы Коминтерна. В начале польской компании в ходе победоносного наступления Красной армии на Варшаву и Львов, ее политорганы совместно с руководителями польской компартии сосредоточили в западных областях России более 18 тысяч коммунистов-поляков, в то время как в самой Польше их было не более 10 тысяч. Создавались советы, ревкомы, отряды народной милиции.

30 июля, сразу же после захвата Белостока, в нем был образован Временный Ревком Польши во главе с Ю. Мархлевским. Спустя две недели началось формирование 1-й польской Красной армии (главком Роман Лонгва; зам. по политчасти Станислав Будкевич; 2-й зам. Владислав Грушецкий; начштаба Александр Рошковский). При штабе армии были созданы курсы польских краскомов (первый набор — тысяча человек), а в Минске — курсы польских советских и партийных работников.

Несмотря на то, что формирование армии шло форсированными темпами, удалось сформировать только полевое управление, пехотный и кавалерийский полки, артиллерийский дивизион и

ряд небольших подразделений. Впрочем, это было не принципиально, так как намечалось включение в ее состав Западной стрелковой дивизии Красной армии, почти полностью состоявшей из поляков.

Для тогдашних настроений польских коммунистов весьма характерен «Проект тезисов о польских красных войсках», написанный Лонгвой, выдержку из которого я привожу:

«Необходимость создания, если не более крупных соединений, то, во всяком случае, надлежащих кадров и аппарата, вызывает-ся и тем, что не исключена возможность, когда мы, при известной международной конъюнктуре, например, революции в Германии, независимо от объективных условий внутри Польши, даже при отсутствии более сильного революционного движения, будем все-таки организовывать, и создавать аппарат Советской власти».

Одновременно была сформирована так называемая «Спартак-овская бригада», официально именуемая Отдельной стрелковой бригадой особого назначения при РВС Западного фронта. Она состояла из немцев и австрийцев. Комиссаром бригады был назначен прибывший из Германии на II конгресс Коминтерна немецкий коммунист Вилли Будих, активный участник Баварской Советской республики. Реально ею командовали руководители разведорганов Западного фронта — командиры бригады Артур Сташевский и 2-й комиссар Семен Фирин.

Забегая вперед, скажу, что после поражения в советско-польской войне эти интернациональные формирования Красной армии не были ликвидированы. На базе польских частей была создана так называемая Стрелковая бригада красных коммунаров, на базе немецкой бригады — Особая школа красных командиров, служившая, кстати говоря, важным источником пополнения кадров советской военной разведки.

Наступление Красной армии в Польше поначалу развивалось успешно, но в конечном итоге Варшавская и Львовская операции окончились полной неудачей. В военном отношении виной тому стали действия командующего Юго-Западным фронтом А.И. Егорова, не согласовавшего их с действиями Западного фронта под командованием М.Н. Тухачевского.

В политическом отношении причиной поражения РККА стало то, что для подавляющего большинства поляков идея независимого национального государства была гораздо привлекатель-

нее, чем идея Польской советской республики в составе СССР. Поэтому оно вовсе не считало Красную армию освободительницей, а Ревкому не удалось опереться на массовую поддержку польских трудящихся.

В связи с провалом польской компании Ф.Э. Дзержинский писал:

«У нас в Польше невесело. По-видимому, партия разгромлена и дезорганизована. Рабочий класс парализован и пассивно принимает репрессии. Население повсюду принимало нас хорошо; ...рабочие присоединились к нам, однако не чувствовалось силы, не было активных революционных действий... Сказалась также широкомасштабная военная поддержка, оказанная Польше странами Антанты».

В октябре 1920 года Ленин сказал:

«Какие силы нужны для победы, не могу сейчас ответить, так как настроение определить пока трудно. Разочарование слишком большое. Прошло уже шесть недель с того момента, когда мы начали отступать, и до сих пор еще не остановились».

Его вывод был таков — необходимо предложить мир Польше, сделать «огромные уступки», показать всему миру, «что мы не хотели войны».

* * *

Но даже сокрушительное поражение у стен Варшавы, вследствие чего Красная армия откатилась на 800 километров на Восток, сдав армиям Пилсудского не только Вильно, но и Минск, не охладило горячие головы сторонников проталкивания мировой революции на Запад.

Документы свидетельствуют, что политическое руководство Советской России и Коминтерна продолжало поддерживать выступления рабочего класса в странах Западной Европы.

На IX партконференции РКП(б) в сентябре 1920 года Карл Радек провозгласил, что «мы всегда были за революционную войну». Ему вторил Каменев, призвавший сделать «следующую вылазку» в Европу. Бухарин настаивал на включении в Программу Коминтерна пункта о «праве каждого пролетарского государства на красную интервенцию», поскольку «распространение

Красной армии является распространением социализма, пролетарской власти и революции».

Ленин, выступая на заседании Моссовета, посвященном первой годовщине III Интернационала, заявил: «можно ручаться, что победа коммунистической революции во всех странах неминуема», «победа Коммунистического Интернационала во всем мире и в срок не чрезмерно далекий — эта победа обеспечена».

Троцкий назвал поход на Варшаву лишь «прошупыванием», и потребовал после разгрома Врангеля снова бросить Красную армию на Запад, как силу международного действия. В этом мнении он был далеко не одинок.

В большевистской партии образовалось сильное леворадикальное крыло, представленное, прежде всего, Л.Д. Троцким с его идеей экспорта революции вплоть до прямых военных акций. Попытки подтолкнуть запаздывающую пролетарскую революцию на Западе повторялись в тех или иных формах вплоть до середины 1920-х годов.

Выступая на заседании III Конгресса Коминтерна 25 июля 1921 года, Ленин прямо заявил:

«Без поддержки мировой революции победа пролетарской революции невозможна. Еще до революции, а также после нее, мы думали, что сейчас же, или, по крайней мере, очень быстро, наступит революция в остальных странах, в капиталистических, более развитых, или в противном случае мы должны погибнуть».
(Ленин В.И., ПСС, том 18, часть 1, с. 921)

Для реализации этой цели руководство Коминтерна всячески пыталось форсировать революционную ситуацию в Европе. Но все попытки подтолкнуть революцию заканчивались неудачей. Требовалось привлечь на свою сторону пролетарские массы. А этого можно было добиться только путем значительного качественного и количественного укрепления национальных компартий и ослабления социал-демократического движения.

Германия, 1923 год

Речь идет о попытке осуществления «германского Октября» осенью 1923 года. Почему для этой цели была избрана Германия? К тому времени в ней уже сформировалась самая крупная и мощная компартия в Европе. Она являлась опорной базой Коминтерна.

К 1923 году экономическая и политическая обстановка в стране и события, происходившие на мировой арене, давали основания делать оптимистические прогнозы и руководству германской компартии и руководству Коминтерна.

Еще весной 1922 года ИНО ОГПУ подготовил для Политбюро ЦК РКП(б) строго секретную докладную записку, в которой были суммированы данные Регистрационного Управления РККА, Коминтерна, НКВД и собственной агентуры о перспективах социалистической революции в странах Западной Европы. Эта записка предназначалась в первую очередь для руководителей советской делегации на Генуэзской конференции.

Перспективы мировой социалистической революции в Западной Европе связывались с развитием событий в Германии, Польше и Италии. В качестве ударных сил предполагалось использовать в первую очередь рабочих, крестьянство и радикально настроенную интеллигенцию. Особая ставка делалась на «решительно настроенную революционную молодежь».

Предлагалось командировать в эти страны по нелегальным каналам ответственных военных и политических работников для закладки баз с оружием и практической подготовки боевых отрядов. В Польше такая работа велась практически непрерывно после окончания советско-польской войны 1920 года. Любопытно, что в предложениях ИНО ОГПУ предполагалось активно использовать для работы в Польше «оппозиционно настроенный галицийский элемент».

В Италии ставка делалась на анархистов, в связи с чем ИНО ОГПУ предлагал освободить некоторых из них, «содержащихся ныне в Бутырской тюрьме», с тем, чтобы после проведения соответствующей разъяснительной работы «командировать на значительную работу в Италию».

Особое место в планах мировой социалистической революции отводилось Германии. В докладной записке подробно характеризовалось кризисное положение в германской экономике после поражения в мировой войне, и особое внимание уделялось такому вопросу, как взаимоотношения правительства и политических партий.

Основной вывод этого документа сводился к определению указанных трех стран в качестве форпоста мировой социалистической революции.

Другую докладную записку подготовил Информационный отдел ОГПУ летом 1922 г. Она касалась деятельности антисоветс-

ких партий и течений в эмиграции. Именно она послужила основой для доклада председателя Исполкома Коминтерна Г.Е. Зиновьева «Об антисоветских партиях и течениях» в ходе работы XII конференции РКП(б) в августе 1922 года. Правда, Зиновьев преувеличил процессы расслоения и «полевения» российской эмиграции, тон его доклада в прогностической части был более оптимистичен, нежели выводы записки.

Летом 1923 года правительственный кризис в Германии поставил ее на грань нового революционного потрясения. В августе 1923 года в Москву приехала делегация КПГ для ведения переговоров с Исполкомом Коминтерна и политическим руководством СССР.

В Коминтерне была создана германская комиссия, в которую вошли Зиновьев, Бухарин, Троцкий и Сталин. Эта комиссия приняла «ряд конкретных решений о прямой помощи германским товарищам в деле захвата власти. Решения, принятые в результате этих переговоров, суммировались одним тезисом: помощь «германскому Октябрю».

Советское руководство выделило из бюджета страны 300 миллионов золотых рублей (!), на нелегальную работу в Германию выехали авторитетные политические руководители Г.Л. Пятаков, В.В. Шмидт, К.Б. Радек и другие. На нелегальную работу в Германию были также направлены выпускники и слушатели старшего курса спецфакультета Военной академии РККА. Они закладывали базы с оружием и являлись инструкторами в формируемых боевых отрядах КПГ.

Председатель Реввоенсовета Лев Троцкий был введен в состав русской делегации в ИККИ. Оперативный отдел Реввоенсовета Республики составил даже календарный план проведения германской революции, то есть серии вооруженных восстаний в городах и регионах Германии. По замыслу его разработчиков, заключительным этапом должно было стать восстание в Берлине 7 ноября 1923 года, в день шестой годовщины Октябрьской революции в России*.

По приказу Троцкого территориальные части Красной Армии, прежде всего конные корпуса, начали выдвигаться к западным границам СССР, для того чтобы вскоре двинуться на помощь германскому пролетариату, а затем — в Италию.

Одновременно с этим личный порученец Льва Троцкого, Евгений Беренс, начал переговоры с «кружком Гучкова» — так

* Большевики всерьез верили во «всемирно-историческое» значение юбилеев своей революции! — *Прим. ред.*

называлась группа военно-политических экспертов из числа российских эмигрантов — о возможности беспрепятственного прохода частей Красной Армии через территорию Польши*.

Председатель Исполкома Коминтерна Зиновьев проинструктировал руководство компартии Германии о подготовке революции в их стране. Еще 23 августа Политбюро ЦК РКП(б) заслушало доклад члена Президиума ИККИ Радека о подготовке революции в Германии. На этом заседании выступил также Троцкий. Он заявил, что основной задачей революции в Германии является крах мирового капитализма.

21 сентября 1923 года в Москве было созвано совещание руководства Исполкома Коминтерна, ЦК РКП(б) и ЦК компартии Германии, на котором был принят план подготовки вооруженного восстания и определена окончательная его дата — 9 ноября 1923 года. Она должна была начаться в Саксонии силами отрядов вооруженных рабочих, которые, опираясь на власть рабочего правительства этой провинции, поднимут знамя всеобщего вооруженного восстания в Германии.

Дело в том, что весной 1923 года коммунисты и левые социал-демократы образовали в Саксонии и Тюрингии (провинциях или «землях», как их называют в Германии) пресловутые «рабочие правительства». Однако они не оправдали возлагавшихся на них надежд. С одной стороны, социал-демократы не спешили реализовывать согласованные с коммунистами программы радикальных преобразований. С другой стороны, министры-коммунисты тоже отличались нерешительностью и непоследовательностью в своих действиях.

Зато посланная в Германию группа советских чрезвычайных комиссаров, так называемая «четверка», действовала целеустремленно.

Станислав Уншлихт, заместитель председателя ОГПУ, создавал специальные вооруженные отряды рабочих («красные сотни»), которым вменялось сразу же после восстания в Берлине учредить «всегерманскую ЧК» и организовать борьбу с контрреволюцией.

Василий Шмидт, нарком труда СССР, немец по национальности, создавал революционные ячейки в профсоюзных организа-

* А.И. Гучков (1862—1936), российский предприниматель и банкир, был лидером партии октябристов, а с 1915 г. также членом Госсовета и председателем Центрального военно-промышленного комитета. С 1920 г. он находился в эмиграции в Париже. — *Прим. ред.*

циях Германии, которые после победы революции должны были стать прообразом немецких советов депутатов трудящихся.

Георгию Пятакову, члену ЦК РКП(б), была поручена координация работы всех советских инструкторов в Германии и обеспечение надежной связи между «четверкой» и Москвой.

Карлу Радеку возглавил работу ЦК компартии Германии по подготовке и осуществлению вооруженного восстания.

21 сентября на экстренном заседании представителей компартий Германии, Франции и Чехословакии, созванном Исполкомом Коминтерна, для рассмотрения политической обстановки в Германии, перед намеченным вооруженным восстанием, руководитель КПГ Г. Бландлер заверил руководство Коминтерна, «что захват власти, мы, все ответственные руководители партии, считаем нетрудной и вполне выполнимой задачей».

Против такой оценки с возражениями выступили Г. Эберлейн и Э. Тельман. Они утверждали, что оптимизм докладчика вытекает из явной недооценки подготовленности пролетариата к вооруженной борьбе с властью и чреват опасностями. Но желание подтолкнуть мировую революцию взяло верх над здравым смыслом. События в Германии возбуждали воображение.

План, одобренный Политбюро ЦК РКП(б), предусматривал проведение праздничной демонстрации, посвященной очередной годовщине Октябрьской революции в России. А попытки правительства помешать этому должны были вызвать общее восстание рабочего класса Германии. «Красным сотням» Уншлихта надлежало при этом захватить ключевые позиции в стране. Оружие для рабочих отрядов было заранее нелегально переправлено в Германию морем и тайно разгружено в Гамбургском порту.

20 октября 1923 года ЦК компартии Германии объявил всеобщую политическую стачку, которая, по его плану, должна была перерасти в вооруженное восстание. В Саксонии она началась в намеченный срок. Однако воинские части регулярной армии (рейхсвера) немедленно разогнали рабочее правительство. Восставшие, лишившись руководства, были вскоре разгромлены. Социал-демократы, участвовавшие в рабочем правительстве, это выступление трудящихся не поддержали.

Революционные выступления намечались на утро 23 октября 1923 года. Но утром 22 октября рейхсканцлер, лидер СДПГ Фридрих Эберт (1871—1925) ввел в стране осадное положение. Вся полнота исполнительной власти перешла в руки военного министра, генерала фон Секта. Он немедленно заявил об отмене ос-

новых гражданских прав и свобод, о запрете любых политических манифестаций.

Осип Пятницкий, Дмитрий Мануильский и Отто Куусинен всю ночь сидели в кабинете последнего, ожидая сообщений о начале революции в Германии от Карла Радека из Берлина. Однако оно так и не поступило. В самый последний момент, убедившись в недостаточной поддержке со стороны рабочего класса, руководители восстания дали указание остановить выступление. Но в Гамбурге, несмотря на запрет, восстание все-таки началось под руководством Эрнста Тельмана. Оно продержалось 60 часов, было подавлено правительственными войсками и потоплено в крови.

Что же произошло? Выяснилось, что основная часть рабочего класса Германии ориентировалась на социал-демократическую партию, и действия коммунистов не поддержала. Да и правительство Германии, вопреки ожиданиям, приняло решительные действия по восстановлению порядка.

23 ноября 1923 года генерал Сект объявил о роспуске компартии и всех связанных с ней массовых организаций. Правительство, возглавляемое социал-демократом Штреземаном, ушло в отставку. Новое коалиционное правительство, уже без участия социал-демократов, издало ряд чрезвычайных законов, загнавших компартию в подполье. Так действительность опрокинула расчеты советского политического руководства.

Одновременно по каналам внешней разведки была получена информация об активизации Антанты. Это касалось, прежде всего, французских оккупационных войск в Рурской области, а также различных дипломатических маневров правительственных кругов. Кстати говоря, разведывательная информация свидетельствовала о хорошей информированности Верховного штаба Антанты относительно тех решений, которые принимались в обстановке абсолютной секретности в Москве.

Переговоры с «кружком Гучкова» были сорваны. Троцкий отправил Беренсу шифровку, в которой предлагал представить эти переговоры как частную инициативу самого Беренса.

В этих условиях ИККИ и, прежде всего, его председатель Г.Е. Зиновьев проявили колебания и нерешительность. В Германию отправлялись взаимоисключающие директивы и указания. Французская контрразведка сумела нейтрализовать военное руководство КПГ. Кроме того, ход событий показал, что план революции в Германии был разработан недостаточно серьезно. Все вылилось в очередную авантюру.

Начались взаимные упреки и, как всегда, поиски виновных. Их разыскали быстро. Виновными в поражении революции оказались руководители компартии Германии во главе с секретарем ЦК КПГ Г. Брандлером, которых отстранили от руководства.

Как уже сказано, после поражения восстания рабочих Гамбурга, разгрома рабочих правительств Саксонии и Тюрингии, последовал запрет компартии и всех связанных с ней организаций. В этой чрезвычайно сложной обстановке набирало силу ультра-левое крыло партии, группировавшееся вокруг Рут Фишер и Аркадия Маслова.

Поражение Германской революции стало следствием ряда факторов. Среди них не последнюю роль сыграла недооценка реальных возможностей военно-политического руководства стран Западной Европы. В разведывательных сообщениях, направляемых из-за границы, давалась, как правило, объективная оценка обстановки. Однако политическое руководство СССР уже тогда полностью игнорировало ту информацию, которая не вписывалась в его представления, и более того, ориентировала кадры внешней разведки на работу на второстепенных направлениях.

Болгария, 1923 год

Одновременно с событиями в Германии была предпринята попытка вооруженного восстания против фашистской диктатуры в Болгарии под руководством Георгия Димитрова.

В середине 1920-х годов особое внимание советское руководство уделяло Балканским странам. По образному выражению одного из руководителей Коминтерна Карла Радека, это была «пороховая бочка, взрыв которой разнесет искры социалистической революции по всей Европе».

Еще в 1921 году в Болгарию и в Королевство сербов, хорватов и словенцев (Югославию) были командированы сотрудники советской разведки Христо Боев и Борис Шпак, которые в предельно короткое время сумели создать высокоэффективную разведывательную службу на Балканах. С их участием была успешно проведена акция по выдворению Русской армии Врангеля из Болгарии.

Есть сведения, что в 1922 году нелегально в Варну приезжал Осип Пятницкий в сопровождении некоего Комиссарова. Они обосновались в одном из монастырей недалеко от Варны. Из Одессы через Черное море в Болгарию, перебрасывались боевые отряды проходивших обучение в СССР болгарских коммунистов

и оружие. Советское руководство рассчитывало, что революция в Болгарии может победить без особых усилий. Но и эта попытка окончилась неудачей.

Земледельческий союз, находившийся у власти в Болгарии, дал возможность буржуазии подготовить и организовать свои силы к государственному перевороту 9 июля 1923 года. Под покровительством «крестьянского» правительства Стамбульского успешно прошла подготовка и был установлен фашистский режим. В такой обстановке классовая борьба достигла высшего напряжения, сложились условия для революционной развязки, подготовленной всем ходом послевоенного развития и Владайским восстанием в июне 1923 года.

Это восстание показало, что революционное движение не только в городах, но и в селах выходит из тех рамок, в которых правительство Стамбульского террором и демагогией пыталось его удержать. Но восстание было подавлено, что стало возможным, прежде всего, из-за нейтралитета, объявленного компартией Болгарии. Оно не только отодвинуло, но еще и больше обострило кризис власти.

Произошло новое вооруженное восстание 14—30 сентября 1923 года. Теперь во главе его стали коммунисты. Восстание охватило ряд областей Болгарии. С особой силой и наибольшим успехом оно происходило в северо-западной области, между Сербской границей, Дунаем и Старой Планицей. В течение пяти дней эта область находилась в руках восставших. Центром восстания стал город Фердинанд. Здесь находился военно-революционный штаб во главе с Василием Коларовым и Георгием Дмитровым.

Одной из главных причин его поражения стало то, что на этот раз его не поддержали крестьянские массы. Болгарские коммунисты как-то забыли о необходимости создания единого фронта с крестьянской партией.

Компартия была нейтральна в борьбе фашистской буржуазии с крестьянской партией (июнь 1923 г.), за которой шли крестьянские массы. Поэтому вполне закономерно то, что подняв восстание против фашистского правительства Цанкова, компартия осталась без поддержки крестьян и потерпела поражение.

Эстония, 1924 год

Несмотря на провал всех предыдущих попыток «подтолкнуть» пролетарскую революцию на Западе, советское правительство и,

следовательно, Коминтерн, эту затею не оставили. Были предприняты новые попытки, одна из них — в Эстонии, другая — в Болгарии.

На эстонских событиях я остановлюсь подробнее, так как в отличие от восстаний 1923 года в Германии и Болгарии, они почти не освещались в отечественной литературе.

В течение весны и лета 1924 года ЦК компартии Эстонии (КПЭ) во главе с Я. Анвельтом все больше склонялся к мысли, что эстонские коммунисты сумеют осуществить успешное восстание, если как следует его подготовят.

В конце лета 1924 года ЦК Компартий Эстонии, Латвии и Литвы опубликовали совместное воззвание «К трудящимся Эстонии, Латвии и Литвы». В нем они предупреждали рабочих и крестьян Прибалтики, что буржуазия собирается установить кровавый фашистский режим, и с этой целью организует свои ударные отряды. Коммунистические партии трех Прибалтийских республик призывали трудящихся к борьбе с фашистской угрозой, одновременно обвиняя социал-демократов в предательстве интересов трудового народа.

«Только правительство рабочих и крестьян, — говорилось в воззвании, — сможет указать путь, ведущий к улучшению нашего положения... Это путь воссоединения с Союзом Советских Социалистических Республик, страной, с которой мы имеем общие экономические и политические интересы, с которой мы срослись в ходе экономического развития на протяжении десятилетий, но от которой мы были насильственно оторваны в интересах кучки паразитов».

Летом состоялась вторая конференция КПЭ, обсудившая решения V конгресса Коминтерна. На конференции основными вопросами были международное положение и вооруженное восстание. Определение срока выступления было решено перенести на осень. Тогда же «Коммунист» — нелегальный орган КПЭ — опубликовал составленное Я. Анвельтом воззвание ЦК КПЭ и ЦК комсомола Эстонии «К трудящимся Эстонии», в котором подчеркивались неминуемое падение буржуазного строя и необходимость установления власти Советов.

Чтобы подвести массы к восстанию и сделать его всенародным, партия развернула широкую идеологическую и организационную работу. В ряде городов, а также в сельской местности состоялись

собрания трудящихся, на которых революционные рабочие выступали с призывом к свержению буржуазного правительства и к созданию правительства трудового народа.

К призывала как нелегальная, так и легальная печать партии. Делалось это достаточно осторожно. Так, газета единого фронта «Мейе лехт» («Наша газета») сообщила в номере от 19 июля 1924 г., что в редакцию поступил «Коммунист» № 3, посвященный, в основном, подготовке и организации революции. Тем самым внимание трудящихся привлекалось к опубликованным в нелегальном органе материалам, — прежде всего, к упомянутому выше воззванию, а также к статье Я. Анвельта «Будьте готовы!»

10 октября политзаключенные Таллинских тюрем передали воззвание «К трудящимся, солдатам и матросам о вооруженном восстании», в котором говорилось:

«Настало время разогнать правительство, обрекшее вас на гибель! Настало время создать свое правительство — правительство рабочих и крестьян, которое может быть поставлено у власти лишь силой оружия... Товарищи, возьмемся за оружие!.. Да здравствует вооруженное выступление».

Одновременно с агитационной работой, ЦК КПЭ с весны 1924 года приступил к организационной и военно-технической подготовке выступления. Она проводилась в условиях строгой конспирации. Все распоряжения относительно восстания записывались только шифром, на планах и картах не разрешалось делать никаких пометок.

Прежде всего, шло формирование вооруженных боевых групп. Первоначально они создавались в виде троек. Каждый член тройки знал только своего старшего, который был непосредственно связан с подпольной организацией. Кроме членов партии и комсомольцев, в тройки вступило много беспартийных рабочих. Боевые группы создавались не только в Таллине, но и в Нарве, Пярну, Тарту, Вильянди, Раквере, Выру, Валга, Кохила, Кунда и других местах. Тройки организовывались и в некоторых воинских частях. Одновременно с формированием боевых групп для них добывалось оружие и прочее снаряжение.

Число троек быстро росло. Осенью они постепенно слились в группы, состоявшие из десятка бойцов. За несколько недель до восстания, ЦК КПЭ свел созданные в Таллине боевые группы в роты и батальоны. В ноябре в боевых отрядах насчитывалось

около 1000 человек, из них в Таллине — 400. Эти силы должны были тотчас же после начала восстания пополниться за счет освобожденных политзаключенных, революционных рабочих и солдат.

Созданием подпольных вооруженных сил энергично занимались Иоханнес Юрна, Вальтер Клейн, Георг Креукс, Рудольф Пяльсон, Карл Римм, Николай Риухкранд, Арнольд Sommerling, Карл Тракман, Харальд Туммельтау и другие партийцы. В Тарту подготовкой к вооруженному выступлению руководили Ханс Хейдеман и Виллем Троммель, но они были арестованы еще до восстания. Общее руководство подготовкой восстания осуществлял Ян Анвельт.

При разработке плана вооруженного восстания чрезвычайно важен был реальный учет сил противника. Партия считала наиболее опасными для восставших дивизион бронепоездов в Тапа, объединенные военное и унтер-офицерское училище в Тоньди, кавалерийский эскадрон в Тарту. Эти наиболее надежные воинские подразделения противника следовало разгромить в самом начале восстания. Одновременно нужно было захватить объекты, важные в военном отношении. Вооруженное восстание должно было начаться, прежде всего, в Таллине. ЦК придерживался мнения, что победоносное восстание в Таллине сразу же воодушевит на захват власти трудящихся в других центрах, где созданы боевые отряды.

Чтобы помешать маневрированию вражеских сил, в частности, переброске базировавшегося в Тапа дивизиона бронепоездов, предусматривалось взорвать два железнодорожных моста на участках Таллин-Тапа и Тапа-Тарту. В случае успеха восстания предполагалось немедленно развернуть наступательные действия, во-первых, по направлению к Тапа и Нарве, а во-вторых, по направлению к Тарту и Вильянди, используя для этого имевшиеся в Таллине транспортные средства.

Революционное правительство должно было провозгласить диктатуру пролетариата, восстановить советскую власть и объявить себя ее органом. Овладеть всей Эстонией планировалось не позже следующего дня, а создать революционное правительство — сразу после овладения Таллином.

При Политбюро ЦК РКП (б) была создана Эстонская комиссия для оказания помощи КПЭ. В Советском Союзе проживали несколько тысяч коммунистов-эстонцев, большинство которых покинули родину из-за участия в революционном движении. По

некоторым подсчетам, 6700 эстонских коммунистов и комсомольцев были готовы добровольно вернуться в Эстонию с тем, чтобы принять участие в борьбе за власть трудящихся. КПЭ расценивала эту силу как ближайший резерв, который в ответ на призыв революционного правительства сразу придет на помощь. Парторганизации Латвии и Финляндии тоже подготовили сотни добровольцев для отправки в Эстонию.

29 ноября 1924 года на улице Кадака, в доме № 9, состоялось объединенное заседание ЦК КПЭ и комсомола Эстонии, на которое были вызваны командиры батальонов и руководители основных боевых групп. В заседании приняли участие Я. Анвельт, В. Клейн, Г. Креукс, П. Лээвальд, А. Лиллакас, В. Пуусь, Р. Пяльсон, К. Римм, А. Соммерлинг, Э. Тейтер, И. Юрна и другие. На нем был создан Военно-революционный комитет в составе девяти человек во главе с В. Клейном и утвержден план восстания. Выступить решено было в ночь на 1 декабря, то есть в ночь на понедельник. Оживленное движение на улицах в воскресенье вечером должно было помочь членам боевых групп незаметно пробраться в места сбора.

Для боевых отрядов удалось найти конспиративные квартиры вблизи от намеченных к захвату объектов, среди которых одним из самых важных было военное училище. Примерно в полукилометре от него на конспиративной квартире с наступлением темноты 30 ноября собрались около 50 человек во главе с Я. Анвельтом, который, однако, назначив А. Ломбака комендантом дома, вскоре ушел.

И в других местах сбора были назначены коменданты, с задачей следить за тем, чтобы никто из боевиков не покинул место сбора до начала всеобщего выступления. Тем самым, если какому-нибудь провокатору удалось бы пробраться в боевой отряд, он не мог предупредить власти о начале выступления. Командиры (десятники) отрядов еще накануне оповестили членов своих отрядов о необходимости вечером 30 ноября непременно быть дома.

Группами по два-три человека они привели в этот вечер людей в условленные места, откуда связные проводили их уже на конспиративные квартиры. С последней парой прибывал десяток. Затем доставлялись оружие и боеприпасы.

Восстание началось в 5.15 утра. Выступили около 300 бойцов боевых дружин. Ян Анвельт и председатель ВРК В. Клейн направились в главный штаб боевых отрядов, находившийся близ Бал-

тийского вокзала на улице Теллискиви. Начальником штаба был Карл Мартынович Римм.

Вместе с Риммом в ноябре 1924 года в Эстонию нелегально прибыли Харальд Туммельтау и другие работники советской военной разведки, в основном эстонцы и латыши, а также группа эстонцев, служивших в период Гражданской войны в Красной Армии и ставших гражданами СССР.

В соответствии с планом боевая группа Йоханнеса Мянда взорвала железнодорожный мост возле Вазула, а боевая группа Вольдемара Разксона — железнодорожный мост у Мустьяэ. Это помешало отправке бронепоезда из Тапа и кавалерийского эскадрона из Тарту на подавление восстания в Таллине.

Часть бойцов из боевой группы, собравшейся на улице Рахвакохту, напала на часовых, которые охраняли замок на Вышгороде, и обезоружила их. После захвата караульного помещения весь замок перешел в руки восставших. Остальные бойцы этой группы атаковали здесь же, на Вышгороде, резиденцию Государственного старейшины. Сняв часовых, они ворвались в здание. Государственный старейшина Ф. Акель бежал в задние комнаты, запирая за собой двери, а его адъютант выпрыгнул из окна, предоставив главу государства собственной судьбе.

Боевая дружина во главе с Кристьяном Грюнбахом и Виллемом Рообахом заняла 2-й полицейский участок в Кадриорге, захватив там 11 винтовок. Отсюда она предприняла атаку на авиадивизион и аэродром в Ласнамяги. Проникнув в казармы, дружинники, прежде всего, сняли охрану и захватили оружие. В руки повстанцев попали 3 самолета, 4 автомашины, несколько мотоциклов и пулеметов, 100 винтовок. Затем был поднят гарнизон, которому сообщили, что в городе рабочие подняли восстание. Солдаты авиадивизиона, среди которых было много бывших металлистов, почти полностью присоединились к восставшим. Им выдали оружие. Избранный солдатами комитет принял командование дивизионом, тут же была организована охрана аэродрома.

Успешно справилась со своей задачей и боевая группа, действовавшая в районе вокзальной площади. Она заняла 5-й полицейский участок и Балтийский вокзал. В полицейском участке восставшие захватили оружие и боеприпасы. Движение поездов было остановлено. В срочном порядке была организована охрана вокзала, всем находившимся на вокзале пассажирам предложили соблюдать порядок и подчиняться распоряжениям революционных бойцов.

Боевая дружина, действовавшая с улицы Юурдевео, быстро овладела железнодорожной станцией Таллин-Вяйке и приняла меры к обороне вокзала. Собравшаяся в доме № 25 по Нарвскому шоссе боевая группа без особых усилий заняла Главный почтамт.

В автотанковом дивизионе, где имелась своя партийная группа, восставшим под командованием унтер-офицера Антона Лооренца удалось захватить танковый парк с 12-ю боевыми машинами. Была занята также часть казарм танковой роты. Лооренц на танке отправился к находившимся по соседству казармам батальона связи, чтобы помочь захватить их.

Однако среди повстанцев оказались предатели, которые сумели предупредить врага за несколько минут до прибытия боевой группы. В результате группа не смогла выполнить свою задачу. В завязавшейся перестрелке погиб А. Лооренц. Противник перехватил инициативу и вытеснил повстанцев из автотанкового дивизиона.

Выделенный для штурма объединенного военного училища в Тоньди боевой отряд ворвался в нижний этаж одного из корпусов и захватил составленные в пирамиды винтовки. Однако кадетам военного училища удалось собраться с силами и благодаря численному перевесу принудить революционеров к отступлению.

Неудачная атака против тоньдинского военного училища стала одним из существенных факторов, помешавших успешному завершению восстания. Неудачей окончился также штурм казарм резерва конной полиции.

Группа восставших, атаковавшая военное министерство, проникла в здание, но закрепиться не сумела и была вынуждена отойти. Тем самым в руках противника остался весьма важный объект — «мозг» и центр связи вооруженных сил. Это позволило офицерам эстонской армии маневрировать силами, координировать их действия, подготовить переход от обороны к наступлению.

Опасаясь присоединения солдат к восставшим, власти не осмелились вывести ни одной регулярной воинской части. Для подавления восстания были спешно сформированы специальные отряды из офицеров, кадетов военного училища, учебного батальона и полицейского резерва.

Революционные бойцы защищались достаточно стойко. На Балтийском вокзале повстанцы успешно отбили все атаки конной полиции. Лишь после того как враг получил подкрепление —

два взвода из унтер-офицерского училища, рабочие с боем отступили. Упорное сопротивление оказали повстанцы, оборонявшие здание Главного почтамта. Первая атака, предпринятая взводом курсантов унтер-офицерского училища при поддержке бронемашин, была успешно отражена. Но с прибытием второго взвода противнику удалось под прикрытием пулеметного огня вытеснить восставших из здания.

Боевая дружина, овладевшая авиадивизионом и аэродромом на Ласнамяги и захватившая здесь значительное количество вооружения, допустила серьезную ошибку, — она не развернула наступательных действий, а заняла оборону. В течение двух часов повстанцы вели здесь бой, отбивая атаки конного отряда, бронемашин и взвода кадет, пытавшихся вернуть аэродром. В 11.30 утра бронемашине удалось прорваться на аэродром и восставшим пришлось покинуть его.

Уже через шесть часов после начала восстания повстанцы оставили свои последние позиции и отступили.

Бои с отдельными группами повстанцев продолжались местами еще две недели. Так, коммунисты Э. Амбос, О. Пийр, А. Соммерлинг 5 декабря близ Таллина, в Иру, целую ночь огнем из пистолетов отражали атаки 45 хорошо вооруженных противников, пока все не погибли. Утром 7 декабря в Таллине на нынешней улице Я. Томпа произошла схватка трех революционеров — В. Богданова, Г. Креукса, Р. Пяльсона — с отрядом полицейских. Революционеры сражались до последнего патрона.

После подавления восстания в Эстонии начался белый террор, в результате которого коммунистов погибло больше, чем в ходе самого восстания.

Инициатива этого восстания исходила опять-таки от Председателя ИККИ Г. Зиновьева. И в этот раз рабочий класс Эстонии выступления коммунистов не поддержал, вследствие чего оно продлилось только один день. Позже Сталин публично обвинил Зиновьева в том, что он задумал это восстание для укрепления своих позиций в Коминтерне после смерти Ленина. Хотя известно, что Сталин сам одобрил, если не подтолкнул, действия Коминтерна в этом направлении.

Болгария, 1925 год

Провал восстания в Болгарии в сентябре 1923 года не остановил Коминтерн и политическое руководство СССР.

В 1924 году были предприняты новые попытки подготовки революционного выступления в этой стране. На этот раз центр подготовки революции переместился в Вену. В начале 1924 года туда прибыл новый руководитель советской резидентуры на Балканах В.С. Нестерович. Это был профессиональный военный, участник первой мировой войны.

В феврале 1925 года В.С. Нестерович предложил использовать для разжигания «мировой революции» панславянскую идею. В записке, адресованной Политбюро и Президиуму ЦИК СССР, он перечислил практические меры по использованию различных политических организаций славянства, в том числе особое внимание уделил сотрудничеству с Военно-революционной организацией Македонии. По его мысли, революционное выступление должно было начаться в Болгарии и Королевстве сербов, хорватов и словенцев, затем перекинуться во все страны Балканского полуострова, а через Австрию в страны Западной Европы. Опорой для такого выступления должны были стать, по его мысли, славянские комитеты и организации, существующие в этих странах.

В этом документе под условным названием «Пути революции на Балканах» была дана подробная характеристика стран Западной Европы с точки зрения ближайших перспектив социалистической революции. В этом аспекте приоритет Нестерович отдавал странам так называемой Малой Антанты, а также Австрии и Германии. Любопытно, что главным политическим противником Советской России он назвал Францию. Такой вывод был сделан на основании того, что французское правительство и финансово-промышленные круги поддерживали российскую эмиграцию. На копии этого документа, хранящегося в личном архиве И. Сталина, есть пометка на полях «Правильно».

Попытка практического осуществления части задуманного плана была предпринята в 1925 году. 16 апреля во время отпевания убитого генерала Георгиева в Софийском соборе произошел взрыв, который должен был послужить сигналом к вооруженному выступлению болгарских коммунистов по всей стране. Это была акция Военного центра, осуществление которой долгое время приписывали анархистам и активистам Военно-революционной организации Македонии (ВРМО).

Однако, как выяснилось сейчас из новых документов, болгарская полиция была своевременно информирована о подготовке этой акции. Уже через несколько часов после взрыва Софию буквально наводнили тысячи полицейских и солдат. Начались

облавы в пролетарских кварталах, в стране было объявлено военное положение. Болгарская полиция заблаговременно подготовила «черные списки», которые теперь были извлечены из сейфов, и в ночь на 17 апреля началась кровавая расправа. При этом в провинции власти даже не объясняли, кого и за что ищут, людей выволакивали на улицу и расстреливали без суда.

* * *

Итак, для РКП(Б)/ВКП(б) Коминтерн стал инструментом осуществления главной идеи коммунистов — победы мировой революции.

Они верили, что Октябрьская революция начала эпоху мировой пролетарской революции. Но мировая революция, тем не менее, все же не произошла. Руководители партии большевиков, включая Ленина, сильно ошиблись в оценке социальной ситуации в странах Западной Европы. Революция пролетариата не состоялась вовсе не из-за предательства лидерами социал-демократии конечных целей рабочего движения, а из-за отсутствия объективных условий не только для революции, но даже для сколько-нибудь значительного революционного подъема.

Уже на V Конгрессе Коминтерна (1924 г.) Карл Радек доказывал, что линия Зиновьева-Сталина на искусственное разжигание мировой революции ошибочна, а установка Зиновьева насчет предстоящей задачи о завоевании пяти шестых земной суши, чтобы создать Советский Союз в мировом масштабе, является чистой авантюрой. Но это выступление Радека поддержки у большинства делегатов Конгресса не получила.

Тем не менее, вторая болгарская «революция» 1925 года стала последней попыткой Коминтерна и руководства Советского Союза инициировать мировой революционный пожар.

После ее поражения последовало поражение всеобщих стачек в Англии и Австрии, провалились попытки вооруженных восстаний в отдельных колониях, а также революция в Китае. Все попытки Коминтерна направить эти выступления в определенное русло успехом не увенчались. Трудящиеся массы этих действий не поддержали. Начался отлив революционной волны и стабилизация капитализма.

Большинство рабочего класса пошло за социал-демократами. Это и определило дальнейшую политику всей деятельности Коминтерна. Но от своей основной стратегической цели мировой социалистической революции Коминтерн не отказался.

Правда, руководство ИККИ и СССР признали, что лобовая атака на капитализм не получилась, из чего делался вывод, что необходимо менять тактику и пересмотреть всю работу сообразно новому соотношению сил. Рабочее движение в разных странах и в разные периоды развивается неравномерно, переходя через моменты подъемов и упадков.

Это, конечно, не значит, что вожди «первого в мире государства рабочих и крестьян» отказались от идеи мирового «пролетарского» господства. Вся внешняя политика СССР в дальнейшем доказала, что идея экспорта социалистической революции отнюдь не умерла: достаточно вспомнить последствия второй мировой войны — образование «лагеря народной демократии», «братскую помощь», чаще всего безвозмездную, в любом уголке земного шара, где только возникала, пусть мизерная, предпосылка для развития какой-либо страны по пути социализма советского образца.

...Но все это происходило уже без Коминтерна.

Глава 6

Кое-что из деятельности исполкома Коминтерна

Все основные события «открытой» части деятельности Коминтерна неразрывно связаны с его конгрессами, а также с пленумами Исполнительного Комитета (ИККИ)*.

Они довольно подробно описаны в журнале «Коммунистический Интернационал», в других партийно-политических изданиях на русском языке, в исследованиях советских историков. Поэтому мы кратко коснемся лишь некоторых вопросов, решавшихся на этих форумах, которые имеют важное значение для основной сюжетной линии этой книги.

Как Пятницкий попал в Коминтерн

Политические руководители Коминтерна Зиновьев, Троцкий, Радек и Бухарин к черновой технической работе относились

* Конгрессы: в 1919 (I); 1920 (II); 1921 (III); 1922 (IV); 1924 (V); 1928 (VI); 1935 (VII) годах. Пленумы в 1922 (1-й и 2-й); 1923 (3-й); 1924 (4-й); 1925 (5-й); 1926 (6-й и 7-й); 1927 (8-й); 1928 (9-й); 1929 (10-й); 1931 (11-й); 1932 (12-й); 1933 (13-й) и т.д.

пренебрежительно, предпочитая ей вопросы теории и высокой политики. Возник вопрос, кому поручить создание работоспособного механизма, способного организовать массы на борьбу с буржуазией, кому поручить функции начальника Генерального штаба всемирного рабочего и коммунистического движения.

ЦК РКП(б), перебирая возможных кандидатов на эту нелегкую работу, остановился на Осипе Пятницком. Он считался одним из самых способных организаторов в партии большевиков, был всесторонне проверен в условиях подполья, вооруженных восстаний в Одессе в 1905—06 гг. и в Москве в октябре 1917 г., а также в Гражданской войне.

За годы эмиграции он хорошо изучил деятельность социал-демократических партий и профсоюзов Центральной Европы, сотрудничал со многими представителями их руководства. Он хорошо знал сильные и слабые стороны их деятельности, знал и помнил особенности европейского рабочего движения.

Так в одно мартовское утро 1921 года секретарю Московского комитета партии Пятницкому позвонили из секретариата Ленина и передали его просьбу срочно приехать в Кремль, как только он сможет освободиться. Через час Пятницкий был уже в кабинете председателя Совнаркома.

Расспросив Пятницкого о том, как идут дела в Московской парторганизации и в профсоюзе железнодорожников, председателем которого он еще недавно был, Ленин сообщил ему, что Исполком Коминтерна просит направить его на работу в аппарат Исполкома, и что он пригласил его к себе именно по этому вопросу.

Тут же Ленин объяснил, что это архиважное задание: предстоит наладить всю организационную работу аппарата Исполкома, создать и возглавить Организационный отдел, наладить бесперебойную связь с зарубежными компартиями, транспортировку людей за границу, упорядочить работу с кадрами и ужесточить контроль над финансами.

Одним словом, заняться делами, хорошо ему известными по работе в большевистском подполье. Браться за эту работу надо немедленно, так как вскоре состоится Третий Конгресс Коминтерна.

С того времени вся основная практическая работа Исполкома Коминтерна легла на плечи Осипа Пятницкого.

Вся предыдущая жизнь Пятницкого была как бы прелюдией к его работе в Коминтерне. Он органически вжился в нее, жил ее

интересами, любил ее и считал основой своей жизни. С легкой руки Владимира Ильича Ленина Осип Пятницкий стал неотъемлемой частью международного коммунистического движения.

Я не ставлю своей целью создание всеобъемлющей истории Коммунистического Интернационала. Я лишь пытаюсь показать работу Осипа Пятницкого в этой организации. Но так уж получается, что его работа в Коминтерне по сути своей является описанием истории его жизни.

Исполком располагался в старом невзрачном четырехэтажном здании на Моховой улице, совсем рядом с Кремлем. В бесчисленных его комнатах, двери которых выходили в узкие коридоры, Пятницкий нашел для себя пустую комнату, попросил поставить там стол, несколько стульев и установить телефон. Уже на следующий день, придя в новое место работы, с раннего утра до позднего вечера разбирался в той сложной обстановке, которая сложилась в международном коммунистическом движении.

Позже о первых днях своей работы в Коминтерне Пятницкий с усмешкой рассказывал:

«Меня посадили сюда, в сущности говоря, для организационной, хозяйственной, сугубо технической работы. Коминтерн на той стадии отражал силу революционного подъема 1918—21 гг. Это было что-то грандиозное, приезжала масса людей, обсуждались важные проблемы и очень часто, приезжающие по несколько дней не знали с кем встретиться и поговорить.

Я же находился в комнате с утра до вечера, поэтому все, кто приезжал, обращались с вопросами ко мне, и я каждому давал ответ по своему разумению. И все это оказалось таким большим и бесконечно широким, что я стал как бы распределителем в этом большом хозяйстве, похожем на муравейник. И постепенно все это улеглось в определенное русло».

Серафима Гопнер, ответственный работник аппарата ИККИ, которая в то время была с ним рядом и видела его работу своими глазами, рассказала мне об этом следующее:

«Когда я пришла на работу в аппарат Коминтерна, то через некоторое время должна была констатировать, что была потрясена и изумлена размахом и охватом тех проблем и тех задач, которые разрешает сам Пятницкий, или на решение которых он оказывал громадное влияние.

Его деятельность была тесно связана с тем, что за границей после революционного подъема наступила реакция, и оказалось много людей, которых преследовали. Симпатии к коммунизму возросли, и Москва наводнилась колоссальным количеством людей, а аппарат Коминтерна был для этого мало приспособлен...

Вот Пятницкому и было поручено навести порядок: кто едет, куда едет, кто его послал, словом охватить весь этот бурный процесс и вогнать его в какое-то русло. И он взялся за это дело со всем своим пылом. Это был человек колоссального темперамента! Он стал наводить порядок и в области финансов. Я не могу, конечно, знать всю его работу в Коминтерне. Но в этом сложном аппарате он был хозяин, у которого каждый мог получить ответ, политический деловой ответ, который его устраивал. Иначе хаос был бы неизбежен»...

Уже через месяц, 21 мая 1921 г., Малое Бюро ИККИ назначило Пятницкого заведующим Отделом международных связей (ОМС) Коминтерна. А 19 июля его ввели в состав Бюджетной комиссии Коминтерна, назначили казначеем Исполкома, избрали секретарем этой комиссии, и фактически он стал ее руководителем.

Одно из важнейших направлений его работы являлось создание каналов для переправки деятелей Коминтерна в Советскую Россию и в обратном направлении. Например, на каждый Конгресс прибывали до 500—600 делегатов от всех компартий (не считая гостей), в том числе от компартий, находящихся в подполье. На каждый Пленум ИККИ приезжали до 100—150 делегатов.

Что значило обеспечить благополучное прибытие делегатов на Конгресс или Пленум? Продумать их маршруты, с необходимыми явочными пунктами и паролями для каждого, снабдить деньгами, надежными документами, проходами на границах и т.д. Эти функции были возложены на Пятницкого на протяжении всей его работы в Коминтерне.

Он организовывал явочные пункты и создавал конспиративные связи, вытаскивал, по возможности, из тюремных застенков арестованных функционеров компартий, делал многое другое, чего мы еще не знаем и о чем пока молчат архивы. Вот это и была та каждодневная черновая работа Пятницкого в Исполкоме Коминтерна. Недаром историограф Гестапо и Абвера, известный немецкий историк Ханс Хейне, назвал Осипа Пятницкого «серым кардиналом» Коминтерна.

Конечно, Пятницкий работал не один. В аппарате Исполкома в то время работали около 400 человек. Но в Секретариате Пятницкого было не более 15 сотрудников, и каждый из них выполнял свои, четко определенные обязанности. Пятницкий лишь направлял и контролировал работу аппарата. Секретариат оргсекретаря ИККИ стал основным механизмом, приводившим в движение весь сложный аппарат Исполкома Коминтерна.

Отношение Коминтерна к социал-демократам

По докладу Председателя Коминтерна Г.Е. Зиновьева, ИККИ принял в 1921 г. резолюцию, содержащую оценку социал-демократии. В ней утверждалось, что по мере разложения капитализма, социал-демократия фашизируется, и делался вывод, что социал-демократия и фашизм — это различные политические средства буржуазии. Так с подачи Зиновьева, к которому вскоре присоединился Сталин, была принята концепция, по которой социал-демократов стали именовать «социал-фашистами».

Данную концепцию Коминтерн долгое время культивировал и под давлением Сталина внедрял в свою повседневную практику. Именно отсюда берет начало взаимное отчуждение и политическая борьба между коммунистами и социал-демократами, которые раскололи и ослабили всемирное рабочее движение.

С течением времени менялись тактические приемы и политические лозунги Коминтерна. Но суть его действий оставалась неизменной — борьба за массы трудового народа. Поскольку же большинство рабочего класса шло за социал-демократами, это означало ожесточенную борьбу с социал-демократией за влияние на трудящихся.

Именно поэтому III конгресс принял решение о создании Международного объединения Красных (революционных) профсоюзов или кратко — Профинтерн. Учредительный конгресс Профинтерна состоялся в Москве в июле 1921 года. В своей резолюции он отверг теорию реформистов о «нейтральности» профсоюзов.

Профинтерн являлся как бы филиалом Коминтерна и повторял его организационную структуру. Генеральным секретарем этой новой международной организации был избран представитель партии советских коммунистов С. Лозовский (Дридзо), который на протяжении всей деятельности Коминтерна входил в состав его руководства и в делегацию РКП(б) в нем.

В резолюции Пятого конгресса (1924 г.) было заявлено, что «все буржуазные партии, и особенно социал-демократия, принимают более или менее фашистский характер, прибегая к фашистским методам борьбы с пролетариатом». Такой подход, естественно, не допускал возможности сотрудничества с социал-демократией.

Относительно тактики «единого фронта» было сказано, что это «есть только метод агитации и революционной мобилизации масс для целого периода». Всякие попытки истолковать подобную тактику как политическую коалицию с «контрреволюционной» социал-демократией, являются оппортунизмом.

Несомненно, причиной подобного поворота в оценке социал-демократии стала, главным образом, неудача революционных выступлений в 1923 году в Болгарии и Германии.

28 февраля 1928 года состоялось заседание делегации ВКП(б) в ИККИ с участием представителей ЦК компартии Германии. Оно приняло написанную Сталиным резолюцию, в которой говорилось, что «правая» опасность в рабочем движении Германии, выражением которой является социал-демократическая партия, представляет основную опасность.

На Шестом конгрессе Коминтерна (сентябрь 1928 г.) красной нитью проходили идеи Сталина о том, что социал-демократия является основным противником коммунистического движения, о нерешительности национальных компартий в борьбе с этим главным противником, и что вопрос отношения к социал-демократии является узловым вопросом политики Коминтерна.

После 10-го пленума ИККИ (июль 1929 г.) национальные компартии получили директиву ИККИ порвать все связи с социал-демократами, всячески разоблачать их «социал-фашистскую» сущность и создавать революционные профсоюзы. Тезис Сталина, что «социал-демократия и фашизм — это не альтернатива, а близнецы» в 1929—1933 гг. превратился в ритуальный лозунг Коминтерна.

На одном из заседаний в июне 1934 года, когда обсуждался вопрос об отношении к социал-демократам, Мануильский признался в том, как Сталин и его приближенные представляли себе развитие отношений Коминтерна с социал-демократией:

«Мы представляли себе, что развитие отношений будет таким: борьба с социал-демократами на исторической арене, класс против класса, буржуазия против пролетариата, и для того, чтобы мы

возглавили пролетариат, надо разгромить социал-демократию. Но вышло совсем не так, как мы думали на VI Конгрессе. Социал-демократов разгромили не коммунисты, а фашисты. Все наши указания были таковы, что социал-демократы — наш главный враг. Вопрос заключался в том, что, игнорируя борьбу с фашизмом, мы сосредоточили весь огонь на социал-демократах, и считали, что, борясь с социал-демократами, мы тем более громим фашизм».

В действительности все вышло точно наоборот. Получился очередной «облом».

Инструкторы «центра» и «большевизация» партий

Пятый конгресс Коминтерна (1924 г.) стал первым, который проходил без участия В.И. Ленина. В его работе приняли участие 504 делегата, представлявшие 46 коммунистических партий и рабочих партий, и 14 рабочих организаций. По сравнению с 1922 годом, когда проходил предыдущий Четвертый конгресс, численность компартий зарубежных стран значительно сократилось из-за больших потерь, понесенных в ходе революционных боев 1923 года в Италии, Германии, Болгарии и Польше. К тому времени многие национальные компартии ушли в подполье. Наблюдался также отток из них революционных рабочих и реформистов.

В данной связи Исполкому Коминтерна (ИККИ) резолюцией конгресса были поручены контрольные функции за деятельностью национальных компартий, с правом корректировки и даже отмены решений их руководящих органов. Устав определил, что даже съезды национальных компартий могут созываться лишь с санкции ИККИ и только после конгрессов Коминтерна. ИККИ, согласно изменениям, внесенным в Устав Коминтерна на конгрессе, получил также право утверждать (или отменять) их программные документы.

С этого времени была введена практика посылки инструкторов орготдела ИККИ на съезды всех компартий для передачи им директив и для контроля над исполнением решений конгрессов Коминтерна и постановлений ИККИ.

Эти эмиссары имели очень широкие полномочия вплоть до отмены любых решений руководства и даже съездов нацио-

нальных компартий и выдачи мандатов их делегатам на предстоящие конгрессы Коминтерна*.

На этом же конгрессе был выдвинут лозунг «О большевизации компартий». Конгресс определил основные положения «большевизации». Он установил, что компартии должны стать массовыми, поддерживать самую тесную связь с рабочей массой, быть маневренными, своевременно менять тактику, приспосабливаясь к обстановке и местным условиям. Они должны быть централизованными, монолитными, не допускать в своей среде фракционной борьбы, всяческих течений и группировок, настойчиво вести организационную и пропагандистскую работу.

«Большевизация» компартий предусматривала перестройку компартий на основе производственных ячеек, четкое определение функций партийных комитетов и их взаимодействие с коммунистическими фракциями в профсоюзах и других массовых организациях, и особенно, организацию массовой работы среди безработных. Все это требовало коренной реорганизации всех национальных компартий.

Для большинства партий этот организационный принцип был новым. Ведь все зарубежные компартии вышли из социал-демократической среды и переняли их организационную структуру, при которой низовые организации создавались по месту жительства ее членов. В результате члены партии были оторваны от предприятий, на которых работали, и от рабочей массы. Это затрудняло какую бы то ни было работу и в рабочей массе, и в самой партии. Случайная территориальная близость была плохим условием для сплоченной работы и борьбы.

Социал-демократическим партиям такой принцип построения партии не мешал. Ведь они строили свою работу, применяясь к парламентской деятельности. Поэтому их партийные организации были разбиты по избирательным участкам. Коммунистическим партиям подобное построение не годилось.

Потребовалось свыше семи лет, чтобы добиться существенных результатов в этой работе. Компартии получили прочную организационную базу для распространения своего влияния на промышленных рабочих, непосредственно, на своих предприятиях.

«Большевизация» компартий, безусловно, была необходима, так как во многих из них социал-демократические традиции были очень сильны. Чтобы превратить их в боеспособные организации, требовались колоссальные усилия и серьезная реорганизация

* См. РЦХИДНИ. Фонд 492, дело 199, лист. 1.*

стиля их работы. Разумеется, далеко не все одобряли или принимали такое решение. По свидетельству Д.З. Мануильского, при проведении в жизнь постановления конгресса о «большевизации» компартий и их «укреплению», пришлось заменить руководителей более чем в 50 национальных компартиях, то есть, почти во всех.

Практически везде «большевизация» компартий превратилась из средства их укрепления просто в «сталинизацию». Правда, сначала заметить это было трудно. Дух коллективизма, заложенный Лениным в Коминтерне, стал подменяться командно-приказными мерами. ИККИ постепенно, через советскую делегацию стали прибирать к рукам Сталин и его команда: Молотов, Коганович, Жданов и Мануильский. Все, что не отвечало точке зрения «вождя», отсекалось и выбрасывалось.

Вопрос о польской компартии

Во время работы Пятого конгресса Сталин руководил работой польской комиссии, которая обсуждала положение в руководстве коммунистической рабочей партии Польши (КРПП). Он обвинил руководство этой партии в поддержке оппортунистической оппозиции, существующей в партии советских коммунистов. Обвинение руководства КРПП в поддержке троцкистской оппозиции, боровшейся против сталинского руководства в РКП(б), наложило отпечаток на весь ход обсуждения этого вопроса.

Решением комиссии, под давлением Сталина, Молотова и Скрыпника, польская делегация переизбрала Бюро ЦК КРПП. Создателей партии А. Варского и Э. Прухняка от руководства партией отстранили. Но Сталин на этом не успокоился. Он и дальше продолжал наскоки на партию польских коммунистов. В конце концов, с помощью Д.З. Мануильского, Сталин довел дело до ее полного разгрома и роспуска*.

Не выносить сор из избы!

Часто на заседаниях решающих органов ИККИ возникали споры между представителями советской делегации при Исполкоме Коминтерна в присутствии иностранных представителей в

* Следует отметить, что после провала похода на Варшаву в 1920 году, Сталин, который никогда не забывал о мести тем, кто его «опустил», навсегда возненавидел поляков. Это хорошо видно по его решениям вплоть до конца жизни. Одна только Катынская гекатомба чего стоит! — *Прим. ред.*

этих органах. Поэтому 22 марта 1926 года Бюро делегации ВКП(б) в ИККИ приняло специальное решение, которое предписывало членам делегации предварительно решать все важнейшие вопросы деятельности Коминтерна в своем кругу, и только после этого выступать на заседаниях решающих органов с единым мнением.

Это решение определяло порядок, по которому перед каждым заседанием Президиума ИККИ собирать его членов от ВКП(б) в составе Зиновьева, Бухарина, Мануильского и Пятницкого (секретаря советской делегации в ИККИ); перед заседаниями Исполкома собирать его членов от ВКП(б) в составе Зиновьева, Сталина, Бухарина, Пятницкого, Троцкого, Рыкова, Каменева, Сокольникова, Мануильского, Лозовского и Шумского. Для решения важнейших вопросов должна собираться вся делегация в полном составе, независимо от того, в какой инстанции этот вопрос будет рассматриваться*.

1 апреля 1926 года это решение Бюро советской делегации при ИККИ было рассмотрено и утверждено Политбюро ЦК ВКП(б) и вступило в силу. Одновременно споры между членами советской делегации в присутствии членов других компартий были категорически запрещены.

Расправа с Зиновьевым

Внутренние отношения в советской делегации в ИККИ, а, следовательно, и в руководстве Коминтерном, были очень напряженными. Троцкого все отвергали сообща. Зиновьев, Каменев, Бухарин, Рыков и Сталин имели группы своих сторонников. Каждая из этих групп вела свою собственную политическую линию, то, блокируясь, то, вступая в бой между собой. Но каждая из них стремилась встать во главе международного коммунистического движения. Это значительно поднимало их авторитет в собственной партии.

Сталин, постоянно маневрируя между этими группами и интригуя, вел линию на захват в свои руки политического руководства Коминтерном. Мануильский и Лозовский при всех изменениях курса следовали за Сталиным. Сокольникова вскоре от коминтерновской работы отстранили. Пятницкий неуклонно проводил официально принятую линию партии.

* РЦХИДНИ. Ф. 17, оп. 3, д. 554.

25 июня 1926 года Сталин в письме Молотову, Бухарину, Рыкову и другим утверждал, что «группа Зиновьева, имеющая сильные позиции в ИККИ, является сейчас наиболее вредной», и предлагал нанести по ней удар на Пленуме ЦК ВКП(б) и вывести Г. Зиновьева из Политбюро ЦК ВКП(б). В частности, он писал:

«Возможно, что после этого Зиновьев подаст в отставку по ИККИ. Мы должны ее принять. Во всяком случае, после вывода из Политбюро Зиновьев уже не может быть Председателем ИККИ. Это поймут все секции и сделают сами необходимый вывод. Тогда мы перейдем от системы председателя к системе секретариата в ИККИ. Это будет разоружением группы Зиновьева»*.

Уже в июле того же года Объединенный Пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) рассмотрел и осудил фракционные действия «новой оппозиции». На Пленуме были приведены конкретные факты организации ее законспирированных групп в различных районах страны, использовавших в своей деятельности особые шифры, конспиративные явки и прочие атрибуты нелегальной работы фракционных подпольных групп. Было указано, что ответственный работник аппарата ИККИ Г. Беленький был специально послан в Одессу для организации там нелегальной фракции. Особо было отмечено нелегальное фракционное собрание, которое происходило в лесу под Москвой, устроенное Г. Беленьким. Оно проходило по всем правилам конспирации с организацией патрульной службы, установлением паролей, строгим подходом к подбору приглашенных.

Фракционная работа «новой оппозиции» не ограничивалась рамками ВКП(б). Делались попытки через аппарат ИККИ распространить взгляды оппозиции в национальных компартиях. Это нашло свое выражение в действиях ближайших сторонников Зиновьева — Гуральского, Вуйовича и некоторых других, пытавшихся создать свои фракционные группы в различных секциях (национальных компартиях) Коминтерна.

Пленум констатировал, что все нити этих фракционных действий ведут к аппарату ИККИ, во главе которого стоит член Политбюро ЦК ВКП(б) Г. Зиновьев.

С докладом на пленуме выступил кандидат в члены ЦК ВКП(б) Лашевич. Он призвал собравшихся организовать борьбу

* Письма Сталина Молотову, 1925—1936 гг. М., 1995, с. 73.

со сталинским засильем в руководстве партии. Однако Пленум оценил это как свидетельство тому, что «новая оппозиция» перешла к созданию всесоюзной нелегальной организации, противопоставляющей себя ВКП(б) и подготавливающей раскол ее рядов (так называемое «дело Лашевича»).

Пленум вывел Зиновьева из состава Политбюро, а в октябре 1926 года следующий Объединенный Пленум высших органов партии отозвал Зиновьева с коминтерновской работы, и рекомендовал ИККИ освободить Зиновьева от должности председателя Исполкома Коминтерна. На том же Пленуме было принято решение об исключении Троцкого из членов Политбюро, а Каменева из числа кандидатов в члены этого высшего органа ВКП(б).

Следует заметить, что к тому времени у руководства ИККИ и национальных компартий вызывало недовольство стремление Зиновьева играть в коммунистическом движении особую роль, его «игра в вождизм» и туманные формулировки во всех основополагающих вопросах.

Все это раздражало Сталина, так как он сам стремился стать вождем Коминтерна. Без этого его положение в собственной партии оставалось непрочным.

В бытность свою руководителем Коминтерна Зиновьев стремился обеспечить на решающих участках в аппарате его Исполкома наличие лично преданных ему людей, то есть то же самое, что делал Сталин в ЦК ВКП(б). Когда же после XIV съезда партии Зиновьев оказался в оппозиции, началась кампания чистки аппарата ИККИ и национальных компартий от его сторонников, подобно тому, как всех подозреваемых в оппозиции к Сталину выводили из состава ЦК ВКП(б) и его аппарата, из московского и ленинградского обкомов и горкомов партии, а также исполкомов.

В данной связи положение Пятницкого оказалось весьма затруднительным. Он никогда не был зиновьевцем. Скорее наоборот. Он признавал эрудицию Зиновьева, но не мог примириться с такими чертами его характера, как тщеславием, жадной величия, вождизмом и пренебрежительным отношением к подчиненным. Он стремился играть в Коминтерне особую роль. В этом он был очень похож на Сталина, который сам претендовал на роль вождя всемирной коммунистической партии. Это, по существу, и стало причиной большой «драки» и в ЦК ВКП(б), и в Коммунистическом Интернационале.

Бухарин — политический руководитель Коминтерна

Устранение Зиновьева от руководства Коминтерном и неустойчивая ситуация в руководстве русской секции Коминтерна — ВКП(б) затрудняли принятие решения о дальнейшем руководстве Коминтерном. Мануильский предложил восстановить пост генерального секретаря ИККИ, надеясь, что его займет Бухарин или он сам.

Однако прошло предложение Пятницкого, поддержанное Бухариным. Они предложили ликвидировать Оргбюро и Секретариат ИККИ, которые часто дублировали работу друг друга, и создать на их основе орган коллективного руководства, аналогичный Политбюро ЦК ВКП(б) — Политсекретариат ИККИ. Его членов должен был избирать Президиум и он являлся решающим органом. Ему поручалось руководство всеми общественно-политическими и организационными вопросами деятельности международного коммунистического движения.

Политсекретариату ИККИ были предоставлены значительно более широкие права, чем прежнему Секретариату. В круг его полномочий вошло распределение обязанностей между членами этого нового органа, фактическое руководство деятельностью секционных секретариатов и отделов ИККИ, а также контроль над деятельностью национальных компартий и коммунистических фракций в международных массовых организациях.

20 декабря 1926 года на заседании Президиума ИККИ был утвержден, представленный 17 декабря советской делегацией в ИККИ, персональный кадровый состав Политсекретариата. Членами его стали Н. Бухарин, О. Пятницкий, Д. Мануильский (от ВКП(б), О. Куусинен (персонально), П. Тольятти (Эрколли) от КП Италии, Б. Шмираль (от КП Чехословакии) и М. Рой (от КП Индии), а кандидатами в члены были избраны В. Молотов и С. Лозовский (от ВКП(б), Мэрфи (от КП Англии) и Ж. Эмбер-Дро (от КП Швейцарии).

Осенью 1926 года Сталин был объявлен вождем всемирного коммунистического движения. Особое усердие в этом акте проявили деятели советской делегации в Исполкоме Коминтерна Мануильский и Лозовский. Им вторили Куусинен, который был введен в советскую делегацию, будучи представителем компартии Финляндии, и значился в Исполкоме как избранный «персонально», а также беспринципный Емельян Ярославский. С тех

пор Коминтерн не мог осуществлять любые политические шаги без санкции «вождя».

Тем не менее, Сталин в Полисекретариат Коминтерна входить не захотел, чтобы не брать на себя ответственность за политику всемирного коммунистического движения. В то время он еще предпочитал находиться в тени и действовать чужими руками через советскую делегацию в ИККИ, которую сам же и формировал. Он уже тогда задумал превратить Коминтерн в придаток аппарата ЦК ВКП(б), неуклонно следовал этой своей программе и в результате своего добился. Но и в то время он принимал самое активное участие в принятии основных решений Коминтерна, особенно по кадровым вопросам. Ведь кадры решают все! Это был основной принцип Сталина.

20 декабря 1926 года по предложению секретаря Организационной комиссии Пятницкого Президиум ИККИ выделил из состава Политсекретариата Малую (Узкую) комиссию для решения вопросов конспиративного и организационного характера. Ее возглавил Б.А. Васильев. Заседания Политсекретариата проводились еженедельно. Но Узкой комиссией предоставлялось право созыва чрезвычайных заседаний Политсекретариата*.

Политическим руководителем Коминтерна вместо Зиновьева стал Николай Иванович Бухарин. В тот момент никто лучше него не подходил на эту роль. Эта работа требовала высокого теоретического и общеполитического уровня, непосредственного знакомства с внутренней жизнью западных государств, знания иностранных языков, позволяющего постоянно следить за иностранной прессой. Всеми этими качествами в полной мере обладал лишь Бухарин. Сталин понимал это, и полностью загрузил его делами Коминтерна. Теперь он мог любые неудачи всемирного коммунистического движения приписывать Бухарину и таким образом дискредитировать его.

При смене политического руководства Коминтерна Осип Пятницкий остался организационным секретарем ИККИ. В его руках было сосредоточено руководство всеми организационно-техническими вопросами, финансами и хозяйственными делами, а главное — конспиративной деятельностью. В эту область допускались лишь избранные функционеры и некоторые работники аппарата Коминтерна.

Бухарин стал также председателем советской делегации в ИККИ, а Пятницкий остался ее секретарем. С конца 1926 года

* РЦХИДНИ. Ф. 495, оп. 2, д. 64а.

персональная ответственность перед Политбюро ЦК ВКП(б) за положение дел в международном коммунистическом движении была возложена лично на Бухарина и Пятницкого.

Почти два года проработал Пятницкий под руководством члена Политбюро ЦК ВКП(б) Н.И. Бухарина. Отношения между ними складывались легко. Они были знакомы еще с октября 1917 года, когда Пятницкий был секретарем МК партии и одним из ведущих руководителей Московского вооруженного восстания, а Бухарин — членом Исполкома Моссовета. Оба они представляли московских большевиков на VI съезде партии.

Бухарин был яркой фигурой. Он отличался редкой простотой в отношениях с товарищами по партии. Его украшали талант и интеллект, обаятельность, революционный романтизм, умение найти ключ к любому собеседнику. Он не стремился к власти и единоначалию. Был человеком искренним и незлопамятным.

Однако Бухарин был теоретиком и постоянно лавировал в джунглях высокой политики, часто и легко меняя свои позиции. Пятницкий был практиком, мастером организационных вопросов и никогда не изменял однажды принятой политической линии. Они идейно дополняли друг друга и неплохо ладили. В повседневную черновую работу оргсекретаря ИККИ Бухарин не вникал, переложив ее на плечи Пятницкого, считая его в этих вопросах более компетентным.

Но когда их мнения расходились, то спорили между собой и если не находили компромисса, что было не часто, то открыто отстаивали каждый свое мнение. Но это никогда не отражалось на их товарищеских отношениях друг к другу.

Оба они выступали за строгую дисциплину и твердую руку в руководящих органах коммунистического движения, но при этом за большую самостоятельность национальных компартий, против мелочной опеки со стороны центральных органов, считая, что централизм в принятии решений не всегда учитывает специфику ситуаций и политической борьбы в той или иной стране.

Оба настаивали на сохранении кадров национальных компартий во время очередных чисток, считая, что лучше иметь не очень послушных, но умных людей в руководстве национальных компартий, чем бездумных исполнителей. По мере возможности они вместе пытались смягчать в решениях ИККИ и его органов чрезвычайно резкие директивы Сталина по тем или иным вопросам деятельности международного коммунистического движения. И, наконец, вместе настояли и провели через VII Расширенный

Пленум ИККИ решение о реорганизации аппарата ИККИ, чтобы приблизить его структуру к требованиям существующей мировой обстановки.

Позже, когда началась травля правых, а Пятницкий был не согласен с линией, проводимой Бухариным, он открыто выступил против нее и очень переживал, когда над Бухариным сгустились тучи. Он открыто протестовал против исключения его из партии, а на июньском Пленуме ЦК ВКП(б) в 1937 году против решения об его казни.

Расправа с Троцким

27 сентября 1927 года на совместном заседании Президиума ИККИ и Интернациональной контрольной комиссии, Троцкий и Вуйнович были исключены из состава Исполкома Коминтерна.

В своем выступлении на этом заседании Троцкий заявил:

«Личное несчастье Сталина, которое все больше становится несчастьем партии, состоит в грандиозном несоответствии между идейными ресурсами Сталина и тем могуществом, которое сосредоточил в его руках партийно-государственный аппарат... Бюрократический режим неотвратимо ведет к единоначалию. Коллективное руководство возможно (мыслимо) только на основе партийной демократии».

Характеризуя режим, сложившийся в Коминтерне и в его делегации от ВКП(б), Троцкий выступил против сохранения запрета на фракционную борьбу мнений. Он напомнил, что решение о запрете фракций X съезд РКП(б) принял в условиях политического и экономического кризиса в партии и в стране.

Он утверждал, что фракционность неизбежно связана с жизнью и развитием партий. Между тем Сталин и его приверженцы превратили запрещение фракций в инструмент завоевания власти и усиленно внедряли его во все национальные компартии. Исполком Коминтерна они превратили в орган, стоящий выше критики, поставив каждого коммуниста перед выбором: подчиняться любым его решениям или оказаться вне партии. Троцкий заявил, что такая политика приведет к ухудшению идейной жизни национальных компартий и Коминтерна в целом.

Время подтвердило его правоту, хотя следует отметить, что и сам Троцкий не отличался приверженностью к демократии, он тоже хотел быть «вождем».

Вслед за этим ЦК ВКП(б) исключил Троцкого из партии. Его выслали в Алма-Ату, а в 1929 году — в Турцию. Оттуда он вскоре уехал в Мексику. Сталинские «ликвидаторы» совершили ряд неудачных покушений на его жизнь. Наконец, в 1940 году агент НКВД, испанец Рамон Меркадер, убил 61-летнего Троцкого несколькими ударами альпенштока по голове. За это «подвиг» он получил звание Героя Советского Союза.

Отсидев 20 лет в мексиканской тюрьме, в конце 1960 года Меркадер вышел на свободу и уже через день вылетел самолетом в Чехословакию — доживать остаток своей никчемной жизни в Карловых Варах, на персональную пенсию, назначенную ему еще Сталиным и заботливо сохраненную Хрущевым.

Расправа с Бухариным

В апреле 1928 года состоялся объединенный Пленум ЦК и ИККИ ВКП(б), который осудил теоретические взгляды Бухарина и его сторонников.

Бухарин, выполнивший для Сталина и за него львиную долю работы по разгрому троцкистов и зиновьевцев, считал, что имеет право рассчитывать на его благодарность. И вдруг Сталин на него набросился.

Он не понимал, что Сталин никогда не простит ему двух вещей. Во-первых, проведения независимой политики в Коминтерне. Сталину нужен был не союз равноправных личностей, объединенных по убеждениям, а личная рабская преданность, которой Бухарин не обладал. Во-вторых, популярности в партии и народе.

Разногласия между Сталиным и Бухариным были во много раз серьезнее, чем между Бухариным и его бывшими политическими противниками — Зиновьевым и Каменевым. Бухарин пытался привлечь их на свою сторону и для этого дважды встречался с Каменевым. Сталин об этом узнал и еще больше ожесточился против своего бывшего соратника по борьбе с «левыми».

В 1929 году Бухарин выступил против применения чрезвычайных мер при проведении коллективизации и индустриализации. Сталин немедленно объявил такую позицию «правым уклоном» в ВКП(б). Это он сделал в своей речи на Объединенном Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) в апреле 1929 года. Пленум, а вслед за ним и Президиум ИККИ вывели Бухарина из Политсекретариата ИККИ, а также из состава делегации партии в Коминтерне.

В данной связи заслуживает внимания определение Троцким разных подходов к проведению общественно-политических преобразований в СССР. По его мнению, «правая линия» — это попытка возрождения социал-демократической концепции построения общества. Ее пытались проводить Бухарин, Рыков, Томский и их последователи.

«Левая линия» предполагала продолжение развития большевизма и Октябрьской революции. Ее проводниками были Троцкий, Зиновьев, Каменев и их последователи.

Между этими двумя линиями находилась «центристская линия», которая не имела собственного принципиального содержания, но больше тяготела к правым. Выразителями ее были Сталин с группой своих приближенных. Они преследовали свои собственные, одним им известные, цели.

Все остальные приверженцы централизма — Мануильский, Куусинен, Ярославский, Лозовский и целый ряд других представляли собой приспособленцев, готовых перекраситься в любой цвет, лишь бы не идти против течения.

Отстранение Бухарина от руководства Коминтерном повлекло за собой весьма серьезные последствия. Уже летом 1929 года его единомышленников, итальянца Серра и швейцарца Эмбердро, являвшихся членами Президиума ИККИ, вывели из Исполкома Коминтерна. Серра исключили из компартии Италии, руководство ею перешло к сталинисту Пальмиро Тольятти (Эрколли).

В декабре 1929 года на заседании ИККИ Сталин потребовал изгнать из рядов компартии Германии «правых» и «примиренцев». После этого последовала волна исключений сторонников Бухарина из КПГ, в числе которых оказались Брандлер и Тальгеймер.

В период конца 1929 — первой половины 1930 гг. произошло массовое изгнание сторонников Бухарина (так называемых «правых») из руководства всех зарубежных компартий.

Так Сталин захватил руководство всемирным коммунистическим движением.

Сам Бухарин с апреля 1929 года остался вне партийных дел, ибо пост главного редактора газеты «Известия», который он вскоре занял, не давал ему никакой возможности хоть как-то влиять на решения высшего партийного руководства. Позже, уже в 1934 году, Бухарина отстранили и от этой должности, вывели из состава ЦК. В 1938 году его расстреляли.

Делегация ВКП(б) — главнее всех в Коминтерне

С момента исключения Зиновьева из состава Политбюро ЦК ВКП(б) и образования альянса Сталина с Бухариным, основным рычагом их воздействия на политику Коминтерна стала делегация ВКП(б) в ИККИ. Именно она решала все принципиальные изменения внутренней политики, структуры и персонального состава руководства Коминтерна.

Состав этой делегации постоянно менялся и расширялся. Сталин, как генеральный секретарь ЦК партии, маневрировал отдельными личностями, подбирая их в соответствии с политической ситуацией, предстоящими мероприятиями и своими личными амбициями.

Но, вне зависимости от организационных преобразований и перетасовки кадров, советская делегация в ИККИ являлась центром принятия всех основных решений. От нее зависело формирование политики Коминтерна, назначение руководителей национальных компаний, распределение субсидий компартиям, проведение их руководством тех или иных политических и организационных мероприятий.

Постепенно под прямым давлением Сталина советская делегация превратилась в придаток сталинского секретариата. Даже ее заседания стали проходить уже не в здании Коминтерна на улице Моховой, а в Кремле, в кабинете Сталина.

Вслед за устранением от руководства Коминтерном Троцкого, Радека, Зиновьева, а позже и Бухарина от руководства национальными компартиями были отстранены все те, кто принимал участие в создании Коминтерна. Поголовная смена руководства не была случайностью. Сталин заменял ленинские кадры своими.

31 августа 1928 года на заседании VI конгресса Коминтерна в записке, адресованной Пятницкому, Сталин потребовал от него так составить руководство ИККИ, чтобы обеспечить в нем преобладающий «перевес» над теми, кого он подозревал в симпатиях к Бухарину и называл «правыми».

Политическим руководителем Коминтерна стал второй секретарь ЦК ВКП(б) В.М. Молотов, конечно же, под пристальным наблюдением и контролем Сталина.

Летом 1929 года старая немецкая революционерка Клара Цеткин (1857—1933) с горечью написала следующие слова:

«Коминтерн переродился из живого политического организма в мертвый механизм, который с одной стороны проглатывает приказы на русском языке, и с другой — выдает их на различных языках, в механизм, превративший огромное всемирно-историческое значение и содержание русской революции в правила Пиквикского клуба».

Итак, начиная с 1929 года все решения и действия сталинского руководства автоматически получали полную поддержку и одобрение со стороны ИККИ. Сталин прямо заявил, что Коминтерн имеет полное право вмешиваться в жизнь зарубежных компартий.

Критикуя такое положение вещей, известный правдолюб М.Н. Рютин в 1932 году назвал Коминтерн «канцелярией Сталина по делам компартий». За это он немедленно поплатился своей головой. Как точно он уловил суть перерождения этой организации!

О внутренней обстановке, царившей в Исполкоме Коминтерна в начале 1930-х годов, красноречиво рассказала бывший ответственный работник Орготдела и ОМС ИККИ Аино Куусинен, жена секретаря ИККИ Отто Куусинена, в своей книге мемуаров:

«Не надо забывать две важные вещи: во-первых, структура Коминтерна неоднократно изменялась, во-вторых, многое держалось в тайне и тщательно скрывалось. И основное — компартии других стран не имели влияния на политику Коминтерна. Представители иностранных компартий имели высокие звания, вели пленумы и занимали ключевые посты в различных комиссиях, но в сущности, ни один из этих постов практического значения не имел. Во время Конгрессов и заседаний Исполкома председательствующие сменялись ежедневно. Куусинен объяснял это тем «чтобы товарищи из-за границы могли посидеть высоко, и думать, что вершат делами».

В действительности все решения принимались до совещаний. Каждый вопрос был заранее досконально проработан и, в общем, было неважно, кто вел собрание, с какими речами выступали представители иностранных компартий. Часто резолюции Конгрессов и Пленумов ИККИ были подробно разобраны за несколько недель до совещаний.

Руководство Коминтерна вмешивалось во все стороны деятельности компартий. Готовясь разобрать вопросы, связанные с ка-

кой-нибудь компартией, вызывались представители этих компартий, и во избежание случайных поворотов, заранее составлялись списки этих представителей. Таким образом, власть руководства Коминтерна постоянно укреплялась.

Но все же, несмотря на все предосторожности и стремление подчинить другие компартии, в Москве возникало множество разногласий. Да и сами компартии постоянно раздирали противоречия, и приходилось тратить массу сил и энергии, чтобы уладить внутрипартийные конфликты».

Пятницкий — солдат партии

В 1930 году делегация ВКП(б) в ИККИ прекратила свое существование. С того времени политикой Коминтерна руководил непосредственно Секретариат ИККИ. В него входили О. Пятницкий, Д. Мануильский, В. Кнорин, О. Куусинен и В. Пик.

Первые три были также членами ЦК ВКП(б) и жестко проводили политику своей партии в Коминтерне. ИККИ из «генерального штаба» международного коммунистического движения превратился в придаток ЦК ВКП(б). Управление им осуществлялось из кабинета генерального секретаря ЦК.

Являясь членом всех руководящих органов Коминтерна и одновременно членом ЦК ВКП(б), Пятницкий неуклонно проводил в жизнь все установки и директивы Политбюро ЦК, то есть, генерального секретаря ЦК Сталина. Иногда он пытался оспаривать правильность полученных директив, отстаивал собственное мнение. Но эти попытки не всегда были успешными и чаще всего не приводили к нужным результатам.

Пятницкому, которому интересы партии были превыше всего, а это связывалось с неуклонным воплощением в жизнь указаний ее руководства, не оставалось ничего другого, как четко осуществлять их на практике.

Но в душе, как выяснилось позже (и за что он заплатил своей жизнью), он сочувствовал своим старым, проверенным жизнью друзьям, несмотря на разногласия с ними по важным политическим вопросам. По мере возможности, он всячески помогал им.

Пятницкий всегда ценил в людях твердые убеждения и стремился вырабатывать правильную линию путем откровенного обмена мнениями и убеждения инакомыслящих. Он, как и Ленин, не терпел приспособленцев, называл их «перевертышами»

и всегда, когда это было в его силах, пытался от них избавиться. Он с тревогой наблюдал за кадровой политикой Сталина, в соответствии с которой руководящие структуры Коминтерна, ВКП(б) и госаппарата комплектовались кадрами такого типа.

Руководство Коминтерном с 1929 года сосредоточилось в руках узкого круга лиц — Молотова, Пятницкого и Мануильского. При этом ответственным за решение всех организационных вопросов деятельности ИККИ по-прежнему был Пятницкий.

Но с момента назначения Молотова политическим руководителем Коминтерна между ним и Мануильским началось отчуждение, сначала едва заметное, но постоянно расширяющееся. А ведь еще недавно отношения между ними были вполне нормальными, можно сказать, даже приятельскими.

С избранием Молотова в Политсекретариат ИККИ, Мануильский получил возможность прятаться от ответственности за его спину. Но в своих притязаниях на роль первой скрипки в делах Коминтерна не успокоился. Авторитет Пятницкого и его самостоятельность во всех вопросах не давали ему покоя.

Мануильский, по словам жены Куусинена Айно Куусинен, «был человеком Сталина в Коминтерне, его ушами и глазами». Он знал его настроения и со свойственным ему умением угадывать тайные намерения своего хозяина предложил ему кандидатуру Димитрова в руководители международным коммунистическим движением.

Сталин не терпел роста популярности кого-либо из руководящих работников партии и поэтому постоянно перетасовывал кадры. Не мог он смириться и с быстрым ростом авторитета Осипа Пятницкого в Коминтерне и в своей партии ВКП(б). Он хорошо запомнил, что на недавно прошедшем XVII съезде ВКП(б) при выборах нового состава ЦК партии кандидатуру Пятницкого, одного из немногих, съезд поддержал единогласно. Сталина раздражала его самостоятельность.

Видимо, еще тогда он решил снова перетрясти руководство Коминтерна, выдвинув в лидеры наиболее податливую фигуру. Так возникла кандидатура Георгия Димитрова, которого после Лейпцигского процесса легко можно было сделать легендарной личностью.

Но убирать Пятницкого из Коминтерна он не собирался. Он хотел лишь осадить его. Каждый сверчок должен знать свой шесток и не высовываться дальше указанных ему пределов. Сталин всегда придерживался этого принципа.

После VI Конгресса из состава Политсекретариата ИККИ в Москве фактически находились только О. Пятницкий, В. Кнорин, О. Куусинен, Д. Мануильский и В. Молотов, но последний постоянно был занят делами партии, так как являлся вторым секретарем ЦК ВКП(б).

Таким образом, фактически вся реальная власть в Коминтерне сосредоточилась в руках Пятницкого. Он был, по словам А.Г. Крымова (Куо Шао Тана), бывшего политического референта генерального секретаря ИККИ Дмитрова (после VII Конгресса), настоящим «хозяином» Коминтерна.

О том, как распределялись влияния и роли между определенными персоналиями в руководстве Коминтерна в период между VI и VII Конгрессами, А.Г. Крымов рассказал на допросе в Главной военной прокуратуре СССР в 1955 году при подготовке реабилитации руководящих работников Коминтерна.

Великий конспиратор

На 12-м пленуме ИККИ (август — сентябрь 1932 г.) Пятницкий сделал большой доклад о необходимости подготовки компартий к переходу на нелегальное положение.

Он предупредил, что уходить в подполье преждевременно не следует. Наоборот, всем компартиям надо всеми силами и средствами бороться за легальное существование и организовать массовый отпор попыткам разгрома революционных организаций.

Однако готовить компартии к переходу в подполье необходимо заблаговременно. Это позволит значительно снизить потери кадров. Для этого следует подобрать и выделить новые, всесторонне проверенные кадры, во все звенья партийной структуры.

Это выступление, занявшее целиком утреннее и вечернее заседания, поразило слушателей глубокой осведомленностью, знанием деталей, вниманием ко всем частностям практической работы компартий.

В прениях по этому вопросу выступили представители компартий Франции, Германии, Италии, Польши, Болгарии, Румынии и ряда других стран. Они привели конкретные факты работы провокаторов, выявленные методы внедрения агентов полиции и контрразведки в руководящие органы компартий, рассмотрели методы борьбы с вражеской агентурой.

Были также утверждены рекомендации «о мерах борьбы с провокаторами», разработанные «Нелегальной комиссией» под непосредственным руководством Пятницкого. Эти рекомендации сразу же разослали руководству всех национальных компартий*.

На 13-м пленуме ИККИ (ноябрь — декабрь 1933 г.) Пятницкий выступил с большим докладом «Компартии в борьбе за массы».

Он отметил, что национальные компартии имеют ряд достижений, и перечислил их. Но всю остальную многочасовую речь посвятил недостаткам в их работе. Он подробно разобрал состояние в компартиях Франции, Англии, Норвегии, Германии и Чехословакии, и на анализе их деятельности указал, как ликвидировать недостатки в их работе.

Очень большое внимание Пятницкий уделил подготовке компартий к работе в нелегальных условиях, указав, что на конец 1933 года в более или менее легальных условиях работают лишь 16 компартий, в полулегальных — 7, а в условиях запрета преследований и террора со стороны государственного аппарата — 38.

В странах, где компартии загнаны в подполье, а массовые реформистские организации продолжают существовать легально (например, в Польше, Австрии, Болгарии и Японии), необходимо концентрировать усилия на работе в этих массовых организациях, проводя в них линию партии. Руководству компартий необходимо усилить оказание им в этом действенной помощи.

В странах, где все рабочие организации запрещены, а политические партии распущены и существуют лишь фашистские, коммунисты должны использовать в своей работе все массовые организации фашистов и безработных. Центр тяжести партийной работы надо перенесена на предприятия.

Очень много внимания Пятницкий уделил работе с кадрами в условиях подполья, вопросам конспирации и децентрализации руководства.

Он подробно рассмотрел вопрос о том, как должны вести себя арестованные коммунисты на допросах. Ссылаясь на опыт большевиков в царской России, он предупреждал, что если коммуниста арестовали, избивают и он начинает говорить, то фашистские садисты уже не выпустят его из своих рук, и будут бить его до тех пор, пока он не выдаст своих товарищей, и не перейдет на их сторону. Чем меньше будет разговаривать арестован-

* РЦХИДНИ. Ф. 495, оп. 17, д. 865.

ный коммунист, тем меньше фашистские палачи будут рассчитывать вырвать у него какие-нибудь сообщения, тем скорее они прекратят допрос.

Он настаивал на том, чтобы опыт нелегальной работы компартий Германии, Италии, Болгарии, Польши, Японии и Китая собирался, анализировался и внедрялся в практическую жизнь всех национальных компартий. Коммунисты должны знать, как им избежать ареста, и как им держаться на допросах, если их все же арестуют. И тут же давал ряд практических советов.

Пятницкий предлагал:

«Продумать и своевременно произвести перемещение партийных работников в масштабе всей страны. Это должно начаться при первых же признаках запрещения компартий. И в первую очередь произвести законспирирование среднего, особенно районного руководства. Фашизм делает ставку на истребление партийного актива. Поэтому целесообразно часть руководства своевременно переместить за границу, создавая там параллельные органы управления.

Заранее отработать структуру и методы формирования органов партруководства, сочетать выборность парторганов с кооптацией, ибо в условиях подполья и широкого террора это единственное условие восполнения потерь. В подобных условиях выборные конференции провести не удастся.

Создавать резервные руководящие органы, чтобы в случае провала не оставлять партийные массы без руководства.

Перейти от однообразных организационных схем одинаковых для всех районов страны к разнообразным. Это затруднит карательным органам выявлять партийные организации.

И самое главное условие в подполье — это железная дисциплина».

В международном рабочем и коммунистическом движении Осип Пятницкий считался великим знатоком — «гроссмейстером» конспирации, поэтому каждый его совет воспринимался как руководство к действию, как неоспоримая истина.

Недаром во времена так называемого «застоя», когда стал вопрос об издании его произведений в связи с реабилитацией, КГБ выступил с возражениями, мотивируя их тем, что большинство из них могут служить пособием для пресловутых «диссидентов».

От мировой революции — к мировой контрреволюции

На X пленуме ИККИ (июль 1929 г.) Молотов заявил об обострении классово-борьбы как внутри СССР, так и на международной арене. По инициативе делегации ВКП(б) пленум принял решение о создании постоянной комиссии «для проверки состава сотрудников аппарата ИККИ для выявления негодных элементов в деловом отношении и от политически невыдержанных товарищей»*.

В августе 1929 года делегация ВКП(б) в ИККИ, следуя указаниям Молотова, постановила просить коллегия ОГПУ принять меры для выявления провокаторов в компартии Польши. Сталин, в чьем кабинете проходило это заседание, одобрил данное решение, так как инициатива исходила от него. Молотов без одобрения своего шефа самостоятельно никогда ничего предпринимал. Так было дано добро вмешательству карательных органов в деятельность Коминтерна.

С того времени практически все спорные вопросы в руководстве Коминтерна стали решать путем отсечения от коммунистического движения лиц, несогласных с теми или иными предложениями Сталина или с его политикой.

Несогласным, как правило, предъявляли обвинения в «уклонах», «отходах», в оппозиции «генеральной линии партии», которая сама по прихоти «генерального вождя всех народов» постоянно колебалась то влево, то вправо. Позже эти обвинения приобрели другой, более страшный характер — в «троцкизме», в шпионаже, в антисоветской или антикоминтерновской деятельности и, наконец, в терроризме.

В марте-апреле 1931 года Сталин, с целью нагнетания психоза внутри страны и в международном коммунистическом движении, провел XI пленум ИККИ, на котором заявил о военной угрозе СССР со стороны контрреволюционной мировой буржуазии, прежде всего Англии и Франции, союзниками которых якобы выступали остатки нэповской буржуазии и кулачества в СССР.

Идея мировой пролетарской революции сменилась идеей мировой контрреволюции. Последняя, в свою очередь, очень скоро стала в руках Сталина теоретической основой для оформления расправ над недавними соратниками по партии.

* РЦХИДНИ. Ф. 508, оп. 1, д. 44.

Процесс в Лейпциге — репетиция московских судилищ

Крупнейшим событием международной жизни между XII и XIII пленумами ИККИ стал приход к власти в Германии нацистов.

Всего через пять месяцев после окончания работы XII пленума, 30 января 1933 года Гитлер стал рейхканцлером Германии. В ночь на 28 февраля по всей стране были арестованы более десяти тысяч коммунистов. А 3 марта своим указом Гитлер запретил КПГ. Ее лидер Эрнст Тельман был арестован и позже погиб в концлагере.

Несмотря на это, на выборах в Рейхстаг компартия получила почти 5 млн. голосов. Но уже 9 марта фашисты арестовали 81 депутата-коммуниста, объявив их мандаты недействительными. В июне—июле 1933 года были запрещены и распущены все политические партии Германии, кроме национал-социалистической.

В 1933 году после поджога здания рейхстага, в Берлине был арестован секретарь Среднеевропейского Бюро ИККИ Димитров со своими товарищами — болгарскими коммунистами Поповым и Таневым. Им предъявили обвинение в этом поджоге. Нацистское руководство Германии, пытаясь опорочить компартию в глазах мировой общественности, решило устроить над ними публичный процесс в Лейпциге.

В ответ Коминтерн начал пропагандистскую войну и своими публикациями оказывал большое влияние на общественность всего мира и особенно на профсоюзы.

Сталин поручил Куусинену подготовить для Димитрова текст его выступления на предстоящем в Лейпциге публичном процессе. Пятницкий по нелегальным каналам организовал передачу этого текста Димитрову в тюремную камеру.

Одновременно Коминтерн организовал контрпроцесс в Лондоне. Он немного опережал Лейпцигский. Организацию контрпроцесса Пятницкий поручил своему другу, немецкому коммунисту Вильгельму Мюнценбергу, пользовавшемуся значительной популярностью у демократической общественности Европы. Он привлек к участию в этом контрпроцессе лучших юристов-демократов, которые сумели доказать, что поджог рейхстага совершили сами нацисты с провокационной целью обвинения компартии и оправдания разгрома демократических сил Германии.

Несколько позже на Лейпцигском процессе весьма артистично Димитров произнес якобы «свою» речь. Она привлекла все-

общее внимание. Нацисты проиграли процесс. Димитрова, Попова и Танева суд оправдал, а нацисты срочно выдворили из Германии. Самолетом их отправили в Москву.

Советская печать очень много внимания уделяла Лейпцигскому процессу, но не единым словом не упомянула о Лондонском контрпроцессе, который по существу заранее оправдал перед мировой общественностью и компартию Германии, и проходивших по нему в качестве обвиняемых Димитрова, Попова и Танева.

Сталин и его подручные сделали из провала Лейпцигского процесса важные выводы для себя. Печально знаменитые московские процессы над «троцкистами» и «врагами народа» в 1936—1938 гг. они построили совершенно иначе. В результате эти судилища прошли без сучка, без задоринки.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Глава 7

Невидимая часть Коминтерновского айсберга

Жизнь и деятельность Осипа Пятницкого были тесно связаны с Коминтерном. На протяжении 15 лет он играл руководящую роль в этой организации. Для того чтобы понять смысл этой деятельности, необходимо, прежде всего, оценить ту роль, которую играла сама эта организация во внешнеполитических планах советских руководителей. А эти планы и, следовательно, сама внешняя политика Страны Советов с момента победы Октябрьской революции претерпевала значительную эволюцию: от эйфорических ожиданий немедленной мировой революции до прагматической политики, провозглашенной VII Конгрессом Коминтерна.

Эта новая политика была ориентирована на союз с западными державами в борьбе против фашизма. Поэтому в данном разделе речь пойдет, прежде всего, не о самом Пятницком, а о той организации, в которой он играл столь выдающуюся роль.

По должности своей О. Пятницкий был членом всех высших руководящих органов Коммунистического Интернационала. Но основной его работой на протяжении всей его деятельности в Коминтерне был пост секретаря Исполкома по организационным вопросам. Что это значит? Чем был занят человек, проводящий по 12—14 часов в сутки в своем служебном кабинете?

Это постоянные совещания с представителями национальных компартий и работниками аппарата Исполкома по актуальным вопросам экономической и политической ситуации в той или иной стране мира и анализ международных событий и изучение прогнозов дальнейшего развития политической обстановки в том или ином регионе мира и ее влияние на положение рабочего класса. Часто это требовало его выезда за границу в те страны и районы, где требовалось вмешательство и помощь ИККИ. Он постоянно был в курсе дел каждой компартии. Он знал их сильные

и слабые стороны, их нужды, помнил имена и лица их лидеров и функционеров, вникал во все мелочи их работы, нередко разбирал деятельность и местных организаций той или иной компартии и на конкретных фактах показывал, как надо поступать в том или ином случае.

В этом разделе я попытаюсь показать невидимую, так сказать, подводную часть коминтерновского айсберга, представляющую собой организационно-конспиративную работу Коминтерна, которая выполнялась специальными подразделениями Исполкома. Вот эта незримая и тайная часть работы Коминтерна целиком была доверена Осипу Пятницкому. Он руководил ею постоянно с 1921 по 1935 год самостоятельно и безраздельно.

Кропотливая работа по завоеванию широких масс пролетариата в ряде стран стала давать конкретные результаты. Постоянное изменение политической обстановки в мире требовало своевременно изменить задачи и тактические приемы в работе национальных компартий. Поэтому О. Пятницкому приходилось постоянно изыскивать новые методы и организационные формы работы аппарата Исполкома Коминтерна, выбирая наиболее целесообразную его структуру.

В чем заключалась организационная работа в Исполкоме Коммунистического Интернационала?

Это очень хорошо определил В.И. Ленин. Он это сформулировал следующим образом:

«Это превращение европейских парламентских в действительности реформистских и только на поверхности окрашенных в революционный цвет партий старого типа, в партии нового типа, революционные по сущности и на самом деле революционные — это чрезвычайно трудное дело...»

По мнению известного венгерского коммуниста Бела Куна — «на осуществление этой чрезвычайно трудной задачи едва ли нашли более подходящего человека, чем Осип Пятницкий». Бела Кун считал, что «политика не может быть правильной, если она висит в воздухе, если ее проведение одновременно не определяет организационные партии и методы ее работы. Это ленинское учение вводил О. Пятницкий в Коммунистическом Интернационале и его секциях. Он и сегодня ведет борьбу за то, чтобы оно укрепилось не только на поверхности, но и глубоко проникало в партийную почву».

Суммируя всю работу, которую выполнял Осип Пятницкий в Коминтерне, старейший деятель российского и международного революционного движения Елена Дмитриевна Стасова утверждает, что «надо признать, что совсем нелегко воздать должное огромным заслугам товарища Пятницкого, жизнь которого по истине равна подвигу».

И подумав, добавила, «когда мы пригляделись к нему, нам стало ясно, что перед нами находится настоящий фанатик революции, делу которой он посвятил всего себя, для него не было ничего дороже этой работы».

Аналогичную характеристику Пятницкому дал и Отто Куусинен во время нашей встречи в 1956 году после реабилитации Пятницкого. На мой вопрос, как он оценивает моего отца, Куусинен ответил: «Он всегда был очень лаконичен». Он сказал, что «Пятницкий являл собой фанатика большевистской идеи, для которого она была выше всего и в час истины, и в час заблуждений».

Интересно, что почти слово в слово повторил отзыв о Пятницком и Максим Литвинов. Перед своей кончиной в 1951 году он встречался со своим близким другом Матвеем Мурановым в Барвихе, в загородном отделении Кремлевской больницы. Там, в окружающем больницу саду, между ними состоялся приватный разговор о положении в партии, в ходе которого М. Муранов задал ему вопрос о Пятницком. Оба они были друзьями отца с дореволюционного периода. М. Муранов передал мне слова М. Литвинова: «Осип Пятницкий был фанатично предан идеям коммунизма, был бескорыстно честным и принципиальным человеком, аскетически равнодушным к бытовым благам».

Надо сказать, что в коммунистическом движении в это время обстановка была очень сложной. Первая послевоенная революционная волна в Европе была отбита буржуазией. Потерпела крах революция в Германии в 1918 году. Разгромлена Венгерская советская республика в 1919 году. Подавлены выступления итальянского пролетариата в 1920 году и немецкого в 1921 году.

Это наглядно показало слабость политических начал для завоевания власти, для продвижения мировой пролетарской революции на Запад.

Политическая обстановка в Европе созрела, а организационная подготовка пролетарских масс от этого постоянно отставала. Возник вопрос, кому поручить создание организационно-действующего механизма, способного организовать массы пролета-

риата и воплотить в жизнь мечту угнетенных народов в масштабе всего мира.

Ленин и ЦК РКП(б) остановили свой выбор на Осипе Пятницком.

Вот как рассказывает об этом югославский историк-коммунист Лазич Драгов в своем «Биографическом словаре Коминтерна» (с. 362—364):

«И вот в марте 1921 года в Коминтерн приходит Осип Пятницкий, профессиональный функционер русской партии. Он обладал огромным опытом нелегальной работы. Этот человек абсолютно точно соответствовал нуждам центрального аппарата Коминтерна. Он очень мало внимания придавал личным чувствам, не был склонен предаваться разным теоретическим разборкам. Но всегда и везде был пунктуальным, справедливым и дисциплинированным и постоянно требовал этого от других, подавая пример личным поведением. Он жесткой рукой наводил дисциплину в аппарате Коминтерна и национальных компартиях по манере русской большевистской партии.

Но в важнейших политических вопросах он был очень осторожен. На первый взгляд это казалось некоторой нерешительностью. Но он принимал решения после досконального изучения вопроса и почти всегда правильно.

Молодым национальным компартиям, которые еще недавно выбрались из недр социал-демократии и не отличались четкостью своих организационных форм, нужна была экстренная помощь. Работа должна была строиться с дальним прицелом. Необходимо было срочно установить контроль и вести порядок в расходовании денежных средств, выделяемых Советским правительством Коммунистическому Интернационалу. Ведь на финансовую поддержку молодых коммунистических партий и создание революционной ситуации в странах Центральной Европы тратились немалые деньги. Необходимо было незамедлительно навести порядок в этом вопросе...»

Так в чем конкретно заключалась работа оргсекретаря Исполкома Коммунистического Интернационала?

Все политические решения в Коммунистическом Интернационале принимались коллегиально на конгрессах и пленумах Исполкома, на его Президиуме, а позже — на Политсекретариате ИККИ, т.е. руководящими органами Коминтерна после необходимого анализа политической и экономической обстановки в том

или ином регионе мира и после изучения положения в соответствующих национальных компартиях. А их организационная подготовка и реализация поручалась аппарату ИККИ, которым руководил секретарь ИККИ по организационным вопросам — Осип Пятницкий. Это и была его повседневная работа в Коминтерне.

Трудно описать работу человека, который сидя в своем служебном кабинете, руководит всем многообразием повседневной работы Коммунистического Интернационала, т.е. всеми коммунистическими партиями мира. Его работа была похожа на действия машиниста сцены, который, находясь где-то в тени, был совершенно незаметным для окружающих и руководил всеми действиями, происходящими на мировой сцене на виду у всех.

Работу Осипа Пятницкого часто сравнивали с действиями начальника штаба, который, продумывая и организуя все намеченные операции, незаметно руководил войсками, сам оставаясь в тени. Все удачные операции приписывались политическому руководству, а неудачи относились на его счет.

К сожалению, о той колоссальной работе Осипа Пятницкого в Коммунистическом Интернационале до сего времени молчат архивы коминтерновских дел. А в них запрятаны данные о каждодневной, незаметной, сугубо черновой работе оргсекретаря Коминтерна.

Конечно, работал он не один. В аппарате ИККИ в то время работало около четырех сотен человек. Но в Секретариате Пятницкого было не более 15 сотрудников, и каждый из них выполнял свои четко очерченные функции. Пятницкий лишь направлял и контролировал работу аппарата Исполкома. Секретариат оргсекретаря ИККИ стал основным двигателем, приводящим в движение весь сложный механизм Исполкома Коммунистического Интернационала.

Сфера деятельности Пятницкого в Коминтерне постоянно расширялась. Со временем ему пришлось заниматься не только организационными вопросами, но и проблемами идеологии и политики. Он всегда и во всем проводил линию, которую считал единственно правильной и которая отражала установки своей партии.

Являясь секретарем делегации ВКП(б) в ИККИ, Пятницкий, конечно же, был проводником директив ЦК ВКП(б), в которых все большую роль играли личные установки и амбиции ее генерального секретаря — Сталина.

Вот как характеризует распределение влияния в руководстве Коминтерна Айно Куусинен, жена руководителя финских коммунистов:

«Отто Куусинен отвечал за основные направления работы, следил за политическим и экономическим развитием капиталистических стран.

Осип Пятницкий контролировал тайную деятельность, финансы, занимался вопросами кадров и управления.

Дмитрий Мануильский имел среди этих двух меньший вес в принятии важных решений. Он был как бы глазами и ушами Сталина в Коминтерне, а также руководил деятельностью Коминтерна во Франции и Бельгии»*.

А вот свидетельство А.Г. Крымова (он же Го Шао Тан, а также Евгений Куо), политического референта Георгия Димитрова:

«В начале 30-х годов функции между руководством ИККИ распределялись следующим образом:

Пятницкий — секретарь ИККИ, он же секретарь делегации ВКП(б) в Исполкоме Коминтерна, кроме общего политического руководства он непосредственно руководил всеми организационными делами, секретной службой и финансами.

Куусинен — руководил Восточным и Скандинавским Лендерсекретариатами.

Мануильский — непосредственно руководил Лендерсекретариатом Романских стран и отделом кадров ИККИ.

Кнорин — руководил Среднеевропейским Лендерсекретариатом...»**

К этому следует добавить, что все эти люди были одновременно и секретарями Исполкома Коминтерна, и членами советской делегации в ИККИ. А О. Куусинен, хотя и числился членом компартии Финляндии, но постоянно участвовал в работе советской делегации.

О некоторых элементах работы О. Пятницкого, так называемой «специальной», будет рассказано ниже в отдельных фрагментах нашего повествования. Но уже совершенно ясно, что все

* Куусинен Айно. Господь низвергает своих ангелов. Петрозаводск: «Карелия», 1991.

** Крымов А.Г. Протокол допроса в Генеральной прокуратуре СССР 16.05.1955 г., л.д. 72—74.

связи Коммунистического Интернационала с руководством коммунистической партии, с ЦК РКП(б) — ВКП(б) и советскими государственными организациями и, в первую очередь, со специальными службами Страны Советов, а также с руководством всех национальных компартий зарубежья осуществлялись через оргсекретаря Исполкома Коминтерна, который одновременно являлся и секретарем советской делегации при ИККИ.

В сферу влияния О. Пятницкого входили следующие подразделения Исполкома: Бюджетная комиссия, Отдел международных связей (ОМС), ведавший всеми вопросами конспиративной работы Коминтерна, Нелегальная и Военная комиссии, Организационный отдел (Орготдел), занимающийся так называемой «специальной» работой, Специальным отделом и частично Отделом кадров, а также Управлением делами.

Деятельность этих органов практически совершенно не затронута исследованиями. Существуют лишь некоторые мемуары, в которых в той или иной мере делаются попытки писать об ОМСе.

Надо отметить, что очень трудно разграничить сферы ответственности этих подразделений ИККИ. Их деятельность контролировалась и направлялась одним человеком — оргсекретарем ИККИ, поэтому и работа этих подразделений постоянно переплеталась между собой. Так что, говоря об одном из них, невольно затрагиваешь функции другого.

Ниже я вкратце расскажу о деятельности каждого из них.

Бюджетная комиссия ИККИ

Сразу же после завоевания власти в России, большевики начали в широких масштабах оказывать финансовую помощь коммунистическим и левым организациям зарубежья. Главным аргументом при этом являлось стремление подтолкнуть вперед революционную ситуацию в том или ином районе Европы или Азии, т.е. подтолкнуть развитие мировой пролетарской революции, что в 20-е годы являлось основной целью партии большевиков.

Все делегации, миссии и курьеры, отправлявшиеся за рубеж, снабжались крупными суммами денег или же, что было гораздо чаще, конфискованными у российской аристократии драгоценностями. Так, еще в октябре 1918 года в своих строго секретных посланиях руководителю советской миссии в Швейцарии Яну

Берзину (в будущем одному из руководителей Коминтерна) Ленин писал: «Не жалейте миллионов на нелегальные связи с Францией и агитацию среди французов и англичан». В следующем своем послании Берзину Ленин советовал активно привлекать левых социалистов из разных стран. «Из них назначьте агентов, платите и за поездки, и за работу архищедро. На официальщину начхать: минимум внимания. На издания и нелегальные поездки максимум внимания».

Вопросы финансовой поддержки западных и восточных компартий обсуждались, и довольно часто, на заседаниях ЦК РКП(б). Так, в протоколе заседания Бюро ЦК РКП(б) от 17 декабря 1918 года (то есть за четыре месяца до создания Коминтерна) читаем:

«П. 3 заседания. Письмо Загса. Постановили: просьбу Спартаков в деньгах удовлетворить, что же касается сношений с другими организациями — отклонить. Указать Загсу на необходимость постановки издания наших произведений. Отпустить ему для первой цели 3 млн., для издательства — 2 млн.

П. 4 заседания. Письмо датчан. Решено некоторую помощь им оказать, но поставить перед ними задачи о переводе и издании наших произведений».

Упомянутый в протоколе заседания Загс — видный большевик Загс-Гладнев, посланный в конце 1918 года на нелегальную работу в Германию, а Спартаки — члены Союза Спартака, возглавляемого Карлом Либкнехтом и Розой Люксембург.

Вопросы финансирования Коминтерна, как только он возник, обсуждались постоянно.

Так, в протоколе заседания Оргбюро ЦК от 7 мая 1919 года записано:

«П. 10. Рассмотрена смета III Коммунистического Интернационала.

Постановлено выдать 3 млн. рублей».

29 марта 1919 года Оргбюро ЦК РКП(б), рассмотрев заявление III Интернационала о средствах, помещениях, автомобилях и т.д., постановило: «Выдать из средств ЦК 1 млн. рублей, а все остальные вопросы передать в Президиум ЦК»*.

* РЦХИДНИ. Ф. 17, оп. 112, д. 2, л. 9.

7 мая 1919 года Оргбюро ЦК РКП(б) выделило ИККИ 3 млн. рублей*.

18 августа 1919 года Управляющий делами ИККИ Г. Клиндер докладывал на заседании Оргбюро ЦК РКП(б) «О расходах III Интернационала». По обсуждаемому вопросу было решено: «Доклад о работе III Интернационала заслушать на Политбюро ЦК. Для группы интернационалистов на юге послать 1 400 000 рублей, для московской работы — 500 000 рублей»**.

В решении вопросов о финансировании компартий и коммунистических групп участвовал лично Ленин. Так, 28 августа 1919 года Я. Берзин писал Г. Зиновьеву в Петроград, что переговорил с Лениным о материальной поддержке компартий и тот считает, что 5 млн. франков — это мало, что для коммунистических групп в Западной Европе нужно выделить сумму до 20 млн. франков (приблизительно 1 млн. фунтов стерлингов). Посылать эти деньги Хёглунду. Половину сохранить, как резервный фонд, а остальные «немедленно распределить между коммунистами и левосоциалистическими группами Западной Европы и Америки, причем спартаковцам нужно дать крупную сумму (несколько миллионов), они давно просят...»***

В протоколе заседания Оргбюро ЦК РКП(б) от 9 февраля 1920 года значится:

«П. 28. Заслушали просьбу ЦК компартии Финляндии об ассигновании ей на партийную работу 25 млн. рублей. Постановили: просьбу удовлетворить, выдать единовременно 5 млн. рублей и выдавать ежемесячно по 2 млн. рублей.

П. 29. Заслушали просьбу ЦК компартии Латвии об ассигновании ей 20 млн. рублей для зафронтной работы в год. Постановили: просьбу удовлетворить, выдать 5 млн. рублей единовременно и по 2 млн. ежемесячно».

В протоколе заседания Пленума ЦК РКП(б) от 20 июля 1920 года читаем:

«П. 5. Заслушали просьбу Исполкома III Интернационала о разрешении ему израсходовать 10 000 английских фунтов на поддержку коммунистической партии Англии. Постановили: ходатайство Исполнительного комитета удовлетворить».

* РЦХИДНИ. Ф. 17, оп. 112, д. 4, л. 15.

** РЦХИДНИ. Ф. 17, оп. 112, д. 7, л. 32.

*** РЦХИДНИ. Ф. 17, оп. 112, д. 5, л. 48.

На заседании Пленума ЦК РКП(б) от 20 сентября 1920 года:

«П. 4. Предложение о помощи оружием Индии. Постановили: признать в принципе необходимым дать им оружие и золото...»

Сразу же после окончания II Конгресса Коминтерна, 11 августа 1920 года, на заседании Малого бюро ИККИ было принято решение об оказании существенной материальной помощи ЦК компартии Германии и левым независимцам: на журнал — 5 тысяч марок в месяц, на военную работу — 1 млн. марок (решение принималось до поражения Красной Армии под Варшавой), на советы — 25 тысяч марок, на общую агитацию — 500 тысяч марок и на подготовку съезда — 500 тысяч марок.

25 августа 1920 года решением Малого бюро ИККИ Г. Зиновьев и Б. Кун были командированы на съезд народов Востока в Баку. Им на проведение пропагандистской работы в странах Азии выдано 100 тысяч рублей золотом.

В феврале 1921 года на заседании Оргбюро ЦК РКП(б) была рассмотрена переданная через Дзержинского «просьба т. Раковского ассигновать 1 млн. валютой для закордонной работы. Постановили: направить просьбу в Коминтерн для срочности рассмотрения».

В решении Оргбюро ЦК от 18 ноября 1921 года говорится: «Отпустить Коминтерну 5 000 германских марок».

Бюджет Коминтерна утверждался Политбюро ЦК русской секции — партии большевиков. Решения о финансировании из отпущенного бюджета принимались и самим Коминтерном.

Вначале материальное обеспечение деятельности Коминтерна было возложено на Управление делами ИККИ. С момента создания и до роспуска Коминтерна вопросы, связанные с материальными расходами ИККИ, решались руководящими органами русской партии: Политбюро, Оргбюро и Секретариатом ЦК РКП(б) — ВКП(б).

Выделение колоссальных средств на нужды коммунистических партий и организацию мировой революции производилось хаотично, без должного контроля за исполнением выделяемых финансовых средств. Это вынудило Политбюро ЦК РКП(б) обязать Исполком Коминтерна создать специальную Бюджетную комиссию. Решением ИККИ от 14 июля 1921 года такая комиссия была создана. В нее были включены М. Ракоши, Б. Кун, Ф. Геккерт, Г. Валецкий и Д. Попов*.

* РЦХИДНИ. Ф. 495, оп. 1, д. 41, л. 125.

Порядок в финансовых делах Коминтерна стал налаживаться после создания Бюджетной комиссии ИККИ. Во главе ее в июле 1921 года был поставлен Осип Пятницкий. За годы своей подпольной деятельности он был держателем весьма значительных средств из партийной кассы большевиков и при этом берег каждую партийную копейку. Многие функционеры партии большевиков даже жаловались Ленину на скупость Пятницкого. Не случайно поэтому Владимир Ильич настоял, чтобы контроль за финансами Коммунистического Интернационала был поручен именно ему, Осипу Пятницкому.

19 июля 1921 года в состав Бюджетной комиссии был введен О. Пятницкий, а месяцем позже и Генеральный секретарь ИККИ Отто Куусинен.

1 августа 1921 года решением Малого бюро ИККИ О. Пятницкий избирается казначеем ИККИ*.

Одновременно Малое Бюро приняло решение о том, чтобы выдача денег национальным компартиям осуществлялась через Исполком Коминтерна, а не частями через ЦК РКП(б).

26 августа 1921 года Малое бюро дало директиву Бюджетной комиссии о том, чтобы она «в высшей степени сэкономила и соответствующим образом подготавливала все аффилированные партии, дабы они подготовились к работе на собственные средства».

Бюджетной комиссии было запрещено отпускать без специального решения Малого бюро ИККИ какие-либо суммы на покупки домов, типографий и т.д.**

18 ноября 1921 года в решении Оргбюро значилось: «Отпустить Коминтерну 5 тысяч германских марок».

Пока был жив Ленин, он лично следил за строгим распределением средств, отпускаемых зарубежным компартиям. Об этом свидетельствует проект секретного письма ЦК РКП(б) от 9 сентября 1921 года, написанный лично Лениным:

«Нет сомнения, что денежные пособия от Коммунистического Интернационала компартиям буржуазных стран, будучи, разумеется, вполне законны и необходимы, ведут иногда к безобразиям и отвратительным злоупотреблениям.

Ведя беспощадную борьбу с этими злоупотреблениями, ЦК РКП обращается с этим секретным письмом ко всем членам

* РЦХИДНИ. Ф. 495, оп. 2, д. 60, л. 1; Ф. 495, оп. 2, д. 6, л. 136.

** РЦХИДНИ. Ф. 495, оп. 2, д. 6а, лл. 4—5, лл. 78—79.

партии, работающим за границей, находящимся там или знакомым ближайшим образом (тем или иным путем) с этой работой.

ЦК заявляет, что признает величайшим преступлением, за которое будут безоговорочно исключать из партии (не говоря об уголовном преследовании и об ошельмовании в прессе, при малейшей к тому возможности):

— не только всякое злоупотребление полученными от Коммунистического Интернационала деньгами (в смысле поддержки направления, желающего отличиться «левизной» или «революционностью»; в смысле обеспечения себе или другим лучших, чем средние для парторботников, условий жизни и т.п.),

— но и малейшее сокрытие от ЦК подробностей насчет расходования этих денег, понимая под сокрытием всякое, прямое или косвенное, уклонение от аккуратнейшей и безусловно правдивой информации ЦК насчет каждой копейки расходуемых за границей и получаемых от Коммунистического Интернационала денег.

Всех виновных в подобного рода сокрытии правды, как умышленном, так и по небрежности, ЦК будет третировать как воров и изменников, ибо вред, приносимый неряшливым (не говоря уже о недобросовестном) расходованием денег за границей, во много раз превышает вред, причиняемый изменниками и ворами.

Всякий, берущий деньги от Коммунистического Интернационала, предупреждается, что он обязан с абсолютной пунктуальностью выполнить все инструкции и условия, необходимые для безусловно полной, быстрой и правдивой информации ЦК РКП насчет каждой копейки расходуемых денег.

ЦК поручает членам РКП, работающим* в ИККИ, немедленно выработать детальнейшую инструкцию насчет правил расходования денег, полученных от ИККИ, и отчетности в этом расходовании.

Основными положениями этой инструкции должны быть:

(1) расходование денег без ведома и согласия ЦК местной, аффилированной к Коммунистическому Интернационалу, коммунистической партии**, объявляется воровством;

(2) всякий, берущий деньги, хотя бы только для перевозки, обязан давать расписку в ИККИ (или присылать ее), удостоверяющую получение и подчинение правилам расходования;

(3) всякий, получающий деньги, обязан осведомлять о каждой копейке расхода не менее как 2-х товарищей на месте расхода, из

* Не лучше ли: Зиновьеву? Лучше! (сноска В.И. Ленина).

** В рукописи: партии коммунистической — переставлены В.И. Лениным с помощью цифр: 2;1.

коих по крайней мере I должен быть совершенно легален, т.е. не участвовать ни в малейшем нелегальном акте;

(4) не реже, как раз в три месяца, всякий получающий деньги должен личной явкой в Москву (или явкой одного из упомянутых в параграфе 3 лиц) отчитываться в Москве подробнейшим образом и письменно в каждой копейке».

Совершенно очевидно, что не случайно данное письмо появилось одновременно с появлением в Коминтерне Пятницкого и принятием им поста руководителя бюджетной комиссии ИККИ.

С этого времени происходит ежегодное составление бюджета Коминтерна, принимаемое с участием представителей ИККИ. Ежегодная смета Коминтерна утверждалась Политбюро ЦК ВКП(б). Так, например, заседавшая в марте 1922 года смешанная комиссия приняла следующее решение:

«Слушали:

1. Бюджет компартии Германии.

Постановили:

1. За выдачу в 1922 году Германской компартии 446 592 золотых рублей (42 872 832 германские марки) голосовали Брандлер, Попов, Эмбер-Дро и Пятницкий; за 400 000 золотых рублей — Сольц и Михайлов.

Слушали:

2. Бюджет компартии Франции.

Постановили:

2. Постановлено выдать на издательство 100 000 золотых рублей (638 000 французских франков). Принято единогласно.

Слушали:

3. Бюджет Итальянской КП.

Постановили:

3. 360 842 золотых рубля. Или 4 306 000 лир.

Слушали:

4. Бюджет КП Чехословакии.

Постановили:

4. За 250 000 золотых рублей (7 910 000 чешских крон) голосовали Попов, Брандлер, Пятницкий (Эмбер-Дро к тому времени ушел), за 200 000 Сольц и Михайлов.

Слушали:

5. Бюджет КП Англии.

Постановили:

5. За 200 000 золотых рублей единогласно голосовали все ...»

Далее следует перечисление других партий, всего же на заседании смешанной комиссии было распределено 5 536 400 золотых рублей. Политбюро специальным решением в апреле 1922 года по докладам Сокольникова и Пятницкого утвердило этот первый бюджет Коминтерна. Выписка за подписью Сталина была направлена в Народный комиссариат финансов для исполнения.

19 мая 1922 года Оргбюро ЦК РКП(б) утверждает следующую смету на золотую валюту на август — сентябрь 1922 года:

- ЦК Компартии Латвии — 20 000 рублей;
- ЦК Компартии Эстонии — 13 000 рублей;
- ЦК Компартии Финляндии — 15 000 рублей.

Пятницкий сумел быстро навести порядок в денежных средствах, отпускаемых Коминтерну. Полномочий ему вполне хватало. Являясь казначеем Коминтерна и фактическим руководителем Бюджетной комиссии ИККИ, он также одновременно являлся секретарем делегации ЦК РКП(б) — ВКП(б) в Исполкоме Коминтерна, руководителем Оргбюро ИККИ и оргсекретарем ИККИ. В его ведении находился также технический Секретариат Исполкома (Секретариат Пятницкого), поэтому все проблемы, возникавшие в Коммунистическом Интернационале, им решались почти безболезненно.

О том, как это происходило, можно судить, например, по книге бывшего секретаря Политбюро ЦК ВКП(б) Бориса Божанова «Воспоминания бывшего секретаря Сталина»:

«Бюджетная комиссия (ЦК ВКП(б). — В.П.) — это комиссия постоянная. Председатель — Молотов, я — секретарь. Состоит она из двух секретарей ЦК Сталина и Молотова (никогда ни одного раза Сталин ни на одном заседании комиссии не был) и заведующего финансовым отделом ЦК Раскина. Я быстро убеждаюсь, что и Раскин, и я, мы присутствуем на заседаниях комиссии только, чтобы записывать решения Молотова. Хорошо, что Раскину не приходится много разговаривать...

С одной стороны, Бюджетная комиссия обсуждает и утверждает смету отделов ЦК. Тут присутствуют заведующие отделами, стараются отстаивать свои интересы, и Молотов с ними спорит (но решает, конечно, он).

С другой стороны, и здесь дело идет об огромных суммах — Бюджетная комиссия утверждает бюджеты всех братских иностранных компартий. На заседания ни один представитель братской компартии никогда не допускается. Докладывает только Генеральный секретарь Коминтерна Пятницкий. Молотов распределяет «манну» беспрекословно и безапелляционно — соображения, которыми он руководствуется, не всегда для меня ясны. Финансовую технику содержания братских компартий мне любезно разъясняет Раскин — скрытый перевод денег обеспечивается монополией внешней торговли...»

Я уже говорил выше, что персональный состав Бюджетной комиссии постоянно менялся. Но секретарем комиссии непрерывно оставался Пятницкий. Знаменательно, что в одних документах он именуется как секретарь комиссии, в других значится ее председателем. Но ясно одно — руководителем комиссии беспрерывно являлся Осип Пятницкий и вплоть до своего ухода из Коминтерна он занимался вопросами финансового обеспечения Коммунистического Интернационала. Материалы Бюджетной комиссии изобилуют просьбами различных компартий об оказании им финансовой помощи. Главным образом, при этом оставалось стремление подтолкнуть вперед революционную ситуацию в том или ином регионе.

До прихода Пятницкого в Коминтерн финансовая отчетность этого внезапно и мощно возникшего монстра находилась в беспорядочном состоянии. Единственный сохранившийся документ, фиксирующий выдачу денег зарубежными компартиями в течение примерно трех лет, читается с большим трудом и поражает своей неряшливостью. Вот его примерное содержание:

«Венгерская компартия: Руднянскому — 250 000, Эберлейну — 207 000, Браслер Калуш — 194 000.

Чехия: Ив. Синека — 288 000, подпись неразборчива — 215 000.

Германия: Рейху для Томаса — 300 500, ему же — 100 000, ему же — 3000, ему же — 7500, ему же — 65 000, подпись неразборчива — 250 000, Р. Ротхегель — 639 000, Розовскому для Рейха — 275 000.

Италия: Любарскому для Карло — 15 200, ему же — 331 800, ему же — 13 000, ему же — 300 000, Берзину — 487 000.

Америка: Котлярову — 209 000, Хавкину — 500 000, Андерсону — 500 000, Джону Риду — 1 008 000».

С приходом Осипа Пятницкого к руководству Бюджетной комиссией закончились времена коминтерновской вольницы.

В этом смысле интересна, например, переписка между Сталиным, Зиновьевым, с одной стороны, и Литвиновым (заместителем наркома иностранных дел), Пятницким (зав. валютной кассой ИККИ) по поводу денег, «уплывших» через руки уполномоченного Наркоминдела Карло (Любарского). Как явствует из докладных, из 750 000 лир, полученных для передачи итальянской компартии, он вручил ей лишь 288 000, куда-то истратил 124 487 тысяч чешских крон, крупную сумму в английских фунтах и т.д. Литвинов предложил объявить выговор Любарскому, а Пятницкий строже — освободить от работы... И надо отметить, что добился-таки своего. В 1923 году Любарского, стоявшего у самых истоков Коминтерна и игравшего в нем довольно большую роль, исключили из партии.

Пораженный хаосом, царящим в финансовых делах, Пятницкий начал тщательно расследовать деятельность Берлинского бюро Коминтерна, через которое в то время переправлялись денежные средства на поддержку молодых компартий Западной Европы.

И это оказалось задачей не из легких. Недавно стал достоянием гласности один из эпизодов его деятельности на этом поприще. А этот случай был не единственным.

Дело в том, что в первое время (1918—1919 годы) вывоз драгоценностей и валюты за рубеж для финансирования национальных компартий и левых организаций производился довольно хаотично и бессистемно.

Но вернемся немного назад, к первым дням образования Коммунистического Интернационала.

В середине 1919 года было решено хоть как-то упорядочить этот процесс. В частности, по решению Исполкома Коминтерна в ряде стран создавались свои бюро, через эти бюро предполагалось осуществлять финансирование компартий. Крупнейшим из этих бюро являлось Западноевропейское бюро Исполкома Коминтерна в Берлине, решение, о создании которого было принято восьмого сентября 1919 года.

Во главе бюро стоял выходец из Австро-Венгрии Яков Самуэлович Рейх, известный как «товарищ Томас». Деятельность его имела огромное значение для всего Коминтерна «первого периода» (1919—1921 годы). Позднее Осипу Пятницкому пришлось уделить большое внимание Якову Рейху, да собственно и сам

приход Пятницкого на работу в Коминтерн был в значительной мере связан с результатами деятельности этого «борца за пролетарское дело».

В связи с этим необходимо подробно остановиться как на фигуре самого «товарища Томаса», так и на работе Западноевропейского бюро ИККИ, которое он возглавлял.

Я.С. РЕЙХ родился 23 мая 1886 года в городе Лемберге (ныне Львов), входившем в состав Австро-Венгерской империи. Еще в начальной школе он примкнул к нелегальной Польской социалистической организации «Промиен» («Луч»), а затем входил в группу «Зъєдночєнє» («Объединение»). Судя по всему, обе группы не имели четкой политической ориентации.

В возрасте девятнадцати лет Рейх перебрался в Варшаву (то есть из Австро-Венгрии — в Российскую Империю), где примкнул к местным анархистам. Он активно участвует в работе нелегальной типографии и становится членом боевой организации («БО»), участвует в покушении на Варшавского губернатора. Возможно, он же являлся изготовителем бомб, которые применялись при этом покушении. Несколько участников покушения были повешены, сам же Рейх в 1906 году через Германию эмигрирует в Швейцарию. Здесь он работает в качестве химика, проводит эксперименты, очевидно, всерьез надеясь продолжить свою «бомбистскую» карьеру.

Однако когда становится очевидным, что революция 1905 года в России потерпела поражение, Рейх меняет профессию и занимается изучением педагогики, сотрудничая в различных социалистических газетах и журналах Швейцарии и Австро-Венгрии. В Цюрихе он вступает в социал-демократическую партию Швейцарии и самым тесным образом сближается с русскими большевиками.

В начале первой мировой войны Рейх оказывается в рядах австро-венгерской армии, однако служит недолго. Его комиссуют по болезни сердца, и он вновь оказывается в Цюрихе. По непонятным причинам он изменяет имя и фамилию на Джеймс Гордон и, работая учителем в одной из цюрихских школ, активно включается в антивоенное движение, центром которого, как известно, являлась Швейцария — самое надежное убежище для эмигрантов и дезертиров со всей Европы. И, следует добавить, авантюристов всех мастей, особенно финансовых. Рейх пишет статьи против войны, работает в Социалистическом интернаци-

онале молодежи. Его ближайшие друзья в этот период — русские и польские эмигранты, среди которых Зиновьев, Бухарин и Радек. Последний, кстати говоря, также родился в Львове.

После создания советского представительства в Швейцарии, Рейха приглашают в него на работу. Он становится сотрудником пресс-бюро миссии и вместе с Николаем Замятиным руководит изданием информационного бюллетеня «Русские известия» (на немецком и французском языках). Кроме того, он руководит издательством «Промахос», которое выпускает в Белке работы Ленина, Троцкого, Радека на немецком языке.

В ноябре 1918 года, после того как в Швейцарии происходят крупные беспорядки, советскую миссию высылают из страны. Таким образом, в начале февраля 1919 года Рейх оказывается в Москве. Первое время он работает в Наркомате иностранных дел у Чичерина, а затем Свердлов забирает его в Иностраннный отдел ЦК РКП(б) (оставшийся без руководства после отъезда Карла Радека в Германию). В период создания III Интернационала Рейха включают в «тройку» практических организаторов его Конгресса. На самом Конгрессе Томаса избирают членом Бюро Коминтерна, таким образом, он сразу же становится одним из главных руководителей этой организации.

Когда в сентябре 1919 года Исполком принимает решение о создании своего Западно-Европейского бюро в Берлине, то вполне естественно, что именно на Рейха, как человека, знакомого с условиями жизни за границей, занимавшегося издательской деятельностью и журналистикой, а кроме того, известного своим «бомбистским» прошлым, пал выбор возглавить Западноевропейское бюро в Берлине, а также стать представителем ЦК РКП(б) в компартии Германии. Сам Рейх позднее утверждал, что это решение состоялось по инициативе самого Ленина. Вот как сам Рейх в своих воспоминаниях «На заре Коминтерна», опубликованных в журнале «Социалистический вестник» в 1964 году, описывает это назначение:

«Именно в это время меня как-то ночью вызвал к себе Ленин, — и с места в карьер: Вы должны ехать в Германию... Ставить работу Коминтерна надо именно на Западе, — и, прежде всего, в Германии. А там без опытных старых подпольщиков не поставить. Их надо высылать из Москвы.

Инструкции Ленина были кратки: «Возьмите как можно больше денег, присылайте отчеты и, если можно, газеты, а вообще

делайте, что покажет обстановка. Только делайте!» Сразу же написал соответствующие записки: Ганецкому, Дзержинскому... Ганецкий в это время заведовал партийной кассой, — не официальной, которой распоряжался ЦК партии, и не правительственной, которой ведали соответствующие инстанции, а секретной партийной кассой, которая была в личном распоряжении Ленина и которой он распоряжался единолично, по своему усмотрению, ни перед кем не отчитываясь. Ганецкий был человеком, которому Ленин передоверил технику хранения этой кассы...

Я знал Ганецкого уже много лет, и он меня принял, как старого знакомого товарища. Выдал 1 миллион рублей в валюте, — немецкой и шведской. Затем он повел меня в кладовую секретной партийной кассы... Повсюду золото и драгоценности: драгоценные камни, вынутые из оправы, лежали кучками на полках, кто-то явно пытался сортировать, и бросил. В ящике около входа полно колец. В других золотая оправа, из которой уже вынуты камни. Ганецкий обвел фонарем вокруг и, улыбаясь, говорит: «выбирайте!». Потом он объяснил, что это все драгоценности, отобранные ЧК у частных лиц, — по указанию Ленина, Дзержинский их сдал сюда на секретные нужды партии. «Все это — добыто капиталистами путем ограбления народа, — теперь должно быть употреблено на дело экспроприации экспроприаторов», — так будто бы сказал Ленин.

Мне было очень неловко отбирать: как производить оценку? Ведь я в камнях ничего не понимаю. «А я, думается, понимаю больше?» — ответил Ганецкий. — Сюда попадают только те, кому Ильич доверяет. Отбирайте на глаз, — сколько считаете нужным. Ильич написал, чтобы Вы взяли побольше» ...Я стал накладывать, — и Ганецкий все приговаривал: берите побольше, — и советовал в Германии продавать не сразу, а по мере потребности. И действительно, я продавал их потом в течение ряда лет... Наложил полный чемодан камнями, — золото не брал: громоздко.

Никакой расписки на камни у меня не спрашивали, — на валюту, конечно, расписку я выдал ...»

Таким образом, в конце 1919 года Яков Рейх появляется в Берлине. Как вспоминает один из его сотрудников немецкий коммунист Карл Ретцлав, это был «среднего роста, полнеющий человек, всегда гладко выбритый, темноволосый, на вид около сорока лет. Он носил очки в тонкой золотой оправе и одевался с не бросающейся в глаза элегантностью». Даже самым близким

сотрудникам он был известен лишь под одним из своих псевдонимов, самым популярным из которых был «Товарищ Томас». В созданном им Западноевропейском бюро работают особо доверенные люди, среди них все высшее руководство компартии Германии — Пауль Леви, Август Тальгеймер, Герман Реммеле, Вилли Мюнценберг. Постоянными сотрудниками являются секретарь бюро (она же по совместительству вторая жена Рейха) Рут Йенсен, известная также под фамилией Остеррайх, коминтерновский псевдоним Рут Гебхардт, а также кассир бюро немецкий художник Эдуард Фукс.

В работе бюро принимали участие и другие деятели, прибывшие из России, стран Восточной Европы, а также немцы. Среди них были Елена Стасова, Август Гуральский и его жена Лидия Рабинович (Кете Польш), Софья Осинская-Уншлихт, Юлиана Брун, руководитель нелегального аппарата компартии Карл Ретцлав, Феликс Вольф, немцы Франке и Арнольд, осуществлявший связь с Францией Марсель Голденберг (Оливье) и другие.

Томас привез с собой в Германию огромные средства. Его бюро в начале 20-х годов являлось главной из подпольных касс Коминтерна. Так, в феврале 1921 года Томас привез в Германию 25 млн. немецких марок, драгоценностей на сумму 37 млн. немецких марок (тогда один золотой рубль стоил больше 40 марок). Деньги предназначались для планировавшегося весной 1921 года пролетарского восстания в Германии, однако мартовские бои окончились для компартии неудачно — Рейхсвер и полиция без труда разгромили рабочих. Всего только за 1921 год через Западноевропейское бюро прошло более 122 млн. марок, что составляло 3 млн. рублей золотом.

Из России с дипломатической почтой Рейху шла не только валюта, но и разного рода драгоценности. В расходных книгах бюджетной комиссии Коминтерна они фиксировались в своем натуральном выражении, так как настоящую цену можно было узнать только в Европе.

Куда же шли деньги? Из составленного Рейхом списка выплат с 1 августа по 25 октября 1921 года:

«Люксембургской партии — 11 тысяч франков; во Францию — 904 тысячи марок; Коммунистическому интернационалу молодежи — 1,4 млн. марок; на содержание аппарата Комитетов помощи голодающим в России — 130 тысяч марок, германским коммунистам — 11681 тысяча марок, на поездку Клары Цеткин в

Италию — 21 тысячу марок». А в целом, по признанию самого Томаса, в 1921 году им было выдано 122 млн. марок.

Из Москвы шла не только валюта, но и бриллианты, коллекции произведений искусства и нумизматики. Реализовать их было отнюдь не просто. Так, Рейх долго не мог продать собрание серебряных монет — берлинские антиквары не брались определить подлинную стоимость. Для прокручивания денег и спасения их от инфляции Рейх использовал немецкую фирму Остзее-хандельсгезельшафт, руководитель которой — Станиславус Шойнман — был одним из его доверенных людей. Так как самому ездить за деньгами и драгоценностями в Россию было довольно обременительно, доставка их осуществлялась курьером Наркоминдела Альбертом Сливкиным.

Одной из главных статей расхода было издание пропагандистской литературы на немецком языке. Для этих целей Рейх купил гамбургское издательство «Карл Хойм». Под вывеской этого издательства по всей Германии распространялась коммунистическая литература. Одновременно книжные магазины служили партийными явками.

С мая 1921 года вести издательские дела Томасу помогала Елена Стасова, работавшая в Берлине под псевдонимом Герта Штурм. Она прибыла в Германию с паспортом на имя Лидии Константиновны Лепицкой. Для получения постоянного вида на жительство в Германии Стасовой пришлось оформить фиктивный брак с немецким коммунистом Эрнстом Вильгельмом.

Пропагандистские материалы, издававшиеся Рейхом в Германии, стоили недорого, однако дотации на них обходились бюджетной комиссии Коминтерна в копеечку. В 1921 году на них было потрачено 10 млн. марок. Кроме издательской работы, деньги использовались для создания оперативной связи между секциям Коминтерна и Москвой.

Прежде всего, Рейх установил связь с созданным одновременно Амстердамским бюро Коминтерна, во главе которого стоял доверенный человек Ленина Себальд Юстус Рутгерс. Была налажена курьерская связь со скандинавскими странами, Австрией, Балканами, Францией, Англией, Италией и Швейцарией. В апреле 1920 года значение Западноевропейского бюро ИККИ еще более возросло в связи с тем, что к нему перешли функции распущенного за строптивость Амстердамского бюро. Уже 30 декабря 1919 года секретарь Исполкома Коминтерна Виктор Кингисепп

сообщал председателю Коминтерна Зиновьеву: «Рейху удалось наладить работу двух бюро: легального и нелегального. Создана курьерская служба с Голландией, Скандинавией, Австрией и Балканами, а через Швейцарию — с Францией, Англией и Италией».

Рейх организовывал также контакты между собой и представителями различных коммунистических партий Западной Европы. Он собрал нелегальную конференцию коммунистов во Франкфурте-на-Майне, на которой присутствовали Клара Цеткин от Германии, Мечислав Вронский от ИККИ и Польши, Валериу Марку от Румынии, Карл Франк от Австрии, Сильвия Панкхерст от Великобритании и др.

Деньги также шли на подкуп различных полицейских чинов, аренду транспорта, в том числе самолетов, приобретение конспиративных квартир, закупку и переправку в Москву новинок литературы, секретарш, владеющих немецким языком, и даже на «всякие вкусные вещи», как писал сам Рейх в письме от 19 августа 1920 года. В его распоряжении постоянно находились два самолета. На одном из них в конце 1919 года в Москву был тайно доставлен бывший турецкий военный министр Энвер-паша, на которого Москва делала серьезную ставку, намереваясь использовать его против англичан в странах Азии.

Очень много времени отнимало у Рейха участие в перманентной борьбе различных фракций и групп, ведущейся в компартии Германии. Он регулярно отсылал в Москву донесения на эту тему. В Москве его донесения служили основой для кадровых перестановок.

Во время II конгресса Коминтерна в июле 1920 года Карл Радек, в то время секретарь Исполкома Коминтерна, непонятно из каких соображений, показал лидеру компартии Германии Паулю Леви несколько из таких докладов Рейха, содержащих в себе большое количество критики «слабой работы ЦК КПГ» и преобладавших в нем «антирусских» настроений. Как пишет сам Рейх, «Радек не мог не понимать, что Леви не станет мои отзывы держать в секрете от немецкого ЦК, которое я называл в лучшем случае собранием провинциальных учителей и секретарей».

Произошел скандал. Руководство КПГ обвинило Рейха в «чехистских» методах партийной работы и потребовало отозвать его из Германии. В ответ Малое бюро Коминтерна писало немецким «соратникам»: «Товарищ Томас» сидит на всех заседаниях ЦК КПГ не как его член, а как представитель Москвы, и будет си-

деть и писать, что хочет, пока Москва его не отзовет». Позднее Радеку пришлось специально упрашивать Клару Цеткин взять под свою защиту Рейха.

Эхом этого скандала явилось решение ИККИ от восьмого августа 1920 года о роспуске зарубежных бюро Коминтерна, принятое под давлением зарубежных компартий. Сообщая немецким коммунистам на заседании ЦК КПГ об этом решении, Рейх предостерег немецких коммунистов от «иллюзий», что им удастся взять все его функции в свои руки.

В ответ на это первого октября ЦК КПГ отправил в Москву письмо с новыми обвинениями против Рейха, главным из которых было то, что «он создал настолько законспирированный и неповоротливый аппарат в Берлине, что не может быть и речи о поддержке им германского движения». В ответ на это Рейх обратился к Зиновьеву с просьбой аннулировать его мандат, что никак не устраивало руководителя Коминтерна.

Для урегулирования конфликта германской компартии была вновь переведена кругленькая сумма, и уже 7 октября 1920 года Рейх сообщал Зиновьеву, что «посылка денег... резко изменила настроение ЦК».

Рейх вспоминал позднее: «... все настояния немцев были отклонены и... мои полномочия фактически расширены... Мое поведение полностью одобрено...» Для успокоения ЦК КПГ им решили писать собственные, самостоятельные отчеты в Москву об их деятельности. Как заметил сам Рейх, «ЦК немцев по существу бунтовать не мог: материально он целиком зависел от Москвы. Дело было именно в этой зависимости».

Не случайно, когда в 1921 году Пауль Леви, а в конце 20-х годов Генрих Брандлер и Август Тальгеймер порвали с компартией и создали свои оппозиционные группы, главным требованием они ставили прекращение финансовых дотаций из Москвы, создание условий для «самокупаемости» компартий. Естественно, и в начале, и уж тем более в конце двадцатых годов это требование было совершенно неприемлемо для руководства Коминтерна, которое рассматривало денежные субсидии в качестве главного орудия своего воздействия на определение политического курса своих секций.

В оправдание Москва выдвигала свой тезис о том, что, пока русские большевики были в подполье, европейские и американские социал-демократы оказывали им большую поддержку и что, «короче говоря, какие могут быть счеты между своими?».

После окончания гражданской войны в России встал вопрос о разграничении функций между Наркоминделом и Коминтерном. Этот вопрос неоднократно обсуждался на Политбюро ЦК РКП(б). 25 августа 1921 года была создана специальная комиссия под руководством Зиновьева и Чичерина. В ее работе активное участие принимал и Осип Пятницкий. 19 ноября комиссией было принято решение о недопустимости использования дипломатических каналов для финансирования зарубежных компартий и революционных профсоюзных организаций.

В преддверии этого решения уже в июле 1921 года Политбюро ЦК РКП(б) создает секретный Франкфуртский фонд в размере 50 млн. марок. Общий контроль за его расходованием был поручен комиссии в составе Ленина, Троцкого и Зиновьева. Фактически деньгами распоряжался один председатель Исполкома Коминтерна Г. Зиновьев. О. Пятницкий в качестве руководителя Бюджетной комиссии Коминтерна добился от Зиновьева официальной расписки, копия которой сохранилась в архиве Коминтерна: «50 млн. марок депонированы на условии, что о них будут знать Джеймс (Томас) и Стасова. Я буду давать указания об их выдаче согласно решениям Малого Бюро Исполкома Коминтерна». 19 августа Рейх подтвердил получение этих денег в Германии, но потом почти год, ссылаясь на конспиративный характер своей работы, уклонялся от представления отчетных документов об их расходовании.

Порядок был установлен такой: каждая компартия предоставляла смету с подробными аргументацией и доказательствами, для чего точно нужны деньги и сколько. Затем они проверялись специалистами-экспертами и препровождались в Москву, в Коминтерн. Там и определялись размеры нужных дотаций, составлялась общая смета, которая и передавалась в русский ЦК. «Фактически решал последний», — резюмирует «товарищ Томас».

Рейх пишет:

«Практически размеры дотаций отдельным странам были, конечно, весьма различны. Больше всего получали немцы. Самая большая дотация им на моей памяти была в 7 млн. золотых марок в год, — это было в период подготовки восстания 1923 года. Остальным странам перепало, конечно, много меньше, — но и им шли многие десятки и сотни тысяч. Правда, значительную часть давали литературой, которую Коминтерн печатал сам и выдавал натурой. Печатали ее частью в России (под крылышком Зиновь-

ева, в Ленинграде), частью под наблюдением нашего Западно-европейского бюро (или в Гамбурге, или в Вене, где осела влиятельная Венгерская группа). На этой почве было много трений. Секциям не нравилась литература, которую производили в центрах, отказывались брать, так как эту литературу засчитывали в счет дотаций, требовали выдачи деньгами и права печатания литературы по своему выбору... Только редко им удавалось добиться своего. Сила была не у них...

Решать все эти споры приходилось обычно мне, — конечно, в рамках инструкций, которые я имел из Москвы. Часто бывало, что Москва давала указание выдать таким-то и таким-то, а я, проверив, сокращал или совсем не давал. Но бывало и иначе: Москва порою надает обещаний, а потом мне пишет, чтобы я под тем или иным предлогом не давал: обещали-де, чтобы отвязаться...»

Создание Франкфуртского фонда было началом конца блестящей карьеры Якова Рейха. Дело в том, что уже и раньше в Москве замечали за ним небрежности в деле расходования полученных средств, а так как не один «товарищ Томас» грешил по этой части, то по личному распоряжению Ленина в Коминтерне появился человек, призванный навести порядок в этой сфере — Осип Пятницкий.

В своих воспоминаниях руководитель палестинских коммунистов И. Бергер писал: «Он отличался строго формальным отношением ко всем сотрудникам, причем настаивал на скрупулезном выполнении решений, на безусловной дисциплине».

С приходом Пятницкого закончились хаос и неразбериха, творимые нечистоплотными карьеристами от мировой революции в делах Коминтерна. Острым чутьем старого подпольщика и конспиратора Пятницкий сразу вычислил, где главная прореха, в которую утекают коминтерновские средства. Практически сразу же после того, как по поручению ИККИ он возглавил Бюджетную комиссию, Пятницкий начал тщательное расследование деятельности Западноевропейского бюро. Сам Томас впоследствии так описал произошедшее позднее событие:

«От неприятностей в связи с секретным фондом мне уйти все же не удалось, какие меры предосторожности я ни принимал. Самые большие мои неприятности были в связи с финансовой катастрофой Германии в 1923 году. Положение осложнялось и потому, что в этот момент примешались споры партийно-полити-

ческие, а с другой стороны в Москве на эти дела посадили Пятницкого (в 1922 году). Крестинский мне говорил, что Пятницкий вообще невозможный человек и что с ним никто не может сработаться. Очевидно, именно поэтому его и направили в Коминтерн, на самый щекотливый пост: ведать финансами. Здесь приходилось иметь дело с массой самых разнообразных людей и потому было особенно необходимо уметь уживаться. Других причин для такого назначения не было.

У меня трения с ним начались очень скоро. Существо их сводилось к следующему: я привык все делать на свой риск, считаясь с обстановкой, — а уж потом отчитывался перед Москвою. Пятницкий начал требовать, чтобы я обо всем запрашивал Москву предварительно. Я отказался, — и победил в этом вопросе. Тогда Пятницкий поднял вопрос денежный: опротестовал выдачу, которую я произвел на дела польских коммунистов. Пятницкий и в этом вопросе потерпел неудачу.

Тогда он поднял вопрос о неправильности моего управления фондом со стороны финансовой: я получил фонд в немецкой валюте, она скоро начала падать. Часть я поспешил перевести в другие валюты, — но только часть. Остальное оставил в марках, рассчитывая, что падение не будет так велико и что марка позднее выровняется. Пятницкий подсчитал, сколько было бы спасено, если б я все сразу перевел в доллары. Получилась, конечно, огромная цифра. Я доказывал, что никто не мог предвидеть того, что произошло.

Была создана особая комиссия, — сначала в Москве: Бухарин, Радек, Клара Цеткин, Реммеле, Литвинов, Костшева (полька). Потом перенесли дело в Берлин, где во главе комиссии был поставлен Крестинский. Было заседание. Пили чай, — потом разговоры. Я рассказал, как за два с половиной месяца обменял 25 млн. марок, — и почему не мог обменять все сразу. Чувствовал, что Крестинский чем-то неудовлетворен, но не понимал, в чем дело. В конце, когда остались одни, Крестинский сказал: «Дело можно кончить скоро. Ясно, что Вы правы. Государственный Банк тоже не предвидел. Но — это между нами. Для официального решения необходимо, чтобы Вы заявили, что имели секретные указания Зиновьева».

Я понял, что вокруг дела идет нездоровая интрига. Никаких симпатий к Зиновьеву у меня не было, но свалить ответственность на него я не считал возможным: не хотел войти в интригу. Тогда дело было снова перенесено в Москву. ЦК решил против Пятниц-

кого, но недостаточно определенно, я подал в отставку. Ее не приняли, но на этот раз удовлетворили мое требование о назначении особого уполномоченного для заведования фондом. Им выбрали Стасову, которую я предлагал еще в 1921 году. Пятницкий остался в Коминтерне, но я отказался сноситься с ним. Опять обсуждали вопрос в ЦК и признали мое поведение недопустимым. Тем не менее, я сноситься с ним не стал, настоял на своем, — сносился только со Стасовой».

Такова версия самого Рейха. Однако объективное рассмотрение произошедшего между Пятницким и Рейхом конфликта выявляет совершенно другую картину. Дело было, конечно, вовсе не в том, что Пятницкий являлся «невозможным человеком» и что «с ним никто не мог сработаться». Почти год, ссылаясь на конспиративный характер работы, Рейх уклонялся от предоставления Пятницкому отчетных документов за 1920 год. «По понятным причинам я с начала своей деятельности не веду бухгалтерских расчетов», — писал Рейх Пятницкому 22 августа 1921 года.

Дальнейшая их переписка свидетельствовала о нарастающей напряженности в отношениях между председателем Бюджетной комиссии Коминтерна и главным финансовым распорядителем последнего. Двадцать первого ноября того же года Пятницкий был вынужден прибегнуть к угрозе, что в случае дальнейшего отказа выслать финансовые отчеты он обратится в Президиум ИККИ. В ходе чрезвычайно сложного и запутанного расследования, несмотря на все чинимые Рейхом препятствия, год спустя, в ноябре 1922 года, Пятницкий предъявил Рейху следующие обвинения:

«1. Томас выдал Коммунистическому интернационалу молодежи и германской компартии на 2 млн. марок меньше, чем указал в своих расходных документах...

2. Томас скрыл от Коминтерна курсовую разницу около 5 млн. марок, полученную в результате быстрого падения немецкой марки по отношению к другим валютам осенью 1921 года.

3. Томас не внес в статью расходов 8 млн. 760 тыс. марок, полученных им через торгпредство РСФСР, в Германии летом 1921 года».

Ознакомившись с докладом Пятницкого, Зиновьев понял, что дело переросло размеры личной неприязни между Пятницким и

Рейхом, и предложил обсудить вопрос на Президиуме ИККИ. Вызванный в Москву Рейх отказался приехать, сославшись на здоровье и «бессмысленную трату нервов». Более того, он заявил о своей отставке с 15 декабря 1922 года и, хотя последняя была отклонена Исполкомом, от ведения финансовых операций Рейха все-таки отстранили. С начала 1923 года его функции перешли к Елене Стасовой, которой Пятницкий безгранично доверял. В Коминтерне была создана комиссия в составе старых большевиков и друзей Пятницкого: М. Литвинова и А. Сольца, а также немецкого коммуниста Э. Херсле.

17 февраля 1923 года Рейху все-таки пришлось выехать из Берлина в Москву и предстать перед комиссией. 3 марта того же года было вынесено следующее решение: «Комиссия констатирует крайне легкомысленное отношение со стороны товарища Томаса к пролетарским деньгам, а потому рекомендует Коминтерну впредь воздержаться от порученных товарищу Томасу дел, связанных с денежными операциями».

С этого времени Пятницкий взял в свои руки управление финансами Коммунистического Интернационала и установил двойной контроль за их использованием.

Однако зарвавшегося Рейха даже подобная мягкая формулировка не устраивала. Обнаглевший авантюрист, используя свои давние связи со всеми тремя руководителями Коминтерна, требовал восстановить свое «честное» имя, грозя в противном случае «бросить все дела», чаще всего издательские. Вскоре появился документ, подписанный Зиновьевым, Бухариным и Радеком: «На основании того, что мы до сих пор о Томасе знаем, у нас сложилось мнение, что Томас лично — честный человек. С другой стороны, он великолепно поставил дело издательства Коминтерна, ломка коего была бы связана с громадным вредом».

В связи с этим заявлением было вновь возобновлено дело Рейха. На этот раз сформированная для его расследования комиссия действовала в Берлине. В нее входили полномочный посол СССР в Германии Николай Крестинский (председатель), руководитель КПГ Генрих Брандлер и представитель Украины в Германии Владимир Ауссем. Накануне начала работы комиссии Зиновьев направил Крестинскому личное письмо, в котором, высказываясь против применения жестких мер по отношению к Рейху, писал: «Я не вижу другого выхода, кроме как максимально ускорить разбор дела и положить конец тяжелому и досадному инциденту».

Новая комиссия, заседавшая в Берлине с 18 по 23 июля, выявила весь механизм перекачки денег в Европу. Так один из курьеров Коминтерна рассказывал: «Мы получали чеки на имя кого-нибудь из представителей советской миссии и реализовывали их в банк, стремясь избежать контроля полиции и налоговой инспекции».

Одна из сотрудниц показывала: «Деньги хранились, как правило, на квартире товарища Томаса. Они лежали в чемоданах, сумках, шкафах, иногда в толстых папках на книжных полках или за книгами. Передача денег производилась на наших квартирках поздно вечером, в нескольких картонных коробках весом по 10—15 кг каждая, мне нередко приходилось убирать с дороги пакеты денег, мешавшие проходу».

Результатом деятельности комиссии Крестинского была следующая резолюция: «Получение 8 млн. марок первоначально отрицалось Томасом. Когда же оно было доказано документально, то через некоторое время Томас заявил, что нашел их заделанными в стуле или столе. Комиссия не допускает возможности, чтобы факт наличия столь крупной суммы — около 200 000 золотых рублей — совершенно исчез из памяти Томаса и не был восстановлен им даже в момент острой нужды (например, в ноябре 1921 года, когда был затронут считавшийся неприкосновенным Франкфуртский фонд). Так как высказанное комиссией предположение, что данное временное сокрытие этой суммы имело мотивом желание создать некоторый тайный резерв на случай возможной неаккуратности денежного снабжения со стороны Исполкома Коминтерна или желание покрыть неаккуратность в передаче сумм посредниками, Томасом категорически отрицается. Между тем из всего комплекса дела, свидетельских показаний и характеристик образа жизни и работы Томаса предположение о лично корыстных намерениях не вытекает, то комиссия затрудняется найти для всего инцидента правдоподобное и заслуживающее доверия объяснение».

На некоторое время Зиновьеву удалось замазать скандал, связанный с финансовыми злоупотреблениями «товарища Томаса». Более того, ему предложили занять пост руководителя Издательского отдела Коминтерна. Рейх от этой должности отказался, продолжая в Берлине заниматься издательскими делами.

Однако когда Зиновьев в 1924 году возглавил «новую оппозицию» и выступил против Сталина, пропавшие в Берлине миллионы вновь всплыли на поверхность. Сталин решил использовать

это дело в своей борьбе против председателя Исполкома Коминтерна. Была создана очередная комиссия, которая с удивлением обнаружила, что Яков Самуэлович Рейх, он же «товарищ Томас», он же «Джеймс», оказывается, никогда не состоял ни в РКП(б), ни в какой другой коммунистической партии. Таким образом, получалось, что в течение нескольких лет огромные деньги находились в руках человека, в общем-то, случайного.

Установив этот факт, Интернациональная контрольная комиссия Коминтерна передала дело в ЦКК РКП(б). На заседании 26 июня 1925 года были зачитаны свидетельства видных деятелей партии и Коминтерна — Зиновьева, Бухарина, Радека, Брандлера, Мюнценберга и других, подтверждающие партийность Рейха. Однако в связи с тем, что какие-либо документы по этому поводу отсутствовали, ЦКК приняла решение: поскольку документы о принадлежности Я.С. Рейха к РКП(б) отсутствуют, то оснований для дальнейшего разбирательства дела нет.

Сам Рейх, не дожидаясь дальнейших неприятностей, решил по возможности быстро смотаться из Москвы. По его просьбе 17 августа 1925 года Карл Радек обратился с письмом к Зиновьеву:

«Я обращаюсь к Вам с просьбой по делу Томаса. Он решил оставаться здесь, работать и по возможности бороться с несправедливостью, которая по отношению к нему была совершена. Но у него семейные проблемы, которые не решить письмом. Для получения иностранного паспорта он обратится в ГПУ, которое запросит партийный секретариат, и дело затянется... Зная Ваше личное отношение к Томасу, прошу Вас помочь с получением разрешения на выезд от партийного секретариата, с которым бы он мог обратиться в ГПУ».

Перебравшись в Германию, Томас уже в гораздо более скромных масштабах продолжал до конца двадцатых годов сотрудничать в изданиях Коминтерна. Он проживал в Берлине под именем Рубинштейна. После прихода Гитлера к власти в 1933 году он перебрался в Прагу, а затем в 1938 году прибыл в Нью-Йорк, где и умер в 1956 году. Его богатейший архив, который Рейх планировал использовать для написания истории Коминтерна, бесследно исчез.

Так закончилась история талантливого авантюриста, на пути которого оказался честный и бескомпромиссный человек Осип

Пятницкий. Кто знает, сколько еще «пролетарских» миллионов исчезли бы без следа, не схвати он за руку Якова Рейха. А ведь случай с ним, приведенный выше, был не единичным. В первые годы создания Коминтерна к народным денежным средствам, направленным на организацию мировой пролетарской революции, относились слишком легко.

Как и следовало ожидать, бюджет Коминтерна на 1922 год претерпел ряд изменений в сторону увеличения. Решением Политбюро ЦК ВКП(б) Коминтерну было предложено из выделенных средств передать 400 тысяч золотых рублей в резервный фонд: при этом комиссии в составе Молотова, Сокольников и Пятницкого поручалось «рассмотреть вопрос о долге Коминтерна Наркоминделу и выработать правильные формы внесения вопросов о бюджете Коминтерна в Политбюро»*.

В этот же день, 20 апреля, Политбюро ЦК ВКП(б) обсудило вопрос «О взаимоотношениях НКИД и ИККИ в деле финансирования работы на Востоке» по докладам Г. Сафарова и Л. Карахана и приняло следующее постановление:

- А) Установить, что, как правило, ни один расход особого назначения на Востоке впредь не может производиться НКИД иначе, как по согласованию с ИККИ и с санкции Политбюро.
- Б) Поставить на вид НКИД за произведенные им расходы без согласования с ИККИ и Политбюро.
- В) Поручить комиссии, назначенной Политбюро 20 апреля с.г. (Молотов, Сокольников, Пятницкий) — (протокол № 3, п. 8), при рассмотрении сметы Коминтерна выделить определенную сумму, в пределах этой сметы для усиления расходов на агитацию среди японских солдат.

Названная комиссия из трех человек выработала заключение, которое с поправками было утверждено на заседании Политбюро 27 апреля: «Установить резервный фонд Коминтерна в 400 тысяч золотых рублей с сокращением сметы Коминтерна в сумме 3 150 600 рублей, на 200 тысяч рублей, т.е. до 2 950 000 рублей; из них 100 тысяч рублей, ассигнованных для компартий Дальнего Востока, 5000 рублей для агитации японских солдат; смету ОМС на советские денежные знаки на рассмотрение Оргбюро ЦК»**.

Отчет по исполнению бюджета представляется председателем Бюджетной комиссии ИККИ Пятницким в конце года на заседа-

* РЦХИДНИ. Ф. 17, оп. 3, д. 281, л. 2; Ф. 17, оп. 3, д. 289, л. 2.

** РЦХИДНИ. Ф. 17, оп. 3, д. 290, л. 2.

нии Политбюро, а проверка отчета поручается наркому финансов Сокольникову*.

3 марта 1922 года Президиум ИККИ утверждает персональный состав Бюджетной комиссии Исполкома Коминтерна. В составе: Г. Брандлера — председателя комиссии, О. Пятницкого — секретаря комиссии, одновременно являвшегося и казначеем ИККИ, Г. Валецкого, Ж. Эмбер-Дро и Д. Попова. Но уже 7 июля 1922 года председателем этой комиссии назначается Феликс Кон.

Персональный состав Бюджетной комиссии постоянно менялся. Это происходило в 1922, 1923, 1924, 1926 годах и, наконец, в 1928 году. В дальнейшем он стабилизировался, и в нем происходили незначительные изменения. Но Осип Пятницкий оставался ее постоянным членом и казначеем Исполкома Коминтерна. Но так как он в этой комиссии являлся единственным членом ЦК русской секции — партии большевиков, ему решением Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) было поручено вести все финансовые дела Коминтерна и контролировать его денежные расходы.

В функции Бюджетной комиссии Исполкома Коминтерна входило распределение общего бюджета Коминтерна по национальным компартиям и издательствам, контроль за выдачей субсидий для компартий и правильность расходования ими выделяемых средств, а также рассмотрение их финансовых отчетов. Она очень строго поступала с теми компартиями, чьи отчеты были неудовлетворительными и не отвечали требованиям бухгалтерской отчетности. В таких случаях Президиум ИККИ по представлению О. Пятницкого назначал специальные комиссии по проверке расходов провинившихся компартий.

Бюджетная комиссия рассматривала также просьбы национальных компартий, их печатных органов и издательств о дополнительных субсидиях и дополнительных средствах на избирательные компании и т. д.

Но возвратимся немного назад, ко времени начала работы Бюджетной комиссии, к 1922 году и началу работы в ней Осипа Пятницкого.

Мы остановились на том, что в первые годы существования Коммунистического Интернационала его официальный бюджет составлял лишь ассигнования на деятельность Коминтерна. Зачастую из так называемого «резервного фонда», фонда Политбюро, бюджета ОГПУ деньги направлялись на те или иные запросы

* РЦХИДНИ. Ф. 17, оп. 3, д. 326, л. 2.

национальных компартий. Так, в том же апреле 1922 года Каран докладывал Сталину, что он передал крупные суммы корейцам (дважды золотом на сумму 600 000 рублей и один раз царскими купюрами — 4 000 000 рублей) для создания двух типографий (в Шанхае и Пекине) и для непосредственной нелегальной работы в Корее против японцев, в том числе для организации вооруженного сопротивления.

Так как валюты у молодой Советской республики не хватало, в основном приходилось пользоваться конфискованными драгоценностями. Для упорядочения работы по их сбору с августа 1922 года действовала особая комиссия по изъятию экспонатов высокоматериальной ценности из музеев. Ее работой руководили уполномоченные Советом народных комиссаров Базилевич, представитель Наркомфина, Вейс — Госхрана и др. Комиссия производила осмотр крупнейших сокровищниц страны. Всего было изъято 25 фунтов золота в изделиях, серебра в изделиях до 35 пудов и до 150 карат бриллиантов.

3 января 1923 года Бюджетная комиссия ИККИ утвердила бюджет Коминтерна в золотых рублях на 1923 год в сумме 2 196 500 рублей, из них 15 815 рублей — национальным компартиям, остальные различным издательствам Коммунистического Интернационала, Отделу международных связей и на транспортные расходы для делегатов на очередной конгресс.

Наиболее крупная сумма дополнительных, непредвиденных субсидий Коминтерну была выделена в конце 1923 года, когда Комиссия Политбюро в составе Зиновьева, Троцкого, Куйбышева, Пятницкого и Сокольников запросила дополнительно 2 196 500 золотых рублей, очевидно, на поддержку революции в Германии.

В деле расходования денег в такой ситуации трудно было ожидать полного порядка. Так, руководитель Восточного отдела Коминтерна Сафаров докладывал Сталину, что денежные средства и ценности выдаются совершенно «безответственным людям из отдельных групп». Он приводит пример, когда неким Ху Нан Гену и Ко Чи Иру было выдано 200 000 золотых рублей для поддержки национального движения в Корее, однако, как выяснилось, деньги пошли для продолжения фракционной борьбы в корейской эмиграции.

20 февраля 1924 года Бюджетная комиссия рассмотрела распределение общего бюджета Коминтерна и утвердила смету, в которой братским компартиям, зарубежным издательствам, пред-

ставительствам Исполкома и в резервный фонд Коминтерна выделялось более 2 млн. золотых рублей. И особо для компартии Германии: для партийной работы — 85 тысяч долларов и для военной работы — 40 тысяч долларов*.

Механизм принятия общего бюджета Коминтерна и его распределение выглядел следующим образом. После его рассмотрения Бюджетной комиссией Коминтерна и Финансовым отделом ЦК РКП(б) — ВКП(б) проект бюджета передавался на рассмотрение Комиссии Политбюро ЦК русской партии. Окончательное решение по общему бюджету Коминтерна оставалось за Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б). Обычно Политбюро передавало его на предварительное рассмотрение назначенной им комиссии в составе секретаря ЦК русской партии Молотова, казначея Коминтерна Пятницкого и наркома финансов СССР Сокольников. Эта комиссия имела право корректировки предложений ИККИ по финансированию деятельности Коммунистического Интернационала**.

Президиум ИККИ 12 июля 1924 года избрал новый состав Бюджетной комиссии в составе: О. Пятницкого, О. Куусинена, О. Гешке, А. Трена, представителей компартий Чехословакии, Италии и Англии и В. Богутского в качестве кандидата.

Дальнейшее изменение персонального состава Бюджетной комиссии ИККИ произошло 20 декабря 1926 года. Тогда в состав комиссии были избраны О. Пятницкий — руководитель комиссии и казначей Эрколли, Б. Шмераль, В. Богутский и один представитель ИККИ, а также кандидатами Ж. Кармэ, Дункан, Д. Мерфи и С. Гопнер. В дальнейшем, вплоть до VI Конгресса Коминтерна в составе этой комиссии происходили лишь незначительные изменения.

Что касается бюджета Коминтерна на предстоящие годы, то они после прохождения ряда инстанций ИККИ и ЦК ВКП(б) передавались на рассмотрение Комиссии Политбюро ЦК.

Так произошло с бюджетом Коминтерна на 1925 год.

27 ноября 1924 года, когда проект бюджета, предварительно согласованный со всеми необходимыми инстанциями был передан в Политбюро ЦК, он до его утверждения был рассмотрен комиссией в составе секретаря ЦК Молотова, наркома финансов Сокольникова и казначея ИККИ Пятницкого***.

* РЦХИДНИ. Ф. 495, оп. 2, л. 9 и 10.

** РЦХИДНИ. Ф. 17, оп. 162.

*** РЦХИДНИ. Ф. 17, оп. 162, л. 2, л. 45.

Комиссии, назначаемые Политбюро ЦК ВКП(б), как правило, корректировали предложения ИККИ по ассигнованию коминтерновской деятельности. Так, на заседании Комиссии Политбюро, обсуждавшей 9 января 1926 года вопрос о смете Коминтерна, почти все испрашиваемые суммы были уменьшены, в том числе и ОМС и резервному фонду Коминтерна. Всего на 1926 год было выделено 5 908 899 рублей. Отдельной строкой была указана цифра 110 000 рублей на расходы на ближайший расширенный пленум ИККИ*.

Политбюро утвердило предложения своей комиссии и «представило Бюджетной комиссии ИККИ право, в случае необходимости, войти с просьбой об ассигновании дополнительной суммы». При этом предупредило, что не следовало «ассигновать для отдельных партий и организаций, входящих в Коминтерн, сумм, кроме утвержденных сметой на 1926 год, без соответствующего отзыва Бюджетной комиссии ИККИ»**.

24 января 1927 года смета ИККИ в иностранной валюте решением Политбюро ЦК ВКП(б) была утверждена в сумме 4482094 золотых рублей. Исполкому Коминтерна представлялось право ежемесячно обменивать до 25 000 червонных рублей на иностранную валюту***.

В начале 1926 года ходили слухи, что Зиновьев перевел значительные суммы своим сторонникам за рубежом. Сталин запросил Пятницкого о том, как распределяются средства национальным компартиям, кому, сколько и на какие мероприятия они выделяются, и просил не решать эти вопросы без согласования с членами Президиума ИККИ от партии большевиков. В своем ответе Сталину Пятницкий напомнил, что финансовые субсидии национальным компартиям проходят через финансовую комиссию Политбюро ЦК ВКП(б), а крупные ассигнования им выплачиваются только по решению Советской делегации в ИККИ.

Деятельность Коминтерна финансировалась руководством ЦК ВКП(б), и именно его Секретариат принимал решение о выделении средств Коминтерну и КИМу по сметам, представленным Бюджетной комиссией ИККИ. Расходы по спецобъектам Коминтерна, входившим в Отдел международных связей (ОМС) и Орготдел (нелегальные пункты подготовки радистов, радиоцентр, военные объекты и пр.) в эту смету не включались. Их

* РЦХИДНИ. Ф. 17, оп. 162, д. 2, л. 45.

** РЦХИДНИ. Ф. 17, оп. 162, д. 3, лл. 14—15.

*** РЦХИДНИ. Ф. 17, оп. 162, д. 4, л. 50.

финансирование в целях максимальной секретности осуществлялось по другим каналам вне сметы Коминтерна. Для этого, как я уже рассказывал выше, имелся второй текущий счет в Госбанке под названием: «Восьмая база физкультурников из Спортинтерна». Кроме того, использовались и валютные поступления в фонд МОПРа — Международной организации помощи революционерам.

Реорганизация финансирования зарубежных компартий началась после того, как в 1927 году английские и китайские власти произвели обыски помещений Аркоса в Англии и советского посольства в Пекине. По инициативе Сталина Политбюро приняло решение, в котором говорилось: «Необходимо всячески избегать видимости прямой зависимости коминтерновских организаций от советских государственных органов». Предписывалось Бухарину (сменившему Зиновьева на посту руководителя Коминтерна) и Пятницкому для маскировки разработать вопрос о выдаче денег секциям Коминтерна не из Москвы и не через русских, а из Берлина (Западноевропейского бюро) и Иркутска (Восточное бюро) «обязательно через иностранных товарищей».

Для финансирования партий приобреталась недвижимость за границей, создавались предприятия и фирмы. Ближайший доверенный человек Пятницкого Гуго Эберлейн являлся главным финансовым ревизором этой деятельности, а порой и сам выступал в качестве курьера для передачи денег. Большой скандал произошел в 1934 году, когда Эберлейн и его секретарша были арестованы в Страсбурге с крупной суммой денег при себе.

В 1928 году задачи Бюджетной комиссии в основном оставались прежние — определение основных расходов Коминтерна в соответствии со сметой, утвержденной Политбюро ЦК ВКП(б), а также решение различных вопросов о выделении денежных средств национальным компартиям и их издательствам.

На 1929 год Политбюро утвердило смету расходов ИККИ в сумме 4 457 468 золотых рублей.

На 1930 год — 1 000 000 рублей, предназначенных ИККИ на коминтерновскую деятельность и отдельно ОМС в сумме 265 494 рубля*.

Президиум ИККИ 3 сентября 1928 года утвердил новый состав Бюджетной комиссии, который без изменений действовал вплоть до VII Конгресса Коминтерна в составе Пятницкого — руководителя комиссии, Г. Реммеля, Б. Шмералья, Л. Пурмана, Т. Бел-

* РЦХИДНИ. Ф. 17, оп. 162, д. 7, л. 15; д. 8, л. 80; д. 9, л. 112.

ла, Серра и представителя ИККИ, и кандидатами в члены комиссии: А. Барье, М. Горкича и представителя компартии Китая*.

Бюджет Коминтерна на 1932 год был утвержден Политбюро ЦК ВКП(б) в сумме 1 456 000 рублей и отдельно ОМС в сумме 411 000 рублей**.

4 августа 1935 года Политбюро ЦК была утверждена «ориентировочная сумма расходов на проведение VII Конгресса Коминтерна в сумме 2 800 000 рублей» и было предложено Наркомфину СССР отпустить указанную сумму из резерва Совнаркома СССР***.

Механизм принятия общего бюджета Коминтерна и его распределения остался прежним. С тем, как это происходило, мы познакомились по рассказу бывшего секретаря Сталина Бориса Божанова, приведенному выше.

Весьма интересна характеристика деятельности О. Пятницкого, данная ему Иосифом Бергером.

Иосиф Бергер, основатель и один из руководителей компартии Палестины, ответственный работник еврейской секции Коминтерна, хорошо знавший Пятницкого по работе в Исполкоме Коммунистического Интернационала, в статье «О Таршисе», опубликованной в № 93 «Нового журнала» (США) за 1968 год, писал следующее:

«...В руках Пятницкого находился важнейший инструмент деятельности Коминтерна. В его руках находился бюджет и касса Коминтерна. Средства, которыми располагал Исполком Коминтерна, формально поступали от членских взносов различных компартий. Фактически же суммы в кассу Коминтерна направляла РКП(б) — ВКП(б)...

...Власть Пятницкого в вопросе об изменении субсидий (больше или меньше) была решающей, если не для существования партий, то, во всяком случае, для успеха отдельных акций. Удельный вес Пятницкого в ИККИ к середине 20-х годов вырос значительно».

Вот что пишет бывшая жена Отто Куусинена Айно Куусинен:

«Коминтерну приходилось оказывать финансовую помощь всем компартиям мира и их печатным органам. И те, и другие постоянно находились в финансовой зависимости от Коминтерна.

* РЦХИДНИ. Ф. 495, оп. 18, д. 653, л. 57.

** РЦХИДНИ. Ф. 17, оп. 162, д. 12, л. 85.

*** РЦХИДНИ. Ф. 17, оп. 162, д. 18, л. 104.

Коминтерн пытался создать в мире впечатление, что он существует за счет партвзносов, чтобы ввести в заблуждение общественное мнение, каждой партии была определена сумма, которую та будто бы должна была вносить ежегодно. Годовой финансовый отчет для печати составляли Пятницкий и Куусинен. В нем всегда была графа «Членские взносы компартий». Но на самом деле, по словам Куусинена, Коминтерн никогда не получал ни одной копейки ни от одной иностранной компартии. Наоборот, поток коммунистов, приезжавших просить у Коминтерна финансовой поддержки, не прекращался. Обычно их направляли к Пятницкому, и, если он ставил на их заявлении свою резолюцию, «Узкая комиссия» рассматривала этот вопрос на своем заседании. Только Пятницкий знал точно, какие суммы получали партии. Очень редко в это посвящали и двух других членов «Узкой комиссии».

Деятельность Коминтерна финансировалась Советским правительством, большую часть средств получали из государственной казны. Но непосредственно деньги поступали из ЦК ВКП(б).

После выхода в свет моей первой книги о Коминтерне — «Заговор против Сталина», ко мне часто обращались ее читатели за разъяснением, соответствует ли действительности тот факт, что национальные компартии не собирали членских взносов, а целиком рассчитывали на субсидии, поступающие от русской партии РКП(б) — ВКП(б). Вопрос правильный. Все сказанное выше И. Бергером и А. Куусинен подтверждает и секретарь ИККИ М. Трилиссер, заменивший Пятницкого после его отъезда с коминтерновской работы.

М. Трилиссер работал в Коминтерне под фамилией Москвин. Вот что он рассказывает:

«Маркс и Энгельс не допускали участия членов I Интернационала в работе его конгрессов, если его члены не уплачивали своего положенного взноса в кассу Интернационала.

Членские взносы в III Коммунистическом Интернационале, как правило, не собирались. А для мировой общественности, чтобы создать впечатление, что Коминтерн существует за счет членских взносов, поступающих от национальных компартий, существовала практика вводить в бюджет Коминтерна специальную статью «Членские взносы», которая в отчетах покрывалась за счет 3% от ассигнованных субсидий, отчисляемых каждой секцией

(национальной компартии) Коминтерна. А на самом деле членские взносы от секций Коминтерна в общую кассу никогда не поступали.

Вместе с тем, в национальных компартиях, как легальных, так и нелегальных, местные организации компартий собирали определенные средства в виде членских взносов, часть которых поступала в ЦК своих партий, финансовые средства собираемые таким образом, в общем, были значительны и в некоторых случаях даже превосходили получаемые субсидии. А вот учет правильности расходования этих средств осуществить из Москвы было почти невозможно».

Далее Меер Абрамович говорил, что во многих зарубежных странах, где компартии были легальны, они были слишком малочисленны, хотя для их роста были объективные данные. Это Англия, Швеция, Дания, Швейцария, Голландия, Норвегия и ряд других. Но при этом они имели большие аппараты, предприятия, типографии и дефицитные газеты*.

Прошу читателей этих строк учесть, что эти данные взяты из протокола допроса М. Трилиссера в печально известной Лефортовской тюрьме.

В конце 30-х годов Пятницкий и его ближайшие помощники Грольман и Идельсон были преданы суду и расстреляны, так как им слишком много было известно. Главный пункт обвинения гласил, что «они тайно оказывали финансовую помощь Троцкому».

После ухода Пятницкого из Коминтерна была создана специальная комиссия, которая вырабатывала смету бюджета ИККИ. Так бюджет на 1940 год был утвержден в размере 9 958 625 рублей. Он включал в себя зарплату сотрудникам аппарата ИККИ с начислениями, административно-хозяйственные расходы, транспортные, операционные и социально-бытовые расходы, содержание жилфонда и детских учреждений, резервный фонд. Самой крупной статьей расходов (свыше 5 млн. рублей) являлась зарплата сотрудникам аппарата.

Как видим, денежная субсидия иностранным компартиям в бюджете Коминтерна этого периода не предусматривалась. Между тем из показаний на следствии самого Пятницкого и его сотрудников, связанных с распределением денежных средств, известно, что при них, то есть до 1935 года, деньги зарубежным

* Следственное дело № 2525 и Реабилитационное дело № Р-23635 Трилиссера Меера Абрамовича.

компартиям переправлялись через Отдел международных связей и его нелегальные пункты в Берлине (до 1933 года), а затем в Париже.

Таким образом, можно сделать вывод, что финансирование зарубежных компартий через Коминтерн было прекращено в результате реорганизации всего аппарата и деятельности ИККИ, проведенной после VII Конгресса Коминтерна в 1935 году.

Сталину уже не нужен был Коминтерн: он сделал ставку на союз с Гитлером. Прекратилось финансирование зарубежных компартий и заглохла их «бурная деятельность» во имя мировой пролетарской революции.

Исключение составляла компартия Испании, которой в период гражданской войны оказывалась значительная финансовая помощь. Возможно, были и другие исключения.

Как более-менее массовое явление, финансирование зарубежных компартий возобновилось уже после роспуска Коминтерна, а более интенсивно — после окончания второй мировой войны, уже в новых исторических условиях.

Вот только один обобщающий документ из множества подобных ему. Именуется он «Денежные расписки».

«1. Две расписки от 27.09.39 года на 20 000 000 финских марок.

2. От т. Сулова:

1) Расписка Чжоу-Энь Лая от 16.10.46 года 50 000 американских долларов.

2) Расписка Георгиу Дежа от 04.11.46 года 200 000 американских долларов.

3. От т. Сулова: расписка Захариадиса от 03.10.47 года 100 000 американских долларов.

4. От т. Сулова: расписка Д. Ибаррури и др. от 12.08.48 года 500 000 американских долларов.

5. От т. Сулова:

1) Расписка т. Костова от 28.11.45 года 100 000 американских долларов.

2) Расписка Захариадиса от 02.06.47 года 100 000 американских долларов.

3) Расписка Тореза от 02.11.48 года 5 000 000 французских франков; 208 350 американских долларов.

4) Расписка Тореза (Жак Менье) на 1 млн. французских и 5 000 американских долларов.

5) Расписка Менье (Тореза) на 45 000 американских долларов.

6) Расписка П. Секкия (Рим) 01.09.48 года 40 000 американских долларов.

7) Расписка П. Гроота, ноябрь 1948 года 50 000 американских долларов.

8) Расписка Захариадиса 30.09.48 года 100 000 американских долларов.

6. От т. Сулова:

1) Четыре расписки В. Песси (1946—1948 гг.) на 55 000 000 финских марок.

2) Расписка от Григорьяна и Х. От 17.11.1950 года на 500 000 американских долларов.

3) Расписка от Г. Дежа от 08.08.46 года на 300 000 американских долларов».

Эти денежные вливания продолжались даже во времена М.С. Горбачева и закончились лишь после развала КПСС.

То есть, если «надежда умирает последней», то и идея «мировой пролетарской революции», то есть экспорта ее в другие страны, умерла с последним вздохом всемогущей КПСС.

Отдел международных связей (ОМС) ИККИ

Из всех отделов Исполкома Коминтерна Отдел международных связей — знаменитый ОМС, безусловно, был самым важным и самым ответственным по грандиозным и сложным задачам, которые ставились перед ним. Теперь можно назвать вещи своими именами: на первом месте стояло обеспечение экспорта мировой революции.

ОМС руководил всей конспиративной деятельностью Коммунистического Интернационала и имел разветвленную систему прямых связей с руководством национальных компартий всего мира. Он являл собой нервную систему всемирного коммунистического движения. Но это получилось не сразу.

Служба международной связи была создана в Коминтерне в первые месяцы его существования. Но до прихода Пятницкого она была слишком слаба и плохо организована, совершенно не соответствовала все расширяющимся задачам и нуждам всемирного коммунистического движения.

Судя по всему, в первое время связь Коминтерна с западными компартиями осуществлялась довольно кустарным образом. Ею руководил находившийся с марта 1919 года на нелегальной ра-

боте в Таллине лидер эстонских коммунистов Виктор Кингисепп. Кингисепп получал деньги и необходимые инструкции непосредственно из Петрограда от Зиновьева и пересылал их в Стокгольм, реже — в Берлин или Лондон. Необходимость создания зарубежного центра для координации этой работы осознавалась многими в Коминтерне. Вот письмо секретаря ИККИ Яна Берзина Зиновьеву от 28 июля 1919 года:

«Дорогой Григорий!

Переговорив с Владимиром Ильичом, мы пришли к заключению, что 5 миллионов мало, что нужно увеличить отправляемую сумму до 20 миллионов франков (приблизительно 1 миллион фунтов стерлингов). Соберут ли сразу такую сумму, неизвестно. Сегодня была Дмитриева, поедет в Питер и привезет нам деньги и ценности.

Необходимо написать Høglund'у, как они должны распределять полученные деньги. Известную часть (скажем, половину) просто сохранить, как запасной фонд, остальное надлежит распределить между коммунистическими и лево-социал-демократическими группами Западной Европы и Америки, причем спартаковцам нужно дать сразу ту крупную сумму (несколько миллионов), которую они давно просят, мы не могли отослать, главным образом, из-за волокиты, с которой связано получение кредитов из ЦК.

Вообще, нам крайне необходим за границей известный центр, который проводил бы в жизнь наши решения, распространял бы наши издания (например, наши циркулярные письма), распределял бы средства, поддерживал бы связи между всеми примыкающими организациями. Кому поручить это дело? Høglund и все прочие скандинавы мямли, люди без энергии, инициативы, но, временно, придется все равно действовать именно через них. В дальнейшем можно будет придумать иной план, я имею в виду поездку за границу одного товарища, но об этом не решаюсь доверить бумаге.

Во всяком случае, написал письмо Høglund'у с целым рядом практических указаний. Они же люди наивные, странно, например, поучать их, чтобы ценности реализовывали в различных странах, а не только в своей столице, чтобы фонд хранили в разных местах, причем у благонадежных лиц, а не у себя и прочее, прочее.

Очень сожалею, что не мог приехать к вам. По докладу Клингера я вижу, что целый ряд вопросов (практических) вы не обсуждали. Может быть, Вы скоро приедете сюда? (ест)...

Жму вашу руку. Ян Берзин».

Пока Коминтерн оставался в состоянии становления (между I и II Конгрессами), такая организация работы еще была терпима, однако уже на II Конгрессе Коминтерна 8 августа 1920 года Малое бюро ИККИ приняло решение о создании Секретного отдела взамен образованной вскоре после I Конгресса Особой комиссии по связям ИККИ. Его организация была поручена Д. Бейке. В помощь ему были выделены Меерович и Хрумкин.

Но уже 11 ноября этот отдел переименовывается и оформляется как Конспиративный отдел ИККИ. А с июня 1921 года он получает свое новое «знаменитое» название — Отдела международных связей (ОМС) Коминтерна.

Первым руководителем ОМСа с лета 1920 года до мая 1921 года был Давид Самуилович Бейка (1885—1946), латыш, член коммунистической партии с 1903 года. В годы революции 1905 года Бейка был одним из руководителей знаменитого движения «лесных братьев». С 1910 по 1917 год он находился в эмиграции в США. В годы гражданской войны был одним из руководителей Компартии Латвии (в 1919—1923 годах — член ЦК Компартии Латвии), членом Советского правительства Латвии (в 1919 — нарком промышленности).

После поражения латышских коммунистов был направлен на работу в Коминтерн. Возглавляя ОМС, он являлся также управляющим делами ИККИ. Для деятельности Бейки, как, кстати, и для деятельности его известного земляка Яна Берзина из военной разведки, было характерно использование своих соотечественников. При нем в аппарате ОМСа ключевые позиции заняли латыши, некоторые из которых так и остались работать в Коминтерне уже после ухода Бейки оттуда.

Весной 1921 года Бейка неожиданно уходит из Коминтерна, причем на такую работу, которая поневоле вызывает мысль, что его уход из Коминтерна был связан с каким-то крупным скандалом. Он был назначен организатором сельскохозяйственной коммуны на Смоленщине.

Возможно, это было как-то связано с комиссией по проверке деятельности Коминтерна во главе с известным чекистом Глебом Бокием, о работе которой мне также не удалось найти никаких сведений.

Впрочем, на новой работе Бейка быстро выдвинулся. В 1924 году он уже секретарь Смоленского губкома, в 1926 — Архангельского, затем руководит Промысловой кооперацией, а позднее работает в Наркомтяжпроме СССР. Во время гражданс-

кой войны в Испании Бейка вновь потрянул стариной. Он является членом РВС дивизии, комиссаром. По заданию ИККИ совершает поездку в США. После возвращения на родину 20 апреля 1938 года его арестовывают и после года пыток в Лефортовской тюрьме 22 апреля 1939 года приговаривают к двадцати годам исправительно-трудовых лагерей, где он и умирает.

Заместителем Бейки в ОМСе был его близкий приятель Симонис Бергис (1887—1943), член компартии с 1905 года, живший в эмиграции в Германии и США, где он являлся активистом организации «Индустриальные рабочие мира». Во время гражданской войны Бергис участвовал в подавлении антисоветского мятежа в Ярославле, после чего некоторое время являлся секретарем Ярославского губкома, затем был председателем Исполкома Рижского Совета и секретарем Рижского комитета партии, комиссаром 5-го полка латышской Красной Армии, членом ЦК Компартии Латвии и наркомом Латышского Советского правительства. После ухода из Коминтерна он работал в различных хозяйственных учреждениях и во Внешторге вплоть до декабря 1937 года, когда был арестован.

ОМС — аббревиатура, которая была известна во всем мире, кроме нашей страны. К примеру, авторы капитальной «Истории Коминтерна», изданной в СССР, умудрились даже ни разу не упомянуть о деятельности этого отдела. На Западе сложилось устойчивое представление, что именно ОМС является разведкой Коминтерна, которая наряду с военной разведкой (четвертое управление Генштаба РККА или Разведупр) и Внешне-политической разведкой — Иностранный отдел (ИНО) ОГПУ, занималась шпионажем в пользу СССР.

Отдел международных связей Исполкома Коминтерна был настолько законспирированной организацией, что даже многие сотрудники аппарата ИККИ или совсем не знали о его существовании, или не имели доступа к нему.

ОМС располагался на четвертом этаже здания на Моховой улице. На лестничной площадке четвертого этажа располагался пост вахтера — так называли сотрудников ОГПУ, составлявших охрану Коминтерна, внутреннюю и внешнюю. Без особого пропуска на четвертый этаж никого не допускали, а если кому-либо из сотрудников ИККИ, не имеющего специального пропуска в апартаменты ОМСа, требовалось по какому-либо вопросу связаться с кем-нибудь из работников этого отдела, то он договаривался с ним по телефону о встрече, и тот поджидал его в распо-

ложении охраны и провожал в переговорную комнату или к себе в кабинет. А окончив деловую встречу, провожал его до дежурного вахтера. Таким образом, «гость отдела» ни минуты не оставался без надзора.

Я знаю это по себе. Часто после школы я заходил к отцу в Коминтерн (это было уже в 30-е годы) повидаться. Ведь я не видел его неделями. Когда я уходил в школу, отец еще спал. Когда он возвращался домой, я уже спал. В здании Коминтерна охрана меня знала и пропускала к лифту беспрепятственно, но как только лифт трогался, вахтер звонил в секретариат отца и на третьем этаже у лифта меня поджидал кто-нибудь из сотрудников его секретариата, чаще всего Наташа Козлова. Как обычно, я появлялся не вовремя, у отца было совещание или другие срочные дела.

Наташа впускала меня в кабинет отца, и я либо оставался там, усаживался к кому-нибудь из присутствующих на колени и слушал, ничего не понимая, разговоры на иностранных языках, или же меня выпроваживали в канцелярию ОМСа на четвертый этаж, где я под присмотром сотрудника подотдела связи вырезал с конвертов марки, причем присутствующий при этом сотрудник зорко следил за тем, чтобы вместе с марками мне не попали адреса явочных квартир. Я думаю, читатель простит мне это маленькое отступление от затронутой темы?

ОМС в первые годы своего существования включал в себя ряд подотделов. В дальнейшем я расскажу об этом подробнее. Но главной задачей, возложенной на этот отдел Исполкома Коминтерна, было осуществление конспиративных связей между ИККИ и национальными компартиями зарубежья. К этому времени ОМС уже располагал рядом пунктов связи в различных местах: в Берлине, Антверпене, Константинополе, Риге, Ревеле и ряде других городов, в основном в приморских городах, расположенных в центре Европы, имеющих развитые коммуникации, что обеспечивало удобную связь с национальными компартиями зарубежных стран. Этими пунктами ведал подотдел связи ОМСа, которым руководил С. Бергис.

Заведующими этими пунктами связи — ответственными уполномоченными ОМСа, которые являлись золотым фондом отдела в 1920—1922 годах, — были: в Польше — Аболтин, в Швеции — Альм, в Чехословакии — Бергер, в Берлине — Абрамов (имеющий несколько конспиративных псевдонимов: Мирон, Александров, Лазарев), а также Елена Стасова (под псевдонимом Фрид-

ман) и Яков Рейх, в Константинополе — Михаил Злобин и Георгий Иванов, в Стокгольме — Э. Томпсон, в Ревеле — Павел Петров и Михаил Габерман, в Риге — Андрей Маршан, в Мурманске — Вастен, в Штеттине — Ригер и Ланор.

В 1920 годы значительная часть работы ОМСа заключалась в переправке в Москву и обратно делегатов конгрессов и пленумов ИККИ, денег, пропагандистской литературы и различных грузов, в том числе и оружия. Этим занималась специальная курьерская служба ОМСа.

Осуществлялось это с преодолением постоянных опасностей и сложных препятствий, когда уполномоченным и курьерам ОМСа приходилось пробираться в различные страны с теми или иными поручениями Исполкома Коминтерна. Такие же трудности приходилось испытывать и коммунистам из различных стран зарубежья, пробиравшимся в Москву, чтобы сообщить о развитии коммунистического движения на их родине*.

21 января 1921 года Малое бюро (Президиум) ИККИ по представлению ОМСа вынесло решение просить ЦК РКП(б), чтобы в числе сотрудников Наркомата иностранных дел (НКВД) в отделе дипломатических курьеров был товарищ, назначенный Коминтерном и выполняющий его поручения. То же самое ИККИ просил сделать и в Наркомате внешней торговли (НКВТ) и в каждой из его торговых миссий**.

ЦК РКП(б) предоставил Коминтерну такое право. Коминтерн и Наркомат иностранных дел находились в непрерывной ведомственной борьбе между собой. Позднее этот вопрос (после ряда провалов за границей) стал, по настойчивому представлению Максима Литвинова, предметом специального рассмотрения в ЦК РКП(б). Практика снабжения заграничных агентов Коминтерна подложными документами экспортно-импортных предприятий Наркомата внешней торговли стала устойчивой.

М. Литвинов убеждал ЦК РКП(б), что если Коминтерн не хочет рисковать своими кадрами, то НКВД не хочет рисковать престижем Советского правительства в международном масштабе. М. Литвинов добивался официального признания его формулы, что Советское правительство и Коминтерн — это не одно и то же.

Вместе с тем между Осипом Пятницким и Максимом Литвиновым оставались самые дружеские отношения. Их дружба

* Из отчета ИККИ II Конгрессу Коминтерна.

** РЦХИДНИ. Ф. 495, оп. 2, д. 6, л. 20.

завязалась еще в казематах Лукьяновского централа в 1902 году. Но даже М. Литвинову не было известно о тесных связях конспиративных служб Коминтерна с Иностранным отделом ОГПУ.

Однако вскоре из-за участившихся жалоб из торговых миссий о расширении деятельности коминтерновских работников, открыто занимающихся нелегальной работой, Политбюро ЦК РКП(б) 4 мая 1921 года приняло решение о взаимоотношениях между НКВД и Коминтерном. Этим решением работа Коминтерна отделялась от работы Наркоминдела.

Конфликты между Коминтерном и Наркоминделом по вопросам взаимоотношений между ними имели свое продолжение.

28 февраля 1921 года Секретариат ИККИ разослал всем заведующим отделами ИККИ письменное требование «принять к сведению и руководству, что в целях упорядочения дела и сохранения конспирации всякие сношения с заграницей, как то отправка писем, выписка литературы, пересылка печатного материала и т. д., обязательно, без всяких исключений должны передаваться для исполнения Отделу международной связи и производиться только через его посредство»*.

В мае 1921 года Малое бюро ИККИ назначило руководителем ОмСа Осипа Пятницкого** без освобождения его от ранее занимаемых должностей казначея и руководителя Бюджетной комиссии.

Осип Пятницкий был исключительно подходящей фигурой для налаживания службы международной связи Коминтерна. Он обладал огромным опытом нелегальной работы и абсолютно точно соответствовал нуждам Коммунистического Интернационала. Именно поэтому Ленин, хорошо зная о его работе в большевистском подполье, где его называли главным «транспортёром» партии, рекомендовал его кандидатуру руководству Коминтерна.

Свидетельство очевидца.

«Директивы руководящего Центра Коммунистического Интернационала нужно было передавать на места и, таким образом, превратить связь между разными партиями и ИККИ в непосредственную живую связь и осуществлять это должен был преданный и опытный специалист этого дела — главный транспортёр большевистской партии с 1912 года.

* РЦХИДНИ. Ф. 495, оп. 23, д. 355.

** РЦХИДНИ. Ф. 495, оп. 2, д. 6, л. 33.

Казалось бы, дело очень простое. Если в дореволюционные годы перевозка большевистской литературы была стержнем революционной работы, то по тому же образцу снабжение литературой, указаниями, директивами должно было быть главным элементом в большевистском перевоспитании зарубежных коммунистов и рабочих.

У руководителей, как РКП(б), так и Коминтерна, было твердое убеждение, что объективно назревала мировая революция, что победа пролетариата может быть осуществлена быстрее и легче, чем в России. Если Пятницкий, накануне первой мировой войны, организовал массовый перевоз большевистской литературы с Запада на Восток, из Лейпцига в Питер и Москву, имея в своем распоряжении ограниченные средства, а против себя всю мощь царского аппарата, то теперь, в 20-е годы, ему предстояло направлять поток большевистской пропаганды с Востока на Запад, с Моховой, что возле Кремля, на заводы Гамбурга, Берлина, Глазго, Турина и в другие места. Это казалось тогда гарантией победы мировой революции»*.

Осип Пятницкий с ходу включился в работу Отдела международных связей и начал перестраивать его структуру, подгоняя ее под требования обстановки.

Своим первым заместителем Пятницкий делает Петра Алексеевича Вомпе, который, пожалуй, в то время был наиболее близким ему человеком со времен Московского вооруженного восстания октября 1917 года. Восемь лет проработали они вместе, сначала в профсоюзе железнодорожников, а затем в Коминтерне.

ВОМПЕ Петр Алексеевич родился 22 марта 1890 года в Луге в семье земского врача. Получил высшее образование, работал помощником юрисконсульта на Николаевской железной дороге. В революционном движении начал участвовать еще в период своей студенческой жизни. С 1911 года являлся членом Петроградской организации меньшевиков. Позднее Пятницкий добился, чтобы партстаж ему был начислен с апреля 1917 года.

После перехода Пятницкого в Коминтерн в 1921 году Вомпе перешел с ним. Он являлся сначала уполномоченным ОМСа, затем заместителем Пятницкого по этому отделу.

1 августа 1921 года Малое Бюро ИККИ своим решением официально поручает О. Пятницкому реорганизовать службу меж-

* Иосиф Маркович Бергер, секретарь еврейской (палестинской) компартии, много лет работал с Пятницким и хорошо знал его.

дународной связи Коминтерна с целью подогнать ее под нужды дня. Он формирует отдел, усиливая его работниками, которые прошли школу большевистского подполья, в основном под его руководством.

Пятницкий привлек к этой нелегкой работе М.Г. Грольмана (Освальда), Г.Б. Скалова (Синани), М.А. Фортуса, П.В. Стучевского, С.А. Итина, С.Б. Бричкину и многих других.

Нелегко пришлось О. Пятницкому создать бесперебойную связь ИККИ с национальными компартиями.

12 октября 1921 года О. Пятницкий обратился к Г. Зиновьеву с письмом следующего содержания:

«По поручению Молотова я был вызван в ЦК РКП(б). Там мне показали письмо Чичерина, где он возражает против нашего представителя в миссию, которая едет в Норвегию, ссылаясь на постановление ЦК РКП(б) об отделении работы Коминтерна и Наркоминдела. Я заявил, что ЦК РКП(б) предоставил нам право включать одного представителя в каждую миссию и от этого права мы отказаться не можем. Можно спорить, годен тот или иной представитель, нужно ли посылать в тот или иной пункт. Но ставить вопрос принципиально, чтобы работа Коминтерна и Наркоминдела шла так раздельно, чтобы мы не могли иметь своего представителя, посылать телеграммы, пользоваться аппаратом, невозможно»*.

Но между ИККИ, ОМСом — с одной стороны и Наркоматом иностранных дел — с другой было немало и других проблем, которые приходилось урегулировать с помощью Политбюро ЦК РКП(б).

Вместе с тем между ОМС ИККИ и НКВД СССР существовали тесные деловые отношения. Наркомат иностранных дел постоянно направлял в ОМС тексты бесед сотрудников полномочных представительств СССР с руководящими работниками национальных компартий и пересылал получаемые из-за границы материалы о положении в коммунистических и социал-демократических партиях.

Наглядным примером конкретной работы обычного пункта связи ОМСа может служить подписанный в июне 1921 года секретарем ИККИ М. Ракоши и заведующим ОМСом О. Пятницким «План работы» вновь созданного Венского пункта связи:

* РЦХИДНИ. Ф. 495, оп. 3, д. 2, л. 13.

1. В сферу деятельности Венского пункта связи входят: Австрия, Венгрия, Румыния, Югославия, Греция, Турция — Константинополь и Болгария.

2. Задачи пункта: установить теснейшую связь — письменную, телеграфную и отправку людей между ИККИ и партиями стран, названных в 1-м пункте и непосредственную связь с Берлином, обслуживание литературой, полученной из России и Берлина для упомянутых партий.

3. Венский пункт поддерживается Берлином, который должен снабдить его литературой на немецком и, по возможности, на других языках.

4. Пункт получает необходимые ему денежные средства, согласно утвержденной смете ОМСа.

5. Пункт должен ежемесячно представлять в ОМС денежный отчет.

6. План работы представителя ОМС в Вене устанавливается им совместно с представителем Малого бюро в Вене и утверждается ОМСом. Об этом плане своевременно сообщается всем ЦК упомянутых партий и Берлинскому пункту ОМСа*.

В конце 1921 начале 1922 года Пятницкий лично объездил все основные зарубежные пункты связи ОМСа. По результатам своей поездки 1 марта 1922 года он представил Малому бюро ИККИ доклад о состоянии пунктов связи и свои предложения о реорганизации работы этого важнейшего отдела ИККИ. Из его доклада следовало, что: в Польше был представитель ОМСа Аболтин. Он работал под крышей советской торговой миссии, однако своего бюджета и сметы он не имел. После его отъезда там остался представителем ОМСа Иосиф Бергер, снабженный и бюджетом и сметой.

В Австрии представитель ОМСа работал под крышей полпредства. Однако он занимался в основном только распределением коминтерновской литературы. В целом же аппарат ИККИ в Вене был очень силен. Его возглавлял Филипп (Санто). Там же, в Вене, работали ЦК компартий Югославии и Венгрии. В Чехословакии работу пункта связи ОМС возглавлял Любарский (Карло).

В Италии О. Пятницкий пробыл 11 дней. Пункта ОМС там не было. Деньги компартия получала через посла в этой стране Воровского. В Германии он пробыл 22 дня, в том числе один день в Гамбурге. Аппарат ОМСа в Германии занимался в основном

* РЦХИДНИ. Ф. 495, оп. 3, д. 2, л. 13.

издательской деятельностью, изготовлением фальшивых документов, «паспортным делом», явками и обеспечением связи с Францией и другими странами Западной Европы. Берлинский пункт связи в кадровом отношении был очень силен. Там работали Абрамов-Миров, Е. Стасова и Я. Рейх. Опорный пункт в Литве (Ковно) некогда большой (10 человек), занимавшийся переправкой литературы и пересылкой почты, был ликвидирован, так как в нем отпала необходимость. Там остался лишь один человек.

В Латвии действовала группа из двух человек, один из них был в штатах советской миссии, другой — А. Мершен действовал нелегально. В это время представители ОМС действовали в Стокгольме (Швеция) — А. Алм, Э. Томпсон, в Ревеле (Эстония) — П. Петров и М. Геберман, в Штеттине (Германия) — Ригер и Латимор, а также в Мурманске — Вастен.

За время с 1921 по 1922 год О. Пятницкий создал или реорганизовал конспиративные пункты связи ОМСа в ряде стран: в Австрии, Швеции, Норвегии, Китае.

Один из самых оживленных пунктов ОМС имел в Константинополе. Он осуществлял связь с балканскими странами. Через пункт связи, как правило, осуществлялась связь СССР с Болгарией и в обратном направлении. Особенно интенсивно он работал до и после проведения конгрессов и пленумов ИККИ, когда приходилось переправлять через границу «нелегалов».

Переправка людей проводилась через перевалочные пункты по следующим маршрутам: Константинополь — Бугаз, Константинополь — Греция — Болгария, Константинополь — Одрин. Переправляемые люди обеспечивались фальшивыми паспортами и другими документами, которые изготавливались специальной службой ОМС*.

ОМС ИККИ руководил своими пунктами связи, созданными в основном в портовых городах СССР и зарубежных странах. Эти пункты занимались переправкой людей и грузов нелегальным путем в СССР и в обратном направлении. А также он занимался внедрением своей агентуры — нелегальных представителей ИККИ и его инструкторов в другие страны для проведения работы в национальных компартиях под «крышей» торговых представителей различных фирм.

В качестве примера приведу организацию работы Бакинского пункта ОМС.

* РГХИДНИ. Ф. 495, оп. 23, д. 361, л. 29.

Для организации связи с Иранской компартией в 1924 году существовал Бакинский пункт связи, который «выделял» нужное количество азербайджанских коммунистов, знавших условия нелегальной работы в Иране и проверенных на советско-партийной работе в Советском Азербайджане через соответствующие органы АКП(б) и ОГПУ. При этом избегали привлекать без крайней необходимости товарищей, известных в республике. ИККИ поручил отобранным товарищам легализоваться в Персидском Азербайджане, в частности, путем хозрасчетных чайхан, лавочек и т.п. заведений, организаций, содержанием которых занимался Восточный секретариат ИККИ.

ОМС уделял особое внимание использованию автомобильного сообщения путем установления связей с шоферами и организациями хозрасчетного пассажиро-грузового автомобильного сообщения (Джульфа, Алябрар, Решт).

Неоднократно предпринимались попытки руководства отдельных национальных компартий, например французской, переподчинить себе представителей ОМС, но это встречало решительный отпор со стороны Исполкома Коминтерна.

В Исполкоме Коминтерна ОМС имел исключительное значение.

С первых же шагов в должности заведующего ОМС О. Пятницкий налаживает тесную связь с Иностранным отделом (ИНО) — внешне-политическая разведка ГПУ/ОГПУ и Разведывательным отделом (Разведупром) Генерального штаба РККА. Эта связь со временем укреплялась и передавалась им своим приемникам П. Вомпе и А. Абрамову-Мирову. Тайные операции, проводимые ОМС во многих странах мира, способствовали укреплению отношений ИККИ с этими организациями.

Так, например, руководитель ОМСа П. Вомпе и начальник фельдъегерской службы ГПУ П. Митрофанов в апреле 1923 года подписали соглашение «на предмет использования их фельдъегерской службы для нужд международной связи Коминтерна». В этом соглашении указывалось, что ОМС должен давать своим службам «распоряжение о выдаче местным отделам ГПУ соответствующих полномочий на право получения корреспонденций ОМСа». Далее ОМС должен был «сообщать в фельдкорпус ГПУ сведения о дислокации и расположении своих местных органов и всякие последующие изменения расположения «таковых для включения в расписание маршрутов».

Таким образом, ГПУ имело полную картину дислокации всех пунктов связи ОМСа на территории СССР и за рубежом.

Со своей стороны, ГПУ через ОМС предупреждало гостей Коминтерна о тех опасностях, которые ожидали их на родине, об обысках и арестах на границе, о готовящихся преследованиях полиции.

ИНО ГПУ запрашивал у руководства ОМСа сведения о деятелях зарубежных компартий, приехавших в СССР на учебу или работу, а также обеспечивал ОМС интересующими его разведывательными данными*.

13 марта 1922 года начальник ИНО ГПУ М. Трилиссер писал Пятницкому, что «некоторые из материалов, получаемых от наших резидентов из-за границы, могущие интересовать Коминтерн, мы направляем Вам. Я бы просил Вас каждый раз по получении от нас таких материалов давать свои заключения по ним и сообщить имеющиеся у Вас сведения по вопросам, затронутым в этих материалах»**.

Со своей стороны, Коминтерн через ОМС обеспечивал информацией советские учреждения и ведомства. Так начальник Разведупра РККА 27 апреля 1922 года сообщил в Секретариат ИККИ, что его ведомство «имеет возможность иногда получать копии информационных бюллетеней Германской и Польской контрразведки, в которых дается освещение работы компартий и профсоюзов в упомянутых странах, вплоть до сообщений о взятых на особый учет партийных работниках».

ИККИ по согласованию с Германской и Польской компартиями должен был выделить товарищей, которым предстояло на месте в Разведупре ознакомиться с подобными материалами и сделать из них необходимые выписки и т.д.***

ОМС конспирировал не только собственную деятельность, но и свою организацию как за границей, так и в собственной стране.

31 марта 1924 года Пятницкий писал начальнику Иностранного отдела ГПУ М. Трилиссеру, что «в целях сокрытия при получении денег из Госбанка нашего учреждения нам необходимо, чтобы получатель валюты А. Эклунд — предьявитель сего — был бы снабжен фиктивным удостоверением. Посему просим Вас выдать ему удостоверение либо о том, что он сотрудник по ответственным поручениям ИНО, либо от какого-нибудь крупного треста, если таковые у Вас имеются»****.

* РЦХИДНИ. Ф. 495, оп. 23, д. 365, л. 170.

** Там же.

*** РЦХИДНИ. Ф. 495, оп. 18, д. 110, л. 5.

**** РЦХИДНИ. Ф. 495.

Примерно в то же время заместитель Пятницкого по ОМСу П. Вомпе обратился к начальнику специального отдела ГПУ Г. Бокию с письмом, в котором просил:

«Нам необходимы чистые бланки, снабженные лишь печатями и подписями на немецком языке разных крупных советских, хозяйственных учреждений и смешанных обществ, имеющих связи с границей, особенно с Германией и с другими странами Средней Европы. Эти бланки будут использоваться за границей, там же будут заполняться соответствующим текстом и предъявляться в соответствующие учреждения на предмет получения бесплатных виз из Германии в качестве приглашенных на службу в Россию»*.

По таким подложным документам прибывали в Москву многие функционеры Коммунистического Интернационала, в том числе и члены Исполкома и делегаты Конгрессов Коминтерна, особенно из компартий, находящихся на нелегальном положении.

В свою очередь, ИНО ГПУ неоднократно обращался к ОМСу ИККИ с просьбами об изготовлении паспортов для своих работников, т.к. ГПУ было «не в состоянии снабдить своих людей такими паспортами»**.

Отсутствие у абсолютного большинства зарубежных компартий опыта ведения строго законспирированной работы в области международной связи обусловило необходимость вести эту работу «сверху вниз» и замкнуть руководство этой работой на ОМС.

Пункты связи в странах зарубежья подчинялись непосредственно только ОМСу, они были ограждены от какого-либо контроля со стороны руководства национальных компартий соответствующих стран.

Не вмешиваясь и не влияя на работу пунктов связи, руководители компартий выполняли в то же время отдельные просьбы действовавших самостоятельно заведующих пунктами связи. Такая практика имела место до 30-х годов, когда руководители компартий стали не только активно привлекаться центром к работе пунктов связи, но нередко и сами направляли эту работу.

Основных ключевых работников для пунктов связи ОМС назначал главным образом из числа функционеров других компартий, т.е. не на месте нахождения данного пункта, а часть из числа

* РЦХИДНИ. Ф. 495.

** Там же.

коммунистов-эмигрантов. Но это резко повышало степень риска. Из-за усилившихся политических преследований увеличивалась возможность провалов. В 1923 году это привело к необходимости использования ОМСом фельдъегерской службы ГПУ.

Конспиративный характер деятельности ОМСа и проводимые им нелегальные заграничные операции побуждали действовать под разными «крышами». Значительная часть печатной продукции и различных грузов, предназначенных для Коминтерна, шла в Москву в адрес Наркомата внешней торговли.

Телеграммы и радиogramмы, предназначенные для Коминтерна и в обратном направлении зарубежным компартиям передавались только через Наркомат иностранных дел. Там даже была утверждена специальная должность «представителя ИККИ при НКВД по отправке радиogramм».

Для перевозки людей и грузов по решению Политбюро ЦК РКП(б) и Совнаркома ОМСу Коминтерна были выделены специальные железные железнодорожные вагоны и торговые суда.

Через ОМС ИККИ действовали соответствующие отделы Профинтерна, КИМа и других международных организаций, которые через эту службу ИККИ пересылали свою литературу, переправляли делегатов на свои конгрессы, изготавливали необходимые документы и визы для прибывающих в СССР и отъезжающих из него работников и представителей этих международных организаций.

Из приведенных выше материалов виден объем работы, которую проводил Отдел международных связей Исполкома Коминтерна.

Я позволю себе привести два свидетельства о деятельности ОМСа, принадлежавшие перу известного советского разведчика-невозвращенца Вальтера Кривицкого и Айно Куусинен, тоже работавшей в ОМСе, а затем переведенной на работу в советскую разведку.

Вот что пишет в своей книге В. Кривицкий:

«Ядро Коминтерна — это никому не известный ОМС — Отдел международных связей Коминтерна. Пока не началась чистка, ОМС возглавлял старый большевик Пятницкий. В начале этого столетия он заведовал переправкой ленинской «Искры» из Швейцарии в Россию. Когда был организован Коминтерн, то выбор Ленина на пост руководителя такого важного подразделения пал именно на него. В этом качестве он стал ведать финансами и кадрами Коминтерна.

Под его руководством была создана сеть постоянных, ему непосредственно подчиненных агентов, служивших связующим звеном между Москвой и номинально автономными коммунистическими партиями в Европе, Азии, Латинской Америке и США. Как представители ОМС, эти резиденты Коминтерна жестко контролировали деятельность руководителей национальных компартий.

Ни рядовые члены партии, ни их руководители не знали подлинного имени представителя ОМС, который подчинялся только Москве, и лично в дискуссиях не участвовал.

В последние годы ОГПУ постепенно прибрало к рукам некоторые функции ОМС, особенно функцию выслеживать и докладывать о тех, кто не согласен со Сталиным.

Самым щепетильным делом, выполняемым агентами ОМС, остается обязанность распределения денег для финансирования компартий, оплата их дорогостоящей пропаганды и их фальшивых фронтов, таких, как, например: «Лига в защиту демократии», «Друзья Советского Союза», МОПР и целый ряд других, якобы независимых организаций, которые стали особенно необходимыми, когда Москва принялась создавать Народный фронт.

...Ни одна компартия в мире не способна была покрыть и малой толики своих расходов. Москва считала своим долгом оплачивать в среднем 90—95% расходов коммунистических партий. Эти выплаты производились за счет советского бюджета через ОМС, суммы которых определяло сталинское Политбюро.

Агент ОМС имел преимущественное право судить о целесообразности новых расходов компартий. Если, например, какая-нибудь компартия желает открыть новую газету, то требуется консультация с агентом ОМС. Он рассматривает предложение и, если оно заслуживает внимания, связывается с руководством ОМС в Москве. Последнее в важных случаях передает дело на рассмотрение Политбюро ЦК ВКП(б). Мелкие вопросы агенты решают сами.

Один из самых излюбленных способов пересылки денег и инструкций из Москвы за рубеж — дипломатическая почта, не подлежащая досмотру. По этой причине представитель ОМС состоит на службе в постпредстве СССР в какой-нибудь номинальной должности. Из Москвы он получает пакеты с правительственной печатью, пачки денег, а также секретные инструкции по их распределению. Он лично передает эти деньги представителям компартий, с которыми имеет непосредственный контакт.

В первые годы существования Коминтерна передача средств на содержание компартий осуществлялась еще более примитивно. Обычной процедурой было указание Политбюро, данное ОГПУ, доставить в адрес Коминтерна мешок с конфискованными бриллиантами и золотом для отправки за границу. С тех пор разработаны более тонкие методы.

Удобной ширмой служат советские торговые корпорации, такие, как Амторг в США и Аркос в Англии и ведущие с ними дела частные фирмы. Частые смещения руководителей компартий представляли специфическую проблему для ОМС в том, что касалось денежных операций. Когда Москва сменила руководство компартии Германии после провала революции 1923 года, Абрамов-Миров, агент ОМС в Германии, так же, как и Пятницкий в Москве, долго размышляли, кому теперь доверить коминтерновские деньги. Они облегченно вздохнули, только узнав, что в новом руководстве остается Вильгельм Пик, а ему и Пятницкий и Абрамов доверяли больше всего.

Абрамов работал в отделе печати советского постпредства в Берлине с 1921 по 1926 год. На самом деле он ведал распределением денежных средств и следил за тем, чтобы инструкции Коминтерна, предназначенные для Германии и большей части Центральной Европы, доходили по назначению. В самый разгар активизации Коминтерна в Германии аппарат Абрамова насчитывал 25 человек. Позже он был отозван в Москву и назначен помощником Пятницкого.

Финансы Коминтерна и его Иностранный отдел — это лишь небольшая часть забот, лежащих на ОМС.

ОМС еще и центральная нервная система Коминтерна. Люди, посылаемые Москвой в качестве политкомиссаров в компартии зарубежных стран, устанавливают все свои контакты через ОМС, который снабжает их паспортами, «надежными» адресами и вообще действует как связующее звено между руководством в Москве и этими политическими агентами за рубежом.

...Паспортное бюро ОМС, в отличие от ОГПУ, не занимается непосредственным изготовлением паспортов. Оно добывает подлинные документы где только возможно, и только слегка подгоняет их под определенные требования, меняет фотографии, поддельяет другие нужные данные. Практически все дела, связанные с изготовлением и подделкой паспортов и других документов, поручают только русским. Условия жизни в дореволюционной России дали им исключительную практику в этом искусстве.

Сложные паспортные данные, получившие распространение в большинстве стран Европы после 1918 г., не застали большевиков врасплох. В ОМС были такие умельцы, которые могли подделывать консульские подписи и государственные печати, совершенно неотличимые от подлинных.

ОМС выполняет еще одну очень важную функцию. Он координирует деятельность Коминтерна, связанную с обучением и пропагандой в международном масштабе. В его ведении находятся школы, расположенные в Москве и ее окрестностях. Там обучается тщательно отобранный состав слушателей, которые изучают все аспекты гражданской войны, начиная с пропаганды и кончая умением обращаться с пулеметами.

Эти школы ведут свое начало со времен Октябрьской революции, когда для немецких и австрийских военнопленных были организованы краткие курсы с той перспективой, что эти кадры используют свои знания на баррикадах Вены и Берлина. Позднее эти курсы превратились в постоянные учебные заведения. Способные слушатели проходили военную подготовку в Управлении разведки Генштаба РККА.

Выпускники курсов и школ Коминтерна обязаны были после обучения возвратиться в свои страны для работы в пользу Коминтерна. От них требовалось строгое соблюдение секретности.

В Кунцово под Москвой существуют еще одни курсы для избранного круга коммунистов, прошедших тщательную проверку. Здесь обучают технике разведслужбы, работе с радиоаппаратурой, подделке паспортов и т.д.

Когда Коминтерн обратил свои взоры на Китай, был создан Университет народов Востока, так называемый Университет Сунь-Ятсена во главе с Карлом Радеком*.

Примерно в том же духе описывает ОМС и его деятельность Айно Куусинен:

«Наиболее секретным был отдел международных связей (ОМС). Это был мозговой центр, святая святых Коминтерна. Сеть уполномоченных ОМС охватывала весь мир. Через его агентов руководителям компартий отдавались приказы Коминтерна. Уполномоченные ОМС передавали компартиям средства, выделяемые Коминтерном на их партийную деятельность и пропаганду. Для маскировки этого вида деятельности создавались различные орга-

* Кривицкий В. Я был агентом Сталина.

низации, например «Друзья СССР» или «Союз мира и демократии». В 1920 году финансовая помощь от ОМС доставлялась за границу с дипкурьерами.

«Резидентом», иначе говоря, посредником, был обычно работник посольства, лицо, обладающее дипломатической неприкосновенностью. Но деятельность ОМС этим не ограничивалась. Этому отделу подчинялись все тайные торговые предприятия, депутации и секретные службы информации. Отдел также занимался редактированием, шифровкой и расшифровкой донесений и пропагандой.

Кроме того, ОМС был связующим звеном между Коминтерном и Разведслужбой Генерального штаба, а также между Коминтерном и тайной полицией, название которой постоянно менялось: ВЧК — ОГПУ — НКВД. Однако сотрудничество не всегда проходило гладко. Между ОМСом и тайной полицией отношения сложились натянутые. Возможно, отчасти именно поэтому в чистке 1930-х годов погибло так много работников Коминтерна.

С 1926 года руководителем ОМСа становится А. Абрамов-Миров, но контролировал его работу Осип Пятницкий, один из трех членов «Узкой комиссии», Оргсекретарь Исполкома Коминтерна. Этот человек несомненно был на своем месте...

...В состав ОМСа входил и отдел документации (производственный отдел), которым руководил Мильтер. Ответственными работниками там были Баллод и Суворов. Здесь подделывали визы, паспорта, печати и документы. Но фальшивые паспорта изготовлялись редко. Гораздо легче их было получить через компартии различных стран. Чаще всего уже бывшие в употреблении (а еще лучше — чистые новые). Наибольшим спросом пользовались паспорта США.

Приезжая в Москву на Конгрессы и совещания, иностранные делегаты сдавали паспорта в отдел и получали их обратно лишь перед их отъездом. Иностранцы, конечно, и не догадывались, что с печатей и подписей в их паспортах снимались точные копии. В отделе Мильтера работало человек десять.

Крупнейшим был отдел печати. Конечно, там ничего не печатали. Там работали переводчики и стенографистки, владевшие немецким, испанским, английским, французским и русским языками. Поскольку далеко не у всех заведующих отделами и других работников были секретари, им приходилось прибегать к помощи отдела печати: в нем изготавливалось множество копий с различных документов, расшифровывались стенограммы.

В отделе печати работал чрезвычайно способный человек, венгр Левин. Это был, пожалуй, лучший синхронист того времени, он владел почти всеми языками. Я однажды спросила, как ему удается так быстро переводить, не дожидаясь конца фразы, чтобы узнать, какой глагол употребит говорящий. Левин ответил, что заранее знает, какой глагол они собираются употребить, и редко ошибается».

В результате долгих исследований всего документального материала, который касается ОМСа, я пришел к окончательному выводу: этот отдел — самый законспирированный и секретный из всех отделов Коминтерна. Он занимался поддержкой нелегальных контактов с руководством зарубежных компартий. Чисто внешне он полностью копировал любую разведслужбу, т. е. располагал штатом оперативных работников, легальных и нелегальных, курьеров, шифровальщиков, радистов, службой по изготовлению фальшивых паспортов и других документов. Возможно, при этом сотрудники ОМС и занимались сбором военно-политической информации о положении в других странах. Лично мне подобных документов не попадалось.

В связи с тем что количество обязанностей О. Пятницкого в Исполкоме Коминтерна все увеличивалось (он возглавлял также Бюджетную комиссию, Орготдел, Оргбюро и Секретариат ИККИ), он решил передать пост руководителя ОМСа своему заместителю по этому отделу Петру Александровичу Вомпе, который, пожалуй, был наиболее близким Пятницкому человеком с октября 1917 года.

После перехода Пятницкого в Коминтерн в 1921 году Вомпе перешел с ним туда же. Он являлся сначала уполномоченным ОМСа, а потом, с декабря 1922 года, сменил Пятницкого на посту заведующего. Находясь на этом посту, Вомпе неоднократно выезжал за границу, длительное время — с осени 1923 года — находился в Германии.

По возвращении из зарубежной командировки в начале 1925 года, будучи уже тяжело больным, Вомпе попал в санаторий, где скончался в сентябре того же года.

Осип Пятницкий написал проникновенный некролог, посвященный памяти своего друга. В нем он отмечал мягкий характер Вомпе, его скромность и тактичность. В то же время, писал Пятницкий, это был сознательный и начитанный марксист, сторонник диктатуры пролетариата.

После смерти П. Вомпе недолгое время ОМСом руководил М. Грольман, затем до конца 1926 года отделом руководили А. Абрамович, известный также как Альбрехт и Четувев.

АБРАМОВИЧ Александр Емельянович родился в 1888 году в Одессе. С шестнадцати лет он жил собственным трудом, давал частные уроки. В 1908 году вступил в партию большевиков. В 1911 году эмигрировал. Жил в Швейцарии, в Женеве. В эмиграции работал на заводах и в мастерских и учился на медицинском факультете Женевского университета, однако не закончил его. Активно участвовал в швейцарском молодежном социалистическом движении. Был очень близок с Владимиром Ильичом. После Февральской революции вместе с ним вернулся в Россию. Был ответственным организатором Охтинского района Петрограда. Работал в Петербургском, Одесском, Севастопольском комитетах большевиков.

С началом гражданской войны — начальник и военный комиссар отряда Московского военного округа, затем на чехословацком и деникинском фронтах. Еще до основания Коминтерна ездил за границу с нелегальными поручениями от ЦК РКП(б). После основания Коминтерна — уполномоченный по романским странам. В 1920 году — на нелегальной работе во Франции, в Австрии, Чехословакии. В январе 1921 года — участник Турского съезда Французской компартии под псевдонимом Залевский. Был арестован в Ницце. Затем находился в Италии, где также был арестован по так называемому «делу ЧК».

С 1921 года — секретарь советского посольства в Таллине, а затем в Вене. Фактически работал на Коминтерн, будучи одним из руководителей балканской коммунистической федерации и всей коминтерновской работы на Балканах. С сентября 1924 по апрель 1925 года — инструктор Екатеринославского губкома партии. Затем вновь вернулся на работу в Коминтерн, где в течение года возглавлял ОМС.

С сентября 1926 года — референт Орготдела ИККИ, затем до 1931 года — уполномоченный Коминтерна в Китае. С 1932 года — на партийно-педагогической работе.

После ухода из ОМСа А.Е. Абрамовича Пятницкий вызывает в Москву из Берлина руководителя одного из первых опорных пунктов ОМСа за рубежом Александра Лазаревича Абрамова, вошедшего в историю под фамилией Абрамова-Мирова. Сначала он назначается заместителем руководителя ОМС, а в начале

1926 года становится заведующим этого отдела и основным помощником О. Пятницкого по вопросам конспиративной работы. Однако Пятницкий до конца своей работы в Коминтерне продолжал контролировать работу этой службы.

АБРАМОВ-МИРОВ Александр Лазаревич родился в 1895 году в селе Шавли, бывшей Ковенской губернии. В детстве испытал сильное влияние со стороны своих братьев — членов Бунда. Получил образование в Германии. Большевик с 1916 года. Участник Февральской и Октябрьской революций в Москве. К этому времени относится его знакомство с О. Пятницким. С 1921 года на дипломатической и коминтерновской работе в Берлине, официально — вторым секретарем советского полпредства, фактически руководит берлинским пунктом ОМСа. Там вновь встречается с Пятницким, сначала в 1921 году во время его поездки в Берлин с ревизией пункта ОМС, затем в 1924 году во время франкфуртского съезда КПГ.

Заместителями А. Абрамова-Мирова по ОМСу были польский коммунист Рыльский-Люберецкий и друг и соратник Пятницкого С. Бричкина. По-видимому, Пятницкий поставил ее на эту работу для контроля за деятельностью ОМСа как свое «недремлющее око». Вообще-то заместители руководителя ОМС часто менялись, но С. Бричкина оставалась в этой должности до 1935 года — до ухода Пятницкого с коминтерновской работы.

Абрамов-Миров возглавлял отдел международных связей Коминтерна до 1936 года, а затем был переведен на работу в Разведупр Генштаба РККА на должность помощника начальника управления по Испании, т.е. руководителем испанского направления.

Абрамов-Миров был арестован 21 мая 1937 года и 25 ноября того же года расстрелян.

По данным комиссии, которая занималась реорганизацией аппарата ИККИ в 1926 году после V Конгресса Коминтерна, в ОМСе работало 33 человека. Но уже в 1927 году в нем работало 45 человек. А на середину 30-х годов только в его московском аппарате было задействовано 65 человек, входивших в номенклатуру ИККИ.

Финансирование ОМСа осуществлялось вне сметы Коминтерна. Так, в одном из писем заведующего ОМСом Абрамова-Мирова руководству Коминтерна указывается: «Мы имеем еще второй текущий счет в Госбанке под названием «8-я база физкультурников из Спортинтерна» и производим по нему операции, в

тех случаях, когда указать «Коминтерн» нежелательно». Зачастую для нужд ОМСа использовались и валютные поступления в фонд МОПРа.

В начале 20-х годов ОМСа состоял из четырех секторов (подделков): сектора шифровки, сектора связи (передачи), счетно-финансового сектора (бухгалтерский учет и финансы) и сектора учета техники. Под этим названием функционировал центр изготовления фальшивых документов.

В дальнейшем функции ОМСа значительно расширились, и в связи с этим видоизменилась его структура.

В 1923 году создается так называемый технический сектор. Там работали замечательные специалисты Худяков, Капельсон и Кашин и сектор шифровки. Затем, наравне с сектором шифровки, был образован сектор учета различных данных и адресов на функционеров национальных компартий и лиц, которые интересовали ИККИ. При секторе учета организуется фотолаборатория и фотоархив. Это подразделение получает статус отдельного сектора.

Сектор учета являлся также специальной структурой по подготовке фальшивых документов, удостоверяющих личность. Основная мастерская, где изготавливались такие документы, располагалась в Берлине, но в конце 20-х годов она была разоблачена немецкой полицией. В отличие от некоторых секретных служб Коминтерна, ОМС пользовался настоящими документами, которые подготавливались специалистами сектора учета для конкретных лиц.

Наиболее легко можно было приобрести документы Чехословацкой республики. Но особенно ценились паспорта Швейцарии, которые позволяли их владельцам путешествовать по странам Западной Европы без визы, и американские паспорта, пользующиеся особым доверием в капиталистическом мире.

При провале Берлинской резиденции ОМСа была раскрыта и технология изготовления фальшивых документов, обнаружены печати, штампы и факсимильные подписи официальных лиц паспортной службы Швейцарии. После этого громкого провала Швейцарская компартия взяла на себя задачу экипировки эмиссаров Коминтерна, обеспечения их швейцарскими паспортами с белым крестом. Для этого использовались несколько методов. Технически это выглядело так.

Первый метод. Паспорт приобретался легальным путем, но при его получении в государственную паспортную службу дава-

лись фальшивые данные, и сама паспортная служба вписывала в паспорт эти данные.

Например, некий швейцарский гражданин делает заявку на получение паспорта. Его просят прийти за паспортом тогда-то и принести свою фотокарточку. За паспортом приходит другое лицо, чаще всего его жена, которая приносит фотографию человека, на которого выписывается паспорт. Этот метод являлся самым простым, потому что не требовал манипуляций технических служб. Полученный таким образом паспорт передавался паспортной службе Коминтерна, которая выдавала его нужному работнику.

Если же швейцарский гражданин уже имеет свой паспорт, он заявляет, что потерял его, что подтверждается справкой полицейского участка, и делает заявление о выдаче ему нового документа.

Ввиду того что Швейцария не имела дипломатических отношений с СССР, ее граждане должны были заявлять о потерянных документах в Советское отделение Красного Креста в Москве. Этим занимался Вольдемар Верлин, который передавал просьбу о выдаче нового паспорта в швейцарское посольство в Варшаве или в Риге. Однако систематические потери документов насторожили паспортную службу Швейцарии, которая дала указание местным организациям паспорта не продлевать. Во всех случаях местные власти должны были быть об этом проинформированы.

Со второй половины 30-х годов в связи с ужесточением в Швейцарии паспортного контроля этот метод стал себя изживать.

Второй метод. Иностранец коммунист, проживающий в СССР, передает свой паспорт в ОМС Коминтерна, где он подправляется под определенное лицо таким образом, чтобы он полностью соответствовал человеку, которому он предназначен. Такой паспорт назывался «промытым» документом. Понятно, что подготовленный таким образом документ часто причинял массу неприятностей своему новому владельцу, а сам метод не обеспечивал все возрастающую потребность в таких документах.

Третий метод был самым распространенным. Компартия Швейцарии с 1926 года имела прямой контакт с паспортной службой в городе Вале через подкупленного ею полицейского служащего, который предоставлял ИККИ паспорта и другие официальные документы, в которых нуждался Коминтерн. За это он получал ежемесячное вознаграждение в размере ста пятидесяти швейцарских франков, а с середины 30-х годов имел премию в сто швейцарских франков за каждый выданный документ. Этот

полицейский работал на Коминтерн, а через него и на советские секретные службы вплоть до 1942 года.

Процедура получения паспортов этим методом была проста. Паспортная служба Коминтерна по каналам своей связи доставляла в Швейцарию основные данные на человека, которому был нужен паспорт: место и дата рождения, пол, цвет глаз, волос, тембр голоса, профессия и т.д. Эти сведения через компартию передавались полицейскому, служащему в Вале (псевдоним Сапожник), который подбирал в архивах полицейского управления швейцарского гражданина с данными, похожими на полученные из Москвы. В специальной мастерской по изготовлению фальшивых документов, наподобие той, что была в Берлине, подготавливается фальшивое свидетельство о рождении, которое послужит основанием выдачи легального швейцарского паспорта.

По паспорту, подготовленному таким образом, в начале 30-х годов работал в Германии Г. Димитров под именем доктора Рудольфа Медигера. Эмбер-Дро под фамилией Бауэр пользовался таким паспортом при своей поездке в Испанию в 1931 году. По документам, полученным таким методом, работала знаменитая «Красная капелла» в годы второй мировой войны.

* * *

ОМС имел свои нелегальные объекты, расположенные вне Москвы. Все их территории были огорожены высокими зелеными заборами с колючей проволокой, тщательно охранялись военными нарядами и собаками. Курсантам запрещалось покидать расположение своей школы без особого распоряжения руководства.

Так, на базе в Подлипках (закодированной в документах Коминтерна под названием «База № 1») находилось производство специальной бумаги для документов, изготовлялись фальшивые паспорта и удостоверения, специальные чернила для их заполнения и другие подручные материалы.

В Ростокино («База № 2») действовал мощный радиоцентр, оборудованный по последнему слову техники и позволяющий осуществлять надежную радиосвязь с резидентурой ОМС во всех странах Запада и Востока. Его руководителем был Давид Гаврилович Липманов (кличка Глезер). Он родился в 1902 году в Минске, окончил гимназию и инженерное училище в Минске, служил радистом в Красной Армии. В 1928 и 1930 годах выезжал за границу. В ОМСе работал с 1933 года, будучи, помимо

руководителя радицентра, еще и заместителем заведующего ОМСа. С ноября 1936 по сентябрь 1937 года находился в Испании. По возвращении из командировки был уволен из Коминтерна и репрессирован.

На «Базе № 3» в окрестностях поселка Пушкино располагались радицентр и школа связи Коминтерна, созданная в 1933 году, которая в обиходе ИККИ называлась «Восьмой спортивной международной базой». Я уже упомянул, что именно на организацию с таким названием был открыт один из банковских счетов для финансирования ОМСа.

Руководителем радицентра считался непосредственно заведующий ОМСом Абрамов-Миров. Ему помогала его жена — Елена, которая занималась финансовыми вопросами и вела группу англо- и франкоязычных курсантов. Руководителем радишколы и школы связи был немец Шик. В этой школе, в строжайшей изоляции от окружающего мира, оснащенной самым современным оборудованием, одновременно проходили курс обучения около ста тщательно отобранных слушателей.

При школе имелся ряд лабораторий специального назначения. В эту школу слушателями подбирались молодые, умные, холостые люди, расположенные к изучению языков и техники. Программа занятий была очень обширной и разнообразной: изучение языков, географии района будущей работы и истории. Особое внимание уделялось изучению «партийной техники» — тайнописи, приемам конспирации, шифровальному делу, кодам Морзе, средствам связи. Изучались различные варианты изготовления оборудования средств связи в условиях подполья из подручных материалов.

Эти вопросы преподавал большой мастер радиодела — уже упомянутый Д. Липманов (Глезер).

Окончившие эту школу курсанты перед отправкой к месту работы проходили тщательную проверку, в процессе которой проверялась степень их подготовки, их пригодность к выполнению функций секретного агента и бралось письменное обязательство работать на советскую разведку. Не выдержавшие этой проверки курсанты отсеивались и направлялись на другую работу, а курсанты, сдавшие экзамен и прошедшие проверку, перед отправкой к месту назначения проходили общий курс военной подготовки в военно-спортивном лагере Коминтерна.

«Пункт 20» (внутрислужебное название пункта ОМСа в Париже), возглавлявшийся Лидией Дюби, имел очень важное зна-

чение для передачи секретной разведывательной информации в Москву и из Москвы. Часто — когда необходимо было переправить обширные документы или объемистые грузы — использовались курьеры.

Более короткие сообщения передавались в зашифрованном виде по обычному телеграфу. Для их отправки и получения в 1931—1934 годах использовалось не привлекающее к себе особого внимания почтовое отделение в пригороде Парижа Сен-Дени.

С начала 30-х годов пункт ОМСа в Париже тоже имел свою радиостанцию. Часть работавших там квалифицированных радистов была направлена туда из СССР, часть — подготовлена на месте. Вначале радиообмен использовался только как дополнение к обычным каналам корреспонденции, однако позднее, когда пользование последними стало весьма затруднительным, он превратился в основной способ обмена информацией. В 1936 году Лидия Дюби сообщала в Москву: «Поскольку недавно наши клиенты завалили нас телеграммами, наши радиооператоры работали по несколько часов каждую ночь без перерыва».

При каждой компартии имелся небольшой специальный аппарат, который обеспечивал связь ИККИ с руководством национальных компартий в обоих направлениях, передавая необходимую информацию, печатную продукцию, снабжал компартии всевозможными документами, в том числе и удостоверениями личности, и финансовыми субсидиями.

Работа была построена так, что каждый опорный пункт ОМСа был тесно связан с соседними странами. Для этой цели существовала целая сеть коммуникаций, по которым курсировали эмиссары ИККИ и спецтуристы из числа партийных функционеров и сочувствующих лиц. В большинстве случаев это осуществлялось нелегально.

Часто через пункты связи ОМСа передавались шифrogramмы, деньги и документы «соседей» — Разведупра РККА и ИНО ОГПУ. В свою очередь, и «соседи» помогали в случае необходимости ОМСу в его работе.

Одним из ответственных работников ОМСа в Париже был Генри Робинсон. Он курировал Францию, Англию и Швейцарию. После роспуска ОМСа он вместе с Абрамовым перешел на работу в Разведупр, на которой работал раньше. Но в 1942 году он был схвачен гестапо, после чего его следы теряются*.

* Nolland. «Die Internazionale». С. 123.

Первое время, с начала 20-х годов, работники ОМСа, как правило, являлись сотрудниками посольств СССР, торгпредств, представительств ТАСС и других легальных советских организаций за границей, как, например, Амторг в Нью-Йорке или Аркос в Лондоне. Так, например, с 1925 по 1927 год работой ОМСа в Варшаве руководил числящийся дипкурьером НКИДа старый польский революционер Ян Сосновский. Уполномоченным ОМСа в Эстонии в 1920, а затем в Польше в 1921—1923 годах был старый латышский боевик Емельян Аболтынь, действовавший под прикрытием члена русско-украинской делегации по обмену военнопленными с Эстонией, а затем соответственно — члена русско-украинско-польской делегации по обмену военнопленными.

В докладной записке одного из руководителей Службы связи ИККИ Б. Орлова от 4 марта 1939 года по так называемому «делу Рюэггов» (Яков Рудник и его жена, руководители пункта связи ОМСа, арестованные в Шанхае) указывалось:

«До 1927 года в страны, где имелись дипломатические советские представительства, работники ОМС посылались легально с дипломатическими или служебными паспортами, то есть для властей и остальных сотрудников учреждения они числились обыкновенными сотрудниками, на деле же вели работы исключительно для ОМСа. Вся связь с Москвой — деньги, телеграммы, посылка почты и печатного материала — производилась через аппараты НКИД, и часть своей работы сотрудники ОМС выполняли в стенах посольства. После обыска помещений Аркоса в Англии, советского посольства в Пекине в 1927 году, решено было реорганизовать работу ОМСа во всех странах на новых, более конспиративных началах. Работникам ОМСа было запрещено встречаться с иностранными коммунистами в советских учреждениях, держать там нелегальные архивы или заготавливать фальшивые паспорта. Диппочтой можно было пользоваться только для получения денег и посылки зашифрованных денежных отчетов, а также по вопросам въездных виз в СССР для иностранцев по линии К.И. — Коммунистического Интернационала»*.

Далее в справке отмечалось, что после 1927 года все легальные работники были заменены лицами с иностранными паспортами. Для связи же с этими нелегальными представителями ОМСа, передачи им денег и т.д. назначался кто-либо из уже ра-

* РЦХИДНИ. Ф. 495, оп. 73, д. 77, л. 28.

ботавших в посольстве сотрудников, выполнявших задания ОМСа как бы по совместительству.

Связь ОМСа с ГПУ—ОГПУ постоянно расширялась. Это касалось не только переправки людей и грузов и обеспечение их надлежащими документами. ГПУ часто обращалось в ОМС, чтобы установить ту или иную личность, ее принадлежность к коммунистической партии, дать ей политическую оценку, и предупреждало со своей стороны ОМС о возможных последствиях, готовящихся провокациях в отношении конкретных коммунистов за рубежом.

В начале 1927 года начальник секретной части ГПУ Г. Бокий направил О. Пятницкому как куратору ОМСа ряд документов о порядке работы с секретными документами: «О порядке пересылки совершенно секретной переписки», «Инструкцию о порядке получения, пользования и хранения белогвардейской литературы», «Правила постановки архивной части секретного делопроизводства в учреждениях», «О невозможности использования телефонов-автоматов («вертушек») для переговоров по совершенно секретным вопросам и о шифровках».

Выступая на заседании Президиума ИККИ 13 августа 1926 года по вопросам реорганизации аппарата ИККИ, О. Пятницкий указал, что численность Отдела международной связи после V Конгресса Коминтерна составляла 33 человека. Но уже в 1927 году в ОМСе работало 45 человек, так что этот Отдел и Отдел переводов до проведенной реорганизации были многочисленными*.

В период между V и VI Конгрессами Коминтерна в структуре ОМСа произошли существенные изменения. ОМС в этот период имел ряд пунктов связи в Риге, Ревеле (Таллине), Берлине, Вене, Варне, Стокгольме, Париже, Осло (Христиании), Константинополе, Амстердаме, Шанхае и ряде других городов Европы, Азии и Америки. А также в некоторых городах СССР: в Одессе, Ленинграде, Киеве, Баку и Мурманске. Все они были объединены подотделом связи.

Кроме них в ОМСе имелись подотделы: курьерский, финансовый, литературный, техники. ОМС продолжал заниматься переправкой людей по морю и по суше, изготовлением поддельных документов, распределением политической (коминтерновской) литературы, а также передачей денег представителям национальных компартий за рубежом.

* РЦХИДНИ. Ф. 495, оп. 18, д. 434, л. 3.

После VI Конгресса Коминтерна в результате создания Лендерсекретариатов в ряде компартий появилась тенденция нарушить сложившуюся традицию самостоятельности аппарата ОМС Исполкома Коминтерна*. Однако из этого ничего не получилось. Условия конспирации не позволяли расширять круг людей, связанных с деятельностью пунктов связи ОМСа, действующих под «крышей» советских полпредов и торговых миссий.

Подтверждением этому является письмо С. Роллан от 11 февраля 1927 года из Парижа, которая предупреждала ИККИ:

«В свое время я указывала (через Вернера и Фердинанта) на необходимость разграничения аппарата ОМСа от французского аппарата; ибо в противном случае аппарат ОМСа оставался под контролем компартии Франции. До сих пор компартия Франции этого контроля осуществлять не пыталась. Теперь же такая тенденция имеется. Мне, например, известно, что Семар заявил Гумбольду, что в сущности аппарат ОМСа принадлежит им, хотя они, впрочем, согласны на руководящую роль из Москвы, так как сами не имеют подходящего товарища»**.

С другой стороны, в ряде стран взаимодействия между уполномоченными ОМСа и Исполкома Коминтерна складывались непросто. Это вызвало необходимость издания специального документа, датированного сентябрем 1927 года. Этот инструктивный документ назывался «О взаимоотношениях отделения ОМС с уполномоченными ИККИ».

В этом документе речь шла об отделении ОМСа в Китае. В нем говорилось, что это отделение «имеет целью установить связь между ИККИ и Китаем», и оно «не подчинено уполномоченным ИККИ в Китае, а за свою работу ответственно только перед ОМС ИККИ».

Более того, любые сношения уполномоченного ИККИ с отделением ОМСа должны производиться «исключительно через заведующего ОМСом или его заместителем», финансовые операции могут осуществляться «лишь по указанию ОМС ИККИ», то же касалось заказов паспортов, прохождения всей переписки с границей. Наконец, указывалось в этом документе, «все конфликты между уполномоченными ИККИ и отделением ОМСа разрешаются только руководством ОМСа».

* РЦХИДНИ. Ф. 495, оп. 23, д. 7, л. 74.

** РЦХИДНИ. Ф. 495, оп. 23, д. 7, л. 74.

Следует отметить, что для усиления мер конспирации для секретной переписки, особенно для радиопереговоров с руководством зарубежных компартий и агентами ОМСа за рубежом, были введены конспиративные псевдонимы всем основным работникам Исполкома Коминтерна. Мне удалось узнать некоторые из них.

Так, О. Пятницкий подписывал свои указания и запросы именем Михаил.

В. Кнорин — Соколиком.

В. Куусинен — Вилле.

Д. Мануильский — Марьян.

Е. Стасова — Фридман.

М. Ракоши — Антонио.

А. Гуральский — Кляйн и Дюпон.

Г. Димитров — Виктор.

Ф. Идельсон — Луч.

А. Антонов-Овсеенко — Ковач.

А. Ротштейн — Лидия и т.д.

После VI Конгресса Коминтерна в структуре и деятельности ОМСа произошли серьезные изменения. В конце 1929 года в отделе был создан Секретно-инструкторский подотдел.

В Положении об этом подотделе говорилось, что на него возлагалось общее руководство, инструктирование и контроль за секретным делопроизводством во всех подразделениях ИККИ, включая и Лендерсекретариаты, а также Исполкома КИМа и во всех родственных организациях, входящих в сферу влияния Коминтерна.

Этот новый подотдел находился в подчинении заведующего ОМСом А. Абрамова-Мирова, а непосредственное руководство этим подотделом было возложено на заместителя руководителя отдела Сиротинского. Все указания и распоряжения Секретно-инструкторского подотдела, касающиеся мероприятий, конспиративности ведения секретного делопроизводства и обращения с конспиративными материалами, для всех подразделений Коминтерна и организаций, связанных с ним, были обязательны.

Новый подотдел ОМСа сразу же включился в работу. В течение 1930 года им были разработаны и утверждены руководством ИККИ ряд таких инструктивных материалов, как «Инструкция уполномоченным по секретному делопроизводству в отделах, Лендерсекретариатах ИККИ и родственных организациях», «Инструкция о порядке печатания (размножения) секретных доку-

ментов», «Инструкция по приему и отправке секретной почты канцелярией Бюро Секретариата ИККИ», «Инструкция о порядке стенографирования секретных документов», «Основные правила конспирации для наших интернациональных вузов — МЛШ, КУНМЗ и КУТВ», «Правила обращения с конспиративными документами и материалами, посылаемыми ИККИ за границу секциям Коминтерна и фракциям родственных организаций».

В 1929 году в столице Ирана Тегеране начал работу новый пункт связи ОМСа по связи с компартиями Ирана, Ирака и Индии, а также пункты связи в Гонконге и Сингапуре, через которые осуществлялась связь с коммунистическими элементами в Таиланде и Бирме.

Развернул работу пункт связи и в Шанхае. В его задачу входило налаживание контактов с революционными организациями Китая, Кореи, Японии и других стран. Он был крупнейшим в Азии. Функции его не отличались от других подобных организаций. Но были и свои особенности. Он занимался переброской командированных из Москвы специалистов в Особый район Китая.

Шанхайский пункт связи, как и большинство других, действовал через подставные экспортно-импортные фирмы.

Основной костяк работников азиатских пунктов связи ОМСа составляли европейцы, за которыми полиция легко устанавливала слежку. Нередко это были недостаточно подготовленные в профессиональном отношении люди, плохо знакомые с традициями местных условий жизни, обычаями и традициями народа, в стране которого приходилось работать. Это послужило причиной ряда крупных провалов и привело к арестам работников пунктов связи в Шанхае, Ханькоу и Сингапуре.

Активизировалась деятельность пункта связи в Стокгольме, который в 1932 году был оснащен радиостанцией. Годом позже радиостанция была установлена и в пункте связи в Праге.

До 1933 года в Берлине располагался один из крупнейших пунктов связи ОМСа. В Берлине находились представительства многих других национальных компартий и народно-освободительных движений. Он служил передаточным звеном между Москвой и компартиями Англии, Франции, Чехословакии. В Берлине находились Западно-европейское бюро ИККИ, руководство Антиимпериалистической лиги, крупное издательство Коминтерна. Через Гамбургское отделение Берлинского пункта осуществлялась почтово-телеграфная связь с Нью-Йорком, Буэнос-Айресом,

Сиднеем, Бомбеем, Стамбулом, Сантьяго, Александрией и Мадридом.

Еще в начале 1933 года, до прихода к власти фашистов в Германии и полного прекращения деятельности Берлинского пункта связи ОМСа, его функции постепенно передавались другим пунктам.

Венский пункт связи еще в 1930 году, когда нависла угроза запрета компартии Германии, начал налаживать связи с компартиями Чехословакии, Италии, Швейцарии и Франции. Он передавал этим партиям и денежные средства от ИККИ.

В 1933 году основные функции Берлинского пункта перешли в Париж, из которого пункт ОМСа налаживал контакты с компартиями стран Европы, Азии и Америки, эмигрантскими коммунистическими организациями и издательствами ИККИ. При этом использовалась курьерская служба, почтовая и радиосвязь.

Работа Отдела международных связей ИККИ в Европе раскрывается в рапорте начальника отдела кадров Исполкома А. Краевского на имя оргсекретаря ИККИ О. Пятницкого от 25 июля 1932 года. Из этого документа видно, что «ОМС располагал своими представительствами (резентурами и филиалами) в различных частях мира... При каждой компартии находится небольшой Специальный аппарат, который был тесно связан со службами ОМС и через него обеспечивалась связь руководства ИККИ с руководствами национальных компартий. По системе ОМС шел непрерывный поток инструкций и директивных указаний из Исполкома Коминтерна на места и информация с мест в обратном направлении... Работа была построена таким образом, что каждый опорный пункт ОМСа был тесно связан с соседними странами. Для этой цели существовала целая сеть коммуникаций, по которым курсировали эмиссары ИККИ и так называемые спецтуристы из числа функционеров компартий и сочувствующих лиц. В большинстве случаев это осуществлялось нелегально... Руководство ИККИ через свою резидентуру осуществляло также финансовую поддержку национальных компартий на мероприятия, утвержденные Исполкомом Коминтерна»*.

О. Пятницкий был прижимистым хозяином, даже скрупулезным. Он постоянно следил, чтобы деньги, выделяемые национальным компартиям, расходовались рационально. Финансовые субсидии компартиям шли в основном по линии ОМСа, иногда это делалось через советские торговые представительства за рубежом,

* РЦХИДНИ. Ф. 495, оп. 10а, д. 367.

через подставные фирмы, создаваемые Коминтерном в ряде стран. В редких случаях это делалось через Разведупр РККА, представители которого — военные атташе находились при любом посольстве СССР.

Об этом мне рассказывал друг отца генерал С. Петриковский, бывший в те времена представителем начальника Разведупра РККА Я. Берзина в Европе. А целесообразность расходования этих средств контролировалась представителями Орготдела ИККИ, находившихся при национальных компартиях постоянно. Расписка о получении этих денег и отчеты об их использовании шли к Пятницкому тоже по линии ОМС.

ОМС со своей системой опорных пунктов во всех регионах мира, снабженных радиосвязью, системой конспиративной связи, с ее курьерами, явочными квартирами и прочими атрибутами составлял как бы нервную систему Коминтерна, обеспечивая надежную связь руководства Коминтерна со всеми национальными компартиями зарубежья, тем более что большинство из них в 20—30-е годы в своих странах находились под запретом и работали в глубоком подполье. Поэтому организация надежной связи с ними и оказание им своевременной помощи людьми, техникой, финансами, без чего осуществить руководство коммунистическим движением было невозможно, стала одной из основных задач О. Пятницкого в Исполкоме Коммунистического Интернационала и основным партийным поручением ЦК своей партии.

Но не все и не всегда проходило гладко. Уроки конспирации руководителям некоторых компартий давались нелегко, случались провалы и предательства. Здесь очень помогла Пятницкому школа большевистского подполья, в которой он был мастером наивысшего класса. Он настойчиво передавал основы этой науки в коминтерновских школах и через представителей ОМС в национальных компартиях на местах.

Однажды, в 1956 году, уже после реабилитации отца, меня разыскал очень красивый пожилой человек, представился генералом Петриковским-Петренко Сергеем Ивановичем, другом и учеником отца, и подарил мне на память несколько фотографий. На одной из них была зафиксирована группа политических ссыльных времен 1915 года. В центре этой группы рядом стоят Пятницкий и высокий парень в студенческой куртке. Это и был будущий генерал Петриковский, Октябрьская революция и гражданская война развели их: Пятницкий оказался в Москве, Петриковский — на

Украине. Позднее жизнь вновь свела их вместе, учителя и ученика. Пятницкий был уже одним из руководителей Коммунистического Интернационала, а Сергей Иванович Петриковский — помощником начальника Разведупра РККА по Европе.

На другой фотографии времен после гражданской войны, которую он тоже подарил мне несколько позже, Петриковский изображен в шинели с четырьмя ромбами в петлицах.

Мы часто встречались с ним в Москве. И при этом он много рассказывал мне о Гражданской войне, о моем отце и их деловых контактах по линии Коминтерна. Многое уже ушло из памяти, о другом я обещал ему забыть и никогда никому не рассказывать. Но одно мне стало совершенно ясно: Петриковский очень тесно был связан с Пятницким и его помощниками: по ОМСу — с Абрамовым-Мировым и по Орготделу — с Васильевым. От генерала Петриковского я узнал и о схеме передачи денег Коминтерна руководству компартий Центральной Европы.

Связь с ИККИ поддерживалась через специальных курьеров. С начала 30-х годов внедряется радиофикация связей с компартиями, а к 1939 году она становится основным средством связи. Впрочем, периодически радиосвязь, например, с Болгарией осуществлялась с 20-х годов.

Работниками пунктов связи ОМСа в той или иной стране могли быть и местные коммунисты. Так, руководителем пункта связи в Стокгольме, одного из важнейших в системе ОМСа, долгие годы являлась шведская коммунистка Сигне Силлен (Герда Янсен), прошедшая в 1926—1928 годах обучение в Москве. Кстати говоря, она была женой лидера шведских коммунистов Гуго Силлена.

Не секрет, что многие разведки мира мечтали забросить свою агентуру в руководство компартий в своих странах и в сам штаб Коммунистического Интернационала. Поэтому ОМС был сугубо закрытой, глубоко законспирированной организацией даже от основного контингента работников аппарата Коминтерна. Доступ в Отдел международных связей был весьма ограничен и осуществлялся строго по пропускам с условным знаком, обозначающим, что предьявителю его доступ в отдел разрешен. В работе ОМСа особое значение придавалось вопросам конспирации. Здесь тесно соприкасались интересы Коминтерна и ОГПУ.

Я уже говорил выше, что с самого начала своей деятельности в Коминтерне О. Пятницкий установил тесную деловую связь и обмен информацией с Наркоматом иностранных дел (М. Литви-

новым и Н. Крестинским), с Разведуправлением РККА (Я. Берзиным, С. Петриковским), с политической разведкой — Иностранным отделом (ИНО) ОГПУ (Ф. Дзержинским, М. Трилиссером) и органами Контрразведки ОГПУ (А. Артузовым), что подтверждается его корреспонденцией. Это облегчалось давними дружескими отношениями с руководителями этих организаций.

ИНО ОГПУ проводил агентурное обследование контрреволюционных и оппозиционных организаций как русских эмигрантских, так и иностранных за границей — от социал-демократических и IV Интернационала до фашистских и через ОМС делился этими материалами с Коминтерном.

Кроме того, в зарубежных национальных компартиях, особенно на Востоке, имелось немало провокаторов, борьбу с которыми обе организации проводили совместно. Из всех поступающих материалов выделялись те, которые могли заинтересовать Коминтерн, и под грифом «секретно» направлялись в ИККИ на имя Пятницкого. А информация, которая могла заинтересовать ОГПУ или Разведупр РККА, шла от имени Пятницкого в их адрес. Разведупр РККА часто пользовался помощью военных организаций национальных компартий для сбора необходимой военной информации, так как их представителям было легче внедриться в нужные учреждения зарубежных стран. Кроме того, ИНО ОГПУ и Разведупр РККА часто пользовались помощью паспортного бюро ОМСа Коминтерна — эта служба ОМСа работала значительно эффективнее, чем аналогичные службы в этих организациях.

ИККИ через свои службы ОМС и Орготдела и при участии ЦК компартии Германии положил начало так называемых опорных пунктов — организаций, которые впоследствии стали важнейшим инструментом пропаганды коммунистических идей среди независимой левой интеллигенции. Величайшим мастером организации этой работы был Вильгельм (Вилли, как его называли друзья) Мюнценберг.

Пятницкий очень ценил этого человека, его организационные способности, честность и принципиальность во всем. В 1928 году во время состоявшегося в Москве VI Конгресса Коминтерна он несколько раз заходил к нам домой и подолгу беседовал с отцом. И однажды остался у нас ночевать. В тот день он подарил мне игрушку — большого черного медведя с белой грудью. С тех пор без этого медведя я не ложился в постель. Поэтому и помню доброго дядю Вилли. Много позже я узнал и его фамилию. Так и запомнил этого большого человека с доброй, открытой улыбкой.

Вилли МЮНЦЕНБЕРГ (политический портрет)

Мюнценберг Вильгельм (1889—1940), по профессии рабочий-обувщик. В 1915—1916 годах — секретарь Социалистического интернационала молодежи. В первую мировую войну стоял на интернациональных позициях. В 1919—1921 годах — секретарь Исполкома Коммунистического интернационала молодежи. С 1924 года — член Рейхстага, член ЦК Компартии Германии, руководитель всей агитационно-пропагандистской индустрии КПГ и Коминтерна. Считался виртуозом коммунистической пропаганды. Был делегатом со II по VI Конгресс Коминтерна включительно. После прихода к власти фашистов в Германии эмигрировал во Францию. Выступал против политики, проводимой сталинским руководством Коминтерна. В 1937 году не подчинился приказу руководства ИККИ вернуться в Москву, где неминуемо, как и многие его товарищи, был бы ликвидирован.

За это неподчинение властям был выведен из состава ЦК КПГ и в 1939 году исключен из партии. После подписания Советско-Германского договора и начала второй мировой войны был интернирован в Париж вместе с другими немецкими политэмигрантами.

При наступлении немцев французское правительство освободило всех заключенных немцев и предоставило им возможность самостоятельно покинуть пределы Франции. В. Мюнценберг ушел из лагеря вместе с двумя другими политэмигрантами. Через два дня его обнаружили повешенным на дереве. Французская полиция определила, что он сначала был задушен и убит, а затем уже мертвым повешен на дереве.

Мюнценберг умел подбирать ключи к сердцам многих представителей левой интеллигенции. Он привлекал ее волшебным словом «солидарность» сначала с голодающими рабочими России, потом с пролетариями всего мира. Затем к слову «солидарность» прибавилось слово «благотворительность».

В 1921 году, во время голода в России, он создал «Международный фонд помощи рабочим» (МФПР) или, как его называли, «Трест Мюнценберга» со штаб-квартирой в Берлине, который вскоре стал ведущим пропагандистом Коминтерна. Этот трест издавал свои газеты, журналы, ставил свои кинофильмы и театральные постановки и при этом умудрялся существовать на собственные средства и даже приносить некоторый доход. Трест был прикрытием и для передачи средств для компартий. При нем были созданы организации, объединяющие различные группы незави-

симой интеллигенции, которые под видом так называемых «клубов независимых» действовали при руководстве ИККИ в поддержку самых различных кампаний Коминтерна.

Мюнценберг был мастером организационной работы. Это и сближало его с Пятницким, который тоже считался мастером организационных дел. В 1931 году Мюнценберг создал новую организацию — «Лигу борьбы против империализма» — со штабом в Берлине. В 1933 году им был образован «Всемирный комитет помощи жертвам немецкого фашизма».

После поджога фашистами Рейхстага штаб-квартира этой новой организации была переведена в Париж. Там Мюнценберг организовал издание «Коричневой книги» — правду о терроре Гитлера и поджоге Рейхстага, которая моментально была переведена более чем на двадцать языков и стала «библией антифашистской борьбы». Пожалуй, это был наибольший пропагандистский успех за всю историю Коминтерна.

Вообще, коммунистическая пропаганда стала основной задачей системы, созданной Мюнценбергом по заданию ИККИ. Коминтерн использовал «Трест Мюнценберга» и для прикрытия скрытой, сугубо секретной работы. Теперь уже не является секретом, что службы, руководимые Пятницким, занимались и информационной, иначе говоря, разведывательной деятельностью. Коминтерновская разведка в иностранной литературе называется политической разведкой.

Многие представители интеллигенции, объединенной Мюнценбергом, впоследствии стали агентами разветвленной разведывательной сети — так называемой партийной разведки, созданной усилиями Коминтерна. Ее агенты проникали во многие государственные, промышленные и общественные организации капиталистических стран, обеспечивая постоянный приток ценнейшей информации.

Вспомним функционеров Коминтерна, впоследствии ставших знаменитыми советскими разведчиками: Рихарда Зорге, Вальтера Кривицкого, Игнатия Рейсса, Эрнста Генри, Арнольда Дейча, Арвида Хонака, Леопольда Треппера, Шандора Радо и многих, многих других. Одни были преданы коммунистической идее и интернационализму, другие, вроде К. Филби, Д. Маклина, Э. Берджеса, Э. Бланта, видели в своей разведывательной деятельности в пользу Советского Союза возможность внести личный вклад в дело борьбы с фашизмом.

Многие из этих людей, выполняя задания Разведупра Красной Армии или ИНО ОГПУ, были уверены, что работают на Коминтерн.

Со многими из этих замечательных специалистов у Пятницкого за долгие годы работы в Коминтерне сложились очень тесные и добрые служебные и дружеские отношения. Все эти люди были готовы в любой момент пожертвовать собой во имя идеалов революции. Они и представить себе не могли, что им готовит судьба. Многие из них сложили свои головы, как и Пятницкий, в подвалах Лубянки, Лефортовской тюрьмы или Военной коллегии Верховного суда СССР.

С 1933 года ОМС уже не входил в аппарат ИККИ и был обособленной структурой Исполкома Коминтерна. Позже, в 1937—1938 годы, политические репрессии парализовали его работу.

Сразу же после ухода О. Пятницкого из Коминтерна руководителем ОМС стал бывший работник Разведупра Борис Николаевич Мельников, а Александр Лазаревич Абрамов стал его заместителем, но вскоре был переведен в Главное разведывательное управление РККА помощником Я.К. Берзина по Испании. Одновременно была уволена из ОМС и Коминтерна С.Б. Бричкина, бывшая заместителем Абрамова. А заместителем нового руководителя ОМС Мельникова стал Сорокин, бывший до этого работником НКВД.

Да и сам отдел поменял свое название. Он стал именоваться Службой связи Коминтерна, а затем очень скоро был вообще ликвидирован. А часть его служб была передана секретным службам и политической полиции — НКВД.

В ноябре 1935 года весь персонал бывшего ОМСа был подвержен тщательной проверке. Почти никто из его сотрудников не избежал ареста.

Таким образом, безусловно, Отдел международных связей Исполкома Коминтерна — это, прежде всего, отдел разведки Советского Союза. Был таковым, надо добавить, до фактического разгрома Сталиным Коммунистического Интернационала в конце 30-х годов.

Организационный центр (Орготдел) ИККИ

Решение о создании Орготдела принял III Конгресс Коминтерна. Но фактически его формирование началось только после IV Конгресса по специальному решению Оргбюро ИККИ от 10 но-

ября 1922 года. При нем создавался институт уполномоченных представителей Исполкома Коминтерна при национальных компартиях. Орготдел стал одним из крупнейших подразделений Исполкома и фактически являлся административным центром Коминтерна, вокруг которого строилась вся работа этой единственной в своем роде всемирной организации.

Орготдел был подчинен Оргбюро ИККИ. Его создание было поручено секретарю по оргвопросам ИККИ О. Пятницкому. 8 декабря 1923 года его заведующим по рекомендации Пятницкого был назначен лидер литовских коммунистов В. Мицкявичюс-Капсукас.

Однако решающим органом коллективного руководства отделом, который формулировал для него основные установки и решал важнейшие вопросы по организационному строительству национальных компартий, была Специальная коллегия, в которую вошли О. Пятницкий и О. Куусинен.

Рабочим органом Орготдела, который занимался текущими делами деятельности Коминтерна, руководила Малая коллегия, в которую входили: Пятницкий, Мицкевич (Мицкявичюс)-Капсукас, Грольман, Генри Робинсон, Пранас Эйдукевичус и Хессе. Сотрудниками отдела были А. Валленкус, Б. Идельсон и ряд других.

Основными функциями Орготдела по статусу, представленному ему Конгрессом, были:

- Изучение и анализ организационного опыта партии большевиков, национальных компартий и их молодежных организаций и оказание на его основе необходимой помощи коммунистическим партиям.
- Реорганизация национальных компартий, помощь им в правильном построении их центральных органов и местных организаций, подготовка их к работе в нелегальных условиях.
- Систематическая помощь компартиям в подготовке кадров, руководство учебными заведениями Коминтерна.

Созданный по решению Оргбюро ИККИ от 10 ноября 1922 года Орготдел был одним из крупнейших подразделений Коминтерна. Фактически он являлся административным центром, вокруг которого строилась вся работа этой единственной в своем роде всемирной организации.

17 декабря 1923 года было проведено первое заседание, в котором участвовали О. Пятницкий, О. Куусинен, В. Мицкявичюс-Капсукас и представитель Исполкома КИМа Р. Мерринг.

8 декабря 1923 года Мицкявичюс-Капсукас утверждается заведующим Орготделом ИККИ.

В связи с этим хочется подробнее остановиться на биографии Винцаса Мицкявичюса-Капсукаса.

МИЦКЯВИЧЮС-КАПСУКАС Винцас Симанович родился в 1880 году. В 1903 году вступил в ряды Социал-демократической партии Литвы. В 1905 году был кооптирован в члены ЦК партии. Активно участвовал в революции 1905—1907 годов в Литве. В 1914-м возглавил Заграничное бюро СДПЛ*. В июне 1917 года в Петрограде вступил в партию большевиков (с зачетом партстажа с 1903 года).

Делегат VI съезда РСДРП(б). Участвовал в Октябрьской революции. Был членом Центрального бюро литовских секций РСДРП(б), членом Петроградского Военно-революционного комитета, участником подавления мятежа Керенского и Краснова. С декабря 1917 года В. Мицкявичюс-Капсукас — комиссар по литовским делам при Наркомнаце РСФСР.

После образования в октябре 1918 года Компартии Литвы был кооптирован в ее ЦК. После ухода немецких войск с территории Литвы и занятия ее Красной Армией, с декабря 1918 по февраль 1919 года — председатель Советского правительства Литвы, а после объединения Литвы с Белоруссией — председатель Совнаркома Литовско-Белорусской ССР. После захвата в июле 1919 года Литвы и Белоруссии польскими оккупантами он руководил Бюро нелегальной работы на оккупированных территориях.

С 1920 года В. Мицкявичюс-Капсукас на подпольной работе, руководил Вильнюсской окружной организацией партии. Весной 1921 года прибыл в РСФСР. После III Конгресса Коминтерна стал работать в аппарате ИККИ. В феврале 1923 года назначен заместителем заведующего Орготделом ИККИ. На V Конгрессе Коминтерна (1924 год) избран кандидатом в члены ИККИ, а после VI Конгресса (1928 год) — членом ИККИ. С сентября 1926 года с небольшими перерывами руководил Польско-Прибалтийским Лендерсекретариатом ИККИ вплоть до своей смерти 17 февраля 1935 года.

В. Мицкявичюс-Капсукас являлся не только крупным организатором и руководителем, но был также известным публицистом, историком и литературным критиком. Он оставил после себя 79 книг и брошюр, а также около двух тысяч статей. Даже в насто-

* СДПЛ — Социал-демократическая партия Литвы.

ящее время, несмотря на разгул национализма в Литве, местные «ученые» не могут отрицать его огромных заслуг на научном публицистическом поприще.

Надо сказать, что Пятницкий очень дружил с Мицкявичюсом и что, конечно, проживи последний еще пару лет, его ждала бы, скорее всего, судьба Пятницкого и других крупных руководителей Коминтерна — В. Кнорина и З. Алексы-Ангаретиса. Не даром в конце 1937 года была репрессирована его супруга и товарищ по борьбе (в том числе и в Коминтерне) Елена Тауткайте и изъят весь его личный архив, который, видимо, безвозвратно погиб.

Выступая на IV Конгрессе Коминтерна, секретарь ИККИ Г. Эберлейн, говоря о задачах Оргбюро, заявил следующее: «Перед нами все яснее и яснее выступает необходимость воздействия Коминтерна на организационную структуру отдельных секций (национальных компартий); оно советом и делом должно помогать их организационному строительству. Это и есть задача Организационного бюро»*.

Оргбюро ИККИ в свою очередь своим решением от 11 декабря 1923 года возложило на Орготдел как основную и важнейшую задачу налаживание постоянной работы по организационному строительству национальных компартий и усиление воздействия ИККИ на решение организационных вопросов в национальных компартиях зарубежья.

Эта обширная задача конкретизировалась следующим образом:

1. Выработка положений и инструкций по организации центральных органов партии, его аппарата и местных парторганизаций.
2. Изучение поступающих из национальных компартий материалов по организационным вопросам и реагирование на них.
3. Организация коммунистических фракций во внепартийных рабочих организациях.
4. Контроль за выполнением резолюций конгрессов Коминтерна и решений ИККИ по организационным вопросам.
5. Инструктаж центральных и местных организаций национальных компартий, который осуществлялся инструкторами Орготдела**.

Институт инструкторов Орготдела был введен с мая 1925 года. Их права и обязанности определялись Исполкомом Коминтерна.

* РЦХИДНИ. Ф. 491, оп. 1, д. 372, л. 262.

** РЦХИДНИ. Ф. 495, оп. 26, д. 4, л. 2.

Орготдел объединял также группу уполномоченных ИККИ. В резолюции III Конгресса по этому вопросу говорилось, что посылка своих полномочных представителей в национальные компартии позволит руководству ИККИ быть в курсе внутренней жизни каждой компартии, влиять на принятие ими нужных решений и контролировать выполнение ими решений Коминтерна, особенно во время кризисных ситуаций, которые время от времени сотрясали то одну, то другую компартию.

В обязанности этих уполномоченных вменялась также подготовка материалов к предстоящим пленумам и конгрессам Коминтерна.

Полномочным представителям ИККИ, получившим название инструкторов, были предоставлены очень широкие полномочия, вплоть до права отмены решений руководства национальных компартий, если они противоречат директивам Исполкома Коминтерна. Однако эти полномочия в каждом отдельном случае варьировались в зависимости от личности инструктора, полученного им конкретного задания и обстановки, в которой он должен был действовать.

Как правило, работа инструкторов ИККИ осуществлялась в условиях строгой секретности. Они действовали под псевдонимами, которые часто менялись. Их истинные фамилии были известны только руководству ИККИ. Вся их деятельность была сопряжена с большим риском, особенно в тех странах, где компартии были под запретом или находились на полуправильном положении. Поэтому во время их работы требовалось строгое соблюдение всех правил конспирации.

Часть инструкторов ИККИ постоянно находилась за границей при руководстве национальных компартий. Являясь как бы резидентами ИККИ на местах, они жестко проводили в жизнь решения и директивы Коминтерна и контролировали их выполнение руководством национальных компартий. Другая группа ответственных работников Орготдела — особо уполномоченные представители ИККИ — выполняла отдельные особо важные поручения руководства Коминтерна за рубежом.

Лишь немногие, тщательно отобранные работники аппарата Коминтерна считались достаточно компетентными, чтобы выполнять спецзадания за границей. Это были так называемые «международные кадры». Послать за границу могли человека из любого отдела, в любом звании, даже члена Исполкома. Люди эти знали языки и имели опыт работы за границей.

На роль инструкторов Орготдела подбирались профессиональные революционеры из числа иностранцев, чаще всего выходцев из стран Восточной и Центральной Европы: немцы, поляки, венгры, реже чехи и французы. Русские коммунисты использовались мало. Это объяснялось, прежде всего, языковым барьером. Обычно для работы в качестве инструкторов выбирались люди, свободно владеющие немецким языком, который в первые годы существования Коминтерна был в его практической работе вторым языком после русского, особенно за пределами Советской России.

Для этой цели использовались также эмигранты, которые вынуждены были бежать из своих стран по политическим мотивам, конечно, после соответствующей подготовки. Кроме того, ИККИ пытался избежать прецедентов вроде провалов миссии старого большевика Залевского (Абрамовича) во Франции, чтобы не подпитывать слухи о зависимости национальных компартий от Москвы. Это заставляло ИККИ соблюдать осторожность в своих действиях.

Орготдел постоянно изучал экономические и политические материалы, издававшиеся в еженедельном информационном бюллетене Коминтерна. Если Орготдел обнаруживал какие-либо нарушения, заведующий отделом или его заместитель встречались с членом ИККИ, представлявшим ту или иную «провинившуюся» партию, чтобы обсудить, какие меры следует принять. В особо сложных случаях заведующий рекомендовал послать инструктора Орготдела, чтобы разрешить эту проблему месте.

Каждый функционер Коминтерна, выезжающий за границу, должен был сдать свой партбилет, а если поездка была нелегальной, то и все остальные документы в Орготдел, где они хранились до его возвращения.

Вскоре после создания Орготдела Пятницкий отправился в поездку по странам Центральной и Восточной Европы. Ознакомившись на местах с положением дел в национальных компартиях и с проблемами их внутреннего строительства, он пришел к выводу, что ИККИ следует гораздо больше внимания уделять вопросам идейно-организационного укрепления молодых национальных компартий и созданию у них конспиративного аппарата с целью организации бесперебойной связи с Центром и подготовки их к работе в нелегальных условиях. Вопросы конспирации и связи были органически связаны между собой. Сама жизнь выдвигала их на первый план. Поэтому они постоянно находились в центре его внимания.

После возвращения из инспекционной поездки по странам Европы он возглавил разработку новой структурной схемы аппарата ИККИ, определяющей функции руководящих органов Исполкома и отработку механизма взаимодействия между отдельными органами ИККИ и между Коминтерном и входящими в него национальными компартиями. Эта схема в дальнейшем была рассмотрена на оргсовещаниях, созванных ИККИ, откорректирована с учетом замечаний и предложений, высказанных представителями компартий, и утверждена Конгрессом.

С целью обмена опытом организационной работы между отдельными секциями ИККИ Орготдел время от времени созывал организационные совещания с участием представителей различных секций. Первое оргсовещание состоялось в марте—апреле 1925 года. На нем были представлены большинство секций Коминтерна и КИМа. На совещании обсуждался опыт проведения реорганизации в секциях Коминтерна, примерный устав секции, построение коммунистических фракций, вопросы работы фабрично-заводских ячеек и руководства компаниями фабрично-заводских газет, а также организация международной связи ячеек. По итогам совещания были приняты резолюции об организационной работе секций Коминтерна и КИМа, об организационном построении партии, о ячейковой работе, о фабрично-заводских газетах, о работе среди женщин, а также утвержден примерный устав секций Коминтерна.

Второе оргсовещание состоялось 10—17 февраля 1926 года, непосредственно перед началом VI Расширенного Пленума ИККИ. В нем принимали участие представители семнадцати секций Коминтерна и Исполкома КИМа. На совещании обсуждались вопросы работы фабрично-заводских ячеек, положение о районных и городских комитетах партий, работа коммунистических фракций в профсоюзах, кооперации, организациях квартиронанимателей и крестьянских организациях. Были приняты резолюции о фабрично-заводских и уличных ячейках, о фабрично-заводских газетах, о руководстве райкомами и ячейками, об организационном построении партий, о структуре центральных комитетов, о международной корреспондентской связи между ячейками.

Орготдел подготовил проект примерного Устава для национальных компартий с учетом организационной перестройки их структуры.

В связи с роспуском Оргбюро ИККИ, функции Орготдела несколько расширились. Согласно решению Президиума ИККИ от

20 декабря 1926 года Орготделу вменялось в обязанности принимать и анализировать отчеты национальных компартий по организационным вопросам и после предварительной проработки и согласования с соответствующим секретарем ИККИ и подчиненными ему Лендерсекретариатами представлять свои предложения или проекты резолюций на решения Политсекретариата и Президиума ИККИ. Представители Орготдела должны были участвовать в рассмотрении этих вопросов*.

Общее руководство Орготделом в этот период осуществлял бывший руководитель Оргбюро ИККИ О. Пятницкий. Его заместителем являлся В. Мицквичюс-Капсукас. В его функции входил общий контроль за работой отдела, за повестками заседаний и контроль за исполнением принятых отделом решений.

Его первым помощником был Э. Прухняк. В его обязанности входил контроль за вопросами деятельности профсоюзных фракций компартий, организационная работа в приграничных с СССР странах и руководство подготовительной работой к оргсовещаниям. Вторым помощником заместителя руководителя отдела был М. Грольман. Ему вменялось в обязанность обработка материалов скандинавских компартий по организационным вопросам, вопросы въезда коммунистов в СССР и ознакомление их с опытом работы ВКП(б).

В. Ульбрихт был секретарем отдела. Он решал вопросы работы ячеек компартий, печати и информации. З. Баматтер вел вопросы молодежи. О. Унгер занимался вопросами строительства партаппарата компартий. Е. Фрид ведал вопросами Чехословакии, Венгрии, Балканских стран. Я. Герцог занимался вопросами компартий Австрии, Швейцарии, Голландии. С. Миллер занимался вопросами опыта РКП(б) и Февральской революции. Сенько занимался крестьянскими организациями. А. Альбрехт (из ОМСа) занимался вопросами международной связи. Гарри ведал вопросами конспиративной работы**.

13 августа 1926 года на заседании Исполкома О. Пятницкий в докладе о реорганизации аппарата ИККИ заявил, что Лендерсекретариаты «заменяют нам различные комиссии», будут работать над своими вопросами самостоятельно и систематически. В то же время они «не являются инстанцией, принимающей решения»***.

* РЦХИДНИ. Ф. 495, оп. 2, д. 64а, лл. 66—67 и 75—76; Ф. 495, оп. 25, д. 14, лл. 124—126.

** РЦХИДНИ. Ф. 495, оп. 25, д. 14, лл. 124—126.

*** РЦХИДНИ. Ф. 495, оп. 18, д. 434, л. 4.

В 1925—1928 годы в Малую коллегия Орготдела входили: О. Пятницкий, В. Мицкявичюс-Капсукас, Э. Прухняк, В. Ульбрихт, М. Грольман и Р. Гиппнер*.

Ответственными работниками отдела, кроме указанных выше, были также О. Чигер, Д. Фрид и некоторое время Р. Зорге.

В начале 1927 года заместителем руководителя Орготдела стал Борис Афанасьевич Васильев, который вскоре стал его руководителем и возглавлял его с 1928 по 1934 год.

ВАСИЛЬЕВ Борис Афанасьевич был старым революционером, за его плечами было два года тюрьмы, четыре ареста и две ссылки. Он имел клички Ортодокс, Саул, Леонид, Гольдберг. Васильев свободно говорил на немецком и французском языках.

Он родился в 1889 году в Тамбовской губернии в семье агронома. До десяти лет жил на хуторе, где его отец работал управляющим. Учился в столярно-кузнечной мастерской. В возрасте десяти лет отец отправил Бориса к родственникам в Воронеж, где тот закончил шестиклассное воронежское реальное училище. Здесь, в Воронеже, Васильев участвует в революционных кружках, исполняя мелкие поручения.

К 1904 году он начинает самостоятельно вести агитацию среди учащихся и рабочих, а в декабре того же года вступает в партию большевиков, одновременно начав работать техником в нелегальной типографии Воронежского комитета.

Весной 1905 года Васильев — один из организаторов забастовки учащихся. Осенью 1905 года по заданию большевистского комитета ведет работу по бойкоту Булыгинской думы. В октябре 1905 года вступает в боевую дружину. Участвует в борьбе с еврейскими погромами. В конце декабря едет в Москву, однако не успевает принять участие в Московском вооруженном восстании — его арестовывают вместе с другими дружинниками.

В 1906 году Васильев ведет пропагандистскую работу среди учащихся и рабочих. Осенью того же года он опять был арестован. После освобождения работает председателем социал-демократической организации учащихся Воронежа до мая 1907 года. Затем — член Воронежского комитета и руководитель пропагандистского коллектива при центральном бюро профсоюзов.

Арестован в ноябре 1907 года и после семимесячного предварительного заключения выслан на три года в Вологодскую губернию, откуда через месяц бежал в Крым.

* РЦХИДНИ. Ф. 495, оп. 25, д. 14, лл. 124—126.

С сентября 1908 года — на партийной работе в Юзовке. В январе 1909 года арестован с транспортом литературы. Сидел сначала в Луганске, а затем в Екатеринославской тюрьме. В июне 1911 года Васильев вышел на свободу и находился в ссылке в Енисейской губернии, откуда бежал и несколько месяцев работал в Москве по организации побегов. Сумел «отправить» из ссылки на свободу десять человек, однако вынужден был, спасаясь от ареста, скрыться за границу. Здесь в 1912—1914 годах примкнул к группе «впередовцев», выступал против Ленина. Затем примкнул к нему.

Жил до осени 1913 года в Женеве, затем в Париже и других городах Франции. Окончил восьмимесячные курсы электромонтеров и работал по этой специальности. В середине июня 1917 года Васильев вернулся в Россию. Пришел в ЦК партии большевиков, где от Свердлова и Менжинского получил документы. Так как контрразведка запрещала ему жить в Петербурге, по совету Свердлова он выехал на партийную работу в Воронеж, а затем в Тамбов. Здесь организовал большевистскую группу и центральное бюро профсоюзов, привез из Москвы оружие для вооружения рабочих.

С октября 1917 по октябрь 1920 года Васильев работал в Тамбове председателем губернского СНХ, заведующим отделом труда, председателем губпрофсовета, председателем военного совета, секретарем губкома. С осени 1918 года — председатель Ревкома по борьбе с бандитизмом. Летом 1919-го Васильев — начальник политотдела Особой Кремлевской бригады. После налета Мамонтова в 1919 году до осени 1920 года — председатель губернского ЧОНа*. Осенью 1920-го в течение месяца находится на работе в Смоленске, а затем вместе с Молотовым командировается ЦК в Донбасс, где до декабря 1920 года — член бюро губкома, заведующий агитпропом и председатель губЧОНа.

В январе 1921 года по просьбе тамбовского губкома возвращен на работу в Тамбов. С января 1921 по май 1922 года Васильев — секретарь губкома и член комиссии ВЦИК по борьбе с бандитизмом. Член РВС и начальник Политотдела Особой Тамбовской армии. С мая 1922 по июнь 1925 года работал в Свердловске заведующим орготдела Уральского бюро (затем обкома) ЦК и председателем областного ЧОНа.

С июня 1925 до мая 1926 года Васильев работал в Восточном секретариате Коминтерна. С мая 1926 года — в Орготделе, за-

* ЧОН — часть особого назначения.

меститель заведующего Орготдела. После VI Конгресса Коминтерна осенью 1928 года — заведующий Орготделом. С 1934 года, после роспуска отдела — помощник Пятницкого*.

Среди ведущих сотрудников Орготдела был Борис Иосифович ИДЕЛЬСОН. Он родился в 1895 году в Прибалтике, в небольшом местечке на немецкой границе. Его отец сначала заведовал мясным складом на юге России, а затем аптекарским магазином в Саратове. Здесь в 1905 году Борис Идельсон поступил в гимназию, которую окончил в 1913 году.

После окончания гимназии пытался поступить в университет, однако как еврей принят не был, в результате чего сильно озлобился на царский режим. Затем семь месяцев он учился в университете Нанси во Франции (1913—1914), после чего вернулся в Россию и поступил-таки на медицинский факультет Саратовского университета (1915—1917).

В 1916 году вступил в группу социал-демократов интернационалистов. В июне 1917 года перешел к большевикам. Работал в солдатской секции и большевистской фракции Саратовского Совета, агитировал по госпиталям и казармам. Здесь же, в Саратове, активно участвовал в Октябрьской революции. В январе 1918 года переехал в Москву, где стал секретарем местного Союза работников по стеклу.

Затем работал в Комиссариате труда, где организовал курсы инспекторов труда. В сентябре 1918 года с большой группой большевиков, руководимой Бухариным, выехал на работу в Германию в качестве члена комиссии Пленбежа. Работал в лагерях для военнопленных. После высылки советского посольства из Германии был также выслан. Вступил в ряды РККА и занимался агитацией среди немецких солдат, работая в политотделе РВС Западного фронта.

При наступлении поляков был отрезан в Вильно и арестован литовцами. В конце 1919 года вернулся в Советскую Россию. Работал в Смоленске, в Сануправлении Западного фронта, помощником начальника управления по политчасти и военным комиссаром до осени 1921 года.

Затем Идельсон был направлен в Москву в Военно-санитарное управление, однако Оргбюро ЦК РКП(б) почти сразу же перераспределило его на работу в Коминтерн. В 1921—1929 годах Идельсон являлся одним из сотрудников аппарата Исполкома Коминтерна, инструктором Орготдела ИККИ. Причем с

* РЦХИДНИ. Ф. 495, оп. 65а, л. 5303.

1924 года практически все время, с небольшими промежутками, не больше двух месяцев, находился на нелегальной работе за рубежом.

Являясь сторонником Бухарина, во время партийной дискуссии он примыкал к правым уклонистам, в результате чего в 1929 году был удален из аппарата Коминтерна и до августа 1931 года работал в издательстве «Советской Энциклопедии». Пятницкий, отличаясь крайне доверчивым характером, поверил фальшивому раскаянию Идельсона и вернул его на работу в ИККИ, назначив своим помощником. Но Идельсон не оправдал доверия Пятницкого, продолжая участвовать в нелегальных группировках правых, и вскоре был арестован органами НКВД. Дальнейшая его судьба сложилась трагически.

Конечно, можно сочувствовать печальной судьбе этого незаурядного человека, однако нельзя не отметить, что своим «двурушничеством», как в то время принято было выражаться, он сильно скомпрометировал Пятницкого, чем объективно способствовал укреплению позиций Мануильского в Коминтерне.

Вот что рассказывает о работе Орготдела и вообще о внутренней обстановке в аппарате Исполкома Коминтерна жена Отто Куусинена — Айно Куусинен. Она долгое время работала особоуполномоченным Орготдела и знала царящую в ИККИ обстановку «изнутри» и досконально. Ее рассказу можно верить. Я хорошо знал ее. Мы с мамой часто бывали в ее доме, и она бывала у нас в гостях. Встречался я с ней и в здании Коминтерна, когда приходил туда к отцу.

Вот что она рассказывает в своей книге «Господь низвергает своих ангелов» (Петрозаводск, Карелия).

«Лишь немногие тщательно отобранные работники штаба Коминтерна считались достаточно компетентными, чтобы выполнять спецзадания за границей. Это были так называемые «международные кадры» (международные инструкторы Орготдела — В.П.). Они посылались за границу с самыми разнообразными заданиями, чаще всего улаживать внутренние конфликты (в национальных компартиях. — В.П.) или заниматься проверкой их работы. Обычно их избегали посылать в ту страну, откуда они приехали. Всех не помню, их было человек сорок. Я и Елена Стасова были в этой группе единственными женщинами. Задание утверждала им «Узкая комиссия», поездки держались в секрете. Человек вдруг исчезал без всяких объяснений.

Среди членов Исполкома, выезжавших за границу, были Юрьё Сиролла, Куллерво Маннер, Артур Эверт, Жюль Эмбер-Дро, Елена Стасова и Василий Чемоданов. Из остальных «международных кадров» помню Мауно Хаймо, Ниила Вирталайнена, Рихарда Меринга, близнецов Глаубауф, Йозефа Поганя (в США работал под фамилией Джона Пеппера), Иосифа Фейнберга, Давида Петровского (в Англии работал под именем Беннет) и помощников Пятницкого Михаила Грольмана и Бориса Идельсона.

Кроме того, из работников Коминтерна, направляемых за границу налаживать работу компартий: Н. Виртолайнен был направлен в Норвегию, К. Маннер и Ханна Малм в Швецию...

Компартии Финляндии, Польши, Латвии, Литвы и Эстонии принадлежали к одному секретариату. Они были расположены рядом и имели сходство: в каждой из этих стран компартии были запрещены, а их нелегальная деятельность сталкивалась с одинаковыми по характеру трудностями. Поэтому их деятельностью занимался непосредственно штаб Коминтерна. А связь с этими компартиями с большими трудностями поддерживалась с помощью курьеров, которые часто арестовывались, и связь прерывалась.

Все связанные с нелегальной деятельностью в этих странах держались в строгом секрете. Дверь польского отдела была всегда заперта, и кроме его работников туда могли входить лишь высшие чины Коминтерна. Финский отдел занимал небольшую комнату на пятом этаже. Там работали Куллерво Маннер и Ханника Малм. Такие же помещения были у литовцев, латышей и эстонцев.

Все дела, касающиеся этих компартий, решали О. Куусинен и О. Пятницкий».

В 1926 году после тяжелого поражения забастовки английских горняков и обострения международной обстановки значительно ухудшились дипломатические отношения СССР с рядом европейских стран, особенно с Англией. В связи с этим по решению Политбюро ЦК ВКП(б) был принят ряд мер, осложняющих работу уполномоченных ИККИ при зарубежных компартиях, им было запрещено пользоваться прикрытием советских, официальных представительств за рубежом.

Ниже приводятся выдержки из постановлений Политбюро ЦК ВКП(б) по этому вопросу:

— 5 мая 1927 года: «Обязать ИККИ, ОГПУ и Разведупр в целях конспирации принять меры к тому, чтобы товарищи, посыла-

емые этими организациями за границу по линии Наркоминдела и Наркомвнешторга не выделялись в своей официальной работе из общей массы сотрудников полпредств и торгпредств. Вместе с тем обязать НКИД обеспечить соответствующие условия для выполнения возложенных на этих товарищей специальных поручений от вышеуказанных организаций»*;

— 28 мая 1927 года: «...Совершенно выделить из полпредств и торгпредств представительства ИНО ОГПУ, Разведупра, Коминтерна, Профинтерна, КИМа, МОПра... Привести в порядок финансовые операции Госбанка по обслуживанию революционного движения в других странах с точки зрения максимальной концентрации»**;

— 7 июля 1927 года: «Всякие связи Коминтерна с другими полпредствами безусловно в течение июля заканчиваются и впредь не производятся»***;

— 18 августа 1927 года: «Поручить Молотову разработать вопрос о легальности отчетности Коминтерна»****;

— 26 января 1928 года — по докладом Г.В. Чичерина и О.А. Пятницкого: «Поручить комиссии в составе тт. Трилиссера, Платонова, Чичерина, Пятницкого и Янсона пересмотреть индивидуально состав всех полпредств, торгпредств и других наших организаций во всех странах и в соответствии с отношением правительств различных стран к коммунистическому движению в их странах определить меру сотрудничества членов компартий в наших организациях;

Произвести такого рода замену ответственных и рядовых коммунистов в первую очередь гражданами СССР, как партийными, так и беспартийными с гарантией в том, что это сотрудничество в наших организациях не послужит поводом к международным осложнениям»*****;

— 23 апреля 1928 года — по докладу Сталина «О Коминтерне и Советской власти»:

а) Послать всем руководителям наших представительств за границей директиву о строжайшем проведении принципа невмешательства во внутренние дела соответствующих стран;

б) Воспретить на известный период членам Политбюро (исключая т. Бухарина) открытые выступления в официальных учреждениях Коминтерна, предложив им проводить руководство комин-

* РЦХИДНИ. Ф. 17, оп. 162, д. 4, л. 123.

** РЦХИДНИ. Ф. 17, оп. 162, д. 5, л. 24.

*** РЦХИДНИ. Ф. 17, оп. 162, д. 5, лл. 61—62.

**** РЦХИДНИ. Ф. 17, оп. 162, д. 5, л. 74.

***** РЦХИДНИ. Ф. 17, оп. 162, д. 6, л. 15.

терновской работой в порядке внутреннем, через делегацию ВКП(б) в ИККИ и т.п.;

в) Для того чтобы не дать врагам лишнего повода утверждать о переплетении Советской власти с Коминтерном, снять доклад т. Рыкова об СССР на VI Конгрессе, поручив его т. Варге или кому-либо другому, не из членов Совнаркома;

г) Тт. Бухарину и Пятницкому разработать вопрос о выдаче денег секциям Коминтерна не из Москвы и не через русских, а из Берлина (Запбюро) и Иркутска (Востбюро), обязательно через иностранных товарищей;

д) Поручить комиссии представителей Политсекретариата ИККИ, ЦК и ЦКК проверить состав секретных сотрудников аппарата ИККИ;

е) Принять срочные меры к опубликованию бюджета Коминтерна и его секций»*.

К сожалению, надо отметить, что не все представители Орготдела — «международные инструктора», как их называли на Западе, хорошо освоили уроки конспирации и методы работы в условиях подполья. Этим объясняются участвовавшие случаи провалов представителей Коминтерна в странах зарубежья. Ведь политическая полиция и спецслужбы капиталистических стран, особенно там, где компартии были на нелегальном положении, да и журналистская братия делали колоссальные усилия, чтобы доказать вмешательство «руки Москвы» во внутренние дела этих стран. Эти обстоятельства заставили руководство ЦК ВКП(б) и Коминтерна принимать защитные меры.

В 1929 году Орготдел ИККИ полностью сосредоточился на вопросах помощи организационному строительству национальных компартий, укреплению их организационной структуры, на работе производственных ячеек, в массовых организациях и в армии, а также на расстановке кадров в национальных компартиях.

Характер деятельности Орготдела в этот период наглядно показывает его план работы на период с декабря 1928 по февраль 1929 года.

Вот некоторые из основных разделов этого плана:

— Инструктирование национальных компартий по проблемам их реорганизации на основе заводских ячеек, построения партийного аппарата, работы в массовых организациях, в

* РЦХИДНИ. Ф. 17, оп. 162, д. 6, л. 70.

- деревне, воспитания кадров, организации работы среди иностранных рабочих, руководства партийной печатью и проведения забастовок;
- Учет членов руководства национальных компартий, революционных профсоюзов и коммунистических фракций в реформистских профсоюзах;
 - Учет провокаторов, имеющих международное значение;
 - Инструктирование руководителей иностранных компартий на основе текущего материала организационной работы ВКП(б);
 - Статистика роста компартий и тиражей партийной печати;
 - Разработка проектов уставов для национальных компартий и изучение материалов съездов братских партий;
 - Разработка программ партийного строительства для коминтерновских вузов и т.д., и т.п.*

Всё приведенное выше наглядно иллюстрирует объем деятельности Орготдела, но не только по открытой его части. У него была и закрытая конспиративная часть его работы. Но о ней будет рассказано ниже.

При Орготделе ИККИ были созданы две постоянные комиссии: Военно-конспиративная и Нелегальная. О них будет сказано особо. Кроме того, при этом отделе функционировали учебные заведения Коминтерна, занимающиеся подготовкой кадров для национальных компартий зарубежья.

Вообще военная и конспиративная деятельность национальных компартий курировалась и направлялась Орготделом ИККИ. Она была строго законспирирована, не менее чем работа знаменитого ОМСа. Следует отметить, что и в этой области работа этих двух подразделений Исполкома постоянно переплеталась и тесно соприкасалась с деятельностью разведывательных органов Страны Советов. Этому способствовали тесные и дружеские отношения, существовавшие между начальником Разведупра Генштаба РККА Я.К. Берзиным, начальником Иностранного отдела (внешне-политическая разведка) ОГПУ М.А. Трилиссером и Пятницким вплоть до их трагической гибели.

15 июня 1932 года по решению Политкомиссии Политсекретариата ИККИ из Орготдела был изъят Сектор кадров и на его основе был создан новый отдел — Отдел кадров ИККИ**.

* РЦХИДНИ. Ф. 495, оп. 20, д. 767, лл. 1—6.

** РЦХИДНИ. Ф. 495, оп. 4, д. 197, л. 11.

В начале осени 1933 года Политкомиссия Политсекретариата ИККИ рассмотрела предложенную Организационной комиссией ИККИ, руководимой О. Пятницким, проведение реорганизации Орготдела и приняла следующее решение:

Секретно

**О перестройке аппарата
Исполкома Коминтерна**

(утверждено Политкомиссией ИККИ 10.09.33 г.)

Для улучшения работы аппарата ИККИ и лучшего приспособления его к обслуживанию секций Коммунистического Интернационала, а также для устранения параллелизма в работе отдельных его частей, считать необходимым провести ряд следующих дальнейших мероприятий по перенесению центра тяжести работы в Лендерсекретариаты.

Для этого:

1. Ликвидировать Агитпром, а его функции распределить следующим образом:

а) Проведение всех кампаний и агитационной работы в зарубежных странах передать целиком в Лендерсекретариаты;

б) Проведение международных политических кампаний передать в Комиссию по борьбе против войны;

в) Разработку партучебников и программ обучения возложить на Лендерсекретариаты, которые они используют в международной ленинской школе.

2. Орготдел реорганизуется в Отдел партийного строительства со следующими функциями:

а) Обобщение международного опыта партийного строительства и передача его через Лендерсекретариаты компартиям капиталистических стран путем созыва совещаний работников Лендерсекретариатов;

б) Организация и подготовка материалов Лендерсекретариатов для Отдела партстроительства в журнале «Коммунистический Интернационал» (такой отдел создать) и регулярно снабжать партийную печать национальных компартий статьями по вопросам партстроительства и издавать бюллетень Инпрокора по оргвопросам;

в) Руководство кафедрами партстроительства в международных школах и политической партийной учебой в спецшколах;

г) Подготовка кадров для нелегальной партийной техники и разработка методов нелегальной партийной работы;

д) Инструктирование по вопросам работы в армиях капиталистических стран;

е) Связь с фракциями в международных массовых организациях. Конкретные указания о работе в этих организациях даются только через Лендерсекретариаты.

3. Кооперативный отдел, Деревенский отдел и Женский секретариат обобщают международный опыт работы в этих областях и ставят необходимые проблемы перед Лендерсекретариатами и Политкомиссией. Все работы с национальными компартиями проводятся только через Лендерсекретариаты.

4. Перестройка аппарата должна быть проведена таким образом, чтобы добиться решительного усиления Лендерсекретариатов, которые должны являться основными органами ИККИ. Через Лендерсекретариаты должна осуществляться связь с партиями, их инструктирование и оказание им необходимой помощи.

Добиться увеличения количества и повышения качества состава работников Лендерсекретариатов.

5. Лендерсекретариаты строятся следующим образом:

Заведующие в Средне-Европейском, Англо-Американском, Польско-Прибалтийском и Романском Лендерсекретариатах имеют по два заместителя, один из которых занят исключительно оргвопросами.

В остальных Лендерсекретариатах по одному заместителю, которые отвечают за оргработу.

По одному референту на каждую крупную страну.

Помощники заведующего по отдельным отраслям партийного строительства: агитпроп, кадры, деревня, кооперация, женская работа.

В отдельных случаях работа по отраслям совмещается с работой референта.

В каждом Лендерсекретариате создается штат ответственных разъездных инструкторов по 2—3 человека на секретариат.

В составе работников Лендерсекретариатов должны быть ряд практикантов из опытных партийных работников, вызванных из соответствующих стран. Эти товарищи обязательно должны нести конкретную обязанность в Лендерсекретариатах.

Одновременно Лендерсекретариаты должны организовать изучение практикантами опыта работы ВКП(б).

Все работники Лендерсекретариатов, в том числе и представители национальных компартий, если они не являются членами

Политсекретариата, обязаны работать как референты или помощниками заведующих.

6. Объединить хозяйственное обслуживание всего аппарата ИККИ, в том числе и ОМСа в руках Управделами Исполкома (созвать совещание).

7. Поручить комиссии Пятницкого в прежнем составе в 10-дневный срок представить конкретные предложения о перераспределении работников.

Отделу кадров составить проект*.

15 сентября 1933 года решением Политкомиссии Политсекретариата ИККИ Орготдел был реорганизован в Отдел партийного строительства. В связи с этим были изменены и его задачи.

Основными из них стали:

- Обобщение международного опыта партийного строительства и передача через Лендерсекретариаты опыта ВКП(б) в этой области компартиям капиталистических стран, политическое руководство кафедрами партстроительства в вузах Коминтерна и партийно-политическая работа в коминтерновских спецшколах;

- Подготовка кадров для нелегальной партийной работы;

Инструктирование зарубежных компартий по вопросам работы в армиях капиталистических стран и т.д., и т.п.**

Руководителем Отдела партийного строительства остался Б.А. Васильев.

Изменения организационной структуры аппарата Коминтерна и перенос всей тяжести работы в Лендерсекретариаты, конечно, было прогрессивным решением, но имело и свои недостатки.

Лендерсекретариаты в некоторой степени превратились в замкнутые подразделения, обособленные друг от друга. При этом доступ на заседания Лендерсекретариатов имели и посторонние люди, имеющие по роду своей работы отношения к обсуждаемым вопросам.

Практиковалась система, когда представители зарубежных компартий, приезжающие в Москву в Исполком Коминтерна для решения серьезных вопросов своей секции (компартии) — члены ЦК и ответственные функционеры, не могли попасть на прием к кому-нибудь из руководителей ИККИ, были вынуждены обращаться в Лендерсекретариаты и возвращались домой в свои компартии с «мнением Москвы».

* РЦХИДНИ. Ф. 495, оп. 4, д. 271, л. 110.

** РЦХИДНИ. Ф. 495, оп. 18, д. 675.

Здесь я привожу мнение секретаря ИККИ М. Трилиссера, занимавшегося с августа 1935 года в аппарате ИККИ организационными вопросами*.

Постоянная нелегальная комиссия ИККИ

При Орготделе действовала Постоянная нелегальная комиссия. В начале 20-х годов ряд национальных компартий находились на нелегальном или полунелегальном положении. Приходилось считаться с вероятностью того, что и в других странах может случиться подобное. Это побудило руководство Коминтерна заняться подготовкой компартий зарубежья к работе в условиях подполья заранее.

Исходя из этого, IV Конгресс Коминтерна поручил Президиуму ИККИ «заняться подготовкой соответствующих партий к нелегальной деятельности»**.

Еще на заседании Оргбюро 11 декабря 1922 года Пятницкий делает большой доклад и вносит проект о полной реорганизации аппарата ИККИ. Среди прочего, он предлагает создать Постоянную нелегальную комиссию. 19 декабря 1922 года Оргбюро постановило образовать такую комиссию в следующем составе: Осип Пятницкий, Меер Трилиссер, Гуго Эберлейн и Эдуард Прухняк. Руководителем ОМСа Павлу Вомпе было предоставлено право участвовать в заседаниях нелегальной комиссии с совещательным голосом***.

Непосредственно заседания Постоянной нелегальной комиссии начались с 1923 года. Уже на первом заседании, как сказано в протоколе, «товарищ Трилиссер познакомил вкратце присутствующих с проведенной до сего времени работой комиссии».

Уехавшего вскоре на нелегальную работу Прухняка заменил на посту секретаря комиссии Мицкевич(Мицкявичюс)-Капсукас. Состав участников заседаний комиссии постоянно менялся. Однако практически всегда на них присутствовала «тройка» — Пятницкий, Трилиссер и Мицкевич-Капсукас. Комиссия принимала непосредственное участие в подготовке «Германского октября», в связи с чем в ее состав были введены заместитель Пред-

* Следственное дело № 21525 и Реабилитационное дело № Р-23635 М.А. Трилиссера.

** РЦХИДНИ. Ф. 495, оп. 1, д. 372, л. 291.

*** РЦХИДНИ. Ф. 495, оп. 2, д. 17, л. 1.

седателя ВЧК И. Уншлихт, начальник Политуправления Реввоенсовета В. Антонов-Овсененко и К. Радек*.

В начале 1923 года Постоянная нелегальная комиссия рассмотрела вопросы о конспиративной работе компартий Италии, Австрии, Чехословакии и Литвы, о целесообразности перевода руководящих органов компартий за рубежи страны. Комиссия осудила путчистскую тактику нелегальной организации в Австрии**.

Постоянная нелегальная комиссия изучала практику организации конспиративной работы национальных компартий в разных странах, их формы и размеры, постановку связей внутри нелегальных организаций, какими методами осуществляется работа в армиях своих стран, существуют ли боевые отряды и какова связь с комсомолом.

Комиссия занималась также подготовкой конспиративных явок, организацией нелегальных типографий, вела наблюдение за фашистскими и белогвардейскими организациями за рубежом. Помогала руководству национальных организаций выявлять провокаторов и шпионов. Она разрабатывала материалы по организационной подготовке конспиративной работы национальных компартий в условиях подпольной деятельности, давала рекомендации по вопросам пользования шифрами и хранения списков членов партий.

Комиссия готовила учебные пособия по нелегальной работе для национальных компартий и специальных коминтерновских школ, созданных Исполкомом Коминтерна, а также различные конструктивные материалы по организации наружного наблюдения, политического розыска, о поведении коммунистов под следствием и судом, в случае их ареста, по партийной технике, по тактике уличных боев и т.д., и т.п.***

В сентябре 1923 года комиссия на своем заседании рассмотрела актуальнейший вопрос, связанный «с назревающими событиями, она указала необходимость обратить особое внимание на меры предосторожности и конспирации, как в аппарате ИККИ, так и в национальных компартиях различных стран»****.

В апреле 1924 года было принято решение Оргбюро ИККИ создать на базе Постоянной нелегальной комиссии комиссию по военной работе. Надо сказать, что проекты создания подобной

* РЦХИДНИ. Ф. 495, оп. 27, д. 1, лл. 6—14.

** РЦХИДНИ. Ф. 495, оп. 26, д. 6, л. 87.

*** РЦХИДНИ. Ф. 495, оп. 1, д. 372.

**** РЦХИДНИ. Ф. 495, оп. 2, д. 17.

комиссии и даже попытки ее деятельности начались уже в конце 1922 года.

Но работа велась бессистемно. И вот решением Оргбюро от 1 ноября 1924 года оформляются постоянные комиссии ИККИ — Нелегальная и Военная (Антивоенная) конспиративная — и четко разграничиваются их функции и определяется их состав*.

Постоянную нелегальную комиссию возглавил В. Мицкявичюс-Капсукас. В ее состав вошли также М. Трилиссер, В. Богутский, О. Гешке. Последний был избран секретарем комиссии. Кроме них в нее были включены по одному представителю от Исполкома КИМа и одной из компартий Романских стран**.

Комиссия продолжала работать в этом составе и дальше. Но в начале 30-х годов она была переподчинена непосредственно Политкомиссии Политсекретариата ИККИ.

Состав участников заседаний комиссии постоянно менялся. В зависимости от рассматриваемых вопросов на заседания комиссии приглашались специалисты из других подразделений Исполкома и из советских учреждений: Разведупра, ОГПУ, НКВД, НКВДТ и других. Но практически на них всегда присутствовали В. Мицкявичюс-Капсукас, О. Пятницкий и М. Трилиссер — «руководящая тройка».

На всем протяжении работы этой комиссии О. Пятницкий курировал ее деятельность.

Ниже я привожу один из документов, разработанный этой комиссией и внедренный в практику работы национальных компартий, — «Как коммунист должен держать себя перед следствием и судом».

В начале 1932 года Нелегальная комиссия Политкомиссии Политсекретариата ИККИ на основе горького опыта неправильного поведения арестованных коммунистов на следствии и суде, подготовила рекомендации компартиям о поведении арестованных коммунистов перед судом и следствием. Дело в том, что нередко арестованные коммунисты просто не знали, как себя вести и что им делать, когда они попадали в тюрьму. В результате часто во время следствия они делали массу серьезных ошибок, что приводило к ухудшению их собственного положения и аресту новых лиц.

Осип Пятницкий был великим мастером конспирации, и в этом документе Нелегальной комиссии отчетливо проглядывается его

* РЦХИДНИ. Ф. 495, оп. 26, д. 6.

** РЦХИДНИ. Ф. 495, оп. 1, д. 372.

почерк и колоссальный опыт, приобретенный при знакомстве с методами царской охраны и арестах в дореволюционное время.

Некоторые арестованные коммунисты вели себя на следствии излишне вызывающе, что совершенно не требовалось по обстоятельствам их дела и лишь приводило к усилению репрессий и их прямой физической гибели. Это очень отчетливо показали процессы коммунистов в Румынии. Другие, пытаясь выгородить себя, прибегали к прямому, вольному или невольному, предательству, пример которому наглядно показал процесс Аркадия Маслова в Германии.

Такое положение вещей вызвало необходимость подготовки специального документа — рекомендаций о поведении коммунистов в подобных экстремальных условиях.

Вот основные положения этого уникального и наивного документа. Сейчас, учитывая «опыт арестов, следствия и судилищ, применяемых советской охранкой для своих политических «противников», эти рекомендации, надо с великой горечью заметить, в условиях советской действительности оказались малоэффективными.

Как коммунист должен держать себя перед следствием и судом

«...Арестованный коммунист, обдумывая свой образ действий, должен, прежде всего, исходить из интересов партии, и лишь потом строить планы, как легче ему отделаться от предъявленного следствием обвинения.

Один из труднейших вопросов, который выдвигает перед коммунистом его арест и привлечение к судебной ответственности следственными органами буржуазного государства, это — следует ли ему или нет заявить о своей принадлежности к коммунистической партии. В рекомендациях говорилось, что в тех случаях, когда следствие обладает прямыми доказательствами его принадлежности к партии, то это отрицать нельзя.

Наоборот, надо решительно и без колебаний заявить о своей принадлежности к партии и твердой готовности остаться в ее рядах до конца при всех условиях и вопреки всем репрессиям. В тех же случаях, когда следственные органы не располагают достаточной информацией о принадлежности арестованного к компартии, следует действовать в зависимости от условий, в которых работает компартия. В тех странах, где она работает легаль-

но, а арестованный коммунист не выполнял секретной работы, он не должен скрывать свою принадлежность к партии. В тех же странах, где компартии загнаны в подполье и работают в нелегальных условиях, арестованный коммунист должен по возможности скрывать свою принадлежность к партии. Но это не дает ему права маскироваться некоммунистическими и, тем более, антикоммунистическими взглядами и поступками. Исключения из этих установок могут быть только по специальному решению ЦК своей компартии.

Некоторые арестованные коммунисты считают, что лучше на следствии дать какие-нибудь показания и потом на суде от них отказаться. Такой взгляд совершенно ошибочен и очень вреден. Отказаться на суде от показаний, данных на следствии, нельзя, ибо, как правило, суд такие отказы не принимает во внимание, он им не верит. Поэтому первым и важнейшим правилом для арестованного коммуниста является следующее: если он не знает, какими материалами располагает следствие, и не имеет директив от своей партии, то он должен вообще отказаться от дачи каких-либо показаний.

Каждый коммунист должен быть заранее предупрежден, что с момента его ареста и на все время следствия, до самого суда, к нему, как правило, никто не будет допущен. А в тех странах, где к арестованным во время следствия все же допускают адвокатов, последние просто не имеют права разговаривать с арестованным о его «деле» и такие свидания происходят в присутствии либо следователя, либо чиновников юстиции. Таким образом, арестованному коммунисту почти невозможно связаться со своим партийным комитетом. Но, все же, находясь в заключении, он любым путем должен стремиться к установлению связи с другими политзаключенными и с волей. При этом следует постоянно помнить, что вся переписка, которая идет через судебные конторы, просматривается прокурорским надзором, поэтому к своим письмам следует относиться очень осторожно. И вообще, лучше совсем не пользоваться подобным методом связи и не давать полиции поводов и нитей для расширения арестов».

Нелегальная комиссия «настоятельно рекомендовала арестованным коммунистам ни в коем случае не оговаривать других лиц. Если же при аресте захвачены документы, компрометирующие других людей, то надо стремиться локализовать дело и быть очень осторожным в своих показаниях, дабы не дать следствию оснований для привлечения к суду других лиц. Надо помнить, что ино-

гда, признаваясь в приписываемом ему «преступлении», арестованный тем самым может ухудшить положение своих товарищей, привлеченных вместе с ним по одному делу. Но иногда, при других обстоятельствах, наоборот, будет правильным самому взять на себя всю тяжесть ответственности, выгораживая тем самым остальных арестованных.

Следует быть очень осторожным при вызове свидетелей, ибо они могут быть сразу же привлечены в качестве обвиняемых. Дело в том, что свидетель, в отличие от обвиняемого, не может отказаться давать показания. И если при даче показаний он будет уличен в поступках, караемых по закону, то он сам садится на скамью подсудимых. И за дачу неправдивых показаний свидетель тоже привлекается к судебной ответственности и строго наказывается, вплоть до каторжных работ.

Надо помнить, что прежде чем подписывать протокол допроса, его необходимо хорошенько прочитать, и если его содержание не соответствует данным показаниям, то такой протокол подписывать не следует. Ни в коем случае нельзя подписывать протоколы, содержание которых неизвестно. Гораздо безопаснее, если на протоколе будет сделана отметка следователя об отказе арестованного подписать протокол, чем своей подписью подтвердить вымышленные следствием факты. Это позволит арестованному на суде сослаться на несоответствие протокола данным показаниям.

При ведении дела следователи очень часто пытаются сбить арестованного с толка ссылками на показания других лиц, якобы уже подтвердивших правильность предъявленного обвинения. Этот следственный трюк необходимо всегда иметь в виду и никоим образом не попадаться на эту приманку, каждый раз категорически заявляя о полном игнорировании таких сообщений.

Из практики судебных преследований коммунистов известны бесчисленные случаи провокаций, вымогательств и других незаконных, даже с точки зрения буржуазной юстиции, действий полиции и судебных чиновников. Реальные факты показывали применение пыток к арестованным коммунистам в Румынии, Болгарии, Польше, Италии и в целом ряде других государств, которые ставили арестованных коммунистов перед очень тяжелыми испытаниями».

Нелегальная комиссия «напоминала коммунистам всех стран, что для них интересы партии и революции всегда должны быть выше личных переживаний. Каждый арестованный коммунист, в

случаях, когда ему были нанесены побои, травмы, ранения и т.п., должен требовать врачебного осмотра. А соответствующая национальная компартия должна каждый такой случай предавать гласности всеми доступными ей средствами».

Далее в рекомендациях Нелегальной комиссии говорилось, что «голодовки как средство борьбы с тюремным режимом и за свое освобождение могут применяться только в совершенно исключительных случаях, и каждый раз лишь с разрешения областных и центральных комитетов своих партий. Опыт показал, что голодовки чрезвычайно губительно отражаются на здоровье арестованных товарищей, очень часто совсем выводят их из строя и редко приносят положительные результаты.

Наоборот, известны случаи, когда тюремная администрация сознательно провоцирует заключенных на голодовку и другие аналогичные выступления, которые дают ей повод к ухудшению тюремного режима или даже к физическому избавлению от наиболее нежелательных «преступников», а это, как правило, наши лучшие товарищи. С другой стороны, если голодовка проводится недостаточно организованно, недружно и неполно, получается фарс, над которым потешается тюремная администрация и который дискредитирует политических заключенных.

На суде коммунисты должны использовать судебные заседания как трибуну для пропаганды программы и тактики своей партии. При этом они в обязательном порядке должны совершенно точно формулировать цели и задачи партии, одновременно опротестовывая и отрицая все извращения и неточности, умышленно допускаемые обвинением, защитой, судом и свидетелями.

То же самое относится и к изложению различных партийных решений. Это обязательное условие для каждого коммуниста, даже если он лично и не согласен с этими решениями. Но на суде он обязан их точно излагать и заявлять о своей солидарности с ними.

В силу большой политической важности подобных выступлений на судебных заседаниях, эти выступления должны делаться только с согласия и по директивам областных и центральных органов своих партий. А они, в свою очередь, должны тщательно взвешивать каждый такой случай, разрешая такие выступления только тогда, когда есть полная уверенность в правильном освещении позиции партии.

* РЦХИДНИ. Ф. 495, оп. 18, д. 458.

Коммунисты, которые по решению своих руководящих органов скрывают свою принадлежность к партии, могут на суде не выступать»*.

Эти рекомендации Нелегальной комиссии в конце 1932 года были рассмотрены на совместном заседании Секретариата ИККИ и ИКК, и после всестороннего обсуждения приобрели форму инструкции Коминтерна под названием «Как коммунист должен держать себя перед следствием и судом», которая была утверждена руководством Коминтерна и в директивном порядке через Лендерсекретариаты разослана всем национальным компартиям.

В решении руководства Коминтерна по применению этой инструкции ЦК национальных компартий обязывались в развитие этой директивы дать местным комитетам своих партий конкретные указания о применении этого документа, лишь сообразуясь с местными условиями.

Местные комитеты компартий должны были систематически инструктировать членов своих организаций и сочувствующих, как вести себя в случае ареста.

В рекомендациях по этому вопросу непременно указывалось, что местные комитеты компартий обязаны всеми доступными средствами устанавливать связь с арестованными, в первую очередь с ответственными работниками и членами партийных комитетов, и инструктировать их о поведении на следствии и суде.

Этот документ Коминтерна, разработанный для компартий капиталистических стран, помог смягчить условия заключения и спас жизни многим арестованным коммунистам, в том числе и Г. Димитрову.

Однако он оказался совершенно бесполезным для арестованных органами безопасности Страны Советов, где отсутствовали самые элементарные юридические начала.

Применение пыток и избиений к арестованным коммунистам в любой стране, как правило, становилось предметом гласности. «Буржуазные судилища» клеймила коммунистическая пресса во всем мире, и особенно в Советском Союзе: все средства массовой информации обращались к правительствам стран, в которых совершались беззакония, и к трудящимся массам — «протестовать, выйти на улицы, требовать, наконец, строить и строить баррикады». В большинстве случаев такое массированное воз-

действие на буржуазные правительства имели положительный результат.

И какой горький парадокс судьбы! Почти все авторы документа «Как коммунист должен держать себя перед следствием и судом», оказавшись в застенках сталинских инквизиторов, не смогли воспользоваться ни одной сочиненной ими «рекомендацией».

Ведь они писали свой документ для коммунистов, действовавших в правовых государствах, где закон — как бы ни проклинали буржуазную юриспруденцию и судопроизводство — главенствует над всем.

А они? Им не к кому было обращаться, не к кому было апеллировать. Они были во власти полного беззакония, в руках элементарных палачей и убийц, их «судили» свои же братья по классу и партии, а за стенами судов и тюрем безумствовали «трудящиеся массы», борьбе за свободу и счастье которых они отдали свои жизни, с огромными портретами их главных палачей и воплями «Смерть врагам народа!».

*Постоянная
военно-конспиративная комиссия ИККИ
(военная работа
и военный аппарат Коминтерна)*

Военной деятельностью национальных компартий занимался Орготдел ИККИ. А курировал эту работу в рамках Коминтерна Осип Пятницкий.

Эта работа была строго засекречена не менее, если не более, чем работа знаменитого ОМСа. Кстати, по моему глубокому убеждению, именно деятельность военного аппарата Орготдела ИККИ тесно переплеталась с деятельностью разведывательных органов СССР.

Но начиналось это следующим образом.

Как я уже рассказывал выше, 11 декабря 1922 года решением Оргбюро ИККИ при Орготделе была образована постоянная комиссия по работе в армии — Военная комиссия. Первым ее руководителем был Ф. Раскольников, работающий в Коминтерне под псевдонимами Ф. Петров, Ф. Ильин.

В эту комиссию также входили В. Мицкявичюс-Капсукас, И. Уншлихт, являвшийся в то время заместителем председате-

* РЦХИДНИ. Оп. 26, д. 4, л. 2.

ля ВЧК, и О. Гешке. Комиссия эта особенно активно работала в связи с подготовкой к революционным боям в Германии*.

1 ноября 1924 года Оргбюро ИККИ вновь подтвердило необходимость наличия при Орготделе Постоянной военной комиссии. Только она получила новое название — Антивоенной или Военно-конспиративной комиссии. И ее персональный состав был увеличен. В нее были введены представитель Исполкома КИМа и по одному представителю от компартий Чехословакии и Романских стран**.

Позже в этой комиссии активно работал Бронислав Бортновский (в Коминтерне работал под псевдонимом Б. Бронковский), Альфред (псевдоним Тууре Лехена), Стефан Жбиковский, Войя Вуевич, Карел Михалец, Зигги Боматер и многие другие коммунистические деятели. Секретарем комиссии был назначен Генри Робинсон, о трагической судьбе которого будет рассказано ниже, когда речь пойдет о связи Коминтерна с советской разведкой.

Эта комиссия была тесно связана с военными организациями, которые существовали при ЦК каждой крупной национальной компартии, и стремилась оказывать им постоянную помощь. Эта работа в связи с угрозой новой империалистической войны значительно усилилась после VI Конгресса Коминтерна, который принял ряд решений по антивоенной работе. Комиссия особое внимание обратила на страны, граничившие с СССР, особенно на Польшу и Прибалтийские страны.

Для активизации антивоенной (военной) работы национальных компартий комиссия подготовила инструкцию по работе компартий в армиях своих стран. В некоторых компартиях (Германия, Болгария) стали создавать нелегальные боевые организации и они пытались действовать самостоятельно вне контроля со стороны руководства своих компартий.

Эти попытки пришлось пресечь. 10 сентября 1924 года Постоянная военная комиссия Орготдела решила, что «создание самостоятельного военного аппарата наряду с парторганизацией недопустима».

В 1926 году военная организация компартии Германии была распущена. Основное внимание комиссия сосредоточила на создании массовых организаций рабочей самообороны типа «Союза красных фронтовиков»***.

* РЦХИДНИ. Оп. 26, д. 4, л. 2.

** Там же.

*** РЦХИДНИ. Ф. 495, оп. 26, д. 9; Ф. 495, оп. 26, д. 4.

Комиссия оказывала постоянную помощь военной работе национальных компартий, особенно в связи с «усилением новой империалистической войны».

В середине 20-х годов Военная комиссия Орготдела разработала под руководством О. Пятницкого, Я. Берзин и А. Артузова директивный материал по тактике внедрения представителей компартий в аппарат иностранных правительств и в их военные и полицейские структуры.

Военная комиссия Орготдела ИККИ активно действовала до мая 1925 года, по крайней мере сохранившиеся протоколы заседаний этой комиссии обрываются именно в это время. По-видимому, работа комиссии была временно свернута после того, как один из партизанских отрядов, руководимых Разведупром РККА и действовавших на территории Польши, попав в окружение, с боем пробился через границу на территорию СССР, что вызвало грандиозный международный скандал.

В результате этого инцидента советское руководство было вынуждено пересмотреть курс на полулегальную поддержку «мировой революции» и созданная под руководством Валериана Куйбышева Специальная комиссия Политбюро приняла соответствующее решение.

Привожу его полный текст:

**«Проект постановления
комиссии т. Куйбышева
по вопросу об активной разведке**

Активную разведку в настоящем ее виде (организация связи, снабжение и руководство диверсионными отрядами на территории Польской республики) — ликвидировать.

Ни в одной стране не должно быть наших активных боевых групп, производящих боевые акты и получающих от нас непосредственно средства, указания и руководство. Вся боевая и повстанческая работа и группы, ее проводящие, — поскольку они существуют и целесообразно (что определяется в чисто партийном порядке) — должны быть руководимы и находиться в полном подчинении у национальных партий, действующих в данной стране. Эти группы должны выступать, руководствуясь и от имени исключительно их революционной борьбы, а не СССР.

Группы эти не должны ставить себе целью и заниматься разведывательными и другими заданиями в пользу Военведа СССР.

Этими вопросами они занимаются для своих революционных целей.

Задача РКП и Коминтерна — помочь организовать при национальных партиях работу в армии по созданию своих боевых кадров — там, где это по положению необходимо. РКП и Коминтерн, однако, не должны иметь для этой цели помощи — специального органа или учреждения для руководства. РКП должна иметь только орган, изучающий боевые силы революции во всех странах, для чисто информативной цели. Никаких оперативных функций и непосредственных связей с военной работой в других странах она иметь не должна.

Ликвидация разведупровских боевых групп на территории других стран должна быть проведена очень умело и осторожно. Для этого необходимо ассигновать средства.

Зона границы на нашей стороне должна быть целиком очищена от активных партизан, которые самостоятельно переходят границы для боевой работы. Их надо эвакуировать, никоим образом, однако, не озлобляя их, но наоборот, оказывая как им, так и перешедшим на нашу сторону или эвакуированным с той стороны партизанам помощь.

Их в общем (кроме ненадежных) не надо расплывать, а сводить в военные единицы или другие группы с тем, чтобы в случае войны или другой необходимости использовать их как ценнейший материал. Для этого необходимо ассигновать необходимые средства.

Для военных целей СССР вместо настоящей, активной разведки должны быть организованы конспиративным способом в Польше и других соседних странах комендатуры по образцу польской ПОВ*.

Эти организации активны только на время военных действий. В мирное же время изучают военные объекты, весь тыл противника, изучают людей, завязывают всюду связи и т.д., т.е. подготавливаются к деструктивной работе во время войны в тылу у противника. С партией они никоим образом не связаны, работники их не состоят в партии. Во время революции они передаются в ее распоряжение.

На нашей зоне организуются строго законспирированные небольшие группы с необходимым вооружением. В случае занятия нашей территории противником их задача — дезорганизация вражеского тыла и партизанская война.

* ПОВ — польская организация войсковая.

Проведение всего вышеизложенного возложить на РВСР*, с докладом в П/бюро**.

Ответственность за состояние границ и переход через них партизан возложить целиком на органы ГПУ.

Проведение этой линии должно быть обусловлено и дипломатическим ее использованием, и проведением НКИнделом твердой линии по отношению к Польше. Ямпольскому нападению и призывам в Польше к террору (Арцыбашев. «За свободу») должен быть дан твердый отпор. Польша не имеет никаких прямых (кроме догадок) улик против нас. Этого нельзя забывать. Вместе с тем по отношению к Польше нет у нас проведения ясной ни политической, ни торговой линии, и необходимо этот вопрос поставить перед П/бюро.

Намеченные выше меры могут оказаться вредными, если не последует твердое и быстрое проведение линии в польской политике, уже намеченной Политбюро.

Частные постановления:

Т. Медведю — ПП ОГПУ***. В Минске за организацию известного дела и отдачу приказа без получения на то разрешения или указаний со стороны его прямого начальника — объявить строжайший выговор (ввиду смягчающих вину обстоятельств — только такая мера взыскания).

Расконспирированных на границе начальников и руководителей научной разведки сменить немедленно, не дожидаясь общей ликвидации, которая требует более продолжительного времени.

18 ноября 1925 г. Ф. Дзержинский»

После этого постановления вся военная работа была сосредоточена в руках инструкторов по спецработе (иногда они назывались инструкторами по антимилитаристской работе). С января 1927 года эту работу возглавил финский коммунист Тууре Лехен. При нем работа приняла систематический характер. Создавались регулярные планы военной работы по странам, сметы на нее, подбирались инструкторы и ответственные исполнители.

Второй период совпадает по времени с ожидавшимся московским руководством нападением западных стран на СССР и был продиктован стремлением Кремля инспирировать одновременно

* РВСР — революционный военный совет республики.

** П/бюро — Политбюро ЦК РКП(б).

*** ПП ОГПУ — полномочный представитель ОГПУ.

с этим нападением волну восстаний, диверсий и актов саботажа в тылу потенциальных агрессоров.

В качестве главного критерия интернационализма для национальных компартий была провозглашена готовность защищать СССР в случае начала войны капиталистических стран с нашей страной.

Вполне очевидно, что такие цели и задачи могли ставиться в этот период по решению Политкомиссии Политсекретариата ИККИ. При Орготделе создается Комиссия по специальным вопросам в составе Бронислава Бортновского (в Коминтерне известен как Бронковский), Стефана Жбиковского и Альфреда (то есть Тууре Лехана). Таким образом, была возрождена действующая в 1924—1925 годах Военная комиссия ИККИ. Руководитель комиссии по спецвопросам Бортновский вскоре оказался в Берлине. Судя по всему, там же в это время действует и Лехен, а Жбиковский становится во главе военного аппарата Компартии Польши.

В 1928 году группа военных экспертов Коминтерна по заданию ИККИ подготовила для национальных компартий книгу-учебник под названием «Вооруженное восстание». Эта книга была выпущена под псевдонимом «А. Нойберг». Действительным автором ее были два военных эксперта Коминтерна Тууре Лехен и Август Гайлис.

В авторский коллектив в качестве консультантов входили О. Пятницкий, И. Уншлихт, М. Тухачевский, Хо Ши Мин и Эрлих Уолленберг. Этот труд по организации и проведению вооруженных восстаний был основан на детальном изучении всего исторического опыта и недавних примерах вооруженных восстаний: октября 1917 года в России, Гамбургского в Германии (1923 г.), Ревельского в Эстонии (1924 г.) и революции в Китае (1926—1927 гг.). Это были единственные в своем роде учебники по подготовке национальных кадров к экстремальным условиям.

Еще IV Конгресс Коминтерна принял специальную закрытую резолюцию об антивоенной (военной) работе компартий, утвержденную Президиумом ИККИ. В ней говорилось, что «в связи с угрозой антисоветской войны Военной комиссии обратить особое внимание на страны, граничащие с СССР. В 1930 году было организовано на заседаниях Политсекретариата ИККИ обсуждение вопросов об антимилитаристской работе в Польше и Прибалтийских странах.

Для активизации военной работы национальных компартий в конце 20-х — начале 30-х годов во многие страны были посланы специальные инструкторы. С 1929 года началась подготовка военных кадров на специальных курсах при ИККИ — немецкая и польская группы. За 1929—1935 годы было подготовлено в шести языковых группах 541 человек. Стали регулярно собираться сведения о военных приготовлениях капиталистических стран. На основе этих сведений составлялись справки и даже схемы расположения военных сил Японии, Франции, Англии, Италии, Румынии, Чехословакии, Польши и Финляндии*.

Для того чтобы сразу же представить масштабы военной работы Коминтерна, процитирую выдержки из составленного в 1935 году обобщающего документа. Его автором является Вильгельм Цайссер (псевдоним Вернер). Сразу же замечу, что Цайссер принимал участие в военной работе Коминтерна лишь на последнем этапе и поэтому освещает военную деятельность Коминтерна весьма неполно. Тем не менее доклад довольно интересный.

«Помощь, оказанная в прошлые годы органами ИККИ военной работе секций (не считая общих вопросов борьбы против войны), шла в основном в следующих направлениях: 1) антимилитаристская работа, т.е. массовая работа в армиях и флотах, 2) пропаганда вопросов вооруженного восстания, 3) пролетарская самооборона и 4) специальные школы.

1. Антимилитаристская работа

На VIII Пленуме ИККИ и, особенно, на VI Конгрессе Коминтерна кроме общих вопросов борьбы против войны, на специальных комиссиях были основательно обсуждены вопросы организации и методы работы в армии и вынесены по этим вопросам специальные резолюции, которые не были опубликованы, но с ними ознакомились представители всех партий. Инструкция VI Конгресса была обсуждена на Военной комиссии Конгресса (60 человек) и утверждена на Президиуме ИККИ.

1930 г. Политсекретариат ИККИ обсудил вопрос об антимилитаристской работе в Польше и Прибалтийских странах и вынес особую резолюцию. Неоднократно обсуждалась также военная работа разных секций на заседаниях соответствующих Лендерсекретариатов, на основании докладов представителей партий и военных работников.

* РЦХИДНИ. Ф. 495, оп. 20, д. 9, лл. 18—21.

Одним из наиболее реальных видов помощи нужно считать работу специальных инструкторов Орготдела, которым в ряде стран (Чехословакия, Англия, Румыния) приходилось поставить эту работу заново.

Продолжительное время инструктора побывали в следующих странах: Китай (Дюкру и Лекки, работавшие среди иностранных войск в Шанхае), Англия (Штальман и Маттерн), Чехословакия (Вернер, Штальман и Келлер), Румыния (Маттерн), Франция (Дицка, Исмет), Индокитай (Дюкру), Германия (Альфред), Австрия (Альфред, Дицка), Голландия (Штальман), Швеция (Гранде).

Во всех этих странах, за исключением Германии, отчасти Австрии и Чехословакии, инструктора занимались исключительно работой в армиях и флотах. В Германии работа военного аппарата, а следовательно, и нашего инструктора, носила более многосторонний характер (сюда входила не только работа среди армии, полиции, флота, фашистских организаций, но и информационная работа среди социал-демократической партии, на предприятиях и даже в абвере, то есть борьба против провокаций). В Чехословакии была сделана попытка работать на военных предприятиях.

Но даже с некоторыми странами, где не было специальных инструкторов (Польша, Латвия, Финляндия), удалось в течение нескольких лет поддержать тесную связь, получать достаточную информацию, что дало возможность оказать конкретную помощь в их антимилитаристской работе.

Помощь, оказанная всем остальным секциям, носила более или менее случайный характер (устного инструктирования отправлявшихся в страны товарищей, ознакомления с инструкциями и резолюциями и т. д.). К 1 августа 1929 г. была издана брошюра «Революционный антимилитаризм» на немецком и французском языках.

2. Пропаганда вопросов вооруженного восстания

Сколько-нибудь серьезная работа в этом направлении велась только в Германии, военным аппаратом КПГ, путем массового распространения посвященных этим вопросам брошюр («Путь к победе», «Вооруженное восстание», журнал «Октябрь»), а также через специальные кружки для партийного актива.

В этом вопросе оказана КПГ существенная помощь брошюрами, статьями и материалами, а также непосредственным инструктажем.

Во всех других секциях эта работа носила гораздо менее интенсивный характер. Брошюра «Путь к победе» переведена на

несколько языков (польский, финский, испанский, голландский и пр.) самими же секциями, «Вооруженное восстание» Нойберга издано на французском языке. Как эти брошюры, так и большинство статей, посвященных урокам вооруженных восстаний на страницах «К.И.»*, написаны нашими военными работниками (теперешними и бывшими).

Брошюра «Путь к победе» была подвергнута основательной переработке. Ее рукопись готова. Она была проверена специальной комиссией под председательством Бронковского (по поручению Политкомиссии) и признана годной, но не издается до сих пор, так как некоторые товарищи (Готвальд) сомневаются, совместима ли такая литература с единым фронтом.

3. Пролетарская самооборона

Этот вопрос встал во весь рост в 1929—1930 гг. в связи с волной крупных и бурных уличных демонстраций и забастовок во многих странах. Этот вопрос (тактика уличных демонстраций, физическое сопротивление полиции и фашистам, забастовочные пикеты) обсуждался на партийных конференциях, в разных Лендерсекретариатах, а также на Политкомиссии (в связи с вопросом о Красном Союзе Фронтовиков), и кроме того, в ряде статей на страницах «К.И.», при активном участии военных работников.

Германскому «Красному Союзу Фронтовиков» оказывалась систематическая помощь в течение всего времени его существования (участие нашего инструктора в работе руководящих органов Союза, помощь статьями, учебными материалами и т.п.). Осенью 1930 года, после запрещения Союза, Политкомиссия обсудила вопрос о его задачах и вынесла специальную резолюцию.

Когда в Австрии в 1928 году создалась благоприятная обстановка для создания подобной «Красному Союзу Фронтовиков» организации, с участием оппозиционных элементов Шутцбунда, наш инструктор работал в стране до запрещения созданной организации.

Время от времени в разных секциях (Германия, Польша, Финляндия, Болгария) всплывал вопрос о создании нелегальной, боевой организации («военки»).

В этом вопросе приходилось «тормозить». После ликвидации «военки» КПГ в 1926 г. при участии нашего работника, этот вопрос крупной роли не играл.

* КИ — Коминтерновский журнал «Коммунистический Интернационал», издаваемый на различных языках.

4. Специальные школы

Почти единственной, реальной помощью, которая, начиная с 1932 года, могла быть оказана военной работе секций отсюда, осталась подготовка кадров военных работников в специальных школах. Специальный «аппарат» целиком ушел на обслуживание школ.

Начиная с 1932 года, когда были отозваны все специальные инструктора и особенно после прихода к власти фашистов в Германии, когда целиком прекратилось получение всяких материалов по военной работе большинства секций, подготовка кадров военных работников в специальных школах является единственной организационной помощью секциям в этом вопросе. Вопросами военной работы секций в аппарате ИККИ после 1932 года никто не занимался, если не считать отдельных совещаний, организованных товарищем Мануильским и отдельных (очень редких) бесед с представителями отдельных партий.

С другой стороны, нужно полагать, что та существенная организационная помощь, которая была оказана секциям в прошлые годы, сыграла свою положительную роль. Можно ожидать, что и в будущем будет в тех или иных секциях проявляться оппортунистическая недооценка работы в армии, и что в таких случаях потребуются энергичное вмешательство со стороны руководящих органов К.И. Но благодаря тому, что секции уже имеют практический опыт работы и знают, как нужно работать (а в этом ведь должна заключаться организационная помощь), то отсутствие специального органа для военной работы при ИККИ не может быть причиной слабой военной работы секций.

Пропаганда вопросов вооруженного восстания и в будущем совершенно необходима, несмотря на единый фронт. Секции в этом отношении не обойдутся без здешней помощи, потому что у них нет достаточно подготовленных писательских кадров. Но такая работа может быть проделана отдельными товарищами, без наличия какого-либо специального органа.

Поскольку в школах нужно поставить конкретные вопросы соответствующих секций, в том числе и вопросы военной работы, то для этого должны быть привлечены работники самих секций».

Я постараюсь привести характеристики некоторых из специальных инструкторов Орготдела ИККИ по спецработе.

Этот документ нуждается в некоторых пояснениях. Во-первых, Вильгельм Цайссер, перечисляя «специальных» (т.е. военных)

инструкторов Орготдела, упоминает отнюдь не всех из них. К примеру, он не называет Манфреда Штерна, Дезидера Фрида, Кароля Сверчевского, Эриха Волленберга и некоторых других. Кроме того, он явно не знает всех стран, в которых работали инструктора, называя лишь известные ему самому. И это понятно, так как руководителем этой работы в аппарате Коминтерна в период наиболее интенсивной деятельности инструкторов в зарубежных компартиях был финский коммунист Тууре Лехен. Следует отметить, что Пятницкий знал всех специнструкторов лично, сам их подбирал и лично инструктировал перед отправкой за рубеж.

Из перечисленных же Цайссером лиц некоторые названы своими настоящими фамилиями, а другие — под кличками. Поэтому есть смысл еще раз перечислить их, уже под настоящими именами, а также более подробно остановиться на их спецработе в ИККИ.

В Китае работали французский коммунист Жозеф (Иосеф) Дюкру и шотландский коммунист Дж. Лекки. Биография Дюкру известна подробно. Несколько лет назад мне сообщили, что он еще жив.

Жозеф ДЮКРУ родился в 1904 году. Активно участвовал в работе французского комсомола, работал в его военном аппарате (официально это называлось антивоенной работой). Исполнял «специальные поручения» ФКП, в которую вступил в 1923 году. С мая 1925 года находился на руководящей работе в Марселе. Летом 1926 года был командирован ФКП в распоряжение Коминтерна и направлен на нелегальную работу в Китай. Находился там до весны 1928 года, после чего вернулся во Францию, но пробыл там недолго.

Вскоре Дюкру был направлен на работу в аппарат Исполкома КИМа, в котором проработал два года, до июня 1930 года. После этого он был послан специнструктором ИККИ в Индокитай, Китай, Гонконг и Малайские острова. Работал под псевдонимами Дюпон и Серж ле Франк.

В июне 1931 года Дюкру был арестован в Сингапуре британской полицией. При его аресте была обнаружена записная книжка, из которой британской полиции стали известны адреса некоторых коминтерновских нелегалов в Китае. В частности, это привело к аресту руководителя нелегального пункта ОМСа в Китае Якова Рудника. Сам Дюкру был приговорен к полутора -

годам тюрьмы, но вскоре выслан из Сингапура и арестован в Сайгоне уже французской полицией. Французским судом он был приговорен к году тюрьмы. Наказание отбывал в Сайгоне, а затем в Марселе. В начале 1934 года Дюкру вернулся в Советский Союз, где его дело разбиралось Интернациональной контрольной комиссией. Дюкру отделался выговором за нарушение конспирации и ошибки в проведении секретной работы. Однако от партийной работы его не отстранили и разрешили вернуться во Францию.

Цайссер называет двух инструкторов в Англии — это Штальман и Маттерн, немецкие коммунисты, хорошо ему известные. Настоящие их имена — Артур Ильнер и Йонни де Грааф. Псевдоним Ильнера — Рихард Штальман — стал его вторым именем. Под ним он жил и умер в ГДР. Известен он также под псевдонимом Эберхард Розенталь.

Артур ИЛЬНЕР родился в 1891 году в Восточной Пруссии. В юности примкнул к социал-демократическому движению. Будучи рабочим, активно боролся за права трудящихся в рядах профсоюзов. Участник первой мировой войны, последние два года которой провел в английском плену. В 1920 году вступил в компартию Германии. Был одним из ее руководителей в Восточной Пруссии. В 1923 году, во время «Германского Октября» возглавлял военный аппарат КПГ в Восточной Пруссии, а в 1924 году работал в центральном военном аппарате КПГ в Берлине. В середине 20-х годов Ильнер прошел военное обучение в специальных учебных заведениях в Москве. В 1927—1928 годах работал по линии советской военной разведки в Китае.

С 1928 года Ильнер — специнструктор Орготдела ИККИ. В этом качестве он работал в ряде компартий: в Чехословакии в 1928 году, в Великобритании в 1929, в Голландии в 1930, в Эльзас-Лотарингии в 1931. После этого он преподавал военное дело в Международной ленинской школе ИККИ.

В 1932—1936 годах редактировал журнал «Балканише корреспондентс», издававшийся в Берлине, а затем в Цюрихе и Париже. Одновременно с этим он в 1932—1933 годах работал в Западноевропейском бюро ИККИ. Таким образом, очевидно, он был ближайшим помощником Георгия Димитрова, руководившего Западноевропейским бюро. Недаром имя Ильнера не раз всплывало на знаменитом Лейпцигском процессе по делу о поджоге рейхстага. Причем его имя фигурировало каждый раз, когда об-

винение пыталось доказать, что коммунисты готовили вооруженное восстание в Германии.

Ильнер активно участвовал в гражданской войне в Испании, являясь одним из руководителей интербригад. В годы второй мировой войны он находился в Швеции, руководил «специальной работой» среди коммунистов в этой стране. После войны Ильнер — один из руководителей органов государственной безопасности ГДР. Умер он в 1975 году.

Йонни де Грааф, он же Маттерн, он же Франц Грубер, он же Рихард. О нем можно сказать следующее.

Йонни де ГРААФ родился в 1894 году в северогерманском городе Норденхаме в семье музыканта, голландца по происхождению. После окончания начальной школы в Вильгельмсгафене он в течение четырех лет плавал юнгой на торговых судах разных стран. В 1912 году де Грааф вступил в социал-демократическую партию Германии. В 1914 году он был арестован голландской полицией в Роттердаме за антивоенную агитацию и передан германским властям. В Германии де Грааф был призван на службу в военно-морской флот, служил на линкоре «Вестфалия». В мае 1916 года за выступления против войны и бунт был арестован вместе с тридцатью другими матросами и приговорен к казни.

С началом Ноябрьской революции 1918 года был освобожден, примкнул сначала к Независимой социал-демократической партии, а после основания КПГ стал ее членом. Работал в нелегальном военном аппарате компартии, в частности, в 1923 году в Руре, среди оккупационных войск. В 1929 году выехал в СССР, где прошел обучение в спецшколе Орготдела ИККИ, после чего работал инструктором Орготдела по спецработе. В этом качестве де Грааф выезжал в командировки в Румынию в 1931 году, в Германию в январе 1933 года, где играл руководящую роль в нелегальном Союзе красных фронтовиков и военном аппарате компартии. После прихода нацистов к власти был арестован, однако вскоре его освободили за неимением улик, и он выехал в Чехословакию. Здесь он познакомился с функционеркой немецкого комсомола и спортивной организации КПГ Элен Крюгер и женился на ней.

В 1934 году по линии советской военной разведки де Грааф находился в командировке в Китае, где осуществлял акции диверсий и саботажа. Из Китая в конце 1934 года он выехал в Бра-

зилию, где находился с января 1935 по январь 1936 года, играя руководящую роль в попытке осуществления социалистической революции. В январе 1937 года де Грааф вернулся в СССР. Дальнейшая его судьба неизвестна.

В Чехословакии, как пишет Цайссер, работали Вернер, Штальман и Келлер. Штальман — это уже нами упомянутый Артур Ильнер, Вернер — это сам Вильгельм Цайссер, а Келлер — это немецкий коммунист Август Майер.

Август МАЙЕР, он же Антон Келлер, он же Фердинанд, родился в 1898 году. Выходец из рабочей семьи, он вступил в 1916 году в СДПГ, а с момента основания компартии в 1919 году стал ее членом. В 1920—1922 годах он работал в аппарате ЦК Германского комсомола. Затем — в окружных комитетах комсомола Южной и Северной Баварии. В 1922—1923 годах он сотрудник Орготдела ЦК КПГ. Одновременно во время подготовки «Германского Октября» он стал работать в военном аппарате компартии, руководил «сектором вооружения» военного аппарата столичного округа Берлин-Бранденбург.

В марте 1924 года по делу так называемой «германской ЧК» Майер был арестован и приговорен к шести годам тюрьмы. Амнистированный в 1928 году, он продолжал работать в Орготделе ЦК и одновременно возглавлял сектор вооружений военного аппарата компартии.

В связи с полицейскими преследованиями, а также внутрипартийными разногласиями имигрировал в Советский Союз. Работал инструктором по спецвопросам в Орготделе ИККИ, в этом качестве находился в Чехословакии. Затем перешел на работу в ОМС Коминтерна и руководил нелегальным аппаратом ОМСа в Праге. После войны находился на руководящей работе в ГДР.

Далее в своем докладе Цайссер называет Румынию, в которой работал Йонни де Грааф под псевдонимом Маттерн, а затем Францию, в которой работали Дицка и Исмет.

Иосиф ДИЦКА — австрийский коммунист, чех по национальности. Родился 21 февраля 1904 года в Вене в семье переплетчика. Окончил народную школу, а затем городскую школу по специальности зубной техник. С 14 лет 4,5 года работал у зубного техника.

С ранней юности Дицка отличался боевым, драчливым характером. В 1918—1920 годах он состоял в Социалистическом ра-

бочем союзе молодежи Австрии. В 1920 году он вступил в Коммунистический союз молодежи Австрии и одновременно в Австрийскую компартию. С 1921 года он — член райкома КСМ Вены, с 1922 года — член окружка КСМ.

Дицка, в частности, был ответственным за «службу охраны порядка» во время проведения демонстраций, митингов и других массовых мероприятий компартии, то есть, попросту говоря, руководил драками и потасовками с полицией и фашиствующими молодчиками из «Хаймвера», за что был осужден австрийским судом на пять месяцев заключения.

В конце 1922 года он вошел в оппозиционную группу в руководстве КСМ, ориентированную на одну из фракций в руководстве Компартии Австрии — левую оппозицию во главе с Францем Коричонером. Три члена руководства КСМ, входившие в оппозиционную группу — Эрнст Шпитц, Ильза Поллак и Леопольд Кульчар — вышли из партии, а Дицка и Курт Паппе остались. В 1923 году он был кооптирован в ЦК КСМ Австрии, но отказался от поста и с помощью Вуйовича перешел на работу в КИМ.

В 1923 году во время нарастания революционной волны в Германии он выехал в Берлин.

В 1924—1925 годах Дицка состоял в Коммунистическом союзе молодежи Германии. Сначала он работал в «Бюро Варги» в Берлине, а затем был направлен на работу в окружной комитет КПГ в Рурской области. Под руководством знаменитых Войи Вуевича и Генри Робинсона он работал в нелегальном военном аппарате, вел военную (антимилитаристскую) работу в Рурской области. Был арестован французами и в 1924 году осужден французским судом к пяти годам тюремного заключения. Отсидел 9 месяцев, после чего в начале 1925 года был амнистирован. Работал в ЦК КСМ Германии. В Баварии два месяца провел под следствием в связи с переходом границы с фальшивым паспортом.

Затем Дицка вернулся в Австрию. В феврале 1925 года был арестован за участие в демонстрации, приговорен к восьми месяцам, однако скрылся от наказания. Член нелегального «комитета пяти» (орган комитета безработных для проведения демонстраций). В этот комитет входили также Вернер Гирш, Франк и Вегерер. Являлся техническим руководителем одной из демонстраций, носивших путчистский характер.

В 1925 году Дицка приехал в Москву и был переведен в РКП(б). Работал сначала в аппарате КИМа, а затем в Секретариате Осипа Пятницкого. Знал немецкий, чешский языки, слабее

французский и испанский. Пятницкий очень любил и ценил Дицку, рекомендовал его на работу специнструктором Орготдела.

В этом качестве Дицка несколько раз выезжал за границу, в частности во Францию. После поражения австрийского пролетариата во время февральских боев 1934 года в марте того же года Дицку назначили специнструктором в Австрию с заданием восстановить организацию «Шутцбунда», однако не под руководством социал-демократов, как было раньше, а под руководством Компартии Австрии. Дицка блестяще справился с заданием. Созданный им «Автономный Шутцбунд» был восстановлен и успешно действовал. Была налажена прямая радиосвязь с Москвой. Планировалось к октябрю 1934 года совершить пролетарскую революцию в Австрии, свергнув профашистское правительство. Однако в связи с различными обстоятельствами курс на вооруженное восстание был отменен.

В начале 1935 года в связи с большим провалом коминтерновских нелегалов в Вене Дицку арестовали и приговорили к пяти годам тюрьмы. В сентябре 1936 года по инициативе советских властей он был обменен и прибыл в СССР. Сразу же после возвращения Дицка был направлен в Испанию.

В Испании он был известен как майор Курт Денис. Он являлся одним из командиров интербригад, проявил героизм и незаурядное мужество в борьбе с фашизмом.

«Майор Дицка Иосиф Людвигович, начальник штаба 35-й дивизии в Брунецкой операции своей личной храбростью, своим личным примером способствовал удержанию дивизии на месте, за что был представлен к ордену Красной Звезды». Однако награжден не был в связи с арестом отца жены. Женой Дицки была знаменитая советская разведчица, одна из создателей известной «Красной капеллы» в Швейцарии, также, кстати говоря, начавшая свою карьеру в аппарате КИМа, Мария Полякова, умершая несколько лет назад.

После возвращения из Испании Дицка работал в аппарате ЦК МОПРа. После начала Великой Отечественной войны Дицка во главе группы советских разведчиков и диверсантов был заброшен в глубокий тыл немецких войск на территорию Польши. При приземлении его группе очень не повезло.

Сам Дицка сломал ногу, а группа была обнаружена немецкими патрулями. В этой ситуации Дицка приказал своим людям уходить, а сам остался прикрывать их отход, приняв неравный бой с фашистами, во время которого героически погиб. Через

полтора года в Москву вернулся радист группы, который рассказал о случившемся.

Помимо Дицки во Франции работал также человек по кличке Исмет. Это национальный герой Югославии Мустафа Голубич. Он также известен под кличками Феликс, Брегович, Николич.

Мустафа ГОЛУБИЧ родился в 1891 году в Герцеговине, по национальности — серб. Окончил реальное училище. 17-летним подростком вступил в знаменитую организацию «Молодая Босния», а затем вместе с членами последней примкнул к другой, не менее известной нелегальной террористической организации «Черная рука». В 1911 году Голубич становится членом военизированного подразделения этой организации, проходит нелегальное военное обучение и участвует в Македонии в боях против турецких войск.

Он входит в группу «аттентаторов» во время покушения на эрцгерцога Фердинанда в Сараево, причем значится в списке под номером первым. По чистой случайности, из-за изменения маршрута следования эрцгерцога убийцей Фердинанда стал Гаврила Принцип.

Мустафа Голубич попал под наблюдение международных спецслужб и в 1916 году был арестован в Париже. Однако ему удалось вывернуться и во время знаменитого Солунского процесса над лидерами «Черной руки» он был оправдан и даже выступал свидетелем на суде. Некоторое время он работает журналистом в Париже. В конце 1919 года Голубич возвращается в Югославию, где вступает в ряды компартии этой страны. После ареста вновь выезжает в Париж.

Есть сведения, что в 1920 году Голубич побывал в Советской России, где окончил военно-политические курсы (то есть, школу разведки). В 1921 году он был выслан из Франции в Швейцарию, откуда переехал в Вену, где и жил до марта 1928 года. В 1923 году он перешел в Компартию Австрии. Одновременно он был секретарем югославской партгруппы и редактором ее органа «Серп и молот». В этот же период он сотрудничает в журнале «Федерасьон Балканик».

По крайней мере с 1923 года Голубич является одним из резидентов ИНО ОГПУ в Вене. Помимо работы на ИНО ОГПУ, в 1923—1926 годах, а также в конце 1927 — начале 1928 года он работал в нелегальном аппарате Компартии Югославии. В начале 1928 года его высылают из Австрии и он переезжает в Бер-

лин, являясь в это время уже сотрудником советской военной разведки — Четвертого управления Генштаба РККА.

Одновременно Голубич продолжает работать в нелегальном аппарате КПиЮ. В январе—апреле 1930 года он учится в Международной ленинской школе ИККИ в Москве, после чего переходит на работу в Орготдел Коминтерна инструктором по спецработе.

За три года, проведенных в аппарате ИККИ, Голубич успел поработать в Греции, Германии и во Франции. Во Франции он работал вместе с Иосифом Дицкой.

Сохранились донесения Голубича из Франции, которые хранятся в архиве Коминтерна. Меня поразило одно из них, помеченное 17 января 1932 года. В нем, рассказывая о создании нелегальной коммунистической ячейки среди солдат 46-го полка французской армии, Голубич пишет, что среди солдат возникла дискуссия о том, как назвать ячейку. Одни предлагали «имени Сталина», другие — «имени Пятницкого». Спор решил один солдат, который встал и предложил назвать ее именем Пятницкого, так как «именно товарищ Пятницкий — организатор мировой революции».

Однако особый интерес представляет работа Голубича в Германии, где вместе с Генри Робинсоном под руководством Бронислава Бортновского он являлся одним из организаторов сугубо секретной работы по созданию штаба по организации восстания в случае нападения подстрекаемых Великобританией центрально- и восточноевропейских стран на СССР.

С 1934 года Голубич вновь переходит на работу в военную разведку и нелегально действует в целом ряде стран, в том числе во Франции и США. О деятельности Голубича на его родине ходят многочисленные легенды. В частности, утверждают, что он работал в Китае под видом рикши, в Берлине — портье в отеле, выкрал в Англии танк накануне войны, а в США похитил миллионера с целью получения выкупа, на который было организовано убийство Троцкого. Кроме того, ему приписывают многочисленные романы, в частности с Гретой Гарбо и Марлен Дитрих. Югославы считают, что он был доверенным человеком Сталина, по поручению которого совершал убийства по всему миру. Непонятно, правда, кто мог являться жертвами Голубича, за исключением Троцкого.

Судя по всему, Голубич в начале второй мировой войны возглавлял советскую военную резидентуру в Югославии. Каким-

то образом он был замешан в военном перевороте в Югославии в марте 1941 года.

Однако после оккупации Белграда этот суперас спецслужб был арестован как «торговец документами» и расстрелян с группой заложников. Лишь две недели спустя они узнали, кого они расстреляли в том самом дворике, в котором в свое время офицеры «Черной руки» убили сербского короля.

Так замкнулся поразительный круг судьбы этого выдающегося человека.

Следующими в списке Цайссера идут Индокитай, где столь неудачно работал уже известный нам Дюкру, а затем — Германия, где в качестве инструктора назван Альфред. Под этим псевдонимом действовал человек, руководивший с 1927 года всей военной работой Коминтерна — финский коммунист Тууре Лехен.

Тууре ЛЕХЕН родился в 1893 году в Финляндии, в семье рабочего-столяра, окончил реальное училище в Хельсинки, а затем учился в Хельсинкском университете на историко-филологическом факультете. В 15-летнем возрасте Лехен вступил в ряды Социал-демократической партии Финляндии. Он активно сотрудничал в партийных газетах и журналах.

После Февральской революции 1917 года Лехен приехал в Москву, где изучал русский язык и работал корреспондентом финской газеты «Социал-демократ». Он активно участвовал в начавшейся в январе 1918 года революции в Финляндии, являлся секретарем революционного правительства. После поражения революции в конце апреля 1918 года перешел в Советскую Россию. В том же году вступил в ряды Красной Армии и был принят в члены РКП(б).

Лехен окончил Первые курсы комсостава в Москве и в 1919—1920 годах сражался на Северном фронте (Мурманское направление), где участвовал в боях под Петрозаводском, на островах Онежского озера, Шунгском полуострове, на Медвежьегорском и Ребольском направлениях в качестве командира отдельной горной батареи и исполняющего обязанности комиссара 6-го стрелкового полка.

Здесь следует пояснить, что под скромным наименованием 6-го стрелкового полка в кадрах РККА действовала развернутая красная финская дивизия, созданная, очевидно, «на всякий случай», точно так же, как «на всякий случай» были созданы «Первая польская Красная Армия», «Отдельная немецкая спартакoв-

ская бригада» и другие подобные части, рассчитанные на экспорт мировой революции.

После окончания гражданской войны Лехен учится в Военной Академии РККА, которую заканчивает в 1924 году, после чего поступает в распоряжение РВС республики «для особых поручений». В 1925—1926 годах Лехен нелегально работает в Германии, являясь инструктором военного аппарата компартии. Здесь он известен под псевдонимом Лангер. Позднее под этим же псевдонимом он опубликовал знаменитую брошюру, в которой проанализировал опыт военной работы коммунистов разных стран. Кроме того, в этот же период он выезжал в Чехословакию и Австрию для оказания помощи в военной работе их компартиям. После возвращения в Москву с 1927 года он руководил в ИККИ всей военной работой.

Лехен активно участвовал в гражданской войне в Испании, являясь начальником штаба одной из интербригад, а затем дивизии. В 1938—1939 годах он работал редактором в издательстве «Литература на иностранных языках» в Москве. Во время советско-финской войны Лехен являлся министром внутренних дел в марионеточном финском правительстве, возглавляемом Отто Куусиненом, кстати говоря, его бывшим тестем. Лехен был женат первым браком на знаменитой Герте Куусинен.

В 1940—1946 годах, по официальным данным, он работал главным редактором Госиздата Советской Карелии и ректором Петрозаводского университета, являлся депутатом Верховного Совета СССР. Однако, по данным западных спецслужб, во время Великой Отечественной войны Лехен руководил разведывательно-диверсионной сетью, действовавшей против морских судов противника, аналогичной знаменитой «сети Вольвебера». По другим данным, он редактировал газету «Голос солдата» на финском языке, предназначенную для подрывной работы среди финских войск.

В октябре 1946 года Лехен переехал в Финляндию. Можно лишь догадываться о тех делах, которыми он там занимался, официально руководя издательством «Народная культура» в Хельсинки. С 1951 года он — негласный член ЦК и Политбюро ЦК Компартии Финляндии, занимался, в основном, кадровой работой партии. Умер в 1976 году.

Надо сказать, что Вильгельм Цайссер, называя в качестве инструктора по Германии одного Альфреда-Лехена, явно поскромничал. Дело в том, что в 1923—1924 годах (т.е. в период

«Германского Октября»), а также в 1930—1932 годах (наиболее загадочный и темный период в истории военной работы Коминтерна), в военном аппарате Компартии Германии действовал целый ряд других «работников» и «специалистов».

Среди них можно назвать бывших офицеров австро-венгерского генштаба Дюлу Капитаня и Отто Штейнбрюка, уже упомянутого Бронислава Бронковского, комдива Красной Армии Вольдемара Розе, другого активного участника гражданской войны в России Семена Фирина, выпускника Военной академии имени Фрунзе Августа Гайлиса, работавшего в Германии под кличкой Нойберг (последний в своей автобиографии по поводу этого периода скромно замечает: «был военным советником у Эрнста Тельмана»), организатора польской «Западной стрелковой дивизии», позднее руководившего созданием военного аппарата Компартии Польши Стефана Жбиковского, находившихся в начале 30-х годов в Германии уже упомянутых Мустафу Голубича и Генри Робинсона.

Далее в своем списке Цайссер называет Австрию, где работали Альфред-Лехен и Дицка, Голландию, где действовал Штальман-Ильнер, и Швецию, где работал немецкий коммунист Макс Гранде, он же Герман Вагнер.

Макс ГРАНДЕ родился в 1893 году в Берлине. По профессии — почтовый служащий. Член СДПГ с 1912 года. Член Независимой социал-демократической партии в 1919—1920 годах. Вместе с ее левым крылом, возглавляемым Эрнстом Тельманом, перешел в 1920 году в КПГ. Активно работал в военной организации компартии. С 1924 года — освобожденный партийный работник.

С 1925 года руководил Союзом красных фронтовиков в Тюрингии — легальной боевой организацией компартии. Замечу, что тюрингское отделение Союза было наиболее массовым и образцовым.

После запрета Союза, летом 1929 года, Гранде в августе—декабре 1930 года командировается Коминтерном в качестве инструктора по спецработе в Швецию, затем некоторое время работает инструктором Орготдела в Москве. Позднее Гранде возвращается в Германию, где вплоть до своего ареста 16 июля 1933 года пришедшими к власти нацистами возглавлял нелегальную тюрингскую организацию Союза красных фронтовиков.

Пару слов стоит сказать и о самом авторе документа, Вильгельме Цайссере. Напомню, что с документа о военной деятель-

ности Коминтерна, составленного им в 1935 году, началась эта глава.

Вильгельм ЦАЙССЕР родился в 1893 году в Ротхаузене под Эссеном, закончил народную школу и учительскую семинарию. Участник первой мировой войны, лейтенант. После окончания войны продолжал работать учителем в Эссене, где вступил в «Союз Спартака», затем в КПГ. Во время Капповского путча в 1920 году был одним из организаторов и руководителей знаменитой «Красной Армии Рура», за что и получил шесть месяцев тюрьмы.

После освобождения Цайссер работал редактором коммунистических газет в Эссене и Бремене, находился на руководящей профсоюзной работе. В ноябре 1922 года он был делегатом профсоюза горняков на Втором конгрессе Профинтерна в Москве. Во время «Германского Октября» руководил военным аппаратом КПГ в Рурской области.

В 1924 году окончил специальные военные курсы в Москве, после чего продолжал возглавлять военные аппараты в Рурской области и в округе Нижний Рейн. Позднее он руководил подрывной работой среди оккупационных войск в Рурской области. С ноября 1925 года по линии советской военной разведки он был направлен на нелегальную работу в Палестину, где находился до весны 1926 года. После этого он был одним из руководителей военного аппарата Компартии Германии, руководил нелегальными военными курсами компартии и редактировал ее нелегальный военно-политический журнал «Октябрь».

С августа 1927 года до февраля 1930 года Цайссер снова работал по линии советской военной разведки, на этот раз в Маньчжурии. В 1932—1935 годах он — инструктор Орготдела ИККИ и одновременно преподаватель военного дела в Международной ленинской школе и Коммунистическом университете национальных меньшинств Запада. С 1936 года он под псевдонимом генерал Гомес находился в Испании. Цайссер — организатор и командир 13-й интербригады, руководил базой интербригад в Альбасете, возглавлял секцию обучения испанских рекрутов и интернационалистов.

В годы второй мировой войны он находится в СССР, сотрудник издательства литературы на иностранных языках при ИККИ, работает редактором редакции радиовещания на Германию, пропагандистом на фронтах, преподавателем антифашистских курсов для военнопленных.

В послевоенные годы Цайссер — создатель и первый министр госбезопасности ГДР. В 1954 году «за антипартийную и фракционную деятельность, угрожавшую единству и чистоте партии» местными бюрократами, сплотившимися вокруг бесцветного и бездушного Вальтера Ульбрихта, был исключен из партии и снят с ответственных постов. Умер в 1958 году.

Инструкторы Орготдела по спецработе часто проводили свои «узкопрофессиональные» совещания. Так, в ноябре 1926 года было проведено три совещания, посвященных работе чехословацкой «Организации пролетарской самообороны». На этих совещаниях присутствовали Манфред Штерн, Дезидер Фрид, Роберт (очевидно, немец Вольфганг фон Висков), Эрих Волленберг, Тууре Лехен, Александр Абрамович (только что перешедший в Орготдел с поста руководителя ОМСа). От Чехословацкой компартии присутствовали высшие ее руководители — Илек Запотский и Ольбрихт Геминдер.

Попытаюсь теперь систематизировать изложенные сведения в виде некоторой таблицы (цифры в скобках показывают годы работы — 19...):

Болгария: Б.И. Иванов (23), Гавро (24—25).

Эстония: Я.М. Жигур (24), К. Римм (24), Г. Туммельтау (24).

Германия: Б. Бортновский (23—25), В. Розе (23—24), О. Штейнбрюк (23—24), С.Г. Фирин (24), С. Жбиковский (24—25), А.Ю. Гайлис (24—25), Т. Лехен (25—26), Э. Волленберг (31), Г. Робинсон (31), М. Голубич (между 30—33), Й. де Граф (33).

Великобритания: А. Ильнер (29), Й. де Грааф (?).

Румыния: Й. де Грааф (31).

Чехословакия: Т. Лехен (26), А. Ильнер (28), А. Майер (начало 30-х).

Франция: А. Ильнер (31), И. Дицка (?), М. Голубич (между 30—33).

Австрия: Т. Лехен (26—27), И. Дицка (34).

Голландия: А. Ильнер (30).

Швеция: М. Гранде (30).

Греция: М. Голубич (между 30—33).

Индокитай: Ж. Дюкру (30—31).

Китай: Ж. Дюкру (30—33), Дж. Лекки (?).

Но это далеко не полный список функционеров (специальных инструкторов) Орготдела по военной работе.

Как следует из этой составленной мною таблицы, в которой показано участие военных специалистов, направленных из Москвы для ведения военной работы в компартиях других стран, пик их активности приходится на два периода: 1923—1925 годы и 1929—1932 годы.

Причем если во время «первого периода» военные советники «работали», в основном, как сотрудники Разведупра, временно задействованные в Коминтерне, то во время «второго периода» все они без исключения были иностранцами по происхождению и не имели никакого формального и фактического отношения к советским разведкам. Это говорит о том, что сам Коминтерн достиг к концу 20-х годов больших успехов как в подготовке собственных кадров, так и в уровне их технического и конспиративного мастерства.

Кроме того, это четкое деление на два периода показывает, в какой степени цели и задачи, стоящие перед Коминтерном, были обусловлены внешней политикой СССР. Ведь период до февраля 1925 года был временем, когда советское руководство проводило курс, направленный на развязывание мировой революции. Фактически этот курс был отменен только после принятия постановления Политбюро ЦК ВКП(б) «Об активной разведке».

Второй же период совпадает по времени с ожидавшимся московским руководством нападением западных стран на СССР и был продиктован стремлением Кремля инспирировать одновременно с этим нападением волну восстаний, диверсий и актов саботажа в тылу потенциальных агрессоров.

В качестве главного критерия интернационализма для национальных компартий была провозглашена готовность защищать СССР в случае начала войны капиталистических стран с нашей страной.

Интересно также, что в мае 1929 года в ИККИ обсуждается внесенный по инициативе руководителя Союза красных фронтовиков Германии В. Леова вопрос о создании «Интернационала организаций пролетарской самообороны».

Однако решено было подобного интернационала не создавать, так как соответствующие организации действовали только в пяти странах — Германии, Франции, Англии, Австрии и Норвегии. Кроме того, только в Германии организация была массовой (свыше 100 тысяч членов), в то время как четыре остальные в сумме насчитывали не более пяти тысяч человек.

Еще одним подтверждением того, что в начале 30-х годов советское руководство планировало использовать аппарат Коминтерна в качестве «пятой колонны» по развязыванию восстаний в тылу агрессора в случае нападения на СССР, является такой факт. Во времена функционирования Коминтерна в западной печати уделялось огромное внимание этой организации. При этом там публиковались явные небылицы, граничащие с параноидальным бредом.

Тем не менее те редкие публикации, которые, выражаясь современным языком, представляли собой «утечку информации», тщательно отбирались и анализировались работниками аппарата Коминтерна. Одно из таких сообщений попало мне в руки, когда я просматривал архивные дела Военной организации Компартии Польши.

Заметка из польской газеты, датированная 1931 годом (замечу, что это была единственная газетная публикация, попавшаяся мне в материалах подобного рода), сообщала, что на случай новой войны Советский Союз готовит восстание в тылу у своих потенциальных противников.

Во главе этой подготовки стоит специальный штаб, расположенный в Берлине. Его возглавляет полковник Генштаба РККА, сотрудник Четвертого (Разведывательного) управления Штаба РККА, родившийся в Польше, Бортновский. Не знаю, как насчет происхождения Бортновского (его мне подтверждал мой друг, старый советский разведчик Борис Игнатьевич Гудзь), но в заметке сообщалась такая правдивая деталь из его биографии, как участие в захвате английского консульства в Петрограде в 1918 году, во время которого Бортновский был ранен.

По мнению автора заметки, штаб Бортновского должен был поднять восстание на территории Германии и Польши, а связником и человеком, координирующим его деятельность на территории Польши, был назван некто Скульский. Как я выяснил, это псевдоним польского коммуниста Станислава Адамовича Мертенса, активного участника гражданской войны. Мертенс в 1921 году был членом Коллегии и заместителем председателя ЧК Белоруссии, а затем находился на подпольной работе в Польше.

Мертенс с 1923 по 1925 год, будучи одним из руководителей Политбюро Компартии Польши, руководителем Компартии Западной Белоруссии, одновременно, вплоть до своего ареста осенью 1925 года, возглавлял ее нелегальный военный аппарат. В 1928 году Мертенс вместе с группой польских коммунистов-бо-

евиков и советских агентов был обменен советской стороной и выехал в СССР.

На рубеже 30-х годов (по крайней мере так значится в его официальной биографии) он работал по линии Профинтерна в Германии. Вполне резонно предположить, что его деятельность в Профинтерне, так же как и деятельность Бортновского в Загранбюро Компартии Польши в Берлине, являлась лишь прикрытием гораздо более серьезной и опасной работы. Так сказать, двойной уровень конспирации: в случае их провала они могли сослаться на то, что являются лишь работниками Загранбюро Компартии Польши или Профинтерна соответственно, и скрыть свою работу по подготовке восстания. Примерно такой же трюк продемонстрировал позднее Георгий Димитров на процессе по делу о поджоге рейхстага.

Какие задачи ставились при этом перед западными коммунистами, можно видеть из составленного руководителями Военного аппарата Коминтерна Тууре Лехеном (Альфред) и Августом Гайлисом (Нойберг) проекта документа «Задачи Германской компартии в области военной работы», написанного, судя по всему, в конце 20-х годов:

«I. Военная работа ГКП должна вестись в направлении подготовки партии и идущих за нею рабочих на случай:

- а) активной непосредственной борьбы за власть (восстание)...
- б) к активной борьбе на случай военного выступления Германии (все равно, в какой форме) совместно с другими империалистическими державами против СССР.

Обе эти задачи были связаны между собой, составляют, в сущности, две стороны одной и той же работы. Конкретное содержание распадается на следующие частные задачи:

- а) работа по разложению рейхсвера, полиции и фашистских боевых организаций;
- б) подготовка кадров партии, накопление оружия;
- в) подготовка диверсионных групп и отдельных диверсантов;
- г) разведка и контрразведка.

За исключением подготовки диверсантов, партия ведет сейчас работу по указанным линиям...»

Данная записка была обсуждена на заседании Военной комиссии ИККИ и дополнена в разговоре с руководителем Разведупра Яном Берзиным.

А вот текст рукописных записок-инструкций, к сожалению, очень плохо читаемый. Он составлен руководством Военной комиссии ИККИ (то есть, работниками Разведупра РККА) для отправляющихся в Германию Генри Робинсона и Мустафы Голубича. Помечена инструкция 14 апреля 1934 года.

Первая записка

«Для Р. (очевидно, Робинсон. — В.П.)

1. Работает в Э.Л. (очевидно, Эльзас-Лотарингия. — В.П.)

2. Держит связь с Г. Генриховский и Л. Любенецкий-Рыльский через С. (возможно, Скульский. — В.П.) по указанию Л.Ф. (очевидно, Лео Флиг. — В.П.) и с Б. Бортновский согласно указаниям Л.Ф.

3. Связь с П. Пик Политбюро держит только по линии ЦВО (очевидно, Центральная Военная организация. — В.П.) через Б. Б-го (Бронислава Бортновского. — В.П.) и Эрнест (Шнеллер. — В.П.)

Связь с Исметом только через ЦВО».

Вторая записка

«Для Исмета (кличка М. Голубича. — В.П.)

1. Работает с ЦВО.

2. Первая задача — проверка состояния ЦВО по связям с местами, методов работы и т.д. Принятие совместно с Генри немедленных мер к улучшению работы согласно последних решений.

3. Немедленно приступить к созданию N-d (имеется в виду Nachrichten dienst, т.е. разведывательная служба. — В.П.), изданию спецбюллетеня.

4. Категорическая директива, чтобы аппарат N (т.е. разведка. — В.П.) был отделен сверху донизу от аппарата ВО (т.е. военной организации. — В.П.), и чтобы оба эти аппарата были отделены от общепартийного аппарата».

Эти две записки крайне интересны в связи с тем, что в приведенном мною докладе Цайссера о военной работе Коминтерна ни слова не сказано о пребывании Робинсона и Голубича в этот период в Германии, между тем как в имеющейся в архиве Коминтерна биографии Голубича этот факт подтверждается. Получается, что даже работники Коминтерна мало что знали о реальных мерах по подготовке превентивных восстаний в случае нападения на СССР в начале 30-х годов.

Вот еще один документ примерно того же периода (конца 1929 — начала 1930 года). Он составлен работником Разведупра.

«Ввиду развертывания классовых боев и усиливающихся военных приготовлений было вынесено постановление инстанции и отпущены средства на военизацию Коминтерна. Согласно этому постановлению Управлением, при участии Орготдела ИККИ, была проделана следующая работа...»

И далее следует перечисление проделанного: «...было обучено 24 поляка на специальных военно-политических 9-месячных курсах, 42 немецкоязычных коммуниста (31 из Германии, 7 — из Чехословакии, по 2 — из Австрии и Сербии) на 4-месячных курсах, 13 франкоговорящих (4 итальянца, по 3 француза и бельгийца, 2 испанца и 1 чех) — на 5-месячных курсах».

Как следует из записки, обучавшиеся, среди прочего, подробно знакомилась с опытом восстаний на примерах Парижской коммуны, Дублинского восстания 1916 года, Баварского восстания 1919 года, подавления капповского путча и восстания в Руре в 1920 году, восстания в Средней Германии в марте 1921 года, Гамбургского восстания 1923 года, Таллинского восстания 1924 года, Шанхайского и Кантонского восстаний.

Вообще в архивах Коминтерна довольно много переписки между заведующим Орготделом ИККИ Борисом Васильевым и начальником Разведупра Яном Берзиным по поводу этих самых курсов для зарубежных коммунистов. Так, 29 декабря 1931 года Берзин пишет Васильеву, что он считает «целесообразным и необходимым все курсы вынести за город в изолированное помещение (вроде Квятково)».

При этом Берзин предлагает, чтобы все «преподаватели допускались только в штатском; всячески маскировать связь с армией или советскими учреждениями».

Учебные заведения ИККИ (подготовка кадров Коминтерна)

С момента проведения кампании «большевизации» компартий Коминтерн стал проявлять особую заботу о кадрах. Все коммунистические партии, входящие в Коминтерн, стали перестраиваться по принципу демократического централизма, беря пример с партии большевиков.

При этом национальные компартии все больше нуждались в подготовленных кадрах, гораздо больше, чем другие политичес-

кие партии. Ведь ленинская партия большевиков во время подготовки и проведения Октябрьской революции и в годы гражданской войны была крепка своим ядром, состоящим, в основном, из профессиональных революционеров, в большинстве своем выходцев из квалифицированных рабочих и людей весьма образованных.

Актив социал-демократических партий состоял из представителей средних классов и свободных профессий: адвокатов, преподавателей, журналистов и т. п.

Фашистские партии опирались, в основном, на представителей мелкой буржуазии. Из этой среды они и черпали кадры своих функционеров.

Коммунистические партии стремились привлекать кадры из передового слоя рабочего класса, так как они являлись закаленными, целеустремленными и менее других подвержены политическим колебаниям. Ведь рабочий класс самими условиями труда был приучен работать коллективно, сообща, всегда чувствуя локоть соседа. Их действия, и это стало основной задачей Коминтерна, можно было направлять куда нужно. Тех же, кто стремился мыслить самостоятельно, вне обусловленных рамок, из партий изгоняли под разными предлогами. Это происходило волнообразно, в связи с различными кампаниями, проводимыми компартиями по решениям Коминтерна.

Национальным компартиям, так же как партии большевиков, на опыт которой Коминтерн постоянно опирался, нужны были не свободно мыслящие люди, а кадры из рабочей среды, сформированные на большевистской дисциплине и марксистской идеологии. В практической жизни люди такого типа встречаются редко. Их предстояло готовить и это необходимо было делать незамедлительно.

Коминтерн оперативно отреагировал на это требование времени. Производится реорганизация существующих учебных заведений и создаются новые. При Орготделе ИККИ создается сектор для осуществления этой работы.

Для обучения в этих школах подбирались молодые, проверенные люди. Особое значение при этом придавалось их первоначальной политической чистоте. Считалось, что если этот материал хорошо обработать, из него получают самые лучшие и надежные функционеры.

Кадры, прошедшие коминтерновские школы, пополняли ряды ответственных работников всех компартий. Они стали ярыми

проводниками политики Коминтерна и исполнителями директив и распоряжений его руководящих органов, орудием борьбы с оппозицией, сепаратистскими настроениями и всякого рода уклонами как слева, так и справа.

Эти новые кадры молодых функционеров, прошедших подготовку в Москве в школах Коминтерна, стали важнейшим рычагом проведения политики Коминтерна по большевизации национальных компартий.

К середине 30-х годов кадры, прошедшие подготовку в школах Коминтерна, составляли уже основную часть обновленных кадров в большинстве компартий мира.

Сразу же после образования Коминтерна при его Исполкоме была создана Военная школа, которая готовила специалистов по организации военной работы в национальных компартиях. Но по какой-то причине решением Малого бюро (Президиума) ИККИ в августе 1922 года она была ликвидирована, а ее лучшие кадры были переданы Реввоенсовету Советской России*.

В дальнейшем для подготовки партийных работников из национальных кадров при Исполкоме Коминтерна было образовано четыре высших учебных заведения — комвуза.

В ноябре 1921 года для коммунистов из стран Ближнего Востока был создан Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ). Он находился в Москве. КУТВ был образован по постановлению ВЦИК для подготовки партийных и советских кадров для республик советского Востока. Он имел свои отделения в Ташкенте, Баку и Иркутске. В 1922 году в этом университете был образован зарубежный сектор. В 1936 году на базе этого сектора был создан научно-исследовательский институт национальных и колониальных проблем (1936—1938 гг.), который занимался исследовательской работой, готовил аналитические материалы для ИККИ, имел учебное отделение, научные кабинеты: арабский, африканский, персидский, индийский, турецкий, японский и ряд других. В 1927—1937 гг. КУТВ издавал журнал «Революционный Восток».

28 ноября 1921 года декретом СНК РСФСР был создан Коммунистический университет национальных меньшинств Запада им. Ю. Мархлевского — КУНМЗ (1921—1937 гг.) для подготовки партийных и советских работников из представителей национальностей западного региона РСФСР — СССР. Он был расположен в Москве. В нем обучались также студенты, присланные

* РЦХИДНИ. Ф. 495, оп. 2, д. 6а.

зарубежными компартиями. В КУНМЗ были: белорусский, болгарский, греческий, венгерский, итальянский, еврейский, литовский, латвийский, немецкий, польский, румынский, молдавский, эстонский, скандинавский, финский и югославский секторы. Этот университет имел отделение в Ленинграде. Структура КУНМЗ строилась по языковому принципу.

В ноябре 1925 года в Москве с целью подготовки кадров для Компартии Китая был создан Коммунистический университет трудящихся китайцев имени Сунь Ятсена — КУТК (1925—1930 гг.). В нем учились члены Китайской компартии и комсомола из числа политэмигрантов, находящихся в СССР. Их готовили для последующей работы в Китае. Позднее в 1928 году в составе КУТК начал действовать научно-исследовательский институт по Китаю, созданный для изучения революционного движения в Китае.

В 1926 году была создана Международная ленинская школа (МЛШ). Она была образована при Исполкоме Коминтерна и являлась, как и все национальные компартии, секцией Коммунистического Интернационала и действовала до 1938 года.

Сначала она создавалась как международные ленинские курсы для подготовки партработников зарубежных компартий при институте Маркса—Энгельса—Ленина (ИМЭЛ). Но вскоре после создания эти курсы получили новое название — МЛШ. Она располагалась в центре Москвы по ул. Поворской (ранее ул. Воровского) в доме 26. А курсанты размещались в общежитии по Гоголевскому бульвару в доме 7, а затем в 1936 году оно было переведено на Ленинский проспект (в прошлом Калужское шоссе) в дом, где ныне располагается ВЦСПС.

В МЛШ обучались активисты национальных компартий, уже накопившие опыт практической работы, но лишенные возможности учиться по настоящему. Школа делилась на несколько секторов по языковому принципу. Особенно значительным по количеству слушателей и уровню их подготовки был немецкий сектор, в котором занимались представители Германии, Австрии, Люксембурга и Скандинавских стран. Обучались там и перспективные кадры из ВКП(б), направленные по путевкам ЦК. Преподавали там специалисты русской партии большевиков, среди которых были М. Покровский, Н. Бухарин, О. Пятницкий, В. Кнорин и целый ряд других. С докладами выступали там и высшие руководители ВКП(б).

Первым ректором МЛШ был Бухарин, который в 1926 году сменил Зиновьева в руководстве Коминтерна. После отстране-

ния Бухарина от коминтерновской работы, в 1928 году, ректором МЛШ стала жена Е. Ярославского — К. Кирсанова, бывшая при Бухарине проректором. Ректор руководил работой МЛШ вместе с правлением, в которое входили О. Пятницкий, В. Кнорин, В. Пик, Ван Мин, П. Тольятти и С. Гопнер.

Все эти учебные заведения, как и МЛШ, были расположены в Москве.

В МЛШ в свое время обучались такие товарищи, как: Эрих Хонеккер — в будущем Генеральный секретарь ЦК СЕПГ, Гейнц Гофман — министр обороны ГДР, Эрих Мильке — министр Госбезопасности ГДР, Вальдемар Фернер — адмирал, командующий ВМС ГДР, Фред Эльснер — зам. председателя Совета министров ГДР, Пауль Вандель — вице-президент лиги дружбы народов ГДР и ряд других ответственных работников, и это не только по Германии. МЛШ готовила ответственные кадры для многих стран, в том числе и для ВКП(б).

Кроме того, нельзя не упомянуть и тот факт, что в пригороде Берлина Фихтенау функционировала центральная партийная школа германской компартии им. Розы Люксембург. В ней часто выступали и оказывали практическую помощь ответственные работники Коминтерна.

В октябре 1928 года Политбюро ЦК ВКП(б) разрешило Исполкому Коминтерна ввести в учебную программу МЛШ ряд новых военных дисциплин, а также открыть краткосрочные инструкторские курсы: для поляков со сроком обучения 9 месяцев в составе 30 слушателей и для немцев — 5-месячные курсы в составе 50 слушателей, подготовить специальную группу для компартий Англии и США, а также ввести военные дисциплины на уже существующих 6-месячных курсах для Коммунистического интернационала молодежи (КИМа)*.

Финансировались эти учебные заведения из бюджета Коминтерна. До конца 1931 года они находились в ведении Орготдела ИККИ, для чего там был создан специальный сектор. А после реорганизации кадровых служб Исполкома перешли в ведение Отдела кадров ИККИ, но оперативный контроль за их деятельностью оставался за Орготделом — Отделом партийного строительства.

В этих учебных заведениях одновременно обучалось около трех тысяч слушателей. Курс обучения включал в себя наряду с общеобразовательными и специальные предметы: историю своих партий и партии большевиков, историю мирового рабочего и

* РЦХИДНИ. Ф. 17, оп. 162, д. 7.

коммунистического движения, занятия по военному делу, конспирации, спецтактике и партийному строительству.

В июле 1932 года Политкомиссия Политсекретариата ИККИ, рассматривая итоги работы коминтерновских комвузов, констатировала неудовлетворительный состав студентов в этих учебных заведениях по опыту партийной работы, партийному стажу и социальному положению, недостаточное внимание, которое уделяют национальные компартии к подбору кандидатов, в частности, в КУТВ, и слабую постановку практических занятий студентов в Коминтерне, Профинтерне и КИМе. Особенно подчеркивалось «чрезвычайно неудовлетворительное положение с конспирацией».

Каждый представитель Коминтерна, направляемый на работу за рубеж, должен был подписать официальное обязательство, приведенное ниже дословно:

Обязательство*

В связи с настоящей своей поездкой я обязуюсь:

1. Категорически отрицать мою какую бы то ни было связь с Коминтерном.

2. Категорически отрицать, что я прибыл из СССР.

3. Ни в коем случае не иметь при себе ничего, могущего в какой бы ни было степени доказывать мое отношение к Коминтерну и пребывание на территории СССР.

4. Ни в коем случае, ни при каких обстоятельствах не вступать в связь с советскими людьми и не обращаться в советские учреждения за границей.

5. Ни в коем случае не вести никакой корреспонденции с кем бы то ни было из находящихся на территории СССР.

6. Семье и руководству своей партийной организации (если я член ВКП(б)) сказать, что мобилизован своей партией для работы в стране. Ни в коем случае не указывать, куда отправляешься и не условливаться об адресах за границей.

7. Мне известно, что никаких конкретных заданий о какой бы то ни было политической работе мне не дано.

8. По прибытии на территорию _____ я обязуюсь явиться в полное распоряжение ЦК партии как доброволец, обязанный выполнять беспрекословно любое поручение, и обязуюсь в рядах действующей армии оставаться на посту до тех пор, пока не буду отозван.

* РЦХИДНИ. Ф. 495, оп. 252, ед. хр. 6904, л. 20.

9. Я обязуюсь быть примерным бойцом, подчиняющимся военной дисциплине, образцом пролетарской скромности, не пользующимся никакими привилегиями и преимуществами, относиться с величайшим уважением к соратникам по борьбе, не позволяя себе никакого, ни малейшего акта, могущего задеть национальное достоинство других бойцов.

Мне известно, что за нарушение этого обязательства я поставлю себя вне рядов Коминтерна.

Дата

Подпись

Подобные обязательства давал каждый коммунист, откомандированный на работу за рубеж по линии и по заданию Коминтерна.

При военном секторе Орготдела ИККИ функционировал ряд специальных военных учебных заведений. Одно из них центральное, военно-политическое, имело несколько отделений, расположенных в разных местах. Его центральное отделение располагалось под Москвой, в окрестностях поселка Баковка, а некоторые филиалы в центре Москвы, по нескольким адресам, например недалеко от теперешней станции метро «Новокузнецкая» и на улице Карла Маркса и в некоторых других местах.

Руководителями ее в разное время были Тууре Лехен, бывший инструктор при военном отделе Компартии Германии и немец Вильгельм Цейссер, в дальнейшем участник войны в Испании. Многие советские военные разведчики так или иначе были причастны к работе этой школы. Среди них можно назвать Михаила Чхеидзе, участника болгарских событий 1925 года, а затем нашего военного советника в Китае — знаменитого Хаджи Мансурова, также прославившегося чуть позже на полях гражданской войны в Испании.

Позже, в 1933—1934 годах, руководителем военной школы Коминтерна стал польский коммунист Кароль Сверчевский, работавший под псевдонимом Вальтер, в дальнейшем командующий 2-й армией войска польского.

Некоторые руководители Коминтерна, посвященные в ее существование, называли ее «партизанской академией».

Эта школа готовила специалистов для будущих революционных армий капиталистических стран и военные кадры для национальных компартий, командиров партизанских соединений, командующих армиями вплоть до руководителей партизанских сил в масштабе отдельных стран. В программе подготовки учи-

тывались знания и опыт слушателей и обстановка, в которой им придется действовать.

Курсантов обучали военному делу, тактике партизанской борьбы и уличных боев. Они должны были досконально знать вооружение, применяемое в армиях своих стран, уметь пользоваться и изготавливать взрывчатые вещества из легкодоступных материалов.

Срок обучения различных групп курсантов длился от восьми месяцев до года. Надо было освоиться, набраться сил, ибо многие курсанты попадали в эту школу прямо из зарубежных тюрем.

Многие из тех, кто закончил эту школу, впоследствии отличились в Испании, Югославии, Польше, Китае и Вьетнаме.

Преподавали там советские и иностранные специалисты. Один из них — капитан РККА Илья Григорьевич Старинов — был лучшим специалистом подрывного дела в Красной Армии. Он читал курс подрывного дела и взрывчатых веществ. Его я знаю хорошо. В 1942 году, обучаясь в диверсионной школе № 005 Центрального штаба партизанского движения, я постигал науку взрывного дела по его программе, а после войны познакомился с ним лично.

Узнав, что я сын его бывшего шефа, Старинов поведал мне многое из того, что я рассказываю сейчас.

В советское время в нашей стране вышла книга известного писателя В. Кардина «Сколько делятся полвека?», посвященная замечательному человеку — Каролу Сверчевскому. Я позволю себе привести отрывок из нее с описанием того, как Кароль Сверчевский (Карл Карлович Вальтер) попал в поле зрения Пятницкого и был назначен руководителем «партизанской академии» Коминтерна.

«Особняков таких — частью переоборудованных в общежития, частью приспособленных под учреждения — в Москве 20—30-х годов оставалось немало. Тот, что вблизи Клементовского собора, укрылся за глухой оградой, над которой свешивались густые кроны лип, за железными двустворчатыми воротами и калиткой с узкой щелью глазка. Калитка открывалась редко, ворота — еще реже.

За зеленым забором, в глубине двора с акациями и липами, обосновалась одна из коминтерновских школ.

VI Конгресс Коминтерна утвердил инструкцию по борьбе против войны, определив задачи коммунистов при нападении на

СССР. II Пленум ЦК Компартии Польши (1931 год) принял постановление о позиции партии на случай войны Польши и СССР. В подготовке его участвовал Стефан Жбиковский, в прошлом организатор Красного варшавского полка, затем Западной стрелковой дивизии.

Когда Коминтерну понадобились люди надежные, имеющие организаторский опыт, владеющие иностранными языками и не распускающие собственный язык, Жбиковский назвал Пятницкому фамилию Сверчевского. Слышал от советских товарищей, сам два раза беседовал. Пятницкий взял Сверчевского за заметку. Спешка — не в правилах секретаря Исполкома Коминтерна, ведавшего организационно-технической стороной сложного механизма.

Перед встречей Пятницкий пролистал анкеты и характеристики Сверчевского — за годы армии их немало накопилось в голубой папке. Но он не хотел составлять мнение по бумагам.

Фамилию Пятницкого Сверчевский помнил еще с академии, прочитав «Записки большевика». Он увлекался тогда воспоминаниями революционеров, всего более восхищаясь людьми пусть не шибко образованными и гладко пишущими, но отважно, без лишних разговоров идущими на риск. Потому и сохранил в памяти имя автора «Записок большевика».

При свидании обнаружили совпадения, незначительные, однако породившие взаимную приязнь.

Увидев Сверчевского, Пятницкий рассмеялся:

— Вы, дорогой товарищ, по линии лысины меня догнали.

Обратил внимание на ладно сидящий френч:

— Не от Журкевича? У меня не праздное любопытство, чисто профессиональное.

Сверчевский объяснил: френч подогнал собственноручно, не выносит плохо сшитой одежды.

Пятницкий, дамский портной по давней специальности, похвалил работу. Когда принесли чай, заметил, что Сверчевский положил четыре ложечки сахара.

— Впервые вижу мужчину, у которого норма, как у меня. Люблю, грешный, сладкое. Вот результат.

Он отодвинул кресло, похлопал себя по животу.

— Вам, Карл Карлович, как будто не угрожает.

— Не поручусь. Пока верховая езда, гимнастика, держусь в норме. Привяжут к канцелярскому столу, — попаду в другую весовую категорию.

Последняя фраза произносилась не без умысла. Карла не ставили в известность о цели вызова в Москву, к Пятницкому. Он не спрашивал, строил разные предположения и подпустил насчет канцелярского стола. Пятницкий разгадал нехитрый ход.

— Полагаю, канцелярский стол вам не грозит.

Желая перевести разговор в другое русло, спросил, не забыли ли Сверчевский польский. Сам он в детстве неплохо умел «му-вич»; в Вилькомире, откуда родом, жило много поляков, высился громадный костел.

Легкий разговор, необязательный; того коснулись, другого. Но Сверчевский безошибочно чувствовал: Пятницкий его прощупывает, неотступно остер взгляд из-под лохматых седеющих бровей. Стул Карла стоял против окна, свет падал на лицо, и Пятницкий использовал это, пристально глядя на собеседника.

Сверчевский свыкся с тем, что героям не всегда сопутствует орлиная повадка. Грузный, с вислыми сивыми усами Пятницкий не совпадал с легендарным Фрейтагом (он же Покемунский, он же Хигрин, он же Михаил, он же князь Сандирадзе), каким вообразал себе слушатель академии автора «Записок большевика».

В результате встречи свершился крутой поворот в судьбе Сверчевского. Настолько крутой — даже фамилия обновилась: Вальтер...

Время от времени Вальтера вызывал Пятницкий, чаще — его помощник Васильев. Требовалась какая-нибудь справка о Польше.

Неожиданно Васильев полюбопытствовал, понимает ли Вальтер по-китайски.

— Жаль. Приходилось иметь дело с китайцами?

Да, вспомнил Сверчевский, в его батальоне когда-то была рота китайцев.

Пятницкого подобная подготовка не удовлетворила. Он продиктовал список книг. Объяснил обстановку, напомнил об измене Чан Кайши, поражении революции 1925—1927 годов.

— В Китае, в Азии зреют новые взрывы.

Вывод: необходимо помочь китайским товарищам.

Выполняя это поручение, Вальтер попал в особняк около Клементовского собора. Кроме него, обучение в немногочисленной китайской группе вели командир Красной Армии Захаров и немецкий коммунист Тадер...

С первых встреч в доме на Моховой, с первых поручений Сверчевский догадывался: не ради китайской группы он откомандирован в распоряжение Коминтерна. Все настоятельнее спрашива-

ли, изучает ли историю польского рабочего движения, обстановку в стране, все чаще бывал он в доме, где звучала родная речь и не стихали споры...

Сверчевский курил, ждал, пока улягут страсти, задавал свои чисто практические вопросы. Их было предостаточно. Ему поручено наладить учебу в коминтерновской школе польских коммунистов.

Этому поручению предшествовала новая встреча с Пятницким. Разговор, как и в первый раз, касался профессий, специальностей.

— Когда революция первейшее дело жизни, человеку не однажды доводится менять род деятельности, — неспешно рассуждал Пятницкий.

— Я — кадровый командир, — счел уместным напомнить Сверчевский.

— Знаю, знаю, — улыбаясь, подтвердил Пятницкий. — Где, однако, сказано, будто эта — последняя ваша профессия? Армейская школа — не только «ать-два». А воспитание, обучение, цементирование бойцов, их сплочение воедино?

Сцепляя на столе пальцы, Пятницкий как бы изобразил сплочение и цементирование.

— Но я...

Разомкнув пальцы и выставив вперед ладони, Пятницкий прервал собеседника:

— Нам дорог ваш опыт командира РККА. Но мы намерены его использовать не в армейской плоскости...

Секретарь Исполкома Коминтерна говорил об умении работать с людьми разных национальностей, о налаживании всесторонней учебы. («Да, да, всесторонней; революционер обязан быть подлинно образованным человеком».) Надо также помнить: одни из будущих курсантов посещали буржуазные школы, гимназии, кончали буржуазные университеты, другие проходили курс тюремного самообразования. Во всех случаях этого недостаточно. Предстоит восполнять пробелы, расширять марксистский кругозор.

— И еще: в здоровом теле — здоровый дух. Вот, Карл Карлович, извольте обеспечить крепость духа и крепость тела. Надо подготовить наших зарубежных товарищей к любым испытаниям. Любым. Дать зарядку на годы...»

Так Кароль Сверчевский (Вальтер) был назначен руководителем военно-политической школой Коминтерна.

Вальтер был человеком строгим, взыскательным, наказывал курсантов за малейшие нарушения правил конспирации. Так, парню, бросившему письмо с польским адресом, закатил выговор и добился, чтобы письмо перехватили. Но при этом был человеком увлеченным и очень работоспособным, умело держал в руках сложное хозяйство школы. В жизни был аскетом. Кабинет его был очень скромен. Сам он в общении с преподавателями и курсантами был прост и одинаково внимателен.

Когда последовало решение расширить школу, включить в нее немецкую, испанскую группы, а в дальнейшем и другие, Вальтер связался с испанскими коммунистами-эмигрантами, принялся за испанский язык, за историю послевоенной Германии...

В одном из московских филиалов школы проходили обучение и такие деятели Коммунистического Интернационала, как Вильгельм Пик, Пальмиро Тольятти (Эрколли), Морис Торез, Александр Завадский, Мате Залка и ряд других руководителей зарубежных компартий.

Некоторые занятия поначалу шли через переводчика. Но миновало два-три месяца, и он становился ненужным. Основные предметы вели по-польски, по-французски, по-испански — Вальтер, большинство политических — знавший также немецкий Станислав Будзинский.

Приезжали с лекциями Тельман, Эрколли (Тольятти), Гэккерт, Кнорин, Мануильский, Тито; из польских деятелей — Ленский, Прухняк.

По выходным дням наша семья выезжала за город. Это была единственная возможность встретиться всем вместе. Обычно мы выезжали в подмосковный дом отдыха «Нагорное». Но и такие дни отец пытался использовать на пользу дела.

Обычно его встречал начальник школы Вальтер, один или кем-нибудь из своих заместителей. Мы проходили в кабинет начальника школы. Иногда там ожидали отца начальник Орготдела Б. Васильев, М. Тухачевский, В. Блюхер, А. Артузов. Их я уже знал, так как встречал в разных местах, и даже в кабинете отца на Моховой. Тухачевский жил в одном доме с нами, в соседнем подъезде. Да и мама мне часто и много рассказывала о нем, как о друге детства и своем бывшем командаре.

В. Блюхера я встречал в Барвихе, загородном санатории Санупра Кремля, который являлся филиалом Кремлевской больницы. Бывал в этом пункте и Ян Карлович Берзин, начальник Разведупра РККА. Об этом я узнал позже, когда на официальном

фото Я.К. Берзина узнал известного мне Павла Ивановича, дядю Пашу. Иногда он был в военной форме, иногда — в штатском костюме.

Сначала взрослые обменивались приветствиями и, немного пообщавшись, обычно отправляли меня гулять под присмотром кого-нибудь из курсантов школы. Многие из них были рады поиграть с малышом. Ведь они надолго были оторваны от дома и, конечно, очень скучали.

Я хорошо помню трех из них. Одним был негр по имени Джон, другой — испанец по имени Антонио, а третий — немец по имени Эрвин. С ним судьба свела меня вновь несколько позже в другой обстановке во время Великой Отечественной войны. Говорили они каждый на своем языке и очень немного — по-русски, но у каждого из них был свой особый акцент. И хотя русские слова они перемежали совершенно мне непонятными, мы все же находили общий язык.

Эти мои добровольные опекуны водили меня в тир и показывали, как стрелять из нагана, браунинга и маузера. Кто-нибудь из них брал мою руку в свою и, держа ее вместе с пистолетом или револьвером, стрелял. Они называли меня «обстрелянным малышом», и я очень гордился этим.

Испанец Антонио познакомил меня с лошадьми. Он сажал меня в седло, брал лошадь под уздцы и возил вдоль ограды. Вся территория этой школы, или, как все ее называли, пункта, была огорожена высоким двойным забором, окрашенным в зеленый цвет. Говорили, что на ночь между заборами спускали сторожевых собак.

Иногда мы ездили в подмосковный поселок Пушкино на базу радиосвязи ОМСа. Там бывали и другие люди — руководитель ОМСа А. Абрамов-Миров, иногда В. Пик, Б. Кун, В. Кнорин, Д. Мануильский, С. Гусев и другие люди, которых я раньше встречал в коридорах коминтерновского здания на Моховой, но кто они были — я не знаю до сих пор. Как обычно, взрослые совещались, а я под опекой жены Абрамова-Мирова Елены или кого-нибудь из курсантов коротал время, как получалось.

Вспоминали обо мне только на время обеда или когда уже надо было возвращаться...

Подводя итог сказанному выше, можно с уверенностью сказать, что Орготдел ИККИ, как, впрочем, и все другие подразделения Коминтерна, целенаправленно работали на воплощение идей мировой пролетарской революции.

**Информационный
(информационно-статистический)
отдел ИККИ**

Этот отдел был создан в январе 1920 года как Информационный. Его функции были определены после II Конгресса Коминтерна. Первоначально в его задачи входило изучение и сбор материалов о деятельности социалистических и коммунистических партий и профсоюзов и их отношении к Коминтерну, обслуживание редакции журнала «Коммунистический Интернационал» и выполнение отдельных специальных заданий. Значительная часть отдела находилась в Петрограде, под рукой у Председателя ИККИ Г. Зиновьева.

К концу 1922 года он состоял из четырех подотделов: газетного, справочного, библиотечного и литературного — и семи секций: германской, французской, итальянской, балканской, скандинавской, статистической и международной*.

Структура отдела постоянно совершенствовалась и в связи с этим видоизменялась.

После IV Конгресса Коминтерна (декабрь 1922 г.) отдел был реорганизован, большая его часть была сосредоточена в Москве, и его штаты значительно сокращаются. Изменяется и его название. Он стал именоваться Информационно-статистическим. Конгресс сформулировал и основные задачи отдела:

1. Информация Исполкома и его органов о положении в различных странах и о деятельности там национальных компартий.
2. Информация национальных компартий о деятельности Исполкома Коминтерна и братских компартий.
3. Освещение тактических проблем коммунистического движения.

В отделе изучались газеты и журналы всех направлений и делались необходимые выписки, которые затем в сжатом виде издавались в специальном бюллетене с грифом «Не подлежит оглашению».

Я помню эти бюллетени, изданные форматом А-4 на ротаторе. Меня привлекала крупная надпись красного цвета на каждом листе — «Не подлежит оглашению». Дома на столе в отцовском

* РЦХИДНИ. Ф. 495, оп. 18, д. 143.

кабинете лежали пачки этих бюллетеней. Меня поражала напечатанная в них чушь, например, под заголовком «Ворошилов идет на Кремль». Затем следовало изложение сути дела. А в конце сообщения делалась ссылка на источник, из которого делалась эта перепечатка. Когда я спросил у отца: «Правда ли это?» — он усмехнулся и объяснил мне, мальчишке, что «это конечно вранье и ты сам это прекрасно видишь. Ведь живешь недалеко от Кремля». «Просто, — сказал мне отец, — так капиталисты дурачат свой народ».

Этот отдел подготавливал для Исполкома специальные справки по конкретным вопросам экономики, по международной политике и развитию рабочего и коммунистического движения в различных странах.

Основные задачи остались прежними. Но главное заключалось в подготовке еженедельных информационных докладов руководству Исполкома по основным политическим событиям, происходящим в мире, деятельности Коминтерна и национальных компартий в разных странах.

5 января 1923 года Оргбюро ИККИ вынесло решение, обязывающее каждую национальную компартию выделить «одного ответственного товарища для ведения организационно-статистической работы».

В январе 1924 года отдел вновь был реорганизован и ему было возвращено прежнее название — Информационный отдел.

Конгресс посчитал, что работа ИККИ и его отделов затрудняется из-за отсутствия достоверной информации о положении в разных странах и в компартиях этих стран, а также недостаточной проработки поступающих материалов. Поэтому в штат отдела была введена группа референтов, которыми стали заместители референтов Исполкома Коминтерна по странам и регионам. Это значительно улучшило взаимодействие отдела со всеми службами Исполкома и референтами ИККИ, которые занимались делами национальных компартий по регионам.

Летом 1925 года в Информационном отделе был создан специальный сектор по борьбе со II (Социалистическим) Интернационалом.

Основной работой отдела по-прежнему оставалось составление кратких сообщений по актуальным проблемам, стоявшим перед национальными компартиями. Эта работа протекала в тесном контакте с Лендерсекретариатами. Кроме того, составлялись подробные отчеты, посвященные крупным экономическим, по-

литическим и партийно-тактическим проблемам отдельных стран. Эти отчеты передавались руководству ИККИ и в зависимости от степени их важности пересылались и руководству национальных компартий.

С 1925 года отдел начал выпускать Информационный бюллетень на русском, английском, французском, немецком языках. Он содержал три раздела: отчет о работе Исполкома, отчеты о деятельности национальных компартий и освещение тактических проблем коммунистического движения. Этот бюллетень выпускался два раза в месяц. Отдел также готовил информационные письма Секретариата ИККИ о деятельности Исполкома для национальных компартий и справочник «Факты» («Die Tatsachen»).

Руководителями Информационного отдела в разное время были: до 1922 года А. Штирнер, после него до апреля 1926 года Юзеф Погань (Джон Пеппер), а его заместителем стал А. Штирнер, затем Жюль Эмбер-Дро, после него С. Гусев, а его на этом посту сменил П. Шубин.

Куратором Информационного отдела формально числился О. Куусинен. Но тактические вопросы коммунистического движения вообще и в каждой отдельной компартии в частности замыкались на О. Пятницкого.

19 августа 1929 года решением Политсекретариата ИККИ Информационный отдел был ликвидирован. Его функции были переданы частично Орготделу и Агитпропу, но в основном Лендерсекретариатам*.

Специальный отдел ИККИ

Об этом отделе я вообще не нашел никаких сведений. Известно только, что он занимался выявлением шпионов и провокаторов в рядах национальных компартий и проверкой политической благонадежности работников аппарата Исполкома. Он осуществлял также проверку руководящих работников национальных компартий и перепроверку их через специальные советские органы. Там работали работники контрразведки ОГПУ и особо доверенные работники братских компартий.

Специальный отдел ИККИ был тесно связан с отделом контрразведки ОГПУ, которым руководил Артур Христианович Арту-

* РЦХИДНИ. Ф. 495, оп. 18, д. 143; Ф. 495, оп. 26, д. 6; Ф. 495, оп. 2, д. 55; Ф. 495, оп. 78, д. 3; Ф. 495, оп. 33, д. 17.

зов. Его работа часто пересекалась с деятельностью ОМСа, Орготдела и Узкой комиссии Политкомиссии Политсекретариата ИККИ. Нередко между КРО ОГПУ и Исполкомом Коминтерна возникали разногласия по оценкам того или иного функционера-иностранца. Тогда в спор обычно включались начальник КРО ОГПУ и заведующие Орготделом Б. Васильев или Отделом международной связи А. Абрамов-Миров, а в особо трудных случаях и сам оргсекретарь ИККИ О. Пятницкий.

Я часто был свидетелем встреч отца с А.Х. Артузовым и в Барвихе — загородном филиале Кремлевской больницы, когда отец лежал там, но чаще в военно-нелегальной школе Коминтерна, в Баковке. Там в уединении они обсуждали возникшие проблемы.

Служба контрразведки ОГПУ в области кадров курировала Специальный отдел, а затем Отдел кадров ИККИ.

Считаю необходимым рассказать немного об А.Х. Артузове, так как он тоже был очень близким Пятницкому человеком.

АРТУЗОВ (Фраучи) Артур Христианович родился в 1891 году в селе Устиново Кашинского уезда Тверской губернии в семье итальянского сыродела, переселившегося в Россию. Большевик с 1917 года. Окончил Петербургский Политехнический институт. С декабря 1918 года на работе в ВЧК. С мая 1919 года — зам. начальника Особого отдела ВЧК. В 1922—1927 годы — начальник контрразведывательного отдела (КРО) ВЧК—ГПУ—ОГПУ. В 1927—1931 годы — помощник начальника Секретно-оперативного управления ОГПУ. С августа 1931 по 1935 год — начальник внешней разведки (ИНО) ОГПУ—НКВД, одновременно зам. начальника Разведупра Генштаба РККА. В 1937 году — начальник Особого отдела ГУГБ НКВД.

Принимал активное участие в ликвидации крупных белогвардейских, монархических и шпионских контрреволюционных организаций, действующих в СССР и за рубежом. Один из инициаторов и руководителей многих ответственных контрреволюционных операций («Грест», «Синдикат», поимка английского разведчика С. Рейли, Б. Савинкова и др.). С ноября 1935 года — корпусной комиссар. В 1921 году награжден орденом Красного Знамени. 13 мая 1937 года арестован органами НКВД и 21 августа того же года расстрелян.

Специальным отделом ИККИ до 1932 года руководил польский коммунист А. Краевский (В. Штейн), его заместителями были М. Черномордик и С. Сиротинский, а инструкторами — С. Бер-

ти, Чембровский, Добровольская, Ковальская, Жданович и Волынская.

В 1932 году, при очередной реорганизации аппарата ИККИ, Специальный отдел влился во вновь созданный Отдел кадров Исполкома Коминтерна.

Отдел кадров ИККИ

Большинство функционеров Коминтерна так или иначе в своей работе сталкивались со службами кадров ИККИ. Однако в изданных на Западе книгах бывших работников Коминтерна приводятся весьма отрывочные сведения об этих подразделениях Коминтерна.

В начале деятельности Коммунистического Интернационала вопросами формирования аппарата Исполкома Коминтерна занималось Управление делами ИККИ. В нем для этой цели существовал специальный сектор, именуемый в разное время Столом или Бюро личного состава. Он по заданию руководства ИККИ подбирал, согласовывал с руководством Исполкома и регистрировал кадры аппарата ИККИ. Такая система существовала вплоть до середины 20-х годов, пока ни в ЦК РКП(б), ни в Коминтерне не придавали особого значения тщательному подбору и изучению кадров. Поэтому такую работу выполняли уже существующие тогда оргструктуры.

С созданием специального Отдела международных связей (ОМСа) там создается подотдел кадров, который стал заниматься подбором, проверкой и регистрацией людей своей агентуры. Напомним, что ОМС был сугубо законспирированным подразделением внутри аппарата ИККИ и работники этого отдела были засекречены.

После образования Орготдела ИККИ и там был создан подотдел кадров, занимавшийся подбором, проверкой и регистрацией своих работников. Например, во время компании «большевизации» национальных компартий Орготдел вполне справился с кадровыми проблемами: подобрал инструкторов, организовал учебные заведения и спецшколы Коминтерна и т.д. Орготдел тоже выполнял ряд сугубо конспиративных заданий и поэтому был отчасти засекреченным подразделением. Этим и объясняется ведение собственного учета своих кадров.

Руководил этим подсектором кадров Я. Цируль. Он рассылал во все национальные секции требования предоставить ему пла-

ны подбора кадров и биографические данные партийных функционеров. Для облегчения этой задачи кадровая секция издала соответствующее пособие — «Руководство по составлению биографий лидеров партий и международных организаций». К этому руководству прилагался вопросник, содержащий, среди прочих, и такие пункты: «Участвовал ли в группах, фракциях и течениях внутри партии? Играл ли в них лидирующую роль? Опишите роль и позицию в различные периоды существования партии и во время внутрипартийных разногласий (детальное описание). Применялись ли партийные дисциплинарные взыскания: опишите, когда и за что. Исключался ли из партии или других революционных организаций, когда и за что?»

Все эти кадровые подразделения действовали одновременно и параллельно.

Но в аппарате Исполкома существовал еще один сугубо засекреченный отдел, носивший название Специальный, о котором я сообщил выше. Этот отдел совместно с Отделом контрразведки ОГПУ занимался проверкой всех работников аппарата Исполкома Коминтерна и руководящих работников национальных компартий, а также выявлением провокаторов и враждебной агентуры.

Позднее, особенно когда фракционная борьба внутри РКП(б) — ВКП(б) стала отражаться и на Коминтерне, задачи подбора и расстановки кадров очень быстро стали играть более важную роль. Поэтому, естественно, подобно тому, что в 1930 году в ЦК ВКП(б) был создан Отдел кадров, аналогичная структура появилась и в Исполкоме Коминтерна и в руководстве зарубежных компартий.

В конце 1931 года решением руководства ИККИ создается единый Отдел кадров Исполкома. Это было вызвано необходимостью упорядочения кадровой политики и усиления контроля за подбором и расстановкой руководящих работников в национальных компартиях и в аппарате ИККИ. При этом кадровые подразделения всех отделов Исполкома Коминтерна сливались воедино, образовав Отдел кадров ИККИ, который в свою очередь соединился с так называемым Специальным отделом.

Этим же решением объединенный Отдел кадров Исполкома был подчинен секретарю ИККИ Д. Мануильскому. Руководителем отдела был назначен А. Краевский, его заместителями Я. Цируль и М. М. Черномордик*.

* РЦХИДНИ. Ф. 495, оп. 4, д. 197, л. 11.

Основными функциями, возложенными на Отдел кадров, было изучение и проверка руководящих кадров национальных компартий, аппарата ИККИ и подконтрольных ему организаций (КИМ, Профинтерн, МОПР, Крестинтерн, Спортинтерн, издательства иностранных рабочих, учебные заведения и т.п.) и выявление провокаторов.

Отделу кадров было также поручено ведение персональных досье не только на работников аппарата ИККИ, но и на руководящих работников всех секций Коминтерна, на иностранных эмигрантов, живущих и работающих в СССР. Эти досье содержали подробные биографические данные, характеристики с места работы и другую подробную информацию, позволяющую судить о «лояльности» данного коммуниста.

Ядро Отдела кадров после перевода А. Краевского на другую работу составляли Черномордик, Цируль, Алиханов, Благоева, Лебедева — жена Мануильского. Это была тесная, сплоченная в быту и на работе группа, плотно облепившая Мануильского. К ней примыкали Разумова и Фрид. Эта группа, где командовали Алиханов и Черномордик, имела своих людей во всех звеньях аппарата ИККИ.

Забегая немного вперед, укажем, что руководство Отделом кадров подбирало также личных секретарей секретарям ИККИ. Так Г. Димитрову была рекомендована бывшая сотрудница ОК Благоева, через руки которой проходила вся секретная документация, адресованная ему и исходящая от него. М. Трилиссеру — Добровольская, Тольятти — муж и жена Петерман, Д. Мануильскому — Кокер-Гнедена, Флорину — Мост. А Г. Димитрову, после ареста Благоевой, была рекомендована Вальтер (она)*. Все указанные секретари в период с 1937 по 1938 год были арестованы.

С момента создания объединенного Отдела кадров отношения между Пятницким и Мануильским еще больше ожесточились. Все обычно начиналось ближайшим доверенным работником Мануильского — Черномордиком, который постоянно, по заданию своего шефа, интриговал с руководителями Орготдела С. Васильевым и ОМСа А. Абрамовым-Мировым. Часто споры между Отделом кадров и отделами, курируемыми Пятницким, доводились до Политкомиссии Политсекретариата ИККИ и решались в пользу интересов дела. А Мануильский злился, не скрывая этого от окружающих.

* Следственное дело М.А. Трилиссера-Москвина № Р-23635.

11 сентября 1931 года Постоянная комиссия Политсекретариата ИККИ приняла решение «О порядке приема и увольнения работников аппарата ИККИ». В нем устанавливались три категории работников:

1. Руководящие работники ИККИ. К этой категории относились представители национальных компартий при Исполкоме, руководители отделов и Лендерсекретариатов и их заместители, ответственные редакторы. Они назначались на должности и освобождались от них Политкомиссией Политсекретариата.
2. Политические работники: референты, переводчики, секретари отделов, руководители технических отделов и их заместители, практиканты. Они назначались на должности и освобождались от них Малой комиссией Политсекретариата.
3. Технические работники. Они назначались на должности и освобождались от них Штатной комиссией*.

13 февраля 1933 года Малая комиссия Политсекретариата приняла специальное постановление о подборе кадров для аппарата ИККИ. В нем, в частности, говорилось, что «в целях разгрузки Отдела кадров от технико-статистической работы, а также в интересах ликвидации обезлички в деле подбора технического персонала, его учебы и изучения аппарата — создать при Управлении делами ИККИ стол личного состава для оформления всех сотрудников, в том числе и ОМСа.

После проведенной реорганизации за Отделом кадров закрепили: подбор руководителей всех отделов по заданию Политкомиссии, подбор остальных политических и ответственных технических работников всех отделов и Лендерсекретариатов совместно с руководителями этих подразделений ИККИ.

Работники национальных компартий подбирались непосредственно руководством самих компартий, причем все кандидатуры предварительно проверялись Отделом кадров ИККИ и состояли на учете в столе учета Управления делами ИККИ.

Этим же решением Штатная комиссия ИККИ упразднялась.

Вызовы работников на временную или постоянную работу из национальных компартий производился исключительно Отделом кадров по постановлению Малой или Политической комиссии.

* РЦХИДНИ. Ф. 495, оп. 20, д. 764, л. 4.

Как правило, компартии заранее присылали материалы на направляемых работников и только после согласования их кандидатур с Отделом кадров ИККИ давалось согласие на направление данного работника на работу в Исполком Коминтерна*.

Отделу кадров передавались также все коминтерновские учебные заведения, кроме специальных. Последние оставались в непосредственном подчинении своих прежних хозяев ОМСа и Орготдела по принадлежности.

Выбор кандидатов в учебные заведения был очень избирателен. Ими заполнялась подробная анкета, которая тщательно изучалась.

При отборе абитуриентов интересовались буквально всей его подноготной: вопросами лингвистики, местом рождения, социальным статусом, вопросами секса. Таким образом, составлялась общая картина будущего ответственного политического работника.

Но и такой доскональный отбор не всегда определял его истинное лицо. Отобрать людей, глубоко преданных делу коммунизма, кому можно было вполне доверять, было нелегко. Люди, чем-либо не подходившие под эти требования, бесследно исчезали.

Заведовала сектором подготовки кадров в Отделе кадров ИККИ Серафима Гопнер.

Численность сотрудников Отдела кадров до 1936 года составляла 48 человек.

А общая численность сотрудников аппарата ИККИ постоянно изменялась**:

Так, в 1926 году она составляла 346 человек, учитывая и службу ОМСа; в 1927 году — 380 человек; в 1932 году — 365 человек, без службы ОМС; в 1933 году — 524 человека, из них — 175 человек политических деятелей, остальные — технический персонал.

Служба ОМС, издательские дела за границей, представители национальных компартий при ИККИ, которые не принадлежали аппарату Исполкома, составляли 800 человек***.

Следует отметить, что в период репрессий Отдел кадров ИККИ приобрел печальную славу за свою способность, используя собранные им документы, предоставить компромат практически на

* РЦХИДНИ. Ф. 495, оп. 2, д. 762, л. 4.

** РЦХИДНИ. Ф. 495, оп. 19, д. 65; оп. 46, д. 7 и 11; оп. 18, д. 945.

*** РЦХИДНИ. Ф. 495, оп. 18, д. 981.

любого живущего в СССР политэмигранта. Эти персональные досье составили политический базис для расследования, проводимого комиссией ИККИ и НКВД.

Следует отметить, что официально Отдел кадров как независимый орган как бы не существовал. Он не упоминается ни в одном из изданий Коминтерна. Приведу конкретный пример. На XIII Пленуме ИККИ, состоявшемся в декабре 1933 года, А. Краевский выступил с докладом в качестве руководителя Отдела кадров. Однако стенограмма его выступления имеется только в неопубликованных протоколах пленума.

С 1932 по июль 1936 года Отдел кадров возглавлялся уже упоминавшимся А. Краевским (член партии с 1904 г.), с июля по декабрь 1936 года — М.Б. Черномордиком (член партии с 1917 г.).

После ареста двух последних, с декабря 1936 по май 1937 года, начальником Отдела кадров был Г.С. Алиханов (член партии с 1914 г.). Он сыграл особую роль в развязанном в 1937 году терроре.

Весной 1937 года сотрудники аппарата ИККИ в свою очередь пишут доносы на Алиханова, после чего он также был арестован.

Управление делами ИККИ

На первый взгляд непонятно, какое отношение имеет Управление делами (УД) Исполкома Коминтерна к его конспиративной деятельности. Это не так, ибо на первой стадии становления Коминтерна и отработки организационной структуры его Исполкома до организации Бюджетной комиссии ИККИ финансовыми делами Коминтерна занималось УД ИККИ. Оно же на всем протяжении истории Коминтерна обеспечивало работу конгрессов Коминтерна, пленумов ИККИ, обустройство функционеров коммунистического движения, нелегально посещавших Москву по вызову ИККИ. А на поздней стадии, в 30-е годы, УД было поручено техническое обеспечение деятельности всех подразделений Исполкома, включая и ОМС, который раньше из-за своей сугубо конспиративной работы обеспечивал свою деятельность самостоятельно.

Все эти действия в большинстве своем выполнялись тайно от посторонних и были сугубо секретны. Поэтому деятельность Управления делами ИККИ входила в компетенцию оргсекретаря Исполкома

Управление делами ИККИ было образовано в первые дни формирования Исполкома.

26 марта 1919 года Малое бюро ИККИ назначило Г. Клингера управляющим делами Исполкома, а 3 июня 1920 года выделило ему помощником Я. Струяна.

На УД было возложено обеспечение деятельности аппарата ИККИ. Ему было поручено решение всех вопросов, связанных с материальными и финансовыми расходами Исполкома средств, получаемых от Советского правительства. Кроме того, через УД велась вся внутренняя переписка Исполкома по вопросам кадров, отправки и принятия людей, отправка донесений и получение литературы.

Нередки были случаи путаницы в финансовой отчетности. Это послужило основанием создания Финансовой комиссии и назначения О. Пятницкого казначеем ИККИ. С этого момента составление смет расходов и финансовые отчеты затрат, составление бюджета Исполкома перешли к Пятницкому.

УД было поручено заниматься внутренней работой Исполкома, ее хозяйственно-административным обеспечением.

Уже 18 августа 1919 года Управляющий делами ИККИ Г. Клингер докладывал на заседании Оргбюро ЦК РКП(б) «О расходах Коммунистического Интернационала» и было принято решение: «доклад о работе III Интернационала заслушать на Политбюро». В нем же указывалось о необходимости выделения финансовых средств на конкретные цели коминтерновской работы.

В августе 1920 года Густава Клингера на посту управляющего делами ИККИ сменил Давид Бейка. Решение об этом приняло Малое бюро ИККИ.

Работа УД в то сложное время, которое переживала страна, была весьма нелегкой. Она требовала напряжения сил и изворотливости.

О. Пятницкий появился в Коминтерне в конце марта 1921 года. Он привлек к работе в УД специально для контроля за хозяйственной деятельностью и финансовыми потоками, которые шли от Советского правительства на форсирование мировой революции, Софью Бричкину и Семена Итина. Их он знал еще по большевистскому подполью как верных соратников и честнейших людей, которым можно было доверять беспрекословно. С.А. Итина он сделал руководителем финансовой части.

До революции он работал старшим бухгалтером в различных коммерческих структурах, помогая в то же время большевикам-подпольщикам. Пятницкий не раз пользовался его услугами в финансовых вопросах, не однажды прятался на его квартире от

преследования царской охранки, теперь же поставил его на контроль за финансами Коминтерна. Ведь бюджет Коммунистического Интернационала, кроме структур ОМСа, находился в руках УД ИККИ.

С.И. Бричкину Пятницкий знал с 1905 года. Она была его помощником по распространению «Искры» и другой большевистской литературы.

О. Пятницкий появился в Коминтерне в то время, когда шла подготовка к III Конгрессу Коминтерна. Ему сходу пришлось окунуться в организационную подготовку предстоящего Конгресса. Конечно, этим занималось немало народа, но кому-то надо было быть во главе этого муравейника, контролировать и направлять их деятельность.

Так уж сложились обстоятельства, что Пятницкому пришлось подчинить себе УД, так как организационно-хозяйственная подготовка Конгресса была возложена на это подразделение, и наложить руку на контроль за финансами Коминтерна. Там требовался хозяин всего этого сложного хозяйства, и руководство Коминтерна и ЦК РКП(б) остановили свой выбор на нем.

Что такое организационно-техническая подготовка проведения таких мероприятий, как конгрессы Коминтерна или расширенные пленумы ИККИ? Примерную схему подготовки их работы я привожу ниже.

В Москву постоянно прибывали массы народа из зарубежья. Приезжали представители молодых национальных компартий с желанием ознакомиться с новой всемирной коммунистической организацией. Прибывали делегаты зарубежных компартий на проводимые в Москве конгрессы, пленумы Исполкома и различные совещания.

Они прибывали в разное время и добирались до Москвы разными путями. Их прибытие надо было обеспечить документами, деньгами, маршрутами. Их необходимо было встретить, позаботиться об их размещении, питании, здоровье.

Делегаты, прибывающие на такие мероприятия, представляли из себя разноязычную публику, необходимо было обеспечить возможность их общения между собой и решить множество вопросов, которые надо было предусмотреть заранее и обеспечить безусловное исполнение.

Работой Конгресса руководил Президиум, который избирался делегатами из наиболее авторитетных представителей национальных компартий, прибывших на Конгресс. Составлялся сеньёрен —

конвент из старейших делегатов. Эти два органа выделяли из своего состава Секретариат Конгресса, работой которого руководило Бюро секретариата. В руках Бюро находились все рычаги управления организационной частью подготовки и работы Конгресса.

Бюро Секретариата Конгресса объединяло вокруг себя и руководило:

- работой секретариатов прибывших на Конгресс делегаций национальных компартий, например немецкой, французской, английской, китайской, русской и т.п.;
- работой различных комиссий, всегда мандатной, где проверялись полномочия делегатов и в зависимости от повестки дня: политической, программной, уставной, военной, нелегальной и по партиям: по делам ВКП(б), китайской, немецкой, чехословацкой и т.д. компартий;
- работой административно-хозяйственной части, которая занималась обслуживанием прибывших делегатов. В обязанности этого подразделения входили вопросы размещения делегатов, гостиничное, медицинское, транспортное обслуживание, питание, финансовое обеспечение;
- работой аппарата устных синхронных переводов, отделом печати, в обязанность которого входили письменные переводы, стенографистки, ведение протокола Конгресса, выпуск бюллетеней о работе Конгресса, информация для печати;
- работой канцелярии Конгресса, в которую входили общая и секретная экспедиция, бюро связи, телеграф, архив Конгресса, картотека и справочное бюро.

За каждым из разделов этой работы стоял ответственный исполнитель и соответствующий аппарат сотрудников. Информация о работе каждого из этих подразделений сходилась в Бюро секретариата Конгресса и через него к Осипу Пятницкому, который постоянно держал руку на пульсе работы конгрессов и пленумов ИККИ, особенно расширенных пленумов Исполкома*.

24 июля 1921 года по представлению Пятницкого Малое бюро ИККИ назначило новым управляющим делами С. Моисеева, придав ему заместителей С.И. Бричкину, свою помощницу по работе в большевистском подполье, и А. Абрамовича. А руководителем финансового отдела УД — своего соратника по работе

* РЦХИДНИ. Ф. 495, оп. 18, д. 434.

в подполье С.А. Итина. Тем самым обеспечив в этом подразделении свой личный контроль.

К лету 1922 года в аппарате Исполкома усилилась организационная неразбериха, так как в это время действовали две организационно-хозяйственные структуры: Управление делами и Секретариат ИККИ. В связи с этим УД обратилось с письмом в ЦК РКП(б) и Совнарком России с просьбой разобраться с этим вопросом.

В результате последовало решение Президиума ИККИ об упразднении должности управляющего делами и введении вместо него должности организационного секретаря. Им был назначен А. Минкин.

В Управление делами (УД) Коминтерна входили следующие подразделения:

- Бюро личного состава;
- Финансовая часть;
- Строительный сектор;
- Хозяйственный отдел.

Хозяйственный отдел распоряжался общежитиями Коминтерна, под которые были переоборудованы бывшая гостиница «Дрезден», с января 1923 года переименованная в гостиницу «Люкс», и гостиница «Малый Париж», превращенные в закрытые общежития.

При гостинице «Люкс» был ресторан, обслуживающий сотрудников Коминтерна, КИМа и Профинтерна, закрытый распределитель, диетическая столовая для тех сотрудников, которые нуждались в спецпитании, а также сапожная и пошивочная мастерские и парикмахерская.

Размещение в гостинице осуществлялось по направлениям Секретариата ИККИ. Оплата проживания в гостинице производилась наличными, отдельно за каждую единицу мебели. Повреждение инвентаря оплачивалось отдельно. В каждой комнате разрешалось иметь две лампочки по 16 свечей каждая, одна под потолком, другая на письменном столе. За пользование электронагревателями, электрочайниками оплата осуществлялась отдельно.

При хозяйственном отделе существовали дом отдыха в Кунцево на 30 человек и несколько дач, а также детский сад и детская колония на 75 детей. Она находилась за городом по дороге

на Иваново. Там под присмотром квалифицированных учителей и воспитателей содержались дети сотрудников, находящихся в спецкомандировках и в зарубежных тюрьмах. Хозотдел имел и свой совхоз.

Контроль за деятельностью гостиницы «Люкс» осуществлял Секретариат Иностранной контрольной комиссии (ИКК)*.

К 1922 году штаты аппарата Исполкома значительно разбухли, что вынудило Оргбюро ЦК РКП(б) рассмотреть этот вопрос на своем специальном заседании, в результате чего было принято решение о сокращении аппарата ИККИ на 30%. В результате было проведено сокращение штатов на несколько сот человек.

Вскоре после III Конгресса Коминтерна стол личного состава был выведен из состава Общей канцелярии и преобразован в Бюро личного состава, подчиненное непосредственно Секретариату ИККИ. Полный список сотрудников аппарата ИККИ появился лишь в начале 1922 года.

В декабре 1922 года должность управляющего делами вновь была восстановлена. Решением Оргбюро ИККИ им был назначен И. Когольницкий**.

Управление делами к этому моменту сосредоточилось на материально-хозяйственном обеспечении работы аппарата ИККИ. Ему были подчинены все хозяйственные структуры. Он стал функционировать как административно-хозяйственный орган, непосредственно подчиненный Секретариату — Политсекретариату ИККИ через оргсекретаря ИККИ. Главной задачей управления делами было материальное обеспечение работы аппарата ИККИ.

В октябре 1930 года на должность управляющего делами ИККИ был назначен Фрид. С. Бричкина была переведена Пятницким в ОМС (Пятницкий направил ее туда наблюдать за делами в этом очень важном для него и Коминтерне отделе).

Организационная структура УД Исполкома по мере реорганизации аппарата ИККИ тоже постоянно подвергалась изменениям. В 1931 году она стала включать в себя три части***:

- Административная: сектор кадров, экспедиция, сектор делопроизводства, сектор переводов и переписки, центральный архив, центральная библиотека;

* РЦХИДНИ. Ф. 495, оп. 18, д. 434, л. 35.

** РЦХИДНИ. Ф. 495, оп. 65, д. 2а, лл. 1—5; Ф. 495, оп. 18, д. 95, лл. 30—35; Ф. 495, оп. 18, д. 112, л. 166.

*** РЦХИДНИ. Ф. 495, оп. 65, д. 6, лл. 2—4.

- Хозяйственная часть: гостиница «Люкс» (общежитие), гараж, дачное хозяйство, склад, комендатура, телефонная станция, ремонтные мастерские и т.д.;
- Финансовая часть.

В середине лета 1931 года Фрида на посту управляющего делами ИККИ сменил Г. Шандурин.

Уточнились и основные задачи УД. В его обязанности включили: «обеспечение ИККИ квалифицированными техническими работниками, служебными помещениями и оборудованием для служебных и жилых помещений, разного рода материалами, канцелярскими принадлежностями, транспортом»; «организация обслуживания пленумов ИККИ и конгрессов Коминтерна помещениями для заседаний, жильем, питанием, средствами передвижения по городу и обеспечение броней на проезд по железнодорожным, воздушным и водным путям сообщения, предоставление жилья работникам аппарата ИККИ, выполнение финансовых операций по выплате заработной платы, командировочных, по оплате хозяйственных расходов» и т.д.

В начале 1933 года управляющим делами Исполкома был назначен Сандер, а через год его на этом посту сменил Юлиус Бранд (Брандис). С последним, после его реабилитации, я не раз встречался. Он мне и поведал о делах в УД, его структуре и о роли Пятницкого в налаживании нормальной работы этого громадного хозяйства.

Охраной зданий, принадлежащих ИККИ, центрального, расположенного недалеко от Кремля на Моховой ул., д. 6, множества других как в городе, так и в Подмосковье занималась комендатура. Она находилась в ведении Управления делами Коминтерна. Ее руководство располагалось на первом этаже центрального здания. Охрану зданий и некоторых помещений внутри центрального здания осуществляли работники ГПУ (ОГПУ), а позднее НКВД. Но они постоянно были в гражданской одежде. У главного входа находилось бюро пропусков. У всех, желающих пройти внутрь здания, спрашивали о цели их визита, к кому они хотят пройти и зачем.

Обычно встречи назначались заранее по телефону. Посетителя провожали в комнату ожидания, и дежурный комендант связывался с Секретариатом Пятницкого. Заведующий Секретариатом Хеймо или кто-либо из его заместителей проверял, кто приглашал этого человека и ждут ли его в это время, и по телефону

давал указание выдать пропуск немедленно или ждать до определенного времени. У посетителя тщательно проверяли документы, и только после этого выписывался пропуск. После этой процедуры работник комендатуры провожал посетителя до нужного кабинета. По окончании визита посетителя обязательно провожали до выхода, но уже работники того подразделения, в которое он приходил.

Работники аппарата Исполкома и обладатели постоянных пропусков при входе и выходе из здания делали отметку в своей личной карточке. Это требование не касалось только членов Исполкома и руководителей отделов ИККИ. Об этой процедуре поведал мне в одну из встреч Юлиус Брандис. Она почти дословно совпадает с рассказом Айно Куусинен. Да я и сам кое-что вспомнил об этом периоде.

Гостиница «Люкс» (бывшая «Дрезден», а со второй половины 40-х годов гостиница «Центральная») располагалась на улице Горького, рядом с булочной Филиппова, недалеко от здания Исполкома Коминтерна, расположенного на улице Моховой, напротив гаража Совнаркома СССР.

В этой гостинице, превращенной в общежитие Коминтерна, размещались сотрудники аппарата Исполкома, не имеющие жилья в Москве, а также расселились и зарубежные коммунисты, вызванные в Москву и ожидавшие новых назначений, и оппозиционеры, своевременно не уловившие нюансов в колебаниях политики Коминтерна и ожидавшие решения своей дальнейшей судьбы.

В каждой из многочисленных комнат гостиницы проживал один функционер с семьей или без нее. Они располагались строго по своему рангу и значению. В нижних этажах располагались высокопоставленные работники. Затем вверх до пятого этажа значимость проживающих в гостинице снижалась. На самом верху жили технические работники. Они размещались уже по несколько человек в одной комнате.

Доступ в гостиницу был строго по пропускам. Дети проживающих ходили в общие школы, но им запрещалось приводить к себе домой детей, чьи родители не связаны по работе с Коминтерном.

В гостинице располагались: парикмахерская, столовая, детский сад, торгсин, клуб для общения и пошивочная мастерская.

Иностранцы, проживающие в гостинице, как правило, не принимали никакого участия в общественной жизни страны

пребывания, были полностью изолированы и мало знали о том, что творилось в Стране Советов. Они даже не изучали русского языка.

В конце 20-х — начале 30-х годов жизнь иностранных служащих аппарата ИККИ была весьма сложной и ограниченной: прогулки на работу и обратно, с улицы Горького до Моховой и обратно. Им было запрещено общение с местным населением. Они полностью зависели от Советского правительства.

Зарплата среднего служащего аппарата ИККИ не превышала 700 руб. в месяц. Стоимость комнаты в «Люксе» была 60—70 руб. в месяц. Все остальные услуги оплачивались особо.

Комендантом гостиницы «Люкс» был Майер.

В начале 30-х годов, до постройки Дома правительства («Дома на набережной»), я часто заходил в «Люкс» к своим друзьям. Охрана знала меня и пропускала свободно. Обычно я заходил к Вике (Викентию) Мицкевичу, названному так в честь своего отца Викентия Мицкевича-Капсукаса, друга и соратника Пятницкого. Наши семьи дружили.

Его семья проживала на первом этаже в 2-комнатном номере. Рядом с ними, слева, номер занимал представитель Компартии Японии Сент-Катаяма, справа — представитель Венгерской компартии Е.С. Варга. Мы всегда крутились между этими номерами, мешая взрослым заниматься своим делом.

Вообще все бытовые привилегии для сотрудников Коминтерна распределялись в зависимости от его места в иерархии Исполкома: дача, отдых в санатории, няня для детей, машина и т.д.

Дачи — это группа деревянных строений, расположенных в окрестностях подмосковного Кунцево. Довольно большой участок, отгороженный высоким зеленым забором. В середине участка была расположена столовая, она же по вечерам служила клубом, где собирались пообщаться обитатели дач. Иногда там демонстрировались кинокартины.

Наша семья занимала две комнаты на втором этаже одного из домиков. В этом же домике жили семьи Краевского, Мицкевича, Б. Куна и Алиханова.

Управляла этим дачным поселком очень боевая немецкая коммунистка. К сожалению, фамилию ее я не запомнил.

При Управделами был и детский дом для детей, родители которых были на задании за рубежом, либо томились в тюрьмах иностранных государств, либо погибли на задании. Этот детский дом располагался где-то в Ивановской области. Мне тоже однаж-

ды пришлось побывать в этом заведении, когда отец был в длительной командировке за рубежом, а мать болела.

27 февраля 1934 года Политкомиссия Политсекретариата утвердила новое положение об Управлении делами ИККИ, которое закрепило за ним выполнение следующих функций:

- Руководство всей административно-хозяйственной деятельностью аппарата ИККИ и хозрасчетных подразделений;
- Составление планов работ и смет финансирования центрального аппарата и хозрасчетных подразделений;
- Руководство финансовыми вопросами и распоряжение всеми кредитами в пределах утвержденных смет и фондов в порядке, установленном Секретариатом ИККИ;
- Управление всем имуществом ИККИ и материально-бытовым обслуживанием ИККИ и т.д.

А если эти функции подвергнуть расшифровке, то получится:

- Обеспечение ИККИ квалифицированными техническими работниками, служебными помещениями и необходимым оборудованием для служебных и жилых помещений, различного рода материалами, канцелярскими принадлежностями и транспортом;
- Организация обслуживания конгрессов Коминтерна и пленумов ИККИ помещениями для заседаний и жилья, питанием, средствами передвижения по городу и обеспечение броней на проезд по железной дороге, водным транспортом и по воздуху;
- Предоставление жилья работникам аппарата ИККИ, финансовых операций по выдаче зарплаты, командировочных и хозяйственных расходов.

В 30-е годы управляющие делами ИККИ менялись часто:

- до 30 ноября 30 года был И. Когольницкий;
- до лета 31 года — Фрид;
- до весны 32 года — Г. Шундрин;
- до 27 января 33 года — Сандер;
- с января 33 года до своего ареста — Ю. Бранд.

Управление делами находилось в прямом подчинении оргсекретаря ИККИ О. Пятницкого.

Глава 8

Коминтерн и советская разведка

Эта тема является как бы естественным продолжением предыдущих, существенно развивая одну из главных тем, которые еще недавно так волновали нашу, да и зарубежную, общественность — это участие Коминтерна и зарубежных коммунистических партий в деятельности советских разведывательных органов. И не мудрено, ведь многие из лучших советских разведчиков начинали свою деятельность в структурах Коминтерна и потом, после определенной проверки, передавались в Разведупр РККА или ИНО ОГПУ.

Но перед «сменой вывески» они обязательно проходили через кабинет Пятницкого, который убеждал их, что и на новом месте они будут продолжать ту же работу, трудиться на общее дело, и рекомендовал им не прерывать связи с Коминтерном. Эти инструктивные беседы еще больше укрепляли у них убеждение, что они продолжают работать на Коммунистический Интернационал, который вел тайную войну против международного фашизма.

И действительно, почти все структурные подразделения аппарата ИККИ: ОМС и Орготдел, который курировал работу национальных компартий, и внешне безобидный Информационный отдел всячески способствовали сотрудничеству зарубежных компартий с органами советских разведывательных структур. Эта связь осуществлялась через военные аппараты национальных компартий.

Вот один из первых документов, регламентирующих взаимоотношения между Коминтерном и разведкой. Это проект Положения об отделениях Коминтерна за границей и представителях Разведупра и ВЧК. Он датирован 8 августа 1921 года.

«1. Представитель Коминтерна не может в одно и то же время быть и уполномоченным ВЧК, и Разведупра. Наоборот, представители Разведупра и ВЧК не могут выполнять функции представителя Коминтерна в целом и его отделов.

2. Представители Разведупра и ВЧК ни в коем случае не имеют права финансировать за границей партии или группы. Это право принадлежит исключительно Исполкому Коминтерна.

Примечание: НКВД и Внешторгу также не дается право без согласия ИККИ финансировать заграничные партии. Представители ВЧК и Разведупра не могут обращаться к заграничным партиям и группам с предложением об их сотрудничестве для Разведупра и ВЧК.

3. Разведупр и ВЧК могут обращаться за помощью к компартиям только через представителя Коминтерна.

4. Представитель Коминтерна обязан оказывать ВЧК и Разведупру и его представителям всяческое содействие».

Подписан этот документ от Коминтерна Зиновьевым и Пятницким, от ВЧК — Уншлихтом, от Разведупра — его тогдашним начальником Арвидом Зейботом.

Примечательно, что Пятницкий с самого начала оказался в Коминтерне на секретной работе, ведь подпись Зиновьева — просто формальность.

В конце 30-х годов все подписанты были расстреляны...

Пятницкий и в дальнейшем лично курировал всю «спецработу» Коминтерна и его взаимоотношения с Разведупром и ИНО ОГПУ. Примечательно в связи с этим состоявшееся 14 августа 1925 года совещание представителей Разведупра, ИНО ОГПУ, НКВД и Коминтерна. Оно было созвано по предложению советского полпреда в Чехословакии Антонова-Овсеенко (одновременно, кстати, и представителя Коминтерна), многие донесения которого (посылавшиеся им под псевдонимом Ковач) хранились в Секретариате Пятницкого.

Антонов-Овсеенко обратился к руководству НКВД по поводу частых провалов у «соседей» — военных разведчиков (три провала в течение короткого времени). В своем письме он указывал, что Разведупр, ИНО и Коминтерн не согласовывают своей деятельности, подкапывают друг под друга и т.д. Поэтому Коллегия НКВД поручила Семе Аралову (он во время гражданской войны возглавлял военную разведку) созвать совещание всех заинтересованных организаций и договориться о методах дальнейшей работы.

От Коминтерна на совещании присутствовал Пятницкий, от Разведупра — Ян Берзин, от ИНО — заместитель Трилиссера Алексей Логинов. Все трое, кстати говоря, старые (не по возрасту) большевики-подпольщики. Совещание приняло решение вынести работу разведок из посольств, сократить работу спецслужб через местные компартии и прибегать к ней только с со-

гласия местных ЦК или руководства Коминтерна. Было решено, что в случае, если члены компартии переходят на работу в разведку, они обязаны предварительно выйти из рядов своей компартии.

Было принято также решение, что список таких людей будет составляться в единственном экземпляре и храниться у Пятницкого. Я лично сильно подозреваю, что подобного списка вообще не было и что все фамилии и клички отец хранил в своей памяти. Память у него, действительно, была феноменальной. Даже только этих коминтерновцев-разведчиков, по моим самым скромным подсчетам, было никак не меньше нескольких сотен. А ведь кроме них были и работники Отдела международных связей, его заграничных «пунктов» (т.е. резидентур), по численности не уступавшие ни резидентурам Четвертого управления Генштаба РККА, ни резидентурам ИНО ОГПУ.

Характерно, однако, что совещание решило не прерывать полностью сотрудничество компартий с разведкой, так как «товарищ Берзин указывал, что невозможно обойтись без квартир и адресов местных товарищей».

Для того чтобы понять, по каким линиям и каким образом осуществлялось сотрудничество Коминтерна с советской разведкой, процитирую выдержки из нескольких документов.

«21.12.1925 г.

Совершенно секретно

Лично

ИККИ — тов. Пятницкому

Уважаемый товарищ.

1) По проверенным данным, т. Демьяненко, пом. комиссара штаморсил на Д.В., работающий по связи КИ, вследствие не умения ставить конспиративную работу, расшифрован как Ваш сотрудник перед японцами и администрацией пароходов. Доводя об этом до Вашего сведения, добавляем, у нас имеются сведения, что в результате халатности т. Демьяненко была провалена целая группа товарищей, направлявшихся в Кантон.

2) Прошу срочно направить в наше распоряжение из Венгерской Секции ИККИ т. Мадараса, уже имевшего связь с нами в Вене. Одновременно прошу не отказать в сообщении Вашего отзыва о т. Мадарасе и его характеристики.

С ком. приветом
Начразведупра Берзин»

«17 мая 1928 г.

Совершенно секретно

Лично

ИККИ, тов. Пятницкому

Нашим представителем в Шанхае т. Алексеевым одолжено в свое время т. Альбрехту 4000 дол. Тов. Алексеев, вследствие этого, остался сейчас без денег и просит срочно телеграфировать по Вашей линии т. Альбрехту о возврате ему долга. Кроме того, в Харбине из наших средств по Вашему поручению были выданы Вашей линии 2000 дол., каковые до сих пор нам не возвращены.

Прошу Вас в срочном порядке дать соответствующее распоряжение в Шанхай, а также вернуть нам здесь на месте 2000 дол.

Начальник IV Управления Штаба РККА Берзин»

«19 июля 1929 г.

ИККИ тов. Пятницкому

Одним из работников IV Управления тов. Гайлисом составлен труд «Вооруженное восстание», переданный в Издательский отдел ИККИ для рассмотрения на предмет последующего издания. В связи с запросом Издательского отдела считаю необходимым сообщить:

1. До окончательного решения вопроса об издании труда необходимо получить разрешение комиссии по делам печати при РВС СССР, которой один экземпляр труда передан некоторое время тому назад для рассмотрения и наложения визы об отсутствии препятствий к опубликованию труда, но с замаскированной фамилией автора. На этот счет имеется непосредственное указание Наркомвоенмора тов. Ворошилова.

2. В отношении качества самого труда необходимо отметить, что труд является весьма актуальным по своей теме и крайне необходим для всех братских компартий в связи с реализацией решений VI конгресса.

3. Труд является результатом работы автора на протяжении нескольких лет и обнимает собой все важнейшие вопросы марксистской теории и практики вооруженных восстаний. В нем использованы все имеющиеся по этому вопросу материалы. Изложение труда отличается большой стройностью и последовательностью, в нем почти совершенно нет излишних рассуждений и отвлеченностей.

4. В труде могут найтись отдельные дискуссионные положения и оценки конкретных исторических случаев вооруженных

восстаний, вызывающие возражения. По существу дела это является совершенно неизбежным для данного предмета исследования и в процессе редактирования труда легко может быть сглажено и увязано с основной линией ИККИ по затрагиваемым вопросам. В общем же работа тов. Гайлиса является партийно выдержанной и весьма полезной, тем более, что это есть единственное произведение в своем роде.

5. Получение визы комиссии по делам печати при РВС СССР ожидается в ближайшее время. Немедленно после этого виза комиссии по делам печати будет препровождена в издательский отдел ИККИ.

6. Особенно большой интерес к труду тов. Гайлиса проявляют Международные Ленинские курсы. Но и для военных работников труд этот является крайне необходимым. Поэтому я всецело поддерживаю просьбу Международных Ленинских курсов о скорейшем издании труда.

Начальник IV Управления Штаба РККА Берзин
Начальник 3-го отдела Никонов»

«9 марта 1932 г.

Совершенно секретно

Тов. Пятницкому

Нами, из вполне достоверного источника, получены сведения, что Мининдел Германии располагает одним из советских шифров. Крупные чиновники Министерства Иностранных Дел (среди них посол в Турции — Надольный) в присутствии нашего агента говорили, что расшифрование советских телеграмм дает возможность противодействовать коммунистической пропаганде в Германии. На радиостанции в Кенигвустергаузене специальный чиновник перехватывает радиотелеграммы, которые и расшифровываются.

Таким образом, по-видимому, речь идет о шифре Коминтерна.

Артузов»

«3 декабря 1933 г.

Совершенно секретно

Лично

ИККИ, тов. Пятницкому

При сем препровождаю для Вашего сведения — агентурный материал о провокаторах в КПГ.

Приложение: Упомянутое на 1 листе.

Зам. начальника IV Управления Штаба РККА Давыдов»

Вот небольшая выдержка из доклада сотрудника Разведупра в Германии латыша Августа Гайлиса (псевдоним — Нойберг), являвшегося инструктором Военного аппарата КПГ. Доклад называется «Основные данные о состоянии военной организации КПГ», помечен декабрем 1924 года:

«Последний вопрос — это вопрос координации нашей разведки (имеется в виду Разведывательный аппарат Компартии Германии. — В.П.) с работой аппарата товарища Григорьева (имеется в виду резидентура Разведупра в Германии. — В.П.). Товарищ Берзин писал, что товарищ Штейнер будет передан в его (Григорьева) распоряжение. Товарищ Григорьев предполагает использовать его для связи (и инструктирования) с агентами. Но у товарища Григорьева в данное время источников очень немного; нельзя ли поэтому возложить на товарища Штейнера еще работу нашего разведывательного аппарата. С этим мы убили бы двух зайцев. На деле осуществили бы (одна и та же, по существу, работа в руках одного человека) координацию, сэкономили бы немного средств. С тт. Григорьевым и Штейнером я уже переговорил; они это дело одобряют».

Привлечение активистов зарубежных компартий к разведывательной деятельности началось практически сразу после создания первых резидентур советской разведки в странах Западной Европы и на Востоке.

В этом смысле характерен пример, который я привожу ниже. Как был привлечен в советскую разведку знаменитый советский разведчик Рихард Зорге — Рамзай.

В 1924 году в Германии, во Франкфурте-на-Майне проходил IX съезд Компартии Германии. На этот съезд прибыла представительная делегация руководства Коминтерна в составе О. Пятницкого, О. Куусинена, Д. Мануильского и С. Лозовского. Охрана делегации была поручена группе боевиков военного отдела Компартии Германии, руководителем которой был Рихард ЗОРГЕ. Там и состоялось знакомство Зорге с Пятницким. По-видимому, ему очень он понравился.

Рихард Зорге был высоким и широкоплечим. Густая шевелюра, привлекательное лицо, высокий лоб, широко поставленные глаза, резко выступающий нос. Все это придавало ему очень суровое выражение. Зорге всегда был элегантен, обладал хорошими манерами и огромной силой воли. Он был немного наивен

и слишком прямолинеен. Для него существовали только два цвета: белое и черное, оттенков он не признавал. И всегда шел прямо по однажды выбранному пути. И это роднило его с Пятницким. Они в чем-то были схожи натурами.

В 1925 году Пятницкий вызывает Р. Зорге из Германии в распоряжение ИККИ, направляет его на работу в Орготдел и после соответствующей проверки он переводится в распоряжение ОМСа.

В течение нескольких лет Зорге выполнял различные ответственные задания руководства ИККИ в разных странах Западной Европы: в Германии, Англии, Скандинавских странах и некоторых других местах. В ноябре 1929 года, когда сгустились тучи над Бухариным и его соратниками, а Зорге был сторонником Бухаринской позиции, Пятницкий рекомендует его начальнику Разведупра Я. Берзину для использования в военной разведке с обязательным направлением его за кордон. Так Пятницкий вывел Р. Зорге из-под удара, который готовился сторонникам правых взглядов в Москве.

Несомненно, Пятницкий предпочел бы оставить Зорге у себя в Коминтерне и был уверен, что Коминтерн еще сможет сыграть свою роль, как только провалится политика Сталина, делающая упор на победу социализма в одной отдельно взятой стране, на самостоятельное построение социализма в СССР.

Пятницкому удалось сохранить в Коминтерне несколько своих лучших людей, направив их работать за границу. Но он также знал, что в условиях, которые сложились в Коминтерне в 30-е годы, Зорге не мог играть никакой существенной роли. Не говоря уже о том, что в силу своего прямого характера в том числе мог угодить под сталинский топор, как многие его сослуживцы по работе в ОМСе. А военная разведка остро нуждалась в способных людях.

Сам же Зорге разделял мнение Пятницкого и считал, что ВКП(б), то есть русская секция, подчиняет себе все другие компартии и сам Коммунистический Интернационал. Он верил, что все это когда-нибудь изменится.

Несомненно, как и Пятницкий, он считал, что единственное, что в этих условиях может сделать коммунист, — это защищать Советский Союз. Поэтому, переходя в организацию с другим названием, Зорге продолжал считать себя членом мирового коммунистического движения и не порывал связи со своим прежним шефом.

Примерно то же происходило и с другими функционерами Коминтерна, откомандированными в военную или внешне-политическую (ИНО ОГПУ) разведки Страны Советов.

Сначала Р. Зорге выполнял ряд поручений Разведупра в оккупированной Францией Рейнской области Германии. Затем в конце 20-х годов его перебросили в Китай под видом корреспондента немецкой газеты, а на самом деле в качестве помощника нелегального резидента А. Ульяновского. Но после провала последнего и его отъезда в СССР резидентом Разведупра в Китае становится Рихард Зорге.

Следует отметить, что в это время в Китае сложились очень специфические условия. Там работники советской военной разведки работали в тесном контакте с представителями ОМСа Коминтерна. Вообще-то официальное сотрудничество органов разведки с представителями Коминтерна было запрещено еще с 1921 года в силу сложившихся в то время реальных условий, но в конце 20-х годов по молчаливому одобрению Политбюро ЦК ВКП(б) было негласно возобновлено и это оказалось взаимовыгодным.

Знакомство Р. Зорге с вдовой Сунь Ятсена позволило ему получить ценнейшую информацию об общем состоянии экономики Гоминдановского правительства, состоянии его вооруженных сил, командовании, шифрах, оперативных планах и намечаемых антисоветских провокациях, а также о разногласиях в рядах руководства китайской компартии.

Работники Коминтерна наладили связи с командованием частей Китайской Красной Армии и Временным революционным правительством, изолированным после 1927 года в Советском районе, занимаемом частями китайской Красной Армии. Связь с Москвой поддерживалась по линии Коминтерна через Манфреда Штерна (во время революции в Испании — Генри Клебер).

О дальнейшей работе замечательного советского разведчика Рихарда Зорге и его судьбе мы уже хорошо знаем из средств массовой информации.

В эти годы пополнение оперативных кадров военной разведки в Китае шло в основном из числа работников Коминтерна.

Первый советский резидент во Франции — Яков РУДНИК (1921—1922), прибыв в Париж, с помощью представителя Коминтерна во Франции Стояна Минева завербовал Жозефа Томмази, члена Руководящего комитета (позднее ставшего Централь-

ным комитетом) партии и одного из руководителей профсоюза рабочих авиационной промышленности.

Многочисленные связи Томмази в Бурже и других центрах французской авиации могли быть весьма полезны советским агентам. Руководящая должность в профсоюзе давала ему идеальное прикрытие. Он работал на советскую разведку, причем партия не знала о его подпольной деятельности до 1924 года, когда он был вынужден бежать в СССР, так как контрразведка министерства обороны вот-вот намеревалась его арестовать. В Москве он продолжал работать на разведку как эксперт по Франции. Томмази жил в гостинице Коминтерна «Люкс», где внезапно умер в 1926 году. Он похоронен на Новодевичьем кладбище.

Что касается Якова Рудника, то он был переброшен на нелегальную работу в Китай и возглавил нелегальную группу ОМСа в Шанхае. В августе 1931 года там, в структурах разведки, произошел провал. Яков Рудник и его жена Гертруда Рук, проживающие в Китае по швейцарским паспортам, были арестованы и, несмотря на отсутствие прямых улик, осуждены на семь лет тюрьмы. Коминтерн развернул широкую кампанию по их освобождению и в конце добился их оправдания.

Позже, в 1935 году, в Шанхае провалился резидент советской разведки, работник Коминтерна Яков Бородин. Его осудили на 15 лет. Но его удалось обменять на сына Чан Кайши — Цзянь Цзинго, который в конце 20-х — начале 30-х годов, до мятежа Чан Кайши, учился в одной из коминтерновских школ под фамилией Николая Елизарова, а затем был арестован и содержался в тюремном изоляторе г. Свердловска.

В качестве доверенного лица советской разведки во французской компартии Томмази сменил Жан Креме. Он являлся не только членом ЦК, а затем Политбюро ФКП, но также и членом высших органов Коминтерна, вплоть до Политсекретариата ИККИ. Креме организовал обширную сеть осведомителей в арсеналах, на военных складах, в портовых городах и на военных заводах.

Как и Томмази, Креме использовал для сбора разведанных прикрытие профсоюзного деятеля — он был секретарем профсоюза кораблестроителей и металлургов.

В это время советская разведка во Франции была уже хорошо организована, ее работу значительно облегчило установление дипломатических отношений между Францией и СССР. Советским резидентом, которому помогал Креме, был офицер Красной Армии Стефан Узданский. Он был нелегалом, действуя по

документам Абрама Бернштейна, художника, выходца из Восточной Европы. Его жена работала в посольстве и советском торгпредстве. Таким образом, он имел веские основания часто там появляться.

Через своего помощника, литовского студента Стефана Гродницкого, Узданский передал Креме подробный опросник, разработанный в Москве руководителями советской разведки и экспертами военной промышленности. Он был составлен в форме очень конкретных вопросов, на которые нужно было дать ответы: каковы новые методы производства пороха, тактико-технические данные танков, пушек, снарядов, сведения о противобазах, самолетах, верфях, передвижениях войск и т.д.

Креме с помощью своей организации заполнил опросник. Все было сделано оперативно, но не очень надежно. Для ответа на технические вопросы подпольная организация была вынуждена прибегать к консультациям экспертов, главным образом профсоюзных деятелей в каждой отрасли промышленности. В конечном счете, в курсе дела оказалось слишком много людей. Уже в октябре 1925 года начались утечки информации.

Механик, служивший в арсенале Версаля и бывший секретарем коммунистического профсоюза этого города, к которому обратился помощник Креме, был удивлен, что от него требуют подробности, не имеющие ничего общего с профсоюзным движением, хотя его собеседник утверждал, что действует в «интересах трудящихся». Механик передал разговор руководству арсенала, которое предупредило полицию. Благодаря этому, военная контрразведка получила возможность в течение нескольких месяцев передавать ложную информацию Советскому Союзу через сеть Креме.

В феврале 1927 года полиция решила нанести решающий удар советской разведке во Франции. Она арестовала около ста человек, в том числе Узданского и его помощника Гродницкого, которых приговорили, соответственно, к трем и пяти годам тюремного заключения. Жану Креме со своей подругой и соратницей Луизой Кларак удалось бежать в СССР. Он был заочно приговорен к пяти годам тюрьмы и штрафу в пять тысяч франков.

В Москве Креме работал в кооперативной секции ИККИ, а в 1929 году был отправлен в секретную командировку по линии военной разведки на Дальний Восток — в Индокитай и Китай. Надо сказать, что в мировой литературе гуляет миф о том, что Креме якобы тоже стал одной из жертв советских спецслужб за

границей. На самом деле это не так. Под именем Габриэль Пейро Креме жил в Брюсселе, где и умер в 1973 году.

Его подруга Луиза Кларак уехала из Советского Союза в 1936 году. Она нелегально вернулась во Францию и вела работу в подпольном аппарате ФКП и Коминтерна. После второй мировой войны некоторые члены сети Креме, например Пьер Прово, вновь стали оказывать помощь советской разведке.

Стефана Узданского в качестве резидента сменил Павел Стучевский, человек, попеременно работавший то в Коминтерне, то в военной разведке.

Павел Владимирович СТУЧЕВСКИЙ родился в 1890 году в Полтаве, в еврейской семье. Накануне первой мировой войны он учился в Женеве в технической школе. Политически в это время примыкал к группе анархо-синдикалистов, однако был знаком со многими большевиками. После Февральской революции вернулся в Россию, в Петроград, где в октябре 1918 года окончательно вступил в партию большевиков. После этого он переехал в Харьков, где находился на партийной и военной работе в РККА, участвовал в советско-польской войне.

В 1921 году был секретарем Южного бюро Коминтерна, одновременно являясь сотрудником НКВД Украины. В 1922 году переехал в Москву. Работал в романском секретариате Профинтерна.

С ноября 1924 по май 1926 года находился на дипломатической работе в Тиране (Албания), а затем в Мукдене (Маньчжурия). В 1926—1927 годах — уполномоченный ИНО ОГПУ. В том же 1927 году переходит в военную разведку — Четвертое управление Штаба РККА. В октябре 1927 года направляется резидентом в Париж, где находится до ноября 1933 года. С 1934 года — в ОМСе Коминтерна. Вместе со своей женой, Софьей Семеновной Маргулян, Стучевский является одним из организаторов ноябрьских событий 1935 года в Бразилии — попытке коммунистического восстания во главе с Луисом Карлосом Престосом. В Бразилии он был известен под именем бельгийского гражданина Леона Жуля Вайе.

В январе 1936 года был арестован бразильскими властями, однако сумел выкрутиться и вернулся в Москву, где работал в ОМСе.

Однако вернемся к нашему сюжету. Работая во Франции, Стучевский несколько лет успешно водил за нос французскую

полицию. Арестовали его в апреле 1931 года, как и в случае с организацией Креме, только благодаря предательству французского коммуниста.

После разгрома сети Креме, из Москвы в очередной раз поступили категорические указания не использовать членов коммунистической партии в нелегальных операциях, однако они в очередной раз были проигнорированы. Стучевский использовал для сбора информации коммунистических профсоюзных деятелей. В те годы СССР интересовали сведения об авиационной промышленности и французских военно-воздушных силах, о последних моделях пулеметов и автоматического оружия и, наконец, о военно-морском флоте.

В Лионе агентам Стучевского удалось выкрасть чертежи нового самолета, которые они затем вернули на место, сняв с них копию. После обнаружения кражи был арестован всего один член организации.

Для сбора информации Стучевский разместил своих агентов в некоторых портовых городах. В Нант он направил рабочего из Парижа Луи Монетто, снабдив его необходимой суммой для открытия рыбного магазина. Над входом в новую лавку красовалась вывеска «Прямые поставки». Для закупки рыбы Монетто разъезжал по портовым городам Северного моря. Возвращался он оттуда с новыми сведениями.

На суде, где он получил три года тюрьмы, Стучевский утверждал, что собирал информацию для написания книги о Франции. Он отсидел свой срок в тюрьме Пуасси и после освобождения в 1934 году был выслан из Франции.

В конце 20-х годов во Франции, как и в Германии, началось движение так называемых «рабкоров». Советским разведчикам пришлось в голову использовать в целях научно-технического шпионажа сеть так называемых «рабочих корреспондентов». Официально рабкоры должны были информировать центральный орган компартии — газету «Юманите» о социальных битвах во Франции и оказывать помощь в разоблачении подготовки войны против СССР.

«Юманите» призывала своих активистов присылать со своих предприятий сведения об организации производства, перемещении штатов или же о соотношении сил между предпринимателями и профсоюзами. Многие члены партии стали рабочими корреспондентами, испытывая гордость, что тем самым они принимают участие в подготовке материалов для газеты.

В «Юманите» обобщением этих многочисленных добровольных корреспонденций занимался специальный отдел, отбиравший материалы для опубликования.

Однако главной задачей этого отдела было выявление информации, имевшей научно-техническое и военное значение для СССР. При необходимости кто-нибудь из сотрудников отдела ехал на место, чтобы получить от рабкора дополнительные сведения. Такой «журналист», как правило, имел при себе опросник, составленный еще для сети Креме.

Работой рабкоров руководил Клод Лиюжье под кличкой Филипп, бывший рабочий из департамента Луара, автор романа «Сталь». За его спиной стоял Исай Бир, польский коммунист, осуществлявший связь между рабкорами и советским резидентом Сергеем Марковичем, курировавшим эту работу.

Интересно, что в этой работе принимал участие и будущий лидер французских коммунистов Жак Дюкло. Он начал работать на Коминтерн с конца 20-х годов и вплоть до своей смерти в 1975 году поддерживал прямые связи с Москвой, курируя с 1931 года, когда его избрали в Политбюро и секретариат ФКП и поручили заниматься оргвопросами, нелегальную деятельность партии, так называемую «спецработу».

В 1932 году произошел провал. Леожье, Бир, его помощник Альтер Штрем, а также группа ответственных сотрудников Французской компартии, среди них Морис Гандуен и Андре Куату, были арестованы. При обыске квартиры самого Бира полиция обнаружила секретные документы. 5 декабря 1932 года его и Альтера Штрема приговорили к трем годам тюрьмы. Советскому нелегалу Сергею Марковичу удалось скрыться.

Жак Дюкло, спасаясь от ареста, отправился в Берлин, где под псевдонимом «Лауэр» работал под руководством Георгия Димитрова в Западноевропейском бюро Коминтерна. Оправданный судом 4 ноября 1932 года за отсутствием состава преступления, он вернулся во Францию, где продолжил свою деятельность.

Окончание истории рабкоров я изложу чуть ниже, рассказывая о Леопольде Треппере. В 1933—1934 годах в связи с потерей Францией приоритета в новых технологиях в военной промышленности Советский Союз стал больше интересоваться США.

В связи с этим в конце 1934 года по прямому указанию Коминтерна Компартия США создает свой «конспиративный аппарат», который возглавляет сначала выходец из Венгрии Джозеф Петере (известен также как Исидор Боорштейн, Гольдфарб, Алек-

сандр Стевенс), а с 1938 года — выходец из Югославии Раймонд Бейкер (настоящая фамилия — Блюм). Они руководили деятельностью многочисленных засекреченных американских коммунистов, занимавшихся сбором интересующей Советский Союз информации.

Широко известна, например, группа инженеров, возглавлявшаяся казненным впоследствии Юлиусом Розенбергом. В нее входили среди прочих Муртон Собел, Альфред Сарант, Джоел Барр. Двое последних в начале 50-х годов бежали в Советский Союз, и здесь, изменив имена, явились создателями советской вычислительной техники.

Компартия США была хотя немногочисленной, но весьма активной в системе спецслужб Коминтерна. Это объяснялось, прежде всего, высоким престижем американского паспорта, который имел место быть уже в то время.

Активно сотрудничал с советскими спецслужбами генеральный секретарь Компартии США Эрл Браудер и привезенная им из СССР его жена Раиса Борисовна Лугановская, в США известная как Ирена Браудер, работавшая в 20-е годы по линии Профинтерна в Германии и Франции. Крупную шпионскую сеть возглавлял член Центральной ревизионной комиссии компартии Якоб Голос (Райзин). Родная сестра Браудера — Маргарет работала на ИНО ОГПУ в странах Западной Европы.

Американских коммунистов японского происхождения активно использовали для разведдеятельности против Японии. Для этой цели на тихоокеанском побережье США была создана специальная резидентура советской военной разведки, которую сначала возглавлял Август Маншейт, а затем Зиновий Литвин. Для помощи в этой работе из Москвы приезжал представитель японской компартии в ИККИ Сендзо Носака (Окано).

Многие американские коммунисты выполняли задания Коминтерна в странах Третьего мира. Так, сменивший Браудера на посту генсека компартии Юджин Деннис (настоящее имя — Френсис Валдро, коминтерновский псевдоним Тим Райан) в начале 30-х годов работал в ЮАР, на Филиппинах и в Шанхае. Сам Эрл Браудер в конце 20-х годов работал в Китае под псевдонимом Джордж Морис. Вместе с ним там же работала его любовница канадка Кэтрин Харрис (Алиса Рид).

На Филиппинах и в Китае работал американский коммунист Гаррисон Джордж. Его сын Виктор Барон был радистом ОМСа и помощником Павла Стучевского во время провалившейся в

1935 году революции в Бразилии. Он погиб во время пыток в бразильской полиции, имитировавшей его самоубийство.

В Китае работали также американские коммунисты Филипп Аронберг, Джим Долсон, Стив Нелсон (он работал также и в Индии), супруги Маргарет Унжюс и Чарльз Крумбей, Паскаль Косгрейв, Марион Эмерсон и др.

Многие американские коммунисты использовались в качестве связников ОМСа, впрочем, в количественном отношении они уступали англичанам и скандинавам.

Помимо Америки большое внимание в этот период уделяется Великобритании, где действовал один из крупнейших советских разведчиков, в прошлом работник Коминтерна Арнольд ДЕЙЧ (партийное имя в Коминтерне — Стефан Григорьевич Ланг). Он родился 21 мая 1904 года в Вене в семье мелкого коммерсанта, бывшего сельского учителя из Словакии. С 1910 по 1923 год учился в начальной школе и гимназии. В 1928 году закончил Венский университет с дипломом доктора философии. Владел немецким, английским, французским, итальянским, голландским и русским языками.

С юношеских лет Дейч принимал участие в коммунистическом движении. В 1920 году он стал членом австрийского комсомола. В 1924 году — вступил в компартию Австрии. С 1928 года Арнольд Дейч работает в Коминтерне. В качестве курьера и связника он выезжает в Румынию, Грецию, Сирию, Палестину. Его жена Джозефина, на которой он женился в 1929 году, также была активной коммунисткой.

В январе 1932 года супруги приезжают в Москву для работы в ОМСе Коминтерна. Дейч переводится в ВКП (б) и в августе того же года переходит из Коминтерна в ИНО ОГПУ. Его жена под именем Лиза Крамер остается работать в ОМСе вплоть до начала 1936 года, когда она, получив квалификацию радиста, присоединяется к мужу.

В начале 1933 года Дейча направляют на нелегальную работу во Францию в качестве помощника и заместителя резидента. Он успешно выполняет специальные задания Центра в Бельгии, Голландии и Германии. В начале 1934 года Дейч перебирается в Лондон, становится ученым-исследователем при Лондонском университете, где изучает психологию.

Дейч обладал очень важной чертой профессионального разведчика — умением подбирать нужных людей и терпеливо готовить их для работы на разведку. Он сосредоточил свое внимание

преимущественно на Кембриджском и Оксфордском университетах. Его интересовали студенты, которые в перспективе могли стать его надежными помощниками по разведывательной работе. Дейч (Стефан) делал твердую ставку на приобретение перспективной агентуры.

В Лондоне ему удается привлечь к работе на Советский Союз прославленную кембриджскую пятерку (также, кстати, и оксфордскую, до сих пор не раскрытую). Именно ее Аллен Даллес считал «самой сильной разведывательной группой времен второй мировой войны».

В одном из отчетов в Центр Дейч писал о своих соратниках:

«Все они пришли к нам по окончании университетов в Оксфорде и Кембридже. Они разделяли коммунистические убеждения. Это произошло под влиянием широкого революционного движения, которое за последние годы захватило некоторые слои английской интеллигенции и в особенности две крепости английской, интеллектуальной жизни — Кембридж и Оксфорд ...

80% высших государственных постов заполняется в Англии выходцами из Кембриджского и Оксфордского университетов, поскольку обучение в этих высших школах связано с расходами, доступными только богатым людям. Отдельные бедные студенты со стипендиями — исключение. Диплом такого университета открывает двери в высшие сферы государственной и политической жизни страны».

В составе завербованной Дейчем «кембриджской пятерки» были Ким Филби, Дональд Маклейн, Гай Берджес, Антони Блант и Джон Кернкорс.

Все они длительное время сотрудничали с советской разведкой:

Ким Филби работал в английской разведке, будучи ее представителем в ЦРУ;

Антони Бланд всю вторую мировую войну работал в английской контрразведке;

Джон Кернкорс служил в английской дешифровальной службе, а затем корректировал деятельность английской разведки в Югославии;

Джональд Маклин и Гай Берджес занимали высокие посты в английском дипломатическом ведомстве.

В сентябре 1937 года Арнольд Дейч возвратился из Лондона в Москву. Его деятельность так была оценена руководством Центра: «За период нелегальной работы за границей Стефан проявил себя на различных участках подполья как исключительно инициативный и преданный работник».

В другой характеристике указывалось: «Во время работы в Англии Стефан зарекомендовал себя как особо ценный работник лондонской резидентуры. Им лично приобретено более 20 источников, в том числе известная «пятерка». Большинство из них поставляли особо ценные материалы ...»

В 1938 году Дейч принимает советское гражданство. Однако в течение нескольких лет он пребывает не у дел. Затем его направляют с разведгруппой в Латинскую Америку, однако группа надолго застревает в Тегеране. Группе Дейча разработали другой маршрут — северный.

7 ноября 1942 года транспорт «Донбасс», на борту которого находился Дейч, был потоплен немецким крейсером «Адмирал Шеер».

Одним из наиболее крупных военных разведчиков XX века и в то же время крупным работником коминтерновского аппарата был Генри Робинсон, известный в Коминтерне, а потом в ГРУ под псевдонимом Гарри.

Генри РОБИНСОН родился 8 мая 1897 года во Франкфурте-на-Майне (по другим сведениям, в Брюсселе) в семье Давида Робинсона (по другим сведениям — Баумана) и Анны Церхановской.

В годы первой мировой войны находился в Швейцарии, где активно участвовал в революционном молодежном движении вместе с Вилли Мюнценбергом, Жюлем Эмбер-Дро и другими будущими лидерами Коминтерна и КИМа. Один из основателей и руководителей КИМа.

С 1920 года работал в аппарате Коминтерна. По заданию ИККИ неоднократно выезжал на подпольную работу в Германию, Францию и другие страны, являлся секретарем строго засекреченной Военной комиссии Коминтерна. В период «Германского Октября» 1923 года руководил нелегальной военно-политической работой в Рейнской области.

Во второй половине 20-х годов работал во Франции и Германии по линии «спецработы» Коминтерна — военно-промышленная разведка, подготовка диверсионных групп, подготовка восстаний на случай ожидавшегося нападения на СССР.

Среди прочего, с 1926 по 1942 год Робинсон осуществлял связь со швейцарским полицейским чиновником Хабьяничем в Базеле, который в этот период поставлял ОМСу и Разведупру фальшивые швейцарские паспорта.

В 1931 году вместе с Мустафой Голубичем Робинсон создал нелегальный военный аппарат в Германии. Неоднократно выезжал в Швейцарию и Великобританию.

В 1935 году Робинсон по указанию Я.К. Берзина был привлечен к работе на советскую военную разведку. Основные источники его информации находились во Франции и Великобритании. Это были ученые, инженеры, работники различных министерств и ведомств, сочувствующие коммунизму и, в основном из идейных соображений, оказывавшие помощь советской разведке.

Робинсон добывал исключительно ценную информацию, в том числе по авиационной технике и электронному оборудованию западных стран. Его материалы, по заключению экспертов, отвечали острейшим потребностям оборонной промышленности СССР и сэкономили миллионы инвалютных рублей СССР.

В 1940 году Робинсон и его сеть были полностью переориентированы Центром на работу против Германии. Ему ставилась задача установить, в какой мере и как Германия использует Францию, французскую промышленность, сырьевые и людские ресурсы. Кроме того, ему необходимо было заняться вербовкой надежных лиц среди французов, подлежащих отправке на заводы в Германию.

За несколько месяцев до нападения фашистской Германии на СССР Робинсон начал давать ценную информацию о подготовке немцев к войне против Советского Союза. Вот несколько из его многочисленных сообщений:

- 5 апреля 1941 г. — «По железным дорогам Франции на восток отправляется большое количество санитарных машин»;
- 17 апреля 1941 г. — «Ближайшие помощники Гитлера считают, что завоевание Украины — одна из задач готовящейся войны»;
- 27 апреля 1941 г. — «70-тонные танки заводов Рено перебрасываются в Катовице (Польша). С 21 по 23 апреля на восток отправлено 800 легких танков»;
- 7 мая 1941 г. — «В Польшу отправлено 350 французских 12-тонных танков с заводов Гочкис»;

10 июня 1941 г. — «Не позднее чем через два месяца немцы займут часть территории СССР (источник — беседа французского полковника с одним из высших чинов немецкой армии)».

К началу войны группа Робинсона была хорошо подготовлена к работе в условиях военного времени. Она была не громоздкой, хорошо законспирированной, состояла из надежных людей, имела в своем распоряжении две рации.

В сентябре 1941 года по указанию Центра Робинсон установил связь с действовавшей во Франции и Бельгии резидентурой Леопольда Треппера (кличка Отто). Это было сделано для того, чтобы помочь Трепперу восстановить связь с Центром.

Однако после восстановления связи обе резидентуры переплелись и действовали совместно, что и привело в конечном счете к провалу. В более слабой и неорганизованной сети Треппера начались провалы, которые потянули за собой и группу Робинсона (Гарри).

Сам Робинсон был арестован 21 декабря 1942 года. Сохранилась его записка, которую он сумел передать из тюрьмы через узника, находившегося в соседней камере. Вот текст этой записки:

«Французский товарищ Генри Робинсон (Гарри) был арестован в декабре 1942 г. в своем доме. Он был выдан лицом, которое получило его адрес в Москве. Жена его и сын были подвергнуты пыткам и заключены в тюрьму, а затем казнены (первая жена Робинсона — Клара Шаббель, сотрудница резидентуры советской разведки в Германии, была казнена в берлинской тюрьме Плетцензее 5 августа 1943 года. Посмертно награждена орденом Отечественной войны 2-й степени в 1968 году. Их сын Лео после войны проживал в ГДР. — В.П.). Сам Гарри был заключен в одиночку и впоследствии отвезен в Берлин, в Гауптзихерхайтсат (Главное управление государственной безопасности), Принцальбертштрассе, где его содержат в большом секрете в камере 15 в ожидании смертного приговора. Пишущий настоящие строчки видел его в последний раз в день выхода из соседней камеры 16 и обещал передать его сообщение (переписано с его записки)».

Далее следует описание подробностей ареста и поведение отдельных лиц и просьба о предупреждении тех, кто остался на свободе. Записка заканчивается словами:

«Отрубят голову или расстреляют — победа будет все равно наша. Ваш Гарри».

Мужественный борец с фашизмом Генри Робинсон был казнен фашистами. Не так давно его имя опять всплыло во Франции и явилось предметом небольшой сенсации. Оказалось, что среди источников Робинсона был и национальный герой Франции Жан Мулен, личный представитель де Голля во французском Сопротивлении, также казненный немцами.

Надо отметить, что в резидентуре Робинсона-Гарри действовало довольно много бывших сотрудников Коминтерна, в частности работников ОМСа, среди них — его радист Мирандо Гриотто, супруги Франц и Жермена Шнайдер, Анна Мюллер и др.

Например, Анна-Барбара Мюллер, старая швейцарская коммунистка, жившая в Базеле, в течение почти двадцати лет была сотрудником ОМСа ИККИ. Ее квартира служила явкой для работников Коминтерна. Кроме того, она выполняла важную работу по фабрикации фальшивых швейцарских паспортов с помощью завербованного Францем Велти, одним из лидеров Компартии Швейцарии, ответственным за «специальную работу», сотрудника швейцарской полиции. Вместе с Робинсоном она в 1935 году перешла на работу в Разведупр РККА.

16 июня 1943 года гестапо удалось заманить Анну Мюллер на территорию Германии, где она была арестована. Ей удалось пережить ужас фашистских концлагерей и после войны вернуться в Швейцарию.

* * *

Вообще говоря, не только в резидентуре Робинсона действовали бывшие коминтерновские работники. Так, знаменитый «большой шеф», он же Отто — Леопольд ТРЕППЕР сам имел непосредственное отношение к Коминтерну. Он родился 23 февраля 1904 года в Польше в местечке Новый Тарг. С детства испытал крайнюю нужду и голод. Учился во Львове, затем в краковском университете.

В связи с тяжелым материальным положением вынужден был оставить учебу, работал каменщиком, слесарем, чернорабочим на литейном заводе в Домброве. За организацию забастовок и рабочих выступлений неоднократно подвергался арестам. В 1916 году примкнул к еврейской молодежной, революционной

организации «Хашомер Хацаир». В 1920 году был избран в состав ее руководства.

В 1924 году Треппер выехал на историческую родину в Палестину. Здесь тесно сблизился с руководителями Коммунистической партии Палестины Иосифом Бергером, Даниелем Авербухом и др. Явился одним из инициаторов еврейско-арабского движения «Ишуд» («Единство»). Здесь познакомился и сблизился со многими своими будущими помощниками по разведывательной работе в пользу СССР — с Софи Познанской, Гилелем Кацом, Лео Гроссфогелем, Исидором Шрайбером, а также со своей будущей женой Любой Бройде.

Кстати говоря, Бройде была активисткой боевой организации Компартии Польши, участвовала в убийствах провокаторов. После казни Нафтали Ботвина, руководителя ее группы, бежала в Палестину.

В Палестине Треппер работал чернорабочим на строительстве дорог, в кибуце, учеником на заводе электроприборов. Как и в Польше, здесь уже английской полицией неоднократно подвергался арестам. Вступив в Компартию, он стал секретарем ее секции в Хайфе и, таким образом, освобожденным партийным работником.

Скрываться от английской полиции становилось все труднее и труднее, и Треппер по рекомендации ЦК выехал во Францию. Здесь он через своего друга Альтера Штрёма оказался вовлечен в работу советской разведки, вошедшую в историю мирового шпионажа под названием «сеть рабкоров» (т.е. рабочих корреспондентов). В июне 1932 года произошел провал. Были арестованы Альтер Штрём и руководитель всей сети Исай Бир, известный под кличкой Фантомас. Доказательств против самого Треппера не было, но, не желая искушать судьбу, он решил от греха подальше перебраться в СССР.

Здесь он был направлен на учебу в Коммунистический университет национальных меньшинств Запада имени Юлиана Мархлевского. После окончания университета получил предложение перейти на работу в советскую военную разведку. Это было связано опять же с делом Фантомаса: Исай Бир и Альтер Штрём, отсидев по три года в тюрьме, прибыли в конце 1936 года в СССР.

Обстоятельства их провала оставались непроясненными и для того, чтобы расследовать их, в декабре 1936 года Леопольда Треппера, уже как советского военного разведчика, направляют в Бельгию и Францию. Он блестяще выполнил первое поручение,

доказав, что провал произошел не по вине журналиста газеты «Юманите» Рикье, а по вине американского коммуниста Гордона Швица, перевербованного американской контрразведкой, который выдал всю группу французской полиции.

В мае 1937 года, выполнив задание, Треппер возвращается в СССР. Во время этой командировки он проделал также большую работу по добыванию паспортов, необходимых для легализации советских разведчиков в зарубежных странах. В этих целях он воспользовался услугами своего старого знакомого Лео Гроссфогеля (Андре), который ранее был связан с крупным дельцом по скупке и продаже паспортов Райхманом (Фабрикант).

Учитывая перспективность этой работы, которой Центр придавал большое значение, в июле его вновь отправляют в Бельгию для организации специальной резидентуры по добыче фальшивых паспортов.

Л. Трепперу удалось завербовать Гроссфогеля, который договорился с Райхманом о постоянной работе по добыванию паспортов для советской разведки. В мае 1938 года Треппер вернулся в Москву и представил Центру свой план создания в Бельгии паспортной резидентуры, однако Центр, исходя из изменившейся международной обстановки (возрастания угрозы начала войны в Европе), принял решение об использовании этой структуры в качестве резидентуры связи.

Таким образом, в середине 1938 года Треппер по канадскому паспорту вновь прибывает в Париж и здесь начинается его деятельность на посту руководителя одной из самых знаменитых в истории мирового шпионажа организаций, вошедшей в историю под названием «Красная капелла». Вплоть до своего ареста 24 ноября 1942 года, Трепперу удавалось передавать в Центр информацию огромной важности. Наряду с Шандором Радо, Генри Робинсоном он является одним из наиболее знаменитых советских разведчиков второй мировой войны.

После окончания войны на Западе было опубликовано много материалов о деятельности советской военной разведки, возглавляемой Треппером. Кроме того, спецслужбы ряда стран, в частности Англии и Франции, преследуя свои цели, провели глубокий научный анализ ее деятельности.

В целом во всех этих материалах дается высокая оценка деятельности советской военной разведки в предвоенные и военные годы. По заключению французской спецслужбы, «результаты ... достигнутые советской разведкой ... были значительными».

По мнению англичан, «разведывательные группы добывали те разведывательные сведения, которые они искали».

Резидент Треппер, который рассматривается как «агент международного класса», характеризуется как «чрезвычайно изобретательный и способный разведчик». Что касается его поведения после ареста в 1942 году, то как французы, так и англичане считают, что он не сотрудничал с немцами, а вел двойную игру, чтобы выиграть время и бежать.

В целом история разведывательной деятельности Леопольда Треппера и членов его резидентуры полна отваги и трагизма. Она сыграла огромную роль в борьбе с фашизмом.

Одним из руководителей знаменитой «Красной капеллы» был выдающийся советский разведчик Шандор Радо (Альберт, Дора). Он был одним из активных работников Коминтерна.

Шандор РАДО родился 5 ноября 1899 года в венгерском городе Уйпеште в семье буржуазного политического деятеля. После окончания гимназии 17 лет от роду он был призван в австро-венгерскую армию, окончил офицерскую школу крепостной артиллерии. Одновременно поступил на юридический факультет Будапештского университета, как артиллерист крепостной артиллерии находился в тылу.

Появившиеся во время войны антимилитаристские тенденции и знание национальной экономики привели его к социализму.

В конце 1918 года после возвращения Белы Куна из России и основания Венгерской компартии (ВКП), он становится ее активным бойцом. Он был политкомиссаром 6-й дивизии революционной армии Венгрии. После падения советской власти в Венгрии эмигрировал в Австрию.

В 1919 году он — сотрудник журнала «Коммунизмас», летом 1920 года при согласии М. Литвинова начал работать в Венском отделе РОСТы, а с созданием там радиослужбы перешел на работу в этот отдел. Он организовал информационное агентство «Роста-Вин» («Роста-Вена»), передававшее информацию в СССР, а затем информационное агентство «Интел» и наладил передачу информации об СССР, которая распространялась по всему миру, а также и нелегальных передач в Москву.

В 1921 году Ш. Радо принимал участие в работе III Конгресса Коминтерна. В 1922 году он переехал в Германию и поступил в Берлинский университет на факультет научной географии. В 1923 году он уже сотрудник военного аппарата Компартии Гер-

мании. В 1924 году переезжает в Москву, где в качестве картографа по поручению ЦИК и Госиздата занимается созданием путеводителей по СССР для иностранных туристов.

С 1925 года вновь в Берлине, а с 1933 года во Франции руководит картографическими агентствами, одновременно сотрудничая с ОМСом ИККИ. С 1925 года — член РКП(б), состоял в ячейке ЦИК СССР. С 1925 года по решению Пятницкого передается в распоряжение Разведупра Генштаба РККА. С 1936 года находится в Швейцарии. С начала второй мировой войны — резидент разведгруппы «Красная капелла».

Ш. Радо владел несколькими иностранными языками: немецким, французским, английским, своим — венгерским и немного русским. Надо заметить, что жена Ш. Радо — Елена работала вместе с мужем под псевдонимами Арнольд и Мария. Она скончалась в 1958 году.

После окончания войны Шандор Радо был отозван в Москву и репрессирован. После своей реабилитации в 1955 году вернулся в Будапешт, где и умер в 1981 году.

Еще один выдающийся разведчик, начавший свой путь в Коминтерне и сыгравший огромную роль в годы Великой Отечественной войны — умерший в 1995 году Ян ЧЕРНЯК. Он родился 6 апреля 1909 года на Буковине в семье еврея-торговца, выходца из Чехословакии. Его отец был активным членом Румынской социал-демократической партии. Мать Черняка — венгерка, родом из Будапешта.

В годы первой мировой войны его родители пропали без вести и шестилетний Ян попал в детский дом. В 1927 году он окончил в Праге среднюю школу, обучаясь в которой, вступил в ряды чешского комсомола. Затем продолжил образование в Пражском высшем техническом училище, активно участвовал в коммунистическом движении. После окончания училища трудился на электротехническом заводе, однако в результате мирового кризиса остался без работы, подрабатывал уроками английского и переводами.

В начале 30-х годов Черняк выехал в Берлин, где вступил в Компартию Германии. Его лично знал Вильгельм Пик, так как Черняк возглавлял один из комитетов берлинской партийной организации.

В это время советские военные разведчики создавали в Германии мощную сеть научно-технической разведки. На Черняка

обратили внимание и привлекли его к работе. К 1934 году он уже стоял во главе небольшой группы, собирая информацию по Германии и ее союзникам в целом ряде стран. Приезжая в ту или иную страну, Черняк, как правило, по партийным каналам выходил на людей со связями, организационными способностями, которые ориентировали его в обстановке. Среди агентов Черняка в это время — секретарь министра, глава исследовательского отдела авиационной фирмы, офицер разведки, высокопоставленный военный в штабе и т.д.

Сам Черняк работал в это время то стажером в фирме, то коммивояжером, то лектором по научно-техническим вопросам. Некоторое время ему пришлось отслужить в армии, причем делопроизводителем в штабе военного объединения. В 1935 году произошел провал человека, знавшего Черняка по совместной партийной работе. В связи с этим его отозвали в Москву и после кратковременной спецподготовки в Центре вновь направили за границу.

С 1935 по 1945 год, в течение десяти лет, Черняк возглавлял одну из самых результативных резидентур в истории мирового шпионажа. Он лично привлек к сотрудничеству 24 человека. Резидентура Черняка, действуя в ряде стран Европы, представляла образцы и документальные материалы по широчайшему спектру важнейших направлений развития систем оружия и военной техники.

Прежде всего они касались авиации, в том числе реактивной, новейших технологий и материалов, применяемых в самолетостроении, авиадвигателях и стрелково-пушечном вооружении летательных аппаратов, бортовом радиоэлектронном оборудовании, авиабомбах и реактивных снарядах, ракетах (ФАУ-1, ФАУ-2), а также бронетанковой технике, артиллерийских системах, химическом и бактериологическом оружии и защите от него, средствах радиосвязи, радиолокации и радионаведения, инфракрасной и телевизионной технике, морском минно-торпедном оружии, средствах обнаружения подводных лодок и радиоэлектронного противодействия.

Хотя в 1941 году связь с резидентурой Черняка была нарушена, уже в следующем, 1942 году, он нашел возможность восстановить курьерскую линию с Советским Союзом.

В конце второй мировой войны Черняк передавал важную информацию о планах США и Великобритании, а также об атомном оружии. В апреле 1946 года 16 человек из резидентуры Черняка

были представлены к высоким наградам, в том числе двое — к ордену Ленина. По старому русскому обычаю сам Черняк награды не получил — где-то что-то не то ляпнул. Только за десять дней до смерти, 9 февраля 1995 года, ему вручили Звезду Героя России.

Поразительный факт — Черняк, лежавший в больнице в течение нескольких недель без сознания, в тот момент, когда в палату вошли начальники Генштаба и ГРУ Колесников и Ладыгин, пришел в сознание и довольно внятно произнес: «Служу Советскому Союзу!»

Крупным советским разведчиком был ПОРЕЦКИ Игнатий Станиславович, он же Натан Маркович Рейсс (Людвиг). Для удобства будем называть его тем именем, под которым он вошел в историю — Игнатий Рейсс.

Он родился в 1899 году в семье торгового служащего в Галиции (Австро-Венгрия). В гимназии примкнул к революционному движению. Окончил юридический факультет Венского университета. Тогда же вступил в Компартию Австрии. С 1920 года на нелегальной работе в Польше. В то же время стал работать на военную разведку СССР в Германии. В 20-е годы работал в Австрии, Голландии, Чехословакии. В 1931 году переводится на работу в ИНО ОГПУ, где стал сотрудником резидентуры во Франции и Швейцарии.

И. Рейсс был убежденным коммунистом, отважным разведчиком, долгие годы преданно служившим идеям Октября.

Летом 1936 года И. Рейсс порвал с советским режимом и выступил в прессе с обвинениями в адрес сталинского руководства, за что в сентябре 1937 года был убит агентами внешней разведки НКВД под Лозанью в Швейцарии по указанию Сталина.

Другой знаменательной личностью является немецкий коммунист КИППЕНБЕРГЕР (Эрнст Вольф, Алекс). Он родился в 1898 году. Был участником первой мировой войны — обер-лейтенант. Один из руководителей Гамбургского восстания.

В 1924 году прошел обучение в нелегальной военной школе Коминтерна в Москве и одновременно закончил университет национальных меньшинств Запада. С 1925 по 1935 год возглавлял нелегальный военный аппарат компартии Германии. С 1928 года — депутат Рейхстага от КПГ.

С 1929 года — член ЦК КПГ. С 20-х годов сотрудничал с Разведупром Генштаба РККА. В ноябре 1936 года был вызван в

Москву, где по приезде был арестован и 3 октября 1937 года расстрелян.

Такая же судьба постигла и замечательного советского разведчика БРАУДЕ Фрица Фридриховича (Эдгар). Он родился в 1901 году. Член Компартии Германии. Входил в руководство военно-политического аппарата КПГ, затем работал в ОМСе. В 1933—1934 годах работал в Дании, Швеции и Чехословакии. В 1930-х годах — сотрудник советской разведки. В сентябре 1937 года был вызван в Москву и по приезде арестован, а 15 февраля 1938 года расстрелян.

Еще одной неординарной личностью, принадлежавшей к коминтерновской плеяде был Рот ЛЕО (Гесс Эрнст, он же Альберт и Виктор). Он родился в 1910 году. Член германского комсомола с 1925 года. С 1929 года — член КПГ. С 1930 года — сотрудник центрального аппарата КПГ. В 1931 году — курсант военной школы Коминтерна в Москве. В 30-е годы входил в военно-политическое руководство КПГ, отвечал за разведывательную службу и сотрудничал с советской разведкой. В январе 1936 года приехал в Москву и работал в представительстве КПГ в ИККИ. В ноябре 1936 года был арестован органами НКВД по нелепому обвинению в шпионаже.

В 1937 году он был освобожден из-под ареста из-за отсутствия улик и отправлен от греха подальше в Испанию, где след его и обрывается.

Вообще, чтобы перечислить всех работников Коминтерна и национальных компартий, привлеченных к сотрудничеству с органами советской разведки, потребовалось бы специальное исследование и книга-справочник. А это выходит за рамки данного повествования. Цель этого раздела книги — показать лишь организационные начала и сотрудничество по работе различных структур советской разведки и то содействие в их работе, которое оказывал им Коминтерн и Пятницкий, руководивший конспиративной деятельностью Коммунистического Интернационала.

Но продолжим наше повествование. Мне кажется целесообразным рассказать еще кое о ком из этой славной плеяды замечательных, бескорыстно преданных делу Советского Союза людей.

Один из них — Артур Хюбнер.

ХЮБНЕР Артур родился в рабочей семье. С 1916 года участвовал в рабочем движении. Член КПГ со дня ее основания. В 1920 году участвовал в работе Конгресса Коммунистического интернационала молодежи.

С 1920 года сотрудничал с Разведупром РККА в Германии. В 1931 году приехал в Москву, окончил специальную коминтерновскую школу радистов. В 30-е годы он разведчик-радиотехник в Скандинавских странах, затем в Румынии. Знал шесть языков. В 1941 году был вызван в Москву и арестован. В 1958 году реабилитирован и выехал в ГДР.

Крупный советский разведчик с весьма запутанной судьбой ШТЕЙНБРЮК Отто Оттович. Родился в 1892 году в Австро-Венгрии, немец, сын ремесленника. Окончил кадетский корпус, капитан австро-венгерской армии. В 1917 году — в плену в России. Член РКП(б) с 1918 года. В том же году выехал в Венгрию. Член ВКП, сотрудник военного отдела Венгерской компартии, затем заместитель командира корпуса венгерской Красной Армии. Был порученцем при Беле Куне.

В 1919—1920 годах — политзаключенный в Венгрии. В 1920—1921 годы — на нелегальной работе в Германии, затем выехал в СССР. С 1921 года работал в ИНО ВЧК. В 1923 году — в Германии, затем резидент в Швеции.

С 1925 года — начальник 8-го отделения (немецкого) отдела контрразведки (КРО) ОГПУ. Участвовал в ликвидации многих неугодных Сталину лиц за границей, в том числе и Игнатия Рейсса. 21 апреля 1937 года сам был арестован органами НКВД и 21 августа того же года расстрелян.

Следует рассказать и о некоторых женщинах-коминтерновках, сыгравших роль в деятельности советской разведки. Прежде всего, это Эльза РОЗЕНЦВЕЙГ, известная также как Лиза Горская, жившая в СССР под именем Елизаветы Юльевны Зарубиной. Она родилась в 1900 году в Австро-Венгрии в селе Ржавенцы Хотинского района Черновицкой области. Ее отец работал управляющим лесхоза в имении помещика Гаевского.

Юная Эльза с детства проявила выдающиеся способности. Она блестяще окончила гимназию в Черновцах, а затем училась на историко-филологическом факультете сначала Черновицкого, а затем Парижского и Венского университетов. Прекрасно образованная, обладавшая широким кругозором и большим жизнен-

ным опытом, она свободно владела, помимо родного румынско-го, немецким, французским, английским и русским языками.

В своих мемуарах «Разведка и Кремль» Павел Судоплатов пишет, что уже в юности Эльза сблизилась с румынскими коммунистами, в частности с известным их лидером Анной Паукер, а брат Эльзы был якобы лидером боевой организации Компартии Румынии. Мне лично подобные сведения не попадались.

Учась в Венском университете, в 1923 году Эльза вступает в ряды Австрийской компартии. Ее сразу же привлекают для работы в нелегальных коминтерновских структурах — Вена той поры была одним из центров подрывной коммунистической деятельности не только на Балканах, но и в странах Центральной и Восточной Европы. Особенно большую роль играла Балканская коммунистическая федерация, руководимая Владимиром Милутиным, Александром Абрамовичем и Георгием Димитровым.

С 1924 по 1925 год Эльзу под фамилией Розенберг привлекают для работы переводчицей в советских полпредстве и торгпредстве. Ее революционное прошлое, знание языков и опыт проживания в различных европейских странах, а также знакомство с принципами конспирации, приобретенное на работе в Коминтерне, привлекают к ней внимание венских резидентов ИНО ОГПУ, которыми в эти годы являлись поочередно Евсей Гольденштейн и Иван Запорожец.

В 1925 году, после краха коминтерновской попытки инициировать революцию на Балканах, многие сотрудники коминтерновского аппарата в Вене переходят на работу в советскую разведку. Одной из них была Эльза Розенцвейг, ставшая сотрудницей ИНО ОГПУ.

Первые три года она работала в венской резидентуре, привлекала к сотрудничеству целый ряд важных источников информации, с некоторыми из которых работала и многие годы спустя. В этот же период для выполнения специальных заданий Центра выезжала из Вены в Турцию. В 1928 году Эльза приехала в Советский Союз. Здесь за ней безуспешно ухаживал известный авантюрист Яков Блюмкин. Вся эта история довольно широко известна. О ней, в частности, пишет в своих мемуарах невозвращенец Георгий Агабеков.

Однако яркому, но двуличному Блюмкину Эльза предпочла Василия Михайловича Зарубина, ставшего позднее одним из руководителей советской разведки. Зарубин был старше Эльзы на шесть лет, прошел первую мировую и гражданскую войны. С

1925 года он работал в ИНО ОГПУ, сначала в Китае, а затем в Финляндии.

Вместе с мужем Эльза, ставшая Елизаветой Юльевной Зарубиной, отправляется в нелегальную командировку, продолжавшуюся 13 лет. Первоначально они выехали в Данию по чехословацким паспортам. Здесь им удалось получить разрешение местных властей на постоянное проживание и наладить работу нелегальной резидентуры против Германии. Однако вскоре Зарубину было передано указание выехать во Францию и принять руководство нелегальной резидентурой в этой стране.

Сначала супруги поселились на юге Франции в небольшом курортном городке Антиб, где познакомились с молодой французенкой по имени Майя и ее семьей. Вскоре они переехали в Париж и временно поселились в гостинице. Семью французенки удалось привлечь к сотрудничеству с нелегальной резидентурой в качестве содержателей конспиративной квартиры. Позднее супруги Зарубины поселились недалеко от Парижа, где познакомились с владельцем гаража. Со временем Василий Михайлович стал его компаньоном и получил постоянный вид на жительство.

В помощь разведчику был направлен еще один агент из СССР, поляк по национальности, брат которого владел в Париже небольшой рекламной фирмой. Зарубину удалось стать компаньоном последнего и в дальнейшем расширить деятельность рекламного бюро. Это создавало хорошую возможность для ведения разведывательной работы.

Во Франции супруги находились до 1933 года. Возглавляемая ими резидентура получала материалы не только по Франции, но и по Германии. В этом была основная заслуга Елизаветы Юльевны, которая не только оказывала мужу помощь в работе, но и сама вела активную вербовочную деятельность. В частности, ей удалось проникнуть в германское посольство в Париже и получать оттуда секретную политическую и экономическую информацию.

В связи с приходом в Германии к власти Гитлера эта страна становится самым важным объектом советского шпионажа, но в то же время самым опасным и трудным. Поэтому неудивительно, что столь хорошо себя зарекомендовавшие во Франции Зарубины были направлены в Германию.

В 1934 году супруги выезжают в Берлин, где возглавляют нелегальную резидентуру. Здесь они провели ряд ценнейших вербовок иностранцев, приложили много сил и энергии для созда-

ния подпольных антифашистских групп. Направляемая ими в Москву информация о планах Гитлера получала высокую оценку в Центре. В 1937 году Зарубин был награжден орденом Красного Знамени и вместе с женой вернулся в Москву.

Каким-то чудом супругам удалось пережить страшные времена сталинских чисток. В предвоенные годы они много сделали для восстановления потерянных связей с ценнейшими источниками информации. Так, Зарубин выезжал в Китай, где восстановил связь с советником Чан Кайши Вальтером Стеннесом, а Елизавета Юльевна в апреле 1941 года выезжала в Германию для восстановления связи с женой крупного немецкого дипломата, помощника Риббентропа, известной под псевдонимом Юна. Выдавая себя за немку, она провела две встречи с этой женщиной и добилась ее согласия на продолжение сотрудничества в Берлине. В дальнейшем от Юны поступали важнейшие сведения.

После выполнения этого задания Елизавете Юльевне было поручено восстановить связь с агентом внешней разведки, работавшим шифровальщиком в германском МИДе. Эта операция проводилась под личным руководством начальника внешней разведки Павла Михайловича Фитина, и ее результаты докладывались наркому госбезопасности.

Осенью 1941 года было принято решение направить супругов Зарубиных в США, где Василий Михайлович должен был стать резидентом легальной разведки. Перед отъездом он был принят Сталиным. В беседе Сталин поставил перед Зарубиным главную задачу — следить за тем, чтобы правящие круги США не сговорились с нацистской Германией и не закончили войну сепаратным миром.

В США супруги находились до 1944 года. Руководимая ими резидентура добилась больших результатов работы и внесла существенный вклад в укрепление экономической и военной мощи нашей страны. Получаемая ими информация из правительственных, политических и научных кругов высоко оценивалась Центром и регулярно докладывалась Государственному Комитету Обороны. Сама Елизавета Юльевна, находясь в США, поддерживала нелегальную связь примерно с двумя десятками агентов, в том числе с наиболее ценными источниками информации. При этом она активно использовала национальный момент, связанный с проводимой Германией антисемитской политикой и тем, что Советский Союз являлся единственной силой, реально противостоявшей Гитлеру.

Москва высоко оценила результаты работы резидентуры. Зарубину было присвоено звание комиссара госбезопасности (позднее — генерал-майора) и по возвращении на родину он был назначен заместителем начальника внешней разведки. Вместе с ним в центральном аппарате внешней разведки работала и Елизавета Юльевна. Однако в сентябре 1946 года она была уволена в запас. В стране начиналась развязанная Сталиным кампания против космополитов. Спустя два года вышел в отставку и Василий Михайлович.

Елизавета Юльевна скончалась в результате трагического несчастного случая 14 мая 1987 года.

Другой выдающейся советской разведчицей, пришедшей в разведку из Коминтерна, была АФРИКА ДЕ ЛАС ЭРАС, известная в СССР как Мария Павловна, псевдоним Патрия. Более 45 лет эта мужественная и красивая женщина провела на работе в органах советской разведки, причем большую часть этого времени она работала нелегально за рубежом. Родилась Африка де Лас Эрас 26 апреля 1910 года в городе Тетуан (испанское Марокко) в семье ссыльного испанского офицера. Она получила среднее образование и после смерти отца в 1926 году вступила в самостоятельную жизнь.

С юных лет Африка отличалась решительным, боевым характером. Она унаследовала от отца непримиримую ненависть к существующему в Испании режиму. В начале 30-х годов Африка переезжает в Испанию, в 1932 году вступает в коммунистическую партию.

С 1933 года она принимает участие в подготовке знаменитого восстания горняков, которое вспыхнуло в провинции Астурия в 1934 году. Во время восстания ей поручаются наиболее опасные дела — связь и перевозка оружия.

После подавления восстания более года Африка работает в подполье на нелегальном положении. Она знакомится с работниками Коминтерна, находящимися в Испании, и выполняет их ответственные поручения.

После начала гражданской войны в Испании в 1936 году Африка уходит на фронт, сражается на стороне республиканцев. Она является делегатом Компартии Испании в правительстве Народного фронта. По рекомендации работников Коминтерна на Африку обращает внимание резидент советской разведки в Испании Александр Орлов (он же Лев Никольский, настоящая

фамилия — Фельбин), который привлекает ее к сотрудничеству с внешней разведкой.

Павел Судоплатов пишет в своих мемуарах, что основным заданием Африки в это время было внедрение в окружение Льва Троцкого, находившегося сначала в Норвегии, а затем переехавшего в Мексику. В связи с тем что А. Орлов в 1938 году дезертировал со своего поста и бежал в США, появилась угроза расшифровки им Африки перед троцкистами. Поэтому в 1939 году Африку нелегально вывезли в СССР, где она работала в органах госбезопасности.

В первые же дни Великой Отечественной войны Африка вступает в ряды знаменитой Отдельной мотострелковой бригады особого назначения (ОМСБОН) НКГБ СССР. Эта часть находилась в подчинении Четвертого (партизанского) управления органов государственной безопасности, руководимого все тем же Павлом Судоплатовым.

В мае 1942 года Африка закончила курсы спецподготовки радистов и в начале июня была переброшена в тыл фашистских оккупантов. До апреля 1944 года она была радистом знаменитого отряда «Победители», которым командовал Герой Советского Союза Дмитрий Николаевич Медведев. Не раз ей приходилось участвовать в боевых операциях, проявлять смелость и отвагу при выполнении спецзаданий командования.

За активное участие в партизанском движении она была награждена орденами Отечественной войны II степени и Красной Звезды, а также медалями «Партизану Отечественной войны» I степени и «За отвагу».

Летом 1944 года руководство внешней разведки предложило Африке перейти на работу в подразделение нелегальной разведки за рубежом. После окончания спецшколы в 1946 году через Берлин она была вывезена в Париж, а в декабре 1948 года — в Латинскую Америку. 22 года продолжалась ее спецкомандировка, сначала в Европе, а затем в Латинской Америке.

В 1956 году к ней прибыл новый руководитель — резидент Марко, который работал под прикрытием владельца антикварного магазина. Это был также «воспитанник Коминтерна», итальянский коммунист Джованни Антонио Бертони.

Бертони родился в 1906 году, в 1924 году вступил в ряды Компартии Италии. В апреле 1925 года в городе Фаенце во время столкновения с фашистами он убил начальника штурмового отряда и начальника фашистской полиции, а также ранил еще од-

ного фашиста, за что был заочно приговорен к двадцати пяти годам тюрьмы. Заочно, так как к тому времени уже находился в СССР. Здесь он окончил Коммунистический университет национальных меньшинств Запада, работал инструктором в МОПРе, техническим секретарем Латиноамериканской секции Коминтерна, а затем на руководящей и весьма ответственной работе в аппарате ИККИ.

Во время Великой Отечественной войны работал редактором и диктором в радиокомитете. После этого он был привлечен к работе во внешнеполитической разведке. В первой половине 1944 года, после прохождения спецподготовки он был вывезен на родину, в Италию. Здесь он работал в итальянском МИДе вплоть до 1949 года, когда после проявления излишней и неуместной любознательности итальянской полиции пришлось срочно возвращаться в СССР.

С 1954 года Бертони работал в странах Латинской Америки. Сотрудничество с Патрией вскоре привело к их браку. Вплоть до смерти Бертони в 1964 году они дружно и счастливо жили вместе.

Все эти годы Африка успешно выполняла важные и ответственные задания по сбору и передаче в Центр ценной разведывательной информации. За достигнутые результаты в работе она была награждена вторым орденом Красной Звезды и второй медалью «За отвагу».

Осенью 1967 года отважная женщина вернулась в СССР, однако работа в нелегальной разведке для нее еще не завершилась. Еще трижды ей приходилось выезжать в заграничные командировки для выполнения важных заданий Центра — в 1969—1970 годах. С 1971 года Африка работала преподавательницей Высшей разведывательной школы КГБ СССР. В марте 1976 года она была награждена орденом Ленина.

Скончалась Африка 8 марта 1988 года. На могильном камне на Хованском кладбище в Москве выбиты слова «Полковник Африка де Лас Эрас, почетный сотрудник органов госбезопасности». Незадолго до смерти Африка писала: «Я верю в революционные принципы, в избранный мною путь. Ни годы, ни трудности борьбы не поколебали моей веры. Напротив, трудности всегда были стимулом, источником энергии в дальнейшей борьбе. Они дают мне право жить с высоко поднятой головой и спокойной душой, и никто и ничто не сможет отнять у меня этой веры, даже смерть».

Некоторые женщины, работавшие в Коминтерне, перешли затем на работу в военную разведку, ныне известную как ГРУ. Среди них можно назвать вторую жену Отто Куусинена (у нее он, кстати, тоже был вторым мужем) Айно Куусинен, жену Генри Робинсона Клару Шаббель, Ильзу Штебе и многих других. Однако наибольшую известность получили Мария Полякова и Урсула Кучински, или Рут Вернер.

Эти две женщины явились создателями наиболее знаменитой и результативной разведывательной сети времен второй мировой войны — швейцарской «Красной капеллы».

Мария Иосифовна ПОЛЯКОВА родилась 27 марта 1908 года в Петербурге в семье рабочего-революционера. В 1921—1924 годах она проживала вместе с родителями, работниками НКВД, в Германии и Англии. После возвращения на родину училась в школе, где была принята в ряды ВЛКСМ (1927 год) Бауманским РК ВЛКСМ Москвы. В том же году, окончив девять классов, перешла на работу в КИМ. В КИМе работала курьером, выполняла ответственные конспиративные задания, переезжая из страны в страну.

Летом 1932 года Мария Полякова попросилась на учебу, однако секретарь ЦК комсомола Александр Косарев лично вызвал ее к себе и, рассказав о тяжелом положении, складывающемся в связи с угрозой фашизма в Германии, предложил ей перейти на работу в военную разведку.

Как ни хотелось Марии продолжить образование, тем не менее чувство долга оказалось сильнее. Последовали встреча и знакомство с Яном Берзиным, зачисление на службу в Разведывательное управление РККА, обучение в Школе подготовки командиров штаба в Москве и первая командировка за рубеж в новом качестве.

Полтора года провела Мария на нелегальной работе в Германии, являясь помощником резидента — знаменитого Макса Германовича Максимова. В своей работе она тесно сотрудничала с руководителями военного и разведывательного аппаратов Компартии Германии Гансом Киппенбергером, Францем Шубертом, Лео Рогом и особенно с руководителем подразделения, занимавшегося сбором научно-технической информации Вильгельмом Баником.

Первым мужем Поляковой был австрийский коммунист и советский разведчик Иосиф Дицка.

После годичного пребывания в СССР, Мария получает новое, еще более ответственное задание — создать в нейтральной Швейцарии мощную резервную разведсеть, способную бесперебойно обеспечивать СССР информацией в случае войны с Германией. Руководил подготовкой предстоящей командировки латышский коммунист Оскар Стигга, до этого курировавший работу Поляковой в Германии.

В 1936—1937 годах Полякова блестяще выполнила свое задание, заложив основы знаменитой впоследствии «Красной капеллы». Ее ближайшими соратниками при этом стали венгерский коммунист Шандор Радо и немецкая коммунистка Рахиль Дюбендорфер.

Осенью 1937 года Мария вернулась из командировки в Москву. И Ян Берзин, и Оскар Стигга были к тому времени арестованы и вскоре погибли. Был арестован и отец Поляковой. Однако ее саму репрессии каким-то чудом не затронули. Более того, она даже получила орден за свою работу. Вплоть до 1946 года она работала в оперативном аппарате ГРУ, всю войну проработав в германском отделе, затем ушла на преподавательскую работу. Несколько лет тому назад Мария Иосифовна скончалась.

Урсула КУЧИНСКИ (Рут Вернер) родилась 15 мая 1907 года в еврейской семье. Отец ее был крупнейшим немецким статистиком, мать — художницей.

В 1923 году Урсула окончила лицей. Работала в книжных магазинах. С 18 лет она состояла в рядах германских компартии и комсомола. В 1928 году в течение года работала в США. По возвращении вышла замуж за архитектора Рольфа Гамбургера (впоследствии также советского разведчика).

В 1930 году Рольф получил место архитектора в английской миссии в Шанхае. Вместе с ним в Китай выехала и его жена. Она была буквально поражена нищетой, царившей в Китае. Практически сразу включилась в конспиративную работу в пользу Китайской компартии, а затем и советской разведки.

Когда знаменитый Рихард Зорге предложил ей стать одним из его помощников, Урсула, бывшая к тому времени на седьмом месяце беременности, немедленно согласилась.

На ее квартире Зорге устраивал конспиративные встречи, прятал оружие, кроме того, она выполняла роль связного. Именно Зорге дал ей псевдоним Соня, оставшийся на всю последующую жизнь.

Вскоре после отъезда Зорге из Шанхая в Москву вслед за ним отправилась и Урсула Кучински. Она прошла обучение в спецшколе и вместе с советским разведчиком Эрнстом, немцем-морьяком, была направлена на нелегальную работу в Маньчжурию. Работа была чрезвычайно трудной и опасной — поддержание связи и снабжение действовавших здесь партизанских отрядов и диверсионных групп.

В 1936 году Соня была направлена в Польшу, где выявляла немецкую агентуру. По возвращении в СССР она в 1938 году была награждена орденом Красного Знамени.

Следующим этапом была Швейцария. Здесь, вместе с Марией Поляковой, Соня организовывала прославившуюся позднее «Красную капеллу», лично обучала ее радистов. Здесь же она вышла замуж за англичанина, бывшего бойца интербригад Лена Бентона и в 1940 году переехала в Англию.

Именно через Соню шла в Москву секретная информация о создании атомной бомбы, которую сообщал советским властям другой немецкий коммунист — Клаус Фукс. Он прибыл в Великобританию зимой 1933—1934 года. Когда началась вторая мировая война, он был интернирован, но в 1941 году освобожден. Фукс начал работать с профессором Рудольфом Пейрлсом, также бежавшим из Германии. Профессор возглавлял проект «Тьюб элойз» по созданию атомной бомбы.

Впрочем, передача документов «атомного проекта» не была единственной ее задачей. Соня собирала политическую и военную информацию из широкого круга источников: в правительственных кругах, гражданских учреждениях, вооруженных силах и позже в Высшем союзном командовании.

В 1947 году ей было приказано прекратить деятельность. Она была разоблачена Алланом Футом, бывшим членом ее Женевской разведывательной сети, который, как и Лен, воевал в Испании. Узнав после войны, что многие агенты были расстреляны в ходе сталинских «чисток», он сдался в руки британской разведки. В своем признании он назвал имена Лена и Сони. После этого к ней домой явились двое офицеров британской спецслужбы МИ5.

Они заявили, что знают о ее работе в Швейцарии, но не предъявили обвинения в шпионаже против Англии. Вместо этого они предложили ей сотрудничество.

Позднее Урсула Кучински вспоминала: «Они хотели знать, чем мы занимались в Швейцарии. Я им ответила, что, живя в Анг-

лии, считаю себя лояльной гражданкой, но мое прошлое остается моим. И это было все».

Соня покинула Англию в марте 1950 года, вскоре после того, как Клаус Фукс был арестован и осужден на 14 лет тюрьмы. Фукс в своем признании мог упомянуть ее, хотя не знал ни ее имени, ни адреса. Урсула Кучински выехала в ГДР и с тех пор постоянно проживала в Берлине. Вскоре к ней присоединился ее муж.

Соня работала в различных государственных учреждениях: сначала в прессе, потом в системе внешней торговли. В 1956 году она оставила работу и занялась литературным творчеством.

Вообще ОМС Коминтерна постоянно оказывал существенную помощь и Разведупру, и разведке ИНО ОГПУ, вовлекая в секретную разведывательную работу иностранных коммунистов и тех, кто им сочувствовал. Все они с большой готовностью откликались на призыв о помощи, который исходил от Коминтерна. Для них гораздо сложнее было идти на прямой контакт с органами советской разведки.

Многие лучшие агенты Разведупра РККА и ИНО ОГПУ были уверены, что работают на Коминтерн. Коммунистам, переходившим на работу в органы разведки, предлагалось немедленно уйти в глубокое подполье и порвать все видимые связи со своими партиями.

Разведупр РККА, ИНО ОГПУ и Коминтерн очень тесно сотрудничали между собой. Вообще до середины 30-х годов четкого разграничения сфер влияния между разведками армии, ОГПУ и Коминтерна не существовало. Все эти организации действовали дружно во имя общей цели.

Официально Осип Пятницкий ни к военной разведке, ни к ИНО ОГПУ никакого отношения не имел. Но когда возникали трения между этими организациями и Коминтерном, он всегда умел смягчить и погасить их, пользуясь дружескими отношениями с их руководством и опираясь на свой авторитет в партии большевиков.

С руководителями советских разведслужб Пятницкого связывали не только служебные дела. Он с большим уважением относился к Я.К. Берзину и к М.А. Трилиссеру. Они часто встречались на конспиративной базе в Баковке, где располагалась военная школа Коминтерна. Там в узком кругу обсуждались и решались серьезные вопросы, интересующие службы, которые они возглавляли. Поэтому следует вкратце рассказать об этих людях.

Я.К. БЕРЗИН руководитель военной разведки страны являлся высшим доверенным лицом Генштаба РККА. Он был очень честным и мужественным человеком и никогда не поддерживал оппозицию. Берзин был наставником многих советских военных разведчиков и пользовался очень большой популярностью у своего окружения и уважением руководства РККА.

Но настал 1937 год. Начался разгром руководства Красной Армии. Я.К. Берзин чисто случайно не попал в списки обвиняемых по делу Тухачевского. Ведь он был латышом. И в этот страшный 1937 год его послали в Испанию старшим военным советником республики, где он помог организовать разведку вооруженным силам молодой испанской республики. Но Сталин приказал срочно отозвать его из Испании. Комиссия по безопасности Политбюро включила его в список неблагонадежных и подлежащих уничтожению.

Если бы он отказался вернуться, его авторитет и популярность позволили бы ему привлечь на свою сторону всех своих агентов за границей, которых он воспитал, и которые доверяли ему. Он мог бы спасти многим из них жизнь и остановить массовый террор в СССР. С ним бы Сталин не смог ничего сделать. Но Берзин все же вернулся на родину, попал в жернова сталинской мясорубки и погиб в Лубянском подвале. Он мешал Сталину, так как, будучи начальником Разведупра Генштаба РККА, знал, каким образом Сталин получил доказательства предательства маршала Тухачевского и его товарищей.

М.А. ТРИЛИССЕР (Москвин) в партии, как и Пятницкий, считался фанатиком коммунистической идеи. Во внешней разведке — Иностранном отделе ОГПУ — показал себя как очень сильный организатор. Он возглавлял ее до 1929 года.

Под его руководством и при его участии были проведены все значительные зарубежные операции ВЧК и ОГПУ, получившие большой резонанс в мире. Это и взрыв собора в Софии, когда там находился болгарский царь и все члены правительства, и похищение руководителей Русского общевоинского союза (РОВС) генералов Кутепова и Миллера, и осуществление операций, известных под названием «Трест» и «Синдикат», и целого ряда других, а также создание совместно с Коминтерном широкой зарубежной разведывательной сети, которая впоследствии оказала существенную помощь в борьбе с фашизмом в годы Отечественной войны.

В 1926 году, после смерти Ф.Э. Дзержинского, М.А. Трилиссер назначается заместителем Председателя ОГПУ, которым стал В. Менжинский. Заместителей у Председателя ОГПУ было два. Одним был Г. Ягода, другим — М. Трилиссер.

После смерти Менжинского встал вопрос о назначении на его место Председателя ОГПУ. Сталин ненавидел и боялся бескомпромиссных большевиков и остановил свой выбор на Г. Ягоде, хотя прекрасно знал, что тот ради карьеры готов был на все. У Сталина имелся на него компромат, и это давало ему возможность управлять действиями своего избранника. А отношения между бескомпромиссным Трилиссером и беспринципным Ягодой обострились до предела. Они просто ненавидели друг друга. И новый Председатель ОГПУ Г. Ягода добился у Сталина удаления М. Трилиссера из его ведомства. В 1929 году он был переведен на работу в Наркомат Рабоче-крестьянской инспекции (РКИ), где занял пост заместителя наркома.

В августе 1935 года после VII Конгресса Коминтерна М. Трилиссер под фамилией Москвина был избран в Президиум ИККИ, сменив на этой работе Пятницкого и взяв на себя часть его функций, в том числе и курирование коминтерновской разведки. Но во время чистки рядов Коммунистического Интернационала от неугодных Сталину функционеров, в преддверии заключения союза с Гитлером, Трилиссер был арестован и расстрелян.

Встречи Пятницкого с Трилиссером продолжались и после его перевода на другую работу. Ведь в 1935 году, после VII Конгресса Коминтерна, он заменил Пятницкого в ИККИ. На смену М. Трилиссеру в ИНО ОГПУ пришел тоже старый знакомый Пятницкого Артур Христианович Артузов. Контакты между Коминтерном и разведками армии и ОГПУ не прекращались.

Разведупр больше был связан и в некотором отношении курировал военную работу Орготдела ИККИ, а ИНО ОГПУ больше тяготел к работе ОмСа ИККИ и курировал отдел кадров Коминтерна. Контрразведывательный отдел ОГПУ, которым ранее руководил А. Артузов, очень тесно был связан по работе с нелегальной комиссией ИККИ и Интернациональной контрольной комиссией, оберегая Коминтерн от проникновения в его структуры вражеской агентуры. Не секрет, что Коминтерн представлял собой особый интерес для иностранных разведслужб.

Таким образом, безусловно, Отдел международных связей Исполкома Коминтерна — это, прежде всего, отдел разведки Советского Союза. Был таковым, надо добавить, до фактическо-

го разгрома Сталиным Коммунистического Интернационала в конце 30-х годов.

И наконец, заканчивая эту тему, я считаю необходимым упомянуть и других асов советской разведки, очень тесно связанных с Коммунистическим Интернационалом. Были времена, когда они работали в этих структурах одновременно или попеременно. Вот их имена.

БОРТНОВСКИЙ-БРОНКОВСКИЙ Бронислав Брониславович (Бронек) родился в 1894 году. Один из создателей советской военной разведки и руководителей Коминтерна. С 1912 года он член СДКП и Л*, студент Политехнического института в Варшаве. В 1914 году он был арестован и выслан в Саратов.

В 1917—1918 годы — в Красной гвардии, затем в польском отделе наркомата национальностей и органах ВЧК, секретарь Ф. Дзержинского. При штурме английского посольства в Петрограде был тяжело ранен, правая рука его навсегда осталась парализованной. С 1919 года — зам. начальника разведки Западного фронта.

В декабре 1921 года — создатель и руководитель центра советской военной разведки в Берлине. В 1924 году возвратился в Москву и стал помощником начальника Разведупра Генштаба РККА и начальником его 2-го (агентурного) отдела. В 1929 году уволен из армии по болезни и перешел на руководящую работу в Компартию Польши и в Коминтерн.

В 1930—1934 годах находился в Берлине, затем в Копенгагене. В 1934 году — руководитель Польско-Прибалтийского секретариата ИККИ. Он являлся членом Политкомиссии Политсекретариата ИККИ и кандидатом в члены Политсекретариата. В августе 1935 года он избирается членом ИККИ и его Президиума.

На протяжении всей своей деятельности с 1926 года он активно участвовал в работе Военной комиссии Исполкома Коминтерна.

В июне 1937 года Б. Бортновский-Бронковский был арестован органами НКВД и 3 ноября 1938 года расстрелян.

Еще одной легендарной личностью был УНШЛИХТ Иосиф Станиславович. Он родился в Польше в 1879 году в семье служащего. С 1899 года — член СДКП и Л, в 1906 году вошедшей в РСДРП(б). Окончил высшие технические курсы в Варшаве. В

* Социал-демократия Королевства Польского и Литвы.

октябре 1917 года — член ВРК Исполкома Петроградского совета и ВЦИК. В 1917 году — член коллегии ВЧК. В 1918 году — один из организаторов обороны Пскова.

В 1919 году — нарком по военным делам и член ЦИК Литовско-Белорусской республики и член Реввоенсовета 16-й армии Западного фронта. В 1921 году — член временного Ревкома Польши. В 1921—1923 годах — зам. председателя ВЧК—ГПУ, затем наркома по военным и морским делам, зам. Председателя ВСНХ Советской республики.

С 1922 года член постоянных комиссий по работе в армии (Военной комиссии) и нелегальной комиссии Орготдела Исполкома Коминтерна, один из наиболее влиятельных организаторов взаимодействия советских разведок с военными структурами зарубежных компартий.

И. Уншлихт с 1924 года являлся кандидатом в члены ЦК ВКП(б), с 1925 года член ВЦИК и Президиума ЦИК СССР. В 1937 году был репрессирован органами НКВД и расстрелян.

Однажды генерал С.И. Петряковский при нашей очередной встрече рассказал мне, что нештатным консультантом Пятницкого по вопросам разведки и контрразведки был Михаил Сергеевич Кедров, с которым отец был знаком еще с 1901 года.

Михаил КЕДРОВ, член РСДРП(б) с 1901 года. В 1918—1919 годах являлся начальником военного отдела ВЧК, а с января 1919 года — руководителем Особого отдела и членом Военной коллегии ВЧК. Затем перешел на хозяйственную работу.

В апреле 1938 года репрессирован органами НКВД и в конце 1941 года злодейски убит Л. Берия, который боялся разоблачений со стороны М. Кедрова.

* * *

Я считаю необходимым еще раз остановить внимание читателя на том факте, относящимся не только к истории Коминтерна, что уничтожение советской разведывательной агентуры в странах гитлеровской коалиции, начатое Гитлером и его сателлитами, было довершено Сталиным.

Многие немцы, австрийцы, поляки, венгры, финны, итальянцы и румыны, которые работали на советскую разведку, погибли в Москве во время развязанной Сталиным «большой чистки» в подвалах Лубянки и Лефортово. Здесь трудно различить, в какой разведывательной организации они работали, но одно ясно,

что трудились они во благо Страны Советов и она их за это покарала. Вот имена некоторых из них:

Немцы: Феликс Вольф, Ганс Гиппенбаргер, Франц Шуберт, Эрих Альберт-Такс, Рудольф Абих, Вильгельм Баник, Бенарио Гутман, Фриц Бурде, Эмиль Гопфгартен, Эрна Небенфюр, Вернер Раков, Таки Альберт, Вильгельм Тель, Фридрих Феергард, Артур Хюпнер...

Поляки: Феликс Гурский, Александр Подловский, Стефан Узданский, Мечеслав Логановский, Роман Лонгва, Макс Максимов, Станислав Будкевич, Лев Борович, Василь Дедушек, Стефан Жбиковский, Софья Залесская, Иосиф Зильберг, Макс Фридман, Артур Сташевский, Манфред Штерн, Бронислав Яновский...

Латыши: Александр Аппен, Густав Баар, Иван Быков, Ганзен Альфред, Евгений Рей, Август Гайлис, Ян Биркенфельд, Яков Бронин, Ян Ашневиц, Алексей Витолин, Оскар Стигга, Вильгельм Янберг, Эрнст Юревич, Леонард Юревич...

Литовцы: Борис Базаров, Виктор Гришкялис, Ян Тылтынь, Зенек Зембровский, Александр Подловский, Иван Фельднер, Юрий Мазель...

Эстонцы: Ян Аболтынь, Оскар Мартынсон, Карл Римм, Карл Тикк, Харальд Туммельтау...

Австрийцы: Игнатий Рейсс, Оскар Парме, Яков Локкер, Карл Небенфюр...

Румыны: Ион Дическу...

Венгры: Лайош Мадьяр, Ян Жирур, Бела Касони, Теодор Малли...

И многие, многие другие.

Может быть, читателям моей книги будет интересно узнать, что следственные дела лучших советских разведчиков вели следователи Редес и Чернета. На их совести лежат жизни Берзина, Урицкого, Сыроежкина, Пузицкого, Шишени, Эфрона, Эйспера и многих, многих других.

Их специально отзывали из-за рубежа в Москву и прямо с вокзала отправляли на Лубянку. Там Редес и Чернета ломали волю этих мужественных людей на созданном по заданию Комиссии по безопасности Политбюро кровавом конвейере дознания, работавшем бесперебойно в ГУГБ НКВД. Они же готовили «дела» на разведчиков-невозвращенцев И. Рейсса и В. Кривицкого, уничтоженных за рубежом.

И заключая тему о коминтерновской разведке, я позволю себе повториться и еще раз привести характеристику, данную Пятницкому известным немецким историографом германской военной разведки — абвера и политической полиции фашистской Германии — гестапо, Генрихом Хейне в своей нашумевшей книге «Codeword: «Direktor» («Псевдоним: «Директор»»). Вот как он охарактеризовал деятельность Осипа Пятницкого:

«В этом невидимом мире подпольной политики во главе стояла теневая фигура человека, известного лишь немногим конспираторам. Это был Осип Пятницкий — «серый кардинал» Коминтерна, управлявший его организацией и финансами. Его орудием был ОМС (Отдел международных связей). Это невинное, на первый взгляд, название скрывало чрезвычайно многое, а главное, что Пятницкий фактически контролировал деятельность всех компартий и на практике определял их политику. Он был хозяином многочисленных «международных инструкторов» Коминтерна...

Зачастую представители ОМС за рубежом пользовались большим влиянием, чем их соперники из Разведупра или ОГПУ.

Облеченный такой властью, глава ОМС был, разумеется, центральной фигурой в советской разведке...»

Глава 9

VII Конгресс Коминтерна (25 июля — 21 августа 1935 года) и подготовка к генеральной чистке Коминтерна

За несколько дней до начала VII Конгресса О. Пятницкий вместе с членом Политсекретариата, представителем Китайской компартии Ван Мином был на приеме у Сталина и там был согласован будущий состав Секретариата ИККИ, его членов и кандидатов. Все было согласовано. И вдруг, неожиданно, к Сталину приехали на прием Г. Димитров и Д. Мануильский и заявили о том, что они не могут работать с Пятницким и Кнориным, что эта работа впрямую не пойдет.

Сталин тут же позвонил О. Куусинену и спросил, как он считает, обойдется ли Коминтерн без Пятницкого и Кнорина? И Куусинен не задумываясь ответил, что «Коминтерн вполне смо-

жет без них обойтись» (из показаний Б. Бранковского-Бортновского — следственное дело О. Пятницкого). И тогда был составлен список нового состава Секретариата Исполкома. Так был решен вопрос о смене руководства Коммунистического Интернационала.

О. Пятницкий узнал об этом уже после начала работы Конгресса и был просто потрясен коварством людей, с которыми проработал столько лет вместе. Ему даже не сказали об этом. Он узнал об этом явочным порядком из списка, зачитанного на Совете старейшин Конгресса, и слег. Два дня на заседаниях Конгресса он отсутствовал.

Что касается Мануильского, это Пятницкому было понятно, он знал, что этот человек все время искал возможность удалить его из Коминтерна. Димитров же, тщательно опекаемый Мануильским, превратился в марионетку в его руках. И это было вполне ясно.

А вот от Куусинена Пятницкий такого удара в спину не ожидал, хотя очень хорошо изучил его натуру, работая с ним бок о бок в течение 15 лет. Они даже дружили семьями. Я, например, с отцом, но чаще с матерью, бывал у него в гостинице «Люкс», а затем в Доме правительства («Доме на набережной»). Мама моя дружила с женой Куусинена.

Поэтому, я полагаю, будет уместно привести мнение жены Куусинена — Айно о своем муже. В своей книге «Господь низвергает своих ангелов» она написала о своем муже в день его смерти 17 мая 1964 года:

«Я сидела и молчала, стараясь понять, что за человек был Куусинен. Никакие кремлевские архивы, даже если их когда-нибудь откроют, не смогут дать объективное представление о его характере, его личности. Он пережил Ленина и Сталина, был ближайшим соратником обоих. Сталину он был необходим, это был его «логос». Сталин мало знал о капиталистических странах, о дипломатии, а Куусинен был искусный дипломат, хорошо знал обстановку в других странах. Он устраивал Сталина еще и тем, что всегда оставался в тени.

Скромность? Нет. Он был крайне честолюбив, ревниво следил, как осуществляются его планы. Но после, когда дело было сделано, он легко позволял другим присваивать себе славу. В глубине души Отто был самоуверен до циничности, он никогда бы не склонился ни пред кем. Он был непоколебим в своей уверенности, что

в мире нет человека способнее его, особенно низко ценил Сталина. Он умел так ловко изложить Сталину свои предложения, что тот принимал мысли Отто за свои собственные. Возможно, успех Отто объясняется и тем, что его, как иностранца, многие вещи в России не трогали, и он давал это понять. Он безразлично относился к строительству коммунизма в России, к вопросам экономики и политики: трагедия коллективизации, террор, аресты невинных — все прошло мимо него.

Он немного очнулся, когда чистки затронули Коминтерн. На официальных приемах и торжествах он почти не бывал, ордена не надевал. Стремление к популярности среди народа, выступления — все это было ему чуждо.

Мудрая осторожность, сильное чувство самосохранения были его главными качествами.

Он всегда был нужен тем, кому принадлежала власть, точно знал, как надо обращаться с новым господином. Поэтому он и выжил в годы террора.

Однажды Куусинен хвалился мне, что за свою жизнь «менял шкуру, как змея, семь раз».

Он всегда держал нос по ветру, с легкостью изменял своим бывшим товарищам. Я не смогла вспомнить ни одного случая, когда бы Куусинен помог кому-нибудь в беде: когда в Карелии был арестован его сын Отто, он и пальцем не пошевелил, чтобы ему помочь...

У Отто (Куусинен. — В.П.) никогда не было близких друзей. Единственное исключение — Николай Бухарин. В 20-е годы они были очень близки. Бухарин был уже многие годы главным редактором «Правды». Бухарина связывала с Куусиненом страсть к политике и идеологии. Дружба с Бухариным продолжалась до 1928 года.

В 1929 году Бухарин был изгнан из «Правды» и из Коминтерна. И именно Отто, его старый товарищ, произнес в ЦК ВКП(б) самую желчную речь против Бухарина.

Так было не только с Бухариным. Многим финнам он помог скатиться в пропасть. А когда опасность нависла над самим Отто, эмоций для него не существовало...

Однажды он (Куусинен — В.П.) признался мне, что хотел бы взять власть в Финляндии, а впоследствии стать «проконсулом» всей Скандинавии. А когда коммунизм победит во всей Европе, он снова вернется в Москву и весь мир будет подчиняться его воле*.

* Куусинен Айно. Господь низвергает своих ангелов. Изд-во «Карелия», 1993 г.

VII Конгресс Коминтерна открылся в Москве 25 июля 1935 года. Он рассмотрел отчеты деятельности Исполкома и Иностранной контрольной комиссии за прошедшие шесть лет и утвердил их.

Но центральным событием Конгресса стал доклад Г. Димитрова, вобравший в себя многомесячный коллективный труд Подготовительной комиссии и руководящих органов Коминтерна. Прения по докладу длились восемь дней. Выступили 76 делегатов. Речь, в основном, шла о фашистской опасности, нависшей над миром, и о фашистской диктатуре.

Димитров в своем докладе отметил, что установление фашистской диктатуры в ряде стран свидетельствует о том, что буржуазия уже не способна властвовать над трудящимися методами буржуазной демократии и парламентаризма, и особо подчеркивал опасную роль германского фашизма, воплотившего в себе самые реакционные черты фашистского движения.

Характеризуя классовую сущность фашистской диктатуры, Димитров повторил вывод XII Пленума ИККИ, что фашизм у власти есть открытая террористическая диктатура наиболее реакционных империалистических элементов финансового капитала, что ежедневно в фашистских застенках Германии, Италии, Болгарии, Польши, Румынии и Югославии подвергаются насилию и чудовищным издевательствам тысячи лучших сынов рабочего класса. Мне трудно, сказал Димитров, найти слова, чтобы выразить свое возмущение теми муками, которые переживают сейчас трудящиеся в ряде фашистских стран.

А через каких-то два года то же самое произойдет и в Стране Советов, где эти слова были произнесены, и многие присутствующие на Конгрессе делегаты пройдут через все ужасы лубянских и лефортовских подвалов при молчаливом согласии Генерального секретаря Исполкома Коминтерна Г. Димитрова.

VII Конгресс по рекомендации Подготовительной комиссии внес существенные изменения в политику Коминтерна, определил новые пути борьбы с фашизмом, реакцией и войной. Он изменил отношение к социал-демократии, признав совершенно неправильной ее оценку как социал-фашизма. На Конгрессе тактика единого фронта была очищена от навязанных Сталиным и его окружением сектантских настроений и конъюнктурных расчетов.

О. Пятницкий, В. Кнорин и их соратники по работе приложили к этому немало сил.

В следственном деле Пятницкого мне попала выписка из дела Густа Франца Францовича от 4 августа 1937 года, где он утверждал, что «доклад Димитрова на VII Конгрессе был разработан не им, что в его докладе оригинальным и ему принадлежащим являлся лишь болгарский акцент».

Но в связи с этим возникает вопрос: как Сталин относился к решениям VII Конгресса? Ведь его решения перечеркивали всю прежнюю политику Коминтерна, тесно связанную с его именем и, собственно, навязанную его директивами.

Он молчал. По-видимому, из тактических соображений он решил замолчать их. Возможно, этим и объясняется, что он никогда не выражал своего отношения к новой стратегической линии Коминтерна. Он не выступил на Конгрессе. Не была издана стенограмма Конгресса. Нет о нем упоминания и в «Кратком курсе истории ВКП(б)».

Более того, в печатной и устной пропаганде тех лет безапелляционно подчеркивалось, что на VII Конгрессе не произошло никакого изменения прежних установок. Это было подтверждено переизданием в 1936 году Программы и Устава Коминтерна, принятых на VI Конгрессе, но практически основательно пересмотренных на VII Конгрессе.

На Конгрессе Пятницкий выступил с большим докладом на тему «Принудительный труд, фашизм и организация безработных на основе единого фронта». Он любил краткие и четкие формулировки, в которых сказано все.

Свой доклад он начал заявлением о том, что еще ни на одном Конгрессе предложенные решения по вопросам тактики рабочего движения не выработывались и не принимались руководством Коминтерна так единодушно. Он указал, что эти проекты очень обстоятельно были изложены в докладах В. Пика и Г. Димитрова и поэтому он как один из авторов останавливаться на них не станет. Что он считает необходимым выступить по одному конкретному, наиболее актуальному вопросу — организация работы среди безработных.

Безработные, сказал Пятницкий, больше всех других слоев пролетариата становятся жертвами фашистской демагогии. Когда германский фашизм шел к власти, он этому вопросу уделял очень большое внимание и, надо отдать ему справедливость, добился многого. Значительная часть безработных поддалась на социально-шовинистическую демагогию фашистов и пошла за ним. Такие же усилия принимают фашисты и в других странах.

Армия безработных постоянно увеличивается, а их социальное положение ухудшается с каждым днем. Буржуазия этим пользуется и постоянно сводит на нет все виды помощи безработным, заставляя их пользоваться лишь жалкими крохами так называемой благотворительности. При этом благотворителями выступают сами фашисты. Буржуазия широко использует принудительный рабский труд с чрезвычайно низкой оплатой труда. Это позволяет ей снижать зарплату и на предприятиях.

В то же время фашисты, там где они только идут к власти, находят в системе принудительного труда благоприятную почву для расширения своего влияния на безработных и легко подчиняют их себе. Поэтому Пятницкий предлагал национальным компартиям установить единый фронт с социалистическими и социал-демократическими партиями и реформистскими организациями за улучшение положения безработных, за их требования, за привлечение их на свою сторону.

В своем развернутом докладе Пятницкий остановился на экономическом положении в ряде стран Европы. Он подробно рассмотрел вопросы принудительного труда, применяемого буржуазией в этих странах для снижения безработицы и повышения прибыли; работу фашистских организаций и национальных компартий по организации безработных и дал несколько практических советов для улучшения работы коммунистов среди безработных.

Пятницкий предложил Конгрессу созвать расширенное совещание представителей национальных компартий для выработки общей тактики единого фронта для борьбы с безработицей и за объединение безработных. Он заявил, что этот вопрос очень запущен, хотя и очень актуален.

Делегаты Конгресса уже знали, что О. Пятницкого отзывают с работы в Коминтерне. Пятницкий пользовался огромной популярностью не только в своей партии, но и в международном коммунистическом движении. Когда он появился на трибуне VII Конгресса, весь зал встретил его стоя и бурей продолжительных аплодисментов приветствовал его. То же повторилось, когда он покидал трибуну Конгресса (так указано в стенограмме Конгресса). Делегаты Конгресса стоя прощались с ним. Эта овация отличалась от других своей силой и искренностью. Это, конечно, покорило Сталина и он припомнил ему это в 1937 году.

Серафима Ильинична Гопнер рассказывала мне, как руководитель Английской компартии Гарри Поллит после Конгресса «буквально бегал по коридорам здания Исполкома и кричал: это

невероятно, что Пятницкого не будет в Коминтерне! Коминтерн не может быть без Пятницкого!».

Конгресс поставил проблему борьбы с фашизмом во главу своей новой политики. Получила дальнейшее развитие и тактика единого народного фронта, которая была подхвачена во многих странах Европы на уровне государственной политики. И Сталин был вынужден с этим считаться. Но верный своей натуре, он перекалывал ответственность за свои прежние ошибки на других.

Часть руководства Коминтерна, та ее часть, что еще не потеряла способности думать самостоятельно: О. Пятницкий, В. Кнорин, Б. Кун, Б. Бронковский, Б. Васильев, А. Абрамов и группа других ответственных работников из Коминтерна — была отозвана. А у руля Коммунистического Интернационала становится новая команда во главе с Г. Димитровым и Д. Мануильским.

4 августа 1935 года Политбюро ЦК ВКП(б) ориентировочно утвердило сумму расходов на проведение VII Конгресса Коминтерна в размере 2 млн. 800 тыс. руб., предложив Наркомфину СССР отпустить указанную сумму из резерва Совнаркома СССР*.

Рассказ Б. Бортновского подтверждает обнаруженный в архиве протокол решения Политбюро ЦК ВКП(б) от 10 августа 1935 года*, принятого уже во время работы Конгресса и касающегося состава делегации ВКП(б) в Исполкоме Коминтерна:

...1. Ликвидировать Политсекретариат ИККИ как орган, не оправдавший себя в практической работе.

2. Признать целесообразным создание должности Генерального секретаря Исполкома Коминтерна.

3. Наметить Генеральным секретарем Исполкома Коминтерна т. Г. Димитрова.

4. В виду заявления тт. Димитрова и Мануильского, поддержанного т. Сталиным о невозможности совместной работы с т. Пятницким в руководящих органах ИККИ, признать целесообразным перевод т. Пятницкого на другую работу.

5. Принять следующий проект состава Секретариата ИККИ, предложенный тт. Сталиным, Димитровым, Мануильским и Кагановичем: Димитров — Генеральный секретарь, Эрколли, Мануильский, Пик, Марти, Куусинен, Готвальд.

* РЦХИДНИ. Ф. 17, оп. 162, д. 20.

В состав кандидатов в Секретариат: гг. Трилиссера, Флорина (немец), Ван Мина (китаец).

6. В состав Президиума ИККИ от ВКП(б) ввести следующих товарищей: Мануильского, Сталина и Трилиссера.

7. В состав Исполкома Коминтерна от ВКП(б) ввести следующих товарищей: Мануильского, Сталина, Жданова, Ежова и Трилиссера*.

Все эти предложения явились прямым указанием Конгрессу, были приняты им к исполнению и нашли свое воплощение в решениях Конгресса и избранного им Исполкома Коминтерна.

Список кандидатур в состав Секретариата и представителей ВКП(б) в другие руководящие органы Коминтерна был составлен лично Сталиным.

21 августа 1935 года Конгресс принял решение по изменению методов работы Коминтерна и реорганизации организационной структуры Исполкома. Решающая роль в перестройке аппарата ИККИ принадлежала Сталину и Политбюро ЦК ВКП(б).

Создавалась новая структура руководящих органов Коммунистического Интернационала во главе с Генеральным секретарем и секретарями ИККИ, имевшими доверие Сталина и рекомендованными им к избранию. Политбюро ЦК ВКП(б) считало, что новое руководство Коминтерна будет действовать в тесном контакте с высшим руководством ВКП(б) и неукоснительно выполнять их указания.

Конгресс избрал новый состав Исполкома, в который вошли 47 членов и 32 кандидата. Партию советских коммунистов в нем представляли: И. Сталин, Д. Мануильский, Н. Ежов, А. Жданов, М. Трилиссер (Москвин), С. Гопнер и А. Лозовский, два последних были избраны кандидатами в члены ИККИ.

Конгресс избрал также новый состав Интернациональной контрольной комиссии в составе 20 человек. От ВКП(б) в нее вошли М. Шкирятов — председатель Центральной партийной комиссии ВКП(б), Е. Стасова и М. Цхакая.

В тот же день Исполком на своем заседании избрал новый состав Президиума и Секретариата ИККИ.

В Президиум были избраны 18 членов и 12 кандидатов, в их числе от ВКП(б): И. Сталин, Д. Мануильский, М. Москвин (Трилиссер) — членами и С. Лозовский — кандидатом в члены этого органа.

* РЦХИДНИ. Ф. 17, оп. 62, д. 18; Ф. 494, оп. 1, д. 399.

В Секретариат ИККИ были избраны: Г. Димитров — Генеральным секретарем, Эрколли (П. Тольятти), Д. Мануильский, В. Пик, О. Куусинен, А. Марти, К. Готвальд — членами, М. Москвин (Трилиссер), Ван Мин и В. Флорин — кандидатами.

Попробуем посмотреть внимательно на персоналии нового Секретариата Исполкома Коминтерна.

Георгий Димитров, новый Генеральный секретарь ИККИ, после Лейпцигского процесса искусственно был сделан героем коммунистического движения, являлся просто марионеткой Сталина, деятельностью которого управлял сталинский надсмотрщик в Коминтерне — «государево око» — Д. Мануильский.

О личности Дмитрия Мануильского я достаточно рассказывал выше и расскажу еще дальше.

Пальмиро Тольятти и Клемент Готвальд были яркими сталинистами и всегда смотрели в рот Сталину, поэтому он и выдвинул их в состав Секретариата ИККИ.

Вильгельм Пик был честнейшим человеком. Он, по словам Е. Стасовой, всегда имел собственную точку зрения и старался ее отстаивать, но, к сожалению, это не всегда удавалось. В силу своих возможностей пытался спасти своих товарищей от репрессий диктатора. Его Сталин утвердил в состав Секретариата ИККИ за неимением лучшей кандидатуры. Ведь надо же было сохранить кого-то из ветеранов Коминтерна.

Отто Куусинен — один из старейших деятелей руководства Коминтерна. Характеристику, данную ему его женой Айно, я приводил выше. Он всегда был себе на уме и молча поддерживал любые решения Сталина. Никто из деятелей Коминтерна, да и в ЦК ВКП(б) не мог лучше него составить серьезные политические документы всемирного коммунистического движения. Вспомним, что именно ему было поручено написать текст выступления Г. Димитрова на знаменитом Лейпцигском судилище.

О Вильгельме Флорине ничего не могу сказать. Знаю только то, что он был представителем Компартии Германии.

Что же касается Анри Марти и Ван Мина — это были честные люди. Первый был известной личностью еще со времен гражданской войны. Второй, представитель Китайской компартии, негативно относился к личностям и Сталина, и Мао Цзедуна. Их Сталин включил в Секретариат ИККИ как людей уважаемых в зарубежных компартиях. Ведь Секретариат утверждался Исполкомом, в состав которого даже при персональном отборе попали и противники сталинского диктата. Оба эти человека вскоре

порвали и с Коминтерном, и со своими компартиями. Они не могли принять сталинской политики в коммунистическом движении.

Соломон Абрамович Лозовский (взявший себе имя Александр) был просто тенью Д. Мануильского. Они даже обращались друг к другу не иначе как Ману и Лозо. Лозовский, как и его «друг» Мануильский, были ярыми проводниками сталинской политики во всемирном коммунистическом движении.

Меер Абрамович Трилиссер (в Коминтерне был под псевдонимом Москвин) был честным и принципиальным большевиком ленинской плеяды. За это его в 1930 году изгнали из ОГПУ, где он руководил внешней разведкой и был заместителем Председателя ОГПУ. Об этом я уже писал выше. Его Сталин выдвинул в состав Секретариата ИККИ временно, как человека из числа нового Секретариата больше других знакомого с конспиративной работой Коминтерна. И в связи с этим он больше других подходил для замены О. Пятницкого, чтобы конспиративная деятельность Коминтерна не заглохла полностью. Но в 1938 году и его постигла участь Пятницкого.

Решением Президиума ИККИ обязанности секретарей ИККИ были распределены так, что каждый из них был ответственен за ряд стран и отделов Исполкома. При этом вся полнота власти сосредотачивалась в руках Генерального секретаря, а фактически в руках сталинского надсмотрщика в Коминтерне Д. Мануильского и руководимого им Секретариата.

Таким образом, Лендерсекретариаты, Политсекретариат Президиума ИККИ и Политкомиссия Политсекретариата как органы управления Коммунистическим Интернационалом были упразднены.

Как видим, О. Пятницкого и В. Кнорина в руководстве Коминтерном заменили бывший заместитель Председателя ОГПУ М. Трилиссер, Председатель Комиссии партийного контроля ВКП(б) и секретарь ЦК ВКП(б), ближайший соратник Сталина А. Жданов. А служба международной связи (ОМС) была реорганизована, ее название изменилось на Службу связи (СС) Коминтерна и ее руководителем назначается работник Разведупра РККА Б. Мельников. А. Абрамов-Миров становится его заместителем, дабы ввести нового руководителя в курс деятельности этой конспиративной службы.

Начинается усиленная подготовка к генеральной чистке аппарата Коминтерна. Влияние Сталина, Молотова и Кагановича, а

несколько позже и Жданова, в стране и в Коминтерне укрепляется. Руководство Коммунистическим Интернационалом оказалось под непосредственным контролем Сталина и его окружения. Теперь уже все решения по основным вопросам могли приниматься лишь после получения соответствующих санкций Сталина и его кабинета.

Это стало нормой взаимоотношений между руководством Коминтерна и ВКП(б). Даже заседания Президиума и Секретариата ИККИ стали проводиться в кабинете Сталина. Коммунистический Интернационал превратился в орудие советской (сталинской) политики.

Коминтерн как штаб всемирного коммунистического движения Сталину уже был не нужен. Конгресс провозгласил тотальную войну фашизму, а Сталин задумал альянс с Гитлером. Функционеры коммунистического движения старой формации наверняка стали бы ему в этом помехой. Этим и объясняется чистка старых коминтерновских кадров. В действительности так и произошло.

«На одном из первых после Конгресса заседаний Секретариата ИККИ тот же Мануильский берет слово и заявляет, что должен сделать важное сообщение, что из документов, поступивших из НКВД, явствует, что Бела Кун с 1921 года являлся румынским шпионом. Все присутствующие, а на заседании присутствовали его старые друзья и соратники по международному коммунистическому движению — Куусинен, Тольятти, Пик, Варга, Димитров и некоторые другие, которые хорошо знали Б. Куна по его делам, знали его безграничную преданность и Стране Советов, и Коммунистическому Интернационалу, и еще час назад пожимали ему руку, но сейчас никто не просит никаких разъяснений, не протестует»*.

Решением Секретариата Б. Кун освобождается от дальнейшей работы в Коминтерне и вскоре арестовывается.

Еще в порядке подготовки Конгресса Мануильский поставил вопрос о необходимости рассмотреть во всем объеме польский вопрос и потребовал пересмотра всей линии руководства Польской компартии. Он не терпел поляков и не доверял им. Член Подготовительной комиссии VII Конгресса Бронковский выступил тогда с очень резкой отповедью против предложения Мануильского и получил полную поддержку Пятницкого.

* Из рассказа Иосифа Бертера, секретаря ЦК Компартии Палестины.

После окончания этого заседания Пятницкий сказал Бронковскому, что эти выпады против поляков Мануильский не прекратит*. Хорошо зная Мануильского, он предвидел это. И действительно, пройдет всего несколько месяцев и на одном из заседаний Секретариата нового состава все тот же Мануильский с очень озабоченным видом объявит, что все руководители польской компартии с 1919 года являются агентами Пилсудского. И было принято соответствующее решение, и членов ЦК Компартии Польши по единогласно принятому решению из Франции и Испании, где они участвовали в защите испанской республики или в создании антифашистского фронта для сдерживания фашизма, отзывают в Москву и на границе арестовывают. Такая судьба постигла А. Варского, Ю. Ленского и многих других польских товарищей.

Как видим, Мануильский и Ежов действовали согласованно в одной упряжке, при молчаливом согласии Генерального секретаря Исполкома Коминтерна Г. Димитрова.

Все аресты коминтерновских работников и деятелей коммунистического движения производились с санкции секретаря Исполкома Коминтерна Мануильского. Генеральный секретарь ИККИ Димитров, в основном, даже не ставился об этом в известность и узнавал о случившемся как о свершившихся фактах.

После VII Конгресса усиленно раздувались слухи о глубоких разногласиях в руководстве Коминтерна, об оппозиции к политической линии VII Конгресса, о сопротивлении политике единого фронта со стороны Пятницкого, Кнорина, Куна и других, якобы имевших место в Подготовительной комиссии и на самом Конгрессе.

А раздували эту кампанию так называемые историки-«коминтерновцы» Б.М. Лейбзон и К.К. Шириня и некоторые другие. По-видимому, они выполняли заказ свыше, опубликовав толстую книгу, названную «Поворот в политике Коминтерна», посвященную VII Конгрессу. Она была издана несколькими тиражами. Авторы книги даже не потрудились как следует ознакомиться с историей этой организации и ее политикой в предшествующий VII Конгрессу период, о котором написали столь объемный трактат.

Позже на основании этих обвинений было создано ложное клеветническое дело о чудовищных преступлениях Пятницкого,

* Из показаний Бронислава Бронковского-Бортновского. По материалам следственного дела И.А. Пятницкого.

Кнорина, Куна, Абрамова, Васильева и их соратников. Теперь эта фальсификация разоблачена и добрые имена большого числа бывших деятелей Коминтерна восстановлены. Однако и сейчас в исторической литературе то и дело проскальзывают отзвуки искаженных представлений, которые в недавние времена насаждались в сознании нашего поколения.

Кроме того, следует отметить, что решения VII Конгресса действовали всего несколько лет, с 1935 по 1938 год. И результаты его решений оказались ничтожными. Жестокое поражение потерпели республиканцы в Испании, бесславно развалилось правительство Народного фронта во Франции, не удалось предотвратить вторую мировую войну. Крайне правые пришли к власти в Австрии и в Прибалтийских странах.

Советскому правительству не удалось привести к власти в западных странах прогрессивные политические силы. И когда это стало ясно, Сталин дал указание Г. Димитрову полностью прикрыть проводившуюся до этого Коминтерном линию.

Да и сама структура Коминтерна после VII Конгресса мало изменилась. Все изменения носили чисто косметический характер. Сохранился и Отдел кадров, и Отдел международных связей, он только изменил свое название. Фактически сохранились и Лендерсекретариаты, которые просто были переименованы в региональные «секретариаты секретарей ИККИ». Сохранился и институт эмиссаров Коминтерна в странах Западной и Восточной Европы.

Таким образом, политика VII Конгресса имела совсем не те цели и не тот характер, как это пытаются представить нынешние «коминтерноведы».

Да и сам Коминтерн постепенно сокращал свою деятельность. После VII Конгресса и вплоть до его роспуска в 1943 году не было созвано ни одного пленума его Исполкома, не говоря уже о конгрессах Коммунистического Интернационала. Сталину Коминтерн уже был не нужен.

Концепция мировой пролетарской революции, для чего и создавался Лениным и Троцким III Интернационал, была им похоронена значительно раньше.

Сначала Сталин заигрывал с Гитлером и отдал ему на поругание Компартию Германии. Он даже поручил НКВД собрать из тюрем и концлагерей арестованных по его указанию немецких коммунистов из числа политических эмигрантов, спасавшихся в Стране Советов от гитлеровского фашизма, и под охраной кон-

РЕДАКЦИЯ ГАЗЕТЫ «ИСКРА»

В.И. Ленин (Ульянов)

Г.В. Плеханов

Л. Мартов

В.И. Засулич

П.Б. Аксельрод

А.Н. Потресов

Н.К. Крупская — секретарь
редакции

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ — АГЕНТЫ «ИСКРЫ»

И.А. (Осип) Пятницкий

М.М. Литвинов

С.И. Гусев

Е.Д. Стасова

И.Э. Бауман

И.В. Бабушкин

В.З. Кежовели

М.И. Ульянова

И.А. (Осип) Пятницкий —
политзаключенный самарской
тюрьмы. 1914 г.

Группа большевиков-эмигрантов. Слева направо:
Я.А. Житомирский (провокатор), Л.Б. Каменев, неизвестный,
И.А. (Осип) Пятницкий, Г.Н. Котов. Париж, 1910 г.

И.А. (Осип) Пятницкий — секретарь МК РСДРП(б),
один из основных руководителей московского
вооруженного восстания. Октябрь, 1917 г.

Железнодорожный райком московской организации РСДРП(б).
И.А. (Осип) Пятницкий — в первом ряду четвертый слева. Москва, 1917 г.

Карл Либкнехт
видный деятель германского
и международного Коммунистического
движения, один из основателей
«Союза Спартака»

Георгий Валентинович Плеханов
один из основателей РСДРП

Роза Люксембург
деятель германского, польского и
международного рабочего движения,
одна из основателей компартии Германии

Памятник основателям I Коммунистического
Интернационала Карлу Марксу
и Фридриху Энгельсу в Москве. В.И. Ленин
произносит речь на открытии памятника.
7 ноября 1917 года

Основатели Коммунистического Интернационала

В.И. Ленин (Ульянов)

Анжелика Балабанова

Фридрих Платтен

Христиан Раковский

Гуго Эберлейн

Ян Берзин

В.И. Ленин открывает
I организационный Конгресс
Коммунистического
Интернационала
(Коминтерна). Март 1919 г.
Слева направо: Г.Эберлейн,
В.И. Ленин и Ф. Платтен

Иосиф (Осип) Пятницкий и Юлия Соколова накануне женитьбы.
Москва. Начало 1920 г.

В.И. Ленин и И.А. (Осип) Пятницкий, секретарь МК РКП(б),
на заседании актива московской парторганизации
(фрагмент снимка). Январь 1921 г.

II Конгресс Коминтерна. Сидят (слева направо): Пауль Леви, Менотти Сератти и Анжелика Балабанова.
Стоит Карл Бернгардович Радек (Собельсон)

ВИДНЫЕ ДЕЯТЕЛИ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА
ПЕРВЫХ ЛЕТ ЕГО ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Владимир Ленин

Лев Троцкий

Григорий Зиновьев

Осип Пятницкий

Николай Бухарин

Карл Радек

Анжелика Балабанова

Васил Коларов

Гуго Эберлейн

Ян Берзин

Отто Куусинен

Герман Реммеле

Гейнц Нойман

Бела Кун

Винцас Мицкявичус-Капсукас

Христиан Раковский

Фридрих Платтен

Клара Цеткин

Феликс Кон

Миша Цакая

Пол Селье

Марсель Кашен

Альбер Трен

Борис Суварин

Альфред Росмер

Юрье Элис Сирола

Умберто Террачини

Анжело Таска

Антонио Грамши

Уильям Фостер

Макс Бедахт

Израель Амтер

Чарльз Рутенберг

Улаф Шелфо

Куллерво Маннер

Эджидио Дженари

Амадео Бордига

Гарри Поллит

Артур Макманус

Михаил Томский

Серрати

Ян Анвельт

Рут Фишер

Сен Катаяма

Андре Нин

Манабендра Нахт Рой

Рихард Шюллер

Лазарь Шацкин

Вильгельм Мюнценберг

Алоис Муна

Алоис Нейрат

Гуго Эберлейн

Богумир Шмераль

Карел Крейбих

Генрих Брандлер

Христо Кабакчиев

Георгий Сафаров

Адольф Варский

Томаш Домбаль

Роберт Стюарт

Евгений Варга

Федор Раскольников

Фабрицио Масффи

Уильям Галлахер

Д. Ньюболд

Эрнст Штирнер

Петр Стучка

Соломон Лозовский

Ганс Пегельман

Карл Хеглунд

Карл Чильбум

IV конгресс Коминтерна. Делегация компартии Литвы.
Стоят (слева направо): Ю. Грейфенбергис, М. Нонайтис, В. Кнорин, А. Стасюнас.
Сидят: Б. Леонас-Пушунис, З. Ангаретис, В. Мицкявичус-Капсукас, К. Пажела

Заседание бюро ИККИ.
Стоит Г. Димитров. Сидят: Д. Мануильский, О. Пятницкий и Б. Кун. 8 июля 1924 г.

Лидеры левой оппозиции в 1927 году. Сидят (слева направо): Л. Серебряков, К. Радек, Л. Троцкий, М. Богуславский, Е. Преображенский. Стоят: Х. Раковский, Я. Дробис, А. Белобородов, Л. Сосновский

И.В. Сталин — клятвопреступник. Все свои преступления он творил на фоне портрета В.И. Ленина

Этот «сухорукий параноик» (определение академика В.М. Бехтерева)
уничтожил лучших людей ленинской партии и народов СССР

Сталин лгал триста шестьдесят пять дней в году, двадцать четыре часа в сутки и всю жизнь

ОСНОВАТЕЛИ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА,
УНИЧТОЖЕННЫЕ СТАЛИНСКОЙ ИНКВИЗИЦИЕЙ

Руководитель ультра-левой
оппозиции

Лев Троцкий

Руководители левой оппозиции

Григорий Евсеевич Зиновьев

Лев Борисович Каменев

Руководители правой оппозиции

Николай Николаевич Бухарин

Алексей Иванович Рыков

Михаил Петрович Томский

РУКОВОДИТЕЛИ ПОЛЬСКОЙ КОМПАРТИИ, ОБВИНЕННЫЕ В ИНАКОМЫСЛИИ
И УНИЧТОЖЕННЫЕ СТАЛИНЫМ

Адольф Варский
(Варшавский)

Эдвард Прухняк

Мария (Вера)
Кошутская

Юлиан Лещинский
(Ленский)

ФАКТИЧЕСКИЕ РУКОВОДИТЕЛИ СОВЕТСКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ
ПРИ ИСПОЛКОМЕ КОМИНТЕРНА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 30-х гг.

И.В. Сталин

В.М. Молотов — председатель делегации

И.А. (Осип) Пятницкий

Д.З. Мануильский

РУКОВОДИТЕЛИ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ СССР

Ян Карлович Берзин —
начальник Разведупра
Генерального штаба РККА

И.А. Пятницкий —
оргсекретарь
Исполкома
Коминтерна

Меер Абрамович
Трилиссер — начальник
Иностранного отдела
(ИНО) внешне-
политической разведки
ОГПУ

Артур Христианович
Артузов — начальник
отдела контрразведки
(КРО) ОГПУ

РУКОВОДИТЕЛИ СПЕЦСЛУЖБ ИСПОЛКОМА КОМИНТЕРНА В НАЧАЛЕ 1930-х гг.

Александр Лазаревич
Абрамов-Миров —
руководитель отдела
международных связей
(ОМС) Исполкома
Коминтерна

Борис Афанасьевич
Васильев —
руководитель
орготдела
(организационного
центра) Исполкома
Коминтерна

Винчас Симанович
Мицкявичус-Капсукас —
председатель
Нелегальной комиссии
Исполкома Коминтерна

Антон Краевский
(Штейн) —
руководитель отдела
кадров Исполкома
Коминтерна

РУКОВОДИТЕЛИ СПЕЦСЛУЖБ ИСПОЛКОМА КОМИНТЕРНА В НАЧАЛЕ 30-х гг.

Иосиф Уншлихт —
член и консультант
Военной и Нелегальной
комиссий Исполкома
Коминтерна

София Борисовна
Бричкина —
заместитель
руководителя ОМСа

Бронислав
Бортновский-
Бронковский — кандидат
в члены президиума и
член политкомиссии
политсекретариата ИККИ,
консультант Военной
комиссии Исполкома
Коминтерна

Елена Дмитриевна
Стасова (Герта,
Фридман,
Штурм) —
представитель
оргбюро ИККИ
в компартии
Германии

Федор Федорович
Раскольников
(Петров) —
руководитель Военной
комиссии Орготдела
ИККИ

Михаил Кедров —
консультант
О. Пятницкого по
нелегальной работе

Ганс Киппенберг
руководитель Военного
отдела компартии
Германии

Карл Сверчевский
(Вальтер) начальник
Военно-политической
школы Коминтерна

Илья Григорьевич Старинов
преподаватель партизанской
тактики и диверсионного
дела в Военно-политической
школе Коминтерна

БЛИЖАЙШИЕ СОТРУДНИКИ О. ПЯТНИЦКОГО

Михаил Гропман

Борис Идельсон

Берта Циммерман

ВЫДАЮЩИЕСЯ СОВЕТСКИЕ РАЗВЕДЧИКИ,
ДЕЯТЕЛИ ЗАРУБЕЖНЫХ КОМПАРТИЙ И ЛЕВЫЕ ДЕМОКРАТЫ,
ПРИВЛЕЧЕННЫЕ КОМИНТЕРНОМ К СОДЕЙСТВИЮ ВОЕННОЙ РАЗВЕДКЕ

Рихард Зорге

Шандор Радо

Леопольд Треппер

Игнас Рейсс (Порецки)

Станислав
Владимирович
Жбиковский

Август Юрьевич Гайлис-
Вайлир (Нойберг)

Курт Шульце

Ян Петрович Черняк

Манфред Сальмович Штерн

Альфред Матисович Тылтенъ

Лев Моисеевич Борович

Карл Карлович Небенфюр
(Шмидт)

Арнольд Дейч
(Стефан Григорьевич Ланг)

Энтони Блант

Ким Филби

Дональд Маклин

Гай Берджес

Кристина Янева

Христо Боев (Петашев)

Урсула Кучински
(Рут Фишер)

Карл Мартынович Римм
(Клаас Зельман)

Луиза Клаас
(Любовь Ивановна Римм)

Ильза Штёбе

Айно Куусинен

Здание, в котором размещался Исполком Коминтерна с 1920 по 1936 год. Москва, ул. Моховая, 6.
Вид со стороны станции метро «Библиотека им. Ленина»

«Дом на набережной». Вид с Большого Каменного моста

2-й дом Советов («Дом правительства») впоследствии — «Дом на набережной», где с 1932 года проживало большинство руководителей исполкома Коминтерна (Москва, ул. Серафимовича, 2)

БЛИЖАЙШИЕ ДРУЗЬЯ ОСИПА ПЯТНИЦКОГО

Н.К. Крупская

М.К. Муранов

Клара Цеткин

В.Г. Кнорин

Е.Д. Стасова

М.М. Литвинов

С.И. Гусев

П.Г. Смидович

Г.К. (Серго) Орджоникидзе

Ф.З. Дзержинский

С.И. Гопнер

С.А. Итин

С.Б. Сольц

В.С. Мицквичус-Капсукас

Н.Н. Бухарин

РУКОВОДИТЕЛИ СТАЛИНСКОЙ ИНКВИЗИЦИИ В 1935—1938 гг.
(ЧЛЕНЫ ОСОБОЙ КОМИССИИ ПО БЕЗОПАСНОСТИ ПОЛИТБЮРО ЦК ВКП(б))

В.М. Молотов

И.В. Сталин
председатель комиссии

Л.М. Каганович

А.А. Жданов

К.Е. Ворошилов

Г.М. Маленков
секретарь комиссии

М.Ф. Шкирятов

ВЕДУЩИЕ ИСПОЛНИТЕЛИ КАМПАНИИ ИНКВИЗИЦИИ

Г.Г. Ягода

Н.С. Ежов

Л.П. Берия

А.Я. Вышинский

В.В. Ульрих

М.П. Фриновский

Г. Димитров и О. Пятницкий в президиуме VII Конгресса Коминтерна

О. Пятницкий и В. Пик в президиуме VII Конгресса Коминтерна

Выступление О. Пятницкого на VII Конгрессе Коминтерна

О. Пятницкий и Н. Ежов осматривают выставку Коминтерна в Доме союзов. Москва, 1935 г.

И.В. Сталин, И.А. (Осип) Пятницкий и Г.М. Димитров в президиуме VII Конгресса Коминтерна

Члены Секретариата Исполкома Коминтерна, избранного VII Конгрессом Коминтерна.
Слева направо: П. Тольятти, Д. Мануильский, К. Готвальд, Г. Димитров, О. Куусинен, В. Пик
(Другие секретари ИККИ: А. Марти, Ф. Флорин, М. Трилиссер и Ван Мин
в свое время были отрезаны цензурой)

И.В. Сталин и Г.М. Димитров после развала созданного В.И. Лениным
Коммунистического Интернационала

ЧЛЕНЫ И КАНДИДАТЫ В ЧЛЕНЫ ЦК ВКП(б), ОТКРЫТО ВЫСТУПИВШИЕ
НА ИЮньСКОМ ПЛЕНУМЕ 1937 года ЗА УСИЛЕНИЕ КОНТРОЛЯ ЦК ВКП(б)
ЗА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ НКВД И ПРОТИВ РЕПРЕССИВНОЙ ПОЛИТИКИ СТАЛИНА
И ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ Н. ЕЖОВУ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ

И.А. (Осип) Пятницкий

Г.Н. Каминский

М.М. Хатаевич

П.П. Любченко

М. Д. Рухимович

УЧАСТНИКИ ИЮньСКОГО ПЛЕНУМА 1937 года,
ВЫСТУПИВШИЕ ПРОТИВ ВЬНЕСЕНИЯ ПЬАТНИЦКОМУ
ПОЛИТИЧЕСКОГО НЕДОВЕРЬА

Н.К. Крупская

М.М. Литвинов

М.Ф. Владимирский

РУКОВОДИТЕЛИ СФОРМИРОВАННОГО СТАЛИНЫМ «АНТИСОВЕТСКОГО
АНТИКОМИНТЕРНОВСКОГО ПРАВО-ТРОЦКИСТСКОГО ЗАГОВОРА» В КОМИНТЕРНЕ

Осип Пятницкий

В.Г. Кнорин

А.Л. Абрамов-Миров

Бела Кун

Б.А. Васильев

Б. Бортновский-Бронковский

Осип Пятницкий и Юлия Соколова
в день пятидесятилетия Пятницкого

Осип Пятницкий
незадолго до ареста

Елена Тауткайте
(жена В.С. Мицквичуса-Капсукаса)
с сыном Викентием и Юлия Соколова-
Пятницкая с сыном Владимиром.
1920-е гг.

О. Пятницкий
с сыном Владимиром
и соседскими детьми на даче
в Серебряном Бору. 1937 г.

Игорь, старший сын
Осипа Пятницкого

Владимир, младший сын
Осипа Пятницкого,
перед арестом

Юлия Соколова-Пятницкая.
Тюремный снимок.

В. Пятницкий, командир сводной разведгруппы казачей дивизии. 1943 г.

В. Пятницкий в конной разведке. 1944 г.

В. Пятницкий, офицер связи 12-й казачей дивизии. 1944 г.

В. Пятницкий, командир знаменного взвода 12-й казачей дивизии. 1945 г.

Знаменный взвод 12-й гвардейской Донской казачей дивизии на марше. Венгрия. 1945 г.

Владимир и Игорь Пятницкие после политической реабилитации отца. Москва. 1956 г.

Казачья конница
в походе.
В. Пятницкий
третий слева.

Владимир Иосифович Пятницкий за рабочим столом. Санкт-Петербург. 2003 г.

войной службы НКВД отправил в подарок Гитлеру более 800 немецких коммунистов. И на границе работники НКВД с рук на руки передали их гестаповцам.

Альянса с Гитлером у Сталина не получилось. А когда фашистская Германия напала на СССР, Сталин стал заигрывать с западными союзниками.

В этой обстановке Коминтерн мешал его политике и в угоду Западу он его распустил.

Но вернемся к основе поднятой мною темы, к герою моего повествования — Осипу Пятницкому и его дальнейшей судьбе.

Глава 10

Ни единожды не солгавший **(Осип Пятницкий,** **человек и большевик)**

Так назвал свою обширную статью, посвященную Осипу Пятницкому, известный журналист «Московских новостей» Геннадий Николаевич Жаворонков в апреле 1989 года. Тогда еще о работе О. Пятницкого в Коминтерне говорили и писали лишь вскользь, в основном как о фигуре отрицательной, бывшем «враге народа».

После его открытого выступления на июньском Пленуме 1937 года Центрального Комитета ВКП(б) с осуждением репрессивной политики Сталина Пятницкий превратился в его лично врага. И сталинисты, находящиеся в руководстве сталинской партии — КПСС, всячески препятствовали распространению правды о личности Пятницкого. Тема эта не была раскрыта и пелена завесы над ней лишь начала немного приподниматься.

Статья Г.Н. Жаворонкова раскрыла глаза многим моим соотечественникам на дела давно минувших лет. С позволения автора его статьи, я решил этот раздел своей книги назвать именно так и позволю себе несколько повториться.

После всего, что было сказано о Пятницком выше, я, следуя настоятельным советам и просьбам читателей моей предыдущей книги «Заговор против Сталина», попробую привести мнение людей, которые часто общались с О. Пятницким и хорошо знали его как человека и как руководителя в разные периоды его жизни.

Но прежде всего я приведу выдержки из поздравления О. Пятницкому в день его 50-летия от Исполкома Коминтерна, напечатанные в «Правде» 30 января 1932 года и журнале ИККИ «Коммунистический Интернационал» в 1932 году.

Этот документ отражает официальный взгляд на Осипа Пятницкого как руководителя и увидеть этого человека глазами того времени. Стиль изложения свидетельствует, что составлял его кто-то из иностранных коммунистов. Вот дословный текст:

«К 50-летию тов. Пятницкого»

Вся сознательная жизнь нашего товарища по борьбе Пятницкого есть пролетарское действие, есть яркая жизнь большевика.

...Нет ни одного вида важной революционной работы, которую не выполнял бы тов. Пятницкий, всегда следуя учению Ленина...

Охарактеризовать деятельность тов. Пятницкого в Коммунистическом Интернационале нелегко. Даже сотая доля того, что он сделал и делает по линии руководящей работы в мировой партии коммунизма, не получает огласки.

Учеба профессионального революционера под руководством Ленина сказывается в каждой детали всей его работы, работы профессионального революционера, который, подавляя даже видимость всего личного, всегда с крайней скромностью обслуживает товарищей и организации, которыми он с величайшей осмотрительностью, с учетом всех обстоятельств, твердой и уверенной рукой руководит и спланирует.

В рамках общего политического руководства Коммунистическим Интернационалом тов. Пятницкий со страстью большевика-строителя партии и организатора масс работает над передачей и применением исторического опыта большевистской и массовой работы и в области организации работы руководящих органов Коминтерна.

В упорных многолетних боях против пережитков социал-демократических традиций, как в политической, так и в области организационной, против курса на стихийность и вытекающей отсюда недооценки роли партии, как вождя и организатора масс тов. Пятницкий с железной последовательностью и неуклонной настойчивостью борется за торжество ленинских принципов и методов в каждой отдельной секции Коммунистического Интернационала и, прежде всего, за перестройку коммунистических партий на основе производственных ячеек.

Для этого нужен был не только непосредственный опыт долголетней партийной работы в рядах партии Ленина, но и детальное знакомство со своеобразием каждой коммунистической партии, ее кадров, ее членской массы, условий работы на предприятиях, детальное знакомство с политикой революции, в первую очередь, социал-демократии и реформистских профсоюзов. Область революционной профсоюзной работы, как важнейшего участка массовой работы коммунистических партий, вошла в последние годы в сферу постоянной, непосредственной деятельности тов. Пятницкого.

Для выполнения сложной задачи большевизации мировой партии коммунизма необходимо было, чтобы руководящие органы и аппарат Коммунистического Интернационала из органов, действующих преимущественно по линии пропаганды и агитации, превратились в органы дифференцированно-оперативного, организационно-политического руководства.

У тов. Пятницкого революционное ощущение действительности коренится настолько же в долголетней ленинской школе с ее умением правильно оценивать факты, политически их связывать и придавать вопросу сугубо конкретную постановку, сколько и в необычно близком знакомстве со всем международным рабочим движением.

Это чувство действительности остается важнейшим условием правильного руководства такой сложной областью работы и борьбы, как международное рабочее-пролетарское, крестьянское, национальное и колониально-освободительное.

Этот большевистский реализм в сочетании с большевистской принципиальностью и со страстным революционным стремлением сделать все секции Коммунистического Интернационала способными справиться с их историческими задачами, отчетливо проявляется у товарища Пятницкого в форме ненависти ко всякому право-оппортунистическому приспособлению на словах ко всем решениям, ко всякой пассивности, маскируемой «левым» фразерством.

Поэтому наш товарищ Пятницкий является ревностным бойцом против всякого расхождения между словом и делом, бойцом за революционное проведение вынесенных решений. Поэтому его речи и литературные работы отличаются всегда не только конкретной ясностью постановки вопроса, но и ударной силой, которая всегда обнажает и улавливает самую суть.

Наш товарищ Пятницкий — твердокаменный большевик, образцовый руководитель международного коммунистического движения».

Приветствие подписали члены Исполкома Коминтерна:

Пик, Мануильский, Ван Мин (ПК* Китая), Куусинен, Торез (ПК Франции), Швабова (ПК Чехословакии), Кнорин, Лозовский, Браудер (ПК США), Бела Кун, Гопнер, Славинский (ПК Польши), Катаяма, Гусев, Хатавей (ПК США), Коларов, Окано (ПК Японии), Мицкевич, Манер (ПК Финляндии), Чемоданов (ИККИМ**), Варга, Ангаретис (ПК Литвы), Кодовилла, Цхакая, Трилья (ПК Испании), Искров (ПК Болгарии), Маджи (ПК Италии), Гансен (ПК Норвегии).

Такие же приветствия Пятницкому в день его юбилея были напечатаны в «Правде» от Исполнительной комиссии Профинтерна и от Н.К. Крупской («Правда», 30 января 1932 г.).

Привожу некоторые выдержки из приветствия немецких коммунистов:

«Что дал он (Осип Пятницкий. — В.П.) своей работой Коминтерну и мировому революционному пролетариату, отражено на всех страницах истории Коминтерна.

Он, как никто другой, был призван к тому, чтобы своим богатым опытом помогать секциям Коминтерна в дальнейшем развертывании и повышении уровня революционной работы среди трудящихся масс города и деревни.

Когда он с особым свойственным ему критическим взглядом на вещи указывает на критические недостатки, то этим он помогает Коминтерну не менее чем своими положительными предложениями, как нужно лучше и правильнее что-либо сделать.

Нужно прочесть только одну из его речей на международных заседаниях Коминтерна, чтобы увидеть какую массу практических предложений вносит он для улучшения работы. Но еще настойчивее действует он в тесном кругу руководства Коминтерна, при этом действует он не только как организатор, он хорошо изучил теорию ленинизма и прекрасно умеет применять ее во всех областях практической работы наглядным большевистским путем. Решения больших международных политических вопросов

* ПК — акоммунистов.

** ИККИМ — Исполнительный комитет Коммунистического интернационала молодежи.

в Коминтерне и поставленные перед отдельными секциями проблемы отражают то огромное влияние, которое оказывает тов. Пятницкий на решения всех этих вопросов...

Тов. Пятницкий является исключительным политиком и волевым человеком. Всякий, кто вступит с ним в близкие отношения, не может не подвергнуться его влиянию. Ему присуще также знание людей. Революционная деятельность на протяжении десятков лет сделала его твердым и очень решительным. Но за этой суровой наружностью кроется чуткий и отзывчивый, сердечный человек. Тому, кто однажды завоевал его доверие своей революционной работой, тому он преданный друг и товарищ...

Мы пожимаем руку товарищу Пятницкому в день его юбилея, которым он по праву может гордиться, и обещаем взять его работу как пример и использовать его богатый опыт революционной деятельности, отдать все силы на революционную классовую борьбу.

Рот фронт, товарищ Пятницкий.

Вильгельм Пик»

Так как я сам при жизни отца был слишком мал, чтобы самому составить его портрет как человека и большевика, я воспользуюсь для этого помощью людей, которые часто общались с Пятницким и хорошо знали его в разные периоды его жизни и деятельности. Вот их имена: это М.И. Черняк, С.И. Бричкина, С.Н. Ростовский (Эрнст Генри), Е.Д. Стасова, С.И. Гопнер, А.Г. Крымов (Го Шао Тан), Е.С. Варга, С.П. Петриковский-Петренко, В.А. Алексеев (Железняков), А.В. Снегов, М.К. Муранов, Ю. Брандис, С.А. Темкин, А. Гримберг, М.А. Сафонов, Б.М. Лондон, Н. Козлова, Г.И. Соколова, С. Бердичевская, Е. Альберт, С.С. Дзержинская и т.д. в нашей стране; Эндрю Ротштейн, Боб Стюарт, Палм Датт, Артур Хорнер, Робин Аронт (Англия); Вильгельм Пик, Рихард Гюпнер, Альфред Курелла (Германия); Жак Дюкло (Франция); Ирена и Бела Кун, Матиаш Ракоши (Венгрия); Димитрис Станисавлевич, Вылко Влахович, Никола Ковачевич (Югославия); Антанос Снечкус (Литва) и многие, многие другие.

Я привожу краткие выдержки из характеристик, данных отцу, услышанные от этих людей и выписанных из их писем.

«...Двадцать лет проработал Пятницкий («Пятница» или «Фейтаг», как мы его называли) в подполье. Он был типичным революционером-профессионалом, который всю свою жизнь, всего себя отдавал партии, жил только ее интересами. Пятница был убеж-

денный большевик, цельный, у которого никогда слово не расходилось с делом, на которого можно было положиться. Таким его знал Ильич. Мне приходилось в те нелегальные времена много иметь с Пятницей постоянного дела, много переписываться».

Надежда Крупская

«Пятницкий — один из превосходнейших знатоков международного рабочего движения, несомненно, глубже всех изучил коммунистические партии. Свойство подлинного организатора, умение основательно изучить боевые силы, которые он должен организовать и которыми должен руководить, способность изучить поле сражения, на котором должны действовать эти силы, пожалуй, ни у одного из руководителей Коммунистического Интернационала не проявлялось в такой мере, как у Пятницкого. Как раз поэтому организационный опыт истории борьбы большевиков благодаря Пятницкому передается партиям капиталистических стран так, что одновременно они получают и указания как использовать этот опыт применительно к конкретным условиям той или иной партии. Твердость большевистских принципов и чувство действительности, основанное на конкретных знаниях — в этом единстве и состоит главная сила Пятницкого как руководителя и организатора».

Бела Кун

«Пятницкий являлся выдающимся деятелем партии и международного коммунистического движения, внес большой вклад в его развитие. Его кристально чистый морально-политический облик, представляющий облик ленинской партии большевиков на международной арене, служил духовным образцом для коммунистов зарубежных стран. А стиль работы ИККИ, фактическим руководителем которого он был в течение 15 лет, был школой деловой партийной работы для иностранных коммунистов. Все это сказано без малейшего преувеличения».

Матиаш Ракоши

«Осип Пятницкий обладал огромным опытом партийного строительства и революционной борьбы. В его речах и работах нет громких слов и пышных фраз. Он никогда не говорил и не писал на отвлеченные темы, не увлекался абстрактными теоретическими рассуждениями. Он действительно был проводником революционного партийного опыта русских большевиков, оказывая боль-

шое содействие в перестройке и большевизации национальных коммунистических и рабочих партий...

Все, о чем бы ни выступал Осип Пятницкий, было по существу руководящими директивами для практической деятельности национальных компартий».

Евгений Варга

«О. Пятницкий всегда и при всех обстоятельствах оставался большевиком-ленинцем и никогда ни в каких уклонах и течения не участвовал. Воспитанный в труднейших условиях революционной борьбы в России и находясь постоянно в центре событий мирового коммунистического движения, он умел в любой обстановке находить верное решение и в отличие от многих своих соратников по советской делегации в ИККИ стремился сохранить собственное мнение на происходящие события и при всех обстоятельствах проводит их в жизнь».

Елена Стасова

«Во время споров, которые нередко случались по работе, Пятницкий всегда до конца защищал свою точку зрения, не прибегая при этом ни к какой хитрости, отстаивал ее открыто, честно и упорно. Но после принятия решения, каково бы оно ни было, он отдавал все свои силы для его проведения в жизнь. И благодаря этому его авторитет в Исполкоме и национальных компартиях был колоссальным».

Серафима Гопнер

«Пятницкий готов был выслушать от своих подчиненных не только приятную, желательную для него информацию, но и с исключительным вниманием умел слушать и неприятные, нежелательные, иногда весьма горькие, но правдивые сообщения. Он был строгим и требовательным руководителем, порой суровым и беспощадным за ошибки, промахи и халатность подчиненных. Но всегда был справедливым, принципиальным и заботливым товарищем. Перед ним можно было откровенно высказать свое мнение, соображения, сомнения, несогласие, пусть даже ошибочное. Зато он не терпел лжи, фальши, льстивого угодничества и корыстного очковтирательства. Он умел терпеливо и внимательно выслушать мнение подчиненных объективно, самокритично проанализировать, сопоставить их со своим и иметь мужество, иной раз и соглашаться с мнением нижестоящих товарищей, никогда

не злоупотреблять своим авторитетом и властью. Он умел чутко распознавать и отличать услужливых карьеристов, мелких корыстных приспособленцев и чиновников от честных, прямых, неподкупных, принципиальных, порой не всегда послушных, но, безусловно, преданных деловых работников-коммунистов. Именно этими высокими качествами, характеризующими зрелость подлинных большевиков-руководителей, и обладали мои учителя (имеется в виду О. Пятницкий, В. Кнорин и Г. Димитров. — В.П.), у которых я прошел большую жизненную и политическую школу».

Афанасий Крымов (Го Шао Тан)

«Пятницкий был чужд высокомерности, так свойственной партийным боссам и советской номенклатуре, прямо и не двусмысленно выражал свое мнение и был особенно нетерпим, когда сталкивался с болтунами и с попытками за общими фразами скрыть нежелание и неумение работать.

Об окружающих он судил по единственной мерке, — что они могут дать делу, которому он служил беззаветно.

Он не знал интриг, не знал личных интересов, не знал честолюбия. Он весь до последней своей мысли принадлежал партии и революции».

Эндрю Ротштейн

«Скромный как товарищ и хороший человек, незаметный как функционер и руководитель, друг Пятницкий всегда находил время, чтобы выслушать и понять каждого из тех, с кем встречался по работе, на заседаниях или где-либо в другом месте. Во всем этом не было нарочитости. Он был прост и скромен. Таким он и остался до конца.

Насколько я знаю, он умел ценить в людях самое главное и основное, никогда не интересуясь побочными и неважными вещами. О. Пятницкий часто присутствовал на Немецком и Балканском секретариатах. Он всегда был очень серьезным и незаметным, очень выдержанным и почти не ошибался в оценке людей, различных вопросов и событий. Все, кто с ним работал, очень ценили О. Пятницкого как товарища».

Дмитрис Станиславович

«Пятницкий был человеком дела, а не фразы. Он отличался чрезвычайной работоспособностью, жестко боролся с пассивностью, расхождением между словом и делом.

Был прям и резок в суждениях, больше слушал, а когда говорил, выступления его всегда были лаконичными, выражения отточены — сама суть. Он, как снайпер, выпускал слова прямо в цель и часто одной маленькой репликой сводил на нет заранее подготовленные выступления своих оппонентов».

Боб Стюард

«Пятницкий был твердым и непоколебимым партийным руководителем. До фанатизма ревнителем принципиальной чистоты и политической непримиримости. Этот суровый и немногословный человек обладал мягким характером и чувствительной, отзывчивой душой, откликающейся на всякую человеческую боль и нужду.

Он говорил всегда тихо, спокойно, высказывая просто свое мнение, не навязывал его другим. Только когда возникала опасность для дела, которому он служил беззаветно, он становился строгим, голос его резким и каждому без стеснения он говорил правду прямо в лицо. В Коминтерне все боялись его упрёка, но никогда не обижались, потому что его замечания были уместными и справедливыми.

Поддерживая строгую дисциплину, он сам являлся образцом аккуратности, исполнительности и дисциплины. Он был точен и всегда выполнял возложенную на него работу. Он был несравним ни с кем по своему трудолюбию».

Рихард Гюннер

«Был очень вспыльчивым, деловым, веселым. Никогда не унывал. Сама эмоциональная подвижность. К людям относился очень тепло. Ходил быстро. Был юрким. При беседе с человеком хватал его за руку. Задавая вопросы, смотрел в глаза, обязательно хотел знать, как он понимает обсуждаемый вопрос, добивался, чтобы все, кто с ним работали, были идейно подготовленными и сознательно выполняли порученное дело.

Он никогда не злоупотреблял своим авторитетом и своей властью. У него не было личных симпатий и антипатий. Это был человек, исключительно занятый своим делом и с этой точки зрения оценивал всех. Для многих работников Коминтерна и функционеров национальных компартий Осип Пятницкий стал олицетворением профессионального революционера-большевика. В Коминтерне его уважали и побаивались и уважительно называли «хозяин» или «старик»».

Робин Пейдж Аронт

«Со всей свойственной ему энергией и целеустремленностью Пятницкий направлял усилия на решение кардинальных задач, стоявших перед международным коммунистическим движением — идейно-организационному укреплению национальных компартий, их большевизации. Он отлично представлял себе, что для реализации этой задачи потребуются годы, ибо Коминтерн допускал ошибки и не вполне продуманные действия».

Жак Дюкло

«Это был великолепный образец человека, где прекрасное содержание было заключено в замечательную форму. Это был идейный ленинец, честнейший и принципиальный профессиональный революционер. Его большие способности и исключительная работоспособность позволили ему стать одним из широко образованных и глубоко эрудированных выдающихся работников партии».

Александр Гримберг

«Его вера в революцию, которая сделает мир справедливым и создаст общество, которое будет свободно от эксплуатации человека человеком, стала для него чисто религиозной. Он служил своей идее, как набожный человек своему богу. И эта религиозная вера в справедливость своей идеи осталась с ним на всю жизнь».

Григорий Петровский

«Осип Аронович был человеком вспыльчивым, деловым, очень веселым. Он никогда не унывал. Сама эмоциональная подвижность.

К людям относился очень тепло. Ходил быстро. Был юрким.

Был очень скромным, но иногда очень раздражительным. Были минуты, когда шутил. Последнее время постоянно был в тяжелом состоянии. Говорил о его неладах со Сталиным».

Матвей Муранов

«Он был идеалистом в борьбе против международного фашизма, в первую очередь, германского. Он постоянно опирался на свой ранний большевистский идеализм, заражая всех, с кем работал и общался, верой в окончательную победу коммунизма».

Цецилия Бобровская

«В последние годы своей работы Пятницкий становился все более мрачным и нелюдимым. Уже его работа в подполье наложила на него отпечаток странной молчаливости. Он отличался

строго формальным отношением ко всем сотрудникам, причем всегда настаивал на скрупулезном выполнении решений, на безусловной дисциплине. При этом у Пятницкого обостренное чувство справедливости. От него зависели все решения по организационным вопросам. Он избегал всякого решения, которое могло нанести обиду отдельным товарищам, и старался при принятии решений находить более благоприятные для отдельных лиц варианты. Лично он редко сближался с людьми, с которыми имел дело по работе. Круг его друзей был небольшим, преимущественно это были старые подпольщики».

Софья Бричкина

«Вся его жизнь протекала в непрерывной работе. Он не знал никаких личных влечений. Очень редко его жене удавалось затащить его в театр. Не очень часто по выходным дням он выезжал за город в дом отдыха, где большую часть времени отсыпался и, по возможности, гулял в лесу. А находясь в городе, он не ходил никуда, кроме как из дома на работу в Коминтерн или в ЦК, а оттуда домой».

Борис Лондон

«К 50-летнему юбилею т. Пятницкого коллектив работников аппарата ИККИ и представителей компартий при Исполкоме решил сделать ему подарок и, сбросившись, заказали ему для дома большой письменный стол, отдельную тумбу для служебных бумаг со специальным запором, кресло и настольную лампу. Подарок этот привезли ему домой в его отсутствие, в то время, когда сам юбиляр был на торжественном вечере, устроенном в его честь в столовой коминтерновского общежития «Люкс». Когда Осип Аронович вернулся домой и зашел в свою комнату (это была спальня-кабинет, он спал в ней на кушетке), он обомлел.

Я привез его домой и сопровождал его до квартиры. А на другой день утром он вызвал к себе управделами ИККИ Юлиуса Брандиса и, сделав ему разнос, потребовал счет на всю стоимость подарка. С большим трудом ему — Брандису удалось успокоить Пятницкого. Подействовало то, что не следует обижать коллектив, ведь они сделали это от чистого сердца. Это подействовало».

Михаил Сафонов

«Товарищ Пятницкий отличался исключительной скромностью и безразличием к собственному быту: один костюм, одно пальто,

которое носил со времен возвращения из ссылки в 1917 году. Но он был сугубо щепетилен в денежных делах. Например, когда его младший сын приходил к нему на работу и брал с его служебного стола толстый двухцветный, красный с синим карандаш, которого в свободной продаже не было, товарищ Пятницкий тут же требовал выписать ему счет с его стоимостью.

А на его домашней квартире вся мебель, кроме детской кровати его младшего сына и большого дубового стола в столовой, была казенной с инвентарными номерами Управделами Совнаркома.

Лишь через год он приобрёл большие стеллажи для его огромной библиотеки и складную лестницу для ее обслуживания. Все это я знаю, так как помогала Юлии Борисовне — жене Пятницкого приводить его библиотеку в определенный порядок».

Наталья Козлова

«Перед 50-летием товарища Пятницкого еле удалось уговорить его сшить ему новый костюм в пошивочной мастерской Коминтерна. Эта мастерская служила специально для обслуживания одеждой работников Коминтерна, отправляющихся за границу. Пятницкий считал, что ее услугами пользоваться неудобно. Он отказался взять сшитый для него костюм, пока не принесли ему счет за его оплату».

Михаил Лебедев

«В 1925 году Осип Аронович сам сшил себе толстовку из коричневого сатина, очень любил ее и всегда дома ходил в ней. Он сам чинил себе одежду и штопал носки. Носил всегда недорогую, обыкновенную одежду, на брюках заплатки».

Галина Соколова

«Пятницкий был очень аккуратен. Одевался очень чисто, все всегда блестело. Но все было основательно поношено. Например, брюки с заплатками сзади, но отглажены со стрелками».

Евгения Альберт

«Пятницкий дружил с людьми, которых знал еще по подполью. Был очень дружен с доктором Лондоном Борисом Марковичем, который всю жизнь был его личным врачом, с Зиминим Н.Н., которого знал со времен московского вооруженного восстания, с

С.А. Итиным, с М.К. Мурановым, Бела Куном, Михой Цхакая, С.И. Гусевым, М.М. Литвиновым, В. Мицкевичем, позже с В.Г. Кнориным.

Очень добрые отношения у него были с Вильгельмом Пиком, с Отто Куусиненом и с Кларой Цеткин. Семья у нее была большая, два сына, сноха, внучки. Она жила в Кремле. Пятницкий с младшим сыном часто ездили к ней домой».

М.А. Сафонов

Этот список отзывов о Пятницком можно продолжить, ибо каждый, кто знал О. Пятницкого, рассказывал и писал о нем очень много хороших и добрых слов, столько, что ими можно было бы заполнить целую книгу. Но все они были повторением в разных вариациях того, что написано выше.

Я, не желая злоупотреблять вниманием читателей, выбрал наиболее характерные из них. И они достаточно подробно дают характеристику Осипу Пятницкому как человеку и большевику.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Глава 11

Руководитель Политико- административного отдела ЦК ВКП(б). Положение в партии и стране (август 1935 — июнь 1937 г.)

На VII Конгрессе Коминтерна Осип Пятницкий и Вильгельм Кнорин не были избраны в состав руководящих органов Коммунистического Интернационала от своей партии. Политбюро, а вернее сам Сталин, отозвали их с работы в штабе мировой пролетарской революции и направило на укрепление центрального аппарата партии большевиков. Такая же участь была уготована и Б. Васильеву. Несколько позже из Коминтерна был удален А. Абрамов. Белу Куна убрали из Коминтерна еще раньше.

Из Коминтерна были удалены его ведущие работники, которые считались людьми принципиальными. По-видимому, Сталин твердо решил менять политику Коминтерна, и не так, как это было принято VII Конгрессом. Он имел собственные виды на эту организацию. Об этом можно судить хотя бы по людям, которых он ввел в его руководство.

Кроме того, он не терпел чрезмерного роста авторитета кого-либо из руководящих работников партии и постоянно перетасовывал кадры. Не мог он смириться и с быстрым ростом авторитета Осипа Пятницкого в мировом коммунистическом движении. Поэтому заявление Мануильского и Димитрова было весьма благосклонно им воспринято. Оно стало поводом (если не была подсказана Мануильскому самим Сталиным) для смены руководства Коминтерна. А Куусинен отличался тем, что умел всегда угадывать желания «вождя». По-видимому, это качество и сохранило ему жизнь во время «большой чистки» Коминтерна.

Изменяя после XVII съезда ВКП(б) организационную политику партии и переделывая на свой лад аппарат Центрального Комитета, Сталин, учитывая огромный опыт организационно-политической работы, накопленный О. Пятницким за годы рабо-

ты в органах ВКП(б) и Коминтерна, решил поручить ему организацию партийного контроля за работой государственного аппарата и органов Советской власти. К большому сожалению, о деятельности Политико-административного отдела ЦК ВКП(б) сведений в партийных архивах найти не удалось. Практически никто из работников этого отдела своих воспоминаний о нем не оставил.

Известно только то, что до 1935 года в личном секретариате Сталина существовал Политико-административный сектор, которым руководил Борис Шуб. Судя по всему, Сталин не был доволен его деятельностью и решил вывести этот сектор из своего секретариата, расширив его функции, и создать самостоятельный отдел в аппарате ЦК партии.

Передвинув О. Пятницкого на второстепенную, по моему разумению, работу, но в аппарат ЦК, Сталин, несомненно, стремился приблизить его к себе для того, чтобы удобнее было контролировать его действия.

В августе 1935 года О. Пятницкий приступил к новой работе. Ему поручалось надзирать за точностью исполнения различных партийных директив разными ведомствами государственного аппарата, т.е. армии, прокуратуры, судов, НКВД, наркоматами, а также советами всех уровней.

После окончания VII Конгресса Коминтерна Пятницкому еще два месяца (июнь—июль) пришлось передавать свои бесчисленные обязанности своим преемникам, распределившим его обязанности по Исполкому Коминтерна между собой: Г. Димитрову, Д. Мануильскому, Мееру (Михаилу), Трилиссеру (Москвину). Только в середине августа 1935 года Оргбюро ЦК ВКП(б) своим решением утвердило Пятницкого в должности заведующего Политико-административным отделом.

И все остальные руководящие работники Коминтерна, отозванные из Коммунистического Интернационала, получили довольно высокие назначения:

Вильгельм Кнорин стал заместителем заведующего Агитационно-пропагандистского отдела ЦК ВКП(б), во главе которого стоял сталинский выкормыш А. Стецкий, и ректором Института красной профессуры.

Борису Васильеву было поручено организовать новый Отдел экстерриториальных партийных организаций ЦК ВКП(б).

Бела Кун был назначен директором издательства социально-экономической литературы.

А. А. Абрамов-Миров был направлен в Разведупр РККА помощником начальника управления Я. Берзина и курировал там испанское направление и т. д.

1935 год

Я подробно останавливаюсь на событиях, происходящих в стране и в партии советских коммунистов в 1935—1938 годах потому, что эти события, безусловно, отражались на политической обстановке в международном коммунистическом движении, чтобы мой читатель смог осознать те внутренние процессы, которые сотрясали великую страну в этот период.

Именно в это время ЦК ВКП(б) утвердило Пятницкого политическим инспектором для контроля за работой административных органов страны. И все изменения организационной структуры партии и правительства происходили у него на глазах, но без его ведома.

Что творилось в душе О. Пятницкого, передать трудно. Ведь он своими переживаниями ни с кем не делился. По крайней мере об этом никаких материалов обнаружено не было.

А ведь Пятницкий хорошо понимал, что Сталин и его компания последовательно и систематически уничтожает Ленинскую партию большевиков и на ее остатках монтирует новую партию — Сталинскую, уничтожает завоевания Октябрьской революции под лозунгом «воплощения в жизнь идей Ленина».

Пятницкий видел, как Сталин и его ближайшее окружение ломают все, чему он и другие соратники Ленина посвятили свою жизнь.

Отношения между Сталиным и его окружением сводились к физическому уничтожению одной его части и покорному повиновению его диктату другой. В этот период требовалось только преспособленчество и покорность. Всех недовольных тотчас обвиняли в троцкизме или прочих уклонах.

В январе 1935 года в Москве состоялся открытый политический процесс над лидерами левой оппозиции: Г. Зиновьевым, Л. Каменевым, Г. Евдокимовым и рядом других ответственных работников партии.

Всего по процессу проходило 19 человек. Их обвиняли в подстрекательстве к убийству С. М. Кирова. Подсудимые признались в моральной ответственности за это злодеяние как оппозиционеры.

Главный обвиняемый Г. Зиновьев получил 10 лет заключения. Л. Каменев — 5 лет. Досталось и остальным.

17 февраля 1935 года скончался друг нашей семьи, соратник отца Винцас Мицкевич (Мицкявичюс) — Капсукас. Он долго болел туберкулезом, заработанным еще в царских тюрьмах. Это был замечательный человек, честный и бескорыстный. В отсутствие отца (а он частенько куда-то уезжал или лежал то в Кремлевской больнице, то в ее загородном отделении — в Барвихе) В. Мицкевич заменял его на работе, выполняя функции оргсекретаря ИККИ. Пятницкий ему полностью доверял и поручал ведение самых трудных и ответственных вопросов. Они всегда поддерживали друг друга, когда приходилось защищать и отстаивать правильные решения в различных запутанных вопросах.

30 марта 1935 года был принят Закон об ответственности членов семей изменников Родины (ЧСИР). В нем указывалось, что если жена, сын или дочь не отрекались от своего мужа или отца (а такие мужественные люди находились), они автоматически осуждались к 8-летнему сроку заключения или высылались в отдаленные районы страны — на Колыму, в Магадан, на Север или в Казахские степи и т.д.

7 апреля 1935 года ЦИК СССР принял бесчеловечный указ, разрешающий привлекать к уголовной ответственности детей с 12-летнего возраста. А с 14 лет они могли быть даже приговорены к смертной казни.

15 мая 1935 года Политбюро ЦК ВКП(б) принимает решение о создании:

1. Оборонной комиссии Политбюро для руководства подготовкой страны к возможной войне с враждебными СССР державами.
2. Особой комиссии Политбюро по безопасности для ликвидации врагов народа (руководящий центр советской инквизиции для борьбы с инакомыслящими и лицами, неугодными диктатору. — В.П.).

Этим же решением партии дается указание провести две проверки и обратиться ко всем членам и кандидатам партии с закрытым письмом о необходимости повышения большевистской бдительности, беспощадного разоблачения врагов народа и их ликвидации.

В Особую комиссию по безопасности, помимо Сталина, входили секретарь ЦК ВКП(б) А.А. Жданов, прокурор СССР А.Я. Вышинский, зав. Отделом руководящих партийных органов

ЦК Г.М. Маленков, секретарь коллегии КПК М.Ф. Шкирятов и Н.И. Ежов — председатель КПК.

Именно Ежову была поручена организация и проведение гласной проверки партийных документов и негласной — политических взглядов каждого коммуниста. И Ежов начал рьяно осуществлять это на практике. По его указанию органы НКВД, возглавляемые Г.Г. Ягодой, стали усиленно «разрабатывать» бывших троцкистов. К троцкистам причисляли всех, кто когда-то служил под началом Л.Д. Троцкого, и при этом «наломали немало дров». Сталин и возглавляемая им Особая комиссия по безопасности вынуждена была отреагировать немедленно.

17 июня 1935 года ЦК ВКП(б) и Совнарком СССР принимают постановление «О порядке производства арестов». Привожу его текст дословно.

СНК СССР и ЦК ВКП(б) постановляют:

1. Во изменение инструкции от 8 мая 1933 года аресты по всем без исключения делам органы НКВД впредь могут производить лишь с согласия соответствующего прокурора.

2. В случае необходимости произвести арест на месте преступления, уполномоченные на это по закону должностные лица из НКВД обязаны о проведенном аресте немедленно сообщать соответствующему прокурору для получения подтверждения.

3. Разрешения на аресты членов ЦИК Союза ССР и ЦИК союзных республик даются лишь по получении органами прокуратуры и НКВД согласия Председателя ЦИК Союза ССР или председателей ЦИК союзных республик по принадлежности.

Разрешения на аресты руководящих работников наркоматов Союза и союзных республик и приравненных к ним центральных учреждений (начальников управлений и заведующих отделами, управляющих трестами и их заместителей, директоров и заместителей директоров промышленных предприятий, совхозов и т.п.), а также состоящих на службе в различных учреждениях инженеров, агрономов, профессоров, врачей, руководителей ученых, учебных и научно-исследовательских учреждений, — даются по согласованию с соответствующими народными комиссарами.

4. Разрешения на аресты членов и кандидатов ВКП(б) — по согласованию с секретарями районных, краевых, областных комитетов ВКП(б), ЦК компартий — по принадлежности, а в отношении коммунистов, занимающих руководящие должности в наркоматах Союза и приравненных к ним центральных учрежде-

ний — по получении на то согласия Председателя комиссии партийного контроля.

5. Разрешения на аресты военнослужащих высшего и среднего состава РККА даются по согласованию с наркомом обороны.

6. Разрешения на аресты даются в районе — районным прокурорам, в автономных республиках — прокурорами этих республик, в краях (областях) — краевыми (областными) прокурорами.

По делам о преступлениях на железнодорожном и водном транспорте разрешения на аресты даются участковыми прокурорами, дорожными прокурорами, бассейновиками — по принадлежности.

По делам, подсудным военным трибуналам, — прокурорами военных округов.

Разрешения на аресты, производимые непосредственно народными комиссарами внутренних дел союзных республик, даются прокурорами этих республик.

Разрешения на аресты, производимые непосредственно народным комиссаром внутренних дел Союза ССР, даются прокурором Союза.

Председатель СНК ССР
В. Молотов

Секретарь ЦК ВКП(б)
И. Сталин

Этот документ весьма примечателен. Он разрешал давать санкцию на арест не только прокурорам, но и руководителям разного ранга и этим открывал дороги к произволу органов государственной безопасности. Увы, этот документ очень скоро был забыт его авторами.

К этому времени положение Ежова на иерархической лестнице властных структур укрепилось еще больше. В этом плане интересно познакомиться с донесением английского посла в СССР своему правительству. Вот что он писал:

«Сталин «дал Ежову НКВД» вовсе не для того, чтобы уменьшить всеислие этой организации, а чтобы получить в свои руки безотказно действующую карательную структуру во главе с преданным лично ему и всецело от него зависящим руководителем, готовым, как говорится, землю рыть, выполняя любые указания «хозяина».

В июле 1935 года состоялся новый закрытый процесс по малоизвестному «Кремлевскому делу» над Л.Б. Каменевым, его

братом Н.Б. Розенфельдом, сыном Троцкого С.Л. Седовым, библиотекарями Кремля Е.К. Мухановой, З.И. Давыдовой, Н.И. Бураго, комендантом Кремля П.И. Лукьяновым, начальником АХО П.Ф. Поляковым и другими. Л.Д. Каменев был осужден к 10 годам тюремного заключения.

На июньском (1935 г.) Пленуме ЦК ВКП(б) Ежов в своем выступлении назвал пять террористических организаций, которые якобы готовили покушения на Сталина. Неоднократно повторяя эту выдумку, он настраивал членов ЦК против «недобитых» троцкистов и зиновьевцев. И, кроме того, доказывал свою неусыпную заботу о безопасности «любимого вождя и учителя».

Но вернемся к личности О. Пятницкого.

До перехода на новую работу Пятницкий, занятый зарубежными делами, почти не знал новых партийных кадров, с которыми теперь ему пришлось сталкиваться. Он также плохо представлял себе советскую действительность, о которой он раньше судил, в основном, по сообщениям прессы да материалам партийных съездов и конференций.

Работая почти 15 лет в Коммунистическом Интернационале, он был совершенно оторван от жизни в собственной стране. Он гораздо лучше знал политическую ситуацию в любом зарубежном государстве, положение в каждой национальной компартии, лично был знаком со всеми руководителями этих партий и прекрасно разбирался в их взаимоотношениях и возможностях.

На новой работе Пятницкий с головой окунулся в жизнь своей партии и был поражен тем, что увидел и узнал.

За последнее пятилетие партийный аппарат насквозь проникся бюрократическими извращениями, фальшью, маскировкой, приспособленчеством и двойственностью, злоупотреблением властью партийного аппарата, подтасовкой всей партийной выборной механики и, наконец, подтасовкой ленинизма. Одним словом, партия большевиков деградировала, усиленно перенимая методы буржуазно-парламентской демократии.

Выполняя поручение партии, Пятницкий начал создавать ту самую систему партийного контроля над работой государственного аппарата, которая со временем пронизала всю жизнь страны. Сталкиваясь с постоянными фактами проявления сталинского диктата, наблюдая за тем, как маховик личной власти Сталина набирает обороты, Пятницкий мучился от мысли, что он не имеет ни сил, ни возможностей помешать этому. Он стал нервным, нелюдимым и хмурым. Сразу же ужасно постарел. Нача-

лись постоянные трения с секретарем ЦК Л. Кагановичем и входившими в силу Н. Ежовым и Г. Маленковым.

По предположению Пятницкого, Политико-административный отдел ЦК, как и все остальные отделы, был лишь подготовительной инстанцией, проверял, делал выводы и готовил материалы со своими рекомендациями для решающих органов партии: Политбюро, Секретариата или Оргбюро ЦК ВКП(б). Пятницкий был подчинен Лазарю Кагановичу, третьему лицу в партийной иерархии.

С новой работой он знаком не был и в новую роль входил с трудом. Это было понятно, учитывая его возраст и мировоззрение. Он настоял на том, чтобы Оргбюро ЦК оставило Бориса Шуба его заместителем. Несколько позже вторым своим заместителем он пригласил Григория Смолянского, которого хорошо знал по работе в Коминтерне, где он был заместителем В. Кнорина в Среднеевропейском Лендерсекретариате и тоже был отозван с коминтерновской работы.

До конца 1935 года Пятницкий занимался формированием отдела, разработкой наметок и предложений для Оргбюро ЦК ВКП(б) на включение в план работы на следующий год.

С 1935 года на всех пленумах ЦК ВКП(б) председательствовал В. Молотов. Он открывал пленумы, руководил ими и закрывал заседания. Он задавал политический тон всем пленумам ЦК. Идеологическое обоснование делал Каганович, а политическое завершение оставалось за Ежовым.

14 сентября 1935 года постановлением ЦИК СССР вводится порядок рассмотрения уголовных дел «О контрреволюционном вредительстве и диверсиях». Все это стало юридическим обоснованием проведения массового террора против собственного народа.

К этому времени пресловутые органы государственной безопасности — ОГПУ уже полностью находились под личным контролем Сталина.

Физическое уничтожение представителей старой большевистской партии началось несколько раньше, руками Г. Ягоды, и в дальнейшем продолжалось его преемниками Н. Ежовым, а затем Л. Берия, вплоть до кончины диктатора.

Ягода, по указанию Сталина, дал распоряжение своему аппарату о прослушивании телефонных разговоров партийных работников высшего ранга, в том числе и руководства Коминтерна, и на каждого из них было заведено специальное компрометирующее досье.

В этот период Сталин в своей внутренней политике опирался на своих верных приспешников: В. Молотова, Л. Кагановича и К. Ворошилова, затем на А. Жданова, человека крайне безвольного. Но вскоре на политической арене появились новые фигуры: Н. Ежов, Г. Маленков и Л. Мехлис, которых Сталин вытаскивал из собственного секретариата, воспитанных им самим и пригодных для исполнения самых неприглядных дел.

Подобных фигур в запасной колоде Генсека было с избытком. Он очень умело пользовался каждым из них, а затем, используя до конца, убирал за ненадобностью.

Исполком Коминтерна сразу же после убийства С.М. Кирова активно включился в кампанию обоснования пролетарской местности организаторам и вдохновителям злодейского покушения. Он без всяких колебаний принял официальную версию, выдвинутую Сталиным и Ежовым, обвиняющим Г. Зиновьева и Л. Каменева (стоявших у истоков создания Коммунистического Интернационала) как вдохновителей убийства Кирова.

Массовые репрессии нанесли серьезный ущерб авторитету Советского Союза в глазах мировой общественности и существенно затормозили движение единого и антифашистского фронта в капиталистических странах.

Надо сказать, что в международном коммунистическом движении в целом поддерживали выносимые в 30-е годы в СССР приговоры. Это происходило в значительной мере благодаря позиции Исполкома Коминтерна.

А вот реакция II Интернационала и находящихся под его руководством профсоюзов на массовые репрессии в СССР была крайне отрицательной. Поэтому ИККИ и руководство национальных компартий прилагали большие усилия, чтобы представить троцкистов как пособников фашизма, агентов гестапо, поджигателей войны и врагов единого фронта. Но значительная часть рабочих, как коммунистов, так и социал-демократов, скептически относились к версии, что бывшие вожди партии и Советского государства являются пособниками фашизма и шпионами иностранных разведок.

Очень интересна реакция белой эмиграции на события, происходящие в Советской России.

В 1935 году орган русских эмигрантов газета «Бодрость» (1935 г. № 41) на своих полосах отмечала, что «Сталин, стремясь удержать власть в своих руках, стал открытым и вполне явным предателем и вредителем марксизма, искусно приспособившись

к требованиям нации и жизни. Из лидера компартии Сталин стремится стать народным национальным вождем. Именно в этом сейчас весь смысл событий, происходящих в России».

Если просмотреть следственные материалы арестованных позже, в 1936—1938 годах, коммунистов, то все они в первую очередь обвинялись в троцкизме. Троцкий был особенно ненавистен Сталину. И эта ненависть усиливалась оттого, что с 1929 года он находился за границей вне пределов его достигаемости. И не имея возможности разделаться с ним, Сталин стремился утолить свою жажду мести на своих явных и потенциальных противниках.

Всех арестованных по указанию Комиссии по безопасности Политбюро, т.е. Сталина, обвиняли, прежде всего, в троцкизме и троцкистской деятельности. Он распорядился следственным органам изображать Троцкого главным преступником и моральным выродком, организатором и руководителем всего контрреволюционного подполья в стране и в международном коммунистическом движении. Сталин выдумал, что «нити заговора» тянутся в СССР из тех стран, где в разное время жил Троцкий — из Дании, Франции, Норвегии и Мексики.

Сталин наметил два вида этих связей Троцкого с «контрреволюционным подпольем». Это тайная переписка его с руководителями этого подполья в СССР и поездки руководителей троцкистских организаций к нему с отчетами о проделанной работе и за получением от него новых заданий и директив.

Теперь уже известно, что ни на одном московском процессе Вышинский, будучи государственным обвинителем, не смог предъявить ни одной строчки из тайной переписки с кем-либо из обвиняемых, хотя она якобы существовала в течение ряда лет и тайные свидания «заговорщиков» с Троцким осуществлялись систематически.

Создавалось впечатление, что если бы буржуазии понадобилось истребить коммунистов, то им ничего не потребовалось бы делать, так как сталинский режим полностью обеспечил бы им эту задачу.

Под видом борьбы с троцкизмом началось уничтожение большевистских традиций и революционного сознания, а вместо этого культивировалось приспособленчество, холуйство и доношительство.

Но вернемся к событиям, происходившим в партии советских коммунистов и в Стране Советов.

1936 год

Первым заседанием Секретариата ЦК ВКП(б) новому Политико-административному отделу было обследование деятельности судебных и прокурорских учреждений СССР. Пятницкий поручил судебно-прокурорскому сектору отдела обследовать суды и учреждения прокурорского надзора Азово-Черноморского края и Западной области, Верховный суд РСФСР и Прокуратуру СССР. Ибо к началу 1936 года в ЦК ВКП(б) скопилась масса жалоб на работу этих учреждений.

Для проведения обследования Пятницкий привлек опытных работников Верховного суда и Прокуратуры, и они собрали весьма мрачный материал, из которого вырисовывалась следующая картина: судебные органы Азово-Черноморского края и Западной области выносили чрезмерно суровые приговоры по всевозможным мелким делам.

Определения вышестоящих органов месяцами валялись без движения. Суды были завалены нерассмотренными делами на людей, уже долгое время находящихся в заключении. За одни и те же преступления в разных местах одной и той же области суды выносили не одинаковые решения. Все это указывало на отсутствие какого-либо контроля со стороны вышестоящих инстанций.

Материалы обследования Верховного суда РСФСР и Прокуратуры СССР показали такие же негативные результаты. Просмотрев результаты обследования и лично побывав в высших судебных инстанциях, в прокуратурах РСФСР и СССР, Пятницкий составил докладную записку в Политбюро и Оргбюро ЦК ВКП(б) о состоянии дел в системе суда и прокуратуры страны, сделав акцент на негативных факторах их работы, сократив до минимума их положительные стороны.

Когда же ему указали, что это односторонне отражает сложившееся положение, Пятницкий заявил, что советские органы обязаны работать хорошо, а если этого не делают, то им необходимо указать на все недостатки в их работе, что именно для этого его назначили на место политического контролера административных органов страны и именно так он понимает свою работу.

В середине 1936 года Политико-административный отдел провел проверку Главного управления милиции НКВД. Результаты проверки были еще более мрачными.

Проверка показала, что 62 тысячи полуграмотных милиционеров только за один 1935 год привлекли к уголовной ответствен-

ности 4,5 млн. граждан, из числа которых самой милицией, прокуратурой и предварительными судебными заседаниями были прекращены дела и оправданы около 1 млн. человек.

В течение года существенно изменился и характер преступлений в стране.

На одном из заседаний Оргбюро ЦК ВКП(б) Пятницкий настаивал на включении в повестку дня доклада Политико-административного отдела о положении и массовой работе Совета народных депутатов Магнитогорска. Однако Оргбюро отклонило его предложение, указав, что Магнитогорский Совет еще молод и его работа не характерна для страны. Взамен Пятницкому было предложено провести проверку городских Советов Свердловска, Иванова и Тулы.

Как ни мрачен был материал, привезенный назначенными Пятницким проверочными комиссиями в этих городах, Советы там все же проделали огромную работу. Особенно была отмечена работа участковых и уличных комитетов самоуправления. На это Пятницкий в своем отчете Оргбюро указал особо, однако картина работы Советов в этих городах складывалась весьма негативно.

Секретари обкомов партии и другие ответственные работники, занятые в различных областях решением крупных вопросов капиталовложений, образования, здравоохранения, коммунального хозяйства и социального обеспечения, на президиумах Советов решали их методом опроса без обсуждения. Президиумы городских Советов практически работой районов не руководили и те «варились» в собственном соку. Члены Советов часто игнорировали заседания Советов, и это оставалось безнаказанным.

Зачастую члены Советов не занимались никакой конкретной работой. По закону требовалось, чтобы каждый член Совета периодически отчитывался перед своими избирателями. В большинстве случаев это требование не соблюдалось. Процент избирателей, которые являлись на собрания, был очень мал. Там же, где депутаты пытались отчитываться, избиратели часто отзывали их за бездеятельность, что для партийных организаций являлось неожиданным, так как партгруппы в Советах существовали только на бумаге.

После перевыборов Советов партгруппы собирались только для того, чтобы наметить кандидатов в президиумы. Потом они собирались, когда требовалась разборка чрезвычайных склочных происшествий или утверждение графика отпусков. Деловые же

вопросы рассматривались крайне редко. Коммунисты в большинстве случаев заседания пленумов не посещали.

Парткомы в учреждениях и на предприятиях работой депутатов, избранных от их организаций, не интересовались и отчетов об их работе не заслушивали. Обкомы партии отчеты партгрупп Советов на своих заседаниях не ставили.

Таким образом, коммунисты в Советах были оставлены без руководства. Все это было изложено в докладной записке Пятницкого руководству страны и партии в начале 1937 года накануне февральско-мартовского Пленума ЦК ВКП(б).

Однако в связи с тем, что Секретариат ЦК был занят подготовкой Пленума, Оргбюро ЦК приняло решение вопрос о работе Советов вынести на рассмотрение следующего Пленума ЦК.

Изложенное выше повествование наводит скуку, но если посмотреть внимательнее на этот рассказ, взятый из показаний О. Пятницкого на допросе после его ареста (следственное дело № 11888), то как будто почти ничего не изменилось в нашей стране за прошедшие полвека.

Но продолжаем наш рассказ.

В руководстве ВКП(б) стали смотреть на Пятницкого, как на белую ворону. Все руководящие чиновники партийного аппарата, уже прошедшие к этому времени жесточайший отбор на преданность лично Генеральному секретарю, играли по правилам главного режиссера, в то время как Пятницкий все еще продолжал гнуть свою собственную линию на вскрытие недостатков и их устранение и тем самым вызывал ярость одних и скрытую поддержку других.

Пятницкий, занятый своей непосредственной работой политического контролера административных органов страны, пристально следил из своего кабинета на 3-м этаже дома, что стоит на Старой площади, за тем, что творится в партии и стране. Все, что он видел, угнетало его. Он видел, как Сталин со своими опричниками уничтожает партию, созданную Лениным вместе с ним, Пятницким, и другими ленинскими соратниками. Он видел, что в страну ползет контрреволюция, прикрываясь революционными лозунгами и именем Ленина, уничтожаются завоевания Октябрьской революции.

А в стране и в партии, которую он создавал и за которую готов был отдать жизнь, творилось что-то невообразимое.

На всех пленумах ЦК ВКП(б), проводившихся в период с 1935 по 1937 годы, а их было в 1935 году — 4, в 1936 году — 2, в

1937 году — З, Пятницкий присутствовал. На всех этих пленумах, в основном, обсуждались одни и те же вопросы — чистка рядов партии, хотя и под давлением различными ракурсами и в различных формах.

Население страны и сама партия знали об этих пленумах лишь скудные и, по существу, ничего не говорящие комментарии, которыми снабжала их пресса.

Например, о декабрьском Пленуме 1935 года сообщалось лишь об итогах проверки партдокументов и результатах довыборов состава Политбюро ЦК: А. Микоян был введен членом, а А. Жданов кандидатом в этот высший орган партии.

А на июньском Пленуме 1936 года опять рассматривался вопрос обмена партийных документов и исключение Н. Бухарина и А. Рыкова из партии. Об остальных вопросах средства массовой информации умалчивали.

Летом 1936 года Сталин начинает планомерную чистку высшего эшелона партии и в первую очередь старейших соратников Ленина. Для него было очень важно не только их физическое уничтожение, но и их моральная компрометация в глазах всей партии, народа и мирового коммунистического движения.

На Пленуме была окончательно решена судьба Бухарина, Рыкова и Томского.

Сталин действовал по схеме и спискам, подготовленным Особой комиссией Политбюро по безопасности.

9 июля 1936 года Политбюро утвердило состав республиканских и областных «троек» и численность бывших кулаков, уголовников и прочих граждан, которые должны быть подвергнуты во внесудебном порядке высылке и расстрелу.

10 июля 1936 года Сталин решил перестроить органы государственной безопасности — НКВД и расстаться со своим верным опричником Г. Ягодой. Подтвердилась известная пословица: Ягода сделал свое дело, Ягода должен уйти и унести с собой информацию о делах, творимых им вместе со Сталиным.

Здесь придется сделать некоторое повторение. ЦИК СССР своим постановлением еще 10 июня 1934 года создал НКВД СССР. ОГПУ вошло в состав нового наркомата под новым названием — Главное управление государственной безопасности. На новый наркомат было возложено обеспечение революционного порядка, государственной безопасности и охраны общественной (социалистической) собственности. В НКВД были включены, как я уже говорил:

Главное управление государственной безопасности — пресловутое ГУГБ;

Главное управление пограничной и внутренней охраны;

Главное управление исправительно-трудовых лагерей и трудовых поселений, послужившее прообразом ставшего известным ГУЛАГа.

Этим же постановлением Судебная коллегия ОГПУ упразднялась. А ГУГБ предписывалось дела об измене, шпионаже и им подобные передавать в Военную коллегия Верховного суда или военные трибуналы по подсудности.

Это постановление было опубликовано. Но существовало и другое, совершенно секретное и не получившее гласности. Этим постановлением при ГУГБ создавалось Особое совещание (ОС) — внесудебный орган, который наделялся чрезвычайными полномочиями. В его состав был введен и прокурор СССР А.Я. Вышинский. Таким образом, репрессивные органы и надзор за ними был совмещен. Одновременно было принято решение о предоставлении органам государственной безопасности чрезвычайных полномочий для борьбы с «врагами народа» сроком на один год.

Это постановление высшего органа государственной власти открыло широкую дорогу для осуществления кровавого террора над советским народом.

19 августа 1936 года состоялся новый открытый московский процесс по делу «Объединенного троцкистско-зиновьевского центра». Сталин поставил своей целью окончательно сокрушить своих главных политических противников Г.Е. Зиновьева и Л.Б. Каменева и их сподвижников.

Всего к суду было привлечено 15 человек, в том числе И.П. Бокаев, И.Н. Смирнов, Г.Е. Евдокимов, С.В. Мрачковский, В.А. Терваганян, Р.В. Пикель, И.И. Рейнгольд, Е.А. Дрейцер, И.И. Круглянский, В.П. Ольберг, М.И. Лурье и К.Б. Берман-Юрин.

Политический процесс подобного масштаба, когда на скамью подсудимых были посажены такие видные партийные деятели, как Каменев, Зиновьев и Смирнов, был беспрецедентным.

Всех их обвиняли в организации убийства С.М. Кирова и подготовке покушения на Сталина, Молотова, Кагановича, Ворошилова и других руководителей партии. В ходе скоротечного процесса все они были обвинены в совершении ужасных преступлений, террористической деятельности и измене Родине, были признаны виновными и 25 августа приговорены к высшей мере

наказания — расстрелу. В ту же ночь приговор был приведен в исполнение.

Сталин любил не просто убивать своих противников, он просто наслаждался муками своих жертв.

Знаменательно, что Ежов в сопровождении Ягоды спустился в Лубянский подвал, где производилась экзекуция, чтобы увидеть исполнение приговора. Ежов при этом упивался своей властью. Его садистские наклонности требовали острых ощущений.

Это было только началом, раскруткой кровавого маховика террора, шлейф турбулентного потока от которого двигался ему в след, расширяясь в глубину и ширину, захватывая в свое горнило десятки тысяч ни в чем не повинных людей. В дальнейшем Сталин стал приписывать подготовку убийства Кирова всем другим группам большевиков, которых он выставлял перед судом на следующих процессах — открытых или закрытых или уничтожал без суда.

Сталин познакомился с Ежовым в 1928 году во время поездки в Сибирь. В 1930 году Ежов был назначен заведующим Распределителем и Отделом кадров ЦК ВКП(б). От него зависели многие назначения. На XVII съезде он был избран членом Оргбюро, председателем КПК при ЦК ВКП(б). И кроме того, назначен заведующим Промышленным отделом ЦК.

С этого момента Ежов становится наиболее ревностным приверженцем и главным проводником сталинской репрессивной политики. Именно его, не обремененного даже посредственным интеллектом, Сталин выбрал на эту работу. Он идеально подходил на роль палача. За эти качества Сталин и Жданов потребовали сделать его главой карательных органов страны.

Из всего своего ближайшего окружения Сталин не мог подобрать наиболее подходящей фигуры для замены Ягоды, чем Ежов. Так состоялось назначение Н.И. Ежова главным карателем страны. Ежов для Сталина стал своего рода Малютой Скуратовым, который выполнял такие же функции при Государе Российском Иване Грозном.

25 сентября 1936 года из Сочи Сталин направляет телеграмму в Политбюро, подписанную также и секретарем ЦК ВКП(б) А. Ждановым, следующего содержания: «Считаем абсолютно необходимым и срочным делом назначение т. Ежова на пост Наркомвнудела. Ягода явным образом оказался не на высоте своей задачи в деле разоблачения троцкистско-зиновьевского блока. ОГПУ опоздало в этом деле на 4 года. Об этом говорят

все политработники и большинство областных представителей Наркомвнудела. Заком Ежова в Наркомвнуделе можно оставить Агранова».

26 сентября 1936 года решением Политбюро Н.И. Ежов назначается наркомом внутренних дел, одновременно оставаясь секретарем ЦК и председателем КПК при ЦК ВКП(б). Однако Политбюро ЦК ВКП(б) поставило условие, чтобы он 9/10 своего времени отдавал работе в НКВД.

Так был сформирован триумвират карательной системы, расширяющий Сталину путь к единовластию и созданию своей собственной сталинской партии. Главой его стал секретарь ЦК ВКП(б), нарком внутренних дел Н.И. Ежов, его сподвижниками — Генеральный прокурор СССР А.Я. Вышинский и председатель Военной коллегии Верховного суда СССР В.В. Ульрих.

Так в нашей стране началась «ежовщина». Маховик террора начал набирать обороты.

На очереди по программе Особой комиссии Политбюро намечалась ликвидация «правых уклонистов»: Бухарина, Рыкова, Томского, Угланова и их сторонников.

В начале сентября 1936 года начинается практика проведения очных ставок будущих участников открытых процессов с обличающими их, уже арестованными и соответствующим образом обработанными товарищами в присутствии членов Политбюро.

Еще 8 сентября 1936 года была проведена очная ставка Бухарина и Рыкова с Сокольниковым в присутствии Кагановича и Ежова. Позже, 7 декабря, уже во время декабрьского Пленума, в последний день его работы, была проведена очная ставка Бухарина и Рыкова с давшими на них компрометирующие показания Пятаковым, Куликовым и Сосновским, специально привезенными для этого из тюрьмы. В этот раз она проводилась в присутствии членов Политбюро: Сталина, Молотова, Кагановича, Ворошилова, Орджоникидзе, Микояна, Андреева, Жданова и, конечно же, Ежова.

Сразу же после этой очной ставки Сталин, как он выразился, по поручению членов Политбюро ЦК выступил на последнем заседании Пленума с сообщением о ее результатах.

По докладу Ежова Пленум принял его сообщение к сведению, а по сообщению Сталина вынес решение считать вопрос о Бухарине и Рыкове незаконченным и рекомендовал продолжить дальнейшую проверку, отложив принятие окончательного решения по их делу до нового пленума.

Другой зловещей фигурой в обойме сталинского террора стал Андрей Януарьевич Вышинский. Сталину для выполнения его кровавых планов нужен был грамотный ручной прокурор. В это время Н. Ежов как секретарь ЦК, курировавший правоохранительные органы, рекомендовал на должность прокурора СССР А. Вышинского, дипломированного юриста, окончившего Киевский университет.

Вышинский владел французским, немецким и английским языками, умело пользовался различными ораторскими приемами. Точно формулировал свои мысли и свободно говорил без заранее подготовленного текста.

Ежов имел на него толстое досье с компрометирующими материалами, в том числе и копию ордера на арест В.И. Ленина, подписанного Вышинским в 1917 году, когда он был помощником прокурора в правительстве Керенского. Но это не помешало Ежову рекомендовать Сталину кандидатуру Вышинского.

Этому способствовал конфликт прокурора СССР И.А. Акулова с партийными руководителями Грузии — Л. Берия и Азербайджана — Баировым.

3 марта 1935 года Акулова переместили на должность секретаря ЦИК вместо А.С. Енукидзе, который нанес Сталину кровную обиду, не упомянув его фамилию в своей книге «Об истории революционного движения в Закавказье»; на его место был назначен А.Я. Вышинский, а его первым заместителем — Г.К. Рогинский. Ему вменялся контроль за правоохранительными органами.

Основными качествами нового прокурора СССР Вышинского было умение выдавать белое за черное. Его юридическое обоснование считать признание обвиняемого «царицей доказательств» и физические принуждения обвиняемых к даче нужных показаний импонировали Сталину. Так Вышинский стал одним из «китов», на которых зиждился развязанный Сталиным кровавый террор.

Особая комиссия по безопасности Политбюро разрабатывала стратегию дальнейшего развития кампании кадровой революции в стране и уничтожения ленинской гвардии в составе ВКП(б). Она определяла персональный состав тех большевиков, которые намечались к уничтожению, и сроки выполнения этих намерений, а также разрабатывала сценарии этих мероприятий. Но кому-то следовало исполнять эти планы. Для этого нужна была надежная команда исполнителей.

Один из кандидатов в эту команду был подобран значительно раньше. Это был армейский юрист 1-го ранга Василий Васильевич Ульрих. У него в петлицах френча красовалось по четыре ромба.

Он родился в 1889 году в Риге в семье обрусевшего немца. Окончил реальное училище, затем коммерческое отделение Рижского политехнического института. В партию большевиков вступил в 1910 году. Особых революционных заслуг не имел. Был человеком недалеким, тугодумом, ему не хватало находчивости в трудных обстоятельствах и он отличался замедленной реакцией на опасность.

С 1918 года служил в ЧК. Тогда его заметил Л.Д. Троцкий и определил на судебную работу. По его просьбе Ф.Э. Дзержинский поручил ему ведение судебного процесса над Б. Савинковым. И уже в 1926 году Ульрих занял пост председателя Военной коллегии Верховного суда СССР, сменив на этом посту В.А. Трифонова, замечательного большевика и человека.

В. Ульрих не имел юридического образования. И, занимая столь высокий государственный пост, не мог не видеть, что выносимые его судебной коллегией приговоры были недостаточно обоснованны, несправедливы и жестоки и являлись прямым нарушением уголовно-процессуального законодательства. Он был типичным олицетворением судебного произвола и безропотным исполнителем воли своего хозяина. Именно поэтому он, по мнению Особой комиссии по безопасности, вполне подходил для работы на страшном кровавом конвейере политических репрессий.

На проходившем в сентябре 1936 года Расширенном заседании Политбюро вновь был поднят вопрос о судьбе Бухарина и его соратников.

Однако Орджоникидзе, Косиор, Чубарь, Эйхе, Постышев, Петровский, Пятницкий и Родзутак голосовали против придания суду членов руководства «правой» оппозиции.

29 сентября 1936 года Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление, подготовленное Л. Кагановичем, «Об отношении к контрреволюционным, троцкистско-зиновьевским элементам». В нем давались следующие директивы:

1. До последнего времени ЦК ВКП(б) рассматривало троцкистско-зиновьевских мерзавцев, как передовой политической и организационный отряд международной буржуазии. Последние факты говорят, что эти господа скатились еще

более вниз и их приходится теперь рассматривать, как разведчиков, шпионов, диверсантов и вредителей фашистской буржуазии в Европе.

2. В связи с этим необходима расправа с троцкистско-зиновьевскими мерзавцами, не только с подследственными, вроде Муралова, Пятакова, Белобородова и других, дела которых не закончены, но и тех, которые раньше были высланы».

Это постановление было подготовлено Л. Кагановичем. Его стиль и манера высказывания просматривается ~~весьма явствен~~но. И принято оно было членами Политбюро методом опроса. Этот документ подписал Сталин.

Заслуживает внимания фигура третьего лица в колоде сталинской номенклатуры, секретаря ЦК ВКП(б) Л. Кагановича. Мне удалось познакомиться с его письмами С. Орджоникидзе.

Первое от 30 сентября 1936 года, в котором он, не жалея слов восхищения, поддерживал телеграмму Сталина о назначении Ежова руководителем НКВД: «Главная наша новость — это назначение Ежова. Это замечательное, мудрое решение нашего руководителя назрело и встречено с удовлетворением в партии и стране. Ягода, безусловно, оказался слабым для такой роли. Быть организатором строительства (он, по-видимому, имеет в виду строительство Беломоро-Балтийского канала. — В.П.) — это одно, а быть политически зрелым и своевременно вскрывать врагов — это другое. А ОГПУ опоздало в этом на ряд лет и не предупредило подлое убийство С. Кирова. У Ежова наверняка дела пойдут хорошо»*.

Второе от 12 октября 1936 года, в котором он полностью одобряет действия нового руководства НКВД: «Могу еще сказать, что у т. Ежова дело выходит хорошо. Он крепко, по-сталински, взялся за дело. С бандитами, контрреволюционерами, троцкистами расправляется по-большевистски. Такого подлого двуручного обмана история не знала и поэтому революционная расправа должна быть соответствующей»**.

Осенью 1936 года НКВД начал собирать компрометирующие материалы на всех сторонников «правых» взглядов. Различными путями и любыми методами у арестованных, ранее бывших оппозиционеров, выбивались показания о подпольной контрре-

* РЦХИДНИ. Ф. 85, оп. 27, д. 93, лл. 12—13.

** РЦХИДНИ. Ф. 85, оп. 29, д. 435, л. 11.

волюционной деятельности Бухарина, Рыкова, Томского и других. Из тюрем и лагерей привозили ранее арестованных сторонников Бухарина, заводили на них новые дела и требовали признаний в террористической деятельности «контрреволюционной организации правых». Получив таким образом «новые улики», Сталин решил вынести вопрос о Бухарине и Рыкове на рассмотрение Пленума ЦК.

На декабрьском Пленуме ЦК ВКП(б) маховик репрессий получил новый импульс для ускорения своей скорости. Этот Пленум, о работе которого в печати ничего не сообщалось, проходил в два приема — 4 и 7 декабря. В это же время проходил и VII Чрезвычайный съезд Советов, принявший новую Конституцию страны, получившую название «сталинской».

На Пленуме шли бурные дебаты по серьезным вопросам. Вторым вопросом на этом Пленуме стоял доклад Ежова о враждебной деятельности антисоветских троцкистских «правых» организаций и прорвавшихся в НКВД скрытых троцкистских агентах польского генерального штаба. Это была прямая угроза в адрес старых чекистов, пришедших в органы безопасности еще при Ф.Э. Дзержинском, хорошо работающих и не утративших ни совести, ни чести.

Ежов заявил, что правые не сложили оружия, имеют подпольную организацию, которой руководят Бухарин и Рыков. Он обвинил их в стремлении к захвату власти и выдвижению на пост Генерального секретаря ЦК ВКП(б) Михаила Томского, с передачей аппарата ЦК в руки учеников Бухарина, а политическое осуществление этих планов возлагалось на военную организацию, во главе которой стояли В. Примаков и В. Путна, к этому времени уже арестованные органами НКВД и морально сломленные.

Ежов также доложил Пленуму ЦК о том, что НКВД, в основном, закончена разработка следующего открытого процесса над запасным троцкистско-зиновьевским центром, который, по его утверждению, был создан на случай, если основной центр будет раскрыт и уничтожен. Ежов сообщил членам ЦК имена основных персонажей будущего процесса: Пятаков, Радек, Серебряков, Сокольников. Другие участники предстоящего процесса, по сообщению Ежова, пока еще определены не были.

Доктрина Ленина и Троцкого на разжигание мировой пролетарской революции была похоронена Сталиным еще в конце 20-х годов. Но в сознании мировой общественности она еще жила. По-

этому многие иностранные политические деятели и журналисты этой теме уделяли немало внимания.

Так, один из лидеров русской эмиграции П.Н. Милюков в своей статье «Правда о большевизме» писал: «Тотчас после смерти Ленина Сталин исключил «мировую революцию» из расчетов своей доктрины. Коминтерн постепенно превратился в главный штаб тайной полиции, перенея функции заграничной разведки. При ее помощи Сталин вылавливал «троцкистов» и независимых руководителей из заграничных отделов компартий».

В начале 30-х годов сотрудничество Коминтерна с иностранным отделом НКВД и военной разведкой стало более тесным. Конечно, в этом была и положительная сторона, связанная с отбором зарубежных коммунистов на разведывательную работу, служащую интересам защиты СССР от внешнего врага, которые в последующем сыграли выдающуюся роль в борьбе с фашизмом. Но и не меньшую роль это сотрудничество сыграло во внедрении провокаторов в зарубежные группы левой оппозиции.

В это время основные политические цели Сталина сводились к борьбе с оппозицией в собственной партии, в ВКП(б). А на международной арене он стремился к равновесию и Коминтерн он превратил в орудие своей внешней политики.

Один из работающих в СССР в 20-е годы американский технический специалист в своей книге «Россия — рынок или угроза?» рассказал о своей беседе со Сталиным, состоявшейся в январе 1928 года, в которой Сталин утверждал, что «при Троцком действительно пытались распространить коммунизм во всем мире. Что это была первая причина разрыва между Троцким и им (Сталиным), что Троцкий верил в мировую революцию, тогда как он, Сталин, хотел свою деятельность ограничить собственной страной» (Сталин, т. 3, с. 147).

В марте 1936 года состоялась встреча Сталина с американским журналистом Р. Говардом. Тогда на вопрос американца о намеченных сроках начала мировой революции Сталин заявил: «Какая мировая революция? Ничего не знаю. Никаких таких планов и намерений у нас не было и нет!»

Так была похоронена концепция всего, что было создано советским народом под знаменем того, чем Страна Советов жила первые 20 лет своего существования.

С 1936 года упоминания о мировой пролетарской революции были совершенно вычеркнуты из всех основополагающих партийных документов. Нет упоминания о ней и в «Кратком курсе ис-

тории ВКП(б)». И праздник победы Октябрьской революции — 7 ноября, который до этого времени назывался Днем пролетарской революции, свое название переменял.

Подводя итог событиям, происходящим в нашей стране и в партии советских коммунистов, можно сделать вывод, что 1936 год стал тем рубежом по отношению к населению собственной страны, когда отдельные случаи политических репрессий превратились в огромный всеобъемлющий террор. Он стал прелюдией к 1937—1938 годам, когда достиг своей кульминации. Правда, отстрел представителей ленинской плеяды большевиков продолжался до начала 50-х годов, до смерти диктатора.

Но ход маховика репрессий к 40-м годам значительно замедлился.

1937 год

Долгое время после смерти Сталина партийным руководством страны всячески внедрялся в сознание народа миф о том, что на каком-то этапе развития советского общества карательные органы вышли из-под контроля и встали над партией и государством. Эта легенда являлась открытым обманом общественности, призванным насколько возможно снять ответственность с правящей партии за развязывание кровавого террора против собственного народа. Ведь каждый шаг ОГПУ, а затем НКВД, особенно в серьезных вопросах, решался высшей партийной верхушкой и прежде всего Сталиным.

Вспомним о созданной им Особой комиссии по безопасности Политбюро ЦК ВКП(б). Именно она решала все вопросы, связанные с политическими репрессиями в стране, а ее решения подкреплялись соответственно постановлением Политбюро, Секретариата или Оргбюро ЦК ВКП(б), Верховного Совета и Правительства СССР. И даже мелкие вопросы, которые «решали» карательные органы страны, всегда согласовывались с секретарями ЦК или начальниками соответствующих отделов ЦК и только после санкций этих партийных органов претворялись в жизнь.

В Коммунистическом Интернационале эти функции выполнял секретарь ИККИ Д.М. Мануильский.

«Красный» террор уходит своими корнями далеко в прошлое, в период гражданской войны. Тогда по законам гражданского противостояния, а в это время они были особенно суровы, с обе-

их сторон уничтожались все явные и потенциальные противники властей по обе стороны политического водораздела. И белые и красные утоляли свои страсти в крови народной. Но когда пламя гражданской войны уже затухло и большевики закрепились на всей территории страны, началась драка за власть уже внутри самой правящей партии.

С середины 20-х годов Генеральный секретарь ЦК ВКП(б) Сталин стал железной рукой укреплять собственную власть. С этого времени всякое несогласие с его мнением стало рассматриваться как государственное преступление. Любая альтернативная точка зрения объявлялась антипартийной, антисоветской и контрреволюционной.

Искоренение «чуждых» взглядов проводилось по двум направлениям: самой партией, при помощи так называемых чисток своих рядов, в основном, от несогласных с линией вождя, и силами карательных органов государства ОГПУ / НКВД, опять же по указанию партии, то есть того же вождя.

Разоблачение оппозиционеров всех оттенков от «левых» — троцкистов и зиновьевцев до «правых» — сторонников Бухарина, Рыкова и Томского началось еще с середины 20-х годов. Оно проводилось Секретно-политическим отделом ОГПУ, а затем Главным управлением государственной безопасности НКВД. Еще тогда по указанию Сталина началась агентурная разработка всех предполагаемых противников генеральной линии партии.

Новые зигзаги в проведении политики партии вызывали недовольство старой партийной гвардии. В стране один за другим проводятся судебные процессы над недовольными. Большинство из них проходило тайно от общественности. С каждым годом секретно-политическая служба ОГПУ (контрразведка) представляла в Центральный комитет партии все более удручающие сводки о настроениях в различных слоях общества. Требовалось срочно разрядить обстановку, направив недовольство народа в безопасную для правящей верхушки сторону.

Так были придуманы «козлы отпущения», получившие название «врагов народа», на которых можно было списать все промахи и неудачи политики правящих кругов. А чтобы это сделать достоянием гласности, судебные процессы стали проводить открыто, направив на культивирование этой линии все имеющиеся в распоряжении верховной власти средства пропаганды. Так родилась легенда о тотальном вредительстве «врагов народа». Началась чистка аппарата.

3 апреля 1937 года «Правда» сообщила, что «ввиду обнаруженных преступлений уголовного характера» нарком связи СССР Генрих Ягода отстранен от должности и дело его передано в следственные органы. Первоначально Ягоде приписывались преступления только уголовного характера. Затем его обвинили в гораздо более тяжких государственных преступлениях и пристегнули к делу Бухарина — Рыкова. И наконец, он был объявлен одним из главных подсудимых на процессе «правых». Дело заключалось в том, что Ягода слишком много знал сталинских секретов и он, Сталин, стремился его уничтожить в первую очередь.

Первые процессы над «врагами народа» готовил еще Ягода. И его работа Сталину не понравилась. Перед сменившим его Ежовым Сталин поставил задачу следующим судилищам придать новый импульс в соответствии с планами, разработанными Малым Политбюро. И Ежов принялся за работу, готовя новые процессы.

Протоколы допросов обвиняемых составлялись заранее. Большинство из подсудимых отказывались подписывать признания в несовершенных преступлениях. Многие из них держались неделями и больше, но сломленные морально и физически, вынуждены были подтверждать все предъявленные им обвинения. Ведь при оформлении их дел применялись, согласно установкам Малого Политбюро, жестокие меры физического воздействия.

Поскольку реальных фактов антисоветской деятельности создаваемых «блоков», «центров» и «организаций» в действительности не существовало, следствие их фабриковало. Подготовленные варианты «проектов», протоколов допроса подсудимых и обвинительных заключений по многу раз переделывались, и лишь после утверждения высшим руководством — Малым Политбюро, запускаясь в дело.

Так происходила подготовка политических процессов над деятелями партии и хозяйственными руководителями страны, от которых Сталин стремился избавиться, так как они не принимали его политики.

В своем выступлении на февральско-мартовском Пленуме ЦК Сталин изложил свой план «кадровой революции», предусматривающий полное обновление аппарата государственной власти. Он предлагал произвести замену всех существующих слоев руководства новой молодой генерацией выдвиженцев, рвущихся к власти, привилегиям и материальным благам. Сталинский план был направлен на то, чтобы зверскими методами решить одно из главных противоречий послереволюционного общества: проти-

воречие между старыми большевиками, занимавшими руководящие посты в партийно-государственном аппарате, и молодым поколением.

Среди уничтоженных в 1937—1938 годах старых большевиков большинство были людьми бескорыстными, не тронутыми ржавчиной коррупции и бюрократического высокомерия. Их было гораздо больше, чем тех молодых людей, которых Сталин готовил им на смену. Эта молодежь всеми силами стремилась к карьерному росту власти и материальным благам.

Сталин рассчитывал, что молодое безыдейное поколение легче примет его политику, направленную на утверждение в стране его единовластия.

А для этого нужны были открытые судебные процессы, чтобы убедить народ и мировую общественность в перерождении его политических противников и в том, что их судят не за политические убеждения и несогласие с генеральной линией партии, а за контрреволюционную деятельность и связь с иностранными спецслужбами. Эти судебные процессы должны были прикрыть массовые аресты и расстрелы.

1937 год начался закрытым заседанием Военной коллегии Верховного суда, происходившим под руководством В. Ульриха. Это судилище рассматривало дело М. Рютина, который отказался поддерживать репрессивную политику Сталина и осмелился высказать ему в лицо все, что он о нем думает. Процесс над М. Рютиным длился меньше часа и закончился вынесением ему смертного приговора, который через полтора часа был приведен в исполнение.

В конце января 1937 года в период с 23 по 29 число был проведен очередной «открытый» московский процесс над деятелями так называемого «параллельного троцкистского центра». На этом процессе перед Военной коллегией Верховного суда предстали в качестве подсудимых 17 человек, среди которых были Ю.А. Пятаков, К.Б. Радек, Г.Я. Сокольников, Л.П. Серебряков, Я.А. Лившиц, Н.И. Муралов, Я.Н. Дробис, М.С. Богуславский, И.А. Князев, С.А. Ратайчик, Б.О. Норкин, А.А. Шестов, М.М. Строилов, И.Д. Турок, В.В. Арнольд. Все они были старыми большевиками и занимали важные посты в партийном и государственном аппарате страны и имели огромные заслуги перед Советской властью.

Всем подсудимым инкриминировалась подготовка террористических актов, шпионаж, предъявлялось обвинение в том, что

они строили планы поражения СССР в войне с фашистской Германией, добивались расчленения СССР и восстановления в стране капиталистических порядков (т.е. то, что сделали в 1990 году коммунисты Ельцин, Попов, Гайдар и их украинские и белорусские сподвижники). А Пятакова, Радека, Муралова и Шестова, кроме того, обвиняли еще и в тайных связях с Троцким.

Для демонстрации «объективности» и «беспристрастности» суда Сталин разрешил присутствовать на процессе иностранным дипломатам и представителям СМИ. На процессе не было представлено никаких доказательств вины обвиняемых, кроме выбитых из них следствием показаний. В заключительных словах обвиняемые «каялись» в совершении «преступлений», которых не совершали.

28 января в три часа ночи был оглашен приговор. 13 обвиняемых: Пятаков, Серебряков, Муралов, Дробнис, Лившиц, Богуславский, Князев, Ротайчик, Шестов, Норкин и другие были приговорены к расстрелу, остальные: Радек, Сокольников, Арнольд — к десяти годам заключения, а Строилов — к восьми. Им временно была сохранена жизнь, ибо Арнольд и Строилов были по новому, заочно вынесенному, приговору в 1941 году расстреляны, а Сокольникова и Радека по указанию руководства в камере убили сокамерники.

В это время шла ускоренная подготовка к очередному февральско-мартовскому Пленуму ЦК ВКП(б). Этот Пленум готовился долго и тщательно. Комиссия Политбюро по безопасности без дела не сидела. Сталин решил на предстоящем Пленуме окончательно разделаться со своими недавними соратниками по борьбе с «левыми», а теперь получившими наименование «правых» уклонистов — с Бухариным, Рыковым, Томским и всеми теми, кто поддерживал их политическую линию.

Для расследования дела Бухарина и Рыкова и их сторонников была создана специальная комиссия из 21 человека. Ей было поручено более обстоятельно изучить этот вопрос. Председателем комиссии был назначен член Политбюро ЦК ВКП(б) А. Микоян. Сталин специально поручил ему возглавить эту комиссию, так как знал о его дружеских отношениях и с Бухариным, и с Рыковым, особенно с первым, и хотел посмотреть, что из этого получится. Это была проверка Микояна на лояльность.

Сталин знал особенность Микояна, как, кстати, и своего надежного сподвижника О. Куусинена, блестяще приспособляться и улавливать даже невысказанные мысли и намерения своего

хозяина. И не ошибся. Анастас Иванович экзамен выдержал. Я сравнил его с личностью Куусинена не случайно. Оба они обладали свойством в угоду Сталину обливаться грязью своих недавних друзей. Об этом говорит вся их политическая карьера.

К описываемому времени единственным из членов Политбюро, который поставил перед Сталиным ультиматум о прекращении уничтожения проверенных большевистских кадров, был Серго Орджоникидзе. Он намеревался на предстоящем Пленуме выступить против развязанного Сталиным политического террора.

Отношения между Сталиным и Орджоникидзе к февралю 1937 года ожесточились до крайности.

Однажды во время своей очередной командировки в Москву я зашел в Музей революции проведать соученицу моего брата Ирину Бенинсон, которая работала в музее старшим научным сотрудником в отделе истории. Там у нее в кабинете я увидел крупного пожилого мужчину, который копался в архивных материалах. Ирина, показав на него, сказала: «Володя, познакомься, это товарищ Петров». А показав на меня, сказала, обращаясь к Петрову: «Это младший сын Осипа Пятницкого, о котором Вы меня спрашивали».

Так я познакомился с Федором Петровым. Вот отчества его я не запомнил. Ирина принесла чай, и за чашкой чая начался разговор. Сначала о войне, затем о жизни вообще. Потом я заметил, что Петров отложил папку с делом Орджоникидзе.

У нас с ним получился разговор об Орджоникидзе. Я узнал, что Ф. Петров был близким другом Серго еще с времен гражданской войны. Когда я спросил, что его заинтересовало в деле Орджоникидзе, он ответил, что того, что его интересует, в деле нет и, наверное, нет вообще. Он сказал, что обладает информацией, что Серго незадолго до февральско-мартовского Пленума собрал у себя на квартире несколько своих близких друзей, и там произошел разговор о предстоящем Пленуме ЦК, об обстановке в стране, об усиливающемся терроре против старых большевиков и о том, как им надо реагировать на это на предстоящем Пленуме.

Я спросил у Петрова о том, кто присутствовал на этой встрече. Он ответил, что помнит только имена Микояна, Шеболдаева, Демченко, Межлаука, Рудзутака. Я спросил его, был ли там мой отец? Петров сказал, что не помнит. Но наверняка он знал о нем. Я поинтересовался, откуда ему стало известно об этом совещании на квартире у Серго. Петров ответил, что ему об этом

под большим секретом рассказала жена Серго — Зинаида Гавриловна, а ей об этом поведал сам Серго.

О том, что на квартире у С. Орджоникидзе было совещание, и о вопросах, там обсуждаемых, Сталин узнал мгновенно, Петров предполагал, что от Микояна, и его реакция произошла незамедлительно.

17 февраля, когда Серго находился у себя в наркомате, у него на квартире был произведен обыск. Вернувшись домой и узнав об этом, Орджоникидзе позвонил Сталину и выразил ему свое возмущение. В ответ Сталин заявил ему, что НКВД такой орган, который может сделать обыск и у него, Сталина, дескать, ничего особенного не произошло. Этот разговор происходил на русском и грузинском языках в очень гневной форме с взаимными обвинениями. Он происходил в присутствии жены Серго — Зинаиды Гавриловны.

А днем 18 февраля на квартиру Орджоникидзе пришел неизвестный его жене человек и, назвавшись фельдъегерем Кремля, сказал Зинаиде Гавриловне, что ему поручено передать товарищу Серго пакет с документами от Политбюро. И через несколько минут после его появления в кабинете Орджоникидзе раздался выстрел. И человек, назвавшийся фельдъегерем, стремглав вскочил из квартиры Серго.

А по рассказу Зинаиды Гавриловны, перед приходом этого человека у Орджоникидзе состоялся резкий телефонный разговор со Сталиным на грузинском языке*.

По мнению Ф. Петрова, Сталин таким образом избавился от Серго Орджоникидзе, так как боялся его разоблачительного выступления на предстоящем Пленуме. Петров добавил, ссылаясь на Зинаиду Гавриловну, что «Сталин прибыл на квартиру Серго сразу же после убийства Орджоникидзе и, покидая их квартиру, он в резкой форме предупредил ее, чтобы она никому не говорила о подробностях смерти мужа, ничего, кроме официального сообщения. И прибавил, что она его, Сталина, хорошо знает».

Так ушел из жизни еще один друг отца.

* * *

Пленум, первоначально назначенный на 20 февраля, из-за похорон С. Орджоникидзе был перенесен на три дня.

Этот Пленум сыграл важнейшую роль в подготовке будущих репрессий и практически полностью был посвящен обсуждению

* Вопросы истории, 1991. С. 97.

вопросов, связанных с усилением борьбы против «врагов народа». В прессе о нем почти ничего не сообщалось. Между тем этот Пленум, пожалуй, более, чем какой-либо другой, заслуживает веского эпитета — «исторический».

На Пленуме были заслушаны доклады Сталина, Ежова, Жданова, Кагановича, Молотова и Микояна. Их доклады отличались лишь внешне, а существо их было направлено на оправдание усиления политических репрессий.

Пленум открылся докладом Ежова. Он поведал участникам Пленума о ходе продолжения расследования дела Бухарина и Рыкова и привел фамилии многих лиц, давших «исчерпывающие показания» обо всей антисоветской деятельности «правых». Он объявил, что еще в начале 30-х годов оформился нелегальный центр правых, принявший установку на осуществление террора, организацию «дворцового переворота» и кулацких восстаний.

Ежов в своем докладе требовал санкций Пленума на ужесточение условий содержания политзаключенных в местах заключения и доложил о начале чистки своего ведомства от сторонников оппозиции и инородцев. Этот процесс, по его словам, начался с сотрудников польской национальности и прибалтов.

Так началась чистка карательных органов от сторонников Ягоды и от всех честных сотрудников, которые еще сохранились до этого времени в органах тайной полиции Страны Советов.

Одним из основных вопросов, рассмотренных Пленумом, стал вопрос, названный в повестке дня «Уроки вредительства, диверсий и шпионажа японско-немецко-троцкистских агентов в народных комиссариатах тяжелой промышленности и путей сообщения».

Так блеф о тотальном вредительстве во всех отраслях народного хозяйства получил дальнейшее развитие. По этому вопросу Пленум обязал НКВД довести дело разоблачения и разгрома троцкистских и иных агентов фашизма до конца с тем, чтобы подавить малейшее проявление их антисоветской деятельности и ужесточить карательную политику государства в отношении троцкистов.

Сразу же после доклада Ежова выступил председатель комиссии, созданной Политбюро для ознакомления с ходом расследования дела «правых», Микоян Анастас Иванович, который возложенную на него задачу выполнил полностью. Он страстно выступил с обвинениями в адрес своих бывших друзей. Может быть, этим он спас себя от их участи.

Мнения указанной комиссии после ознакомления с представленными материалами разделились.

Шесть человек: Н.И. Ежов, С.М. Буденный, Н.М. Шверник, Д.З. Мануильский, А.В. Косарев и И.Э. Якир — считали, что Бухарина и Рыкова следует предать суду Военного трибунала с применением высшей меры наказания.

Девять человек и среди них — Н.С. Хрущев, М.М. Литвинов, П.П. Постышев, М.Ф. Шкирятов были согласны с передачей дела Бухарина и Рыкова суду Военного трибунала, но возражали против расстрела.

Остальные шесть человек: И.В. Сталин, Н.К. Крупская, В.М. Молотов, К.Е. Ворошилов, М.И. Ульянова, И.М. Варейкис — высказались за то, чтобы Бухарина и Рыкова исключить из кандидатов в члены ЦК ВКП(б) и из партии, но суду не предавать, а направить дело в НКВД. По-видимому, и А.И. Микоян примкнул к этой группе.

Это мнение и было принято комиссией. В резолюции Пленума по первому вопросу отмечалось, что Бухарин и Рыков как минимум «знали о преступной террористической, шпионской, диверсионной и вредительской деятельности троцкистского центра и не только не вели с ней борьбы, а скрывали ее от партии».

27 февраля, еще до окончания работы Пленума, Н. Бухарин и А. Рыков были арестованы, а М. Томский успел застрелиться.

Затем на Пленуме выступили В.М. Молотов и Л.М. Каганович. Они говорили о вредительстве, диверсиях и шпионаже японо-немецко-троцкистских агентов в тяжелой промышленности и на транспорте. Это был явный выпад в адрес погибшего Серго Орджоникидзе.

По этим докладам Пленум принял установку для партии и страны — рассматривать троцкистов как агентуру иностранных спецслужб.

1 марта на Пленуме вновь выступил Ежов. Доклад его получился острым, построенным на конкретных фактах. Он говорил о провалах в агентурной и следственной работе, возмущался созданными условиями в местах заключения для «врагов народа». И делал вывод, что «внутри аппарата НКВД имеются предатели». И спрашивал, можно ли было раньше выявить предателей в нашем аппарате?

И сам отвечал, что, безусловно, можно было, если бы мы внимательно относились к людям, к их поведению, к тому, как они ведут дела.

Пленум одобрил доклад Ежова и этим предоставил ему право проводить чистку аппарата НКВД и беспощадно наводить там «порядок».

В конце работы Пленума (3 или 5 марта, мне не удалось уточнить эту дату) на нем выступил Сталин с докладом «О недостатках партийной работы и о мерах по ликвидации троцкистских и иных двурушников». В своем докладе он заявил, что «необходимо разъяснять нашим партийным товарищам, что троцкисты, представляющие активные элементы диверсионно-разведывательных органов капиталистических стран, давно уже перестали быть политическим течением в рабочем движении, что они давно уже перестали служить какой-либо идее, совместимой с интересами рабочего класса, что они превратились в безыдейную банду вредителей, диверсантов, шпионов и убийц на службе у иностранных разведывательных органов». Он отмечал, что «в борьбе с современным троцкизмом теперь нужны не старые методы, не методы дискуссий, а новые методы, методы выкорчевывания и разгрома».

Далее Сталин заявил, что «советские законы писаны для честных советских людей, а не для врагов народа — наймитов буржуазии».

И сразу же по окончании Пленума последовала генеральная директива ЦК ВКП(б), в которой указывалось, что «теперь слабость наших людей составляет не их техническая отсталость, а политическая беспечность, слепое доверие к людям, случайно получившим партийный билет, необходимость проверки людей не по их политическим декларациям, а по результатам их работы».

Если Пленум определил общую линию усиления борьбы с «врагами народа», то Особая комиссия по безопасности Политбюро разработала пакет документов, регламентирующих проведение репрессивных акций, на основе которых в дальнейшем проводились все акции Великого террора.

Оставалось выполнить еще одну формальность — выработать проект мотивированной резолюции Пленума. Ее сочиняла Специальная комиссия, в которую входили Сталин, Молотов, Ворошилов, Каганович, Микоян и Ежов. Они знали свое дело.

С момента передачи НКВД под руководство своего проверенного и надежного клеветника Н. Ежова, Сталин полностью подчинил себе органы государственной безопасности и стал истинным главой карательной системы страны.

Из воспоминаний Вальтера Кривицкого, бывшего комиссара государственной безопасности, мы узнали, что:

«12 марта 1937 года на заседании партактива НКВД Н. Ежов заявил, что «руководящие кадры НКВД потеряли доверие товарища Сталина. Работники Оргбюро ЦК ВКП(б) железной метлой выметут ставленников Ягоды». Ежов заявил, что «Молчанов, Горб, Волович и Паукер — все они были немецкими шпионами. Волович, помощник Паукера (начальника охраны Сталина. — В.П.) специально назначил одного инженера, немецкого шпиона, заведующим тайной правительственной телефонной станцией. Таким образом, врагу стало известно, какие переговоры вели между собой Сталин и Молотов...» И далее: «Да, товарищи, — продолжал Ежов, — все должны твердо усвоить, что и Ф.Э. Дзержинский имел свои колебания в 1925—1926 годах, и он проводил иногда колеблющуюся политику. Нужна чистка, чистка и еще раз чистка».

С приходом Ежова к руководству органами государственной безопасности масштабы репрессий в стране значительно возросли. Прежде всего, Ежов подверг чистке аппарат самих органов. Многие работники, ранее работающие при Ягоде, были из органов удалены и затем уничтожены, но часть из старых большевиков, хорошо знающих специфику работы, временно были оставлены, чтобы передать свой опыт новичкам.

Из НКВД прежде всего выбрасывались инородцы: поляки, латыши, евреи, особенно старые деятели партии. Было репрессировано более 20 тысяч сотрудников, в большинстве своем пришедших в органы ВЧК еще при Ф. Дзержинском, и, конечно, старые большевики люди честные, принципиальные и думающие. Вслед за ними чистке подверглись работники судов, прокуратуры и административных органов. Все они были объявлены врагами народа.

Вот что пишет об этом периоде нашей истории бывший комиссар государственной безопасности Александр Орлов:

«В своих преступлениях Сталин не мог обойтись без надежных помощников из НКВД. По мере того как рос список его злодеяний, увеличивалось и число его соучастников. Опасаясь за свою репутацию в глазах мира, Сталин решил в 1937 году уничтожить всех доверенных лиц, чтобы никто из них не смог выступить в будущем свидетелем обвинения. Весной 1937 года были расстреляны без суда и следствия почти все руководители НКВД

и все его следователи, которые по его прямому указанию вырывали ложные признания у основателей большевистской партии, и вождей Октябрьской революции. За ними последовали в небытие тысячи энкаведистов — те, что по своему положению в той или иной степени могли располагать секретной информацией о сталинских преступлениях...»

С приходом в НКВД Ежова аппарат органов безопасности был увеличен более чем в четыре раза. На работу в НКВД привлекались люди некомпетентные, с подмоченной репутацией. Часто по комсомольским наборам.

К апрелю 1937 года Особая комиссия Политбюро по безопасности занималась подготовкой вопросов секретного характера и в первую очередь по вопросам безопасности, внутренней и внешней политики, которые затем передавались на утверждение полного состава Политбюро. Но это было уже чисто формальным актом.

В Малое Политбюро входили Сталин, Молотов, Каганович, Ворошилов и Ежов, который в тот период времени не был даже кандидатом в члены Политбюро.

Сталин к этому времени уже «подмял» под себя партийный аппарат, а теперь и карательные органы, но все еще не мог чувствовать себя спокойно. Он очень опасался Красной Армии с ее легендарными полководцами. Она представляла последнюю организованную силу на его пути к абсолютной власти. А Сталину нужна была абсолютно послушная армия, которую можно было бы в любой момент бросить как для подавления волнений внутри страны, так и для осуществления нового подхода на Запад.

По мере приближения большой войны, Сталин все больше опасался маршала Тухачевского и его сподвижников, ибо под их командованием окажутся огромные силы, и если они захотят, то вместо Варшавы и Берлина они могут просто двинуться на Москву.

Все попытки Тухачевского и его друзей повысить боеспособность Красной Армии в условиях сталинского тоталитарного режима наталкивались на противодействие наркома обороны К. Ворошилова и его хозяина Сталина, которому самостоятельно мыслящие люди и особенно военные были не нужны. Поэтому, как показали дальнейшие события в годы Отечественной войны, Красная Армия могла побеждать только очень большой кровью.

Тухачевский был признанным знатоком стратегии, оперативного искусства и тактики, знал уязвимые места германской армии, ее высший командный состав. Занимая высокий пост и отличаясь независимостью суждений, он открыто критиковал К. Ворошилова, С. Буденного, Г. Кулика и Е. Щаденко, которые не понимали необходимости быстрее модернизации армии. Немцы, как и Сталин, знали Тухачевского как сторонника крутых мер.

Видимо, из этих соображений группа наиболее талантливых военачальников, группировавшихся вокруг Тухачевского, и он сам в последнее время находились в опале. Без их устранения Сталин не мог чувствовать себя спокойно.

Вооруженные силы — важнейший инструмент государства предназначены для отражения иноземной агрессии. Но это обоюдоострый меч. В истории немало примеров, когда армия поворачивала свои штыки против своего правительства. Именно этого и боялся Сталин больше всего.

В то же время и Гитлер, планирующий нападение на СССР, опасался мощи Красной Армии и ее талантливых полководцев. Война в Испании, в которой принимали участие и Германия, и СССР, подтвердила это. Ведь обе стороны так противостояли друг другу. Гитлер тоже мечтал обезглавить будущего противника, но по другим мотивам.

Как видим, намерения обеих диктаторов совпадали. Произошло разделение ролей между ними. Гитлер задумал провокацию, Сталин ее реализовал.

Дело маршала М.Н. Тухачевского в печати интерпретируется много и давно. Был или нет заговор военных? Конечно, никакого заговора не было! Эту версию поддерживают многие знающие и пользующиеся доверием люди. И один из них — ответственный работник Коминтерна, легендарный советский разведчик, бывший руководитель знаменитой разведгруппы «Красная капелла» Леопольд Треппер.

Здесь я позволю себе привести отрывок из воспоминаний Л. Треппера «Большая игра» (с. 68).

«Сталин хотел избавиться от руководителей Красной Армии. Но как это сделать? Прославленных полководцев, создавших Красную Армию и вынесших на своих плечах все тяжести гражданской войны, не объявишь «троцкистско-зиновьевской бандой» и не обвинишь в убийстве Кирова. И Сталин нашел выход. Он

поручил Иностранному отделу (ИНО) НКВД подбросить через агентуру компрометирующие материалы на свой генералитет немецкой службе безопасности (СД) в надежде, что этот компромат вернется домой обвинительным материалом...»

ИНО НКВД через своего агента, бывшего белогвардейского генерала Скоблина, подбросило в СД фальшивку о якобы готовившемся заговоре маршала Тухачевского против Сталина. Эта фальшивка попала к начальнику СД Гейдриху.

А дальше привожу текст из книги Л. Треппера:

«В 1936 году Гейдрих принимает в Берлине бывшего офицера царской армии Скоблина. Этот генерал без армии утешался в своей бездеятельности тем, что играл двойного агента высокого уровня: в течение долгих лет он, по заданию советской разведки, вращался среди белогвардейцев в Париже и одновременно заигрывал с германскими секретными службами. В общем, весьма сомнительная фигура. Однако новость, которую он принес Гейдриху, была очень существенна. Из вполне надежных источников ему стало известно, что маршал Тухачевский замышляет вооруженное восстание против Сталина. Гейдрих докладывает об этом в самую высшую нацистскую инстанцию, и там прикинули, как поступить. Возможно только два варианта: либо не вмешиваться в дело первого заместителя наркома обороны, либо, наоборот, насторожить Сталина, подбросить ему компрометирующие Тухачевского документы о его сговоре с вермахтом.

Гитлеровцы останавливаются на втором варианте. Из фальшивых документов за трое суток спешно составляется досье «разоблачительного» характера. Показать, что Тухачевский был в контакте с германским генштабом, нетрудно, поскольку еще до прихода нацистов к власти представители обеих армий регулярно встречались, а Советское правительство даже создало военные училища для подготовки кадров немецких офицеров на своей территории. Все доказательства находятся в непосредственном окружении Гитлера, а секретным службам рейха ничего не стоит подсунуть их руководителям СССР. Если верить мемуарам Шелленберга, ведавшего в то время германской разведкой, то дом, в котором находились указанные документы, был немедленно подожжен, а какой-то, специально предупрежденный об этом, немецкий агент вытащил их из пепла. По другой версии, немцы при сотрудничестве чехов продали эту документацию русским. Но как

бы не расходились различные вариации этой версии, остается фактом, что вся эта акция против Тухачевского отвечала интересам как Сталина, так и Гитлера.

Так или иначе, но в мае 1937 года досье на маршала Тухачевского попало туда, где оно должно было быть, — на рабочий стол Сталина, который имел все основания быть довольным. Он получил инспирированные гестапо материалы, необходимые для уничтожения человека, покончить с которым он поклялся...

Произошло разделение ролей в осуществлении этой задачи между Сталиным и Гитлером. По сути дела, первый задумал эту махинацию, второй выполнил ее.

Сталин стремился сломать последнюю организованную силу, противодействующую его политике. Гитлер же воспользовался непредвиденным случаем обезглавить Красную Армию. Обескровленная, она на годы была обезглавлена».

К чему это привело, мы уже знаем. В первый год Отечественной войны немецкая армия оказалась под Москвой, на Волге и на Кавказе. Жизнь показала, какую цену заплатил наш народ за это преступление Сталина и его верных соратников.

А дальше все шло по уже отработанной ранее схеме. Сначала Малое Политбюро определило фигурантов в предстоящем суде, которое Сталин решил провести закрытым.

Несколько ранее, в середине 1936 года, были арестованы несколько военных руководителей: А. Шмит, Гая Гай, И. Гаркавый, Ю. Саблин и некоторые другие. Их еще обвиняли в связях с троцкистами и зиновьевцами.

После резолюции, принятой февральско-мартовским Пленумом ЦК ВКП(б), призывавшей всех граждан Страны Советов, как партийных, так и беспартийных, к повышению политической бдительности, началась массовая чистка партийного и советского аппарата.

Но вот наступил срок дать ход делу военных. Их обвиняли уже в «военно-фашистском заговоре» против Советской власти. Им уже вменялись такие преступления, как шпионаж, террор, создание контрреволюционных организаций. По этому новому делу еще в начале мая 1937 года за решетки попали герои гражданской войны М. Медведев, В. Путна и Е. Примаков.

Из них усиленно выбивали показания против намеченных фигурантов «дела военных». В июне 1937 года, перед началом июньского Пленума ЦК, были арестованы высшие руководите-

ли Красной Армии: М. Тухачевский, И. Якир, И. Уборевич, А. Корк и Р. Эйдеман. Ян Гамарник, начальник Политуправления РККА, узнав о неизбежном аресте, успел застрелиться.

Сталин с пристрастием следил за ходом следствия и давал указания Ежову, на кого надо еще нажать и какие признания получить.

К 5 июня 1937 года Сталин и Малое Политбюро отобрали из большой группы арестованных военачальников фигурантов на намеченный ими новый судебный процесс.

Для рассмотрения «дела военных» было создано Специальное присутствие Верховного суда СССР. В его состав были включены: С. Буденный, В. Блюхер, А. Алкснис, Б. Шапошников, И. Белов и П. Дыбенко. Председательствовал армейский военюрист В. Ульрих.

Судилище началось 11 июня и закончилось к вечеру того же дня. Малое Политбюро дало председателю Военной коллегии Верховного суда СССР В. Ульриху, который вел это судебное заседание, категорическое указание приговорить всех подсудимых к расстрелу. В тот же день, поздно вечером, Ульрих огласил приговор, и той же ночью, в присутствии Ульриха и Вышинского, приговор был приведен в исполнение.

Половину членов судебного присутствия, осудивших своих товарищей на смерть, вскоре постигла та же участь.

А шлейф от этого процесса тянулся по времени еще далеко вплоть до 1941 года. В этот период было уничтожено свыше сорока тысяч подготовленных офицеров Красной Армии.

Так Сталин и его приспешники перед грядущей войной обезглавили Красную Армию. О последствиях этих его преступлений мы уже достаточно знаем, изучая историю Отечественной войны.

(К сожалению, история ни чему не учит. Почти подобный развал Советской Армии повторился вновь в 1990 году новым руководством нашей страны — Ельциным и его «дерьмократической» компанией, правда, уже по другому сценарию.)

Убедившись на примере расправы над военными в эффективности выбранного им метода устранения со своего пути нежелательных элементов, Сталин продолжал реализацию намеченной программы устранения ленинских кадров от руководства партией, государством и всемирным коммунистическим движением. Он уже разочаровался в Коммунистическом Интернационале и принимал необходимые шаги к полному подчинению себе этой всемирной организации. Он решил окончательно сделать Комин-

терн орудием своей политики. А для этого необходимо было освободиться от некоторых его руководителей, то есть провести профилактическую чистку его аппарата по уже отработанной схеме.

Как рассказывает в своей книге Леопольд Триппер, в 1942 году, когда он находился под арестом в гестапо, гестаповец К. Гириг, начальник зондер-команды «Красный оркестр», на очередном допросе сообщил ему подробности о деле руководителя Коминтерна Пятницкого, сфабрикованного службой безопасности Германии (СД) так же, как и дело Тухачевского. Только дело против Пятницкого было задумано и совершено несколько раньше, в начале 1936 года.

Но предоставим слово Леопольду Трепперу (с. 54—55) в той же книге «Большая игра»:

«Дело Пятницкого наглядно показывает суть этой (сталинской. — В.П.) репрессивной политики, чем-то напоминающей игру на кегельбане: если пущенный шар заденет одну фигуру, то свалятся и все остальные.

Старый большевик Пятницкий был близким соратником Ленина. После создания Коминтерна он стал одним из его главных руководителей. Обладая большими организаторскими способностями, он оказался во главе Управления кадров. Он подбирал и рассылал кадры Коминтерна по всем странам.

В начале 1937 года Пятницкого арестовали и предали суду, как «германского шпиона». Правду об этом деле я узнал значительно позже, в 1942 году, когда, находясь в гестапо, я попал на допрос к человеку, в свое время организовавшему эту провокацию. Все документы, доказывающие «виновность» Пятницкого, были фальшивками, сфабрикованными германской контрразведкой.

Нацисты задумали использовать царящую в Советском Союзе шпиономанию для того, чтобы сотворить «германского агента», будто бы пробравшегося в руководящую партийную верхушку. Но почему их выбор остановился именно на Пятницком?

По очень простой причине: немцы знали, что через Пятницкого они нанесут удар по всему Управлению кадров Коминтерна, которое будет уничтожено.

В Германии Пятницкого хорошо знали: после Октябрьской революции вместе с Радеком он ездил туда нелегально. Гестапо арестовало двух активистов Компартии Германии, командированных Коминтерном. Этот арест остался тайным. Обоих агентов

удалось перевербовать, но они продолжали работать в немецкой компартии.

Один из них по заданию гестапо сообщил в НКВД, что имеет доказательства предательской деятельности некоторых руководителей Коминтерна. Затем при его участии в Москву было переправлено досье на Пятницкого, «доказывающее», будто после первой мировой войны тот вошел в контакт с одной из германских разведслужб. В атмосфере, господствующей тогда в Москве, этого было вполне достаточно, чтобы осудить старого революционера. Машина была пущена в ход, а ее маховик завертелся как бы уже сам по себе. Вместе с Пятницким исчезли сотни ответственных работников Коминтерна. То была одна из «лучших услуг», которую Сталин оказал Гитлеру».

Почему гестаповец Карл Гиринг был столь откровенен с арестованным Л. Треппером? Во-первых, ему хотелось похвастаться своей эрудицией, во-вторых, он был уверен, что говорит с покойником. Леопольда Треппера должны были вскоре уничтожить.

Пристальное внимание за руководителями Коммунистического Интернационала и руководителями зарубежных компартий уделяла не только советская тайна полиция, но и органы безопасности капиталистических государств.

Ниже я привожу два документа из реабилитационного дела отца, которые подтверждают мои выводы. Причем, как мы видим из этих документов, полиция и контрразведка Франции и гестапо принимали Пятницкого за одного из руководителей ОГПУ. И это не мудрено. Этот факт подтверждает необходимость строгой конспирации при организационной работе представителей Коминтерна за рубежом.

Документ № 1

Совершенно секретно

МВД СССР

Главное архивное управление

Центральный Государственный особый архив

8 апреля 1955 года № 21 / 22 / 948 сс

г. Москва

Архивная справка

В документальных материалах Центрального Государственного Особого архива СССР имеются следующие сведения о Пятницком (без имени и отчества):

Пятницкий проходит по картотеке на советских граждан, выезжавших за границу и русских без гражданства, проживающих за границей, составленной Гестапо (за 1936—1940 гг.).

По данным картотеки Пятницкий является гражданином СССР, проживал в Москве, имел псевдоним «Цивен», был работником ОГПУ, большевик, еврей.

Из записи на картотеке от 01.07.36 г. Пятницкий являлся членом ЦК КП СССР, создателем и идейным руководителем особой группы, а также организации Штёкера внутри ОГПУ. Ему были подчинены следующие руководители группы: Строева, Катаяши, Гилляр, Ягич и Турини. Каждая группа работала совершенно самостоятельно и ничего не знала о соседней группе. Остальные органы разведки ГПУ должны были без возражений представлять Пятницкому свой материал.

По записи на картотеке от 02.02.38 г. по сведениям из журнала «Рейхсбаннер» № 16 от 18.04.1931 г. Пятницкий якобы принимал участие в организационном совещании «Союза свободомыслящих пролетариев» («Verand proletarischer Freidenker») в Берлине.

Основание: ЦГОА СССР 1 отдел.
Картотека Гестапо № 15

И.О. начальника ЦГОА СССР майор Калядин

Начальник 1 отдела ЦГОА СССР Кудияров
Лист дела И.А. Пятницкого
Т. 3, л.д. 287—288

Документ № 2

Совершенно секретно

*Министерство внутренних дел СССР
Центральное архивное управление
Центральный Государственный особый архив
31 декабря 1942 г. № 21 (19) 5006 сс
г. Москва*

Архивная справка

В документальных материалах Центрального Государственного особого архива СССР имеются следующие сведения о Пятницком (без имени и отчества).

По картотеке и документам французской контрразведки проходит Пятницкий (он же Зивин), проживающий до Великой Октябрьской революции в Швейцарии. В 1923 году он был представителем ГПУ за границей, у него было два заместителя: по политическим вопросам — «Ионин», бывший жандармский офицер и атташе Министерства иностранных дел царского правительства и по военным делам — бывший царский генерал Комиссаров (он же Северин), арестованный и высланный из Сербии за шпионаж в пользу советов.

В деле есть выдержка из газеты «Ле дернер нувель», в которой говорится, что немецкие коммунистические круги узнали об аресте в Москве Осипа Пятницкого, который в течение 16 лет (с 1921 г.) руководил Отделом международных связей Коминтерна, а также руководил всей секретной работой III Интернационала.

Он занимался отправками лиц, работающих для III Интернационала, и занимался распределением в различных странах сумм и паспортов, необходимых для секретной работы (сведения за 1923 и 1937 годы).

Кроме того, контрразведывательной службой французской полиции была заведена карточка на Пятницкого, представителя ГПУ в Берлине (сведения за 1934 год).

Французской полицией была заведена карточка на Пятницкого, секретаря Организационного отдела Коминтерна (дата составления карточки не указана).

Основание:

ЦГОА СССР.

3 отдел, ф. № 7, оп. 2, д. 2443,

лл. 1, 26

д. 1219, л. 24 (картотека)

*1 отдел, ф. № 1, оп. 1, д. 19818, картотека Гестапо
«Секретный справочник «Советский Союз», изданный
начальником полиции безопасности СД Германии
до нападения на СССР.*

То же по Мирову (Абрамов А.Л. — В.П.)

3 отдел, ф. № 7, картотека

ф. № 1, картотека, оп. 1, д. 3849

То же по Гуго Эберлейну

3 отдел, ф. № 1, оп. 5, д. 83

ф. № 7, картотека, оп. 1, д. 2193, л. 34
д. 1209, л. 146

И.О. начальника ЦГОА СССР майор Коляден
Начальник 3-го отдела ЦГОА ст. лейтенант Васильева

Печать ЦГОА

Материалы проверки по делу
Пятницкого Иосифа Ароновича
Реабилитационное дело № Р 4162, т. 3,
л.д. 287—290.

Развязанный Сталиным террор против советских людей обрушился и на Коминтерн, на его аппарат и на зарубежные компартии.

В Секретном секторе Секретариата Сталина, в так называемой «Особой папке», лежала целая стопка досье на всех и бывших и новых руководящих работников международного коммунистического движения. Задумывая разгром Коминтерна, Сталин не раз перебирал эти досье, подбирая фигурантов на задуманные им процессы. Об этом говорили уже произведенные аресты, еще в бытность Пятницкого в Коминтерне. Одними из первых его жертв оказались польские коммунисты. Их аресты начались еще в начале 30-х годов. Почему-то Сталин питал к полякам особую ненависть.

Путем фальсификаций и пыток арестованных коммунистов, органы государственной безопасности создали лживую версию, будто компартия Польши засорена провокаторами, агентами польской контрразведки — дефензивы, пилсудчиковцами, якобы засланными его военной организацией — ПОВ.

Пятницкий, конечно, не знал об этом. Но догадывался, что в Коминтерне не все благополучно. Он, безусловно, был в курсе смены руководства почти всех национальных компартий. Старые кадры ленинской формации Сталину были не нужны. Они мешали ему проводить его новую политику, и он руками Мануильского и команды Ежова начал проводить генеральную чистку Коммунистического Интернационала.

Сталин задумал провести четвертый московский «открытый» процесс над деятелями Коминтерна, сразу же после расправы над Бухариным, Рыковым и их соратниками. Он уже и название ему придумал — процесс над руководителями «контрреволюционной право-троцкистской террористической организации в Коминтер-

не». В некоторых следственных документах руководителей Коммунистического Интернационала просматривается добавление — «шпионская».

Пятницкий видел, что идет систематическое уничтожение ленинской гвардии. Но что он мог сделать? Спокойно ожидать своей участи? Он не знал, что подготовленный Гестапо компромат на него давно уже лежит на столе у Сталина в специальном досье. Сталин просто подбирал руководителя для новой «контрреволюционной организации в Коминтерне» и подбирал фигурантов для намечаемого им процесса.

Приближалось время созыва нового июньского Пленума ЦК ВКП(б) 1937 года.

В последние годы, работая в аппарате Центрального Комитета партии, Пятницкий близко сошелся с некоторыми ответственными работниками Центрального аппарата партии и руководителями отраслевых и административных учреждений страны, старыми большевиками: Долецким, Шеболдаевым, Каминским, Хатаевичем, Пивоваровым и некоторыми другими.

Малое Политбюро под руководством Сталина тем временем готовило новый, уже четвертый публичный процесс над деятелями «антисоветского контрреволюционного заговора в Коминтерне».

Вот некоторые фрагменты этой кампании:

14 августа 1933 года был арестован видный деятель Польской компартии Е. Чешейко-Сохацкий, член Политбюро ЦК КПП, входивший как представитель польской компартии в состав Президиума и Политсекретариата ИККИ. 4 сентября он покончил с собой в казематах Лубянки, оставив написанную кровью записку, в которой заявлял о своей невиновности и верности делу партии.

Вслед за Чешейко-Сохацким покончил с собой другой деятель КПП — Л. Пурман. Как вспоминала много лет спустя С. Гопнер, в те годы возглавлявшая отдел агитации и пропаганды ИККИ, Пятницкий, рассказывая ей о самоубийстве польского коммуниста, зарыдал.

Это говорит о том, что Пятницкий начинал понимать, что события в Коминтерне все более принимают характер кровавой трагедии. Но он был бессилен помешать этому.

В феврале 1936 года в ИККИ пришло письмо польского коммуниста Б. Берга, находившегося в Медвежьегорском лагере, куда он был сослан на 5 лет по обвинению в «контрреволюцион-

ной деятельности». Берг в своем письме рассказывал о методах, которыми следователи НКВД заставляли арестованных давать ложные показания по заданному сценарию.

Например, подследственного укладывали в ванну с холодной водой на сутки, вели непрерывный допрос с применением избиений в течение трех суток, имитировали расстрел, угрожали расправой с близкими людьми и т.д. Он сообщил, что следователи заставляли подследственных давать компрометирующие показания на руководителей Польской компартии, в том числе на генерального секретаря Польской компартии Ю. Ленского.

Берг просил довести содержание этого письма до ведома Политбюро ЦК ВКП(б).

По поручению Г. Димитрова письмо было показано Д. Мануильскому, который снял с него копию и направил ее Ежову. Тем самым судьба Б. Берга была решена. А руководство Коминтерна ничего не предприняло, чтобы остановить волну репрессий, которая обрушилась на кадры Коммунистического Интернационала.

Арестованный польский коммунист Рыльский (Ю. Любинецкий) признал, что «в мае 1932 года он якобы имел беседы с Абрамовым-Мировым, заведующим ОМС ИККИ, и он завербовал меня в право-троцкистскую организацию в системе Коминтерна для работы на германскую разведку».

Ветерана польского рабочего движения Х. Валецкого следователи заставляли дать показания, будто он «руководил контрреволюционной шпионской работой в Коминтерне», и перечислить членов этой организации — 34 человека, практически всех наиболее известных польских коммунистов, по списку, представленному следователями. А в планы этой организации входило «путем поражения Советского Союза в войне с капиталистическими государствами свергнуть советское правительство и восстановить в СССР капитализм».

К этому времени уже были арестованы члены руководства Компартии Германии Г. Эберлейн и Г. Кипенбергер, а также многие другие немецкие товарищи. Компартия Германии была обезглавлена, с одной стороны, Гитлером у себя на Родине, с другой — Сталиным в нашей стране, на родине Коминтерна.

То же самое происходило с руководством Компартии Югославии. За решеткой оказались руководители компартии М. Горкич, М. Филиппович, а несколько позже и В. Чопич, специально отозванный руководством Коминтерна из Испании, где он командовал Интернациональной бригадой.

Бывая у отца в Барвихе, я встречал в его палате маршала Блюхера, М. Трилиссера, Я. Берзина, А. Артузова, которых уже хорошо знал.

В силу своего положения в ЦК ВКП(б) и огромного авторитета в партии, Пятницкий пользовался поддержкой тех, кто не был согласен с изменениями курса партии и постоянным раскручиванием маховика террора. ЦК было хорошо известно, что на XVII съезде партии Пятницкий, один из немногих, получил сто процентов голосов при избрании нового состава ЦК. Это был один из немногих случаев в истории партийных форумов и, конечно, этот факт не прошел мимо внимания Генсека. Он не терпел безупречных людей.

А в это время, как я уже говорил выше, Сталин подбирал руководителя новой «контрреволюционной» организации в Коминтерне. Для придания будущему процессу более правдоподобного вида необходимо было подобрать фигуру первой величины, более известную мировой общественности.

На всякий случай НКВД готовило компрометирующие материалы на всех руководителей Коминтерна, бывших и действующих: В. Кнорина, О. Пятницкого, В. Пика, В. Ульбрихта, О. Куусине-на, Ван Мина и многих других и даже на ушедших из жизни: К. Цеткин, В. Мицкевича, С. Гусева. Этой участи избежал только Д. Мануильский, верный прислужник Сталина, его «надсмотрщик», его «глаза и уши» в Коминтерне. Он, как и С. Лозовский, пока еще был нужен Сталину.

Аресты функционеров всемирного коммунистического движения начались еще в начале 1937 года. Многие из арестованных были близки Пятницкому. Арестовываются лучшие кадры Коммунистического Интернационала. Версия об антисоветском заговоре в Коминтерне обрастает все новыми деталями, вовлекая в его сферу все новые и новые имена.

Технология фабрикации дел на сталинской кухне фальсификации, методы допросов и имена их непосредственных исполнителей раскрываются в материалах архивно-следственных дел арестованных, часть которых, касающихся моего отца, приводится ниже.

А действительные события развивались следующим образом. Сначала из мест заключения были срочно доставлены в Москву на Лубянку арестованные ранее по обвинению в троцкизме, бывшие ответственные работники Коминтерна: старший инспектор Орготдела ИККИ Б. Идельсон и один из ближайших сотруд-

ников О. Куусинена, зам. заведующего Восточным Лендерсекретариатом Л. Модъяр.

Главное управление государственной безопасности начинает старательно «вязать кружева» нового «коминтерновского» дела.

Сталин, засучив рукава, начинает громить Коммунистический Интернационал. Идея мировой пролетарской революции перестала быть актуальной. Сталин стремится к дружбе с Гитлером. Коминтерн стал ему мешать, и он искал поводы опорочить Коминтерн перед всем миром. Так началась подготовка к гласному процессу над его бывшими руководителями. Сеть арестов коминтерновских работников расширялась с каждым днем.

27 апреля был арестован Г. Нейман. 15 мая Г. Реммеле. Оба бывшие руководители Компартии Германии.

4 мая на Лубянку угодил сменивший А. Абрамова-Мирова на посту руководителя ОМС ИККИ Б. Мельников. 17 мая та же участь постигла его заместителя А. Формайстера.

21 мая был арестован бывший руководитель ОМС, помощник начальника Разведупра РККА А. Абрамов-Миров.

26 мая были арестованы бывший заведующий Отделом кадров ИККИ А. Краевский и секретарь Секретариата ИККИ А. Добровольская.

К этому времени в руках опричников Ежова уже находились ответственные работники Коминтерна М. Мадъяр, Г.И. Сафаров, Б.А. Васильев, П.А. Миф, А.П. Гримберг, П.А. Шубин, М.Б. Черномордик, Г.Б. Смолянский, Б. Циммерман-Платен, М.Е. Крепс, Р.А. Меринг и многие, многие другие.

В ночь на 26 мая 1937 года Ежов вызвал к себе Г.М. Димитрова и сделал ему серьезное предупреждение за то, что «крупнейшие шпионы работали в Коммунистическом Интернационале». Он потребовал у Димитрова срочно вызвать в Москву ряд деятелей Коминтерна из-за рубежа. Как правило, этих людей сразу же после прибытия в Москву ждал немедленный арест, муки следствия и смертный приговор.

В дневнике Димитрова мы находим такие записи:

«17.6 — Ленский приехал. Вызвал также Рыльски и Прухняк.

20.6 — Л. (Ленский. — В.П.) у Ежова.

20.6 — Валецкий также...

27.6 — Прухняк приехал — у Ежова» и т.д.

К началу июня 1937 года в Лубянские подвалы попало все руководство Польской компартии — Э. Прухняк, Я. Пашин,

Ю. Ленский, М. Кошутская и многие другие. А также болгарин Стомоняков, румын Доброжану-Геря, итальянец Роазио, финны Маннер, Ровно, Шотман. Репрессиям были подвергнуты руководители и актив многих компартий, в особенности Литвы, Латвии, Эстонии, Западной Украины и Белоруссии, Греции и Ирана.

Как мы видим, новое руководство Коминтерна всячески помогало НКВД в уничтожении актива коммунистического движения. И немудрено, ведь у Ежова и Димитрова был один хозяин — Сталин.

Таким образом, версия «заговора» в Коминтерне обростала все новыми деталями. В недрах следствия из арестованных выбивались все новые и новые «факты» и имена новых фигурантов намечаемого процесса. А аресты коминтерновцев все продолжались.

Начало формироваться руководство «антисоветской контрреволюционной организации» в Коммунистическом Интернационале.

9 июня арестовали Б. Бортновского-Бронковского.

22 июня, перед самым началом июньского Пленума ЦК, в руки Ежова попали член ЦК ВКП(б), ближайший друг и соратник Пятницкого В. Кнорин, а уже во время Пленума — и Бела Кун.

Знал ли в те дни Пятницкий, что смертельное кольцо сжимается вокруг него? Конечно, догадывался. Не понимать того, что в стране и партии происходит нечто чудовищное, он не мог. И это, по-видимому, заставило его поднять голос протеста на июньском Пленуме ЦК ВКП(б).

1 июля 1937 года Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление об аресте Г. Ягоды. В этот же день по ордеру, подписанному М. Фриновским и Николаевым-Журидом, он был арестован. Одновременно с ним или несколько раньше были арестованы и ряд руководящих работников НКВД из ближайших соратников Ягоды: Молчанов, Буланов, Бокий, Гай, Волович, Прокофьев, Фирин, Паукер, Погрибенский, Черток и ряд других. Все они были обвинены в предательстве и контрреволюционной деятельности и уничтожены.

Так Сталин и его команда устранили соучастников своих прежних преступлений.

2 июля 1937 года на заседании Военного Совета СССР Сталин объявил, что органами НКВД раскрыт «военно-политический заговор против Советской власти, стимулирующийся и финансирующийся немецкими фашистами». Он заявил, что «политическими руководителями этого заговора являются Троцкий, Рыков, Рудзутак, Карахан и Енукидзе. А главарями этого заго-

вора по военной линии — Тухачевский, Якир, Уборевич, Гамарник, Корк, Эйдеман и Ягода. При этом Сталин из названных лиц выделил Бухарина, Рыкова и Гамарника, как организаторов и потакателей заговора в пользу фашистской Германии»*.

В начале июня 1937 года стало известно, что начали давать первые показания Н. Бухарин и А. Рыков.

Их показания раскрывали контрреволюционную подрывную деятельность «правых» и послужили основанием для ареста большой группы видных партийных и советских деятелей. Усилиями Ежова и его первого заместителя, начальника Главного управления государственной безопасности (ГУГБ) НКВД М. Фриновского, была создана картина грандиозного контрреволюционного заговора «право-троцкистского блока», пронизавшего и партию, и весь государственный аппарат страны.

К этому времени часть старой плеяды большевистской партии, ее бескорыстная и принципиальная часть уже была уничтожена Сталиным. Оставшиеся на свободе были деморализованы и ушли в личную жизнь.

Другие перестали быть большевиками и из пролетарских революционеров превратились в партийных бюрократов и партийных вельмож, оторвавшихся от партийных масс, помогая Сталину расправляться со своими бывшими товарищами. Они цеплялись за приобщенность к власти и связанными с этим привилегиями. Они безудержно восхваляли личность Сталина, надеясь, что затеянная им «Великая чистка» их не затронет. К этой части старых большевиков можно отнести Е. Ярославского, Р. Землячку и многих других.

Однако небольшая часть старых большевиков осталась верной своим принципам и решила сопротивляться, не желая, как бараны, слепо идти на бойню. Судя по всему, они сплотились вокруг фигуры Осипа Пятницкого.

Конечно, они хорошо понимали, что фактически властью в стране и в партии уже являются не Центральный Комитет партии, не Верховный Совет СССР, а Политбюро, что этим организациям отводится чисто формальная роль голосования за решения, принятые Политбюро ЦК ВКП(б). Но несмотря ни на что, они решили попытаться публично осадить Сталина и его верного холоуя Н. Ежова и осудить проводимую ими репрессивную политику уничтожения лучших представителей советского общества на предстоящем Пленуме ЦК.

* «Источник», 1994. № 3.

Незадолго до трагического завершения своего жизненного пути, О. Пятницкий в камере Лефортовской тюрьмы поведал своему сокамернику Арону Семеновичу Темкину о том, что перед июньским Пленумом ЦК он собрал за городом у себя на даче в Серебряном Бору, на так называемую «чашку чая» — на совещание группу членов и кандидатов в члены ЦК ВКП(б).

Они разделяли его мнение о том, что необходимо прекратить террор и обуздать Сталина. Они договорились открыто выступить на предстоящем Пленуме ЦК по этому вопросу.

Пятницкий рассказал Темкину, которого знал еще со времен Московского вооруженного восстания 1917 года и полностью доверял ему, что один из участников этого совещания, сразу же после его окончания, поспешил к Сталину с доносом на своих товарищей.

Пятницкий с сожалением назвал его имя — П.А. Филатов, председатель Московского областного исполкома. Как выяснилось впоследствии, он был арестован и казнен раньше других. Предателей никто не любит!

Но о тех, кто присутствовал у него на «чашке чая», Пятницкий А.С. Темкину не сообщил. Чувство конспиратора не оставило его даже в тюремной камере. Но мы сможем узнать об этих прекрасных и смелых людях ниже по результатам июньского (1937 г.) Пленума ЦК ВКП(б).

Весьма характерен один документ, обнаруженный мною в персональном деле отца, заведенном на него Комитетом партийного контроля при ЦК ВКП(б) № 3-2615, листы дела 3—4. Это докладная записка секретаря Красногвардейского райкома г. Москвы Комарова председателю КПК при ЦК ВКП(б) М. Шкирятову.

В ней Комаров доносил об антипартийном поведении Пятницкого Иосифа Ароновича, начальника Политико-административного управления ЦК ВКП(б). Я позволю себе привести его полностью:

«Пятницкий, будучи делегатом 2-й Красногвардейской (районной. — В.П.) партконференции, отвечая на вопросы делегатов о его связях с Троцким, Невским и о его борьбе с Лениным, заявил, что «никогда не отходил от партийной линии, что у меня не было колебаний».

Ленин же имел ошибки по вопросам о назначении Невского наркомом железнодорожного транспорта, а также по вопросу о

создании политотделов на транспорте (это было в 1918—1920 годах). И по этим вопросам я с Лениным боролся».

Делегаты конференции были законно возмущены его наглым ответом и дали Пятницкому жесткий отпор.

Делегат конференции Кобызев заявил, что Пятницкий был связан с Невским, поддерживал неправильную политику Невского в вопросах Восточного фронта, и далее, по словам Кобызева, Пятницкий не вел борьбу в 1919—1920 годах с Троцким.

Пятницкий имел тесную связь с врагом народа Каминским и в своей практической работе как начальник Административно-политического отдела не вел никакой борьбы против вредительской политики Каминского, но и всячески помогал ему.

Находясь на московской и областной конференциях (май 1937 года), Пятницкий и Каминский все время сидели вместе рядом и «таинственно» вели беседы.

После ареста наркомхоза Н.П. Комарова, Пятницкий пришел на заседание парткома наркомхоза, вел себя странно, не помогал райкому и парткому вскрывать всю вредительскую работу Н.П. Комарова и ничего не сделал, чтобы вскрыть все корни, которые запустил Н.П. Комаров.

Он своим присутствием на парткоме наркомхоза 19 и 20 июня дезориентировал нас в отношении более заостренной борьбы с корнями Н.П. Комарова.

После ареста замнаркома здравоохранения СССР В.А. Кангелари, Пятницкий пришел 20 июня 1937 года на заседание парткома и вел себя возмутительно. Он все время в стороне от стола заседания вел «таинственные» разговоры с Каминским. Затем занял странную позицию на заседании парткома. Пятницкий, Каминский и Сергеев главный удар направили против секретаря парткома Лопуховой с мотивом, что «она главный виновник разоблачения Кангелари, а они — Каминский и Сергеев тут не причем...» И далее в том же духе».

Причем Комаров написал этот документ уже после окончания июньского Пленума ЦК — 3 июля 1937 года, когда Пятницкий был уже под домашним арестом.

Кстати, позже, в хрущевские времена, автор этой кляузы Комаров «заслуженно» станет председателем Комитета партийного контроля при ЦК КПСС.

Вот в такой обстановке шла интенсивная подготовка к очередному Пленуму ЦК ВКП(б).

Глава 12

Июньский Пленум ЦК ВКП(б) 1937 года (арьергардный бой остатков ленинской гвардии со сталинской кликой за идеалы Октябрьской революции)

1937 год подходил к своей середине. Страна молча и покорно переживала бушующий террор. Счет репрессированным шел уже на сотни тысяч. Убиты Киров и Серго Орджоникидзе. Спился Куйбышев.

Казнены лучшие командные кадры Красной Армии. Брошены за решетку Каменев, Зиновьев, Бухарин и Рыков. Истреблена лучшая часть партии, ее интеллектуальные силы, ее ленинская гвардия.

В стране насаждается культ личности Сталина, укрепляется режим личной власти диктатора. Одновременно происходит резкое возрастание роли НКВД в государственном механизме СССР, и руководитель НКВД Ежов становится вторым человеком в партии и государстве и получает в свои руки практически неограниченные полномочия.

С другой стороны, растет и внутреннее сопротивление тех, кто сохранил совесть и честь, тех, кто не променял принципы и идеалы большевизма на чечевичную похлебку привилегий и льгот. Эти остатки ленинской гвардии в силу своих возможностей пытались сплотиться и сопротивляться. Затормозить маховик произвола и репрессий, кровавой лавиной расплзающихся по стране, — вот их цель.

В этой накаленной, взрывоопасной обстановке и проходила подготовка к июньскому Пленуму ЦК.

Сталинские опричники готовят расправу над деятелями «право-троцкистского» блока. Главное, что они хотят от Пленума, — это продление чрезвычайных полномочий своему карательному аппарату — НКВД. На Пленуме собираются открыто выступить против террора — а значит против Сталина — остатки ленинской гвардии.

Все это происходит в обстановке строгой секретности, скрытой от большинства партийцев, не говоря уже о беспартийных.

Только в конце июня 1937 года центральная газета партии «Правда» сообщила о состоявшемся Пленуме ЦК ВКП(б). Газета сообщала, что июньский Пленум рассмотрел проект положения о выборах в Верховный Совет СССР и одобрил его. Далее Пленум рассмотрел вопросы об улучшении семян зерновых культур, введении правильных севооборотов и о мерах улучшения работы МТС («Правда», 30 июня 1937 г.).

Долгое время в отечественной историографии работа этого Пленума трактовалась именно так. А что же происходило на этом Пленуме на самом деле?

Об этом рассказывает подлинный протокол № 10 заседания Пленума, подписанный самим Генеральным секретарем ЦК ВКП(б) Сталиным, обнаруженный в так называемой «Особой папке», хранившийся в его секретариате и, конечно же, глубоко засекреченный.

Я привожу его в первоизданном виде, так как в средствах массовой информации он не приводился и большинству моих соотечественников он не известен.

ПРОТОКОЛ № 10
ЗАСЕДАНИЯ ПЛЕНУМА ЦК ВКП(Б)
От 23—29 июня 1937 года
(подлинник) т. 1
XVII созыв

Присутствовали:

Члены ЦК ВКП(б): Андреев, Бадаев, Бауман, Берия, Бубнов, Варейкис, Ворошилов, Евдокимов, Ежов, Жданов, Зеленский, Иванов, Икрамов, Л. Каганович, М. Каганович, Косарев, С. Косиор, Кржижановский, Криницкий, Крупская, Лебедь, Литвинов, Межлаук, Микоян, Мирзоян, Молотов, Николаева, Носов, Постышев, Пятницкий, Рухимович, Рындин, Сталин, Стецкий, Хатаевич, Хрущев, Чернов, Чубарь, Чувьрин, Эйхе, Яковлев.

Кандидаты в члены ЦК ВКП(б): Багиров, Буденный, Булганин, Булин, Бройдо, Быкин, Вайнберг, Гикало, Гринько, Грядинский, Демченко, Егоров, Еремин, Завенягин, Затонский, Исаев, Калыгина, Каминский, Кульков, Лепа, Лозовский, Любченко, Марков, Мехлис, Михайлов, Пахомов, Позерн, Поскребышев, Прамнек, Розенгольц, Саркисов, Семенов, Серебровский, Смородин, Стривевский, Угаров, Филатов, Шварц, Юркин.

Члены Ревизионной комиссии: Адорадский, Алексеев, Владимирский, Попов, Реденс, Хлоплянкин, Янсон.

Члены бюро Комиссии партийного контроля: Акулов, Петерс, Ярославский.

Члены бюро Комиссии советского контроля: Беленький, Землячка.

От 23.06.37 года

П. 1. О тт. Алексееве П., Любимове, Сулимове, Курицине, Мусабекове, Осинском и Сидельникове.

От 25.06.37 года

ЦК ВКП(б) выражает политическое недоверие членам ЦК ВКП(б): Алексееву, Любимову, Сулимову и кандидатам в члены ЦК ВКП(б): Курицину, Мусабекову, Осинскому и Сидельникову и постановляет: исключить из членов ЦК ВКП(б) Алексеева, Любимова и Сулимова, из состава кандидатов в члены ЦК ВКП(б) Курицина, Мусабекова, Осинского и Сидельникова.

От 25.06.37 года

П. 2. Об Антипове, Балицком, Жукове, Кнорине, Лаврентьеве, Лобове, Разумове, Румянцеве, Шеболдаеве, Благоднравове, Вегере, Голодеде, Калмановиче, Комарове, Кубяке, Михайлове В., Полянском, Попове Н.Н., Уншлихте, Аронштаме, Крутове.

Утвердить следующее предложение Политбюро ЦК ВКП(б):

За измену партии и Родине и активную контрреволюционную деятельность исключить из состава членов ЦК ВКП(б) и из партии: Антипова, Балицкого, Жукова, Кнорина, Лаврентьева, Лобова, Разумова, Румянцева, Шеболдаева.

Из состава кандидатов в члены ЦК ВКП(б) и из партии: Благоднравова, Вегера, Голодеда, Калмановича, Комарова, Кубяка, Михайлова В., Полянского, Попова Н.Н. и Уншлихта.

Из состава Контрольной Ревизионной комиссии: Аронштама и Крутова.

Передать дела перечисленных выше лиц в Наркомвнудел.

От 26.06.37 года

П. 3. О Каминском.

Исключить Каминского, как не заслуживающего доверия, из состава кандидатов в члены ЦК ВКП(б) и из партии.

От 27.06.37 года

П. 4. О новом избирательном законе (Яковлев).

От 28.06.37 года

П. 5. Об улучшении семян зерновых культур (Яковлев).

От 29.06.37 года

П. 6. О введении правильных севооборотов (Чернов).

П. 7. О мерах улучшения работы МТС (Чернов).

П. 8. О курсах подготовки руководящих партийных кадров (Жданов).

П. 9. О Кодацком, Чудове, Павлуновском и Струппе.

Исключить Чудова и Кодацкого из состава членов ЦК ВКП(б) и из партии и Павлуновского и Струппе из состава кандидатов в члены ЦК ВКП(б) и из партии ввиду поступивших неопровержимых данных о причастности их к контрреволюционной группировке.

Опросом членов ЦК ВКП(б)

от 31.03 — 01.04.37 года

1. О Ягоде.

Утвердить следующее предложение Политбюро ЦК ВКП(б):

Ввиду обнаружения антигосударственных и уголовных преступлений Наркома связи Ягоды, совершенных в бытность его Наркомом внутренних дел, считать необходимым исключение его из партии и ЦК и санкционировать его арест.

Опросом членов и кандидатов в члены ЦК ВКП(б)

от 17—19.05.37 года

2. О Кабакове.

Утвердить следующее предложение Политбюро ЦК ВКП(б):

На основании имеющихся материалов, в которых член ЦК ВКП(б) Кабаков обвиняется в принадлежности к контрреволюционному центру правых, исключить Кабакова из состава ЦК ВКП(б) и из партии с передачей его дела в Наркомвнудел.

3. Об Орахелашвили и Элиаве.

Утвердить следующее предложение Политбюро ЦК ВКП(б):

На основании имеющихся материалов, в которых член Контрольной Ревизионной комиссии ЦК ВКП(б) Орахелашвили и кандидат в члены ЦК ВКП(б) Элиава обвиняются в том, что они знали о контрреволюционной работе Грузинского Троцкистского Центра, но скрыли это от ЦК, исключить Орахелашвили из состава Контрольной Ревизионной комиссии ЦК ВКП(б) и из партии

и исключить Элиава из кандидатов в члены ЦК ВКП(б) и из партии с высылкой обоих из Москвы.

От 20—22.05.37 года

4. Об Уханове.

Утвердить следующее предложение Политбюро ЦК ВКП(б):

Ввиду того, что по показаниям ряда арестованных участников антисоветской организации правых (Ягода, Смирнов А.П., Прокофьев, Карахан, Гибер и др.) член ЦК ВКП(б) Уханов изобличен как активный член контрреволюционного заговора против Советской власти — исключить Уханова из состава членов ЦК ВКП(б) и из партии и передать его дело органам НКВД.

От 25—26.05.37 года

5. О Тухачевском и Рудзутаке.

На основании данных, изобличающих члена ЦК ВКП(б) Рудзутака и кандидата в члены ЦК ВКП(б) Тухачевского в участии в антисоветском Троцкистско-правом заговорщическом блоке и шпионской работе против СССР в пользу фашистской Германии, исключить из партии Рудзутака и Тухачевского и передать их дела в Наркомвнудел.

От 30.05—01.06.37 года

6. О Якире и Уборевиче.

Утвердить следующее предложение Политбюро ЦК ВКП(б):

Ввиду поступивших в ЦК ВКП(б) данных, изобличающих члена ЦК ВКП(б) Якира и кандидата в члены ЦК ВКП(б) Уборевича в участии в военно-фашистском Троцкистско-правом заговоре и в шпионской деятельности в пользу Германии, Японии и Польши, исключить их из рядов ЦК ВКП(б) и передать их дела в Наркомвнудел.

Печать ЦК ВКП(б)

Секретарь ЦК И. Сталин

Но имеется и другой документ, освещающий работу Пленума и также подписанный Сталиным. Из него следует, что Пленум ЦК ВКП(б) проходил с 23 по 29 июня 1937 года. Заседания Пленума с 23 по 26 июня не стенографировались. Это удостоверяет запись Сталина:

«27 июня — 5-й день заседаний. На утреннем заседании председательствует Молотов, на вечернем Любченко. Заслушивается доклад Яковлева о новом избирательном законе — «Положение о выборах в Верховный Совет СССР». В прениях по докладу выступили: Любченко, Булганин, Калинин, Григманов, Стецкий, Грядинский, Исаев, Молотов и Шестаков.

28 июня — 6-й день заседаний. Председательствует Андреев. На утреннем заседании выслушивается доклад Яковлева об улучшении семян зерновых культур. В прениях выступили: Быкин, Хатаевич, Горкин, Чернов, Евдокимов, Демченко, Клейнер. На вечернем заседании — доклад Чернова по «введению правильного севооборота». В прениях выступили: Демченко, Косиор, Долбицин, Михайлов, Горкин, Филатов, Икрамов, Буланов, Криницкий.

29 июня — 7-й день заседания. Председательствует Андреев. Продолжаются прения по докладу Чернова. Выступают: Евдокимов, Ашуров, Варейкис, Юркин, Грядинский, Чернов и Молотов. Заслушивается доклад Чернова о «мерах улучшения работы МТС». В прениях по докладу выступили: Эйхе, Прамнек и Яковлев».

Далее выступил Жданов с предложением о курсах подготовки руководящих партийных кадров.

Затем слово берет Сталин. Он сообщает о данных, поступивших на Кодацкого, Чудова, Павлуновского, и предлагает вывести их из состава ЦК. Пленум голосует «за».

«Что же касается Пятницкого, то идет проверка, она должна быть на днях закончена, идут передопросы и очные ставки»*.

А в это время из соратников Пятницкого выбивались показания против него.

И далее:

«По сообщению т. Сталина о Пятницком дано примечание в работе с репликами, выписанными из стенограмм, которая не издавалась. Стенограмму послали т. Сталину на утверждение, и в ней появилось примечание — «Это сообщение сделано т. Сталиным в конце июньского Пленума ЦК ВКП(б) 29.06.37 года».

«Вычеркнуто т. Сталиным, так как не должно войти в стенограмму».

* РЦХИДНИ. Ф. 17, оп. 2, д. 622, л. 220.

Это примечание было отпечатано, а фраза в стенограмме о Пятницком вычеркнута карандашом (по-видимому, самим Сталиным. — В.П.). Там же есть ссылка — «до слов «пленум закрывается» и рукой Сталина написано «стенограммы нет».

Но и это не полная правда. Пленум проходил с 23 по 29 июня 1937 года, а приведенные выше документы фиксируют вопросы, рассматриваемые только с 25 июня, и то не в полном объеме. Чем же занимался Пленум ЦК в первые дни, то есть с 23 по 25 июня?

23 июня на Пленуме рассматривался вопрос о продлении чрезвычайных полномочий карательному аппарату Советской власти — органам НКВД. С докладом по этому вопросу выступил сам «железный нарком» Николай Ежов.

Основное внимание в его докладе было акцентировано на том, что органами государственной безопасности раскрыт широко разветвленный заговор бывших военных и партийных советских работников. Усилиями Ежова и его заместителя Фриновского была создана картина грандиозного контрреволюционного право-троцкистского блока против Советской власти.

В связи с тем что срок чрезвычайных полномочий, выданных партией органам НКВД после убийства Кирова, истек год назад, Ежов просил Пленум ЦК ВКП(б) продлить эти полномочия на неопределенное время. Он обосновывал это тем, что в стране существует глубоко законспирировавшееся контрреволюционное подполье, страна стоит на пороге новой гражданской войны и только органы государственной безопасности под мудрым руководством И.В. Сталина могут ее предотвратить и окончательно выкорчевать гнездо контрреволюции.

После выступления Ежова слово взял Сталин. Он предложил поддержать Ежова о предоставлении чрезвычайных полномочий НКВД, а присутствующим высказаться по этому вопросу. Далее он поставил вопрос о дальнейшей судьбе деятелей «право-троцкистского блока».

Со многими из них Пятницкого связывали годы совместной работы в разные периоды его революционной деятельности: с Рыковым — год подполья, с Бухариным — октябрь 1917 года и работа в Коминтерне, с Крестинским — постоянные контакты по линии ЦК партии и Наркомата иностранных дел.

24 июня продолжались прения и по этому и по дополнительному вопросу о судьбе уже арестованных товарищей.

Что чувствовал в эти дни Пятницкий?

Вот что записала об этих днях в своем дневнике жена Пятницкого, моя мать Юлия Соколова:

«Пятницкий ехал на Пленум в плохом настроении. В последнее время он был постоянно удручен и недоволен собой. Работа, которой он отдавал всего себя, хороших результатов не давала, и он мучительно это переживал. На прежней работе в Коминтерне все было не так».

В обсуждение этого вопроса, как всегда, включились команды сталинских приспешников. Они поддержали и предложение Сталина о продлении чрезвычайных полномочий карательному аппарату, и его предложение о физическом уничтожении Рыкова, Бухарина и их соучастников по сфабрикованному делу. Все шло по заранее подготовленному сценарию, но вдруг неожиданно для всех диссонансом прозвучало выступление кандидата в члены ЦК ВКП(б) Наркома здравоохранения РСФСР Г.Н. Каминского. Он выступил против этого предложения Сталина.

Каминский привел факты грубейшего нарушения социалистической законности, арестов членов правительства и ЦК без санкции соответствующих органов прокуратуры и ЦК ВКП(б), «Так мы перестреляем всю партию», — заявил он. Сталин перебил Каминского гневной репликой: «А вы случайно не друзья с этими врагами?» — на что Каминский ответил: «Нет, они мне вовсе не друзья». — «Ну, тогда, значит, и вы одного с ними поля ягода», — сделал вывод Сталин.

С осуждением террора и истребления лучшей части партии на Пленуме также выступили Любченко — председатель Совнаркома Украины, Хатаевич — секретарь обкома Татарстана, Чуев — секретарь Ленинградского обкома партии и ряд других, по-видимому, те члены ЦК, что были у Пятницкого на «чашке чая».

Еще большим диссонансом прозвучало выступление члена ЦК ВКП(б) заведующего Политико-административным отделом ЦК ВКП(б) Пятницкого. Он заявил, что категорически против предоставления органам НКВД чрезвычайных полномочий и при этом характеризовал Ежова как жестокого и бездушного человека.

Пятницкий обвинил карательные органы в фабрикации дел и применении недозволенных методов ведения следствия. Он настаивал на усилении контроля партии над деятельностью орга-

нов государственной безопасности и предложил создать для этого специальную, компетентную комиссию ЦК ВКП(б).

Пятницкий высказался и против применения высшей меры наказания Бухарину, Рыкову и другим деятелям так называемого «право-троцкистского блока». Он предложил ограничиться исключением их из партии и этим отстранить их от политической деятельности, но сохранить им жизнь для использования их опыта в народном хозяйстве.

Выступление Пятницкого вызвало шок в зале. Для многих оно прозвучало слишком неожиданно. Его знали как одного из создателей партии и верного ученика Ленина, и его слова на партийном форуме, каким был этот Пленум, значили слишком много, ведь Пятницкий возглавлял Политико-административный отдел ЦК ВКП(б). Структуру, призванную контролировать органы Советской власти и государственного аппарата.

Казалось бы, в такой обстановке открытая критика режима сталинской диктатуры была невозможна, однако, судя по выступлениям Каминского, Пятницкого и других, даже к 1937 году полностью установить свою диктатуру Сталину не удалось.

О том, что на самом деле происходило за закрытыми дверями Пленума и что из этого получилось, мы узнаем из приведенных ниже материалов. О событиях тех дней довольно красочно поведал один из участников Пленума — сам Лазарь Каганович, в то время третий после Сталина и Молотова человек в партии. Это пока единственный правдивый документ о тех событиях.

Рассказ Лазаря Кагановича передал мне мой друг Владимир Губерман, сын заведующего секретариатом Лазаря Кагановича Самуила Губермана. Для того чтобы понять, откуда Володя знал Кагановича и почему последний был с ним так откровенен, сделаю небольшое отступление.

Л.М. Каганович был женат на Мане Приворотской, двоюродной сестре Самуила Губермана. Он, Самуил, и рекомендовал Л.М. Кагановича в партию и вовлек его в революционную работу. Позже они, Лазарь и Самуил, постоянно общались домами.

Когда Каганович стал секретарем ЦК ВКП(б), он взял к себе и Самуила Губермана заведующим своей канцелярией. Между прочим, по рассказу тети Ани, матери Владимира Губермана, Каганович бил своего заведующего канцелярией — безногого Самуила. В гражданскую войну С. Губерман был комиссаром одной из частей Красной Армии и однажды в бою был порубан казаками. Он очень трудно передвигался на двух костылях.

По рассказу Владимира, который сразу же после встречи с Кагановичем (она состоялась в 50-е годы) записал для меня их разговор. Речь велась сначала на домашние темы: о житье, воспоминания о Самуиле. Затем Владимир спросил Кагановича, как он мог, будучи сам евреем, помогать Сталину в деле врачей?

На это Лазарь ответил: «Вы все ничего не поняли! Он, Сталин, был великий комбинатор (я не помню этого слова буквально, записал Володя что-то в смысле великого конструктора, стратега, но, во всяком случае, очень уважительно, вроде мастера с большой буквы). Что Сталин задумал великое дело и если бы он остался жив, вот тогда полетели бы головы».

Здесь Володя поднял руку указательным пальцем в потолок и сказал, он даже повторил: «Он поднял руку вот так и как бы выдавал прекрасную тайну, торжествовал оттого, что «полетели бы головы». Владимир говорил, что ему даже стало не по себе...

Потом Владимир перевел разговор на Пятницкого, рассказал Кагановичу, что хочет писать книгу о Пятницком для Политиздата.

Каганович спросил Владимира, почему он выбрал для своего труда такого героя, сказал, что эта тема очень трудная и ему она не по зубам. А затем разговорился, охарактеризовал Пятницкого как очень дельного работника. Он сказал, что Пятницкий, так же как и он сам, Каганович, не принадлежал к этим трепачам-теоретикам, что оба они прекрасные практики, и в то время это было главным.

Каганович сказал о Пятницком, что он был замечательным организатором, хорошо знал свое дело, имея в виду Коминтерн, и пользовался в партии большим авторитетом. Что Пятницкий никогда не колебался в проведении политики партии, ни в каких оппозициях не участвовал ни до революции, ни после нее. Что ему очень доверял Сталин и именно поэтому его и поставили на новое и очень нужное дело: следить за четкостью проведения в жизнь решений партии в органах государственного аппарата. И он, Пятницкий, в короткое время сумел наладить эту работу.

Но испытание временем не выдержал, сорвался. И далее пояснил: в 1937 году на июньском Пленуме ЦК рассматривался вопрос о дальнейшей судьбе «право-троцкистского блока» и, в частности, Бухарина. Сталин настаивал на физическом уничтожении всех представителей правой оппозиции и предоставлении Ежову чрезвычайных полномочий для борьбы с контрреволюцией — с «врагами народа» и получил полную поддержку.

Но вдруг совершенно неожиданно со Сталиным не согласился Пятницкий. Он категорически возражал против физического уничтожения Бухарина и их соратников. Пятницкий сказал, что за фракционную деятельность достаточно исключить их из партии и этим ограничить их влияние, отстранить от политической деятельности, он предложил и в дальнейшем использовать их опыт и знания в народном хозяйстве.

Высказался Пятницкий и против предложения Сталина о предоставлении Ежову чрезвычайных полномочий. Он охарактеризовал Ежова как бездушного и жестокого человека.

Здесь Каганович пояснил, что в 1937 году отношения Пятницкого с Ежовым и Маленковым очень обострились, и ему, Кагановичу, приходилось много разбираться с этими вопросами.

Пятницкий обвинил Ежова в фабрикации дел и применении недозволенных методов дознания, и настаивал на усилении контроля партии над деятельностью карательных органов и, в частности, над деятельностью Ежова.

После выступления Пятницкого Сталин прервал заседание Пленума и объявил перерыв. Он собрал некоторых членов Политбюро, чтобы обсудить сложившуюся ситуацию.

Сталин поручил Молотову, Ворошилову и ему, Кагановичу, уговорить Пятницкого отказаться от своего выступления и тогда все забудется и Пятницкому этого никогда не вспомнят.

Когда они вышли в общий зал и подошли к Пятницкому, передав ему просьбу Сталина взять назад свое заявление, он, Каганович, напомнил Пятницкому, что Сталин верит ему как человеку и большевику и ценит его как непревзойденного организатора, и повторил опять, что если он возьмет свое заявление назад, то в этом случае оно забудется и о нем никогда напоминать не будут. Но Пятницкий отозвать свое заявление отказался. Тогда Молотов напомнил Пятницкому о семье — жене и детях — и посоветовал подумать об их судьбе. Ворошилов напирал на то, что Сталин продолжает верить Пятницкому как человеку и большевику, ценит его как замечательного организатора.

На это Пятницкий ответил, что он совершенно ясно представляет себе свою дальнейшую судьбу, но отказаться от этого заявления ему не позволяет совесть коммуниста. Он сказал, что его выступление на Пленуме не случайное, а вполне осмысленное действие. Что во имя чистоты и единства партии он готов пожертвовать и своей жизнью, и если в этом будет необходимость, то и жизнью своих детей и жены.

И в этом поступке проявились твердость и непреклонность, которые были свойственны характеру этого человека, стремившегося всю жизнь идти прямо по тому пути, на который встал еще мальчишкой. Сказать «нет» разгулу репрессий, развернутой правящей сталинской системой и принимавшей безудержный характер, было не только смертельно опасно, но и чрезвычайно трудно для человека, находившегося внутри этой системы и сделавшего немало для того, чтобы она сложилась и окрепла.

И все-таки О. Пятницкий нашел в себе силы сделать это. Наверное, то был самый трудный шаг в жизни, но, совершив его, Пятницкий вновь доказал свою верность идеалам, которым служил всю жизнь.

Только глубокие идейные убеждения могли продиктовать ему линию поведения. И одно это заслуживает глубокого уважения к нему каждого мыслящего человека.

Но для Пятницкого это еще не было концом его тяжелейших испытаний, на которые, в отличие от многих, он пошел добровольно, как ни страшно и горько это сознавать, но это было лишь началом... Впереди были допросы, издевательства, истязания моральные и физические, арест старшего сына Игоря, арест жены Юлии и безвестная ее смерть, арест младшего сына, названного в честь Ленина Володей.

Об их судьбах Пятницкий уже не узнал. Впрочем, там, на Пленуме, выбирая смерть и отвергая бесчестье, он не мог не догадываться, не знать, что предупреждение Молотова подумать о своей семье было не просто угрозой. Он ясно понимал, что вслед за ним его судьбу разделят и его жена, и его дети.

Далее Каганович сказал, что, выслушав все это, они ушли и доложили Сталину о результатах разговора с Пятницким. В этот день заседание Пленума уже не возобновлялось.

А на следующий день заседание началось с выступления Ежова, в котором он заявил, что НКВД располагает неопровержимыми данными, что Пятницкий был осведомителем Охранного отделения, и предъявил ему обвинение как старому провокатору царской охраны. И на основе этого Ежов предложил выразить Пятницкому политическое недоверие.

Многие участники Пленума, зная О. Пятницкого долгие годы по работе в подполье, были ошарашены подобным обвинением. С категорическим «нет» выступили только трое: Н.К. Крупская, М.М. Литвинов и М.Ф. Владимирский.

Надежда Константиновна КРУПСКАЯ, жена и соратница В.И. Ленина, знала Пятницкого с 1900 года. Их связывала старая дружба. Крупская была секретарем редакции «Искра», а Пятницкий, тогда еще Таршис, был главным ее «транспортником» — так обозначила его должность Пражская конференция РСДРП(б).

Через Надежду Константиновну Пятницкий общался с Лениным и часто останавливался в их доме, когда бывал в Лондоне, в Женеве, в Париже и Поронино. Их дружба сохранилась и после смерти Ленина. Доказательством тому служит и тот факт, что, когда меня принимали в октябрята и мама устроила по этому поводу семейный праздник, меня пришли поздравить старые друзья отца, и Надежда Константиновна была среди них. И когда над головой Пятницкого сгустились тучи, Крупская открыто встала на его защиту, прекрасно понимая, что впоследствии это может для нее значить.

На июньском Пленуме ЦК Крупская выступила с гневным протестом против выдвинутого Ежовым обвинения против Пятницкого. Она заявила, что Ежов просто не знает истории партии, которой пытается руководить, что Пятницкий не может быть провокатором царской охранки хотя бы в силу того, что раскрыл лучших агентов жандармского управления Бряндинского и Житомирского и некоторых других, не доверял члену ЦК Р.В. Малиновскому, разоблаченному впоследствии как провокатор, и наотрез отказывался иметь с ним какие-либо дела.

Максим Максимович ЛИТВИНОВ был старым другом Пятницкого. Они познакомились в 1902 году в камере Лукьяновской тюрьмы — Киевского централа, когда царская охранка готовила открытый процесс над сторонниками «Искры». Они вместе бежали из Лукьяновского замка, потом занимались транспортировкой большевистской литературы и партийных функционеров через границу России в обоих направлениях. Пятницкий ведал литовским маршрутом через Тильзит, а Литвинов через Ригу.

В 1919 году Литвинов был одним из основателей Коминтерна, членом Бюро ИККИ и редколлегии коминтерновского журнала «Коммунистический Интернационал». Дружеская связь Пятницкого с Литвиновым не прерывалась до конца. На Пленуме он дал аргументированную отповедь нападкам Ежова на Пятницкого и доказал абсурдность его обвинений в адрес Пятницкого.

Михаил Федорович ВЛАДИМИРСКИЙ знал Пятницкого по подпольной работе. Но близко они сошлись и подружились в 1917 году, когда готовили московское вооруженное восстание. Оба они были членами Московского Совета и ВЦИК, секретарями Московского комитета партии. А в дни Октября были членами Боевого партийного центра и Московского военно-революционного комитета (МВРК), руководивших вооруженным восстанием 1917 года в Москве и Подмосковье. Владимирский тоже выступал на Пленуме в защиту Пятницкого, назвав обвинения, выдвинутые Ежовым, глупостью.

Однако несмотря на доводы выступающих, а их, как мы выяснили, было только трое, за предложение Ежова выразить О. Пятницкому политическое недоверие члены Пленума проголосовали почти единогласно.

Против обвинений подали свои голоса три человека, указанные выше. Кто-то один воздержался. Каганович предположительно назвал Стасову. Но это не так. Елена Дмитриевна сказала мне, что на июньском Пленуме не присутствовала.

Но Пленум все же большинством голосов предоставил Пятницкому две недели для подготовки оправдания перед членами ЦК для опровержения заявления Ежова. Прецедент для того времени невероятный, подобного ни раньше, ни потом не допускалось.

Об этом абсурдном обвинении Ежова сразу же забыли. Но цель была достигнута. Пятницкий после голосования покинул заседание Пленума. Ему был дан определенный срок для возможности защиты от клеветы Ежова, которая, наверное, была подказана ему Сталиным.

После чего Пленум почти единогласно утвердил продление Ежову чрезвычайных полномочий «для борьбы с контрреволюцией», а также утвердил смертный приговор Бухарину, Рыкову и их мнимым сообщникам.

Однако «послушное большинство», одоббившее предложение Сталина и Ежова, этим себя не спасло. Наоборот, эти люди подписали себе смертный приговор: свидетелей злодеяний не должно быть!

Кровавый разгул, как смерч, пронесся по необъятным просторам страны, унося жизни миллионов сограждан.

26 июня 1937 года, после вынесения Пленумом ЦК по представлению Ежова квотума недоверия, Пятницкий он покинул заседание Пленума, и в подавленном состоянии поехал домой.

Решившись на открытое выступление против сталинской репрессивной политики и внедрявшегося в жизнь страны культа личности Сталина и, отказав его посланцам взять свои слова обратно, Пятницкий сам решил свою судьбу. Он ожидал, что его арестуют. Но обвинение его, одного из создателей партии, в работе на царскую охранку, его обескуражило.

На другой день отец уехал на дачу в Серебряный Бор. Домашний арест не ограничивал его передвижение. В его распоряжении оставили машину и кремлевский телефон «вертушку». Его секретарша каждый день привозила ему обед из кремлевской столовой. Но он ни с кем не встречался, ходил с мамой по берегу Москвы-реки. О чем они говорили тогда — неизвестно. Но кое о чем мама написала в своем дневнике, который мне удалось вырвать из рук госбезопасности.

За время своего домашнего ареста Пятницкий написал свою подробную биографию и переслал ее в НКВД. Он с нетерпением ждал разбирательства своего дела в Комиссии партийного контроля и каждый день звонил Ежову и Шкирятову. Он ужасно осунулся, похудел и постарел. И ждал, ждал...

Он не предполагал, что в это самое время Сталин окончательно решил сделать его руководителем заговора в Коминтерне. А пока он сидел дома под домашним арестом. Шло «формирование» так называемого «антисоветского контрреволюционного правотроцкистского террористического заговора» в Коминтерне. Комиссия Политбюро по безопасности — Малое Политбюро — без дела не сидела.

Но вернемся к рассказу Л. Кагановича.

Далее Володя Губерман спросил Кагановича, откуда у нас в стране появилось столько врагов народа? Ведь большинство из них — старые большевики, которые сами делали революцию. Каганович ответил, что он, Вовка, ничего не понимает. «СССР находился в капиталистическом окружении. Приближалась война с империалистами и, по всей видимости, со всеми сразу. Поэтому необходимо было всемерно укрепить страну, тыл и будущий фронт. Исходя из этого и было принято решение выкорчевать «болото» (он так и сказал — «болото»), то есть уничтожить всех ненадежных и колеблющихся. А вот Пятницкий к их числу никогда не принадлежал и вдруг неожиданно встрял на пути...»

Позднее бывший политический референт Генерального секретаря Коминтерна Георгия Димитрова китаец Куо Шао Тан (работавший в Коминтерне под фамилией Крымов) дополнил рас-

сказ Лазаря Кагановича новыми подробностями. Их он узнал, уже находясь в тюрьме, от эстонца Ивана Тубалы, бывшего начальника управления НКВД на Кавказе и от бывшего референта П. Постышева. Он рассказал, что кроме Пятницкого против предложения Сталина предоставить Ежову чрезвычайные полномочия выступили: Каминский, Чудов, Хатаевич, Любченко и ряд других, всего более 16 человек, но официальных сообщений, подтверждающих эти свидетельства, пока не обнаружено.

Уже тогда никто не поверил в стихийность всего, что произошло на июньском Пленуме. Пошли разговоры о «чашке чая» — совещании, на которое якобы перед Пленумом Пятницкий созвал многих секретарей обкомов, старых большевиков и своих соратников по Коминтерну. Предполагалось, что именно там и была достигнута предварительная договоренность о единой позиции по отношению к сталинскому террору.

Я думаю, что их было не 15 человек, а гораздо больше — людей, осознавших, что в сложившихся условиях разгула «ежовщины» партия пожирает своих детей. Однако многие не решились открыто выступить, открыто продемонстрировать свою позицию, что, впрочем, не уберегло их от расправы уже по другим обвинениям.

А. Крымов, и А. Темкин подтверждают мой рассказ о совещании — «чашке чая», которое проводил Пятницкий непосредственно перед июньским Пленумом.

Планируя повестку дня Пленума, Сталин и его приспешники соответствующим образом подготовились ко всем непредвиденным случайностям. В числе приглашенных на Пленум почетных гостей с постоянными билетами было все руководство НКВД: Фриновский, Заковский, Курский, Бельский, Берман, Литвин, Николаев-Журид, а помещение, где проходил Пленум, и все здания вокруг него были заполнены оперативными работниками органов госбезопасности.

Григорий Каминский был арестован сразу же после окончания дневного заседания Пленума первым заместителем Ежова М. Фриновским. По его личному указанию были арестованы почти все участники Пленума, выступившие против Сталина и Ежова, сразу же после вечернего заседания, кто прямо в фойе зала заседаний, другие у машин, когда пытались покинуть Пленум.

Только Панасу Любченко, председателю Совнаркома Украины, удалось уйти из Кремля и вернуться домой на Украину. Там он, предвидя свою дальнейшую судьбу, застрелил свою жену,

детей и застрелился сам. Хатаевич был арестован в поезде по дороге домой.

В течение июля 1937 года были приняты решения в масштабе страны. Все это было закреплено в оперативных приказах Народного комиссара внутренних дел СССР Н.Н. Ежова № 00446 и 00447 от 30 июля 1937 года. Этими приказами предлагалось органам НКВД «раз и навсегда покончить с подлой подрывной работой против основ советского государства».

В предельно сжатые сроки предлагалось произвести изъятие и физическое уничтожение всех «вредительских и контрреволюционных элементов». С этой целью создавались внесудебные органы — «тройки», которым передавалась вся полнота власти, определялась разрядка по количеству репрессированных по первой (расстрел) и второй (10 лет) категориям, вводилась пятидневная отчетность по проведению операции в масштабе всей страны. Таким образом, беззаконие было узаконено.

Некоторые данные о событиях тех дней удалось обнаружить совсем недавно в документах так называемого «Пражского архива белой эмиграции». Вот некоторые из них:

- Из разведывательной белоэмигрантской организации «Крестьянская Россия» (Белоэмигрантская разведывательная организация, созданная эсером С. Масловым в Праге. Непосредственным сбором информации занималось ее отделение в Варшаве):

«По сведениям из Москвы, 23—29 июня 1937 года состоялся Пленум ЦК ВКП(б). В докладе наркома внутренних дел сообщалось о раскрытии в стране контрреволюционного заговора бывших военных, партийных работников. Только что закончившийся процесс военных и верхушки право-троцкистской оппозиции Бухарина и Рыкова позволяют, по словам Ежова, сделать вывод о наличии в стране законспирированного подполья. Сравнив обстановку с гражданской войной, он просил санкции Пленума на чрезвычайные полномочия для органов государственной безопасности с тем, чтобы они могли бы «выкорчевать» до конца гнездо право-троцкистской оппозиции из партийного и советского аппарата.

Сталин предложил поддержать Ежова и, вместе с тем, членам ЦК высказаться по этому вопросу. Выступивший кандидат в члены ЦК Каминский заявил, что предложение Ежова — безумие,

что арестовываются члены ЦК, видные деятели коммунистической партии, и все это делается без санкции соответствующих партийных комитетов. Каминский — Наркомздрав СССР, старый член партии, выразил несогласие с чрезвычайными мерами, предложенными Сталиным и Ежовым. Более резкий характер носило выступление Пятницкого. Бывший работник Коминтерна, с 1935 года заведующий Политико-административным отделом ЦК партии, летом 1936 года он проверял работу НКВД во главе с Ягодой. На Пленуме он неожиданно заявил, что выражает категорическое несогласие с предложением Ежова о передаче органам ГУГБ чрезвычайных полномочий, поскольку они постоянно превышают свои полномочия. По его предложению необходимо создать специальную комиссию по проверке и ограничению деятельности НКВД. На очередном заседании Пленума Ежов выразил политическое недоверие Пятницкому и обвинил его в провокаторстве. Пленум дал Пятницкому две недели для объяснений с членами ЦК и отстранил его от дальнейшего участия в работе Пленума»*.

■ Из агентурных материалов по делу РОВС:

«Сталинское окружение: Ворошилов, Каганович и Молотов, в кулуарах пытались уговорить Пятницкого, но он отказался. Его хорошо знали Крупская, вдова Ленина, и многие из ленинского окружения. На уговоры Пятницкий не поддался, решив сам свою судьбу.

Последнее время он отошел от руководящей работы, однако, оставался высокоавторитетным членом большевистской партии. Его обвиняют в сотрудничестве с Охранным отделением в 1910—1914 годах. По данным генерала Климовича, датированным 1926 годом, это не так...»**

Как видим, информация точная и поступить она могла лишь из источников, очень близких к высшему партийному и советскому руководству.

Приведу еще один документ, имеющийся в моем распоряжении. Это выписка из стенограммы заседания октябрьского Пленума ЦК ВКП(б). Пленум проходил 11—12 октября 1937 года и рассматривал вопросы об избирательной кампании по выборам

* Коллекция ЦГАОР СССР, фонд — Аргунов Андрей Александрович, дела 17 и 18.

** Коллекция ЦГАОР СССР, фонд — Аргунов А.А., дела 17 и 18.

в Верховный Совет СССР, о составе ЦК, о пополнении состава Политбюро, об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей. Вот выписка из стенограммы Пленума от 12 октября 1937 года:

«АНДРЕЕВ: Переходим ко второму вопросу порядка дня. Слово имеет тов. Сталин.

СТАЛИН: По второму пункту порядка дня Пленума имею, по предложению ПБ, поставить несколько вопросов на обсуждение Пленума ЦК и внести предложения.

Первый вопрос — о составе ЦК. За период после июньского Пленума до настоящего Пленума у нас выбыло и арестовано несколько членов ЦК: Зеленский оказался царским охранником, Лебедь, Носов, Пятницкий, Хатаевич, Икрамов, Криницкий, Варейкис — 8 человек. По рассмотрению всех материалов и проверке оказалось, что эти люди — враги народа.

Если вопросов нет, я бы предложил принять это сообщение к сведению.

ГОЛОСА: Правильно. Принять к сведению.

СТАЛИН: Из кандидатов в члены ЦК за этот же период выбыло, арестовано — 16 человек: Гринько, Любченко — застрелился, Еремин, Дерibas — японским шпионом оказался, Демченко, Калыгина, Семенов, Серебровский — шпионом оказался, Шубриков, Грядинский, Саркисов, Быкин, Розенгольц — немецким, английским и японским шпионом оказался.

ГОЛОСА: Ого!

СТАЛИН: Лепа, Гикало и Птуха...

Тоже после разбора всех материалов и проверки оказалось, что эти люди являются врагами народа. Если нет вопросов или возражений, я бы просил и этот вопрос принять к сведению.

ГОЛОСА: Одобрить.

АНДРЕЕВ: Есть предложение одобрить предложение Политбюро. Нет возражений?

ГОЛОСА: Нет».

Среди них, по-видимому, были и те лица, которые вместе с Пятницким и Каминским выступали против Сталина на предыдущем Пленуме ЦК.

Выступление Пятницкого на июньском Пленуме дало новый импульс уже разворачивающемуся делу о так называемой «антисоветской право-троцкистской организации в Коминтерне». Выс-

тупив открыто против Ежова, а следовательно, и его вдохновителя Сталина, Пятницкий тем самым определил себе место в этой организации в качестве ее руководителя. Кому принадлежит сценарий «коминтерновского» дела, пока точно неизвестно. Возможно, это продукт коллективного творчества Сталина, его соглядатая в Коминтерне Мануильского и ежовских следователей.

Не вызывает сомнения, что тот, кто составлял сценарий этого дела, хорошо знал специфику работы Коминтерна, функции людей, которые в нем работали, и их взаимоотношения между собой. Ежову же отводилась роль Малюты Скуратова, то есть простого исполнителя — заплечных дел мастера. Именно Ежову, а также его ведомству было поручено выбить из уже арестованных соратников Пятницкого по Коминтерну показания против него.

А маховик репрессий раскручивался все быстрее. Ускорение его вращению создавало Малое Политбюро ЦК ВКП(б).

На очередном Пленуме ЦК уничтожение старых большевиков продолжалось. Опять Сталин от имени Политбюро предложил Центральному Комитету узаконить арест и исключить из своего состава Баумана, Бубнова, Булина, Межлаука, Михайлова, Рухимовича, Рындина и Чернова.

Парадокс заключался в том, что все они, члены ЦК, без каких-либо возражений, единогласно исключали из своего состава своих товарищей и этим обрекали их, да и себя самих, на уничтожение.

Что при этом ими руководило? Страх? Именно он! Каждый из них посылал на заклание своих товарищей в тайной надежде, что беда обойдет его стороной. Они тряслись от страха за свою шкуру. А ведь все вместе могли бы остановить террор и обуздать диктатора и его опричников.

Но Сталин действовал предусмотрительно. Он отделялся от своих потенциальных противников постепенно, не сразу, а по частям. Поэтому всегда, парализованное страхом, большинство ЦК исключало меньшинство. Это чем-то напоминало действия удава, когда, парализованные страхом, кролики сами ползли ему прямо в рот.

Чтобы лучше понять события, развернувшиеся на июньском Пленуме, следует учитывать создавшееся к тому времени положение, что в тот период члены ЦК фактической власти не имели. Все решало Политбюро. А членам ЦК отводилось только механическое голосование, утверждающее решения, предварительно принятые Политбюро.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

Глава 13

Формирование «антисоветской контрреволюционной правотроцкистской организации» в Коминтерне

Разгром Коминтерна, надо полагать, Сталин задумал задолго до июньского Пленума ЦК партии. Почему? Вопрос риторический. По тем же причинам, которые продиктовали ему открытые «показательные» процессы над «троцкистско-зиновьевской оппозицией», над «военной оппозицией» в армии и другими судилищами.

В Секретном секторе, в так называемой «особой папке» секретариата Сталина, лежала целая стопка досье на всех бывших и новых руководящих работников международного коммунистического движения.

Задумывая разгром Коминтерна, Сталин не раз перебирал эти бумаги, подбирая фигурантов задуманного им процесса. Его участников он уже подобрал. Об этом говорили аресты деятелей Коминтерна, произведенные накануне Пленума.

Однако, скорее всего, Сталин не собирался сделать О. Пятницкого главной персоной задуманного им «коминтерновского дела» — уж слишком крупной и авторитетной фигурой он был в большевистской партии и в международном коммунистическом движении.

Пожалуй, помог случай — пламенное выступление Пятницкого на июньском Пленуме против сталинской политики, ликвидации завоеваний Октябрьской революции и приданию органам государственной безопасности (Ежову) чрезвычайных полномочий. Пятницкий как бы сам выбрал для себя место руководителя заговора. Он идеально вписывался в эту роль — старый большевик, правоверный ленинец, очень авторитетная и так ненавистная Сталину личность, вокруг которой можно раскрутить все «коминтерновское дело».

Ежов на Пленуме, конечно, перегнул, назвав Пятницкого агентом царской охранки. Ведь партия знала, что Пятницкий самостоятельно раскрыл ряд царских провокаторов. И материалы, подброшенные германской службой безопасности — СД, тоже не подходят. Никто не поверит в эти басни.

А вот в связи с Троцким и о поддержке Бухарина поверить могут все, и, главное, в зарубежных партиях. А это уже антисоветская деятельность.

О борьбе Пятницкого с Мануильским, соглядатаем Сталина в Коминтерне, и о пренебрежительном отношении к Димитрову знали многие. А эти оба деятеля были проводниками сталинской линии. Вот это и должно стать основой «заговора» — решил Сталин и дал соответствующие указания Ежову. И карательная машина закрутилась на полные обороты.

В середине 30-х годов Сталину была жизненно необходима поддержка Коминтерном и руководством национальных компартий предпринятой им чистки в партии советских коммунистов и государственном аппарате СССР. И он с помощью нового руководства Коминтерна: Димитрова, Мануильского, Тореза, Готвальда, Тольятти и других руководителей ИККИ — ее получил. С помощью этой команды в Коминтерне насаждается культ личности Сталина, как «отца народов», а заодно создается и культ Генерального секретаря Коминтерна — Г. Димитрова и культкии собственных вождей в национальных компартиях.

Развязанный Сталиным террор против собственного народа втянул в эту мясорубку и иностранных коммунистов. Он обрушился на Коминтерн и его аппарат, на иностранных коммунистов и политэмигрантов. Первыми его жертвами оказались польские коммунисты. Затем снежный ком репрессий прокатился по компартиям Венгрии, Югославии, Румынии, Австрии, Германии и Японии, то есть тех компартий, которые в своих странах находились под запретом или на полулегальном положении и правительства которых не протестовали против сталинских действий.

Наверняка сценарий «коминтерновского дела» создавался в Политбюро. Основным автором его был Сталин, но главным разработчиком кровавого сценария был Д. Мануильский. Судьба подбросила ему возможность расправиться со всеми своими недругами разом.

Но сейчас настало время рассказать об исполнителях сталинского плана, о его заплечных дел мастерах и «кухне» их «работы».

В 1937 году начались массовые аресты в Коминтерне. Брели одного работника, затем брали других за связь с ним. А все были между собой тесно связаны, встречались по работе, так что цепочка арестов не прерывалась.

Агентурная разработка и ведение следствия по делу работников аппарата Исполкома Коминтерна были поручены Третьему отделу Первого (контрразведывательного) отдела НКВД СССР. В этот период им руководил заместитель Ежова комиссар госбезопасности третьего ранга В.М. Курский. Позже на этом посту его сменил В.М. Минаев, а затем Николаев-Журид. Заместителями начальника отдела были Волынский, Осмоловский и Листенгурт, все в звании капитанов госбезопасности.

Третий отдел имел несколько отделений. Агентурным освещением Коминтерна, Профинтерна, Коммунистического интернационала молодежи (КИМа), Ленинской школы Коминтерна, Наркомата иностранных дел и издательства «Международная книга» занималось девятое отделение, затем переименованное в одиннадцатое.

Ему и было поручено ведение следственных дел арестованных деятелей из этих организаций и их подготовка к задуманному Сталиным новому открытому судебному процессу над так называемой «контрреволюционной антипартийной право-троцкистской и шпионской организацией в Коммунистическом Интернационале».

Одиннадцатое отделение возглавлял капитан госбезопасности Л.М. Полячек. Его заместителями были лейтенанты госбезопасности А.И. Лангфанг, Д.С. Шварцман, а позже Хотинский и Есипенко. Кроме них команду этого отделения составляли старшие и младшие оперуполномоченные: Тимощенко, Власов, Капуновский, Фомичев, Гедич, Копнова, Чижов, Ширманов, Николаев, Романов и Трифионов.

Это их руками истреблялся цвет международного коммунистического движения. Запомните их имена — основных карателей из волчьей стаи НКВД.

Вот схематическая картина той обстановки, в которую вводят нас материалы так называемого «Коминтерновского дела».

С июля 1937 года начальником Главного управления государственной безопасности (ГУГБ) НКВД и первым заместителем наркома внутренних дел страны Н. Ежова назначается Михаил Фриновский, ранее командовавший пограничными войсками и дивизией особого назначения им. Дзержинского.

Здесь уместно привести один интересный документ, объясняющий причину истязаний арестованных людей во время следствия:

«И.В. Сталин (Информационная телеграмма)

Совершенно секретно

*Секретарям обкомов,
крайкомов ВКП(б),
ЦК национальных республик,
наркомам внутренних дел,
начальникам управлений НКВД*

ЦК ВКП(б) разъясняет, что применение физического воздействия в практике НКВД было допущено с 1937 года с разрешения ЦК ВКП(б).

Известно, что все буржуазные разведки применяют физическое воздействие в отношении представителей социалистического пролетариата. И при том применяют в самых безобразных формах. Спрашивается, почему социалистическая разведка должна быть гуманна в отношении заядлых агентов буржуазии, заклятых врагов рабочего класса и колхозников.

ЦК ВКП(б) считает, что метод физического воздействия должен обязательно применяться и впредь, в виде исключения в отношении явных и не разоружившихся врагов народа, как совершенно правильный и целесообразный метод.

Сталин

13 января 1939 года»*

Официальное разрешение на применение пыток открыло дорогу еще большему разгулу террора, приведшему к фактической ликвидации прежней большевистской партии и значительной части кадров международного коммунистического движения. Об основных событиях «Великой чистки», последовавших за июньским Пленумом ЦК 1937 года, я расскажу ниже.

На июньском Пленуме ЦК было утверждено предложение Сталина о предоставлении Ежову (НКВД) чрезвычайных полномочий для борьбы с контрреволюцией. На основании этого ре-

* «Известия ЦК КПСС», 1989 г., № 3, с. 145.

шения 30 июля 1937 года Н. Ежов издал сразу два приказа: № 00446 и № 00447, в которых органам НКВД предписывалось раз и навсегда покончить с подлой подрывной работой против основ Советского государства.

Оперативный приказ № 00447 определял контингенты граждан, подлежащих репрессиям, порядок проведения операций, ведения следствия, вынесения приговоров и их исполнения, организацию руководства этими операциями и форму отчетности. В этом же приказе также определялись меры наказания к различным категориям граждан и количественный регламент подлежащих репрессиям по республикам и областям страны.

Уже 1 августа 1937 года последовало подписанное членом Политбюро ЦК ВКП(б), Председателем Совнаркома СССР В.М. Молотовым — вторым человеком в партийной номенклатуре — постановление Совета Народных Комиссаров СССР № 1244-280сс, по которому из резервного фонда страны отпускалось целевым назначением на реализацию указанных приказов Ежова — на «оперативные расходы» — 75 млн. руб., из которых 25 млн. руб. предназначалось использовать на оплату железнодорожного тарифа при перевозке арестованных и 10 млн. руб. — на организацию концлагерей и проведение подготовительных работ.

Причем этим же постановлением НКВД предписывалось использовать самих арестованных для подготовки себе места заключения (подготовительные работы к освоению программы 1938 года).

Оперативный состав и следовательский аппарат НКВД в центре и на местах не были готовы к осуществлению массовых операций, предложенных приказами наркома № 00446 и № 00447. Реакцию работников Московского управления НКВД на эти приказы наглядно иллюстрируют показания ответственного работника этого управления Аркадия Осиповича Постеля, сделанные им 11 декабря 1939 года (выписка из стенограммы допроса):

«...Фальсификация дел в Управлении НКВД Московской области началась летом 1937 года, когда был получен приказ бывшего наркома Ежова за № 00485 об аресте без всяких материалов или следственных данных целой категории поляков, главным образом польских политэмигрантов.

К этому периоду по установке Ежова и его окружения к арестованным применялись в тюрьмах в массовом порядке избиения,

приводившие к тому, что люди давали показания по фабрикованным следователями протоколам.

Я отношу первый период этой фальсификации к моменту получения из наркомата целого ряда протоколов поляков, польских эмигрантов, якобы польских шпионов и провокаторов.

В данном случае могу сослаться на протоколы Домбаля, Пшебышевского и других, которые в качестве образца бывшим наркомом Ежовым рассылались по областям. Целый ряд поляков, арестованных по этим протоколам, не имевших ничего общего с польской разведкой, под избиениями, как этого требовал наркомат, подтверждали принадлежность к ПОВ и другим шпионским и повстанческим организациям. И эта фабрикация дел на арестованных, в прошлом крупных людей, проводилась в Лефортовской тюрьме, где допросы вели ближайшие помощники Ежова — начальники отделов и управлений наркомата — и их помощники...

Когда в управлении области, вернее, в Третьем отделе зам. начальникам отделений был зачитан приказ Ежова об аресте абсолютно всех поляков, польских эмигрантов, бывших военнопленных, членов Польской коммунистической партии и др., это вызвало не только удивление, но и целый ряд кулуарных разговоров, которые были прекращены тем, что было доведено до сведения: приказ согласован со Сталиным и Политбюро ЦК ВКП(б) и что нужно поляков громить всюю...

Третий отдел и другие отделы, не имея у себя на учете всех проживающих в Москве польских эмигрантов и других поляков, стали проводить массовые аресты на основе учетных данных спецчастей секретных заводов и учреждений и выискивали тех, кто по личным делам и биографиям указан как польский эмигрант...

...Таким образом, вследствие этого приказа, в области появились сотни арестованных, на которых не только не было никаких материалов, но и у которых были документы при их аресте о том, что они ряд лет проживали в Польше, были в тюрьмах, по несколько лет отбывали там срок наказания и приехали сюда или по окончании отбывания наказания, или путем бегства, или в порядке обмена, или же с санкции польской секции Коминтерна...

...Выполнением этой операции в Третьем отделе занимались под руководством Наседкина все начальники отделений, их помощники, оперуполномоченные, из коих я помню следующих лиц: пом. начальника отдела Ракитин, начальник отделения Боломутенко, его помощник Соловейчук, нач. отделения Ориханов, его помощник Третьяков, начальник отделения Коверзнев, помощник

начальника отделения Изосимов, оперуполномоченный Зискинд, начальник отделения Андреев, начальник отделения Ремезов, оперуполномоченный Алексеев и весь остальной оперсостав, который был включен в операцию по полякам.

Согласно установке наркомата в лице Ежова, начальника Третьего отдела Минаева, начальника польского отделения наркомата Пасова и руководства области в лице начальника управления Реденса, его заместителей Радзивиловского, Лебедева, Якубовича, от арестованных стали требовать показаний о том, что они являются участниками антисоветской террористической организации ПОВ, провокаторами, шпионами, переброшенными польской разведкой для работы.

Большинство арестованных... отказывалось от этих показаний... и тогда было указано, что нарком Ежов дал санкцию избивать арестованных, не стесняться и добиваться их показаний.

В первый период этой операции, когда для избивания арестованных, содержащихся в Таганской тюрьме, требовалось разрешение руководства области, арестованные специально направлялись в Лефортовскую тюрьму, где можно было избивать арестованных сколько угодно. И избивания эти проходили на глазах бывшего наркома Ежова, его заместителя Фриновского, которые часто по ночам посещали Лефортовскую тюрьму и обходили следственные комнаты»*.

Аналогичные показания о раскрытии «контрреволюционных» организаций из коммунистов и политэмигрантов дал в то же время и ответственный работник центрального аппарата НКВД А.И. Осмоловский.

Ежов упивался данной ему властью. 30 июля 1937 года приказом Ежова, утвержденным Политбюро ЦК ВКП(б), в республиках, краях и областях были созданы «тройки», которым предоставлялось право рассматривать дела в отсутствие обвиняемых и выносить приговоры, вплоть до расстрела. Руководителями «троек» были начальники управления, а членами, соответственно, прокурор и партийный руководитель.

А несколько позже, 11 августа и 20 сентября 1937 года, также с одобрения Политбюро ЦК ВКП(б), приказами Ежова для внесудебного ведения дел были созданы пресловутые «двойки», состоявшие из местных руководителей НКВД и прокурора.

* Материалы проверки по делу Пятницкого И.А. Архивно-следственное дело № 967 466 (Р 4162), т. 4, л.д. 29—30.

Осенью этого же года Ежов, по-видимому, тоже с разрешения Комиссии по безопасности Политбюро (Малого Политбюро) и ее руководителя Сталина издал приказ руководящим работникам НКВД арестовывать детей расстрелянных партийцев и выносить им приговоры по тем же статьям, которые были применены и к их родителям.

Трудно в это поверить, но я знаю много случаев, подтверждающих эти директивные указания «железного наркома», как в то время называла Ежова «коммунистическая» пресса.

Мой старший брат Игорь, тогда ученик 10-го класса средней школы, был арестован в конце 1937 года, обвинен в создании террористической группы «Дети за отцов» и без суда получил 10 лет лагерей. Ему инкриминировалась подготовка террористического акта против членов Политбюро. Он пробыл в концлагерях 17 лет.

Многие из высших чинов НКВД на «коминтерновском деле» сделают себе головокружительную карьеру. Например, Лангфанг, Есипенко станут генералами госбезопасности; Шварцман, Николаев и Ушаков — полковниками. Другие: Фриновский, Минаев, Осмоловский, Волинский, Полячек.

Правда, позже они сами потеряют головы, пройдя весь путь до расстрельных подвалов, как и пресловутые «враги народа». Но это случится несколько позже, а пока им дана была категорическая установка доказать существование в аппарате Исполкома Коминтерна разветвленного антисоветского заговора.

Для достижения этой цели им разрешались любые методы. И они действовали в духе полученных директив. Арестованные подвергались зверским истязаниям и, сломленные нравственно и физически, начинали давать нужные для следствия показания.

Ведь человек, заключенный в каменный мешок камеры и совершенно изолированный от внешнего мира, очень скоро начинает сознавать, что полностью находится во власти своего следователя и его подручных и что деваться ему некуда. В этой обстановке, понуждаемый чудовищными мерами физического воздействия, любой человек, каким бы мужественным он ни был, рано или поздно ломается.

Технология допросов, разработанная руководством НКВД по предписанию и с одобрения партийной верхушки — Политбюро ЦК ВКП(б), действовала безупречно. Арестованные коммунисты, многие из которых до революции не раз бывали в царских застенках и держались там стойко, в руках «самого гуманно-

го» правосудия на Лубянке или в Лефортовской тюрьме «кололись» неизбежно.

О том, как это достигалось, сама суть технологии допросов и фабрикации антисоветских заговоров в нашей недавней советской действительности, весьма красочно и доходчиво раскрывается в материалах на некоторых руководителей и следственных работников НКВД, причастных к организации «коминтерновского дела», но арестованных позже и по другим мотивам, которые были приобщены к реабилитационному делу Пятницкого.

Так, Михаил Петрович Фриновский, бывший начальник Главного управления государственной безопасности, правая рука «железного наркома» Ежова и одна из самых зловещих фигур в аппарате карательных органов страны, в то страшное время, уже будучи сам арестованным, в своем заявлении от 11.04.1939 года на имя нового наркома НКВД Л. Берия писал:

«Следственный аппарат во всех отделах НКВД был разделен на «следователей-колольщиков», просто «колольщиков» и рядовых следователей.

«Следователи-колольщики» были подобраны в основном из заговорщиков или скомпрометировавших себя лиц, бесконтрольно избивали арестованных, в короткий срок добивались от них «показаний» и умели грамотно, красочно составлять протоколы допросов. Группа «колольщиков» состояла из технических работников, которые, не зная материалов дела, избивали арестованных до тех пор, пока они не начинали давать «признательные» показания. Протоколы не составлялись, делались заметки, а затем писались протоколы в отсутствие арестованных, которые корректировались и давались на подпись арестованным; тех, кто отказывался их подписать, вновь избивали.

При таких методах следствия арестованным подсказывались фамилии и факты; таким образом, показания давали следователи, а не подследственные. Такие методы Ежов поощрял.

Сознательно проводилась Ежовым неприкрытая линия на фальсифицирование материалов следствия о подготовке против него террористических актов, дошло до того, что угодливые следователи из числа «колольщиков» постоянно добивались «признания» арестованных о мнимой подготовке террористических актов против Ежова»*.

* Материалы проверки по делу И.А. Пятницкого. Архивно-следственное дело № 967 466 (Р 4162), т. 3, л.д. 114—115.

Таким образом, совершенно ясно, что следователи сами составляли черновики допросов, которые затем шли на корректировку начальникам соответствующих отделений и от них, еще не подписанные, на просмотр Ежову или, в редких случаях, Фриновскому, которые вносили в них свои дополнения и изменения. Если же арестованные не соглашались с подобной корректировкой и отказывались их подписывать, то им напоминали о «колольщиках», и в большинстве случаев подследственные после этого подписывали любые протоколы допросов.

Таким же методом следователи добивались согласия арестованных не менять своих показаний на очных ставках и на судебных процессах. Если же арестованные отказывались от своих прежних показаний или не соглашались подтверждать подсовываемые следствием версии, то следовало указание руководства о «восстановлении» прежнего протокола, а это означало новые истязания арестованного до их согласия подтвердить прежние ложные показания.

Ежов и Фриновский всячески поощряли эту технологию фальсификации следственных дел. Подобная кухня использовалась при организации всех «контрреволюционных» заговоров и судебных процессов по ним, происходивших в нашей стране в 30-е годы.

Следует подчеркнуть: все это вершилось не какими-нибудь маньяками, специально подобранными извергами и садистами. Нет, в НКВД работали обыкновенные, «простые советские люди». Палачами, негодьями и мерзавцами их делала система, сталинская внутренняя политика страха.

Тогда же, 11 апреля 1939 года, арестованный М. Фриновский раскрыл «механизм проведения очных ставок». Он показал, что оперативники НКВД тщательно и всесторонне готовили к ним арестованных, обсуждая с ними возможные вопросы и ответы на них, подгоняя новые показания под ранее полученные, запутывая и запугивая подследственных. Таким образом, перед членами партийного руководства, участвующими в очных ставках с подследственными, представляли, как правило, уже сломленные морально люди, вынужденные клеветать и на себя, и на своих товарищей.

В 1936—1937 годах, показал Фриновский, в очных ставках на «высшем уровне» участвовали секретари ЦК ВКП(б) Л. Каганович и Н. Ежов и члены Политбюро В. Молотов, К. Ворошилов и А. Микоян.

Ежов лично заботился о том, чтобы в показаниях подсудимых не было разногласий. С проявившими строптивость расправлялись физически*.

А вот данные, представленные майором ГУГБ, зам. начальника управления НКВД по Московской области, председателем «тройки» НКВД. Он показал, что поступило письменное приказание М. Фриновского «приговаривать к расстрелу даже на основании косвенных свидетельских показаний или просто непроверенных агентурных данных».

«Во время проведения массовых операций 1937—1938 годов по изъятию поляков, немцев, латышей и других национальностей, аресты производились без наличия компрометирующих материалов».

В этой связи лишь один политический портрет «мясника и костолома» из НКВД тех лет М.П. Фриновского.

ФРИНОВСКИЙ Михаил Петрович. Родился в 1898 году в поселке Краснослободка Пензенской губернии в семье учителя.

В 1916 году был призван в армию, из которой вскоре дезертировал. В июне 1917 года принимал участие в волнениях в Петрограде. В октябре 1917 года участвовал в Московском вооруженном восстании, был ранен. В 1918 году вступил в ряды партии большевиков. Участвовал в гражданской войне на Восточном фронте — командир эскадрона. С августа 1919 года начал службу в ВЧК — сотрудник особого отдела Галицкой армии и Первой Конной армии (Юго-Западный фронт). В 1923 году награждается орденом Красной Звезды.

В 1925—1927 годах — начальник пограничной и внутренней охраны Черноморского побережья Северокавказского края. В 1927 году закончил курсы усовершенствования высшего командного состава при Военной академии имени Фрунзе. В 1928—1930 годах — командир и одновременно военком дивизии ОГПУ имени Дзержинского. В 1930—1933 годах — председатель ОГПУ Азербайджанской ССР.

В апреле 1933 года переводится в Москву на руководящую работу и назначается начальником Главного управления пограничных войск и заместителем председателя ОГПУ СССР. В но-

* Материалы проверки по делу И.А. Пятницкого. Архивно-следственное дело № 967 466 (Р 4162), т. 3, л.д. 114—115.

ябре 1935 года ему присваивается воинское звание комкора. В июне 1936 года он награждается орденом Ленина. 15 апреля 1937 года его назначают первым заместителем наркома внутренних дел СССР и начальником Главного управления государственной безопасности НКВД СССР. Это назначение совпадает с началом публичного процесса над военными, так называемой «антисоветской троцкистской военной организации», инициаторами которого являлись Сталин, Ворошилов и Ежов. Фриновский принимал в его организации самое активное участие.

В июле 1938 года Фриновский вместе с начальником Политуправления РККА Львом Мехлисом, сменившим на этом посту Гамарника, направляется на Дальний Восток для чистки командного состава Особой Дальневосточной армии и Тихоокеанского флота от «врагов народа».

В сентябре 1938 года Фриновскому присваивается воинское звание командарма 1-го ранга, и он назначается наркомом Военно-Морского Флота СССР. В 1939 году он участвует в качестве делегата в работе XVIII съезда партии.

6 апреля 1939 года Фриновский был арестован органами НКВД как «враг народа». Ему инкриминировали руководство организацией правых заговорщиков в органах НКВД, к которой он примкнул в 1929 году, и шпионаж в пользу польской и японской разведок. В обвинительном заключении говорилось также, что он, стремясь к захвату власти, готовил вооруженное восстание и совершение террористических актов против руководителей партии и Советского правительства.

Виновным себя признал (понятно, какими «методами» из него выбили эти «показания». — В.П.). Показания, данные на предварительном следствии, полностью подтвердил. 3 февраля 1940 года осужден Военной коллегией Верховного суда к высшей мере наказания и в тот же день расстрелян*.

А вот Ежов, когда его постигла та же участь, никакой вины за собой не признавал. Наоборот. В своем последнем слове на судебном заседании Военной коллегии Верховного суда СССР от 3 февраля 1940 года он ставил себе в заслугу разгром шпионских и контрреволюционных организаций. Он, в частности, заявил:

«Придя в органы НКВД, я первоначально был один. Помощника у меня не было. Я вначале присматривался к работе, а затем

* Справка по архивно-следственному делу № 975181 на Фриновского М.П.

начал свою работу с разгрома польских шпионов, которые пролезли во все отделы органов ЧК. В их руках была вся советская разведка... После разгрома польского шпионажа я сразу же взялся за чистку контингента перебежчиков»*.

В обстановке следственного произвола в НКВД прокурорский надзор был фактически сведен на нет. Честные работники прокуратуры, отказывающиеся заводить фальсифицированные уголовные дела, изгонялись с работы и репрессировались. А вот Генеральный прокурор страны А.Я. Вышинский активно включился в «охоту на ведьм», провозглашенную Сталиным и его партийной кликой. Таким он и войдет в советскую историю — палачом своего народа.

Заместитель Вышинского Рогинский, напутствуя работников центрального аппарата НКВД, разъяснял им, что «в связи с большими делами (он имел в виду раскрытие право-троцкистских и иных контрреволюционных организаций. — В.П.) сейчас не до «реверансов», т.е. не до скрупулезного выполнения норм Уголовно-процессуального кодекса», что «этим делом мы будем заниматься после того, как очистим Советский Союз от троцкистов, правых и прочих контрреволюционных антисоветских элементов».

По иронии судьбы, сам Рогинский вскоре скоропалительно, без соблюдения требований Уголовно-процессуального кодекса, превратится в контрреволюционера, будет осужден как «враг народа» и расстрелян.

Ведение следственных дел Пятницкого, Кнорина, Мельникова, Крестинского и некоторых других арестованных коммунистов поручается заместителю начальника одиннадцатого отделения А.И. Лангфангу.

Мне не дает покоя сознание того, что этот палач, истязавший на допросах моего отца, уже старого человека, истинного коммуниста, благополучно прожил свою подлую жизнь, закончил ее в роскошной квартире на улице Горького, а я не нашел возможности и сил проникнуть к нему в дом и задушить эту тварь собственными руками...

Вот его биография и «послужной список».

ЛАНГФАНГ Александр Иванович, 1907 года рождения, уроженец Бреста, русский, образование низшее. Чернорабочий-бе-

* «Московские новости». 1994. № 5.

тонщик, слесарь. В 1925 году призывается в Красную Армию. Там же вступает в партию (поразительная деталь, которая бывает только в реальной жизни: рекомендацию в партию ему дала первая жена Пятницкого Нина Маршак, арестованная почти одновременно со своим первым мужем). Армейскую службу Лангфанг проходил в военном трибунале дивизии. После демобилизации — на комсомольской работе.

С 1937 года — по комсомольскому набору в органах НКВД. Сразу назначается заместителем начальника девятого отделения Третьего отдела (контрразведка) ГУТБ НКВД. В конце 30-х годов — секретарь партбюро отдела.

Лангфанг принимал самое непосредственное участие в истреблении руководящих кадров международного коммунистического и рабочего движения.

Вел дела замнаркома иностранных дел Н. Крестинского, бывших руководителей Коминтерна О. Пятницкого, В. Кнорина, руководителя службы связи Коминтерна Б. Мельникова, руководителя КИМа В. Чемоданова, известного журналиста Михаила Кольцова и многих других. Убил на допросе секретаря Интернациональной контрольной комиссии, лидера эстонских коммунистов Я. Анвельта.

В конце 30-х годов при смене руководства НКВД и во время очередной чистки аппарата органов безопасности Лангфанг уцелел и остался в кадрах этой организации. За особые заслуги он был переведен в Отдел внешней разведки НКВД, стал куратором Наркомата иностранных дел — вживался в образ, затем до июня 1941 года — резидент разведки НКВД в Греции. Когда началась Великая Отечественная война, вернулся в Советский Союз и был назначен начальником Дальневосточного отдела разведки, затем — старшим советником по делам госбезопасности при правительствах Монголии и Китая, передавал советский опыт борьбы с оппозицией.

Дослужился до звания генерал-лейтенанта. «За особые заслуги перед Родиной и народом» награжден боевыми орденами: двумя орденами Красного Знамени и двумя орденами Красной Звезды.

С начала 50-х годов — заместитель начальника управления КГБ при Совете Министров СССР по Красноярскому краю.

В 1955 году арестован «за фальсификацию уголовных дел и истязания арестованных»*.

* «Московские новости». 1994. № 5.

И здесь пока я ставлю точку. Но биография этого античеловека мною еще будет дописана в своем месте, как ни омерзительно заниматься подобным «жизнеописанием»...

А теперь о главном сценаристе «коминтерновского дела». До сих пор неизвестно, кто конкретно стоял за этим замыслом. Однако у меня есть своя версия: этим человеком был Дмитрий Мануильский, давний недоброжелатель Пятницкого. По крайней мере, на всех документах, санкционирующих аресты коминтерновцев, стоит подпись именно Мануильского. Без его подписи никто из работников Коминтерна не мог быть взят под стражу.

Как вспоминала Серафима Гопнер:

«Отношения между Пятницким и Мануильским складывались сложно. Внешне они были соратниками по делу и товарищами по работе. А подспудно Мануильский очень завидовал непреклонному авторитету Пятницкого в Коммунистическом Интернационале и очень переживал, что большинство его инициатив и предложений постоянно разбивалось о логические аргументы Пятницкого, которого неуклонно поддерживало большинство руководства Коминтерна и национальных компартий.

Поэтому, увидев в Димитрове своего потенциального сподвижника, Мануильский сразу же по прибытии Димитрова в Москву подверг его тщательной опеке и обработке. Хорошо зная Димитрова по его предыдущей работе в Москве в различных международных организациях и в Среднеевропейском секретариате ИККИ и имея на него определенное влияние, он считал, что, выдвинув Димитрова на руководящую должность в Коминтерне, он сможет нейтрализовать Пятницкого и поддерживающих его Кнорина, Куна, Бронковского, Ван Мина, Пика, Абрамова, Васильева и других авторитетных работников Исполкома и руководить действиями Димитрова по своему усмотрению.

Мануильский был человеком Сталина, его надсмотрщиком в Коминтерне».

Не мог же, в самом деле, малограмотный и молодой Лангфанг знать все перипетии истории международного коммунистического движения так хорошо, как это зафиксировано в «материалах следствия». По ним поистине можно написать всю историю Коминтерна, причем не только его центрального аппарата, но и многих компартий в отдельности.

Перебирая всех руководителей Коминтерна, способных выполнить эту грязную работу, кроме честолюбца Мануильского, «весельчака и балагура» (по определению людей из его окружения), подлого и двуличного завистника, который терпеть не мог О. Пятницкого и, начиная с конца 20-х годов, всячески травил и интриговал против него, я не вижу другой фигуры, которой оказалось бы под силу осуществить это пакостное дело...

...Но я забежал вперед.

Вернемся к событиям, которые начинаются сразу после июньского Пленума ЦК ВКП(б). На Пленуме после выступления Пятницкого Сталин не решается тут же арестовать его — как других участников неудавшегося «заговора». Он был отправлен под домашний арест на две недели — «обдумать» свой ответ на те «обвинения», которые предъявил ему Ежов.

А в это время допросы арестованных не прерываются ни на минуту. Следователи меняются, а их жертвы постоянно находятся в обработке. Им не дается ни мгновения для отдыха. Вспомним признательное заявление заместителя наркома НКВД Фриновского: «колольщики» выбивают показания, «следователи-колольщики» их оформляют, подсовывая заготовленные заранее тексты, фамилии их соучастников и руководителей, различные эпизоды их «преступной деятельности». Если допрашиваемые теряют сознание и их требуется привести в чувство, то сразу же появляется «чекист» в белом халате, «объект обработки» приводится в чувство, и «допрос» продолжается.

Что делали «следователи-колольщики» и каким физическим истязаниям подвергались Александр Абрамов-Миров, Людвиг Мадьяр и десятки других арестованных коммунистов, пока выяснить не удалось — в архивах соответствующих документов не обнаружено. Я могу только предполагать это по тем фактам, которыми располагаю на сегодняшний день. Известно, что руководителю Компартии Литвы З. Алексе-Ангаретису «колольщики» перебили позвоночник, и он не мог стоять. Судили и казнили его в лежачем положении.

Через два дня, после того как Пленум ЦК выразил Пятницкому политическое недоверие, 28 июня 1937 года был арестован Бела Кун. Они с Пятницким были давними близкими друзьями и соратниками по работе в Коминтерне. Правда, в последнее время Бела Кун, как и Пятницкий, уже был выведен из Коминтерна и работал директором издательства социально-экономической литературы.

Обычно Сталин, намечая какого-либо политического деятеля к физическому устранению, сначала переводил его на второстепенную работу, а уже потом, через некоторое время, уничтожал выбранную жертву. Так было с Бухариным и Рыковым, так произошло и с Ягодой, а позднее с самим Ежовым. Так случилось и с Белой Куном.

Весьма характерно для «отца всех народов»: за день до ареста Бела Куна Сталин позвонил ему и попросил дать опровержение журналисту французской газеты, которая, дескать, дезориентировала общественность сообщением об аресте в Москве лидера венгерских коммунистов, то есть его, Бела Куна. Просьба вождя была выполнена, и на другой день Бела Куна арестовали.

Что делали с арестованными коммунистами сталинские опричники, читатель уже знает. Но современникам, рядовым членам партии в те страшные годы тем не менее было совершенно непонятно, как эти профессиональные революционеры, прошедшие до этого тюрьмы и войны, сами писавшие для коммунистов всего мира наставления о том, как надо вести себя перед следствием и судом, могли сознаваться в том, чего никогда не делали, и оговаривать при этом товарищей по работе.

Уже 1 июля 1937 года был проведен допрос Бела Куна, на котором следователь заставлял его стоять на одной ноге. Вторая его нога была подвязана в согнутом положении. Так продолжалось более 25 часов. Нога опухла. Кун терял сознание, падал, тогда его обливали холодной водой и допрос его продолжался. После этого в полусознательном состоянии он подписал подготовленный следствием протокол так называемого допроса. В этом протоколе было сказано о его антисоветской деятельности, проводившейся совместно с Пятницким, Кнориным, Абрамовым-Мировым, Бронковским, Ленским и другими.

Помимо указанных выше лиц, в протоколе, подписанном Белой Куном, он назвал как участников контрреволюционной организации Пятницкого — Кнорина также следующих лиц:

1. Эберлейна — члена ИККИ, одного из руководителей примиренцев в КПГ, главного финансового агента Пятницкого за границей;
2. Карельского — референта Среднеевропейского секретариата ИККИ, ближайшего доверенного лица Кнорина;
3. Крепса — заведующего издательством иностранных рабочих;

4. Смолянского — заместителя Кнорина по Среднеевропейскому секретариату ИККИ;
5. Смолянского (однофамильца) — бывшего представителя исполнительного бюро Профинтерна в Европейском секретариате ИККИ;
6. Мифа — бывшего работника аппарата Коминтерна;
7. Шваба — бывшего работника аппарата Коминтерна, референта по делам КПГ;
8. Раймана — функционера Компартии Чехословакии;
9. Степанова-Лебедева — заместителя заведующего Романским секретариатом ИККИ, являвшегося основным связующим звеном Пятницкого с Французской компартией;
10. Меринга — представителя Компартии Эстонии в Коминтерне.

На том же допросе Бела Кун заявил, что он подозревает в принадлежности к организации Пятницкого — Кнорина также следующих лиц:

1. Глезера — заведующего секретной радиостанцией ИККИ, находившейся в г. Пушкино;
2. Гринберга — сотрудника редакции журнала «Большевик»;
3. Мертенс (Греты Вильде) — сотрудницы аппарата ИККИ;
4. Питермана — секретаря Эрколли;
5. Линдерута — одного из руководителей Компартии Швеции;
6. Чернина — сотрудника бюро печати ИККИ;
7. Бойземахера — функционера Компартии Голландии, редактора газеты «Трибуна»;
8. Густы (Гросса) — функционера Компартии Венгрии.

По показаниям Бела Куна, данным на допросе, группа Пятницкого—Кнорина примыкала к существовавшей в аппарате Коминтерна нелегальной группе зиновьевцев и бухаринцев, к которой принадлежали Мадьяр, Сафаров, Вуйович, Лепешинская (зиновьевцы), Идельсон и Грольман (бухаринцы) и некоторые другие (идет перечисление имен).

На том же допросе Бела Кун показал, что основными задачами, которые преследовала группа Пятницкого — Кнорина, являлись:

1. Создание разветвленного антикоминтерновского подполья в коммунистических партиях и аппарате ИККИ под прикры-

тием двурушнической тактики внешнего согласия с линией и директивами ЦК ВКП(б).

2. Недопущение к руководству Коминтерном подлинных проводников линии ЦК ВКП(б), подрыв их авторитета и влияния.
3. Срыв политики единого народного фронта и проведение троцкистской и бухаринской политики в вопросах международного рабочего движения.
4. Подрыв авторитета и влияния ЦК ВКП(б) и саботаж директив и указаний Политбюро ЦК ВКП(б).
5. Консолидация и объединение для борьбы против линии Коминтерна и ЦК ВКП(б) различных группировок и фракций в коммунистических партиях.

Вильгельм Кнорин, арестованный 22 июня 1937 года, в течение недели подвергся интенсивной физической обработке и к 29 июня уже был полностью деморализован.

Следователь А.И. Лангфанг, в то время лейтенант госбезопасности, в чьи руки была отдана судьба коммуниста Кнорина, истязал его, добиваясь признаний в том, что требовалось следствию.

По свидетельству А.С. Темкина, «следователь-колольщик» Лангфанг со своими подручными пытал В. Кнорина паяльной лампой, выжигая живое мясо на спине подследственного, добиваясь оговора себя и своих друзей. Арон Семенович Темкин в апреле 1963 года рассказал мне, что однажды по недосмотру охраны он в душевой увидел Кнорина без одежды. Вся спина его была сожжена и были видны кости скелета. Кнорин сам рассказал Темкину о паяльной лампе...

Что следствие делало с А. Абрамовым-Мировым, Л. Мадыром и другими фигурантами намечаемого процесса по так называемому «коминтерновскому делу», мне неизвестно. Но по приведенным выше фактам можно догадаться.

У меня, когда я пишу эти строки, сжимается сердце от сострадания к этим людям, тем более что многих из них я знал лично.

Физические истязания арестованных в НКВД применялись широко, что, естественно, давало свои результаты.

Надо было спешить. Пленум ЦК определил Осипу Пятницкому две недели для подготовки оправданий. Сталин дал Ежову этот же срок для подготовки и предъявления Пятницкому обвинений, которых он не смог бы опровергнуть. Срок этот истекал 6 июля. Времени оставалось в обрез. И «чертово колесо» следствия закрутилось на полные обороты.

29 июня, как уже выше говорилось, Кнорин сломался и написал на имя руководства НКВД заявление, которое подготовило ему следствие.

30 июня аналогичное заявление руководству Лубянки подписал и Бела Кун.

Шла усиленная обработка и других арестованных, из показаний которых следствие спланировало состав антисоветской антикоминтерновской организации в Коминтерне.

1 июля 1937 года Кнориным были написаны «собственноручные» показания (протокола «допроса», подписанного им накануне, «колольщикам» показалось недостаточно), в которых он, в частности, писал, что контрреволюционная организация в Исполкоме Коминтерна, возглавлявшаяся Пятницким и состоявшая из него — В.Г. Кнорина, С.И. Гусева, Белы Куна, Б.А. Васильева, Г. Костаняна, А. Абрамова-Мирова и других, которые под маской разногласий по партийно-политическим вопросам и недовольства деятельностью пришедших к руководству Коминтерном Мануильского и Димитрова, вела контрреволюционную борьбу против сталинской тактики в Коминтерне, подрывала и дискредитировала тактику единого фронта, разлагала братские компартии и насаждала в них сектантские группы.

Согласно показаниям Кнорина, эта вражеская деятельность проводилась по прямым директивам Троцкого, Зиновьева, а также Бухарина.

Кнорин «показал», что антикоминтерновская организация существовала, начиная с 1929 года, и что он, Кнорин, был завербован в организацию весной 1931 года Пятницким.

Далее в «собственноручных» показаниях Кнорина говорилось, что антикоминтерновская организация имела свои филиалы в братских компартиях, которые составлялись из оппортунистических троцкистских элементов (Эверт, Эберлейн, Герхард (Г. Эйслер)*, Гейнрих (Г. Зюскинд) — в Компартии Германии; Мюллер — в Компартии Швейцарии; Томан — в Компартии Австрии; Рейман — в Компартии Чехословакии).

И далее: антикоминтерновская организация использовала в своей вражеской деятельности многих лиц, являющихся агентами разведок капиталистических стран. Так, со слов Неймана, Кнорину было «известно», что Нейман поддерживал конспиративную связь с начальником Рейхсвера генералом Гаммерштейном и начальником штаба Рейхсвера генералом Шлейхером.

* В скобках — подлинные фамилии.

Кнорин указывает далее в своих «показаниях», что с момента прихода к власти в Германии фашистов в работе Исполкома Коминтерна большую роль играла антифашистская и антивоенная комиссия, возглавлявшаяся Белой Куном, который подбирал сотрудников для этой комиссии сплошь из враждебных Коминтерну право-троцкистских шпионских элементов (троцкист Мадьяр, сторонник Неймана Курт Зауэрланд, примиренцы Дитрих и Гейнрих и др.).

Из числа заграничных группировок, с которыми имела связь антикоминтерновская организация, Кнорин «особенно выделяет» так называемый заграничный центр — организацию Мюнценберга, которую он называет сосредоточием всех и всяческих контрреволюционных и шпионских элементов, связанных с разведками ряда капиталистических стран и так называемым IV Интернационалом Троцкого.

Согласно «показаниям» Кнорина, примерно с 1933 года, после открытого перехода ряда работников Коминтерна в IV Троцкистский Интернационал, участникам антикоминтерновской организации была передана директива о создании в недрах Коминтерна законспирированного филиала IV Интернационала с тем, чтобы, с одной стороны, разваливать иностранные компартии, а с другой — овладеть аппаратом Коминтерна и в нужный момент поставить его на службу IV Троцкистскому Интернационалу.

Далее Кнорин «признавался» в том, что накануне VII Конгресса Коминтерна, начиная с весны 1934 года, антикоминтерновская организация, и особенно Пятницкий, он (Кнорин), Бела Кун и Васильев, стали проводить линию на дискредитацию Димитрова, которого, как стало известно, ЦК ВКП(б) намечал включить в руководство Исполкома Коминтерна*.

Вот такие «собственноручные» признания написал Кнорин, лежа на арестантской койке с прожженной паяльной лампой до ребер спиной...

Сохранился в архиве и еще один документ, подписанный Вильгельмом Кнориным раньше, 29 июня 1937 года. Вот несколько выдержек из него:

Он «считает необходимым раскаяться перед партией и Советской властью в совершенных им в течение ряда лет тяжелых преступлениях»; он «еще в 1920 году примкнул к бухаринской буферной платформе, а затем — перед X съездом к троцкистс-

* Приводится по материалам справки по архивно-следственному делу № 967 500 на Кнорина В.Г. от 15.02.1955 года.

кой оппозиции»; после X съезда он «отошел от троцкизма и в дальнейшем до 1927 года политических колебаний не имел».

Политические колебания у него появились вновь летом 1927 года в бытность работы секретарем ЦК КП Белоруссии, когда под влиянием внешнеполитических осложнений (убийство Войкова, разрыв дипломатических отношений с Англией) у него возникли и начали развиваться правооппортунистические взгляды, суть которых сводилась к тому, что Советской власти в случае войны не удержаться.

В своем заявлении Кнорин сообщил, что, работая в Белоруссии, он вступил в антисоветскую организацию, одним из главнейшей которой являлся Червяков и которая ставила перед собой задачу: отделение Советской Белоруссии от СССР и образование буферной буржуазно-демократической республики под протекторатом Польши.

Кнорин указал в своем заявлении, что, позднее, он являлся участником троцкистской группы, существовавшей в Исполкоме Коминтерна, где проводил подрывную работу по срыву единого фронта.

Будучи заведующим Среднеевропейским секретариатом Исполкома Коминтерна, он проводил вражескую работу, направленную на разложение компартий Польши и Германии, поддерживал борьбу немецких оппортунистов, примиренцев и троцкистов против Тельмана.

Кнорин указал также, что враждебную работу он проводил совместно с троцкистской группой в Коминтерне, возглавлявшейся Пятницким и Абрамовым-Мировым, который поддерживал непосредственную связь с Троцким.

В заключение своего заявления Кнорин писал, что обязуется на следствии подробно рассказать о преступной деятельности, проводившейся им и связанными с ним лицами*.

А «следственная» машина продолжала безотказно и напряженно работать.

*Из «заявления» Бель Куна руководству
НКВД СССР от 30 июня 1937 года:*

«Будучи арестован в ночь на 28 июня 1937 года, я пришел к убеждению, что должен сказать следствию всю правду относи-

* Приводится по материалам приобщенной к реабилитационному делу Пятницкого И.А. справки по архивно-следственному делу № 967 500 на Кнорина Вильгельма Георгиевича.

тельно своей нелегальной антикоминтерновской антисоветской работы и аналогичной работы других, связанных со мной лиц».

Далее Кун кратко излагает, что он в конце 1933—начале 1934 года примкнул к нелегальной группе Пятницкого и Кнорина, которая проводила активную работу против ЦК ВКП(б), особенно в области организации международного рабочего движения*.

28 июня 1937 года вызывается на допрос Людвиг Мадьяр. Он был арестован еще 29 декабря 1934 года, как активный участник антисоветской зиновьевской террористической организации и осужден ОСО* НКВД на пять лет исправительно-трудовых лагерей. Но в начале 1937 года был вновь доставлен в Москву для доследования по вновь открывшимся обстоятельствам, и следствие в его отношении было возобновлено. По новому делу ему инкриминировалось выполнение на протяжении ряда лет антисоветских заданий «врага народа» Зиновьева и ведение активной работы по организации антисоветских и антикоминтерновских групп с целью захвата руководства в Коминтерне троцкистами и пропаганду террористических методов борьбы против руководства ВКП(б) и Советского правительства. До июня 1937 года фамилия Пятницкого в его деле не упоминалась.

Теперь же Л. Мадьяра и его дело приобщили к делу Пятницкого и «возглавляемой им» антикоминтерновской организации в Коминтерне.

28 июня 1937 года Мадьяра после соответствующей физической обработки вызвали на допрос. Вот выдержки из протокола этого «допроса»:

ВОПРОС: С кем из руководящих работников Коминтерна Вы были близко связаны?

ОТВЕТ: Наиболее близко я был связан с Пятницким, с которым я был знаком с 1922 года. Личные отношения с Пятницким у меня особенно укрепились с 1930 года во время работы в аппарате Коминтерна, после моего официального отхода от зиновьевцев.

ВОПРОС: Пятницкий знал о том, что Ваш отход от зиновьевцев является только формальным и двурушническим, и что Вы продолжаете сохранять свои взгляды и бороться против партии?

* Приводится по материалам протокола осмотра архивно-следственного дела № 957 832 на Куна Белу Морисовича, приобщенного к реабилитационному делу Пятницкого И.А.

** ОСО — Особое совещание НКВД.

ОТВЕТ: Да, Пятницкий знал о том, что мой отход от зиновьевцев является только двурушническим маневром и что в действительности я сохраняю свои взгляды и продолжаю борьбу. В разговорах с Пятницким я неоднократно и открыто высказывался против линии Коминтерна и ВКП(б), естественно, больше затрагивая вопросы Коминтерна, так как мои откровенные высказывания против линии Коминтерна и ВКП(б) имели место на почве деловых разговоров относительно тех или иных деловых вопросов коминтерновской работы. Я знал, что Пятницкий меня не выдаст, поэтому, помимо откровенных разговоров с Пятницким, я, находясь в разное время за границей, в 1932, 1933, 1934 годах, писал постоянно свои письма Михаилу (коминтерновский псевдоним Пятницкого. — В.П.), где подвергал резкой критике линию Коминтерна и ВКП(б). Я знал о том, что если даже Пятницкий не сумеет протолкнуть поставленных мной вопросов в желательном для меня духе, то он, во всяком случае, меня не выдаст. В противоположность этому в беседах, например, с Куусиненом, который требовал откровенности и говорил, что в разговоре нужно опасаться впасть в уклон, я держался крайне осторожно. Пятницкий знал также, что я поддерживаю связь с Зиновьевым и отчасти с Радеком. Зная мои высказывания и письма к нему (направленные против линии Коминтерна и ВКП(б)), Пятницкий, конечно, прекрасно понимал, что эта связь, в особенности с Зиновьевым, носит политический характер. В 1933 году Пятницкий даже указывал мне, что моя связь с Зиновьевым может представлять для меня опасность и что лучше с Зиновьевым не встречаться, однако он не предложил мне прекратить связь с Зиновьевым и знал о моих встречах с Зиновьевым и в последующем.

ВОПРОС: Почему вы не опасались устно и письменно высказывать Пятницкому свои взгляды, направленные против Коминтерна и ВКП(б), и обнаруживать этим, что Вы двурушничаете и продолжаете борьбу против партии? Чем объяснить, что Вы не конспирировали перед Пятницким своей связи с Зиновьевым?

ОТВЕТ: Дело в том, что в процессе общения с Пятницким я на основании его высказываний в беседах со мной в отношении к целому ряду вопросов установил следующее:

1. Наличие у Пятницкого совершенно определенных симпатий к Зиновьеву и Бухарину, и желание их возвращения на руководящую работу в Коминтерн.

2. Определенная организационная политика Пятницкого, направленная к привлечению в аппарат Коминтерна и сохранению в этом аппарате зиновьевцев и бухаринцев.

3. Недовольство Пятницкого существующим, по его мнению, «культом личности» в отношении Сталина. Из этого я делал вывод о том, что и политически, и организационно у Пятницкого было отличающееся от партии (в положительном для зиновьевцев и бухаринцев смысле) отношение к Зиновьеву и Бухарину и средняцким кадрам зиновьевцев и бухаринцев.

Относительно существования организационного контакта между Зиновьевым и Пятницким я не знал, так как ни тот ни другой мне об этом не говорили, однако на основании того, что я в отношении Пятницкого установил, я считал возможным, постепенно прощупывая его, сделаться с ним вполне откровенным и высказываться против линии Коминтерна и ВКП(б), несмотря на то что я официально декларировал свое полное согласие с линией партии и разрыв с Зиновьевым. Наряду с этим я должен указать, что Зиновьев мне неоднократно говорил о том, что он встречался с Пятницким (встречи относились к 1929—1934 годам).

При этом Зиновьев не говорил мне о сущности ведущихся разговоров, ограничиваясь только указанием на то, что встречи не были заранее обусловлены и разговоры не несли глубокого характера. Зиновьев с моих слов знал, что я перед Пятницким открыто выступаю против линии Коминтерна и ВКП(б), и о высказываниях Пятницкого, сущность которых я указал выше. Об осторожности в отношении Пятницкого Зиновьев меня никогда не предупреждал. Повторяю, что Зиновьев мне никогда не говорил о том, что у него есть организационный контакт с Пятницким, однако он неоднократно отзывался о Пятницком весьма положительно, указывая, что этот человек «знал старые времена и поэтому не может быть доволен существующим положением».

Как я, так и Зиновьев, конечно, понимали, что пребывание Пятницкого на руководящей работе в Коминтерне чрезвычайно выгодно для нас, зиновьевцев, и открывает для нашей работы большие перспективы.

ВОПРОС: Приведите факты, доказывающие данные вами в общей форме показания об отношении Пятницкого к зиновьевцам и бухаринцам.

ОТВЕТ: Во время неоднократных бесед с Пятницким, в которых я откровенно высказывался против линии Коминтерна и ВКП(б), у Пятницкого иногда вырывались прямые замечания, свидетельствующие о его симпатиях к Зиновьеву и Бухарину и недовольство руководством ВКП(б) и Сталиным. Я помню, например, сделанные в разное время в беседах со мной следующие за-

явления Пятницкого: «Если бы Зиновьев и Бухарин пришли в Коминтерн, они бы нам помогали... Раньше этого никогда не было, теперь вокруг Сталина возник «культ личности»... Все клянутся генеральной линией и смотрят в рот» и т.п.

Характерным было поведение Пятницкого, когда я устно или в письмах к нему открыто выступал против линии Коминтерна и ВКП(б). Он никогда мне не возражал, не опровергал моих положений и выводов, иногда отмалчивался либо говорил о том, что «будем проводить, потому что есть решение Политбюро».

Однако не приводил аргументов в защиту соответствующих решений и не пытался даже преодолеть мою точку зрения и тем более указать на ее полное противоречие с моим официальным заявлением о полном согласии с линией партии и разрыве с Зиновьевым. В 1932—1933 годах, например, я писал Пятницкому из-за границы ряд чрезвычайно резких писем, направленных против линии Коминтерна и ВКП(б). Когда я вернулся в Москву, Пятницкий подтвердил мне, что письма он получил, однако ни слова мне не возразил. Письма эти Пятницкий передал Бела Куну (о его политической связи со мной я дам показания отдельно), который заявил мне, что он их хорошо спрятал, так как если бы они попали в чужие руки, то это было бы для меня чревато серьезными последствиями.

Во время XII пленума ИККИ у меня был разговор с Пятницким относительно коллективизации и продовольственного положения СССР, причем я обрисовал в самых мрачных красках положение, я прямо обвинил в этом ЦК ВКП(б). Пятницкий мне опять-таки ничего не возразил, заявив односложно: «Да, жрать нечего», и, как всегда, не привел ни одного аргумента в защиту линии ВКП(б). По поводу привлечения Пятницким в аппарат Коминтерна бухаринцев и зиновьевцев, которые вокруг него группировались, я, помимо себя, должен указать на зиновьевцев Сафарова, Вуйовича, Лепешинскую и бухаринцев Идельсона и Грольмана. Конкретно сказать о том, знал ли Пятницкий (так же, как в отношении меня) о том, что эти люди двурушничают и в действительности остаются на своих старых позициях, я не могу. Однако думаю, что Пятницкий об этом, по меньшей мере, догадывается (особенно это касается Идельсона, с которым Пятницкий был даже в более близких отношениях, чем со мной).

Для характеристики отношения Пятницкого к Зиновьеву я должен еще добавить, что в 1929—1930 годы с санкции Пятницкого я начал передавать Зиновьеву специально для него отклады-

ваемую иностранную прессу. Когда Зиновьев был исключен из партии, и специально для него откладывать иностранные газеты было уже невозможно, я брал для этой цели газеты Куусинена, и передавал их Зиновьеву.

В 1934 году (осенью), когда Зиновьев вернулся из Кисловодска, я подробно информировал его о борьбе между Мануильским и Димитровым с одной стороны и Пятницким и Кнориным с другой. Зиновьев тогда мне заявил примерно следующее: «Линию Политбюро ЦК ВКП(б) представляет Мануильский. Сталин ведет линию на отсечение всех старых кадров, которые не могут его полностью воспринять как вождя партии, и поражение Пятницкого неизбежно. В этой форме борьбы против Пятницкого проявляется событие крупнейшего исторического значения, сущность которого заключается в том, что это первые шаги к ликвидации Коминтерна, начатой тактикой единого фронта и провозглашением лозунга о создании единых пролетарских партий. Тактика единого фронта будет проведена капитулянтски, и в Политбюро ЦК ВКП(б) понимают, что Пятницкий для этого дела не годится».

Еще до этой встречи с Зиновьевым, когда он был в Кисловодске, я по собственной инициативе, исходя из оценки положения, решил принять все меры к тому, чтобы в наших (зиновьевских) интересах добиться оставления Пятницкого в Коминтерне. Соответствующую работу я предпринял в двух направлениях:

1. Я усиленно обрабатывал Мехлиса и Стасову в том направлении, что снятие Пятницкого означает удаление с работы основного работника Коминтерна, который, как я им говорил, проводит большевистскую линию, и что они об этом должны серьезно поговорить со Сталиным.

2. Я обработал ряд наиболее способных или считавшихся наиболее способными работников Коминтерна — Михайлова, Смоленского, Сафарова и Мифа, чтобы они подали заявления об уходе из аппарата Коминтерна. Я считал, что подача этих заявлений явится демонстрацией против ухода Пятницкого, совершенно ясной и для Димитрова, и для западноевропейских коммунистов, и при благоприятном исходе может вызвать постановку самим Димитровым вопроса об оставлении Пятницкого.

Когда я в общей форме проинформировал Зиновьева о моей этой работе за оставление Пятницкого, он мою линию вполне одобрил.

ВОПРОС: Вел ли Пятницкий нелегальную групповую работу в аппарате Коминтерна и в коммунистических партиях?

ОТВЕТ: О существовании организованной политической группы, возглавляемой Пятницким, мне ничего не известно. Ни Пятницкий, ни Зиновьев мне никогда этого не говорили. Я могу только еще раз указать на то, что все названные мной выше зиновьевцы и бухаринцы целиком ориентировались на Пятницкого. Сафаров мне однажды говорил: «Пятницкий — это единственный человек, на которого мы можем опереться и который в случае осложнения или угрозы ареста нас защитит, если бы не Пятницкий, нас бы давно растерзали». Помимо этого вокруг Пятницкого группировался ряд его доверенных лиц, безусловно, ему лично преданных. Этими лицами являлись: Эберлейн (ИКК), Гарри Поллит (КП Англии), Абрамов-Миров, Крепс (издательство иностранных рабочих), Бела Кун (в последнее время), Васильев (работал в Орготделе ИККИ).

В 1934 году группа Кнорина, о которой я дам дополнительные, подробные показания, заблокировалась с Пятницким.

Основой этого блока по инициативе Кнорина и встретившего благоприятный отклик Пятницкого, боровшегося, как и Кнорин, против Димитрова и Мануильского, были: 1. Стремление Кнорина опереться на какое-либо влиятельное лицо для сохранения за собой Среднеевропейского секретариата. 2. Общность политической линии, сущность которой состояла в том, что ни Кнорин, ни Пятницкий органически не были согласны с поворотом в линии Коминтерна, наметившимся и фактически уже проводившимся в период, непосредственно предшествующий VII Конгрессу Коминтерна.

Допрос проводил
помощник начальника Третьего отдела ГУТБ
капитан госбезопасности Волынский.

...Итак, похоже, ежовская команда необходимые «показания» арестованных коминтерновцев получила. «Враги народа» во всем признались.

Что сможет возразить находящийся под двухнедельным домашним арестом Осип Пятницкий? Что он скажет Политбюро и партии в целом в свое оправдание? Какие найдет аргументы в защиту своей чести?

Он мучительно размышлял о том, что же происходит? Прежде всего, что происходит в его детище, которому он отдал пятнадцать лет жизни — в Коммунистическом Интернационале. Пятницкий знал, что после VII Конгресса произошел крутой по-

ворот в политике Коминтерна и теперь Сталин искал «козлов отпущения» за свои прежние ошибки периода проведения курса «класс против класса». Он всегда так поступал, беззастенчиво присваивая чужие идеи и списывая на других свои просчеты.

Пятницкий предполагал, что арестованные товарищи предназначались именно для этой цели, и понимал, что эта же участь не минует и его.

Из дневника моей матери:

«Каждый день он звонил Ежову по поводу очной ставки с оклеветавшими его людьми: Абрамовым, Мельниковым, Черномордиком, Белой Куном, Кнориным... Ежов обещал несколько раз, назначал день и час и откладывал. Наконец, 2 июля он ушел в 9 часов вечера в НКВД. Я волновалась за его страдания, легла в кабинете у него и ждала...»

По-видимому, арестованные товарищи еще не были «подготовлены» соответствующим образом к встрече с Пятницким.

Очные ставки состоялись в кабинете Фриновского. На них присутствовали, кроме хозяина кабинета, и другой заместитель Ежова — начальник Третьего отдела ГУГБ Курский, а также его помощники по отделу Волынский и Листенгурт. Протокол вел лейтенант ГУГБ Лангфанг, будущий следователь Пятницкого.

Процедура очной ставки началась со встречи с Белой Куном. Он, не поднимая глаз от пола, говорил тусклым голосом, что является членом контрреволюционной антикоминтерновской организации, в которую его завербовал Пятницкий, что это было в конце 1933—начале 1934 года.

Пятницкий, глядя на своего истерзанного друга, все понял и все отрицал.

Фриновский и Курский попеременно задавали Куну наводящие вопросы. Бела Кун говорил, еле выдавливая из себя слова:

«Во время конспиративных встреч, которые происходили на втором пункте радиосвязи Коминтерна, вблизи Тарасовки, Пятницкий говорил ему, что ЦК ВКП(б) не способен руководить международным коммунистическим движением и отодвинул Коминтерн на задний план... Что в таком большом деле, как руководство Коминтерном, ЦК ВКП(б) не оказывает никакой помощи, что Сталин непосредственно принимает руководителей некоторых компартий, например Компартии Германии, и обходит таким

образом руководящие органы Коминтерна, подрывая наш авторитет».

Ответ Пятницкого был краток и категоричен: «Выдумка. Я этого не говорил».

Далее Бела Кун «утверждал», что Пятницкий написал какую-то брошюру или готовил какое-то выступление о стачечном движении и в этой связи сказал, что «положение рабочих в СССР хуже, чем на Западе, разница в оплате некоторых категорий рабочих и служащих слишком велика, а руководящие работники излишествуют». Ответ Пятницкого был однозначен: «О безработице писал, но таких заявлений не делал».

Заместители Ежова продолжали задавать один вопрос за другим, одновременно подсказывая ответы: «Дальше вы показали, что Пятницкий сказал: «Теперь ЦК ВКП(б) создает вождя в лице Димитрова... Нашелся вождь! Всю свою сознательную жизнь, в том числе и в Болгарии, был «оппортунистом». И спросили Бела Куна: «Говорил вам так Пятницкий?» Бела Кун подтвердил, не глядя на Пятницкого: «Конечно, говорил».

Последовал очередной вопрос-подсказка, обращенный к Куну: «Пятницкий заявлял, что вопросы о руководителях Коминтерна ЦК ВКП(б) решает без нас и без представителей компартий, что в Германии Димитров сам провалился и руководить Коминтерном не способен?» Бела Кун подтвердил: «Да» — и добавил: «Пятницкий сказал при этом, что руководить Коминтерном будет Мануильский».

По существу, кстати, так оно и случилось...

Последовали следующие вопросы, адресованные к Куну: «Вы сказали, что Пятницкий говорил: Димитрову речи и брошюры к австрийским рабочим писал Мануильский и правил Сталин. Что, по словам Пятницкого, он «очень переживал уход Зиновьева и Бухарина из Коминтерна... Какие сейчас теоретики? Вот Бухарин был действительно теоретиком!» Говорил вам так Пятницкий?»

Бела Кун подтвердил и это. Пятницкий все отрицал, заявив: «Все это выдумки. Я этого не говорил».

Последовал очередной вопрос, адресованный к Куну: «Вы показали, что основными задачами контрреволюционной антикоминтерновской организации были:

1. Создание резервного антикоммунистического подполья в коммунистических партиях и прочной опоры в Исполкоме

и аппарате ИККИ, проведение собственной тактики при внешнем согласии с линией и директивами ЦК ВКП(б) и советского правительства.

2. Недопущение к руководству Коминтерном проводников линии ЦК ВКП(б), подрыв их авторитета и влияния, и дискредитирование их всеми силами.

И обращение к Куну: «Вы подтверждаете эти показания?»

Последовал ответ Куна: «Да, целиком и полностью. Пятницкий не может отрицать того, что он, как и вся наша организация, боролся против того, чтобы Димитров занял руководящее положение в Коминтерне». Что «Пик вместе со Смолянским или отдельно пришли и говорили, что надо сорвать назначение Димитрова в Среднеевропейский секретариат. Я спросил их, знают ли об этом Пятницкий и Кнорин? Они — Пик и Смолянский — подтвердили, что Пятницкий и Кнорин это знают».

Тогда следователи обратились к Пятницкому с вопросом: «Подтверждаете теперь показания Бела Куна?»

Вот его ответ: «О борьбе против Димитрова я ничего не знал. Если бы Бела Кун даже встал на голову, то все равно Димитров был бы назначен».

Бела Кун, прерывая Пятницкого, закричал: «Ты так говорил: «Все эти вопросы решаются без тебя и без представителей компартий!»

Прозвучал следующий вопрос Белу Куну: «Вы показали, что задачей организации является срыв политики единого фронта и проведение бухаринско-зиновьевской и троцкистской политики в вопросах международного рабочего движения». Далее: «Что организация хотела сорвать тактику народного фронта».

Бела Кун ответил: «Я полностью подтверждаю свои показания. Организация хотела сорвать тактику единого фронта». Тогда Пятницкий спросил его: «Почему же ты пошел в эту организацию?» Бела Кун, не глядя на него, ответил: «Я был изолирован в Коминтерне и искал поддержки с твоей стороны и со стороны Кнорина. Ты обещал поддержать меня в венгерском вопросе». Последовал вопрос Пятницкого, снова обращенный к Бела Куну: «Значит, это была торговля?» Кун ответил: «Нет, это была не торговля, это была политика, политический расчет. Мы все были политическими деятелями, и торговля здесь ни при чем». Пятницкий все решительно отрицал.

После этой словесной дуэли, проходившей под пристальным вниманием помощников Ежова, Бела Кун заявил: «Я решил чис-

тосердечно все рассказать. В течение ряда лет я не был так спокоен, как теперь в тюрьме». Это высказывание вызвало реплику Пятницкого: «Хорошо... Ты был в организации. А я-то при чем?»

Это вызвало диалог между Куном и Пятницким. Бела Кун, перейдя на официальное «вы», сказал: «Вы были в организации и так же, как и я, являлись ее руководителем». Пятницкий спросил: «Я был против тактики единого фронта?» Кун подтверждает это, заявив: «Да, ты был против тактики единого фронта. Достаточно прочесть твое выступление, когда речь шла о повороте Коминтерна. Вместо того, чтобы говорить по существу, ты говорил о безработице (речь шла о выступлении Пятницкого на VII Конгрессе Коминтерна. — В.П.)». На что Пятницкий ответил, что у него была вторая часть выступления — о профсоюзном единстве.

«Мы оба состояли в одной организации, — продолжал он, — оба вылетели из Коминтерна, встречаемся и разговариваем, и он мне не напоминает ни разу ни об организации, ни о том, что мы делали. Он ничего меня не спрашивает, а теперь заявляет, что я обещал ему лично поддержку в венгерских делах. Как это мы тебя поддерживали? В чем была эта поддержка?»

Бела Кун с горечью ответил:

«Не мне вас учить конспирации. Для того чтобы обещать мне поддержку в венгерских делах, не нужно было больших деклараций. Это было и без того ясно из всех наших разговоров. Поддержку вы мне оказывали, правда, она не всегда меня устраивала. Я все рассказал о себе, о вас и о контрреволюционной антикоммунистической организации, и теперь я спокоен больше, чем когда бы то ни было»*.

На этом очная ставка с Белой Куном закончилась. Пятницкому было ясно, в чем его обвиняют и на чем строится обвинение.

Как я уже сказал выше, следователи заставляли Куна во время допросов стоять на одной ноге многие часы и заучивать наизусть свои «показания», сочиненные неизвестным автором. Лишь отрететировав с ним сцену будущей постановки и убедившись, что он твердо вызубрил свой урок, они устроили очную ставку.

* Приведенные материалы взяты из протокола очной ставки Бела Куна с О. Пятницким. Л.д. 41—48.

Этим и объяснялось то, что Ежов все время переносил срок ее проведения. Участники инсценировки еще не выучили свои роли.

Обвинение, выдвинутое Пятницкому Ежовым на Пленуме ЦК в том, что тот работал на царскую охранку в дореволюционный период, больше не выдвигалось. Оно рассыпалось само собой. Ежовская команда не смогла подкрепить его ни одним фактом. Однако возникло другое, более зловещее обвинение: борьба против Коминтерна (в строительстве которого Пятницкий сам участвовал с момента его возникновения).

И еще: борьба против своей партии, в создании которой Пятницкий принимал самое деятельное участие, борьба против Советской власти, которую сам устанавливал. То есть получалось, что он обвинялся в борьбе против самого себя, всей своей жизни...

Пятницкому было хорошо известно, что Сталин сам навязал Коминтерну борьбу с социал-демократией, что он сам все время выступал против единого рабочего фронта в международном коммунистическом движении, используя его лишь как орудие своих амбициозных интересов. А теперь, как всегда, свои ошибки перекладывает на плечи других. Для этого, после провала «заговора» на июньском Пленуме ЦК партии, он выбрал Пятницкого и его соратников.

Пятницкий еще не знал, что ему суждено пережить в эту ночь.

Белу Куна увел с собой капитан Волынский. Пятницкого не отпустили. Через несколько минут капитан Листенгурт привел Вильгельма Кнорина. Начинаясь новая очная ставка со старым товарищем, с Кнориным. Он выглядел совершенно измученным. Теперь мы знаем, какими методами его заставили оговорить себя и Пятницкого в том, к чему оба не имели никакого отношения.

Следователи, исправно выполняя приказ своего начальства, не щадили арестованных, потому что приказ гласил: в кратчайшие сроки добиться показаний против Пятницкого в нужном направлении, и они делали свое дело прилежно и старательно. Ведь Сталин сам рекомендовал Ежову, как это надо делать. «Бить, бить и бить», — было сказано вождем. И следователи старались изо всех сил.

Усиленная подготовка, которой были подвергнуты подследственные, дала свои результаты: все арестованные коминтерновцы были сломлены и физически, и морально: их подвергали пыткам «единомышленники», коммунисты. Постичь это было невозможно...

Кнорин был крайне изможден, сидел как неживой и смотрел вниз. Очная ставка с ним проводилась по такому же сценарию, что и с Бела Куном.

ВОПРОС: Вы на следствии дали показания о существовании в аппарате ИККИ контрреволюционной право-троцкистской организации? Вы подтверждаете свои показания?

КНОРИН: Да, подтверждаю.

ВОПРОС: Какое отношение к этой организации имел Пятницкий?

КНОРИН: В контрреволюционной право-троцкистской организации в Коминтерне, к которой принадлежал и я и которая боролась против сталинской линии, Димитрова и Мануильского, против расширения тактики единого фронта, Пятницкий был руководителем.

ВОПРОС (Пятницкому): Вы подтверждаете показания Кнорина?

ПЯТНИЦКИЙ: Ни в какой организации я не состоял.

ВОПРОС (Кнорину): Кто входил в троцкистско-правую организацию в ИККИ помимо Вас?

КНОРИН: Кроме меня и Пятницкого в эту организацию входили Бела Кун, Васильев, Костанян и Абрамов-Миров.

ВОПРОС: Когда Вы примкнули к контрреволюционной организации в ИККИ и какую работу эта организация проводила?

КНОРИН: Мы выступали против сталинской линии в Коминтерне, проводившейся Мануильским, а позже Димитровым. Начиная с 1933 года, наша организация действовала против международного коммунистического движения, разлагая коммунистические партии и стремясь их сводить к сектантским, не имеющим влияния в массах слабым группам. Члены этой нашей контрреволюционной организации были связаны со многими враждебными ВКП(б) и Коммунистическому Интернационалу группами и организациями. Пятницкий был связан с Бухариным, Костанян — с Ломинадзе, Мадьяр — с Зиновьевым, Абрамов-Миров — с Троцким.

ФРИНОВСКИЙ: Пятницкому обо всем этом было известно?

КНОРИН: Да, было известно...

ВОПРОС (Пятницкому): Вы подтверждаете показания Кнорина?

ПЯТНИЦКИЙ: Все, сказанное Кнориным, ложь от начала до конца.

ВОПРОС (Кнорину): Вы показали, что Гейнц Нейман возглавлял троцкистско-шпионскую группу в Компартии Германии. Расскажите здесь, что Вам о нем известно.

КНОРИН: Гейнц Нейман в свое время был ближайшим сотрудником Рут Фишер. Потом он создал свою группу в КПГ, которая проводила троцкистскую деятельность и длительное время активно боролась против Тельмана. В 1931 году Гейнц Нейман лично мне сообщил, что он ведет конспиративные переговоры с руководством германского Рейхсвера — генералами Гаммерштейном и Шлейером.

ВОПРОС: Было ли об этом известно Пятницкому?

КНОРИН: О троцкистской деятельности Гейнца Неймана и его борьбе против Тельмана Пятницкому было хорошо известно. Я лично говорил Пятницкому о связи с генералом Гаммерштейном.

ВОПРОС (Пятницкому): Вы подтверждаете показания Кнорина о Гейнце Неймане?

ПЯТНИЦКИЙ: Не подтверждаю. В Секретариате ИККИ мне было известно, что для освещения германского Рейхсвера использовалась дочь генерала Гаммерштейна, являющаяся членом Компартии Германии.

ВОПРОС (Кнорину): Какая борьба велась Вами совместно с Пятницким против ЦК ВКП(б) и Сталина?

КНОРИН: Борьба против ЦК ВКП(б) и Сталина в последнее время прикрывалась борьбой против Димитрова. Когда приехал Димитров, мы с Пятницким решили к делам Коминтерна его не допускать. Пятницкий всячески пытался дискредитировать Димитрова. Он говорил, что Димитров не годится ни для какой руководящей работы, что он никакой серьезной работы никогда не вел, он лентяй и т. д. Тогда мы решили спровадить Димитрова в Профинтерн. При некоторых этих разговорах был и Бела Кун.

ВОПРОС (Пятницкому): Подтверждаете ли Вы показания Кнорина?

ПЯТНИЦКИЙ: Все показания Кнорина отрицаю категорически.

ВОПРОС (Кнорину): Вы подтверждаете, что кроме Коминтерна Пятницкий организовал своих сторонников для борьбы против сталинской большевистской партии в Профинтерне?

КНОРИН: Да, я подтверждаю это..*.

На этом очная ставка с Кнориным закончилась. Кнорина увели. Пятницкого опять не отпустили. Через несколько минут в кабинет Фриновского привели Александра Абрамова-Мирова. Очная ставка с ним прошла быстрее. Вопросы следовали один

* Приведенные материалы взяты из протокола очной ставки Вильгельма Кнорина с Иосифом Пятницким (Реабилитационное дело № Р-4162 И.А. Пятницкого, т. 1).

за другим. Все те же вопросы, по одному и тому же отработанному заранее сценарию. Только круг действующих лиц, членов так называемой контрреволюционной организации, расширялся. Все явственней проявлялась фигура Пятницкого как руководителя антисоветской контрреволюционной организации во всемирном коммунистическом движении.

Число арестованных и кандидатов в эту категорию людей возрастало с каждым днем. Так формировалось, пока еще вчерне, дело об антисоветском контрреволюционном заговоре в Коммунистическом Интернационале, который, по воле его сценаристов, стали называть «право-троцкистским». Это название отражало всю ненависть диктатора к личности Бухарина, поэтому «право», и к Зиновьеву и Троцкому, поэтому — «троцкистский».

Само название «заговора» показывало и его автора — Сталина, и его сценариста — Мануильского, с помощью которого Сталин и проводил все свои решения через руководство Коминтерна. Димитрова сделали знаменем Коммунистического Интернационала, а держал его в своих руках Мануильский, которым, в свою очередь, как марионеткой управлял Сталин. Все это Пятницкий, конечно, знал и раньше. И ход очных ставок, и направленность вопросов, прозвучавших на них, подтверждали это.

Из дневника моей матери:

«Пятница вернулся домой совершенно измученным человеком. И сказал только: «Очень скверно, Юля». Попросил воды, и я его оставила».

Днем 3 июля Пятницкий несколько раз звонил в Комитет партийного контроля при ЦК ВКП(б), требуя проведения партийного расследования, наивно полагая, что это поможет ему очиститься от вылитого на него ушата грязи. Он все еще мерил события в стране старыми мерками, существовавшими в партии большевиков при Ленине.

А в это время вызванный в Комитет партийного контроля секретарь Красногвардейского райкома партии Москвы писал под диктовку председателя Партколлегии КПК Матвея Шкирятова, старого соратника Пятницкого по Московскому вооруженному восстанию октября 1917 года, заявление об антипартийном поведении Пятницкого на партийной конференции. Эта докладная записка (заявление Комарова) тут же была переправлена Ежову на Лубянку.

Глава 14

Арест Осипа Пятницкого

Весьма интересно, что уже после окончания июньского Пленума ЦК, в самом начале июля 1937 года, Управление делами ЦК по указанию Оргбюро выделило Пятницкому в дачном поселке Серебряный Бор дачу, которую раньше занимал сталинский холуй Емельян Ярославский. Он успел до этого времени построить себе на территории, закрепленной за ЦК партии, около дома отдыха «Нагорное», свою собственную шикарную дачу.

Наша семья до этого времени пользовалась дачей в том же поселке Серебряный Бор, выделенной Пятницкому Моссоветом на двоих с его другом Илько Цивцивадзе. Илько занимал первый этаж и переднюю часть двора. Наша семья — второй этаж и заднюю часть двора с беседкой. Именно там Пятницкий проводил совещание со своими соратниками перед июньским Пленумом, получившее название «чашка чая».

Управляющий делами ЦК приезжал к маме на московскую квартиру и неоднократно звонил ей и, ссылаясь на решение Оргбюро, уговаривал повлиять на отца переехать на бывшую дачу Ярославского. И уговорил: 3 июля наша семья все же переехала на новую дачу.

Я написал об этом эпизоде неспроста. Это показывает сталинскую натуру хитрого интригана, хоть чем-то, но уколоть свою жертву.

Пятницкий был арестован на своей даче в Серебряном Бору 7 июля 1937 года. Сталин точно выдержал двухнедельный срок, данный Пятницкому Пленумом ЦК для оправдания перед партией. Но его аргументов в свою защиту уже не слушали. Они были излишни.

Арестовали Пятницкого по ордеру, подписанному Фриновским*:

«СССР
НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ
ОРДЕР № 2724

Июля 7 дня 1937 года

Выдан лейтенанту ГУГБ НКВД СССР Яковлеву на производство ареста и обыска Пятницкого Осипа Ароновича.

* Реабилитационное дело И.А. Пятницкого № Р 4162, т. 1, л. 1.

Зам. Народного Комиссара внутренних дел СССР
Комиссар Госбезопасности 1 ранга

Фриновский

Начальник Второго отдела ГУГБ СССР
Комиссар Госбезопасности 3 ранга

Минаев»

При аресте Пятницкого были одновременно произведены обыски помещений на даче в Серебряном Бору, на нашей московской квартире в Доме правительства («Доме на набережной») и в его служебном кабинете на Старой площади.

Считаю необходимым привести для ознакомления молодого читателя с протоколами этих обысков, с копиями этих документов.

ПРОТОКОЛ*

На основе ордера ГУГБ НКВД СССР № 2724 от 7 июля 1937 года произведен обыск/арест Пятницкого Осипа Ароновича в доме _____, кв. _____ в Серебряном Бору, дача № 127.

При обыске присутствовала Соколова Юлия Иосифовна (жена арестованного).

Согласно ордера задержан Пятницкий Иосиф (Осип) Аронович.

Всего для доставления в ГУГБ изъято следующее:

- партбилет № 0000060;
- членский билет ЦК ВКП(б) № 50;
- медкарта Кремлевской больницы № 50;
- удостоверение № 26889 на право ношения оружия «Браунинг».

Обыск произвели: Назаров, Яковлев, Головин.

При обыске жалоб нет.

Примечание: запечатана одна комната с книгами.

Подписи:

07 июля 1937 года

ПРОТОКОЛ**

На основании ордера НКВД СССР № 2724 от 7 июля 1937 года произведен обыск у Пятницкого Иосифа (Осипа) Ароновича в доме № 2, по ул. Серафимовича, кв. 400.

* Архивно-следственное дело И.А. Пятницкого № Р 4162, т. 1, лл. 2 и 3.

** Там же.

При обыске присутствовал комендант дома Секун И.Ф.

Всего для доставления в ГУГБ изъято следующее:

- паспорт № 507029 серии МП;
- заграничный паспорт на имя Таршиса;
- «Маузер» № 109797 и боевые патроны;
- «Браунинг» № 1 № 72946 и 19 патронов к нему;
- «Браунинг» кал. 6,35 № 21568 и боевые патроны;
- малокалиберная винтовка «Маузер» № 37917;
- духовое ружье «Диана»;
- проф. билет № 00619 и удостоверение № 8184;
- сберкнижка на имя Соколовой Ю.И. № _____ с остатком

в 10 000 руб.;

— сберкнижка на имя Пятницкого И.А. № 421715 с остатком 11 563 руб.

Обыск произвели:

07 июля 1937 года

Подписи:

Могут возникать вопросы, например, о том, откуда у старого большевика такие деньги в то трудное для страны время. Поясню. Отец много писал, его статьи печатались и в нашей стране, и за рубежом. Эти деньги — гонорары за его статьи. В приложении к этой книге я представляю список его работ. Причем, по правилам, существовавшим в то время, 30 процентов своего гонорара он вносил в кассу ЦК ВКП(б).

Но вернемся к нашему повествованию.

Во время обыска на нашей квартире пропали все наличные деньги. Зарплата отца за июнь 1937 года, которую привез за день до ареста его личный шофер М.А. Сафонов в запечатанном конверте, и все сбережения дедушки, отца матери, отложенные им на похороны. Были изъяты также три тюка личного архива отца, находящегося в его домашнем кабинете. Там была его переписка с Лениным, Крупской, Мартовым и Блюменфельдом, с руководителями социал-демократических партий Германии и Австрии в дореволюционный период, а также с Лениным, Свердловым, Дзержинским и Орджоникидзе и другими деятелями партии во время гражданской войны и в более поздний период. Все это в протоколах обыска отражено не было.

Но вернемся ко дню ареста Осипа Пятницкого. Ордер на его арест был подписан Фриновским и Минаевым на имя лейтенанта Яковлева, а фактически арестовывать О. Пятницкого прибыл

сам «железный нарком» Н. Ежов с немалой свитой. Не мог Ежов пропустить возможность насладиться своей властью и показать своему политическому противнику, «кто есть кто». Он любил присутствовать на допросах арестованных старых большевиков и наслаждаться, наблюдая за их избиением «следователями-колосьщиками», и часто присутствовал на расстрелах.

По рассказам моей бабушки, вся процедура обыска и ареста отца длилась часа четыре с половиной и закончилась весьма интересным эпизодом.

Много позже Люба — мамина сводная сестра, присутствовавшая при аресте отца, — рассказала мне подробности этого эпизода, о котором мама умолчала в своем дневнике. Люба в тот момент была единственным человеком, сохранившим железное спокойствие при трагедии, постигшей нашу семью.

Она рассказала, что Рольф, наша собака, немецкий боксер, которая к отцу относилась совершенно индифферентно, вдруг проявила к нему родственные чувства. Во время обыска и ареста отца Рольф лежал в своем углу у входной двери и поскуливал. На него в той обстановке никто не обращал внимания. Но когда отца, уже арестованного, выводили с дачи к машине, Рольф неожиданно сделал колоссальный прыжок на Ежова, опрокинул его, придавил к земле и уткнул ему оскаленную морду в горло. Сопровождавшие его офицеры схватились за пистолеты. Тогда Рольф стал сжимать горло Ежова. Его окружение растерялось. Люба с трудом оттащила собаку и увела ее в дом.

Рольфу в ту пору было три года. Он прошел дрессировку в школе криминальной полиции Лейпцига, имел три золотые медали с фашистской свастикой на лицевой стороне. В Москве тогда эта порода была в редкость. В десятилетие моего рождения мамин сослуживец преподнес мне такой подарок.

Привел Рольфа, приказал ему сесть, передал мне его поводок, намордник и миску, из которой он ел, сказал ему, что теперь его хозяин я, и ушел. Так я стал его хозяином. Он признавал только меня и бабушку, которая его кормила. Отца Рольф как бы не замечал, а тут вдруг проявил свои чувства таким необычным образом.

На следующий день после возвращения с дачи, пришел комендант Дома правительства, в котором мы жили, и увел Рольфа. А еще через день он же принес пакет с деньгами и сказал, что Рольф отправлен в собачий питомник НКВД. Оценили его в сумму отцовского оклада. По-видимому, он пришелся Ежову по душе.

К этому времени были арестованы почти все ответственные работники Исполкома Коминтерна, заведующие отделами, инструктора, референты, руководящие работники тех компартий, которые в своих странах находились на нелегальном положении и временно нашли убежище в Советской стране.

Сталин дал указание Ежову показать картину существования в Коминтерне крупной контрреволюционной организации. Началась усиленная подготовка открытого судебного процесса над заговорщиками из Коминтерна. К этому времени советское правосудие уже набило руку на проведении подобных мероприятий.

Я вспоминаю рассказ бабушки о том, что незадолго до ареста отца к нам домой поздно вечером на московскую квартиру пришел Яков Далецкий, который жил в нашем же доме, но в другом подъезде. Бабушка сказала, что он был очень взволнован. Отец был дома. Они заперлись в его кабинете и долго и очень бурно о чем-то дискуссировали. Она слышала, как отец громко и раздраженно кричал на Далецкого, он его в чем-то убеждал. Отдельные слова бабушка запомнила.

Отец убеждал Далецкого в том, что «так поступать нельзя», что «это трусость», что он «коммунист и должен оставаться им до конца». Уже ночью, около трех часов, Далецкий ушел. Отец провожал его до лифта. Они попрощались как старые друзья, а часа через два к нам позвонила домработница Далецкого и дрожащим голосом сообщила, что он застрелился. Он ожидал ареста и догадывался о том, что его ожидает на Лубянке.

Арест Осипа Пятницкого в нашей стране прошел почти незамеченным. Те, кто знали его, переживали молча, больше задумываясь о собственной судьбе. Но за рубежом он вызвал массу дискуссий, насторожив как друзей, так и врагов Советского Союза. Менялся политический климат не только в СССР, но и в международном коммунистическом движении. В национальных компартиях многих стран арест Пятницкого и его соратников по прежнему руководству Коминтерном обсуждался открыто и вызвал недоумение, то же происходило и в лагере врагов коммунизма. Это подтверждают некоторые выдержки, взятые из переписки деятелей антисоветской эмиграции.

Эти документы под общим названием «Сведения из России» представляют собой необработанные разведывательные сводки белоэмигрантской разведывательной организации «Крестьянская Россия», созданной С. Масловым в Праге. Непосредственно сбором информации занималось ее отделение в Варшаве. Источни-

ки информации, судя по содержанию сводок, самые разнообразные: периодическая печать, опрос, часть информации поступила из не установленных источников, близких к высшему партийному руководству*.

Из материалов Русского общевойскового союза:

«По сведениям из Москвы, 7 июля арестован И. Пятницкий (Таршис). Он вступил в конфликт с всемогущим наркомом Ежовым и пытался ограничить его безраздельную власть. Его арест и падение подтверждают нашу линию, что время старых большевиков прошло и теперь маузер ГПУ все больше и больше направляется в сторону тех, кто пришел в партию до революции...»

Из того же источника:

«7—8 июля в Москве арестован бывший ответственный работник Коминтерна И. Пятницкий. До 1935 года он возглавлял всю военно-техническую и разведывательную работу в Коминтерне, а последнее время находился на ответственных постах в ЦК партии. Последнее время у него возникли серьезные разногласия с Ежовым, и он предлагал ограничить компетенции НКВД...»

«...Провокация Ежова против Пятницкого преследует одну цель — компрометацию верного большевика, слишком много знавшего из тайн Кремля и Коминтерна. Долгое время он был главным «поваром» на кухне Коминтерна и мировой революции. Его устранение было непременным условием установления наиболее тесных контактов Сталина и Гитлера. Долгое время Пятницкий держал в своих руках все связи и всю агентуру международного большевизма. Его падение и арест — закат деятельности Коминтерна. Теперь Сталин приступит к осуществлению своей имперской политики, сделав своим союзником Гитлера».

Из переписки Е. Кусковой с неустановленными лицами:

«Исчезновение или арест старого большевика И.А. Таршиса для меня означает одно: сталинское руководство окончательно порвало с Лениным и его наследием. Ставка на мировую революцию теперь окончательно бита. А обвинение его в провокаторстве так же бессмысленно и абсурдно, равно как обвинять П. Милюкова в том, что он агент большевизма Тем не менее, Таршис арестован и находится в Бутырках, а уж там «в Ежовых рукавицах»

* Сведения из России. ЦГАОР СССР. Ф. Аргунов А.А., дд. 17 и 18.

сознается во всем. Говорят, в последнее время он не ладил с Кагановичем и Ежовым. Вот ведь «как своя своих не познаша». Его выступление на Пленуме прозвучало для многих серьезным предупреждением, которому, однако, не вняли. Жаль, однако. Но что делать, государство остается государством, даже если во главе его стоит Аль-Капоне».

Из агентурной сводки «О положении в ВКП(б)»:

«Продолжаются аресты в МВО*, особенно среди младших и средних командиров. Арестован и видный работник ЦК И.А. Пятницкий. По нашим сведениям, основанием для этого явилось его серьезное расхождение со Сталиным, Ежовым и Кагановичем относительно применения террора. Он выступил на Пленуме против арестов видных большевиков и против применения высшей меры к находящимся в заключении Бухарину и Рыкову. Последние уже дают показания. Ежов лично допрашивал каждого из них. Пятницкий подверг сомнению сами методы исторжения признаний, а также обвинил сотрудников Ежова в провокациях и подлоге. В обвинение Пятницкого в провокаторстве никто не верит. Очевидно, он также станет одним из многочисленных шпионов и вредителей, которые в таком количестве обнаружались вдруг в ВКП(б)».

Из архива В.Л. Бурцева (запись на полях):

«Пятницкий за две недели написал свою автобиографию, следователи приобщили ее к делу и используют. Следствие ведет бывший комсомолец, уже уверенный, что перед ним открытый враг». (Тут же есть и замечание с указанием на папку и документ № 37/4, обнаружить который не удалось.)

Из письма полковника Гегельшвили генералу фон Лампе по поводу роспуска Коминтерна (1943 год).

«Мы с Вами торпедировали этот дредноут «Мировая Революция» уже в 1937 году, когда был арестован глава его технического бюро Пятницкий». (Генерал фон Лампе долгое время руководил внутренней линией РОВС** и был тесно связан с фашистс-

* МВО — Московский военный округ.

** РОВС — Русский общевоинский союз, созданный генералом Врангелем.

кой разведкой. Он был начальником одного из отделов РОВС, его представителем в Германии. В годы войны он активно сотрудничал с фашистами.)

Мнение полковника Гегельшвили перекликается с воспоминаниями известного советского разведчика Леопольда Треппера, который пишет: «Дело Пятницкого наглядно показывает суть сталинской репрессивной политики, чем-то напоминающей игру на кегельбане: если пущенный шар заденет одну фигуру, то валятся все остальные...»

Основными методами сосредоточения и содержания политических арестантов в Москве были: внутренняя тюрьма НКВД — «Лубянка», Лефортовская тюрьма — «Лефортово» и Бутырская тюрьма — «Бутырка».

Лубянка — это центральная политическая тюрьма Советской империи. Она находилась внутри комплекса зданий Народного комиссариата внутренних дел. В ней содержались наиболее важные «противники» режима, те, кто по каким-либо причинам мешал вождю осуществлять его вожделенные планы. Там же проводились допросы с применением насилия и осуществлялись казни.

Лефортово — основное пыточное производство. Она была оборудована специально для этой цели. О зверствах, чинимых там, можно судить по рассказам очевидцев, кому удалось выжить. Там же производился отстрел неугодных.

Бутырка — самая старая и самая большая тюрьма — «отстойник». Сюда направлялись лица менее важные. Но и здесь, в специальном отделении, тоже были пыточные камеры. Сюда, как правило, переводились те заключенные, кому по жребию фортуны или по превратности судилища выпала доля на жизнь.

Но вернемся к судьбе Осипа Пятницкого. Его арестовали 7 июля 1937 года и поместили в одиночную камеру на Лубянке. И как будто забыли о нем. Но в этом учреждении ни о чем не забывали. Там же, только в других камерах, шла интенсивная обработка других арестованных по «коминтерновскому делу».

Пятницкому за год заключения пришлось побывать во всех трех, перечисленных выше, заведениях.

В один из дней, а они тянулись очень томительно, вдруг отворилась дверь его камеры, и начались длинные дни и ночи следствия.

А вслед за арестом Пятницкого последовали административные решения о нем высших партийных и советских органов:

12 декабря 1937 года постановлением декабрьского Пленума ЦК было одобрено представление Политбюро о выводе И.А. Пятницкого из состава ЦК ВКП(б).

Тогда же решением Политбюро ЦК ВКП(б) от 12 декабря 1937 года было утверждено постановление Президиума ЦИК СССР об исключении Пятницкого И.А. из числа членов ЦИК СССР.

Но вот парадокс, до середины 40-х годов Пятницкий числился заведующим Политико-административного отдела ЦК ВКП(б). Уволить его, в связи с арестом и расстрелом, из ЦК забыли. По-видимому, другие заботы отвлекли руководителей партии от решения этого вопроса.

Глава 15

Подготовка открытого публичного процесса над деятелями «антисоветского контрреволюционного заговора» в Коминтерне

В 1937 году в Москве готовился публичный процесс по так называемому «коминтерновскому делу». В ГУГБ на Лубянку и в Лефортовскую тюрьму неоднократно приезжали члены Особой комиссии Политбюро по безопасности — Малого Политбюро Л. Каганович и Г. Маленков и секретарь Сталина А. Поскребышев, которые по заданию Сталина проверяли подготовку этого процесса.

На второй день после ареста Пятницкого, 9 июля 1937 года, Верховный суд Грузии в закрытом судебном заседании в течение одного дня рассмотрел дело семи подсудимых: Мдивани, Окуджавы и других — и по шаблонному обвинению в диверсионной, шпионской и вредительской деятельности приговорил их к расстрелу. Но сломить грузинских коммунистов судилищу не удалось.

15 августа 1937 года О. Пятницкому была устроена вторая очная ставка с ветераном Польской компартии Бортновским-Бранковским. Он был арестован еще 9 июня 1937 года. По-види-

мому, требовались дополнительные, более веские аргументы для формирования обвинения против создателя и фактического руководителя Коминтерна.

Проведение этой очной ставки было поручено помощникам начальников третьего и девятого отделений Третьего отдела ГУГБ майорам Апресяну и Ильницкому. Очная ставка проводилась по отработанной схеме: Бортновскому задавались вопросы о существовании в Коминтерне контрреволюционной организации, о ее руководстве, о том, кто и как вовлек его в эту организацию, и так далее.

Отвечая на задаваемые вопросы, Бортновский обрисовал уже знакомую «картину»: когда он пришел в Коминтерн из Разведупра РККА в 1933 году, там началась борьба с возникшей тогда тактикой единого фронта, и для него стало ясно, что началась борьба между Мануильским — с одной стороны, Пятницким и Кнориним — с другой.

На этой основе он сделал вывод, что в Коминтерне существует группировка, а потом понял, что это целая организация, которая ставит своей целью борьбу против установок партии на создание единого рабочего фронта, что фактически означало борьбу против ВКП(б). Это особенно стало ясно после того, как в Коминтерн пришел Димитров, твердо проводивший линию партии.

Основной практической задачей этой контрреволюционной организации стала борьба против Димитрова и Мануильского. А добиться этого было нетрудно, так как основные позиции в Исполкоме и других партиях были заняты людьми, близкими Пятницкому и Кнорину.

ВОПРОС: Понимали ли Вы, что линия, которую защищали Мануильский и Димитров, и есть линия ЦК ВКП(б)? Как в разговорах с Вами характеризовал Пятницкий вождей партии, как он отзывался о них? Давал ли Пятницкий Вам прямые указания бороться против Мануильского и Димитрова?

БОРТНОВСКИЙ: Да, давал, особенно против Мануильского, который тогда вел кампанию против руководства Польской компартии, против меня и Ленского. И в этой борьбе с Мануильским мы получали помощь от Осипа Пятницкого. В 1934 году в порядке подготовки к VII Конгрессу Коминтерна Мануильский настаивал на пересмотре всей политической линии, проводимой Польской компартией, и смене ее руководства, которому он не доверял. Я в очень резкой форме выступал против Мануильского и получил при этом поддержку Пятницкого.

К Димитрову все мы, и Пятницкий в особенности, относились плохо и явно враждебно, считая, что он — искусственная фигура, которая в лучшем случае может быть манекеном в руках Мануильского. Позже, уже в период непосредственной подготовки к Конгрессу и его проведения, борьба Пятницкого и всей нашей организации против руководства ВКП(б) проявилась особенно ярко, поскольку встал вопрос о самом руководстве Коминтерном. Тут и появилось недовольство ВКП(б) и самим Сталиным, который, следуя рекомендациям Мануильского, выдвигал кандидатуру Димитрова в руководство Коминтерном.

ВОПРОС: О том, что Сталин не разбирается в «коминтерновских делах» и обманут Мануильским, — это высказывалось в резких выражениях?

БОРТНОВСКИЙ: В достаточно ясных выражениях, недовольным тоном.

Далее в своих показаниях Бортновский рассказывает историю закулисных интриг, связанных с формированием нового состава руководства международным коммунистическим движением, которое формировал Сталин единолично.

ВОПРОС: Вы говорили, что в Коминтерне существует контрреволюционная антикоминтерновская организация. Назовите состав организации.

БОРТНОВСКИЙ: Пятницкий, Кнорин. Поддерживали нас Ван Мин и Геккерт. Из начальников отделов: Васильев, Абрамов, Шубин. Из сотрудников аппарата: Гужинский, Гримберг, Смоленский, Мартынов. Это крупнейшие работники. И еще Бела Кун.

Далее шли вопросы, уточняющие моменты борьбы против сталинской линии в Коммунистическом Интернационале и участии в ней Пятницкого и Кнорина. Пятницкий снова все отрицал и спросил: «Как это было?»

БОРТНОВСКИЙ: Это был не вульгарный способ вербовки — вступай, дескать, в организацию. Это было, как бывает между политическими людьми: как бы согласовывалась общая линия в общей организации*.

* Приведенные материалы взяты из протокола очной ставки Б. Бортновского-Бронковского с О. Пятницким. Архивно-следственное дело Пятницкого И.А., т. 1, л.д. 16—27.

Из следственного дела Пятницкого видно, что производилась интенсивная обработка его бывших соратников по Коммунистическому Интернационалу. Шли допросы и выбивались нужные показания из арестованных уже Германа Реммеле — члена руководства Компартии Германии, Моисея Черномордика — зам. зав. отделом кадров Коминтерна, Игнатия Рыльского-Люборецкого — одного из руководителей Компартии Польши, Григория Смолянского — бывшего работника Среднеевропейского Лендерсекретариата, а позже — заместителя отца по Политико-административному отделу ЦК, Горкича — Генерального секретаря Компартии Югославии, Танако — представителя Компартии Японии в ИККИ, Василия Чемоданова — Генерального секретаря Исполкома Коммунистического интернационала молодежи и целого ряда других руководящих работников Коминтерна и его аппарата.

От всех подследственных требовали, в первую очередь, подтверждения существования в Коминтерне разветвленной антисоветской организации, действующей против сталинских установок, проводимых Мануильским и Димитровым, и роли Пятницкого в руководстве этой организацией.

В процессе этих допросов формировалась схема антипартийного заговора в Коминтерне и его зарубежных филиалах, определялись действующие лица будущего процесса над бывшим руководством Коммунистического Интернационала.

Мне попал в руки список фигурантов намечаемого публично-го процесса над «антисоветской контрреволюционной право-троцкистской» организацией в Коммунистическом Интернационале, подготовленный третьим отделом (контрразведкой) ГУГБ НКВД, подписанный младшим оперуполномоченным, младшим лейтенантом госбезопасности Тимошенковым, подготовленный для утверждения высшим руководством. Вот этот список.

Привожу его полностью: Пятницкий О.А., Кнорин В.Г., Смолянский Г.Б., Васильев Б.А., Меринг Р.А., Бронковский-Бортновский Б.Б., Краевский А., Алиханов Г.С., Валецкий Х., Мадьяр Л.И., Черномордик М.Б., Миф П.А., Крымов А., Абрамов-Миров А.Л., Джонсон, Чемоданов В.Г., Смирнов А.П., Кун Б., Герриш Г.М., Мюнценберг В., Магнус Р., Запотоцкий А., Шмираль Б., Стюарт Р., Флиг Л., Шуберг Г., Гросс.

Конечно, этот список предварительный. По ходу подготовки процесса и обработки будущих его фигурантов он претерпел значительные изменения.

Пятницкий никак не предполагал, что Сталин решил сделать именно его руководителем «заговора» в Коминтерне.

Итак, О. Пятницкий находится во внутренней тюрьме на Лубянке, ведется следствие. Из него сталинские опричники выбивают нужные показания для задуманного показательного процесса над право-троцкистскими заговорщиками.

Кстати, кто главный автор (и режиссер) готовящегося политического спектакля — теперь абсолютно известно.

Вот что говорил Сталин 11 ноября 1937 года Димитрову:

«Отступая перед силами партии, они, разные слабые элементы (вождь имел в виду арестованных коммунистов. — В.П.), внутренне не принимали линии партии, не переваривали в особенности коллективизацию (когда надо было резать по живому кулака), перешли в подполье. Они связались с внешними врагами, обещали немцам Украину, полякам Белоруссию, японцам — Приморье. Ожидали войну и особо настаивали, чтобы германские фашисты скорее начали войну против СССР.

Мы знали кое-что еще в прошлом году и готовились расправиться с ними, но ждали захватить побольше нитей. Они собирались в начале этого года предпринять акцию. Не решились. Готовились в июле напасть на Политбюро в Кремле. Но побоялись, говорили: «Сталин начнет стрелять, будет скандал». Я говорил нашим: они не решают приступить к действиям и смеялся над их планами. В отношении некоторых в нашем окружении мы действительно прохлопали. Большой урок для нас и для коммунистических партий».

Этот бред преподносился как обоснование террора и жестокое предписание, исключавшее любую попытку оказать малейшее неповиновение. Все, кто мешал проводимой линии, — уничтожались. Сталинская установка и легла в основу версии, подтверждение которой следователи выбивали из своих подопечных. Это же относилось и к «организации» в Коминтерне. Ей якобы предписывалось в момент восстания захватить здание ИККИ и передавать зарубежным компартиям такую информацию, которая не стала бы основой для призыва трудящихся их стран подняться на защиту свергнутой Советской власти.

В конце 1937 года руководство НКВД все еще форсировало подготовку судебного процесса над «деятелями право-троцкистской организации в Коминтерне». В чем была причина такой

поспешности, можно лишь догадываться. Версий этому может быть множество. Ведь не само же руководство НКВД решило этот вопрос? Он решался в самых верхах партийного руководства, и прежде всего — Сталиным. Ведь к этому времени ни один серьезный вопрос в стране без его прямого указания или хотя бы одобрения не мог быть решен. Значит, указание исходило от него.

Сталин усиливал свое давление на Коминтерн. 7 ноября 1937 года во время демонстрации на Красной площади он сказал Димитрову, находившемуся с ним на трибуне Мавзолея:

«С разъяснениями по вопросу о раскрытых фактах контрреволюционной деятельности (аресты и пр.) в ВКП(б) и Коммунистическом Интернационале надо еще подождать, пока все необходимые материалы будут разработаны. Не стоит делать информации по кусочкам. Кнорин — польский и немецкий шпион (давно и до последнего времени)... Пятницкий — троцкист. Все показывают на него (Кнорин и др.). Кун действовал с троцкистами против партии. По всей вероятности, замешан в шпионаже».

В тот же день на торжественном обеде Сталин произнес тост, в котором заявил, что «следует уничтожать каждого врага, будь он даже и старым большевиком. Мы будем уничтожать весь его род, его семью, каждого, кто своими действиями и мыслями, да, и мыслями, покушается на единство социалистического государства, беспощадно будем уничтожать».

Речь Сталина вызвала бурное одобрение присутствующих руководителей партии, военачальников и главарей НКВД. Внес свою лепту в славословие «вождю всех времен и народов» и Димитров, который, конечно, не забыл сталинской реплики во время разговора 11 февраля 1937 года по поводу позиции ИККИ в связи с процессом Радека—Пятакова: «Вы все там, в Коминтерне, работаете на руку противнику». Когда ему предложили выступить с тостом, он заявил: «Я не могу ничего прибавить к тому, что товарищ Сталин сказал насчет беспощадной борьбы против врагов... Это будет учтено партией, и я сам сделаю все, что в моих силах, чтобы это было учтено и в рядах Коминтерна...»

Через несколько дней. 11 ноября, Сталин вызвал к себе Димитрова и, обругав его за проект постановления Секретариата ИККИ о борьбе с троцкизмом, заявил, что содержащийся в про-

екте тезис о необходимости всемерного усиления борьбы с троцкизмом — это недостаточно. Он потребовал: «Троцкистов надо гнать, расстреливать, уничтожать. Это всемирные провокаторы, злейшие агенты фашизма», добавив при этом: «Мы, вероятно, и Стасову арестуем. Сволочь оказалась. Кирсанова связана очень близко с Яковлевым. Сволочь она. Мюнценберг — троцкист. Если он придет, мы непременно его арестуем. Постарайтесь его приманить сюда...» Так цинично отдавались распоряжения руководителю Коминтерна «Великим отцом всех народов».

* * *

Первый допрос Пятницкого датирован лишь 11 ноября 1937 года. Следователь Лангфанг, ссылаясь на материалы очных ставок и допросы более чем двадцати лиц, арестованных за активную работу в антисоветской организации в Коминтерне, предъявил ему обвинение в руководстве этой организацией. И опять следовал тот же ответ Пятницкого: «Никакой антисоветской работы я не вел, лицам, которые показывают на меня, никаких антипартийных поручений я не давал и антипартийных разговоров с ними не вел».

У Лангфанга была четкая директива руководства НКВД: считать Пятницкого руководителем контрреволюционной правотроцкистской организации в Коминтерне, и он неуклонно стремился доказать это.

Как признавался позже Лангфанг уже на суде над ним самим, происходившим в мае 1955 года, ему было предложено руководством отдела не торопиться с составлением протоколов допроса Пятницкого с тем, чтобы уже первый допрос давал полное представление о деятельности правотроцкистской организации в Коминтерне и его зарубежных филиалах. Начальнику отделения он систематически докладывал результаты допросов Пятницкого, считал, что для составления такого протокола материалов дела еще недостаточно. И высшее руководство страны уже стало недвусмысленно выражать свое недовольство нерадивостью НКВД в «раскрытии» этого заговора*.

По-видимому, Пятницкий все еще надеялся, что Коминтерн сможет сыграть свою роль, как только политика Сталина провалится, и продолжал сопротивляться. Я убежден, что это его сопротивление, его противодействие сыграло решающую роль в

* Материалы перепроверки дела И.А. Пятницкого. Протокол допроса генерала А.И. Лангфанга 10 мая 1955 года.

том, что судебный процесс по делу контрреволюционной организации в Коминтерне так и не состоялся.

Во время ареста генерала Лангфанга в 1955 году и обыска на его квартире в одном из ящиков письменного стола было обнаружено письмо Осипа Пятницкого, адресованное в Политбюро ЦК ВКП(б). Лангфанг утаил его. Вот его текст:

«Я сижу в тюрьме уже шесть с половиной месяцев. Я жил надеждой, что следствие разберется в моей абсолютной невинности. Теперь, очевидно, все пропало. Я еще и еще заявляю, что ни в чем не виновен перед партией и Советской властью. Я всегда был готов, да и теперь готов положить свою жизнь за наше социалистическое отечество.

Но я не могу, не хочу, да и не должен сидеть в советской тюрьме и судиться за право-троцкистскую контрреволюцию, к которой я никогда не принадлежал и боролся с ней.

23 января 1938 года. Осип Пятницкий».

До этого момента он еще надеялся на объективный подход к его делу. Но реакции на письмо не последовало. Это сломило Пятницкого морально.

Те идеалы, которым он поклонялся и за которые боролся всю свою сознательную жизнь, были искажены и приводили в никуда. Он понимал это, но сделать уже ничего не мог. Мечты о счастливой жизни при социализме самой жизнью подкреплены не были и оказались утопией. А жизнь, прожитая в борьбе за прекрасную мечту, оказалась истраченной впустую. Но он верил в свою мечту и если бы мог все начать сначала, все бы повторил вновь, но с серьезными поправками.

Только глубокие идейные убеждения могли продиктовать ему линию поведения, и одно это заслуживает глубокого уважения к нему каждого мыслящего человека.

Глава 16

Провал сталинской затеи узаконить разгром Коминтерна

В конце 1937 года руководство НКВД все еще форсировало подготовку судебного процесса над «деятелями антисоветского

контрреволюционного право-троцкистского заговора» в Коминтерне.

К этому времени Сталину уже стало ясно, что его затея с организацией публичного процесса над активом всемирного коммунистического движения провалилась. Почему?

- Во-первых, показания подследственных были противоречивы. Общей картины заговора не получилось. Не было уверенности, что будущие фигуранты процесса перед присутствующими гостями, а на этот процесс должны были быть приглашены иностранные журналисты, не откажутся от данных ими на допросах с пристрастием показаний.

Кроме того, в следственных материалах фигурируют имена многих «шпионов и троцкистов» в рядах Коминтерна, на которых собирался материал. Все они, скорее всего, были бы арестованы, если бы задуманный Сталиным судебный процесс состоялся. Все эти люди, после соответствующей обработки и подготовки (опыт уже имелся), предстали бы на этом судилище в качестве членов тайной организации, созданной Пятницким в недрах Коминтерна.

Вот эти имена: руководитель английских коммунистов Гарри Поллит, которого обвиняли в сотрудничестве с английской разведкой Интеллидженс сервис; второй по величине деятель французской компартии Жак Дюкло, которому приписывали «троцкистские взгляды» (его якобы завербовал Вилли Мюнценберг накануне VII Конгресса Коминтерна); дальше следуют руководители Компартии Чехословакии Клемент Готвальд, Антонин Запотоцкий, Богумир Шмераль, которых обвиняли в принадлежности к группе Бухарина; лидеры Компартии Германии Вильгельм Пик и Вальтер Ульбрихт (для них, правда, обвинений — пока — не нашлось, их обозвали «просто негодьями», однако подлежащими «изъятию»).

Примечательны в этом списке китайские коммунисты, тоже, оказывается, примкнувшие к «группе Бухарина»: Мао Цзэдун, Чжу Дэ, Чжоу Эньлай, Лю Шаоци, Дун Биу и другие. Венчает этот впечатляющий перечень сам Генеральный секретарь Коминтерна Георгий Димитров, оказавшийся «шпионом, работающим на несколько капиталистических разведок».

Всех этих людей, — если бы «сценарий» был воплощен в жизнь, — неминуемо в финале действия ждала бы «высшая мера наказания».

Интересно, кто бы тогда, после окончания второй мировой войны, возглавил так называемые «страны народной демократии»: Болгарию, Чехословакию, ГДР, Польшу? А великая китайская революция и возникновение на карте мира гигантской коммунистической страны? Как бы там получилось без «выдающихся» вождей компартий этих стран и, прежде всего, без великого кормчего, солнцеликого Мао, первого друга товарища Сталина?

Впрочем, история не знает сослагательных наклонений.

- Во-вторых, сталинское руководство боялось превращения этого процесса в разоблачительный. Прежде всего, на нем могла вскрыться вся «кухня» мировой революции, а также маневры и пружины сталинской дипломатии.

Мне представляется, что Сталин уже давно, с 1927 года, окончательно разочаровался в деятельности Коминтерна, утратил иллюзии, что он может стать действительно организатором мировой социалистической революции. Фактически в 30-е годы Коминтерн оказался в роли своеобразного призрака, пугающего правительственные круги в капиталистических странах. Реально он оставался лишь поставщиком кадров для ведения подрывной и разведывательной работы в странах Европы, Азии и Америки.

- В-третьих, судебные процессы над членами ИККИ и активом Коммунистического Интернационала, членами руководства коммунистических партий различных стран, находящимися в СССР, и политэмигрантами, во многом подрывали социальную привлекательность коммунистической идеи, а главное веру, в возможность достижения на практике этого идеала высшей социальной справедливости.
- И наконец, в-четвертых, к этому времени в Западной Европе демократически настроенными юристами был создан международный комитет по расследованию московских процессов, аналогичный контрпроцессу, созданному Вилли Мюнценбергом несколько лет назад в защиту Георгия Димитрова и его товарищей.

Сталин хорошо помнил, что дал Димитрову указание заманить в Москву Вилли Мюнценберга, где он был бы немедленно арестован. Сталин боялся, что Мюнценберг устроит контрпроцесс и докажет на нем абсурд обвинений, выдвинутых сталинской кли-

кой против руководителей Коминтерна. Именно тогда Сталин принял решение об уничтожении Мюнценберга и своего добился, правда, уже в конце Отечественной войны.

Мировая общественность всерьез была озабочена беззаконием, творившемся в Стране Советов. Авторитет СССР в глазах мировой демократической общественности был подорван.

Троцкий и его сторонники продолжали апеллировать к всемирному рабочему и коммунистическому движению относительно преступной деятельности сталинской клики в СССР. Да и в самом Советском Союзе создавалась кризисная ситуация в результате тотального террора, организованного правящей верхушкой страны.

В этой обстановке сталинское руководство просто боялось, что новый открытый процесс над известными функционерами всемирного рабочего и коммунистического движения может вызвать массовые протесты и в партии, и в обществе.

Наконец, обращает на себя внимание вот какая сторона и предыдущих процессов, и замышленного: целенаправленное уничтожение политического руководства коммунистических партий стран профашистской ориентации, прежде всего Германии, Венгрии, Японии, а также Италии, Латвии, Польши, Литвы, Эстонии и Финляндии.

Напомню, что к моменту ареста Пятницкого и других членов ИККИ, в обход официальных дипломатических каналов, Сталиным был выработан проект предварительного соглашения между СССР и Германией. Польские, немецкие, латвийские и венгерские коммунисты были реальной помехой на пути дальнейшего сближения Сталина с Гитлером. Одновременно с ними был репрессирован фактически весь аппарат советских разведывательных органов в этих странах. Оставшаяся разведывательная сеть была в значительной степени деморализована и заморожена, т.е. принуждена к бездействию.

Итак, ставка на публичный процесс над «заговорщиками» в Коммунистическом Интернационале провалилась. Начался индивидуальный отстрел тех, кто намечался ранее в качестве фигурантов на процесс по «коминтерновскому делу»:

20 сентября 1937 года — был расстрелян бывший начальник отдела кадров ИККИ А. Краевский;

27 октября 1937 года — директор издательства «Иностранный рабочий» М. Крепс;

3 ноября 1937 года — Б. Бортновский-Бронковский;

- 25 ноября 1937 года — бывший руководитель ОМСа ИККИ
А. Абрамов-Миров;
26 ноября 1937 года — бывший руководитель Орготдела
ИККИ Б. Васильев;
13 января 1938 года — Б. Идельсон.

Этот список можно продолжать до бесконечности. В приложении к этой книге я привожу список деятелей Коминтерна, подвергнутых политическим репрессиям в тот период и уничтоженных по приказу Сталина позже. Но и он не полный. Там указаны лишь те лица, которые известны лично мне.

Сталин бдительно следил за всем, что имело прямое или косвенное отношение к расследованию. Он регулярно получал и внимательно читал отчеты о допросах и показания, выбитые из арестованных. Он вызывал к себе и заслушивал доклады Ежова и его заместителей: Фриновского, Слуцкого, Органова, Генерального прокурора Вышинского и председателя Военной коллегии Верховного суда Ульриха о ходе следствий и судилищ, согласовывал с ними тексты наиболее важных и ответственных документов и, наконец, составлял списки очередных арестов, экзекуций и казней.

Дальнейшая фабрикация дел арестованных происходила уже на «кухне ежовской команды и в Генеральной прокуратуре под присмотром Вышинского и Ульриха, в так называемых судебных заседаниях».

Состав «преступлений» и меры наказания каждому арестованному определялись заранее. В результате все подсудимые, несмотря на их поведение на суде и показания на следствии, признавались виновными и чаще всего осуждались на смерть.

Известно, что на всех документах, санкционирующих аресты работников Коминтерна и руководящих функционеров национальных компартий, стоит подпись Мануильского. Именно ему была доверена эта миссия. Без его визы никто из коминтерновцев арестован быть не мог.

А тем временем сам Мануильский уже был первым кандидатом на арест. Число показаний против него росло с каждым днем. Его досье в Секретном отделе сталинского секретариата достаточно распухло. Интересно, кто бы завизировал документ на его арест? Не иначе, как сам Сталин, но не он один. Сталин никогда не подписывал подобные документы в одиночку, он всегда привлекал к этой процедуре свое ближайшее окружение. Просто Мануильский был ему еще нужен.

Приходится сожалеть, что его фамилия не попала диктатору под горячую руку.

Но оставим в покое этого сталинского прихвостня и продолжим наше повествование.

Не все, что творилось в руководстве ГУГБ НКВД СССР, удовлетворяло Сталина и его личный аппарат, руководивший смертельной экзекуцией над партией и народом страны. Сталина не устраивали ни сроки, ни результаты этой кампании, особенно по формированию «коминтерновского дела». Но этот вопрос был вновь поднят на январском Пленуме ЦК ВКП(б) 1938 года.

14 января Пленум заслушал доклад члена Особой комиссии по безопасности Политбюро ЦК Г. Маленкова. По-видимому, его доклад отражал мнение этой комиссии, превратившейся в Малое Политбюро, продиктованное ее председателем — Сталиным, которого настораживало выступление иностранной прессы о беззаконии, творившемся в Советском Союзе. Авторитет Страны Советов резко упал даже в глазах сочувствующей ранее Советской власти зарубежной интеллигенции, не говоря уже о коммунистических кругах национальных секций Коминтерна.

За рубежом не могли понять, как люди, создавшие партию и сумевшие завоевать власть в своей стране, стали выступать против дел своих, против самих себя.

Кроме того, руководство иностранных разведок было удивлено количеством добровольной агентуры, о которой им ничего не было известно. Вранье советской прессы было явно и не оспори́мо.

По докладу Г. Маленкова январский Пленум принял постановление «Об ошибках парторганизаций при исключении коммунистов из партии и о формально-бюрократическом отношении к апелляции исключенных из партии и о мерах по устранению этих недостатков».

Это была первая попытка сталинского руководства снять с себя ответственность за последствия широкомасштабных репрессий и переложить ее на рядовых исполнителей.

Однако маховик репрессий продолжал раскручиваться. Отдельные руководители органов безопасности продолжали соревноваться в своей подлости, выпрашивая у Сталина и Ежова дополнительные лимиты на отстрел советских граждан. Как подтверждение своим словам, привожу приказ начальника Управления НКВД по Московской области, одного из особо одаренных причников Сталина. А это не единичный случай. Подобное рве-

ние проявляли и многие другие руководители областных управлений НКВД.

Обратите внимание на дату приведенного ниже документа — февраль 1938 года, то есть непосредственно после окончания январского Пленума ЦК ВКП(б).

НКВД

Февраль 1938 г.

По приказу № 00447 Вам дополнительно утверждается лимит по 1-й категории (расстрел. — В.П.) на 4000 человек...

Всю операцию и рассмотрение дел закончить не позднее 15 марта 1938 года.

По окончании операции сообщить итоговой запиской о результатах.

При проведении операции особое внимание обратить на очистку транспорта в соответствии с директивой № 56.

Зам. наркома внутренних дел СССР,

Начальник управления НКВД по

Московской области, комиссар

Госбезопасности 1 ранга

Заковский

А в это время, в самом начале марта 1938 года, в Москве открылся третий открытый процесс над деятелями «антисоветского право-троцкистского блока». Он готовился намного дольше и тщательнее предыдущих московских процессов. Его главные подсудимые находились в тюрьме больше года. К суду были привлечены 21 человек, в том числе: Н.И. Бухарин, А.И. Рыков, Н.Н. Крестинский, Х.Г. Раковский, А.П. Розенгольц, В.И. Иванов, М.А. Чернов, Г.Ф. Гринько, Н.А. Зеленский, С.А. Бессонов, А. Икрамов, Ф. Хаджаев, В.Ф. Шарангович, П.Г. Зубарев, В.А. Максимов-Диковский — партийные и хозяйственные деятели.

Эта группа, якобы действуя по заданию иностранных разведок, пыталась «свергнуть существующий в СССР общественный и государственный строй, восстановить в стране капитализм и власть буржуазии, расчленив СССР и отторгнуть от него в пользу империалистических государств Украину, Белоруссию, Среднеазиатские республики, Закавказье и Приморье.

Другую группу обвиняемых составляли известные медицинские работники Л.Г. Левин, Д.Д. Плетнев, И.Н. Казаков и секре-

тари Горького и Куйбышева П.П. Крючков и В.А. Максимов-Диковский. Эта группа людей обвинялась в медицинских убийствах.

И наконец, третью группу составляли Г.Г. Ягода — бывший председатель ОГПУ и П.П. Буланов — секретарь ОГПУ. Г.Г. Ягода знал слишком много тайн своего хозяина, пролил много крови старых большевиков.

Здесь мне хотелось бы сделать небольшое отступление. Дело в том, что совсем недавно семья М.А. Трилиссера разрешила мне ознакомиться с материалами его реабилитационного дела № Р-23635. Из этого дела видно, что М. Трилиссера допрашивали с применением мер физического воздействия более 20 раз, но кроме протоколов, заранее заготовленных следствием, которые его принудительно заставляли подписать, он рассказал много интересного о внутренней обстановке в ГПУ—ОГПУ того времени, чему можно верить.

Так на допросе 7 ноября 1939 года он на вопрос следователя о Менжинском дал ему такую характеристику:

«Менжинский является типом барина в партии, для которого были тесны рамки партийной дисциплины.

Еще в 1926 году, после смерти Ф. Дзержинского, он откровенно высказывался при мне, что чекисты — это особый, отличный от других коллектив, со своей дисциплиной, своим укладом, что мы, чекисты, народ обреченный».

«Все, что бы ни происходило в этом доме, — говорил Менжинский, — должно остаться и умереть в стенах ЧК, что этого требуют интересы дела... Зачем нам обращаться в ЦК», — высказывался Менжинский по другому поводу, «когда мы можем решать и сами эти вопросы...»

«Этот заговор молчания воспитывал чекистов, распространялся на руководителей, оперативный состав и не только в центре, но и на местах...»

«...Менжинский и Ягода скрывали от ЦК истинное положение в ГПУ—ОГПУ, они покрывали политическое разложение руководящей чекистской верхушки, ее сращивание с... (написано неразборчиво. — В.П.), растраты и излишества, достигающие больших размеров. Все это покрывалось стеной молчания.

Бесконечно тратя государственные средства, Ягода покупал своих сторонников щедрыми подарками, сокрытием их уголовных преступлений.

Мне же в этом деле была уготовлена своеобразная роль — партийной ширмы...»

Когда же М.А. Трилиссер восстал против подобного положения в ОГПУ, Менжинский и Ягода с помощью Сталина добились его отзыва с работы в этом органе.

«Расстановкой кадров в ОГПУ Ягода преследовал своей целью захватить все руководящие посты в этой организации...»

«Таким образом, к 1929 году в руках Ягоды с молчаливого согласия Менжинского и Сталина оказались все командные позиции в ОГПУ, оперативные отделы и вооруженные силы»*.

Впрочем, приведенные данные взяты из протокола допроса М.А. Трилиссера и, возможно, подверглись существенной корректировке со стороны нового руководства НКВД.

Но мы заскочили несколько вперед. Вернемся к марту 1938 года, к процессу над деятелями антисоветского право-троцкистского блока.

На процессе Ягода за обещание помилования взял на себя убийство С.М. Кирова и личную ответственность за преступления, в которых народ подозревал Сталина. Но наотрез отказался признать обвинение в шпионаже. В ответ на это обвинение он заявил: «Если бы я был шпионом, то уверяю вас, что десятки государств вынуждены были бы распустить свои разведки, так как им нечего было бы делать».

На вопрос Вышинского: «не испытывает ли Ягода сожаления за содеянное», Ягода ответил: «Очень сожалею, что когда я мог это сделать, я всех вас не расстрелял».

Это судилище совершалось с грубейшими нарушениями юридических норм. Многие обвиняемые были сломлены физически истязаниями во время допросов. Лучшее всех держался Н.Н. Крестинский. Когда Вышинский спросил его, признает ли он себя виновным, то Николай Николаевич вскочил с места и гневно заявил:

«Я не признаю свою вину. Я не троцкист. Я никогда не был участником право-троцкистского блока, о существовании которого просто не знал. Я не совершил также ни одного из тех преступлений, которые вменяются мне лично, в частности, я не признаю себя виновным в связях с германской разведкой...»

* Реабилитационное дело № Р-23635 М.А. Трилиссера, с. 75, 80, 85, 89.

Я до ареста был членом коммунистической партии большевиков и остаюсь им»*.

После этого заявления Крестинского суд прервал свое заседание. Следствию было приказано восстановить показания Крестинского и следствие потрудилося с пристрастием. Он был тяжело избит, вся его спина представляла сплошную рану. Таким образом, показания Крестинского были восстановлены. Он признал свою вину*.

13 марта 1938 года после семичасового совещания в 4 часа утра по делу участников «антисоветского право-троцкистского блока» был вынесен приговор, по которому все обвиняемые, кроме Х.Г. Раковского, Д.Д. Плетнева и С.А. Бессонова, были приговорены к расстрелу. Плетнев — к 25 годам, Раковский — к 20, а Бессонов — к 15 годам тюремного заключения.

Согласно материалам политических процессов, проведенных в 1937—1938 годах, во главе ВКП(б), Советского правительства, Коминтерна, Красной Армии и органов безопасности на протяжении долгих лет стояли заведомые негодяи, «замаскированные сторонники капитализма и фашизма, продажные наймиты буржуазных разведок и провокаторы царской охранки».

В дни этого процесса итальянский фашистский официоз — газета «Popolo D'Italia» писала: «Не стал ли Сталин фашистом в связи с катастрофой ленинской системы?»***

А Муссолини с удовольствием заявил, что «никто до сих пор не наносил идее коммунизма (пролетарской революции) таких ударов и не истреблял коммунистов с таким ожесточением, как Сталин»****.

К этому времени все руководящие работники НКВД из команды Ягоды уже были уничтожены как враги народа: Капельсон и Коган — руководители ГУ ПВО, Лепсид — из высшей партийной школы, Лейбзон — из школы ТО ОГПУ, Миронов — заместитель Ягоды и секретарь парторганизации ОГПУ, а затем заместитель Ягоды Агранов — Секретный отдел, Алексеев — ИНФО, а также Слуцкий, Гай, Паукер, Пиллер, Ольский, Шанин, Леплевский, Сосновский, Мессинг, Медведь и многие, многие другие*****.

* Судебный отчет по делу «Антисоветского право-троцкистского блока», с. 37—38.

** «Известия ЦК КПСС», 1938. № 1. С. 118.

*** «Борьба противовласти», с. 286.

**** «Бюллетень оппозиции», 1938. № 65.

***** Реабилитационное дело М.А. Трилиссера № Р-23635. Протокол допроса от 7 ноября 1939 года.

Но вернемся к делу Пятницкого.

10 апреля 1938 года началась его усиленная обработка с применением мер физического воздействия.

В архивно-следственном деле Пятницкого имеется выписка из журнала вызова его на допросы. В этом документе зарегистрировано, что за период с 10 апреля по 27 июля 1938 года Пятницкого вызывали на допросы семьдесят шесть раз, причем в некоторые дни по три раза. Допросы длились по несколько часов. За это время он подвергался допросам в течение двухсот двадцати восьми часов с применением физических мер воздействия, то есть пыток и избиений*.

Бывшие следователи НКВД генералы Чижов и Есипенко, допрошенные в качестве свидетелей по делу генерала Лангфанга в 1955 году, подтвердили это. И А. Темкин, сокамерник Пятницкого, рассказывал мне, что после допросов отец возвращался в синяках и кровоподтеках на теле, что, идя на допросы, он надевал на себя всю имевшуюся у него одежду, чтобы хоть как-то уменьшить боль от побоев.

Однажды он вернулся весь окровавленный. Лангфанг разбил о его голову графин с водой. В другой раз его принесли в камеру в бессознательном состоянии.

Интенсивная обработка дала свои результаты. Можно быть стойким и выдержать любые физические мучения, когда защищаешь идею, в которую веришь. Здесь же Пятницкий был лишен основного стержня — поддержки своей партии, которую сам создавал и которой служил беззаветно. Теперь его терзали от имени его партии, ее руками.

И он не выдержал и стал давать показания, а так как показывать было нечего, контрреволюционной организации в Коминтерне как таковой не существовало, то он стал рассказывать о своей работе, о людях, с которыми был связан, и событиях, в которых участвовал.

Эти показания дополнялись следователем не оговоренными в протоколах вставками о том, что это он показывает как руководитель контрреволюционной организации, что действовал по указаниям Троцкого, переданным ему Радеком, и так далее в том же духе. Но в следственных делах Радека, Зиновьева, Бухарина и Рыкова упоминаний о контрреволюционной право-троцкистской организации в Коминтерне и об участии в ней Пятницкого не было совсем. Об этом говорится в справке Главной военной

* Материалы перепроверки дела И.А. Пятницкого.

прокуратуры, которой была поручена проверка обстоятельств дела Пятницкого и его подельцев.

На следствии Лангфанг показал: руководство НКВД с самого начала считало Пятницкого одним из основных руководителей право-троцкистской организации в системе Коминтерна. Со стороны своего непосредственного руководства Лангфанг получил устную ориентировку о том, в каком направлении вести следствия по порученным ему делам, и неукоснительно выполнял это указание.

Лангфангу было поручено, кроме дела Пятницкого, вести также следствие по делам Кнорина, Мельникова, Смирнова, Алиханова, Чемоданова, Алексеева-Железнякова, Гартман-Бену и других коминтерновских функционеров.

Первые показания Пятницкий начал давать 14 апреля 1938 года, через девять месяцев и семь дней после ареста. Его показания представляют собой черновые записи. Некоторые из них перепечатаны следствием на машинке. Как удостоверяет Главная военная прокуратура, показания Пятницкого имеют не оговоренные вставки, исправления и вычеркнутые места. Это обстоятельство следователь Лангфанг объяснял так:

«За это время Пятницкий допрашивался много раз, его показания не фиксировались, то есть он все время не признавал свою принадлежность к контрреволюционной организации и свою вину отрицал. Это не удовлетворяло руководство НКВД, и составить более или менее полного протокола его допроса по его показаниям мне не разрешалось».

В то время, говорил на своем следствии в Главной военной прокуратуре Лангфанг, существовала такая практика, по которой арестованные сами писали свои показания, и потом на их основе составлялись протоколы допросов, а их собственноручные показания уничтожались.

Свои показания Пятницкий писал собственноручно, но Лангфанг считал их рабочими материалами и поэтому корректировал их сам без всяких оговорок, имея в виду, что впоследствии при составлении протокола допроса обсудит их с ним. Ибо, как считал Лангфанг, его показания требовали детальной обработки и всяческих уточнений.

Пятницкий не давал исчерпывающих показаний, которых добывалось от него следствие.

Лангфанг также показал, что о ходе дела Пятницкого он систематически докладывал своему непосредственному начальнику Полячеку, а тот, в свою очередь, начальнику отдела Минаеву. Оба давали ему советы и делали замечания, которым Лангфанг неукоснительно следовал в своей дальнейшей работе по этому делу*.

Следователь Лангфанг, желая добиться капитуляции Пятницкого, заявил ему, что следствие располагает показаниями более чем двадцати лиц, арестованных за активную работу в антисоветской организации в системе Коминтерна.

«Все эти лица изобличают вас в антисоветской работе. Вы подтверждаете, что на протяжении ряда лет вели активную антисоветскую работу?» — спрашивал Лангфанг.

«Никакой антисоветской работы я не вел, — был ответ Пятницкого. — Лицам, которые показывают на меня, никаких антипартийных поручений не давал и антисоветских разговоров с ними не вел».

И дальше потянулись долгие дни, недели, месяцы единоборства Пятницкого с машиной допросов. Что пережил за это время узник Лефортовской тюрьмы? Как бы ни был Пятницкий стоик в своем сопротивлении насилию, настал день, когда он начал давать следствию требуемые показания.

В единственном оформленном 14 апреля 1938 года протоколе допроса видно, что он уже признал, что:

«Я был одним из руководителей право-троцкистской международной организации, которая работала под руководством право-троцкистского центра (Радека, с которым был связан Абрамов-Миров). Во главе организации стояли Кнорин, я, Абрамов-Миров и Бела Кун. Цели организации были: содействие в установлении связи между Троцким и троцкистами в Советском Союзе, проведение в Коминтерне линии на воспрепятствование сближению между коммунистами и социал-демократами, объединению профсоюзов и доставка в СССР троцкистской литературы»**.

В дальнейшем его показания сводились к рассказу о деятельности Исполкома Коминтерна с периода от декабря 1925 до осени 1932 года. Особое внимание отводилось разногласиям внут-

* Приведенные данные взяты из протокола допроса генерала Лангфанга А.И. от 9, 10 и 12 мая 1955 года. Следственное дело И.А. Пятницкого, т. 3, л.д. 345—369.

** Протокол допроса И.А. Пятницкого от 14.04.38 года. Следственное дело № 11888, т. 2, л.д. 233—240.

ри руководства ИККИ по вопросам тактики. Из этих показаний видно, что основные разногласия были с Мануильским. Теперь, в 1938 году, получалось так, что сторонники Пятницкого составляли основные кадры так называемой «контрреволюционной организации в Коминтерне».

Обратимся теперь к другим документам. По данным журнала Лефортовской тюрьмы о допросах заключенных, Пятницкий вызывался на допросы в апреле месяце 1938 года тридцать раз. 10, 11, 13, 14 апреля он допрашивался Лангфангом и другим следователем, Есипенко. Последующие допросы вел только Лангфанг. Допрошенный в качестве свидетеля 11 апреля 1956 года по делу Лангфанга генерал-майор запаса Д.И. Есипенко отрицал свое участие в допросах Пятницкого. Он утверждал, что никогда к своим подследственным «физических мер воздействия не применял».

«Мне думается, — говорил Есипенко, — 14 апреля 1938 года Пятницкий начал давать показания Лангфангу, который вел его дело, а затем в моем присутствии эти свои показания он мог продолжить. Разбирался с его показаниями Лангфанг, который... был в курсе дела агентурной и следственной работы одиннадцатого отделения наркомата».

Допрошенный в качестве свидетеля другой следователь НКВД А.И. Чижов дал 13 апреля 1955 года другие показания. По его утверждению, Лангфанг и Шварцман отличались в наркомате особым пристрастием к применению физических мер воздействия.

Бывший сотрудник ИККИ А. Гринберг в своем заявлении на имя Генерального прокурора СССР в 1955 году подробно указывал о незаконных методах ведения следствия. По его словам, арестованный Кнорин был в результате физического воздействия морально сломлен и, продемонстрировав сокамерникам свою избитую спину, заявил, что подписал все, что требовал следователь, «а теперь вот пишу новую историю Коминтерна». Так он характеризовал свои показания, которые писал в кабинете следователя и в тюремной камере. Аналогичную «историю Коминтерна» писал и Пятницкий.

В чем он признавался следствию на своих допросах, я иллюстрирую по тексту самого протокола допроса от 14 апреля 1938 года*:

* Протокол допроса И.А. Пятницкого от 14.04.38 года. Следственное дело № 11888, т. 2, л.д. 233—240.

«Обстановка на XIV съезде произвела на меня удручающее впечатление. Выступление множества делегаций с фабрик и заводов — ленинградских — за ленинградскую оппозицию, остальных — за ЦК — превратили съезд в митинг. По существу разногласий я был на стороне ЦК. Я не был делегатом съезда с решающим голосом. Во время прений по докладу Зиновьева был объявлен перерыв на 1—2 часа (точно не помню). Я пошел на квартиру Бухарина в «Метрополь» (он лежал в постели, был, как помнится мне, простужен). Бухарин тогда стоял на правильной линии. Я ему заявил, что с политической линией, изложенной в докладе Сталина, в резолюции съезда по этому докладу я вполне согласен, но что во время съезда начали борьбу в Ленинграде, я согласиться не могу. Я ему сказал, что мне надо поехать в Сааре-Алупку забрать своего ребенка, которому очень плохо (он там лечился). Бухарин мне разрешил поездку. Я вернулся, когда прения по докладу Зиновьева еще не были закончены. Сейчас же после съезда начался нажим на ленинградскую организацию, с которым я не был согласен. Я тогда ошибочно думал, что можно было спокойно дать ленинградской организации изучить решение съезда, заслушать доклады своих делегатов и представителей ЦК.

Семен Шварц, который бывал на заседаниях ЦК антитроцкистов, рассказывал мне о резких столкновениях между зиновьевцами и сторонниками Сталина. Он мне много тяжелого тогда рассказал. У меня от его рассказов остался неприятный осадок. Семен Шварц тогда, безусловно, был зиновьевцем. Выступавших на последующих Пленумах ЦК против зиновьевцев он безбожно ругал. Совсем перед моим арестом я с ним вместе ходил домой с какого-то заседания. Он по дороге все время брюзжал. Я ему возражал. Во время и после XIV съезда колебался по организационным вопросам не только я. Колебался и Мануильский, с которым я был тогда очень близок, и Лозовский. Мануильский выразился грубо анекдотом: «Нами правят: Заикало (Рыков), Ошибало (Бухарин) и Вышибало (Сталин)».

Лозовский уговаривал меня, председателя комиссии по расследованию фракционной деятельности двух зиновьевцев — Гуральского и Вуйовича в Коминтерне (членами этой комиссии были Мануильский и Лозовский) — не впутывать Зиновьева в это дело. Гуральский и Вуйович были выгнаны из аппарата ИККИ. Когда на одном из Пленумов ЦК был поставлен вопрос о выводе из ЦК Зиновьева и Троцкого, я сказал Сталину, что я против вывода Зиновьева, но за вывод Троцкого как чужестранца в партии. Я

голосовал за вывод обоих из Политбюро, когда начались разногласия между членами Политбюро по хлебозаготовкам.

Бухарин мне много врал. Он мне сказал, что Сталин выступил на конференции аграрников-марксистов сам лично, без поручения Политбюро, что по одному вопросу Сталин остался в Политбюро в меньшинстве (не помню, по какому вопросу) и что на ближайшем Пленуме ЦК у него будет большинство, ибо за него будет московская делегация, большинство ленинградцев и украинцев.

На Пленуме от правых выступил Томский с утверждением, что в деревне нет, и не будет классовой борьбы. Сталин ему ответил, что партия не заинтересована разжигать классовую борьбу в деревне, но она есть и будет на ближайший отрезок времени. После одного заседания Пленума Мануильский и я пошли к Бухарину (он жил рядом). Я сказал ему свое мнение о классовой борьбе в деревне и прибавил, что за Рыковым в партии ни одна собака не пойдет.

На VI Конгрессе Коминтерна делегации говорили о разногласиях в Политбюро. Бухарин мне заявил, что имеется полная договоренность с Политбюро. Он обхаживал на Конгрессе примиренцев Верта, Гергорта (Германия), Илека (Чехословакия), Чильбума и Самойлсона (Швеция) и других.

Однажды на заседание старейшин конгресса явился Сталин, который разгромил примиренцев, заявив, что они перебрасывают мосток правым. Бухарин и на этот раз мне лгал. Сговоренности у него со мной не было. Наконец, мне претил подхалимаж в партии, вождизм районных и областных руководителей парторганизаций, конец которым положил Сталин в своей речи на февральском Пленуме.

Все это создало у меня двойственность во многих вопросах, в особенности в аграрном. Хотя о моих колебаниях я не говорил ни с кем, все же иногда в моих выступлениях проскальзывали недовольные нотки. Этим воспользовались «Кнорин и К^о», чтобы меня опутать. Сильно помогла в этом борьба Мануильского со мной. Между VI Конгрессом и X Пленумом ИККИ, когда Мануильский остался работать в Секретариате ИККИ (до этого времени он все время работал в Западном бюро ИККИ. Там же находился и Кнорин, который оставался там немного дольше Мануильского), он начал интриговать против меня.

Со всех сторон я узнавал, что он хочет меня и С.И. Гусева удалить с работы в Коминтерне. На X Пленуме ИККИ (не помню точно, когда он был, кажется, в 1929 году) я выступил с большой

речью по организационным вопросам, которая произвела впечатление. Речь эта была помещена в «Правде» по предложению Молотова. Выступил я по докладу Мануильского. Мануильский мне все время мешал говорить своими репликами. Это очень сильно бросалось в глаза, и многие спрашивали меня, чем это можно объяснить, ибо многие знали, что мы, я и он, были очень дружны.

Действительно, до VI Конгресса мы очень дружили. Он делился со мной своими сомнениями во время XIV съезда. Он был против мероприятий делегации ВКП(б) в ИККИ, против правых в КП Германии. Он убеждал меня примириться с Рут Фишер и Масловым в Германии, которых я терпеть не мог (он мне тогда писал, что Маслов — прекрасный руководитель и т.д.). Во время Пленума ЦК ВКП(б) перед VI Конгрессом, на котором стояло два вопроса Коммунистического Интернационала: программа и общий вопрос о положении в Коминтерне, докладчиком по этому вопросу выступал Мануильский. По его докладу резко выступил Ломинадзе и еще кто-то из группы. Мануильский был этим очень раздражен. Он мне заявил, что руководство ВКП(б) напустило на него этих молодцов. Из этого видно, как близко я тогда стоял к нему. Почему он начал интриговать против меня? Он мне однажды откровенно сказал: «Нам, двоим, здесь делать нечего. Когда ты в учреждении, все идут к тебе». Совместная работа не клеилась у нас. Разногласия были между нами и по другим вопросам. Ниже я остановлюсь на них.

Драка началась между Мануильским и С.И. Гусевым во время моего отпуска в 1930 году. Началась между ними склочная переписка. Касалась эта переписка двух стран: Англии и Чехословакии. КП Чехословакии входила в Лендерсекретариат, которым ведал Кнорин. КП Англии входила в Лендерсекретариат, которым ведал Гусев. Когда я вернулся из отпуска, Мануильский вручил мне всю переписку между ними и потребовал, чтобы я определился, т.е. стал на сторону Гусева или его (Мануильского).

Кроме того, он потребовал от меня, чтобы я разослал всю склочную переписку всем членам делегации ВКП(б) в ИККИ. Переговорив с Молотовым, я, по его совету, всю переписку оставил у себя, известив об этом Мануильского и Гусева. Что же касается вопроса по существу, то я заявил Мануильскому, что по вопросу о КП Чехословакии прав он — Мануильский, по английскому вопросу прав Гусев.

Дело было в том, что Мануильский предложил КП Англии издать краткую хартию требований, что было верно, но среди этих

требований не было ни одного, направленного к рабочему правительству (это было второе рабочее правительство). Мануильского это второе мое заявление взбесило. Он затаил злобу против меня. Он это показывал всюду. Началась борьба. Она редко выходила наружу. Приведу лишь четыре примера, показывающие, как остра была эта борьба.

Первое столкновение было на открытом заседании Политсекретариата по австрийскому вопросу. Мануильский предложил дать директиву КП Австрии, чтобы она призывала голосовать за социал-демократа Ренера на выборах в президенты без всяких условий. Кроме того, на выборах в члены фабзавкомов в Австрии, которые шли в момент обсуждения этого вопроса в ИККИ, Мануильский предложил выставить совместные списки коммунистов и социал-демократов, хотя никакой фашистской опасности не было.

Против этих двух предложений Мануильского выступили многие присутствующие на заседании члены Политсекретариата и Президиума ИККИ. Мануильский выступал резко три раза, я и Кнорин выступили по два раза. Прения приняли нежелательный характер, поэтому я предложил отложить решение этого вопроса. Этим я хотел получить возможность узнать мнение делегации ВКП(б) в ИККИ. Но Мануильский настоял на немедленном голосовании. За это предложение Мануильского голосовал он один. После этого случая было решено раньше обменяться мнениями между членами делегации, которые работают постоянно в ИККИ. Мануильский этого решения не выполнил.

Второе столкновение было на заседании комиссии по американскому вопросу. Комиссия была обширная. Присутствовали члены КП Америки, которые учились в Ленинской школе. На этой комиссии (может быть, это было открытое заседание Лендерсекретариата) я выступил по вопросу о работе среди безработных. Я предложил целый ряд практических мероприятий для этой работы. Мануильский сейчас же, как я появился на трибуне, громко потребовал себе слово, хотя первым после меня был записан представитель КП Англии в ИККИ Мерфи. Это вызвало взрыв хохота. Получился скандал.

Третье столкновение было у нас по испанскому вопросу сейчас же после революции 1932 года. Мануильский опять нарушил постановление о сговоре раньше, чем ставить открыто вопросы, которые могут вызвать разногласия. Он предложил дать указания КП Испании, чтобы они толкали левых буржуа к власти. После

них можно будет говорить о перерастании буржуазной революции в социалистическую (я не совсем уверен в точности передачи мысли Мануильского). Я же высказал тот взгляд, что после Керенского буржуазия вряд ли допустит левых болтунов к власти. Значит, массы, рабочие и крестьяне, только могут поставить к власти левых политиков. Если у них будет столько сил, чтобы свергнуть буржуазное правительство, то они смогут поставить рабоче-крестьянское правительство. События в Испании показали, что мы оба оказались не правы. При иностранных коммунистах разногласия наши выявились. Выступления друг против друга были резкие.

Четвертое столкновение было на заседании Политкомиссии по американскому вопросу. Мануильский предложил дать указание КП Америки, чтобы она выработала проект закона о страховании от безработицы совместно с демократической партией. Я выступил против этого предложения. Я был того мнения, что КП Америки маленькая. Она имеет мало влияния на рабочих. Безработных же в Америке около тринадцати миллионов человек. Если она выработывает хороший популярный закон о страховании безработных, то она может стать широко известной массам. Проект закона могли бы подписать кроме КП также ученые, писатели и отдельные деятели демократической партии. Мануильский вскочил и заявил, что я извратил его мысли.

Члены Политкомиссии в своих выступлениях подтвердили, что я правильно изложил предложение Мануильского. Тогда он вскочил, выругал меня, заявив, что это мои грязные шуточки, подал мне записку приблизительно с таким же содержанием и удалился с заседания.

О моих разногласиях с Мануильским и его грязной записке я сообщил руководству ВКП(б).

Эти разногласия и столкновения вызвали деление ответственных сотрудников на два лагеря.

В Политкомиссии меня поддерживали постоянно по многим вопросам: Гекерт (представитель КП Германии), Ван Мин (представитель КП Китая), Куусинен, Бронковский (представитель КП Польши), Кнорин.

Членов Политкомиссии было вначале пять и два кандидата. В середине 1934 года число членов Политкомиссии было увеличено до десяти человек. Кроме вышеперечисленных были введены Димитров, Эрколли, Готвальд. Ибо когда предложения Димитрова и Мануильского были правильные, и я против них не мог выс-

тупать, а старался по право-троцкистской указке тормозить вынесение правильных решений.

До 1932 года я честно работал. Разногласия мои с Мануильским были искренни.

По поводу последней выходки Мануильского против меня целый ряд товарищей требовали от меня постановления этого вопроса на Политкомиссии. Среди других были Стасова, Гопнер и, кажется, Кастолян. Но я им всем заявил, что этот вопрос будет урегулирован в ЦК, а не в ИККИ.

Следующие работники ИККИ стали на мою сторону в споре между мною и Мануильским, хотя многие из них мне об этом не говорили: Васильев — заорг, Смоленский — работник Лендерсекретариата, Мадьяр и Миф — Восточный секретариат, Меринг — Англо-Американский секретариат, Стасова и Кун — работники журнала «Коммунистический Интернационал».

На стороне Мануильского стояли работники отдела кадров и Романского секретариата Степанов, Мюллер, Черномордик, Краевский и Мирон — бывший секретарь Зиновьева, Гере и Бере. Список далеко не полный.

В 1932 году оживилась работа всех оппозиций. В аппарат ИККИ были присланы Сафаров, Гуральский, Вуйович.

В борьбе с Мануильским я сблизился с Кнориным. Мои прежние колебания, которые я описал выше, и то, что я был против единого фронта и профобъединения (между прочим, Лозовский стоял на той же позиции), сделали меня восприимчивым к директивам право-троцкистского центра об едином фронте и профобъединении. Эту директиву сообщил мне Кнорин или Абрамов-Мирон, я не помню точно. Из другого источника я не мог узнать, ибо лишь с двумя этими лицами я разговаривал.

С Куном я не говорил ни о чем, что касалось нелегальной коминтерновской работы, ибо я боялся, что он будет широко болтать о моем участии в этой организации, ибо он большой болтун. Ни с кем из членов организации я лично не говорил. Я не встречался с правыми и троцкистами в СССР. Абрамов-Мирон без контроля с моей стороны был полным хозяином в важнейшем отделе ЦК ВКП(б) в Омске и контроль двойной был установлен мной в ИККИ над финансами.

Я никого в коминтерновскую организацию не вербовал. Заявления Бронковского и Куна, что я их завербовал, ложны, ибо Кун был Зиновьевцем с самого начала борьбы Зиновьева с партией, когда я им лишь сочувствовал по организационному вопросу.

Абрамов-Миров и Кун — правые в аппарате ИККИ, они и начали нелегальную работу.

Бронковский заявил на очной ставке со мной, что я его завербовал в организацию «не вульгарно», иди, мол...»*

В архивно-следственном деле Пятницкого имеются два его показания, датированные маем—июнем 1938 года. За это время его вызывали на допросы шестьдесят четыре раза, многие из которых длились по десять и более часов, естественно, с пристрастием. Их результаты следователь Лангфанг, после согласования со своим руководством, сгруппировал в два обширных показания без определенной даты проведения допросов и подшил к делу.

Показания эти Пятницким не подписаны и имеют множество не оговоренных вставок и исправлений. В них содержалась информация о работе Исполкома Коминтерна с осени 1932 года, о разногласиях в руководстве Профинтерна, были характеристики руководящих работников аппарата ИККИ: Краевского, Неймана, Эберлейна, Мануильского, Мифа, Меринга и многих других.

Эти показания в отдельных местах удивительно напоминают материалы судебного отчета по делу право-троцкистского блока, которые в то время подробно публиковали газеты «Правда» и «Известия»; Пятницкому о них, конечно, известно не было. Видимо, организаторы «антисоветского заговора в Коминтерне» заимствовали из прессы основные положения своих обвинений Пятницкому и включили их в схему его допроса.

Специальными разделами давалась подробная характеристика деятельности компартии Германии в конце 20-х — начале 30-х годов, а также руководства коммунистических партий Англии, Голландии и США. По этим показаниям практически все руководители этих партий были либо правыми уклонистами, либо троцкистами.

Следующие показания Пятницкого были датированы 2, 9, 25 и 27 июля 1938 года. Замечу, что, по журналу, он вызывался на допросы в июле двенадцать раз. Самый обширный протокол содержит 29 страниц и датирован 27 июля, тогда как по журналу допрос продолжался всего пятнадцать минут. Ни один из них также не подписан обвиняемым. Основной упор в этих показаниях делался на встречи Пятницкого с Бухариным и взаимоотношения с Эмбером-Дро, Куусиненом, Шмералем, Кемпбелом.

* Протокол допроса И.А. Пятницкого от 14.04.38. Следственное дело № 11888, т. 2.

В показаниях о встречах с Бухариным речь шла о назревании недовольства в стране в 1935 году. Бухарин якобы говорил следующее: «Недовольство охватывает часть военно-командного состава, широкие круги хозяйственников, низкооплачиваемых служащих, значительные слои колхозников и осколки прежних классов». Далее речь шла о возможном поражении СССР в войне с Германией и Японией и неизбежном в таком случае формировании нового правительства.

Материалы допроса 25 июля фиксировали якобы имевшие место разговоры Пятницкого и Бухарина в 1936 году. Здесь уже шла речь о подготовке и проведении вооруженного восстания. В частности, говорилось о роли Шеболдаева и Ларина в Азово-Черноморском крае, Пивоварова на Северном Кавказе, Кабакова в Свердловской области. Особым пунктом говорилось о необходимости установления связей со старым «антисоветским казачеством».

Последние показания Пятницкого датированы 27 июля. В материалах этого протокола фигурировала связь его с Троцким, финансирование им подрывной работы троцкистов за рубежом из средств, выделяемых Коминтерну, и раскрывалась технология этих действий и подготовка террористического акта против Лазаря Кагановича.

Как стало известно в 50-е годы, после смерти Сталина, все протоколы допросов Пятницкого и других основных подельцев его «контрреволюционной деятельности в Коминтерне» регулярно доставлялись Ежовым или Фриновским Сталину, который корректировал их. Этим и были вызваны не оговоренные следствием вставки в протоколы допроса, что подтверждается самим Лангфангом.

В своих показаниях следствию в 1955 году Лангфанг говорил, что в следственных делах, которые он вел в 1937—1938 годах, были подшиты вторые экземпляры протоколов допросов следственных коминтерновских работников, которые не были оформлены соответствующим образом. Он объяснял это тем, что первые экземпляры этих документов, подписанные и допрашивающим следователем, и обвиняемым, сдавались следователем в секретариат Наркомата внутренних дел СССР для отправки в ЦК ВКП(б). При этом работники секретариата НКВД заверяли следователей, что оформленные протоколы допроса из ЦК ВКП(б) будут возвращены обратно и тогда следователи смогут подшивать их к делам.

На вопрос следствия, адресованный Лангфангу, только ли он допрашивал Пятницкого, он сообщил, что на допросах часто присутствовал сам Ежов, его заместитель Фриновский, начальник Третьего отдела Минаев и его непосредственный начальник Полячек.

Многие в руководстве ВКП(б), в том числе и в самом Политбюро, сомневались в виновности Пятницкого. Чтобы окончательно убедить членов Политбюро в его виновности, Сталин поручил Ежову устроить очную ставку членов Политбюро ЦК с одним из обвиняемых по его делу. Выбор пал на Бориса Николаевича Мельникова, который в последнее время возглавлял реорганизованный после Конгресса Отдел международных связей Коминтерна.

Подготовка этого мероприятия была поручена следователю, который — это было хорошо известно руководству НКВД — не церемонился с подследственными. И он действительно с помощью усиленного физического воздействия достиг необходимого результата. Мельников был сломлен и морально, и физически. Как это произошло, я узнал из рассказа старого коммуниста Михаила Григорьевича Менделеева, который волею судьбы оказался на короткое время в камере, где содержался Мельников после своей встречи с членами Политбюро. Мельников и поведал ему, как все это происходило.

Наша встреча состоялась в 1987 году, в июле. Вот что я узнал от Михаила Григорьевича...

Менделеев был арестован и сидел в Воркутинском лагере особого назначения. 8 мая 1938 года его этапом доставили в Москву во внутреннюю тюрьму НКВД на Лубянку, 2, на переследствие. В течение первых «лубянских» дней его несколько раз вызывали к следователю.

В конце июня — начале июля 1938 года, после очередного допроса, Менделеева привели в другую камеру. Он мне сказал, что так случалось и раньше. Иногда это делалось по ошибке, а иногда и специально, чтобы развести с кем-либо, не дать встретиться и переговорить.

Войдя в камеру, он увидел высокого согрбленного человека с осунувшимся лицом и померкшим взглядом. Менделеев поздоровался с ним и протянул руку. Тот на приветствие не ответил. Тихо сидел в углу камеры. Потом они разговорились. Он представился: Мельников Борис Николаевич. Так они познакомились. И Мельников поведал Менделееву свою историю.

Он был арестован 15 мая 1937 года и 25 ноября того же года приговорен к расстрелу. Теперь же — смертник, с тех пор ожидает своей казни. И добавил, что сам себе противен и с нетерпением ждет смерти, как избавления от мук физических и особенно душевных. Он назвал себя подлецом: «Я не только оговорил себя в делах неведомых, но и оклеветал честнейшего человека, перед жизнью и делами которого преклонялся всю свою жизнь». — «Кто же этот человек?» — спросил Менделеев. «Я оклеветал Осипа Пятницкого, секретаря и члена Президиума Коммунистического Интернационала», — последовал ответ.

Менделеев пытался его успокоить, сказав, что в этих стенах может произойти и не такое — далеко не каждый может выдерживать применяемые здесь изощренные методы истязаний. Мельников перебил Михаила Григорьевича и попросил выслушать его внимательно, предупредив, что все это время он содержится в этой камере один, что охрана привела его, Менделеева, сюда по ошибке и скоро спохватится и его уведут отсюда. «Вы, может быть, останетесь живым, — сказал он. — И тогда, оказавшись на свободе, расскажите там!»

И Менделеев услышал ужасную историю, от которой даже ему, уже повидавшему здесь всякое, стало страшно...

Он, Мельников, бывший работник Разведупра РККА, последнее время работал Генеральным консулом в Харбине, затем в Токио и был членом коллегии Наркоминдела. Пятницкого знал давно, близко сталкивался с ним в период работы в Коминтерне и последнее время в ЦК партии. Знал и нашу семью.

Мельникова обвинили в шпионаже в пользу Японии и в троцкизме. Он долго держался, доказывая абсурдность обвинения, но его не слушали, зверели, избивали и, наконец, вынудили подписать все, что сочинил следователь. После этого его надолго оставили в покое.

Два месяца назад его снова вызвали к следователю и сообщили, что он приговорен к расстрелу, что суд был заочным. И сказали, что его уже нет, он труп, что они вызвали жену и дочь Мельникова и сообщили, что он уже расстрелян, сказали им, чтобы они больше не приносили ему передачи. И Мельников стал ждать смерти, постепенно привыкая к мысли об этом. Прошло много месяцев. Время тянулось медленно и страшно.

Однажды ночью Мельникова снова вызвали к следователю, но привели в другой кабинет. В кабинете находились трое, один сидел за столом, по-видимому, был старшим, двое других сидели

поодаль в тени, так что рассмотреть их он не мог. Разговаривал с ним в основном лишь тот, кто сидел за столом. Другие молчали и слушали.

Мельникову напомнили, что он смертник, что он не только приговорен к расстрелу, но, по документам, уже расстрелян и, как они выразились, списан. Что он уже труп, и теперь они вольны делать с ним все, что им заблагорассудится. И поэтому он не должен надеяться на легкую смерть. Он будет умирать долго и мучительно. Но если он хочет этого избежать и заслужить легкую смерть, он должен дать необходимые показания против одного своего знакомого, ярого контрреволюционера.

Мельников спросил: «Против кого?» Ему ответили: «Против бывшего руководителя Коминтерна Осипа Пятницкого». От него требовали подтверждения, что Пятницкий является шпионом в пользу Японии и других капиталистических стран. Зная Пятницкого лично и глубоко уважая его честность и идейность, Мельников всячески доказывал, что это ложь, наветы и что он — очень уважаемый в Коминтерне товарищ.

И, как говорил Мельников, начались допросы. Одно только ожидание их приводило его в содрогание. Сначала он пытался доказать следователям, что Пятницкий ни при каких обстоятельствах шпионом стать не мог. Их это бесило, и они с новой яростью набрасывались на него и с остервенением доказывали, что он действительно труп. И в один из таких дней Мельников не выдержал, сломался и согласился на их условия.

После этого несколько дней его не трогали, дали отдохнуть. А потом опять привели в известный ему кабинет. Там было несколько человек. Старший из них вручил Мельникову текст ответов на вопросы, на которые он должен будет отвечать без запинки. Приказали прочитать их вслух и выучить наизусть. И с угрозой добавили, что никаких сомнений ни в его словах, ни в голосе чувствоваться не должно. После этого его отправили в камеру.

С этого момента Мельникову увеличили порцию папирос, а на третий день он почувствовал, что и время прогулок ему продлили. Прошло несколько дней, и его опять вызвали к следователю, который стал проверять, как Мельников запомнил свою роль. Но в том состоянии он ничего запомнить не мог. Следователь был возмущен. Он грозил Мельникову, подносил к его лицу сжатые кулаки, обзывал его гнусным образом, но физически не тронул его и пальцем. Ведь он должен был выглядеть свежим. Мельникову дали еще неделю на заучивание текста,

На восьмой день следователь проверил точность его ответов и стал интересоваться его самочувствием. Еще через неделю Мельникову буквально устроили экзамен и предупредили, что он должен быть готов к очень серьезному вызову, и отправили отдыхать.

Однажды к нему в камеру принесли его одежду: отглаженный костюм, галстук, ботинки, заставили переодеться и повели к следователю. У него в кабинете опять были те же люди, что и раньше, во время его экзамена. Они осмотрели его, и кто-то из них изрек: «Подойдет». На следующий день пришел парикмахер, подстриг и побрил Мельникова. Затем его повели в кабинет к следователю. Там его предупредили, что он должен строго придерживаться инструкции, что в противном случае он очень пожалеет, вывели во двор и посадили в машину между двух охранников, один из которых был его следователь. Его привезли в Кремль, ввели в какое-то помещение и, усадив у одной из дверей, велели ждать.

Минут через двадцать Мельникова ввели в обширную комнату, в которой за большим столом сидел Сталин, а немного поодаль еще человек десять-двенадцать. Среди них он узнал Молотова, Ворошилова, Кагановича и Крупскую, которая сидела несколько в стороне.

«Я услышал голос Сталина, — рассказывал Мельников, — который сказал, что «товарищ Крупская утверждает, что не верит, не допускает, чтобы Пятницкий был шпионом. Товарищ Ежов доложит и фактами убедит вас, Надежда Константиновна». Ежов встал — я видел его впервые: маленький человечек, почти карлик — вынул из портфеля лист бумаги, оглядев присутствующих, подошел к Мельникову и стал задавать вопросы. Мельников отвечал ему согласно полученной инструкции. И вдруг услышал возмущенный голос Крупской: «Он лжет, он негодяй, фашист». И, обращаясь к присутствующим, Надежда Константиновна сказала: «Кому вы верите? Ведь вы хорошо знаете Пятницкого. Он честнейший человек. Его очень любил и уважал Ленин». Крупская заметалась, искала глазами сочувствующих. Но ответом ей было гнетущее молчание...

Потом Мельников услышал голос Сталина: «Товарищ Крупская не доверяет показаниям Мельникова, что же, проверим еще...» Мельникова вывели из комнаты и привезли на Лубянку. Там отобрали у него шнурки и галстук, и отправили в камеру. И вот идет уже вторая неделя с тех пор, как это произошла. Его

никуда не вызывают. И помолчав, Мельников добавил: «Мое желание — при первой возможности окончить жизнь самоубийством». В это время открылась дверь камеры, и Менделеева увели в его пятую камеру.

Закончив рассказ, Менделеев немного помолчал, а затем, обращаясь ко мне, сказал: «Вы, конечно, не верите тому, что я вам только что поведал? Я и сам бы на вашем месте сомневался в реальности этого. Но я сам слышал от Мельникова то, каким путем перед членами Политбюро был оклеветан ваш отец. Мельников не мог все это выдумать. Выдумать подобное невозможно!..»

Михаил Григорьевич Менделеев протянул мне несколько листов бумаги. Он сказал, что все рассказанное мне он записал в двух экземплярах, первый передал в парткомиссию, а второй вручает мне. Таким образом, он выполняет волю Мельникова и надеется, что я смогу довести его рассказ до общественности.

Что я и делаю сейчас. Случай с Б.Н. Мельниковым, рассказанный мне Менделеевым, находит свое подтверждение и в документах белой эмиграции.

Из статьи Бассехаса Б.

*«Исчезнувшие советские дожаты»
(архив газеты «Последние новости»):*

«Показания против Пятницкого согласился дать, а затем и подтвердить на очной ставке перед членами правительства консул в Харбине Мельников. Официально Пятницкого обвинили в расходовании государственных сумм и денег из партийной кассы на личные нужды, во внедрении шпионско-троцкистской агентуры во все компартии через Исполком Коминтерна, в шпионаже в пользу Японии, организации террористического акта против Кагановича...»

Интересна дальнейшая судьба Мельникова. Так как он в последнее время перед арестом руководил службой связи Исполкома Коминтерна и держал в своих руках всю коминтерновскую агентуру, все шифры, коды, явки, пароли, передача которых требовала времени и кропотливой работы, то Мануильский попросил Ежова задержать его расстрел с тем, чтобы он смог передать свои дела новому руководству. «Мельников мог еще понадобиться», так как возникли большие трудности в Парижском «пункте связи», почти полностью разгромленном. А он имел контакты не

только с агентурой, размещенной во Франции. От него тянулись нити во все страны Западной Европы.

Просьба Мануильского была уважена. Мельникову намекнули, что, если он будет продолжать свою полезную деятельность, оставаясь на положении привилегированного арестанта, ему сохранят жизнь.

Так, будучи смертником, Мельников на протяжении восьми месяцев продолжал руководить заграничной агентурой, передавая уникальную информацию и методы работы своим счастливым преемникам.

Наконец, когда передача дел была завершена, Мануильский позвонил Ежову и сообщил ему, что у него больше нет надобности в Мельникове. В ту же ночь Мельников был расстрелян. Об этом, не уточняя деталей, сообщает справка, подшитая к следственному делу Мельникова и включенная также в реабилитационное дело Пятницкого.

Теперь несколько слов о судьбе Надежды Константиновны Крупской. Она была в немилости у Сталина. Ей было запрещено принимать у себя родственников репрессированных своих друзей — старых большевиков.

Однажды в пылу гнева Сталин заявил ей, что «если она будет самовольничать, то партия объявит ее самозванкой и провозгласит женой Ленина — Стасову».

Когда после окончания Отечественной войны я приехал в свой первый отпуск в Москву, у меня состоялись встречи с друзьями отца Еленой Димитровной Стасовой и Матвеем Константиновичем Мурановым. Это произошло еще до реабилитации отца, когда Сталин был на высоте своего «величия» как победитель фашистской Германии.

И вот от них, от каждого в отдельности, я услышал то, что меня буквально потрясло. Они мне передали слова Н.К. Крупской, с которой они встречались в 1938 году после расстрела моего отца, которая очень печальным голосом сказала буквально следующее: «Если бы Владимир Ильич дожил до этого времени, Сталин бы арестовал и расстрелял его как германского шпиона». Эти слова Н.К. Крупской передали мне два человека, которым я безгранично верю.

Знаменательно, что перед открытием XVIII съезда партии, на который Крупская была избрана делегатом, она намеревалась сказать о губительном воздействии сталинского режима на завоевания революции. Сталин очень опасался этого, так как ав-

торитет в партии и стране Надежды Константиновны был непре-рекаем.

И вдруг, в ночь с 26 на 27 февраля 1939 года, Н.К. Крупская умирает. Вечером 26 февраля она в домашней обстановке, в кругу своих самых близких друзей праздновала не то свой день рождения, не то какую-то другую, дорогую ей дату.

В канун праздничной трапезы, совершенно для нее неожиданно, фельдъегерь Кремля принес ей поздравление и шикарный торт. Она его отставила в сторону и, по-видимому, после прохода гостей съела кусочек торта. Что из этого получилось, мы уже знаем. В обществе ее друзей начались разговоры о ее насильственной смерти, которые по указанию Сталина сурово пресекались его охраной. Так ушла из жизни еще одна соратница и друг Пятницкого.

Но вернемся к делу Осипа Пятницкого. Его дело по плану Сталина должно было перерасти в публичный процесс над основоположниками Коммунистического Интернационала. Но сталинская затея потерпела крах.

Выше я уже упоминал о причинах провала публичного процесса над «антисоветской контрреволюционной организацией» в Коминтерне. Дело О. Пятницкого было завершено неожиданно, без ведома следователя. По-видимому, Сталин к этому моменту решил окончательно покончить с основными фигурантами провалившегося процесса.

В конце июля 1938 года Лангфанг получает строгий приказ срочно завершить следствие по делу Пятницкого, быстро состряпать обвинительное заключение и передать его в Военную коллегию Верховного суда, так как Осип Пятницкий Особой комиссией Политбюро ЦК по безопасности, сталинской инквизицией, то есть самим Сталиным включен в список на расстрел.

Как показал в 1955 году Лангфанг в Главной военной прокуратуре, ему на подготовку обвинительного заключения по делу Пятницкого было отпущено слишком мало времени. Этой же причиной он объяснял тот факт, что ни один его допрос не был оформлен соответствующим протоколом.

Обвинительное заключение по делу Осипа Пятницкого, подготовленное в спешном порядке следователем Лангфангом, было тут же утверждено начальником Третьего отдела Первого управления ГУГБ НКВД СССР и Генеральным прокурором СССР Вышинским. Оно наглядно показывает, как стряпались аналогичные обвинения на сталинской кухне фальсификации.

УТВЕРЖДАЮ:

Начальник 3-го отдела
1-го управления НКВД СССР
Прокурор СССР
комиссар госбезопасности
Вышинский
3 ранга Николаев
27.07.1938 г.

УТВЕРЖДАЮ:

Обвинительное заключение

По делу № 11 888 по обвинению
Пятницкого Иосифа Ароновича
в преступлениях ст. 58-1а, 58-8, 58-11 (п. 58-10 — вычеркнут)

3 отделом 1 управления НКВД в 1937 году была вскрыта и ликвидирована фашистско-шпионская организация троцкистов и правых в Коминтерне.

В процессе следствия было установлено, что одним из руководителей этой антисоветской организации являлся Пятницкий Иосиф Аронович.

Личными признаниями Пятницкого и рядом показаний других участников организации установлено следующее:

Фашистско-шпионская организация троцкистов и правых в Коминтерне возникла в 1932 году и проводила свою антисоветскую работу по указанию центра троцкистско-зиновьевского блока.

По поручению этого центра антисоветской организацией в Коминтерне повседневно руководил Радек, с которым Пятницкий был связан через Абрамова-Мирова (бывший зав. службой связи ИККИ, один из руководителей антисоветской организации в Коминтерне).

Помимо этого, Пятницкий был лично и через Радека связан с Троцким, которого финансировал из средств Коминтерна, систематически передавал ему совершенно секретные данные о работе ИККИ и братских компартий и через Радека получал директивы о подрывной работе в ИККИ.

Пятницкий признал, что ему было известно, что получаемую от него информацию о деятельности Коминтерна Троцкий передавал правительствам Японии, Германии, Англии и других стран.

Кроме связи с центром зиновьевско-троцкистского блока, Пятницкий находился в постоянной преступной связи с Бухариным, от которого получал информацию о деятельности центра правых

по подготовке восстания против Советского правительства и о том, что Троцкий ведет переговоры с правительствами Германии и Японии о вооруженной помощи заговорщикам в момент предполагаемого восстания.

Пятницкий, в свою очередь, информировал Бухарина о работе антисоветской организации в ИККИ.

Фашистско-шпионская организация троцкистов и правых в Коминтерне в повседневной своей работе проводила шпионскую работу в пользу иностранных разведок, подготовку терактов против руководителей партии и Советского правительства и дезорганизовывала работу братских компартий и международных пролетарских организаций в целях срыва единого народного фронта против фашизма и угрозы войны.

Пятницкий совместно с другим членом организации Васильевым, разработал и пытался осуществить террористический акт против секретаря ЦК ВКП(б) и Наркома путей сообщения Л.М. Кагановича.

На основании изложенного, Пятницкий Иосиф Аронович, 1882 года, уроженец Вилкомира Ковенской губ., был чл. ВКП(б) с 1898 года (исключен в связи с настоящим делом), до ареста зав. Политико-административного отдела ЦК ВКП(б),

Обвиняется в том, что:

1. Являлся одним из руководителей фашистско-шпионской организации троцкистов и правых в Коминтерне.

2. Лично был связан с центром зиновьевцев и троцкистов в СССР и под руководством этого центра проводил антисоветскую работу по дезорганизации деятельности Коминтерна и братских компартий.

3. Находился в преступной связи с Бухариным, от которого получал информацию о предательской работе правых против Советского правительства. В свою очередь, информировал Бухарина о работе антисоветской организации в Коминтерне.

4. Финансировал из средств Коминтерна Троцкого и систематически передавал ему шпионские сведения о деятельности Коминтерна и братских компартий, зная о том, что Троцкий эти сведения передавал правительствам Германии, Японии, Англии и других стран.

5. Совместно с членом организации Васильевым организовал и пытался осуществить террористический акт против секретаря ЦК ВКП(б), Наркома путей сообщения Л.М. Кагановича, т.е. в преступлениях ст. 58 п. 1 «а», 58-8, 58-11 УК РСФСР.

Виновным себя признал.

Изобличается показаниями Кнорина, Абрамова-Мирова, Б. Куна, Мадьяра, Васильева, Смолянского, Волецкого, Краевского, Чемоданова, Платтен-Циммерман, Крепса, Черномордика, Рыльского и ряда других.

В силу изложенного, Пятницкий Иосиф Аронович подлежит суду Военной Коллегии Верховного суда с применением Закона от 1 декабря 1934 года.

Зам. начальника 11 отделения 3-го отдела 1 управления ГУГБ
лейтенант госбезопасности Лангфанг

Согласен:

начальник 11 отделения 3-го отдела 1 управления
старший лейтенант госбезопасности Хотинский

Справка: Обвиняемый Пятницкий И.А., арестованный 7 июля 1937 года, содержится в Лефортовской тюрьме.

К этому времени на посту начальника Третьего отдела Первого управления ГУГБ НКВД СССР Николаев-Журид уже сменил майора Минаева, а начальника одиннадцатого отделения этого отдела Полячека заменил капитан Хотинский. Пройдет всего несколько месяцев, и эти деятели будут арестованы и расстреляны как участники контрреволюционной организации в органах НКВД. Такая же участь постигнет и многих других работников государственной безопасности, которые курировали или давали указания по ведению следствия по «коминтерновскому делу». Все они окажутся ярыми заговорщиками, контрреволюционерами и шпионами различных иностранных разведок.

В ноябре 1938 года окончательно закатится звезда и самого «железного наркома» Николая Ивановича Ежова. Он также будет арестован и расстрелян, как польский шпион. Создается впечатление, что это враги народа истребляли лучшие кадры международного коммунистического движения. Но это, конечно, не так. Все очень просто: Сталин их руками осуществлял свое черное дело. Он неуклонно придерживался принципа, что всегда надо убирать тех, кто много знает. Они сделали свое дело и больше не были ему нужны. «Нет человека — нет и проблемы». Так он всегда обрубал концы своих преступлений, обвиняя в них других людей.

Впоследствии на допросе в Прокуратуре СССР 9 мая 1955 года А.И. Лангфанг давал показания, что руководство НКВД форсировало подготовку судебного процесса. В чем была причина такой торопливости — можно догадываться. Очевидно, летом 1938 года политический авторитет недавно всесильного наркома внутренних дел стал падать.

Подготовка еще одного показательного судебного процесса затягивалась. Показания коминтерновцев были противоречивыми. Многие, кто оказывался на судебных процессах, отказывались от прежних показаний. К тому же и Пятницкого так и не удалось сломать. Ни один из протоколов допроса он не подписал. Его показания расходились с показаниями Белы Куна и Кнорина, которые также назывались руководителями организаций.

27 июля 1938 года Генеральный прокурор СССР А.Я. Вышинский утвердил обвинительное заключение, предъявленное Пятницкому. В этот же день состоялось подготовительное совещание Военной коллегии Верховного суда СССР под председательством В. Ульриха. Военная коллегия приняла решение с обвинительным заключением согласиться:

ПРОТОКОЛ

подготовительного совещания

Военной коллегии Верховного суда Союза ССР

27 июля 1937 года

Председатель:

Армейский юрист

Ульрих

Члены:

Дивизионные юристы

Никитченко

Горячев

Секретарь

Военный юрист 1 ранга

Костюшенко

Участствует

Зам. прокурора СССР

Рогинский

Слушали:

Дело с обвинительным заключением ГУГБ НКВД СССР, утвержденным зам. Генерального прокурора СССР Рогинским по обвинению Пятницкого Иосифа Ароновича в преступлениях, пре-

дусмотренных ст.ст. 58—1а, 8, 10, 11 УК РСФСР в порядке закона от 01.12.34 года.

Определили:

1. С обвинительным заключением согласиться и дело принять к своему производству.

2. Пятницкого И.А. предать суду Военной коллегии Верховного суда СССР по ст.ст. 58-1а, 8, 10, 11 УК РСФСР в порядке закона от 01.12.34 года.

3. Дело заслушать в закрытом заседании без участия обвинения и защиты.

4. Мерой пресечения обвиняемому оставить содержание под стражей.

Подписи:

Председатель

Секретарь

Ульрих

Костюшенко

Судебные заседания Военной коллегии Верховного суда СССР, как правило, проводились в здании самой коллегии на Знаменке, 23. Но иногда, в особых случаях, чтобы облегчить и ускорить процедуру экзекуции, судилища проводились выездной сессией Военной коллегии непосредственно в местах заключения: во внутренней тюрьме госбезопасности на Лубянке, в Лефортовской тюрьме и в других, пока не выявленных, местах.

Примерная схема последнего пути советского политзаключенного, «врага народа» из внутренней тюрьмы НКВД стала мне известна из рассказа А.В. Снегова, бывшего заведующего Организационным отделом ЦК компартии Украины:

«Заключенного вызывали из камеры, выводили во двор внутренней тюрьмы и сажали в фургон «черного воронка». Обычно заключенных вывозили сразу по несколько человек. Машина через железные ворота в заднем корпусе комплекса ГУТБ НКВД выезжала на Малую Лубянку, заворачивала налево, проезжала по площади Дзержинского и сворачивала на Ильинку. Там она резко затормаживала у дома № 21, у аптеки, затем сворачивала и задним ходом заезжала во двор дома 23 здания Военной коллегии Верховного суда СССР (ныне здание Московского горвоенкомата), закрыв кузовом весь пролет подворотни, ведущий в узкое замкнутое пространство внутреннего двора Военной коллегии. Ворота при этом оставались открытыми. Кузов «воронка»,

закупорив собой проезд подворотни, превращался в передвижную камеру-накопитель.

Обвиняемых выводили из машины по одному, и конвой доставлял их по очереди по черной лестнице на второй этаж здания, где заседала Военная коллегия. Возглавлял судилище обычно сам армейский юрист Василий Васильевич Ульрих. Суд был скорый: десять минут на каждого человека. Решения были заготовлены и оформлены заранее, для всех в основном высшая мера — расстрел. После объявления приговора осужденного по той же лестнице под конвоем сводили в глубокий подвал и стреляли ему в затылок. Исполнителем приговора был дежурный комендант Военной коллегии. Казненного оттаскивали в угол подвала, снимали обувь с правой ноги и на большой палец привязывали фанерную бирку, на которой чернильным карандашом был нанесен номер следственного дела казненного. С этого момента фамилия бывшего человека уже больше нигде не упоминалась».

А.В. Снегов рассказал мне, что когда его по ошибке после вынесения приговора привели в подвал, хотя он получил только десять лет тюремного заключения, там, в углу, в куче лежащих трупов, он узнал своего приятеля — ленинградца, члена ЦК партии Б. Позерна. Он лежал бородкой кверху.

После окончания отстрела дневной партии осужденных дежурный комендант составлял справку о приведении приговоров в исполнение, где казненных перечисляли по номерам следственных дел, согласно привязанным к ноге биркам. Этот документ подписывался также и дежурным врачом.

Судебный процесс по делу И.А. (Осипа) Пятницкого состоялся 28 июля 1938 года. Он занял, включая судебное разбирательство, вынесение и оглашение приговора, двадцать минут. Приговор был заготовлен и согласован заранее. Я привожу его в первоизданном виде:

ПРИГОВОР

Именем СССР Военная коллегия Верховного суда СССР

в составе:

Председателя армейского юриста

Ульрих В.В.

Члены: дивизионный юрист

Никитченко И.Г.

дивизионный юрист

Горячев А.Г.

При секретаре военном юристе 1 ранга

Костюшко А.Ф.

В закрытом судебном заседании в г. Москве 28.07.38 года рассмотрено дело Пятницкого Иосифа Ароновича, 1882 года рождения, бывшего заведующего Политико-административным отделом ЦК ВКП(б) — в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 58-1а, 58-8, 58-10 и 58-11 УК РСФСР.

Предварительным и судебным следствием установлено, что Пятницкий с 1932 года являлся одним из руководителей контрреволюционной право-троцкистской террористической организации, существовавшей в системе Коминтерна, и через Радека был организационно связан с врагом народа Троцким, которого снабжал денежными средствами из фондов Коминтерна и передавал ему секретные сведения о работе ЦК ВКП(б) и братских компартиях, зная в то же время о связях Троцкого с правительствами капиталистических стран: Германии, Японии, Англии и др.

Через врага народа Бухарина был связан с повстанческой и террористической деятельностью организации правых и с проводившимися ими, а также Троцким, переговорами с правительствами Германии и Японии о вооруженной помощи для свержения Советской власти.

Совместно с другими участниками той же контрреволюционной организации он, Пятницкий, разработал план подготовки террористического акта против Л.М. Кагановича и пытался этот план осуществить.

Таким образом, установлена виновность Пятницкого в совершении им преступлений, предусмотренных ст.ст. 58-1а, 58-8, 58-10 и 58-11 УК РСФСР.

На основании изложенного, и руководствуясь ст.ст. 319 и 320 УПК РСФСР Военная коллегия Верховного Суда СССР приговорила Пятницкого Иосифа Ароновича к высшей мере уголовного наказания — расстрелу с конфискацией всего личного принадлежащего ему имущества.

Приговор окончательный и на основании закона от 1 декабря 1934 года подлежит немедленному исполнению.

Председатель

Члены:

Секретарь

В.В. Ульрих

И.Г. Никитченко

А.Г. Горячев

А.Ф. Костюшко*

* Листы 325—326 (архивно-следственного дела № 11988), реабилитационного дела № Р 4162 И.А. Пятницкого.

О каких показаниях шла речь в протоколе судебного заседания — не ясно, ведь никаких протоколов допросов не было. Так что и подтверждать было нечего.

Приговор шаблонный — высшая мера наказания — был приведен в исполнение в ночь на 29 июля 1938 года.

К этому времени О. Пятницкий был уже исключен из ЦК ВКП(б), из ЦИК СССР, но, по данным сектора учета Красногвардейского райкома партии города Москвы, из партии он исключен не был, и его учетная карточка была передана в ЦК ВКП(б) для погашения только в марте 1940 года. И до этого времени он, уже расстрелянный, числился руководителем Политико-административного отдела ЦК ВКП(б).

В тот же день, 29 июля, очевидно, вместе с Пятницким были осуждены, приговорены к смерти и казнены В.Г. Кнорин, Б.Н. Мельников, Ян Рудзутак, Н. Крестинский и еще ряд товарищей Пятницкого по партии. Всего 8 человек.

Каждому обвиняемому Военная коллегия Верховного суда СССР для судебного разбирательства уделяла не более 15—20 минут, с учетом оглашения приговора. Все приговоры были стандартны и определены заранее. Сталин утверждал списки подлежащих судилищу, ставя против каждой фамилии свое определение условным знаком: единица означала высшую меру наказания — расстрел, двойка — 10 лет тюремного заключения или концлагерей.

Ульрих, как и Ежов, были просто исполнителями решения «вождя». Ведь Сталин выносил приговор от имени Политбюро ЦК ВКП(б), заставляя подписывать каждый такой список также Молотова и Кагановича, т.е. 2-го и 3-го секретарей ЦК и других членов Политбюро.

Так конвейер Военной коллегии Верховного суда Страны Советов под руководством В. Ульриха перемолотил почти всю ленинскую гвардию и лучших представителей международного коммунистического движения.

В конце дня тела казненных раскладывались в патронные ящики — для маскировки или с целью экономии они использовались вместо гробов, без которых, как сказал А.В. Снегов, по технологическим условиям кремации обойтись невозможно, и на крытой грузовой машине отправлялись в Донской монастырь.

Тела казненных сжигались по ночам в присутствии дежурного коменданта коллегии. Он же контролировал, чтобы пепел сожженных был ссыпан в определенном месте дворовой террито-

рии в глубокую яму — колодец со стенами, выложенными кирпичом. Факт сожжения также фиксировался актом, подписанным дежурным офицером и директором крематория. В этом акте тоже фигурировали не фамилии сожженных, а номера их следственных дел.

Обслуживало всю эту процедуру от судебного заседания до крематория или погребения специальное отделение солдат, выделяемых ежедневно ГУГБ НКВД в распоряжение Военной коллегии.

Акты о приведении приговоров в исполнение и о сожжении трупов казненных передавались далее по команде и доходили до секретариата Сталина. Поскребышев систематически докладывал о них «хозяину», а тот, ознакомившись с этими документами, вычеркивал из своей памяти бывших соратников по партии, превращенных им в личных врагов и объявленных по этой причине «врагами народа».

Известно, что первых руководителей Исполкома Коминтерна, проходивших на публичных московских процессах «левых», «правых» уклонистов и их «запасного центра» Г. Зиновьева, Л. Каменева, Н. Бухарина, А. Рыкова и их «подельцев», после казни сожгли в крематории, а их прах ссыпали в специально подготовленный колодец во дворе Донского монастыря.

Где заканчивал свой жизненный путь Пятницкий со своими товарищами по судьбе — доподлинно неизвестно. В следственном деле Бела Куна есть упоминание, что В.Г. Кнорин убыл из Лефортовской тюрьмы ГУГБ в ночь на 29 июля 1938 года в Военную коллегия, а судили их и расстреляли в один день. Так что можно предполагать, что закончили они свой путь в одном месте.

Захоронили их, как утверждает мой друг, известный правозащитник Лев Разгон, в поселке Бутово под Москвой, в общей братской могиле. В бутовском захоронении нашли свое «успокоение» более шестидесяти тысяч «врагов народа», в основном тех, кто создавал Советскую власть и отстаивал ее на полях гражданской войны.

Так революция пожирала своих создателей.

Через месяц после расстрела Пятницкого был осужден и расстрелян Бела Кун.

Маховик репрессий работал без перебоев.

В 1938—1939 годах были репрессированы Трилиссер-Москвин, Реммеле, Эберлейн, Клингер и другие работники ИККИ.

Правда, теперь уже сменилась формулировка обвинительных заключений. Теперь все они обвинялись в шпионаже в пользу Германии и Японии, а после 1939 года — Англии и даже... Австралии.

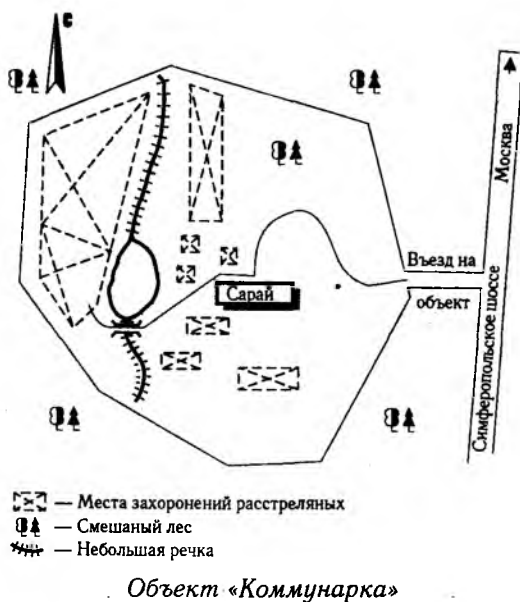
Весной 1990 года газета «Вечерняя Москва» опубликовала интервью с журналистом Александром Мильчаковым — сыном бывшего Генерального секретаря ЦК ВЛКСМ Александра Ивановича Мильчакова. Последние годы частным порядком журналист ведет розыск массовых захоронений жертв сталинских репрессий. На основании многочисленных данных, А.А. Мильчаков установил захоронение многих тысяч иностранных коммунистов — активных деятелей Коминтерна — близ стен Новоспасского монастыря на Москве-реке. С десятками своих соратников расстреляны и захоронены там политический секретарь ЦК Компартии Югославии Милан Горкич, секретарь ЦК КПЮ по вопросам Владимир Чопич. Там же нашли свое последнее пристанище Бела Кун, члены правительства первой Венгерской Советской Республики Деже Боканьи, Лайош Мадьяр.

В том же месте захоронены члены Политбюро, секретари и известные деятели Компартии Германии Герман Реммеле, Фриц Шульте, Лео Флиг, Герман Шуберт, Ганц Киппенберг и главный редактор газеты «Роте фанс» Хейнрих Зюскент, а также руководители польского рабочего движения Адольф Варский-Варшавский, Вера Костшева, представитель ИККИ в Компартии США Иозеф Погань (Джон Пеппер), видный деятель Компартии Италии Эдмондо Пеллозо, румынские коммунисты Марсель Паукер и Александр Доброжану, редактор журнала «Коммунистический Интернационал» Генрих Валецкий, заведующий отделом кадров Коминтерна Геворг Алиханов и многие другие.

Но так как именно в этом месте захоронены ведущие деятели Коммунистического Интернационала, можно предположить, что и О. Пятницкий, В. Кнорин, Б. Мельников, Н. Крестинский и остальные их сотоварищи по этой печальной процедуре (их в этот день было осуждено Военной коллегией Верховного суда 8 человек) были захоронены там же.

По документам и различным свидетельствам можно реально подтвердить девять мест захоронения по Москве и Московской области. В их числе Ваганьковское, Калитвинское и Донское кладбища, Московский крематорий, Яузская больница, а также поселки Бутово и Коммунарка.

О двух последних, по-видимому, следует рассказать подробнее.

Объект «Бутово» находился в подмосковном поселке того же названия, был расположен в 27 км от Москвы по Варшавскому шоссе и располагался в саду на площади 1,7 га. Этот объект находился до начала 40-х годов в подчинении управления НКВД по Московской области. На этом «объекте» захоронено свыше 68 тысяч человек.

Объект «Коммунарка» находился в районе одноименного совхоза на территории дачи, ранее принадлежащей Г. Ягоде. Расположен в 24 км от Москвы по Симферопольскому шоссе. Этот объект был в подчинении центрального аппарата НКВД СССР и занимал 2,5 га.

В «Коммунарке» в основном хоронили расстрелянных сотрудников НКВД, однако нельзя исключать, что этот объект могли использовать и для захоронения других граждан. Там захоронено примерно 25—26 тысяч человек.

На этих объектах производились не только захоронения расстрелянных, но совершалась и сама казнь осужденных. Там экскаватором заранее рылись глубокие и длинные траншеи. На закрытых грузовых машинах привозили иногда трупы уже казненных людей, но чаще живых заключенных, и там у края этих траншей производилась экзекуция. Привозили обычно человек по 200. Выстраивали их у края траншеи и стреляли в затылок. Трупы сами падали в траншею. Их присыпали землей, и экзекуция продолжалась.

Так происходила реализация сталинской программы очистки советского общества от инакомыслящих, которых Сталин прозвал «врагами народа», то есть своими личными врагами. Так действовала советская инквизиция!

Из материалов статистики видно, что в период наиболее массовых репрессий в 1937—1938 годах в СССР было расстреляно около 688 тысяч человек из 826 645 человек, расстрелянных в период с 1918 по 1953 годы*.

А теперь приходится подробнее рассказать о деятельности сталинской инквизиции того периода...

В конце 1938 года маховик политических репрессий стал замедлять свой темп. Тогда со всей очевидностью определились признаки выхода страны из очередной фазы массового террора, развязанного Сталиным и его приспешниками в интересах достижения полного всевластия. Но цель была достигнута ценой

* Заключение Министерства безопасности Российской Федерации. Начальник управления А.А. Краюшкин. № 10А-1549 от 13.04.93 г.

колоссальных жертв безвинных людей. Страна, объятая страхом, лежала у ног диктатора.

Но обстановка в стране вновь заставила Политбюро ЦК вернуться к вопросу, поднятому Г. Маленковым на январском Пленуме ЦК 1938 года, в результате которого последовало соответствующее постановление ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР от 17 ноября 1938 года № П-4387.

Привожу выписку из него:

«Совершенно секретно

**«Об арестах, прокурорском надзоре
и ведении следствия».**

«СНК и ЦК отмечают, что за 1937—1938 годы под руководством партии органы НКВД проделали большую работу по разгрому врагов народа и очистки СССР от многочисленных шпионских, террористических, диверсионных и вредительских кадров из троцкистов, бухаринцев, эсеров, меньшевиков, буржуазных националистов, белогвардейцев, беглых кулаков и уголовников, представляющих из себя серьезную опору иностранных разведок Японии, Германии, Польши, Англии и Франции.

Одновременно органами НКВД проведена большая работа также по разгрому шпионско-диверсионной структуры иностранных разведок, переброшенных в СССР в большом количестве из-за кордона под видом так называемых эмигрантов и перебежчиков из поляков, румын, финнов, немцев, эстонцев и прочих.

Очистка страны от диверсионных групп и шпионских кадров сыграла положительную роль в деле обеспечения дальнейших успехов социалистического строительства.

Однако не следует думать, что на этом дело очистки СССР от шпионов, вредителей, террористов и диверсантов окончено.

Задача теперь заключается в том, чтобы, продолжая и впредь беспощадную борьбу со всеми врагами СССР, организовать эту борьбу при помощи более современных и надежных методов. Это, тем более, необходимо, что массовые операции по разгрому и выкорчевыванию вражеских элементов, проводимые органами НКВД в 1937—1938 годах при упрощенном ведении следствия и суда не могли не привести к ряду крупнейших недостатков и извращений в работе органов НКВД и прокуратуры.

Больше того, враги народа и шпионы иностранных разведок, пробравшиеся в органы НКВД, как в центре, так и на местах,

продолжая вести свою подрывную работу, старались всячески запутать следственные и агентурные дела, сознательно извращая советские законы, проводили массовые и незаконные аресты, в то же время спасая от разгрома своих сообщников, в особенности засевших в органах НКВД».

Карьерный взлет Н.И. Ежова в начале 1938 года начал стремительное движение к своему закату. В ноябре 1938 года он был перемещен на новую работу — стал наркомом водного транспорта, а 10 апреля 1939 года его арестовали как врага народа. 4 февраля 1940 года он был расстрелян.

Отстрел руководящих работников НКВД ежовской команды начался значительно раньше, но с ликвидацией «железного наркома» он приобрел стремительное ускорение. Попробуем проследить за этим процессом:

Секретарь НКВД П.П. Буланов, ближайший сподвижник бывшего руководителя репрессивных органов Г. Ягоды (я уже писал об этом выше) был арестован вместе со своим начальником в 1937 году, но расстрелян в 1938 году.

Г.А. Молчанов, нарком внутренних дел Белоруссии, был арестован и расстрелян в 1937 году.

В июле 1937 года был арестован первый заместитель наркома внутренних дел, предварительно перемещенный на должность начальника Управления НКВД по Саратовской области, Я.С. Агранов. В 1938 году и он закончил свой жизненный путь в подвалах Лубянки.

А.А. Слуцкий, начальник ИНО и секретарь парткома НКВД, ближайшее доверенное лицо Г. Ягоды, в феврале 1938 года был отравлен, предположительно начальником ГУГБ М. Фриновским.

С.М. Шпигель-Глаз, ставший после смерти А. Слуцкого начальником ИНО НКВД, в феврале 1938 года был арестован и в 1939 году расстрелян.

Г.Е. Прокофьев, второй заместитель наркома внутренних дел, в 1936 году был перемещен на должность заместителя наркома связи, но в 1937 году арестован и расстрелян.

С.Г. Вольтский, заместитель начальника 3-го отдела ГУГБ НКВД, был арестован в 1938 году и расстрелян в 1939 году.

Л.М. Заковский, один из ближайших сподвижников Н. Ежова, его заместитель, одновременно начальник Управления

НКВД по Московской области, в 1938 году арестован и расстрелян.

16 августа 1938 года был арестован заместитель Н. Ежова М.Д. Берман и в 1939 году расстрелян.

Та же участь постигла других заместителей Н. Ежова — М.Н. Бельского и М.И. Рыжова, арестованных 20 августа и 29 декабря 1938 года соответственно, и С.Б. Жуковско-го, арестованного 8 января 1939 года.

6 апреля 1939 года был арестован заместитель Ежова начальник ГУГБ М.П. Фриновский. Как и его шеф, предварительно перемещенный на пост наркома ВМФ, где за короткий срок успел наломать много дров, в частности, обезглавить руководство Тихоокеанского флота.

С этого момента началась чистка аппарата ГУГБ, особенно его 3-го отдела (контрразведки).

Указанное выше показывает, что Сталин и его преступная клика, получившая название Особой комиссии Политбюро по безопасности или Малого Политбюро, пыталась показать народу и его потомкам, что это враги народа из органов безопасности уничтожили лучших людей своего отечества и международного коммунистического движения, а он, Сталин, и его окружение здесь ни при чем.

Сталин всегда пытался перекладывать свои ошибки и преступления на других.

С этого и началась усиленно пропагандироваться легенда о том, что органы безопасности и Ежов вышли из-под контроля партии и без ведома ее руководителей развязали жестокий террор против своего народа. Этим и объяснялись чистки органов безопасности страны от якобы врагов народа.

Ниже приводятся выдержки из подлинных документов, раскрывающие всю кухню фальсификаций обвинений против честных и невинных людей, существовавшую в нашей стране в 30-е годы. Те самые методы фабрикация политических дел, которые выработало руководство ВКП(б) — комиссия Политбюро по безопасности и жестокой рукой внедряло в практику органов НКВД.

Те же работники органов безопасности, кто не удовлетворял требованиям этой комиссии, из этой организации убирались. Такой же участи подвергались и слишком усердствовавшие на

этом поприще и много знавшие. Они кончали свою жизнь в расстрельных подвалах Лубянки, Лефортовской тюрьмы или Военной коллегии Верховного суда. А с конца 1939 года появилось и новое место приведения смертных приговоров — Особая Сухановская тюрьма в Подмосковье.

Приведенные ниже документы взяты из дела по реабилитации Пятницкого. Они заверены заместителем начальника следственного отдела Главной военной прокуратуры СССР подполковника юстиции Борисовым.

Я привожу их для того, чтобы читатели моей книги сами могли сделать соответствующие выводы:

■ *Справка по архивно-следственному делу № 975181 на Фриновского М.П.*

По материалу дела бывшего заместителя наркома НКВД СССР Фриновского Михаила Петровича, арестованного 6 апреля 1939 года, видно, что он в 1929 году примкнул к группе правых и активно боролся против генеральной линии партии. Он являлся одним из руководителей заговорщицкой организации в органах НКВД, проводил шпионскую работу в пользу польской и японской разведок.

Стремясь к захвату власти, он подготавливал вооруженное восстание и совершение террористических актов против руководителей партии и Советского правительства.

Виновным себя не признал.

В судебном заседании Военной коллегии Верховного суда СССР 3 февраля 1940 года показания, данные на предварительном следствии, Фриновский М.П. полностью подтвердил. Осужден к высшей мере наказания (ВМН). Приговор приведен в исполнение.

■ *Из справки по архивно-следственному делу № 956578 от 28.03.55 года на Апросяна Д.З.*

Нарком внутренних дел Узбекской ССР арестован 21 ноября 1938 года за то, что являлся участником антисоветского заговора, существовавшего в органах НКВД. Предъявленные обвинения признал, но при окончании следствия от своих ранее данных показаний отказался. 22 февраля осужден Военной коллегией к высшей мере наказания — расстрелу. Приговор приведен в исполнение.

■ *Из справки по архивно-следственному делу № 956634 от 10 марта 1955 года на Полячека Л.М.*

До ареста — зам. начальника 3-го отдела ГУГБ НКВД. Арестован 17 октября 1938 года за то, что являлся участником антисоветской террористической организации, существовавшей в органах НКВД. На допросе 31 октября 1938 года показал, что в 1919 году был завербован в качестве агента польской разведки. На протяжении ряда лет занимался шпионажем. В 1934 году был завербован Апросяном в заговорщицкую организацию, существовавшую в органах НКВД. Изобличен показаниями Листенгрута, Яминского, Кореньковой-Бабуровой.

20 февраля 1939 года Военной коллегией Верховного суда СССР осужден к ВМН и в тот же день приговор приведен в исполнение.

■ *Из справки по архивно-следственному делу № 956591 на Волинского С.Г.*

До ареста работал зам. начальника 3-го отдела ГУГБ. Арестован 23 октября 1938 года. На следствии показал, что с 1925 года является английским шпионом. В 1937 году был завербован в антисоветскую заговорщицкую организацию, существовавшую в органах НКВД. Принимал участие в подготовке государственного переворота, проводил работу по сохранению право-троцкистских формирований.

21 февраля 1939 года осужден Военной коллегией к ВМН. В судебном заседании свои показания подтвердил. Приговор приведен в исполнение в день вынесения приговора.

■ *По обзорной справке архивно-следственного дела № 727723 на Осмоловского Анатолия Иосифовича.*

До ареста работал зам. начальника 3-го отдела ГУГБ НКВД СССР. Арестован 16 июля 1938 года.

Из обвинительного заключения видно, что в 1938 году без оснований арестовал секретного сотрудника 3-го отдела ГУГБ Мозельского и избил его, вымогая от него признания в его якобы антисоветской деятельности. Впоследствии дело Мозельского из-за отсутствия состава преступления было прекращено.

10 ноября 1938 года Осмоловский Особым совещанием НКВД СССР за участие в антисоветском военном заговоре был осужден к восьми годам ИТЛ.

В деле имеются собственноручные показания Осмоловского от 23 декабря 1938 года, где он указывает, что в конце 1937 года начальник 3-го отдела ГУГБ НКВД СССР Минаев (враг народа) предложил ему срочно закончить дело Б. Куна. Как показал Осмоловский, он возражал против этого, так как Бела Кун еще не назвал всех своих сообщников.

Как показал Осмоловский, он доложил дело Бела Куна на Военной коллегии, а дело его в 8 отдел не сдал, тем самым не допуская приведения в исполнение приговора.

Далее Осмоловский показал, что после этого он начал «усиленно» допрашивать Бела Куна и получил от него ряд важных дополнительных показаний о шпионской деятельности антикоминтерновской организации. Дело Бела Куна, как показал Осмоловский, не было им сдано для приведения приговора вплоть до дня своего ареста 16 июля 1938 года.

Далее Осмоловский показал, что Бела Кун назвал на допросе участников антикоминтерновской организации, председателя МОПРа Стасову, а когда он доложил об этом зам. начальника 3-го отдела ГУГБ НКВД Волынскому, тот заявил, что показания Бела Куна в отношении Стасовой вносить в протокол не следует, так как они недостаточно конкретны, а Стасова — известный человек. Однако, как показал Осмоловский, он внес в протокол показания Бела Куна в отношении Стасовой, а затем, основываясь на его показаниях, лиц, которые в настоящее время занимают руководящее положение в компартиях Германии, Венгрии, Финляндии и других стран.

В своих собственноручных показаниях от 21 марта 1939 года Осмоловский записал, что в 1939 году УНКВД по Московской области проводились необоснованные массовые аресты людей из числа политэмигрантов, особенно венгерской и немецкой национальностей.

Осмоловский показал, что один из сотрудников УМВД МО приносил ему несколько протоколов допроса арестованных венгров, сознавшихся в том, что они являются членами антисоветской организации Бела Куна.

Несмотря на это, как показал Осмоловский, эти дела на арестованных УМВД МО выносились на рассмотрение Особого совещания.

■ Из заявления бывшего сотрудника 3-го отдела ГУГБ НКВД Ходарева видно, что по указанию Волынского и Осмоловского он

неоднократно вызывал ночью на допрос Крестинского, Белу Куна и других, «выдерживал» их длительное время, но не вступал с ними в разговоры. Как указал в заявлении Ходарев, ночами он выдерживал упомянутых арестованных, а днем занимался текущей работой.

■ Из показаний Ушакова от 28 марта 1939 года видно, что из разговора Николаева с Осмоловским ему стало известно, что Осмоловский ведет следствие в отношении Пятницкого, Белы Куна и других и что группа, возглавлявшаяся этими лицами, не разоблачена, хотя участники ее содержатся под стражей от 6 до 10 месяцев.

Военный прокурор отдела ГВП
Подполковник юстиции
Борисов

Новым руководителем органов безопасности Страны Советов был назначен новый фаворит Сталина — Лаврентий Берия. Он пришел в НКВД со своей командой и начал железной метлой производить чистку аппарата НКВД от людей, работающих с Ежовым. Об этом я уже писал выше. Повторилась кампания «чистки» карательных органов, как это было проведено Ежовым, от аппарата, существовавшего при Ягоде. То же происходило после уничтожения Берия.

Как видим, просматривается система уничтожения тех, кто много знал, заведенная Сталиным. Помните его основную заповедь: «Нет человека — нет проблем»? Это хорошо усвоили и его преемники.

Здесь следует заметить, что все руководящие работники органов безопасности, как бы они ни назывались, проходили в свое время проверку в ЦК партии и утверждались Оргбюро ЦК ВКП(б). А вот впоследствии, как показало время, все они оказались врагами народа, шпионами или троцкистами. Не парадокс ли это? Создается впечатление, что именно ЦК партии насаждало в органы безопасности страны врагов народа для уничтожения их руками цвета нации и международного коммунистического движения.

Во время так называемой кратковременной бериевской «оттепели» (ноябрь 1938 — апрель 1939 года) никакого пересмотра фальсифицированных судебных дел работников Коммунистичес-

кого Интернационала не произошло. Маховик репрессий продолжал крутиться с неослабевающей силой.

Для восстановления истины потребовались страшные жертвы Отечественной войны, величайшая победа над гитлеровской Германией, феномен послевоенного сталинизма и смерть самого диктатора.

Глава 17

Крах Коминтерна

Попробуем подвести печальные итоги задуманной Сталиным «Великой чистки» отечественной общественности и международного коммунистического движения. Возглавляемая им Особая комиссия Политбюро по безопасности поработала весьма продуктивно. В 1937—1938 годах было арестовано и расстреляно 98 процентов членов и кандидатов в члены ЦК ВКП(б), избранных на XII съезде партии и 75 процентов членов и кандидатов в члены ЦК комсомола, избранных на X съезде ВЛКСМ в 1936 году.

В тот же период были уничтожены военные, политические и государственные деятели, а также лучшие кадры международного коммунистического движения, которые не просто хорошо представляли серьезную опасность со стороны фашистской Германии, но и в случае заключения военного соглашения между Гитлером и Сталиным могли создать серьезную оппозицию сталинской политике. Скорый и неправый суд над ними прямо способствовал вступлению СССР во вторую мировую войну в качестве союзника Германии.

Но Сталин добился основной своей цели. Он уничтожил ленинскую партию большевиков, ее бескорыстную, принципиальную часть и на ее остатках создал свою сталинскую партию партийной бюрократии, а чтобы замаскировать свои действия, прикрывался при этом именем В.И. Ленина и все свои преступные деяния совершал на фоне его портретов.

Разгром Коммунистического Интернационала начался еще до VII Конгресса в начале 30-х годов. Но к 1937 году достиг своей кульминации. Я полагаю, что это имеет две основные причины:

1. Когда стало ясно, что идея всемирной пролетарской революции, причем революции немедленной, провалилась и, похоже,

одним из первых это понял Сталин, он в своей международной политике сделал ставку на союз с Гитлером. В этой ситуации Коминтерн ему только мешал. Поэтому он и решил избавиться от коммунистов-интернационалистов, которые были воспитаны в бескомпромиссно-антифашистском духе. Без уничтожения этих кадров нельзя было заставить зарубежные компартии поддерживать его сговор с Гитлером, как это произошло позже в 1939 году.

2. Чудовищный террор, развернувшийся в середине 30-х годов против партийных кадров ленинской плеяды, не мог не затронуть Коминтерн, так как в его руководящих органах работало немало коммунистов из других стран, которых также по праву следует причислить к ленинской гвардии.

Все друзья и соратники Пятницкого (указанные выше) в Коминтерне были именно такими людьми. Так что эти причины переплетались, как бы «обогащая» одна другую.

Сталин с подачи Маленкова ввел в обиход советского народа понятие «враг народа». Этот термин сразу освобождал его и его команду от необходимости приводить какие-либо доказательства идейной неправоты человека или группы людей, с которыми ведешь полемику, с кем не согласен или кого только заподозрил во враждебных намерениях, всякого, кто был просто оклеветан. Всем им бездоказательно приклеивали ярлык «врага народа», а дальше следовали жестокие репрессии с нарушением всех норм законности.

Стремясь превратить Коминтерн в послушное орудие своей личной власти, Сталин с помощью своего ближайшего окружения и карательных органов обрушил жестокие репрессии на аппарат и актив Коммунистического Интернационала и руководимые им международные организации, дислоцированные в Москве: Коммунистический интернационал молодежи, Профинтерн, Крестинтерн, МОПР и ряд других.

Навешивая стереотипные ярлыки «врагов народа», возглавляемая Сталиным Особая комиссия Политбюро по безопасности и, по ее указаниям, карательные органы страны предъявляли зарубежным коммунистам и политэмигрантам шаблонные обвинения в подготовке иностранной военной интервенции, стремлении разрушить Советское государство, в шпионаже и пособничестве троцкистам.

Насильственное вмешательство органов ОГПУ—НКВД в деятельность Коминтерна приводила к исчезновению многих вид-

ных деятелей международного коммунистического движения, оказавшихся в нашей стране по тем или другим причинам.

Из учредителей Коммунистического Интернационала делегатов его I Конгресса были арестованы и погублены как «троцкистско-фашистские бешеные собаки»: Г.Е. Зиновьев, И.С. Уншлихт, Х. Раковский, Г. Эберлейн, В.В. Осинский, Г. Клиндер, Ф. Платтен и ряд других.

Их судьба теперь стала известна. Г. Зиновьев, В. Осинский, Х. Раковский и И. Уншлихт были расстреляны на основании приговоров, вынесенных на открытых и закрытых судилищах.

Фриц Платтен был осужден и отбывал свой срок в концлагере под Архангельском. Сохранилось 20 его писем с места заключения. Из них видно, что он голодал и болел. Но умер он не от голода. Когда закончился его срок заключения, дежурный охранник, по приказу своего начальника, вывел его за ограду лагеря и пристрелил. Это произошло 22 апреля 1942 года в день рождения его друга В.И. Ленина.

Гуго Эберлейн был застрелен на этапе. Когда его перевозили в лагерь по месту назначения, он заболел. А больных на этапе просто пристреливали. Такая была установка.

Густав Клиндер в начале Отечественной войны как немец был сослан в Казахстан. Его никуда не брали на работу. Он бедствовал, голодал и, отчаявшись, бросился под поезд.

Нелепые, необоснованные обвинения в адрес руководства Компартии Польши в троцкизме, антибольшевизме и шпионаже уже в 1933 году привели к аресту и гибели Е. Чешейко-Сохатского, В. Врублевского, Т. Жарского и других руководителей польских коммунистов.

В 1937 году коммунистов Польши постигла новая волна репрессий. Число жертв в их рядах было особенно велико. Погибли создатели и руководители партии А. Варский, М. Кошутская, М. Хорвиц (Г. Валецкий), В. Штейн (А. Краевский), Б. Бортновский-Бронковский, Ф. Гжельшак (Гжегожевский), С. Мартенс (Скульский), Э. Прухняк, Генеральный секретарь компартии, Ю. Лешинский (Ленский), а также рядовые члены партии и те политэмигранты, кто получил советское гражданство, в том числе и коммунисты, деятели культуры Б. Ясинский, В. Вандурский, С. Станде.

В 30-е годы Политбюро ЦК Польской компартии находилось в Париже. Его члены вызывались в Москву и сразу арестовывались.

Руководящих деятелей Польской компартии под разными предлогами через аппарат Коминтерна вызывали из республиканской Испании, Праги, Варшавы. Они не привыкли уходить от ответственности, не были способны до конца поверить в происходящее и считали своим святым долгом внести ясность и снять абсурдные обвинения, доказать невиновность своих товарищей и выручить их. Они приезжали в Москву с лучшими намерениями и попадали в расставленный капкан. В числе вызванных были и представитель ИККИ в интернациональных бригадах в Испании К. Чеховский и представитель ЦК Компартии Польши при Компартии Испании Г. Райхтер (Рваль). Они также были арестованы и расстреляны.

Всего в СССР было свыше пяти тысяч польских коммунистов. Большинство из них являлись руководителями и активистами Польской компартии. Они работали в советских партийных и государственных органах, в армии и госбезопасности, высшей школе, научных организациях, органах печати и издательствах.

16 августа 1938 года Президиумом ИККИ под нажимом Сталина Компартия Польши вместе с входящими в нее автономными компартиями Западной Украины и Западной Белоруссии была распущена. По этому поводу Сталин заявил Димитрову, что «с роспуском Компартии Польши мы запоздали на два года»*.

В ответ на это постановление Исполкома Коминтерна остатки польских большевиков-ленинцев опубликовали воззвание, в котором говорилось, что «разгром Польской компартии — это очередное звено в цепи сталинских преступлений, это — дальнейший шаг в победоносном движении термидорианской контрреволюции, огнем и мечом уничтожающей старое революционное поколение и не только русское»**.

Роспуск Компартии Польши стал своеобразной политической ширмой, прикрывавшей сталинские преступления против польских коммунистов.

В связи с этим представляют интерес высказывания Н.С. Хрущева. В своих мемуарах он писал:

«Эти люди (коммунисты Польской коммунистической партии и Коммунистической партии Западной Украины. — В.П.) в нашем понимании требовали проверки, хотя они были коммунистами и завоевали это звание в классовой борьбе. Многие из них имели

* «Вопросы истории КПСС». № 3. 1988.

** «Бюллетень оппозиции». 1938. № 68—69.

за плечами польские тюрьмы. Какая еще может быть проверка? Но тогда у нас было другое понятие. Мы смотрели на этих людей как на не разоблаченных агентов. Их не только надо проверять, но проверять особой лупой. Очень многие из них, получив освобождение от нашей советской армии, попали в наши советские тюрьмы. К сожалению, это так.

Безусловно, были там и провокаторы, наверное, были и шпионы. Но нельзя же рассматривать каждого человека, который с открытой душой приходит к нам, как подосланного агента, который приспособливается, втирается в доверие. Это порочный круг. Если всё основывается на этом круге, то к чему это приведет?»

Аресты и расстрелы немецких эмигрантов начались еще в 1934 году. Все они обвинялись в шпионаже в пользу фашистской Германии. По разным источникам к апрелю 1938 года их было арестовано около 900 человек. Но в действительности количество арестованных немцев было значительно больше.

В первой половине 1937 года были арестованы члены руководства Коммунистической партии Германии Г. Реммеле, Х. Нойман, Ф. Шульте, Х. Киппенбергер. XII съезд КПГ в 1929 году, последний до прихода Гитлера к власти, избрал 38 членов и 25 кандидатов в члены ЦК. Из членов ЦК семь погибли от рук гестаповцев, шесть — от НКВД. Кандидатов в члены ЦК, соответственно, было убито шесть и трое.

Большинство немецких эмигрантов выехали в западные страны, однако и там им запрещалась политическая деятельность. Поэтому те, кто хотел продолжать борьбу с фашизмом, отправились в СССР. В целом из них были репрессированы примерно две трети. Вдумайтесь в эту цифру — две трети!.. Не все были расстреляны, но из лагерей вышли немногие.

В 1937 году кроме В. Пика и В. Ульбрихта не осталось никого из руководителей Компартии Германии. Одних уничтожил Гитлер в Германии, других Сталин в Стране Советов.

Вступая в борьбу с Гитлером, свою гибель от рук гестаповцев активные борцы с фашизмом рассматривали как естественное следствие классовой борьбы, а уничтожение их Сталиным, являвшимся их «идолом», стало для них непостижимым кошмаром — они гибли от рук НКВД как «агенты гестапо». Особенно трагической стала судьба немцев-эмигрантов после заключения пакта Молотова—Риббентропа 23 августа 1939 года: предположительно, около тысячи человек (точные сведения отсутствуют)

были выданы советскими органами в руки гестаповцев. Не лишне упомянуть и о том, что почти всегда суровую судьбу эмигрантов разделяли их жены и дети.

На IX съезде социалистической единой партии Германии в январе 1989 года было официально объявлено об уничтожении в СССР во время «Великой чистки» 242 видных деятеля Компартии Германии.

Кровавая политика «руководителя всемирного коммунистического движения» — Сталина устранила многих австрийских и итальянских коммунистов, проживавших в СССР в 30-е годы. Они были обвинены в антисоветской, антикоминтерновской и шпионской деятельности. Многие из них были расстреляны, другие погибли в тюрьмах и лагерях.

В начале 1937 года начались аресты членов австрийской социалистической военизированной организации «Шутцбунд» («Союз обороны»). Они вместе с коммунистами и беспартийными антифашистами подняли восстание против реакционного профашистского правительства в феврале 1934 года и после его поражения нашли политическое убежище в СССР.

В число жертв сталинской клики попали девять из шестнадцати членов первого ЦК Компартии Венгрии, а также руководители Венгерской коммуны, народные комиссары Б. Кун, Ф. Байяки, Д. Боканьи, И. Келен, И. Рабинович, Ш. Сабодаш и сотни венгерских коммунистов и эмигрантов.

В июне 1937 года в Москву из Парижа был вызван Генеральный секретарь Компартии Югославии М. Горкич. Спустя несколько месяцев работникам Политсекретариата КПЮ, находившегося в Париже, стало известно, что М. Горкич арестован «как английский шпион». Несколько позже был арестован Ф. Филиппович и В. Чопич, вернувшийся по вызову руководства Коминтерна из Испании, где он командовал 15-й интербригадой имени Линкольна. Руководство Коминтерна распустило Компартию Югославии и приостановило ей денежную помощь до тех пор, пока Коминтерн не примет другого решения.

Югославские историки приводят списки более 800 своих эмигрантов и коммунистов, погибших от сталинского террора, и среди них четыре генеральных секретарей КПЮ, занимавших этот пост в партии в разное время.

В руководстве Югославской компартии, кроме Тито, не осталось никого. Именно ему было поручено создание временного руководства КПЮ, и он выполнил это поручение. На его первом

же заседании было принято решение об исключении из партии коммунистов, арестованных в СССР, а также и некоторых членов КПЮ, находящихся в Югославии и во Франции. Их всех обвиняли в троцкизме.

Жертвами беззакония и несправедливости стали многие видные деятели Болгарской компартии, рядовые коммунисты и эмигранты. Среди них Р. Авраамов, первый из болгар, награжденный орденом Ленина, Б. Стомоняков, заместитель наркома иностранных дел СССР, Ф. Казовская, секретарь Пятницкого до ухода его из Коминтерна, А. Володин, Р. Янчев, Б. Валев, И. Терзиев, С. Спасов, а также соучастники Димитрова по Лейпцигскому процессу Попов и Танев.

В Советском Союзе были репрессированы более трех тысяч болгарских эмигрантов. В подвалах Лубянки, Лефортовской тюрьмы и в других местах погибло более 600 болгарских коммунистов, составлявших наиболее активные кадры Болгарской компартии.

«Великая чистка» охватила все компартии и особенно малочисленные, которые лишились своих наиболее опытных руководителей.

Под жернова репрессивной машины попали многие из тех, кто оставил Финляндию после подавления рабочей революции в мае 1918 года, а затем стоял у истоков КПФ. Были уничтожены первый Генеральный секретарь ЦК Компартии Финляндии К. Маннер и его соратники Ю.Э. Сирола, А.В. Шотман, Г. Ровио, все так или иначе связанные с Коминтерном. Каждый из них имел большие заслуги перед революционным движением. Сталинские репрессии обрушились и на членов ЦК КПФ, избранных ее VI съездом (1935) и работавших в СССР, в том числе в Коминтерне.

Сталинский смерч террора поглотил все руководство компартий Литвы, Латвии и Эстонии, находившееся в эмиграции в Москве. Погибли также представители этих партий при ИККИ: в числе уничтоженных в 1937 году члены ЦК КПЭ Я. Анвельт, Х. Пегельман, О. Рястас, Р. Меринг и другие. В январе 1939 года Г. Димитров в письме к секретарю ЦК ВКП(б) А.А. Андрееву отмечал, что связь Коминтерна с компартиями Литвы, Латвии и Эстонии после прошедших арестов прервана. «...Мы не имеем сейчас в Москве ни одного товарища из этих партий...»

Безвинно от сталинских палачей ушли из жизни шесть из восьми членов временного революционного правительства Литовской Советской Социалистической республики. Причем один

из них — видный деятель международного рабочего движения З. Алекса-Ангартис.

Знаменательно, что один из руководителей Латвийской компартии Калберзин в 1936 году был направлен Коминтерном для руководства партийным подпольем и в 1939 году был арестован латвийской полицией. За время его тюремного заключения в Латвии в Советском Союзе была арестована его жена, а дети отправлены в детский дом.

Интересен рассказ первого секретаря Компартии Литвы Антанаса Снечкуса, с которым я встречался в 60-е годы в Вильнюсе. Он рассказал мне о гибели моего двоюродного брата Адамоса Мескупаса, который был секретарем ЦК Компартии Литвы. Во время Отечественной войны руководство Литовской компартии находилось в одном из приволжских городов. Тогда секретарь ЦК ВКП(б) Г. Маленков неоднократно требовал от А. Снечкуса отстранения А. Мескупаса от партийной работы и вывода его из ЦК партии, что означало для него немедленный арест.

Чтобы спасти своего верного соратника и друга, Снечкус провел через ЦК решение о назначении А. Мескупаса руководителем партизанского движения Литвы и о формировании штаба партизанского движения республики. Членов этого штаба должны были самолетом переправить в Литву. Но, как рассказал мне А. Снечкус, группа членов ЦК, которым было поручено руководство партизанским движением в Литве, по указанию Маленкова была десантирована прямо в расположение карателей. Все члены штаба сражались до последнего патрона, и героически погибли.

Мескупас, чтобы не попасть в плен к карателям, последний патрон пустил себе в висок, сказал Снечкус с глубоким сожалением и грустью о погибших товарищах.

Всего в Стране Советов было уничтожено коммунистов из восточно-европейских стран больше, чем их погибло у себя на родине во время гитлеровской оккупации.

3 января 1939 года Г. Димитров в письме к секретарю ЦК ВКП(б) А. Андрееву сообщил, что «после арестов в Москве прежних руководителей компартий Литвы, Латвии и Эстонии, как врагов народа, честные коммунисты в этих странах остались дезориентированы и без связи с Коминтерном. Мы не имеем сейчас в Москве ни одного товарища из этих партий, на которого можно было бы вполне положиться для установления связи или эвентуально для посылки в страну».

На июньском Пленуме ЦК Компартии Литвы ее первый секретарь А. Снечкус сообщил, что «наиболее активная часть литовских коммунистов, находящихся в 30-е годы в СССР, погибла. Уцелели лишь те, кто были на подпольной работе или в литовских тюрьмах».

Лишь немногие зарубежные коммунисты в 1937—1938 годах решились порвать свои отношения с Коминтерном. К ним, например, относилась группа членов Компартии Палестины, обратившихся в 1938 году с письмом в редакцию «Бюллетеня оппозиции». В этом письме говорилось:

«Можно ли себе представить сознательного человека, верящего в силу и значение социализма, способного в то же время поверить во всю ту выставку... фантастической, безумной измены, которая преподносится нам сталинскими процессами? Неужели именно в стране величайшей революции столь велика моральная сила фашизма и столь ничтожно влияние социализма, что все признанные вожди и вместе с ними и широкие массы, сотни тысяч коммунистов, оказались предателями коммунизма и продают себя фашизму...

Если бы все это было правдой, если бы мы поверили в это — социализм был бы навеки опозорен и ему был бы нанесен смертельный удар, как идее и движению...»

«...В наши лучшие сознательные годы мы шли за Сталиным не потому, что действительно считали его нашим «отцом». В нашем самообмане мы верили, что преданность Сталину — это то же, что преданность делу Советского Союза и мировой революции. Мы надеялись, что эти сталинские методы случайны и преходящи. Но Сталин эксплуатирует нашу преданность для продолжения своих темных дел без конца и предела... Непрерывная война, которую Сталин ведет против партийных, хозяйственных и военных кадров, ликвидирует завоевания революции и разрушает основы Советского государства... Если бы буржуазной реакции удалось поставить провокатора во главе рабочего движения и социалистического строительства, она не смогла бы причинить больше вреда, чем Сталин своими злодеяниями»*.

Но политические репрессии в 1937—1938 годах продолжали бушевать на просторах нашей великой державы, ставшей центром всемирного коммунистического движения. Основатель Ком-

* Роговин В. Партия расстрелянных. 1997. С. 342—343.

мунистического Интернационала с остервенением «пожирал» своих воспитанников.

Органы внесудебной расправы настигли бывшего Генерального секретаря компартии Греции А. Ксайтаса. Были арестованы и погибли лидеры компартий Ирана — Султан-Заде и Мексики — Гомес. Такая же участь постигла видных представителей индийской революционной эмиграции в СССР Вирендранехта Чаттопадхья (он же Чатто), Албани Мукореджи (он же Обони Мукераджи) и Амбия Гулам Ахмад хана Лугани (он же Лохани). Все они в разные годы работали в Коминтерне, о чем имеются сведения в индийских архивах, а также в воспоминаниях индийцев-современников.

Была полностью ликвидирована находившаяся в СССР корейская секция Коминтерна.

Были арестованы и представитель Компартии Китая, политический референт Г. Димитрова Го Шаотан (он же А. Крымов) и еще целый ряд китайских коммунистов.

Под маховик репрессий попали многие японские коммунисты, находящиеся в эти годы в Советском Союзе. Одни из них были расстреляны, другие погибли в тюрьмах и лагерях.

В Монголии, по примеру старшего брата — СССР, массовая чистка коснулась 10 процентов населения. Из 11 членов Политбюро Монгольской народно-революционной партии были уничтожены 10. Остался один Чайболсан.

Были репрессированы также и многие сотрудники аппарата Исполкома Коминтерна, необоснованно обвиненные в шпионаже, террористической деятельности и вредительстве.

Таким образом, сталинский террор уничтожил не только цвет кадров нашей страны, но и нанес непоправимый удар по международному коммунистическому движению.

Видный венгерский коммунист, член Президиума ИККИ, известный ученый-экономист Е. Варга 28 марта 1938 года писал Сталину:

«Находящиеся на свободе в Советском Союзе кадры вследствие массовых арестов глубоко деморализованы и обескуражены. Эта деморализованность охватывает большинство работников Коминтерна и простирается вплоть до отдельных членов Секретариата ИККИ.

Главной причиной этой деморализованности является ощущение полной беспомощности в делах, касающихся арестов поли-

тэмигрантов... Многие вследствие постоянной боязни полусумасшедшие, неспособны к работе».

Следует признать и то, что Исполком Коминтерна, избранный на VII Конгрессе, во многом разделял сталинскую политику беспощадного искоренения «троцкистско-зиновьевско-бухаринских шпионов и диверсантов», как в то время называли всех неугодных «великому вождю» лиц.

Как же произошло перерождение большого количества коммунистов, которые являлись признанными вожаками революционного движения?

Один из основателей Коммунистического Интернационала Л. Троцкий в своей последней статье, напечатанной в «Бюллетене оппозиции» № 85, объясняет это явление следующим образом:

«...В первый период советского периода революция шла от опасности к опасности, и все силы уходили на гражданскую войну с ее свитой голода и эпидемий, к Октябрьской революции и Коминтерну примкнули в разных странах наиболее смелые и бескорыстные революционеры. Из этого первого революционного слоя, который делом доказал свою верность Октябрьской революции в трудные годы, сейчас не осталось в Коминтерне буквально ни одного человека. Путем непрерывных исключений, материального давления, прямого подкупа, чисток и расстрелов тоталитарная клика Кремля окончательно превратила Коминтерн в свое покорное орудие. Нынешний руководящий слой Коминтерна, как и отдельных его секций, состоит из людей, примкнувших не к Октябрьской революции, а к победоносной олигархии, источнику высоких политических титулов и материальных благ...»

Чтобы сохранить свой безграничный контроль над всемирным коммунистическим движением, Сталин беспощадно уничтожал зарубежных коммунистов, оставляя лишь тех, кто своим соучастием в его преступных акциях доказывал свою личную преданность.

Массовые репрессии означали не только физическое уничтожение или заточение в лагеря и тюрьмы одних, но имели также цель запугать, застрашать и приструнить остальных. Сталин последовательно и беспощадно уничтожал всех, кто мог помешать ему как полновластному диктатору. Все, кто был не согла-

сен с ним или мог сомневаться в правильности его действий, был обречен на гибель.

В настоящее время имеются неопровержимые данные о том, что в застенках карательных органов Страны Советов у арестованных коммунистов физическими методами (пытками и избиениями) вымогались порочащие показания почти на всех руководителей Коммунистического Интернационала. В архивах НКВД обнаружены компрометирующие данные на Пальмиро Тольятти (Эрколли), Отто Куусинена, Гарри Поллита, Мао Цзедуна, Вильгельма Пика, Чжу Дэ, Жака Дюкло, Вальтера Ульбрихта, Клемента Готвальда, Богумира Шмерала, Антонина Запотоцкого и многих других.

Одни из них избежали репрессий потому, что находились вне зоны досягаемости советской политической полиции, другие потому, что пользовались особой благосклонностью Сталина.

Однако известно также, что размах репрессий и несуразности обвинений в ряде случаев вызывали протест некоторых руководителей Коминтерна и, прежде всего, я горжусь этим, моего отца, Осипа Пятницкого. Но он не смог никого спасти, как не спас и самого себя...

Попытки вступить за некоторых арестованных коммунистов предпринимали и такие лидеры Коминтерна, как В. Пик, И. Копелинг, П. Тольятти, О. Куусинен, Г. Димитров. Но их попытки положительных результатов не дали. Они натыкались на непробиваемую стену молчания. Их письма оставались без ответа.

В 1990 году были получены сведения на 1 422 арестованных членов компартий зарубежных стран...

Трагическая судьба этих людей является драмой не только их самих, но и коммунистической идеи, и самого Коммунистического Интернационала.

Понимая это, Г. Димитров в то время начал думать о создании резервного руководящего центра Коминтерна за рубежом. Он считал, что его мог бы возглавить П. Тольятти (Эрколли), а войти в его состав должны были также В. Пик, К. Готвальд, А. Марти, М. Торез, Х. Диас, Г. Поллит и С. Линдерут, избранные на VII Конгрессе в Исполком Коминтерна. Как полагает доктор исторических наук Ф.И. Фирсов, который руководил в 1960—70-е годы коминтерновским сектором в партийном архиве, носившим в тот период название ИМЭЛ (институт Маркса—Энгельса—Ленина), планы Г. Димитрова были связаны с обострением международной ситуации к осени 1938 года.

Но можно предположить, что в этом решении отразилось и опасение за судьбу руководителей Коминтерна, находившихся в Москве. Г. Димитров стремился сохранить Коминтерн как международную организацию коммунистов.

Однако этим намерениям Генерального секретаря ИККИ не суждено было осуществиться. В 1938 году Коминтерн был еще нужен Сталину, и он не мог допустить, чтобы управление всемирным коммунистическим движением выпало из его рук. Можно с уверенностью сказать, что со второй половины 30-х годов международная организация Коммунистический Интернационал стала резко двигаться к своей деградации и покорно штамповать все директивные указания Сталина, переданные ему через его верного клеветника — Д. Мануильского.

Коминтерн превратился в орудие международной политики сталинского руководства.

В подтверждение сказанного весьма интересно письмо старшей участницы коммунистического движения Клары Цеткин, адресованное другому ветерану Коммунистического Интернационала Жюлю Эмбер-Дро в конце 20-х годов. Оба эти товарища были многолетними друзьями и соратниками Пятницкого. В нем К. Цеткин писала:

«Я буду чувствовать себя совершенно одинокой и неуместной в этой организации (имеется в виду Коминтерн. — В.П.), превратившейся из живого политического организма в мертвый механизм, который, с одной стороны, проглатывает приказы на русском языке и, с другой стороны, выдает их на различных языках. Механизм, превративший огромное всемирно-историческое значение и содержание русской революции в правила Пиквикского клуба. Можно было бы сойти с ума, если бы моя твердая убежденность в ходе истории и в силе революции не была столь непоколебима, что я и в этот час полуночной тьмы с надеждой и даже с оптимизмом смотрю в будущее».

Копию этого письма мне в 60-х годах любезно передал заведующий партийным архивом (ИМЭЛ) товарищ Лавров. Оно уже было переведено с немецкого на русский язык.

Интересно также мнение по этому поводу моего друга, известного журналиста-международника Эрнста Генри (А.Н. Ростовского). Он считал, что «среди важнейших преступлений Сталина, вслед за теорией «социал-фашизма», проложившей Гитлеру

путь к власти, и заключением пакта с Гитлером, является и его приказ всем зарубежным компартиям немедленно прекратить антифашистскую пропаганду.

Сталин уже не ограничивался разобщением социал-демократов и коммунистов. Теперь он начал дискредитировать и разоружать самих коммунистов на Западе. Еще два-три года — и компартии Запада были бы разрушены... Укрепив свой тыл в Германии и во всей Западной Европе, со злорадством наблюдая, как антифашисты грызли друг другу глотки, Гитлер мог начать войну. И он ее начал. Его фронт и тыл были усилены политикой «советского Макиавелли».

«Вместо того чтобы накануне решающей исторической схватки объединять и собирать, Сталин разъединял, дробил и отпугивал. Никогда, ни при каких обстоятельствах, никому в мире Ленин не простил бы такой политики»*.

Руководителям зарубежных компартий указаниями Президиума Исполкома Коминтерна предписывалось оправдывать перед общественностью своих стран политические репрессии, проводимые в Советском Союзе.

Например, руководители французской компартии Марсель Кашен и Поль Вайян-Кутюрье, которым довелось присутствовать на первом московском процессе над сторонниками левой оппозиции, уверяли Компартию Франции о «прозорливости Сталина, разоблачившего и обезвредившего террористическую группу Зиновьева—Каменева». При этом они заявляли, что собственными ушами слышали, «как эти люди признавались в совершении ими тяжелейших преступлений. И вопрошали аудитории, стали бы эти люди признаваться, будь они невиновны?»**. И они в этом были не одиноки.

Некоторые руководители Коминтерна проявляли особое усердие в уничтожении революционеров в Испании во время испанской революции. В Испанию тогда съехались антифашисты из всех стран мира. Представители ИККИ А. Марти и Г. Дамянов выискивали в интернациональных бригадах революционеров, которые придерживались взглядов, отличных от тех, которыми руководствовались сталинисты, и передавали их в руки НКВД, команды которого работали в Испании.

* «Дружба народов». 1988. № 12. С. 12.

** Триппер Леопольд. Большая игра.

В. Ульбрихт проявил недюженные способности в расправах над немецкими, австрийскими и швейцарскими коммунистами — сторонниками Троцкого.

То же можно сказать и об Имре Наде, который во время венгерского контрреволюционного мятежа 1956 года был премьер-министром Венгрии. Он в 1937—1938 годах играл активную роль в арестах и уничтожении венгерских коммунистов. То же можно сказать и об Э. Герэ, который, будучи одним из ответственных работников аппарата ИККИ, одновременно был активным сотрудником НКВД.

К началу 30-х годов большинство основателей Коминтерна, его руководителей ленинского периода были изгнаны из Коминтерна в ходе борьбы с многочисленными оппозициями и уклонами либо сами вышли из него. Самое мощное в истории международное политическое движение попало под безраздельное влияние сталинистов.

Вследствие многочисленных чисток аппарата Исполкома Коминтерна и зарубежных компартий, в их руководстве оказалось немало недальновидных и недалеких людей, но обладавших мастерством политических интриг и расправ, направленных, прежде всего, против инакомыслящих.

Одним из них был болгарин Георгий Демянов, работавший в Коминтерне под фамилией Белов, являвшийся в последнее время заведующим Отделом кадров ИККИ. Г. Демянов подготовил для НКВД сотни компрометирующих справок на деятелей Коммунистического Интернационала. До своего назначения в аппарат ИККИ Г. Демянов был агентом НКВД в Испании и в качестве инспектора национальных бригад республиканской армии проявил себя в уничтожении неугодных сталинскому режиму революционеров.

Без санкции Д. Мануильского и Г. Белова НКВД не имел права арестовывать никого из работников аппарата Коминтерна и иностранных коммунистов. Г. Димитрова, Генерального секретаря ИККИ, подчас даже не ставили об этом в известность.

Прогерманская линия сталинской политики наложила свой отпечаток на всю деятельность Коминтерна и всех национальных компартий. Она сохранилась и после того, как со всей ясностью определилась агрессивная направленность политики фашистской Германии.

По-видимому, даже такие искушенные сталинисты, как Мануильский и Димитров, не сразу вникли в новую политическую

стратегию Сталина, требующую от зарубежных компартий полного прекращения антифашистской пропаганды. Сталин в 1939 году пошел на союз с Гитлером, не поставив в известность ни Коминтерн, ни зарубежные компартии.

Когда началась вторая мировая война, состоялась встреча Димитрова со Сталиным, проходившая в присутствии Молотова и Жданова.

На этой встрече Сталин определил основные позиции политической стратегии и тактики Коминтерна в сложившейся мировой обстановке.

Сталин потребовал от руководства Коминтерна:

1. Отказаться от деления капиталистических держав на агрессивные и неагрессивные, фашистские и демократические, которое, по его словам «во время войны... потеряло прежний смысл».
2. Навязал Коминтерну оценку войны как империалистической с обеих сторон, которая «ничего не дает рабочим, кроме страданий и лишений». Что война идет между двумя группами капиталистических стран за передел мира, за господство над миром*.

Такая трактовка полностью игнорировала претензии германского фашизма на порабощение Европы и всего мира.

Руководствуясь этой установкой, Коминтерн снял прежний лозунг о фашизме, как главном источнике империалистической агрессии. А сам термин «фашизм» применительно к Германии исчез из документов Коминтерна.

2 сентября 1939 года Троцкий писал, что «столь резкий поворот в стратегии и тактике Коминтерна вызвал массовый отлив коммунистов из компартий капиталистических стран. Это является результатом ослабления политического и морального влияния Коминтерна». Он подчеркнул, что «Коминтерн — важнейшее орудие Кремля для воздействия на общественное мнение других стран явился на самом деле первой жертвой германо-советского пакта... Коминтерн — уже труп. Его покидают с одного конца патриоты, с другого интернационалисты»***.

Ярче всего деморализация народных масс сказалась на компартиях Франции и Англии, которых Коминтерн под давлением

* «Новая и новейшая история». 1992. № 6.

** Троцкий Л. Портреты революционеров. С. 146.

Сталина вынудил выступить против правительств собственных стран, ведущих войну против фашистской Германии.

Даже после захвата немцами всей Центральной Европы, коминтерновская пропаганда продолжала оценивать эту войну как империалистическую с обеих сторон, но при этом делала акцент на агрессивный характер политики Англии.

Член Политбюро ЦК французской компартии Жак Дюкло писал руководству Коминтерна, что руководство КПФ пытается договориться с немецкими оккупантами о легализации издания коммунистической газеты «Юманите» и ведутся переговоры о легализации КПФ. После чего немецкие власти распорядились освободить группу арестованных коммунистов за поддержку советско-германского пакта.

Ущербная позиция французской компартии в 1938—1940 годах привела к утрате доверия к ней у миллионов французов.

Подобное сотрудничество с оккупантами летом 1940 года проводилось и руководством компартий Скандинавских стран.

Влияние зарубежных компартий среди рабочего класса своих стран быстро таяло, так как миротворческие лозунги, провозглашенные Коминтерном, вступали в острое противоречие с антифашистскими и патриотическими устремлениями рабочих.

Лишь с осени 1940 года в директивы Коминтерна были внесены существенные поправки в оценках политики фашистской Германии.

Но вот в апреле 1941 года, после нападения Германии на Югославию, Сталин, наконец, одобрил предложение Исполкома Коминтерна считать войну поработенных немцами стран против германской агрессии справедливой.

В это же время в советской прессе было опубликовано заявление А. Жданова, конечно, после одобрения его Сталиным:

«Балканские события не меняют общей установки, занятой нами в отношении империалистической войны и обеих воюющих группировок. Балканскую экспансию мы не одобряем. Но это не означает, что мы отходим от пакта с Германией и поворачиваем в сторону Англии. Те наши люди, которые так думают, недооценивают самостоятельной роли и мощи Советского Союза. Им кажется, что надо ориентироваться либо на одну, либо на другую империалистическую группировку. А это глубоко неверно»*.

* «Свободная мысль». 1995. № 2. С. 23—24.

В 30-е годы сталинская инквизиция уничтожила лучшие кадры всемирного коммунистического движения. Иными словами, произошел полный разгром Коммунистического Интернационала. Об этом говорит хотя бы то, что после VII Конгресса Коминтерна ни пленумы его Исполкома, ни всемирные конгрессы уже не проводились, а вновь избранное руководство Коммунистического Интернационала действовало как статисты, руководимые непосредственно Сталиным.

Да и как могло быть иначе. Ведь все они находились в Москве полностью во власти сталинской команды и на содержании Москвы. Поэтому их отказ поддержать его советы и указания, которые в действительности являлись директивами, означали бы инакомыслие и квалифицировались бы как троцкизм, и по установленным правилам карались бы смертью.

Эти люди хорошо знали, как это делается, наблюдая за судьбами своих товарищей.

Общая обстановка, царившая в партии советских коммунистов и в общественной жизни страны, перекинулась и на аппарат Коминтерна, и на работников зарубежных компартий, находящихся в СССР. Она все более накалялась, и к 1936 году превратилась в компанию шпиономании, поисков классово-враждебных элементов и просто врагов внутри Исполкома Коминтерна и руководства зарубежных компартий.

В первой половине 1937 года из аппарата ИККИ был уволен каждый шестой работник с формулировкой «разоблачен как враг партии и народа», «как враг народа», «за связь с врагами народа» и т.п.

До сих пор еще наши сведения об истреблении Сталиным и его подручными коминтерновских кадров весьма скудны и отрывочны. Пока закрыты в спецхранах многие страницы о политическом терроре, возведенном в те годы в нашей стране в государственную политику.

Однако известно, что в результате сталинских репрессий пострадали представители тридцати одной страны. Насколько можно судить по имеющимся иностранным источникам, более всего понесли жертв находившиеся тогда на нелегальном положении компартии Польши, Германии, Италии, Венгрии, Югославии, Болгарии, Румынии, Финляндии и прибалтийских государств.

Представители легальных компартий, как правило, приезжали в СССР открыто и в определенной степени находились под защитой посольств своих государств.

Нелегалы же, стремясь найти убежище в СССР, в большинстве случаев прибывали по фальшивым документам, под чужими фамилиями. Чаще всего они были беззащитны.

В обстановке, когда жертвами репрессий стали многие видные работники Коминтерна, активность его руководящих органов резко снизилась. Коммунистический Интернационал начал все больше деградировать и постепенно приближаться к своему краху.

Политическое перерождение Коминтерна началось еще со второй половины 20-х годов. Путем постоянных чисток аппарата ИККИ и его руководства, а также национальных компартий от неугодных лиц, материального давления, а также и прямого подкупа, к середине 30-х годов, особенно после VII Конгресса Коминтерна, сталинская клика превратила Коммунистический Интернационал в свое покорное орудие. Новое руководство Коминтерна состояло уже из людей, примкнувших к советской партийной олигархии, источнику высоких политических титулов и материальных благ.

Так Л. Троцкий в своей статье «Коминтерн и ГПУ» комментировал перерождение Коминтерна и коррумпирование национальных компартий и его руководства*.

Ниже я привожу некоторые факты кончины Коммунистического Интернационала.

Еще 20 апреля 1941 года на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) Сталин поставил вопрос о роспуске Коммунистического Интернационала и о превращении его секций в самостоятельные национальные компартии. Свое намерение он осуществил лишь в мае 1943 года, мотивируя это укреплением коалиции СССР с США и Англией.

8 мая 1943 года Молотов по заданию Сталина вызвал к себе Димитрова и Мануильского для обсуждения с ними вопроса о необходимости роспуска Коминтерна.

13 мая 1943 года на закрытом заседании Президиума ИККИ единогласно был принят проект постановления о роспуске Коммунистического Интернационала.

Сталин дал Димитрову указание:

«Не торопиться с этим делом. Поставить на обсуждение. Дать возможность членам Президиума ИККИ два-три дня подумать и

* «Бюллетень оппозиции». 1940. № 85.

внести в проект свои поправки. И у него, Сталина, также будут некоторые поправки. Проект за границу пока не посылать. Не оставлять впечатления, что мы просто выгоняем руководящих иностранных товарищей»*.

22 мая 1943 года постановление Президиума ИККИ о ликвидации Коминтерна было опубликовано в «Правде».

8 июня 1943 года состоялось последнее заседание Президиума ИККИ. Руководил заседанием Г. Димитров. На нем были упразднены Исполком Коминтерна, Президиум и Секретариат Исполкома, а также Интернациональная и Контрольная комиссии. И была образована комиссия для ликвидации дел, органов аппарата Исполкома и имущества Коминтерна. В состав этой комиссии вошли Димитров, Мануильский, Пик, Тольятти и Сухарев.

* «Молодая гвардия». 1994. С. 7.

ПРИЛОЖЕНИЯ

1. Как Сталин установил режим личной власти

Еще раз напомним, что инициатором создания Коминтерна стала Российская партия большевиков, которая предоставила территорию своей страны для размещения его руководящих органов, взяла на себя финансирование его создания и всей его деятельности.

Решением I конгресса Коминтерна было установлено, что страна, где располагаются высшие органы руководства Коминтерна, вводит в Исполком пять своих представителей с правом решающих голосов.

В состав делегации РКП(б) в ИККИ поначалу вошли Ленин, Бухарин, Зиновьев, Каменев и Троцкий, а также Радек и Сталин в качестве кандидатов.

В связи с этим, все основные решения ИККИ и его руководящих органов всегда согласовывались с Политбюро ЦК РКП(б), позже ВКП(б). Так с первых же шагов существования Коминтерна, Российская компартия в его руководстве заняла решающие позиции, а сам Коминтерн превратился в рычаг внешней политики Советской России.

Между тем, в большевистской партии происходили события, которые самым существенным образом влияли на внутреннюю и внешнюю политику СССР и в связи с этим на международное коммунистическое движение.

* * *

Сразу же после захвата власти в России большевики создали органы для защиты своих завоеваний от внутренней и внешней контрреволюции, и от саботажа чиновников прежнего режима. 7 (20) декабря 1917 года Совет народных комиссаров (Совнарком) учредил своим постановлением Всероссийскую чрезвычайную комиссию (ВЧК) для борьбы с противниками советской власти. Эту функцию ВЧК выполняла в годы Гражданской войны весьма успешно. Ее работу лично контролировал Ленин.

После окончания Гражданской войны задачи ВЧК были значительно скорректированы. А в 1922 году Ленин настоял на коренной реорганизации ВЧК. Ее упразднили, и на ее основе создали конституционный орган — Государственное политическое управление (ГПУ). В отличие от ВЧК, оно было лишено карательных функций и права внесудебного преследования граждан. В декрете ВЦИК от 6 февраля 1922 года сказано, что «все дело о преступлениях, направленных против советского строя, подлежит разрешению исключительно в судебном порядке революционными трибуналами или народными судами».

Но сразу же после смерти Ленина, с марта 1924 года, в ГПУ начало функционировать так называемое «Особое совещание», получившее право внесудебного преследования и вынесения окончательного приговора.

Октябрьский переворот в России организовала ленинская группа профессиональных революционеров. Захватив власть и взяв на себя управление страной, большевики нуждались в многочисленном аппарате управления, следовательно, в многочисленных партийных кадрах. Между тем, в ходе Гражданской войны погибли десятки тысяч большевиков ленинской формации. В те годы на смену погибшим пришло немало честных, мужественных, принципиальных людей. Но, как это всегда бывает в эпохи общественных потрясений, не меньше пришло и тех, кто стремился к власти лишь ради получения льгот, преимуществ и привилегий.

Партия быстро росла за счет политически неискушенных людей. Они заполнили все органы различных ветвей власти: гражданской, военной, профсоюзной. В центре стояла группа профессиональных революционеров, возглавлявших многочисленные ведомства и организации. Формально партия правила через органы власти — народные комиссариаты, исполкомы, различные ведомства. Их было много. Центр должен был охватить не только всю их гамму, но и все, что туда не вмещалось: Коминтерн, Профинтерн, армию, аппарат пропаганды, профсоюзы, вопросы внешней и внутренней политики и, конечно же, органы безопасности.

Большинство этих проблем можно было решать только в ЦК партии. В связи с этим аппарат ЦК быстро рос и стал очень громоздким. Для выхода из создавшегося положения, VIII съезд РКП(б), проходивший в марте 1919 года, постановил создать в ЦК партии высшие руководящие органы: Политбюро, Оргбюро

и Секретариат для оперативного решения не терпящих отлагательства задач и четкой организации всей деятельности партии.

Функции между ними разделялись следующим образом. Политбюро решало самые важные политические вопросы. Оргбюро решало организационные вопросы и подбор кадров. Секретариат решал текущие вопросы и подготовку более важных вопросов для решения их на Политбюро и Оргбюро. Все эти органы избирались ЦК и отчитывались перед ним.

До VIII съезда РКП(б) в ЦК существовали два секретаря. В 1917—18 гг. Е. Стасова была техническим секретарем. Организационно-политическими вопросами ведал Я. Свердлов. После его смерти в марте 1919 года секретарями ЦК стали Серебряков и Крестинский. В марте 1921 года ответственным секретарем ЦК избрали Молотова. Но уже в 1922 году на Пленуме ЦК избрали трех секретарей: Сталина, Молотова и Михайлова, которого вскоре сменил Куйбышев.

Сталин стал первым секретарем вместо Молотова, который мог бы сохранить за собой пост ответственного секретаря, но Зиновьев и Каменев настояли, чтобы первым лицом в Секретариате был Сталин, как ярый враг Троцкого, против которого они начали яростную борьбу. В Сталине они видели своего верного соратника.

Ленин сразу после победы Октябрьской революции возглавил правительство — Совнарком, но оставался при этом вождем партии и самым ответственным членом Политбюро ЦК РКП(б). У него были несколько помощников. Ближайшие — Яков Свердлов, Лев Троцкий, Григорий Зиновьев, Лев Каменев, которых он хорошо знал еще с подпольных времен.

Политбюро очень скоро стало настоящим правительством, упорядочившим дело государственного управления. Власть все более сосредотачивалась в руках партии, хотя само управление по-прежнему осуществлялось через органы Советов различных уровней.

Партийный аппарат был тогда в зачатке и функции имел обслуживающие, а не управляющие. Положение вещей начало меняться с окончанием Гражданской войны. Возник и стал быстро расти настоящий партийный аппарат. Формированием аппарата ЦК, краевого и губернского руководства занималось Оргбюро ЦК, которым руководил Молотов.

Властные функции на периферии стали брать на себя краевые и губернские партийные бюро. Там на первое место вышли их

первые секретари. Именно они стали хозяевами вместо председателей краевых и губернских исполкомов Советов. Так уже в самом начале произошла подмена «власти советов» на «власть партсекретарей». Только во главе этой пирамиды находился не генеральный секретарь ЦК, а лидер партии — Ленин.

В марте 1920 года X съезд РКП(б) принял резолюцию, в которой было сказано, что в данный момент опасность фракционности угрожает единству партии. Поэтому съезд объявил о роспуске всех без исключения групп, образовавшихся на любой, кроме большевистской, платформе и о запрете фракционной борьбы внутри партии. Это решение было принято в критический период как временная мера. Однако оно нашло трагическое продолжение в последующий период.

В 1922 году болезнь вывела Ленина из строя. Центральной властью стало Политбюро. А там началась жестокая борьба за его политическое наследство. Зиновьев и Каменев пытались подхватить пошатнувшуюся власть, считая, что Политбюро уже у них в руках.

Сталин и Молотов считали иначе. Политбюро избирается Центральным Комитетом. Кто имеет в руках ЦК, тот выбирает Политбюро так, как ему заблагорассудится. Поставьте всюду своих секретарей крайкомов и губкомов, и большинство съезда будет ваше, а съезд избирает ЦК. Так можно регулировать избрание будущего ЦК.

Зиновьев и Каменев не хотели этого видеть. Они были настолько поглощены уничтожением Троцкого и грызней внутри ЦК, что не обращали внимания на скрупулезную работу Сталина и Молотова по подбору своих людей в аппарат партийных органов.

В начале 1920-х годов на небосклоне советской иерархии сияли две звезды: Ленин — создатель и руководитель партии и государства и Троцкий — создатель и руководитель Красной армии. Троцкий одновременно являлся председателем Реввоенсовета республики, наркомом по военным и морским делам, а несколько позже еще и наркомом путей сообщения.

Как уже сказано, ближайшими помощниками Ленина в тот период были Зиновьев, Каменев и Троцкий. Первых двух он хорошо знал по большевистскому подполью и заграничному центру партии. Троцкого знал по революции 1905—1907 гг., по Октябрю 1917 года и по Гражданской войне. Ленин знал все сильные и слабые стороны их натуры, и умело использовал это в интересах дела. К Сталину он относился осторожно. Он ввел его

в состав Политбюро, и назначил наркомом национальностей и рабоче-крестьянской инспекции.

Особых революционных заслуг никто из них, кроме Троцкого, не имел. Зиновьев и Каменев в событиях октября 1917 года не участвовали. Сталин после февральской революции, вопреки Ленину, отстаивал политику поддержки Временного правительства и продолжения участия России в мировой войне. Именно между этими людьми позже разгорелась настоящая война, закончившаяся весьма трагически.

Осип Пятницкий хорошо знал Троцкого. Отношения между ними складывались непросто в силу различия их характеров. Пятницкий был сдержан, скромен и пунктуален во всем. Работа руководителем конспиративного аппарата заграничного центра партии в дореволюционный период ее истории наложила свой отпечаток на его натуру. Он всегда стремился оставаться в тени. Троцкий же, наоборот, был разговорчив, разбросан и очень тщеславен.

Пути их пересекались не раз. Отношения с Троцким из-за противоположности характеров всегда были натянутыми. В 1920 году, когда Пятницкий руководил профсоюзом железнодорожников, а затем стал секретарем МК партии, а Троцкий наркомом путей сообщения, их отношения ожесточились до крайности. В одном из железнодорожных журналов появилась карикатура, в которой были изображены они оба: Троцкий плавает в галоше посреди большой лужи, а Пятницкий, стоя на берегу, отталкивает ее на середину, не давая пристать к берегу. В их споре о профсоюзном движении на транспорте Ленин поддержал Пятницкого и настоял на устранении Троцкого с поста наркома путей сообщения.

В Коминтерне их отношения нельзя было назвать дружественными. Пятницкий постоянно выступал против Троцкого в защиту партийной линии. Но вместе с тем в его личной библиотеке вплоть до самого ареста он хранил полное собрание сочинений Троцкого рядом с книгами Маркса, Ленина и Бухарина. А Троцкий, когда ему требовалось авторитетное подтверждение какого-либо экскурса в историю партии, всегда ссылался, что так считает принципиальнейший из большевиков Осип Пятницкий.

Со Сталиным Пятницкий познакомился в 1912 году на Пражской конференции РСДРП(б). Особых контактов с ним до 1922 года не было. Деловой контакт возник тогда, когда Сталин, будучи генеральным секретарем РКП(б), утверждал персональный

состав советской делегации в Исполкоме Коминтерна. Они не были близки по работе до тех пор, пока Сталин не стал руководить Коминтерном через своих подставных лиц.

Друг к другу относились с должным уважением, взаимно ценя организационные способности. Приручить Пятницкого Сталину не удалось, поэтому Сталин его своим сторонником не считал, но считался с огромным авторитетом Пятницкого в международном коммунистическом движении, а также в ВКП(б).

Ленин, предвидя развитие внутривнутрипартийной междоусобной борьбы за лидерство в партии, в марте 1922 года обратился ко всем членам ЦК с предостережением, в котором писал, что «в настоящее время пролетарская политика партии определяется не ее составом, а громадным, безраздельным авторитетом того тончайшего слоя, который можно назвать старой партийной гвардией». Он предупреждал, что «достаточно небольшой внутренней борьбы в этом слое и авторитет его будет, если не подорван, то, во всяком случае, ослаблен настолько, что решение будет уже зависеть не от него».

Сталин хорошо запомнил это тревожное предупреждение Ленина и взял его на вооружение. Он начал постоянно сталкивать между собой руководящих деятелей партии, имевших разные взгляды на насущные проблемы страны, выдавая их споры и дискуссии за проявление внутривнутрипартийной борьбы и квалифицируя это как антипартийную и антисоветскую деятельность.

В 1921 году, выправившись после первого приступа своей болезни, Ленин ужаснулся стремительному росту бюрократизма, возникшего в стране, особенно в партии. Он отметил явные признаки перерождения части партийного и государственного аппарата. В его последних работах прослеживается тревога за будущее, за итоги революционной борьбы. Это послужило причиной его требования о создании Центральной контрольной комиссии (ЦКК) партии для борьбы с бюрократией и другими извращениями.

Ленин с горечью напомнил партии, что «не однажды в мировой истории победители перерождались, усваивая нравы побежденных». Его возмущали факты несправедливости и грубости коммунистов, облеченных властью по отношению к подчиненным. Он не раз предупреждал партию, что при сосредоточении в руках гигантской власти, какой ранее не имела ни одна политическая организация в истории, жизненно необходимо соблюдение коммунистических методов руководства, иначе фальшь и

всяческие бюрократические извращения немедленно отразятся на всем рабочем классе.

И Троцкий, и Зиновьев, и Каменев смотрели на Сталина как на мелкого провинциала, назначенного для старательного исполнения технических заданий. Его притязания на пост генерального секретаря казались им в то время смешными, ибо не были подкреплены ни настоящей школой работы в подполье, ни талантом, ни интеллектом. Его просто не принимали всерьез.

Только Ленина насторожили негативные черты характера Сталина и его склонность к политическим интригам. Ленин успел разобраться в его натуре и выявить ту опасность, которую он нес для партии и революции. Он разглядел его диктаторские замашки и необузданное влечение к власти, грубость, жестокость, а также зависть к тем партийным деятелям, чьи заслуги перед революцией и, следовательно, авторитет и уважение в партии были выше, чем у него — Сталина.

4 января 1923 года, будучи уже тяжело больным, он обратился с письмом к предстоящему XII съезду партии с предложением о перемещении Сталина с поста Генерального секретаря на другую, менее значимую должность.

Но делегаты съезда к совету своего вождя не прислушались. Особенно рьяно выступили против этого предложения Зиновьев и Каменев, которые больше всего боялись усиления позиций Троцкого.

Зиновьев люто ненавидел Троцкого. Корни их неприязненных отношений уходили в 1919 год, к дням обороны Петрограда от войск Юденича. Каменев личных поводов неприязни к Троцкому не испытывал. Он просто привык всегда следовать в кильватере Зиновьева, и в этом случае безоговорочно примкнул к нему.

Сталин испытывал к Троцкому смешанные чувства зависти, ненависти и страха. Он завидовал его авторитету одного из главных вождей революции и создателя Красной армии, боялся огромной популярности в партии и народе, ненавидел как первого среди претендентов на роль руководителя партии и государства.

Ленин считал Троцкого очень способным, но чрезвычайно самоуверенным человеком. Он признавал его революционные заслуги и организационные способности, плодотворно с ним сотрудничал, доверял ему важнейшие государственные посты. Но его настораживали некоторые черты его характера: нетерпимость к мнению других, честолюбие, позерство, а особенно радикализм в решении многих важнейших вопросов.

Ленин опасался, что борьба за власть между Сталиным и Троцким может привести партию к расколу, что в дальнейшем и произошло, очень дорого обойдясь партии и народу.

Суть борьбы между Сталиным и Троцким заключалась в вопросе о первенстве в партии. Каждый из них пытался повергнуть противника. Но внешне оба делали вид, что происходит схватка идей, и что от того либо иного решения спорных вопросов зависит судьба революции, партии, государства. Все споры были связаны с противоречием между теорией Троцкого о «перманентной революции» и сталинским планом «построения социализма в одной отдельно взятой стране».

Троцкий считал, что с Октябрьской революцией в России началась эпоха мировой социальной революции, которая перекинется и на другие страны. Он рассматривал Россию как базу, позволяющую вести подготовительную, революционную работу в других странах. Он доказывал, что изолированная революция в России не устоит перед натиском остальных капиталистических стран, которые постараются подавить ее силой оружия. И Ленин это мнение поддерживал.

Троцкий в стране и в партии считался фигурой номер два после Ленина. Портреты их повсюду висели рядом. Поэтому, чтобы обезопасить партию от чересчур сильного влияния Троцкого, Ленин создал группу из своих ближайших соратников, которым вполне доверял. В нее вошли Зиновьев, Каменев и ряд других, в том числе Пятницкий. Именно поэтому Ленин в марте 1921 года направил его на работу в Коминтерн для оказания помощи Зиновьеву, а главное, для контроля там за действиями и Зиновьева и Троцкого.

Примкнул к ленинской группе и Сталин, который стремился ее руками понизить популярность Троцкого. Итак, борьба с Троцким и его сторонниками являлась в действительности схваткой за власть в партии и в стране.

После кончины Ленина в партии оформились и были представлены в высших партийных и государственных органах четыре фракционных группировки.

Одну из них возглавлял Сталин. Вторую — Троцкий, вокруг которого сгруппировались представители левых взглядов. Третью фракцию, опиравшуюся на ленинградскую партийную организацию, возглавляли Зиновьев и поддерживающий его Каменев. Четвертой фракцией, так называемых «умеренных», руководили Бухарин, Рыков и Томский. Она опиралась на московскую

партийную организацию. Каждая из этих фракций отстаивала свою точку зрения на проводимую государственную политику.

Еще во время болезни Ленина, примерно в мае 1920 года, из созданной им группы выделилась тройка в составе Зиновьева, Каменева и Сталина, названная впоследствии «правлящей тройкой» в составе Политбюро. К январю 1923 года она завоевала ведущее положение в этом органе. Руководителем считался Зиновьев, возглавлявший одновременно Исполком Коминтерна. Каменев фактически заменял больного Ленина в руководстве Совнаркомом и в Совете Труда и Оборона. Сталин был фигурой номер три. Но он руководил Секретариатом ЦК партии, и пока на первую роль не претендовал.

Он был целиком занят созданием послушного аппарата, иначе говоря, подготовкой основы для будущей победы в борьбе за власть. А пока представлял коллегам по «правлящей тройке» проводить политическую дискредитацию Троцкого с целью удаления его от власти.

Сталин не был ни теоретиком, ни трибуном. Бороться с Троцким в одиночку он просто не мог. Но он обладал железной волей, непреклонной целеустремленностью и способностью максимально использовать партийный аппарат для достижения своих целей.

Сталин уже понял, что для того, чтобы встать на вершине пирамиды власти, надо иметь свое большинство в ЦК. Чтобы добиться этого, необходимо получить большинство на съезде, избирающем ЦК. А для этого надо получить «свое» большинство делегаций на съезд от республиканских, губернских и краевых партийных организаций. А там членов этих делегаций подбирают руководители местного партийного аппарата. Следовательно, надо везде поставить своих людей в руководстве таких организаций.

Именно этим и занимался Сталин, вместе со своими ближайшими помощниками Молотовым и Кагановичем — вторым и третьим секретарями ЦК. С помощью разъездных инструкторов они подбирали на местах способных, лично им преданных людей, помогали им делать политическую карьеру в периферийных партийных организациях. А затем по рекомендации ЦК, то есть опять того же Сталина, этих людей избирали делегатами на предстоящие съезды партии, обеспечивая генеральному секретарю большинство при решении интересующих его вопросов. Так Сталин захватил в свои руки власть в центральных органах партии.

Сталин очень ловко использовал настоятельное требование Ленина о демократизации партийной жизни путем расширения состава ЦК, и провел решением XIV съезда партии увеличение его численности более чем в два раза, в основном — за счет своих сторонников. Кроме того, ему удалось организовать перевод из кандидатов в члены Политбюро своих верных клевретов Ворошилова, Молотова и безвольного Калинина. Тем самым он укрепил свои позиции и в Политбюро.

Участвуя в деятельности «правящей тройки», Сталин тем самым принял и политическую позицию своих компаньонов. А Зиновьев и Каменев делали ставку на мировую революцию, то есть насильственное продвижение ее на Запад, как неперемненное условие возможности построения социализма в России. При этом они проявляли стремление перепрыгнуть через определенные этапы развития страны, а также ускорить индустриализацию за счет выколачивания средств на нее из крестьян. Такую политическую линию того периода в гораздо более поздние времена называли «левацкой».

В 1924 году, сразу же после смерти Ленина, Сталин вместе с Зиновьевым и Каменевым, напуганные огромной популярностью Троцкого, объявили так называемый «ленинский призыв» в партию. В результате масса рабочих и служащих, которые в период Гражданской войны держались в стороне, теперь хлынули в партию. Профессиональные революционеры старой закалки просто растворились среди новичков. В потоке новых членов было немало приспособленцев, карьеристов и авантюристов, желавших поживиться за счет правящей партии. Эта масса новых членов партии наполнила организм вновь создаваемого партийного и государственного аппарата, в том числе «щит и меч» страны — органы безопасности.

Сталин уже подобрал себе людей, способных ловить каждое его слово. Это Молотов, Каганович, Куйбышев, Андреев, Ярославский. Но их было слишком мало. Сталин укрепил свое положение в Секретариате, Оргбюро и ИККИ, однако он еще не мог блокировать решения Политбюро ЦК партии.

С начала 1924 года в руководстве ЦК была создана настоящая фракция для организации борьбы с Троцким. Это так называемая «семерка», в которую вошли шесть членов Политбюро и Председатель Центральной контрольной комиссии Куйбышев, призванный, в силу своей должности, быть образцом беспристрастности. «Семерка» собиралась раз в неделю, и предваритель-

но обсуждала все основные вопросы, а затем на официальном заседании Политбюро, уже с участием Троцкого, разыгрывала спектакль по согласованному сценарию. Это показывает, что Сталин и его сторонники сами первыми встали на путь фракционной борьбы и нарушения законов партии.

Затем в период с 1924 по 1936 годы Сталин организовал одну за другой серию «чисток партии», в ходе которых многие принципиальные коммунисты были объявлены ненадежными и лишены партбилетов. Вместо них в партию вовлекали «совслужащих», т.е. работников аппарата управления. В обмен на материальные блага и возможность карьеры они платили беспрекословным подчинением и были готовы не раздумывая выполнять любые приказы, исходившие «сверху».

После разгрома оппозиции внутрипартийные разногласия уже не разрешались путем дискуссий, как это было при Ленине, а пресекались карательными мерами ОГПУ. Малейшего проявления независимости со стороны члена партии было достаточно, чтобы лишить его партбилета и уволить с работы.

При Ленине большевистская партия представляла собой мыслящий организм, а при Сталине она постепенно превратилась в бездушную и бездуховную массу. Все вопросы решало только руководство партии, в партийной массе они уже не обсуждались. Правда, несмотря на систематические чистки, к 1934 году в партии все еще насчитывалось некоторое число старых большевиков, часть которых сумела приспособиться к сталинскому режиму. Остальные от участия в решении политических вопросов устранились, и со свойственной им энергией отдались участию в индустриализации страны. Но вскоре пришло время убрать с дороги и этих людей, хорошо помнивших, что представляла собой партия при Ленине и Троцком, и понимавших, куда ведет политика Сталина.

Итак, в конце 1924 года позиции Троцкого в ВКП(б) и в Коминтерне существенно ослабли. К этому времени в правящей тройке появились первые трещины. Зиновьев и Каменев, стремясь ограничить растущее влияние Сталина в партии, стали сначала тайно, а затем более явно бросать ему вызов как руководителю партаппарата, а также Бухарину, как выразителю партийной идеологии и политики.

Тогда Сталин, перегруппировав силы, опираясь на Политбюро и ЦКК партии большевиков, а также на большинство делегации ВКП(б) в ИККИ, начал борьбу со своими недавними союз-

никами, без помощи которых нейтрализовать Троцкого и его сторонников ему никогда бы не удалось.

Существенно ослабив позиции Троцкого в партии и в Коминтерне, но не доводя борьбу с ним до конца, Сталин в начале 1925 года стал заигрывать с Троцким, вынудив Зиновьева и Каменева защищаться в весьма невыгодных условиях. Им пришлось пойти на сговор со своим недавним противником Троцким, что полностью подорвало их политические позиции, и привело к изоляции как в ВКП(б), так и в Коминтерне.

Троцкий и его ближайший соратник Радек еще оставались в руководстве Коминтерна и в советской делегации в его Исполкоме, хотя их политическая позиция была уже существенно подорвана. Но альянс бывших союзников Сталин-Зиновьев-Каменев распался не сразу. По некоторым вопросам они продолжали действовать в одном направлении. Такова была логика фракционной борьбы, в которой Сталин оказался мастером политической интриги высшего класса и переиграл всех своих противников.

Характеризуя режим, сложившийся в Коминтерне и в его советской секции — в ВКП(б), Троцкий, опираясь на весь опыт их развития, выступал за продолжение фракционной борьбы мнений. Он напоминал, что решение о запрете фракций X съезд РКП(б) принял в условиях политического и экономического кризиса в партии и стране, и утверждал, что фракционность неизбежно связана с жизнью и развитием партии.

Сталин же и его приверженцы превратили запрещение фракций в инструмент завоевания власти, в абсолютное условие, распространив его на все национальные компартии, входившие в Коминтерн. Они превратили его руководство (ИККИ) в орган вне критики, поставив каждого коммуниста перед альтернативой: подчиниться ему или оказаться вне партии. Результатом насаждения такого режима стало исключение из Коминтерна, под предлогом борьбы с троцкизмом, почти всех его основателей и соратников Ленина в национальных компартиях.

В январе 1925 года Пленум ЦК РКП(б) рассмотрел новую статью Троцкого «Уроки Октября» и объявил ее антибольшевистской платформой нового течения — «троцкизма». На Троцкого обрушилась вся партийная пресса. Кампанию открыл Зиновьев статьей «Большевизм или Троцкизм». За ним последовал Каменев, опубликовавший статью «Ленинизм или Троцкизм». Появились также статьи Сталина, Молотова и других руководящих

работников партии. В них Троцкому присваивали все действительные и мнимые погрешности.

С этого момента любого коммуниста, не согласного с генеральной линией политики партии, стали называть «троцкистом».

В недалеком прошлом мы часто слышали слово «троцкизм». Ему были посвящены обширные статьи во всех советских энциклопедических изданиях, в которых ничего нельзя было понять.

Что же такое «троцкизм»? Троцкистом называли любого коммуниста, несогласного с политикой Сталина. Называли всех тех, кто в СССР либо за его пределами посмел заявить, что после смерти Ленина партия деградировала в моральном и интеллектуальном отношении, что она переродилась.

Такая постановка вопроса привела к деморализации партии, армии и рабочих масс, и что особенно важно, к подрыву влияния партии большевиков в международном рабочем движении.

В январе 1925 года Сталину удалось решением Пленума ЦК убрать Троцкого с поста Председателя Реввоенсовета СССР. Это лишило его возможности опоры на командные кадры Красной армии, среди которых имел много сторонников. Сталин опасался противодействия высшего и среднего командования РККА проводимой им политике. Поэтому вместо Троцкого наркомом по военным и морским делам еще в марте 1924 года был назначен Михаил Васильевич Фрунзе, а в январе 1925 он возглавил и РВС.

Фрунзе входил в когорту старых революционеров. Даже среди выдающихся большевиков, прошедших сквозь тяготы подпольной борьбы, он выделялся. У него за спиной были два смертных приговора, восемь лет каторги и бегство из сибирской ссылки. Фрунзе являлся выдающимся красным полководцем. Он разгромил Колчака и Врангеля, добился успехов на фронтах в Средней Азии.

Фрунзе и Дзержинский в тот период были одними из самых авторитетных и независимых людей в руководстве партии. Поэтому Сталин поддался настоятельным советам Зиновьева и Каменева и решил заменить Троцкого на Фрунзе — начальника штаба Красной армии.

Фрунзе в кратчайший срок перетасовал командные кадры РККА, поднял ее боеспособность, ввел в армии единоначалие и упразднил политкомиссаров. Одновременно в Реввоенсовет республики были введены И. Уншлихт, А. Бубнов, К. Ворошилов и М. Буденный, которые тоже ненавидели Троцкого. Заместителем Фрунзе Сталин назначил своего человека — Ворошилова.

Но вскоре, когда политические страсти, связанные со снятием Троцкого улеглись, Сталин убрал со своего пути и Фрунзе. Михаил Васильевич был слишком независимым человеком. Сталин считал, что Фрунзе помешает ему подчинить себе вооруженные силы страны. Он хорошо знал, каким авторитетом пользуется Фрунзе в партии, и видел в нем своего конкурента*.

У Фрунзе была застаревшая язва желудка, которой он страдал после неоднократных отсидок в царских тюрьмах. Летом 1925 года он дважды попадал в автомобильные аварии, в результате которых получил сильные ушибы ноги, руки и головы. Это повлияло на желудок, началось кровотечение. Но к осени язва зарубцевалась. Несмотря на это Сталин, «заботясь» о здоровье своего «друга», настоял на том, что Политбюро специальным решением обязало Фрунзе сделать операцию. Михаил Васильевич не хотел ее делать, но подчинился решению Политбюро.

Организацией этой операции, по данным историка Н. Зеньковича, занимался секретарь Сталина Каннер, очень темная личность, и его друг, врач ЦК Погосянц, через Лечебную комиссию ЦК, во главе которой стояли люди, о которых нарком здравоохранения РСФСР периода 1918—1930 гг. Н.А. Семашко (1874—1949) отзывался весьма неодобрительно.

А дальше все шло по заранее продуманному сценарию. При операции Фрунзе дали в качестве анестезии большую дозу хлороформа, которого его организм вообще не выносил. В итоге Фрунзе скончался 1 октября 1925 года на операционном столе. При вскрытии его тела после смерти врачебная экспертиза показала, что язва желудка давно затянулась, в операции он не нуждался. Жена Фрунзе вскоре после этого застрелилась. Сына Тимура взяла к себе семья Ворошилова. В 1942 году он погиб на фронте.

Так Сталин избавился еще от одного соперника в борьбе за власть. Он был гением интриги и подлинным мастером избавления от недругов.

Весьма знаменательно то, что в ночь на 6 августа 1925 года в окрестностях Одессы, за три месяца до гибели Фрунзе, при загадочных обстоятельствах был убит член ЦИК СССР, Украины и Молдавии, выдающийся полководец Гражданской войны, командир 2-го конного корпуса Григорий Иванович Котовский — кавалер трех орденов Красного знамени.

* Ряд авторов высказывал в разное время мнение о том, что Фрунзе готовил в стране военный переворот, а себя готовил к роли «спасителя нации». — *Прим. ред.*

Котовский командовал одним из самых крупных и важных соединений РККА, являлся членом Реввоенсовета СССР. Фрунзе высоко ценил военный талант Котовского и выдвигал его в высший эшелон военного руководства. Известно, что он предложил ему пост наркома по военным и морским делам.

Котовский тоже был незаурядной личностью. Он обладал выдающимися способностями командира, пользовался большой популярностью в армии и у населения.

Кто организовал убийство Котовского? По-видимому, те же лица, кому был неуютен Фрунзе, тем был опасен и Котовский. Уничтожение именно этих двоих выдающихся военачальников открыло бесконечную череду политических убийств негодных Сталину партийных и военных деятелей.

После смерти Фрунзе его место занял приближенный к Сталину К.Е. Ворошилов (1881—1969), в то время командовавший Московским военным округом. В отличие от Фрунзе и Котовского, этот бывший слесарь в годы Гражданской войны успехов на военном поприще не добился. Все рассказы об его «выдающихся» достижениях являются вымыслами сталинских пропагандистов. На Ворошилова Сталин имел огромное влияние еще со времен Гражданской войны. В 1930 и 40-е годы именно Ворошилов стал одним из организаторов массовых репрессий в СССР.

Бухарин и его сторонники остро ставили вопрос о союзе рабочего класса с крестьянством, доказывая, что этот союз жизненно необходим не только как принцип политики партии и советской власти, но и является основой развития общества на пути его к социализму. Они считали, что после окончания Гражданской войны изменились формы классовой борьбы внутри общества, приняв мирно-хозяйственную форму. Но увы, эту совершенно правильную — как мы видим сейчас — позицию группы Бухарина одинаково оценили и Троцкий, и Зиновьев, а позже и Сталин. Они нарекли ее «правым уклоном».

Группа Бухарина представляла собой серьезную силу, с которой Сталин вынужден был считаться. Ранее в борьбе против Троцкого и «объединенной оппозиции» «правые» оказали ему неоценимую помощь. Без Бухарина и его сторонников одолеть таких интеллектуалов, как Троцкий, Зиновьев и Каменев и «сотоварищи», Сталину не смог бы справиться несмотря на созданный им аппарат.

Так возникла новая правящая коалиция, получившая название «двойка» — Сталин и Бухарин. Опираясь на своих сторон-

ников, они стали принимать важнейшие решения по вопросам внешней и внутренней политики страны, а делегация ВКП(б) в ИККИ проводила их в жизнь в международном коммунистическом движении.

До 1925 года Сталин серьезно делами Коминтерна не занимался. Но он прекрасно понимал, что для того, чтобы стать наследником Ленина, недостаточно стать руководителем своей партии и страны. Для этого необходимо также стать признанным вождем мирового коммунистического движения. Вот почему с весны 1925 года Сталин начал активно участвовать в его работе.

Имеются данные, что после 1925 года он создал в своем Секретариате специальный сектор для контроля над работой Коминтерна и, в частности, за деятельностью его Исполкома. Кто входил в его состав, до сих пор остается тайной. Но совершенно ясно, что в особом секторе Секретариата Сталина хранились копии всех документов ИККИ и досье на всех руководителей Коминтерна.

Между Сталиным и Бухариным определилось определенное распределение обязанностей. Сталин занимался организационными вопросами в партии и стране, Бухарин — вопросами теории и политики. Это в полной мере относилось и к Коминтерну.

В сложившихся условиях Сталин и Бухарин пришлось выступать единым фронтом и скрывать свои разногласия. Хотя на многие политические и экономические вопросы они смотрели по-разному, временно их противоречия отошли на второй план. Главным для себя они считали борьбу с «левой объединенной оппозицией», выступая единым фронтом. В тот период казалось, что Сталин сам превратился в убежденного «правого». По крайней мере, тогда был заметен явный поворот партийной и государственной политики «вправо», что незамедлительно отразилось на политике Коминтерна.

Руководителями группы «правых» являлись Бухарин, Рыков и Томский. Они имели массу сторонников. В партии образовалась так называемая «школа Бухарина», объединявшая его сторонников из числа выпускников института Красной профессуры. Они представляли собой цвет нового после октябрьского поколения большевиков. Надо признать, что именно Бухарин и его сторонники обеспечили Сталину успешное восхождение к вершине власти.

Вступив в коалицию со Сталиным, Бухарин внес в нее свой личный авторитет, который основывался на его репутации круп-

нейшего в то время марксиста и самого выдающегося теоретика Коминтерна.

Летом 1925 года, разуверившись в возможности немедленной революции на Западе, Сталин в своем выступлении на V Расширенном Пленуме ИККИ выдвинул лозунг о «построении социализма в одной отдельно взятой стране».

Выступив вслед за ним, Зиновьев поддержал Сталина. Он признал, что коммунисты в своей оценке перспектив и сроков мировой социалистической революции допустили ошибку. В Европе, вопреки прежним прогнозам, произошла относительная стабилизация капитализма. В сложившихся условиях революция может начаться не обязательно в Германии, как предполагалось ранее, а в ряде стран возможность скорой революции исчезла. Так был внесен корректив в первоначальную установку на немедленную мировую революцию и в дальнейшую стратегическую линию Коминтерна.

В декабре 1925 года в Москве проходил XIV съезд партии большевиков. Зиновьев на этом съезде выступил с докладом по отчетному докладу ЦК. Он открыто критиковал Сталина, его методы руководства партией, предлагаемые им пути развития народного хозяйства страны. Именно в ходе дискуссии по этому вопросу за сторонниками Зиновьева закрепилось название «новой оппозиции». Кстати, к ней примкнула и вдова Ленина Надежда Крупская.

Различия в определении перспектив социалистического строительства СССР между сторонниками «новой оппозиции» и «истинными большевиками», как называли себя сторонники Сталина, были не очень существенны. Однако «новая оппозиция», выступая с критикой деятельности Сталина, предлагала сместить его с поста генсека ЦК.

Поэтому Сталин усмотрел в действиях Зиновьева и его сторонников опасность лично для себя. Он мобилизовал все силы для боя. Он всегда расправлялся с теми, кого считал своими противниками.

25 декабря 1925 года Сталин обнаружил свою теорию построения социализма в одной отдельно взятой стране. Тогда же решением съезда был закреплен курс на индустриализацию страны, как генеральная линия партии. Для этого требовались огромные средства, которых в бюджете не было. Троцкий и «новая оппозиция» выступили против этого решения, но остались в меньшинстве. Фактически к концу 1925 года Троцкий и его еди-

номышленники полностью утратили свои позиции в партии и государстве.

На съезде «новая оппозиция» получила сокрушительное поражение. Поименное голосование показало, что за резолюцию ЦК проголосовали 559 делегатов, а за резолюцию «новой оппозиции» только 65. С этого момента к сторонникам «новой оппозиции» приклеился термин «левые». Съезд осудил «новую оппозицию», но пока этим и ограничился. Окончательную расправу с «левыми» отложили на недалекое будущее.

На январском пленуме ЦК ВКП(б) (1926 год) Каменева перевели из членов Политбюро в кандидаты, сняли с поста заместителя председателя Совнаркома и председателя Совета труда и обороны. На этом же пленуме было рассмотрено заявление Зиновьева, в котором он, ссылаясь на положение, сложившееся на съезде партии, просил освободить его от обязанностей Председателя ИККИ. Но пленум, по предложению Сталина, отклонил заявление Зиновьева и утвердил новый состав делегации ВКП(б) в ИККИ.

Членами делегации были утверждены Зиновьев, Бухарин, Сталин, Каменев и Рыков, кандидатами в члены делегации — Троцкий, Пятницкий, Лозовский, Мануильский, Сокольников. Председателем делегации стал Зиновьев, его заместителем Бухарин, а секретарем — Пятницкий.

С этого момента борьба Сталина с Зиновьевым переносится на международную почву, через делегацию ВКП(б) в Исполкоме Коминтерна. Сначала она велась осторожно, в скрытой форме, затем все более открыто и наглядно и, наконец, перешла в открытую драку за овладение аппаратом ИККИ.

Уже в июле 1926 года пленум ЦК ВКП(б) рассмотрел и осудил фракционные действия лидеров «новой оппозиции» Зиновьева — Каменева. Пленум вывел Зиновьева из состава Политбюро, а следующий пленум в октябре того же года освободил Зиновьева от должности председателя Исполкома Коминтерна. На этом же пленуме Троцкого вывели из состава Политбюро, а Каменева из кандидатов в члены Политбюро ЦК ВКП(б).

В результате этих перестановок Бухарин стал руководителем Коминтерна. Это, в свою очередь, еще больше подняло его престиж в партии большевиков и во всемирном коммунистическом движении.

Сталин немедленно начал организационно закреплять совершенный им переворот. В декабре 1927 года на XV съезде партии

ему, с помощью аппаратных махинаций, удалось убрать из руководящих органов ЦК 75 активных оппозиционеров, а некоторых даже исключили из партии.

Летом того же 1926 года сторонники Троцкого, Зиновьева и остатки всех оппозиционных групп объединились в блок на основе платформы Троцкого. В качестве ответа в ноябре 1927 года ЦК и ЦКК ВКП(б) на совместном заседании исключили Троцкого, Зиновьева и Каменева из партии, а их сторонников вывели из всех руководящих органов. Таким образом, в борьбе за власть Троцкий потерпел окончательное поражение, его политическая карьера в СССР закончилась.

Началась чистка партийного и государственного аппаратов, в том числе армии и органов государственной безопасности от «левых элементов», в первую очередь от сторонников Троцкого. Эта кампания через Исполком Коминтерна была перенесена и в национальные компартии — секции Коминтерна.

Она не обошла и Пятницкого, который был оргсекретарем ИККИ, руководил всей его организационной, конспиративной работой и финансами. Фактически он был в Коминтерне фигурой номер два после Зиновьева, то есть «начальником штаба».

Поэтому, как вспоминал позже секретарь компартии Палестины Иосиф Бергер, который был очень близок с ним, Пятницкого по указанию Сталина очень тщательно (в течение года) подвергали партийной проверке в ЦКК ВКП(б) на предмет принадлежности к «левой» оппозиции.

Интересно, что партийными следователями Пятницкого были его старые друзья по большевистскому подполью С. Орджоникидзе, А. Сольц и Е. Ярославский. Наконец, они вынесли окончательное решение: «Осипа Пятницкого оппозиционером не считать». Итак, он продолжил свою деятельность в Коминтерне в прежней роли.

В 1926 году Сталин перевел секретаря ЦК партии Азербайджана в Ленинград, где он стал первым секретарем Ленинградского губкома и Северо-западного бюро ЦК вместо Зиновьева. По прибытии в Ленинград, на квартире Кирова его ближайшие друзья и соратники отмечали приезд. В застольной беседе Киров с грустью заметил, что смерть Ленина является невосполнимой утратой, что теперь всему ЦК надо сплотиться и постараться коллективом заменить Ленина.

На это Сталин ответил: «Да, ЦК коллектив — это очень хорошо. Но русский мужик — царист, ему нужен один». При этих

словах он поднял верх указательный палец (из воспоминаний П.И. Чагина, бывшего на той встрече).

* * *

Здѣсь надо несколько отклониться от внутривластной борьбы и остановиться на одном очень важном моменте, оказавшем огромное влияние на дальнейшие события.

20 июля 1926 года умер Феликс Эдмундович Дзержинский. На протяжении ряда лет его мучила «грудная жаба» (теперь эту болезнь называют стенокардией). Он умер от острого ее приступа во время работы пленума ЦК и ЦК ВКП(б) по вопросу перспектив индустриализации страны.

Смерть Дзержинского оказалась неожиданной. Но она была на руку Сталину. Сразу же встал вопрос, кому поручить руководство ОГПУ? Когда этот вопрос рассматривался на Политбюро, мнения были разные. Предлагались кандидатуры Орджоникидзе, Микояна, Кагановича. Но Сталин остановил свой выбор на кандидатуре В.Р. Менжинского, который был заместителем Дзержинского. Поскольку Дзержинский с 1924 года в основном был занят работой в ВСНХ, то Менжинский фактически руководил ОГПУ.

Сталин мотивировал свой выбор тем, что этот человек знает специфику работы органов госбезопасности, старый большевик и большой интеллигент, владеет 14 иностранными языками. Все это правда. Но Менжинский обладал мягким характером и слабым здоровьем, а потому Сталин не сомневался, что он будет лишь номинальным руководителем.

У Дзержинского в ОГПУ были еще два заместителя: Генрих Ягода, руководивший контрразведкой и Меер Трилиссер, начальник иностранного отдела (ИНО), то есть руководитель внешней разведки. Он был старым большевиком, человеком принципиальным и честным. Поэтому Сталин сделал ставку на Ягodu, который примкнул к революции уже после ее победы, революционных заслуг не имел, являлся беспринципным приспособленцем.

Сталин знал, что при больном Менжинском Ягода станет реальным руководителем ОГПУ. Позже он даже убрал оттуда Трилиссера, чтобы тот не мешал Ягоде творить мерзкие дела, которые поручал ему Сталин.

После смерти Дзержинского председателем ВСНХ был назначен Куйбышев, а место руководителя РКИ — ЦКК занял Орджоникидзе.

* * *

Итак, в ходе борьбы с «объединенной оппозицией» Сталин полностью поддержал позицию «правых». Но как только оппозицию разгромили, его взгляды коренным образом изменились. Он не только стал повторять обвинения, выдвинутые Бухарину «левыми», но и поднял их на политическую высоту.

В группе «правых» трое лидеров (Бухарин, Рыков и Томский) были членами Политбюро. Угланов являлся членом Оргбюро, секретарем ЦК и кандидатом в члены Политбюро, а также секретарем Московского горкома. Но в самом Политбюро в это время одни влиятельные члены были исключены, а другие опорочены. Сталин понял, что настал удобный момент для того захвата власти, к которому он давно готовился.

Он создал в Политбюро узкий круг лично преданных ему членов этого органа, в который вошли Молотов, Каганович, Ворошилов и Калинин. Этот круг («пятерка») отныне рассматривал важнейшие вопросы международной и внутренней политики, а затем готовое решение формально утверждал полный состав Политбюро. Так произошло превращение высшего решающего органа партии в совещательный орган при генеральном секретаре ЦК. Сталин стал единоличным правителем в партии и государстве.

Но правитель — это еще не вождь. Чтобы утвердиться в этом новом качестве, требовались дополнительные действия, в том числе признание вождем международного коммунистического движения. Поэтому Сталин уже вплотную занялся Коминтерном. Он хотел иметь со стороны руководства Коминтерна надежную поддержку очередному повороту своей внутренней политики. Другими словами, от требовал аппаратной покорности.

Началась чистка аппарата ИККИ, перетряхивались его кадры. Предпочтение отдавалось тем, кто не был склонен к рассуждениям, а беспрекословно выполнял любое распоряжение, исходящее сверху. На замещение освободившихся мест специально подбирали людей послушных, услужливых и лично преданных Сталину. Всемирные конгрессы Коминтерна мешали ему. Поэтому промежутки между ними с каждым разом увеличивались. А заседания руководящих органов Коминтерна проходили уже в кабинете генсека.

В конце 1927 года Сталин решил отделаться от своих недавних сторонников по борьбе с «левой» оппозицией Бухарина, Рыкова, Томского и Угланова. С этой целью он без всякого сму-

щения принял тезисы Троцкого, Зиновьева и Каменева, которые сам только что осуждал и громил. Теперь он уже выступил за ускоренную индустриализацию и насильственную коллективизацию. Под его давлением XV съезд ВКП(б) принял соответствующее решение.

Правда, это решение пока осталось только на бумаге. Но лозунг был уже сформулирован.

В начале 1928 года при обсуждении положения в народном хозяйстве, в связи с трудностями, возникшими в развитии промышленности и заготовках хлеба, в ЦК началось столкновение мнений в вопросе о методах решения возникших проблем. Бухарин и его сторонники выступали против ускоренной принудительной коллективизации, применения при этом драконовских методов. Но вскоре споры на эту тему переросли в драку и привели к осуждению группы Бухарина — Рыкова.

Так началась борьба с «правым» уклоном сначала в партийных верхах, которую партийный аппарат перенес в низовые организации. То же самое стало насильственно внедряться Коминтерном в национальные компартии. Только в Коминтерне «правый» уклон носил несколько другую трактовку.

К лету 1928 года Бухарин наконец понял, что Сталин «выдавливает» из партии старых большевиков, соратников Ленина, и создает собственную партию — партию Сталина, прикрываясь при этом ленинским знаменем. Забыв о недавних распрях, он стал искать понимания у своего бывшего противника Каменева.

Сталин, узнав о контактах между ними, пришел в дикую ярость. У него в критические моменты действия опережали слова. Он принял немедленные контрмеры. Троцкого отправили в ссылку в Алма-Ату, более тридцати его наиболее активных сторонников выслали из Москвы. Зиновьева и Каменева выслали в Калугу. Это была первая репетиция будущих тотальных репрессий. Сталин хотел посмотреть, как его действия воспримут в партии и в обществе. Но коммунисты и общественные деятели безмолвствовали.

* * *

В дореволюционный период, во время революции и в годы Гражданской войны вступить в партию большевиков означало принести себя в жертву. Любой коммунист постоянно подвергал себя риску, находясь на боевом посту. При этом членство в партии не давало никаких материальных благ. В первые годы

после революции коммунисты, независимо от их положения, получали такой же продовольственный рацион, как и все остальные граждане.

Со временем это положение стало постепенно меняться. Уже в середине 20-х годов в Кремле появилась особая столовая для партийного руководства, довольно скромная, но ассортимент ее блюд был значительно лучше того, что позволял партмаксимум. Потом появилась большая столовая при Кремлевской больнице, появился «кремлевский паек», появились партийные дачи — небольшой домик или несколько комнат в большом доме. Персональных машин еще не было.

В середине 1930- годов был отменен партмаксимум, ограничивавший верхние пределы зарплаты партийно-советских чиновников. С этого времени началось быстрое расслоение советского общества. Выделились самые привилегированные: наверху — высшая партийная и государственная бюрократия, затем военные и работники карательных органов. Особое положение этих слоев общества привело к окончательной утрате рядовыми членами партии возможности оказывать хоть какое-то влияние на политику партии и государства.

Играя на низменных сторонах человеческой природы, Сталин побуждал коммунистов отступать от идей социального равенства, ценить привилегии и материальные блага. Это постепенно делало их сторонниками сталинской системы. Каждый год углублялся отрыв аппарата от масс трудящихся. Очередная сделка с совестью готовила следующую, более крупную. Сталин покупал и разлагал состав партийного аппарата в центре и на местах, чтобы он был готов к выполнению самых жестоких его поручений. Так происходило разложение и деградация партии.

К концу 1928 года Сталин открыто отрекся от своих недавних соратников по борьбе с «левой объединенной оппозицией», уже разгромленной с их помощью и объявил им войну, назвав ее борьбой с «правым» уклоном.

Вскоре после VI конгресса Коминтерна Сталин начал очередную кампанию охоты на ведьм, отработанную уже на Зиновьеве и Троцком. Но теперь в прицеле маячил Бухарин со своими сподвижниками.

Сталин, засучив рукава, дрался за абсолютную власть. А суть власти, как известно, это насилие. Но над кем? Главными врагами Сталина стали инакомыслящие, не адаптирующиеся к новому режиму, создаваемому им. В первую очередь это были остат-

ки ленинской гвардии старых большевиков. Они мозолили ему глаза. Их трудно было обвинить во вредительстве и шпионаже. И тогда он придумал своим личным недругам другое обвинение: каждого, кто не был с ним согласен, он обвинял в «троцкизме».

Он уже объявил всему народу, что Троцкий выступает против партии. Значит, все его сторонники тоже выступают против партии и советского народа. А дальше шла расшифровка, что под этим подразумевалось: они вредители, шпионы, террористы, пособники империалистов. Немного позже, с легкой руки восходящей звезды сталинского аппарата Маленкова этой категории людей приклеили другой ярлык, более понятный простым людям — «враги народа». Это понятие надолго укрепилось в сознании людей.

Итак, в конце 1928 года к категории «врагов народа» отнесли коммунистов «правого уклона», расправившись по одиночке сначала с Бухариным и Томским, а затем с Рыковым и Углановым.

На VI конгрессе Коминтерна «гвоздем программы» стало устранение Бухарина от политического руководства Коминтерном. Сталин остался при этом в тени. На конгрессе он даже не появился. А позже в своих выступлениях от вопросов относительно стратегии и программы Коминтерна отделялся общими фразами.

Итак, ловко маневрируя большинством в ЦК ВКП(б), опираясь на созданный им и верный ему бюрократический партийный аппарат, Сталин успешно бил своих политических противников группами и по одиночке. И это несмотря на то, что интеллектуально они были выше него, да и численно превосходили его группу.

Но сталинская фракция была лучше организована, да и действовала она бесчестными методами. Все это обеспечило ей победу.

К сожалению, до сих пор далеко не все понимают принципиальную разницу между ленинизмом и сменившим его сталинизмом.

С 1928 года в партии и в стране установился террористический режим партийного аппарата во главе с единоличным руководителем — Сталиным.

* * *

К началу 1929 года было всенародно объявлено, что в партии существует «правый уклон» и официально указаны его лидеры:

Бухарин, Рыков и Томский. Для «правых» дело вскоре закончилось трагически.

Однажды, сидя за домашним столом среди своих ближайших соратников, Сталин сформулировал суть принимаемых им мер против своих противников такими словами: «Лучше привить маленькую оспу, тогда не будет большой». Так он оправдывал террор как средство профилактики против растущего народного недовольства. А народное возмущение возрастало с каждым годом, особенно в деревне.

Насильственная коллективизация, лишившая крестьян земли, за которую они воевали в Гражданскую войну на стороне Советов, фактически означала контрреволюционный переворот, который Сталин и его приспешники осуществляли под прикрытием лозунгов строительства социализма в деревне.

Неумелое планирование, административный нажим, некомпетентность руководителей, отсутствие квалифицированных кадров привело к провалам в экономике и сельском хозяйстве. Это вызывало недовольство голодного народа и резкий ропот в партии.

Сталин реагировал на это стремительно. Как всегда, собственные ошибки он списывал на других. А все экономические провалы органы пропаганды объясняли повальным вредительством враждебных элементов и недобитых классовых врагов, направляя недовольство народа на честных специалистов.

В апреле 1929 года XVI партконференция одобрила первый пятилетний план. Он завышал возможности страны в среднем на 20%. Обосновывая его, Сталин заявил: «Мы отстали от передовых стран на 50—100 лет. Мы должны пробежать это расстояние за 10 лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомкнут».

Против завышения пятилетнего плана были настроены многие. Одним из первых выразил свое несогласие председатель Совнаркома РСФСР С. Сырцов, его очень темпераментно поддержал В. Ламинадзе. Они не были согласны с генсеком и сказали ему это в лицо. Но, чтобы скрыть от партии суть их возражений, Сталин объявил о раскрытии... «террористической группы Сырцова, Ламинадзе, Шацкина и Стэна». Всех их арестовали и расстреляли, только Ламинадзе, предвидя свою судьбу, сумел застрелиться.

Пленум ЦК ВКП(б) 1929 года направил директиву партийным организациям всех уровней искать вредителей во всех отраслях промышленности. На протяжении двух лет страну сотрясали

громкие компании разоблачения «вредителей» в промышленности, в сельском хозяйстве, снабжении и т.д.

Один за другим следовали фальсифицированные процессы над «вредителями»: «Шахтинское дело», «Дело Промпартии», Дело «Союзного бюро ЦК меньшевиков», «Дело Трудовой крестьянской партии», «Дело организации профессора А. Рязанова» и ряд других. Подсудимых по этим делам обвиняли во вредительстве, саботаже и в содействии в подготовке вооруженного нападения на СССР. Пытками у них вырывали «признания», а затем приговаривали к казни.

В апреле 1930 года на Украине в Харькове прошло судилище над членами организации «Союз освобождения Украины». Суд обвинил 42 видных деятелей украинской науки и культуры в национализме, а также в преступных связях с Польшей и Германией.

Сталин неустанно совершенствовал технологию борьбы с неудобными элементами и с деятелями иностранных компартий. Он основательно готовился к уничтожению старой ленинской гвардии. Он ненавидел этих несгибаемых принципиальных людей, видел в них одно из главных препятствий для превращения себя в бессменного вождя и учителя всех советских людей.

Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) в апреле 1929 года вновь рассмотрел и осудил теоретические положения «правых» о путях, методах и темпах построения основ социализма, а также их оценку положения в партии. Пленум обвинил Бухарина, Рыкова и Томского в фракционной деятельности и принял решение об освобождении их всех от занимаемых должностей. В ноябре 1929 года Рыкова и Томского вывели из состава Политбюро.

Таким образом, по признанию самого Сталина, с организованной оппозицией в стране было покончено. Схема борьбы с инакомыслящими была уже отработана и в дальнейшем только совершенствовалась.

Наиболее дальновидные члены большевистской партии, такие как Киров, Орджоникидзе, Бухарин, Крупская, Пятницкий, Гусев, Литвинов и ряд других с растущим беспокойством и тревогой наблюдали за становлением личной диктатуры Сталина. Однако настойчивой последовательной борьбы против этой тенденции они не организовали.

Вот мнение старейшего члена большевистской партии и международного коммунистического движения Х.Г. Раковского,

который он высказал вскоре после XVI съезда партии (июль 1930 г.):

«Задача съезда заключалась в том, чтобы своим авторитетом он укрепил организационные «достижения» сталинской фракции, укрепил аппарат над партией, сталинскую группу над аппаратом и самого Сталина, как признанного вождя, который венчает всю аппаратную машину, удобно обосновавшуюся на шее партии...

Этот съезд явился одним из важнейших этапов на пути дальнейшей (если это только возможно) бонапартизации партии. От решения политических вопросов устранена не только партия, но оно не доверяется уже и тщательно профильтрованному и подобранному съезду. Безоговорочное одобрение задним числом, лишенной всякого конкретного содержания генеральной линии, не может означать ничего иного, как столь же безоговорочного одобрения наперед любой политики, любого поворота, в любую сторону»*.

В 1932—33 гг. в Советском Союзе начался голод. Крестьяне гибли от голода сотнями тысяч. А в это время по указанию Сталина, утвержденному Политбюро, хлеб вывозился за границу. Индустриализация страны требовала больших денег. Расплачиваться пришлось крестьянам. Принудительная коллективизация и борьба с так называемым «кулачеством» (т.е. с самыми способными и трудолюбивыми крестьянами) обошлась стране более чем в 20 миллионов жизней!

В стране произошло более двух тысяч вооруженных выступлений против принудительной коллективизации. Это вынудило Сталина срочно опубликовать программную статью «Головокружение от успехов». Виновными в перегибах, естественно, он объявил в ней местных руководители. Последовали новые репрессии.

Бухарин и его соратники осудили политику насилия в деревне. Сталину потребовалась поддержка Московского комитета ВКП(б). Он предложил М.Н. Рютина, секретарю Краснопресненского райкома, члену МК партии выступить против Бухарина. Рютин отказался.

Началась кампания против Рютина, которая завершилась его арестом и казнью.

* «Бюллетень оппозиции». 1931 г. № 25—26. С. 9—10).

Сталин быстро привык к насилию, как к обязательному атрибуту своей неограниченной власти. Сначала оно было направлено против реальных врагов партии или государства, затем последовала ликвидация его личных противников, а дальше началась страшная расправа с народом. Сталин хотел превратить весь народ в толпу бессловесного покорного скота, в принципе неспособного к какому-либо сопротивлению власти.

Но оппозиционные настроения существующему в стране режиму, несмотря на постоянные репрессии, не утихали. Они зарождались в большинстве случаев в среде партийной интеллигенции и членов партии, пришедших в нее до революции или в годы гражданской войны.

Так, в 1932 году группа старых большевиков во главе с В.Н. Каюровым объединилась в «Союз марксистов-ленинцев». ОГПУ выследило их. Последовали аресты и 24 члена этой организации были репрессированы.

В январе 1933 года по указанию Сталина объединенный пленум ЦК и ЦКК осудил А.П. Смирнова, В.Н. Толмачева и Н.Б. Эйсмонта. Их единственной виной было то, что они в тесном дружеском кругу говорили о возможности замены Сталина на посту генерального секретаря ЦК ВКП(б) другим политическим лидером. Это крамольное высказывание стоило им жизни.

В ноябре 1932 года Сталин провел через Политбюро ЦК решение о создании Центральной комиссии по чистке рядов партии. На пленуме ЦК в январе 1933 года это решение было утверждено. Руководителем комиссии стал секретарь ЦК, председатель КПК Каганович, а членами — заместитель председателя КПК Ежов и заведующий отделом руководящих партийных органов Маленков. Эта комиссия составила, так называемый «треугольник».

Сталин определил лишь общую политическую линию работы комиссии, тогда как «треугольник» находил конкретные методы проведения в жизнь указаний Сталина. Главным пунктом в выпущенной для чистки анкете стал вопрос «участвовал ли коммунист в оппозициях, и в каких именно?»

Генеральная чистка проходила в три этапа. Сразу же после окончания первого этапа началась новая кампания. Второй этап, получивший название «проверки партийных документов», целью которой было установить правильность сведений о коммунистах, внесенных в их партийные документы. Эту проверку проводили в 1935 году уже скрыто, в кабинетах, без проверяемых, моло-

дые люди, вступившие в партию лишь недавно, но в момент проверки уже возглавлявшие парткомы. Политический смысл этих кампаний, их основная цель заключалась в уничтожении авангарда партии, ее идейной, критически мыслящей части. Именно эта часть партии представляла для Сталина определенную опасность. Чистка захватила, сначала в верхнем эшелоне партии, но, постоянно расширяясь, увлекла в ее жернова и партийные массы.

Более того, кампания чисток была перенесена и в аппарат ИККИ, в национальные компартии, во все секции Коминтерна.

В начале 1935 года в состав Центральной комиссии вошли также Сталин, Молотов, Вышинский, Андреев, Шкирятов и Мехлис.

Вся эта гигантская работа, продолжавшаяся до 1937 года, по своей сути была лишь подготовкой третьего — главного — этапа чистки, осуществленной силами НКВД и вошедшей в историю под названием «большой террор».

Незадолго до начала XVII съезда партии Серго Орджоникидзе собрал у себя на квартире тайное совещание группы старых большевиков. На нем присутствовали Киров, Микоян, Постышев, Эйхе, Петровский, Шеболдаев, Шандорович и некоторые другие члены ЦК.

Участники этого совещания решили внести предложение съезду об освобождении Сталина с поста генерального секретаря ЦК. Они хотели внести предложение о перемещении его на пост председателя совнаркома СССР, а Кирова избрать генеральным секретарем ЦК.

Выбор этот не был случаен. Киров был секретарем ЦК, играл в Политбюро заметную роль и пользовался в партии большим авторитетом. Он был убежденным сторонником генеральной линии партии, выступал против репрессий, примирительно относился к другим мнениям своих товарищей по партии.

Но на предложение участников совещания заменить Сталина на посту генерального секретаря Киров ответил категорическим отказом.

Мне неизвестно, присутствовал ли Пятницкий на этом совещании у Серго Орджоникидзе, но, конечно же, он знал, что оно происходило, знал всех его участников и вопросы, обсуждаемые на нем.

Узнал о нем и Сталин. Узнал и затаил злобу на всех, кто участвовал в этой сходке. Их дальнейшая участь была предопреде-

лена. Сталин имел очень хорошую память, никогда ничего не забывал и никогда ничего никому не прощал.*

26 января 1934 года в Москве открылся XVII съезд ВКП(б). Его работа продлилась до 10 февраля 1934 года. Об этом съезде издано много материалов. Я не буду останавливаться на известных фактах, а затрону лишь те вопросы, которые пресса не освещала.

Еще до съезда Каганович подал Ежову идею использовать органы ОГПУ для контроля за ходом подготовки и за самим съездом, чтобы предотвратить создание фракций оппозиции. Ежов понял, что это предложение исходит от Сталина и разработал план мероприятий, в соответствии с которым сотрудники ОГПУ негласно следили за процедурой голосования и за подсчетом голосов. Уже на съезде Ежова избрали председателем Мандатной комиссии, в силу чего он был знаком с анкетами всех его делегатов. 1 февраля он доложил съезду о результатах работы комиссии.

На выборах нового состава ЦК против Сталина были поданы 300 голосов, а против Кирова только 3. Это показало значительный потенциал сопротивления сталинскому руководству. Только посредством аппаратных махинаций и подтасовок Сталину удалось сохранить за собой пост генерального секретаря ЦК ВКП(б).

От руководства Коминтерна в состав ЦК были избраны О. Пятницкий, Д. Мануильский и С. Лозовский, причем Пятницкий один из немногих был избран единогласно.

По настоянию Сталина съезд избрал членами нового ЦК будущих палачей советского народа Николая Ежова и Лаврентия Берия, а кандидатами в члены ЦК работников своего секретариата Льва Мехлиса, Николая Поскребышева, а также Бориса Двинского.

Подлинные результаты выборов, о которых Сталину доложили председатель счетной комиссии съезда Затонский и уполномоченный Политбюро в этой комиссии Каганович, стали для него сигналом опасности. Сталин дал им указание уравнивать число голосов, поданных за Кирова и за него — Сталина. При этом он заявил, что неважно то, как голосуют, а важно как подсчитывают результаты голосования.

* Следует отметить в данной связи, что уцелел только А.И. Микоян (1895—1978), единственный из 27-и бакинских комиссаров, арестованный, но не расстрелянный в 1919 году. Поневоле приходит на ум мысль, что Орджоникидзе плохо разбирался в товарищах по партии. — *Прим. ред.*

Выборы нового состава ЦК партии убедили Сталина в том, что в партии зреет мощная оппозиция, и он решил нанести по ней упреждающий удар, как по своим потенциальным противникам.

На XVII съезде партии Сталин весьма нелестно отзывался о старых партийных кадрах:

«Эти люди с известными заслугами в прошлом, люди, ставшие вельможами, люди, которые считают, что партийные и советские законы писаны не для них, а для дураков... Эти зазнавшиеся вельможи думают, что они незаменимы и что они могут безнаказанно нарушать решения руководящих органов... Их надо без колебаний снимать с руководящих постов, невзирая на заслуги в прошлом. Их надо смещать с понижением по должности и публиковать об этом в печати. Это необходимо для того, чтобы сбить спесь с этих зазнавшихся вельмож — бюрократов и поставить их на место. Это необходимо для того, чтобы укрепить партийную и советскую дисциплину во всей нашей работе».

Действительно, на руководящих постах в партии и государстве было немало зазнавшихся вельмож, к тому же в силу своей малограмотности некомпетентных в порученном деле. От них действительно следовало избавиться. Но Сталин преследовал другую цель. Он стремился к укреплению собственной единоличной власти.

Он не опасался своего ближайшего окружения. Это были его ставленники, всецело обязанные ему и высоким положением, и непомерно раздутой славой.

Это Л. Каганович, К. Ворошилов, М. Калинин, Е. Ярославский, Д. Мануильский, М. Шкирятов и целый ряд других. Даже В. Молотов не пользовался достаточным влиянием и авторитетом в партии, чтобы претендовать на роль первого лица. Они держались за Сталина, понимая, что без него они ничто.

Сталина беспокоили другие партийные функционеры. Те, кто не были склонны безропотно во всем потакать Сталину, имели собственное мнение и при определенных условиях могли открыто выступить против него. Эти люди хорошо знали действительную роль Сталина в создании партии большевиков, в подготовке революции и в Гражданской войне. Сталин хотел избавиться именно от таких партийных деятелей, хотел заставить их замолчать навсегда. Ему нужны были люди без прошлого, такие, которых он сам подобрал и поднял на высоты власти. Они смотрели

на него только снизу вверх, не задумываясь исполняли любые его приказы.

С конца 20-х годов ближайшими сподвижниками Сталина были Вячеслав Молотов, Лазарь Каганович, Климент Ворошилов и Михаил Калинин. Двое последних представляли собой полные ничтожества, одобрявшие все действия Сталина и беспрекословно их выполнявшие. Они были сталинскими марионетками в Политбюро, обеспечивая Сталину большинство при голосовании по любому вопросу.

Другое дело Молотов и Каганович. Роли в секретариате ЦК распределялись примерно следующим образом: Сталин ставил задачу, Каганович разрабатывал подробный сценарий, а Молотов проводил его в жизнь.

После XVII съезда партии Сталин взошел на вершину власти. Как противники, так и соперники были разгромлены политически и организационно. Они признали свое поражение и утратили политическое влияние. Культ вождя расцвел в полную силу. Весь пропагандистский аппарат партии был брошен на восхваление «гения». Здравицы и ссылки на его высказывания стали обязательным атрибутом любого публичного выступления по любому вопросу. Но именно тогда проблема власти для Сталина стала особенно жгучей. Он понимал, что высшая власть хоть и достигнута, но не гарантирована на будущее.

Провалы в экономике и в сельском хозяйстве, общее недовольство населения страны, выступления оппозиции в начале 30-х годов, критические настроения в партии, проявившиеся на только что прошедшем съезде — все это выявило уязвимость его позиций. Власть, добытую ценой огромного напряжения, интриг и провокаций, можно было легко потерять, если вдруг взбунтуется очередной пленум или съезд. Он понимал, что следующий съезд может стать для него последним. Пока в партии происходит брожение, спать спокойно Сталин не мог.

Партийная олигархия, сплотившаяся вокруг вождя, тоже опасалась, что оппозиционные группы смогут возглавить проявления всеобщего недовольства народа. Поэтому расправы с несогласными стали проводить без особых дискуссий.

После XVII съезда была ликвидирована Центральная контрольная комиссия партии, что имело для Сталина принципиальное значение. ЦКК учредил — по настоянию Ленина — X съезд партии как «независимый партийный суд». Она должна была предупреждать фракционную борьбу и раскол в партии, злоупот-

ребление отдельными руководителями своим партийным положением для личной выгоды. ЦКК избиралась на съезде партии наравне с ЦК. Более того, она контролировала работу ЦК и его руководство. Такие же права имели ее местные органы по отношению к местным комитетам партии.

Ленин еще до написания своего «завещания» потребовал поставить генсека (Сталина) и весь аппарат ЦК под строгий контроль ЦКК. Причем Ленин считал создавшееся положение настолько серьезным, что не только обратился к предстоящему съезду с соответствующим предложением, но и опубликовал его в виде статьи «Лучше меньше, но лучше».

И вот теперь, несмотря на это, Сталин ликвидировал ЦКК (формально оформив это как решение съезда), а вместо нее создал Комиссию партийного контроля (КПК), но уже при ЦК и подотчетную ЦК. Одновременно была ликвидирована Рабоче-крестьянская инспекция (Рабкрин), тоже созданная по настоянию Ленина. Она подчинялась ВЦИК и была подотчетна только этому высшему органу советской власти. И вот решением XVII съезда ее преобразовали в Народный комиссариат рабоче-крестьянской инспекции (РКИ), подчиненной Совнаркому СССР.

Так были устранены последние юридические преграды на пути к личной диктатуре Сталина в партии и государстве.

* * *

После съезда началась целенаправленная кампания по очищению партии от лиц, неугодных Сталину. В этом плане особое усердие проявлял заведующий Распределительным отделом ЦК Г.М. Маленков. Позже Сталин назначил его заведующим Отделом руководящих партийных кадров ЦК.

В основу организационной политики партии был поставлен подбор «нужных людей» и проверка исполнения решений. Сталин утверждал, что когда установлена «правильная» политическая линия, успех дела зависит только от организационной работы с кадрами.

До съезда аппарат ЦК ВКП(б) имел функциональную структуру. Но в 1934 году эту систему отменили, и аппарат ЦК был реорганизован по производственному принципу.

Наряду с аппаратом ЦК партии, Сталин создал свой собственный оперативный штаб, свой мозговой центр, который стал кухней всех задуманных им политических авантюр. Назывался этот орган «Секретариатом товарища Сталина». В его штат Сталин

подбирал молодых, лично преданных ему людей. О них мало что известно. Фамилии многих из них звучат впервые. Вот некоторые: Андриянов, Бажанов, Бауман, Двинский, Ежов, Каннер, Логинов, Маленков, Мехлис, Петросян, Поскребышев, Поспелов, Смиттен, Тевмосян, Товстуха, Чесноков, Шуб и ряд других, менее известных.

Состав этого «теневого кабинета» постоянно менялся. Из него, как из заранее подготовленной колоды, генсек черпал кадры для высших партийно-государственных структур. Вспомним Ежова, Маленкова, Мехлиса, Поспелова, Чеснокова и Андриянова. Эти молодые, незаметные, практически неизвестные в партии люди обладали колоссальными возможностями. Ведь они «готовили вопросы» по заданию самого Сталина. А рассмотрение любого вопроса начинается с того, что заложено в подготовленном проекте документа.

Это и есть могучий рычаг влияния маленького человека на вопрос любой важности.

Любой «вопрос» внутренней политики сначала всесторонне обкатывался в этом мозговом центре генерального секретаря, потом передавался для доработки в соответствующие отделы ЦК и только после этого поступал на утверждение в Секретариат, Оргбюро или Политбюро. Так создавался миф о коллегиальности принятия решений.

А на самом деле именно в секретариате Сталина закладывался фундамент всех основных решений партии и советской власти, готовились все основные кампании, проводимые в партии и стране: партийные чистки, политические судебные процессы, кадровые перемещения, списки жертв очередных репрессий и тому подобные мероприятия.

В конце 20-х годов структура секретариата выглядела примерно так: помощником генерального секретаря и руководителем секретариата был Товстуха, его помощником и руководителем Особого сектора был сначала Мехлис, затем его сменил Поскребышев. Помощником Поскребышева, выполнявшим некоторое время одновременно функции секретаря Оргбюро и Политбюро ЦК ВКП(б) был Бажанов, а после его бегства за границу — Маленков. Позже он стал заместителем Поскребышева по Особому сектору, а затем заменил Ежова в руководстве Сектора кадров.

Особый сектор осуществлял надзор за верхними эшелонами партийных, государственных и военных структур. В его составе

входил Специальный сектор персональных дел и партийной статистики.

Сектором кадров руководил Ежов, затем Маленков, он занимался проверкой, подбором и расстановкой кадров. Сектор пропаганды возглавлял Поспелов, после него Мехлис, он осуществлял надзор за культурной жизнью страны и за прессой. Национальным сектором, контролировавшим национальные отношения в стране, руководил Тевмосян.

Политико-административный сектор, руководителем которого был Борис Шуб, осуществлял контроль за органами советской власти и государственного аппарата. В 1935 году он был превращен в отдел ЦК ВКП(б), сохранив свое название. Руководителем этого отдела Сталин назначил Осипа Пятницкого, а Б. Шуб стал его заместителем.

К сожалению, до сих пор не известно, как называлось в секретариате Сталина подразделение, занимавшееся вопросами Коминтерна и организацией мировой пролетарской революции, кто персонально им руководил, кто там работал. Могу лишь предположить, что эти функции выполняла делегация ВКП(б) в ИККИ.

Работники Особого сектора занимались сбором компромата, цензурой личной переписки высших государственных деятелей и тому подобными делами. По мере накопления материалов они готовили для генсека проекты необходимых решений. Жизнь любого функционера из высшей партийной и государственной номенклатуры зависела от соответствующего работника кабинета Сталина.

На неугодных, по указанию Сталина, готовились представления в соответствующую его рангу инстанцию: в Секретариат, Оргбюро и Политбюро ЦК или в Президиум ЦКК, которые завершали дело.

Так Особый сектор освобождал места, которые Сектор кадров немедленно заполнял людьми из заранее подготовленного личного резерва Сталина. Примерно так выглядела технология вытеснения старых большевистских деятелей из руководства партий и государством, замены их молодыми, беспринципными, властолюбивыми бюрократами сталинской выучки. Так постепенно проводилась замена Ленинской партии партией Сталина. Старых большевиков революционной закалки повсеместно выводили «в тираж», после чего их дальнейшая судьба решалась уже в подвалах Лубянки, Лефортовской тюрьмы или в зале Военной коллегии Верховного суда СССР.

Таким образом, по кирпичику создавался фундамент личной власти диктатора.

Принцип работы Особого сектора секретариата Сталина был перенесен в нижние этажи партийных структур, начиная с обкомов (крайкомов) и вплоть до райкомов, а также парткомов крупнейших промышленных предприятий. Там тоже был создан свои собственные Особые секторы, которые формально подчинялись первым секретарям, а фактически управлялись из кабинета Сталина.

Они имели сеть специальных агентов — «политинформаторов». Никакими особыми правами эти люди не пользовались, но, постоянно присутствуя на всех проводимых мероприятиях в качестве технических работников, всегда были в курсе всех событий, и доводили информацию о них по своим каналам непосредственно в Особый сектор секретариата Сталина. И наоборот, все директивы ЦК местным органам, партийному руководству на местах шли через этих скромных людей. В распоряжении Особых секторов имелись для этого средства связи, начиная от специальных телефонных линий и кончая фельдъегерской службой НКВД.

К 1935 году процесс перестройки аппарата партии по сталинскому образцу завершился. К тому времени кадры партийных руководителей низшего и среднего звена в основном состояли уже из людей, прошедших через фильтр Особого сектора секретариата Сталина. Таким образом, новая партия (партия сталинистов) со старым названием (Всесоюзная коммунистическая партия большевиков) явилась детищем двух человек — Сталина и Маленкова. Первый был ее главным архитектором, второй — прорабом-строителем.

А в это время в Германии возникло другое тоталитарное государство, во главе с национал-социалистической рабочей партией. Партия нацистов как по своей внутренней сути, так и по организационной структуре была чрезвычайно близка ВКП(б) сталинского образца.

Сталин пристально наблюдал за событиями, происходившими в Германии. «Ночь длинных ножей» — великой чистки высших эшелонов фашистской олигархии — произвела на Сталина неотразимое впечатление. Он тщательно изучал все сообщения прессы и секретные донесения, связанные с расстрелом начальника штаба штурмовиков Эрнста Рема и 180 человек из его ближайшего окружения. Узнав о расправе Гитлера над своими против-

никами, Сталин воскликнул: «Слышали новости из Германии! Молодец этот Гитлер! Он показал, что надо делать с политическими противниками».

Но Гитлер стоял перед лицом организованной оппозиции, которая бросила ему вызов, и которой он нанес сокрушительный удар. Сталин же прекрасно знал, что в СССР организованной оппозиции больше нет, что он столкнулся с общим недовольством народа. И вот, глядя на Гитлера, он задумал провести «Великую чистку» в партии и стране по-другому. 30 июня 1934 года Сталин собрал членов Политбюро и некоторых своих сторонников из членов ЦК ВКП(б). Выступая перед ними, он сказал, что события, произошедшие в Германии, вовсе не свидетельствуют о крахе нацистского режима. Напротив, они приведут к консолидации этого режима, особенно его административного аппарата и будут способствовать упрочению положения Гитлера.

* * *

Теперь коснемся судьбы Сергея Мироновича Кирова, ибо маховик «большого террора» начал раскручиваться именно с дня его гибели. Достаточно вспомнить о так называемом «кировском потоке» арестованных и репрессированных советских граждан.

С середины 20-х годов отношения между Сталиным и Кировым внешне выглядели более чем близкими. Сталин называл его не иначе, как «мой любимый друг и брат». Он всячески старался приручить Кирова, привлечь к борьбе со своими политическими противниками. Но из этого ничего не получилось. Киров перевоспитанию не поддавался.

После XVII съезда партии Киров в глазах Сталина из друга превратился в соперника. Сталин уже знал о тайном совещании на квартире Серго Орджоникидзе, и хотя Киров отклонил предложение товарищей, Сталин заявил, будто бы он сам своими действиями вызвал такое предложение товарищей. «Ведь мы предупреждали тебя» — упрекал его Сталин (по свидетельству С. Маркуса).

Став членом Политбюро, по своему «политическому весу» Киров значительно уступал сталинским «доверенным лицам» — Молотову, Кагановичу и Ворошилову. Но вместе с тем, он заметно отличался от всех других членов Политбюро своим демократизмом, доступностью и ораторским талантом.

Историк В.З. Роговин в своей книге «Сталинский нэонэп», со ссылкой на французских коммунистов М. Боди и П. Бруэ, при-

водит совершенно новую информацию о позиции Кирова в последние месяцы его жизни. Они же в свою очередь ссылаются на их беседу с кремлевским врачом Левиным, с которым встречались в Париже. В.З. Роговин пишет:

«Киров был умеренным политиком. Он хотел положить конец внутренней борьбе в партии и стране. Киров и его единомышленники хотели вернуться к более гуманной политике, близкой к той, которую предлагал Ленин во время нэпа и отказаться от жесткой коллективизации в деревне. Киров хотел восстановить внутрипартийную демократию и свободное выражение каждого течения в партии, включая течение троцкистов».

Сказанное выше косвенно подтверждает тот факт, что в 1932 году Киров вместе с Орджоникидзе и некоторыми другими выступил против казни Рютина и за умеренную политику в голодной деревне. Были у Кирова разногласия со Сталиным и в вопросах международного коммунистического движения.

После съезда Сталин стал часто вызывать Кирова в Москву. Он и раньше резко критиковал его за разные упущения. Теперь же устраивал ему настоящие разносы. Киров, например, наотрез отказался от участия в избиении ленинградских военных кадров.

После каждого очередного нагоняя Киров возвращался домой в ужасном настроении. Сталин обвинял его в том, что он в Ленинграде не борется с остатками приверженцев Зиновьева в своем аппарате, и не всегда точно выполняет многие директивы ЦК, что он пытается проводить в Ленинграде собственную политику.

Однажды, встретившись со своим старым другом А. Севастьяновым, Киров сказал ему буквально следующее: «Алеша, моя голова уже на плахе. Меня убьют!» О подобных настроениях Кирова говорит в своих воспоминаниях И.Н. Иоффе, приводя слова, сказанные Кировым своему другу П. Смородину незадолго до гибели: «Мне все равно не жить. Он (Сталин) не простит мне»* (обсуждение вопроса о замене Сталина на посту генсека и результаты голосования на съезде — В.П.).

10 июля 1934 года ЦИК СССР принял постановление о создании Общесоюзного комиссариата внутренних дел — НКВД СССР. ОГПУ вошло в его состав в качестве Главного управления государственной безопасности (ГУГБ).

* Н.А. Иоффе. 1992 г. С. 93.

На основе этого постановления были созданы органы внутренних дел союзных республик, краев и областей. Судебные дела о шпионаже и об измене Родине отныне должны были рассматривать военные трибуналы, а наиболее крупные — Военная коллегия Верховного суда СССР. Сталин готовил репрессивный аппарат СССР к началу «Большого террора».

Наркомом внутренних дел стал Генрих Ягода, его заместителем — Яков Саулович Агранов.

К тому моменту Ягода уже сформировал свою команду. Это происходило по так называемой «схеме пирамиды». Каждый руководитель подбирал лично преданных ему людей. При этом стремились подбирать людей молодых, меньше всего интересуясь тем, как они относятся к коммунистическим идеям.

Итак, Сталин подмял под себя армию, поставив ее руководителем «карманного» безвольного начальника, командарма первого ранга К.Е. Ворошилова и карательные органы страны, утвердив их руководителем виртуоза грязных дел Г.Г. Ягоду.

В конце ноября 1934 года состоялось заседание Политбюро ЦК ВКП(б), на котором присутствовал С.М. Киров. Это была его последняя встреча со Сталиным. Несмотря на ухудшение отношений между ними, оба они после заседания Политбюро вечером посетили Большой театр, после чего Сталин проводил Кирова на вокзал к поезду, чего уже давно не делал. А ведь он знал о готовящемся покушении на «своего друга»! Поскольку сам же и был инициатором его ликвидации.

Утром 1 декабря 1934 года в здании Ленинградского Обкома ВКП(б) в Смольном некий Николаев застрелил Кирова из револьвера. Якобы он отомстил ему за то, что его жена была любовницей Кирова.

Убийство члена Политбюро ЦК Сталин использовал как решающий предлог к проведению «Великой чистки» в своей стране, точно так же как для Гитлера поджог Рейхстага стал поводом для расправы с немецкими коммунистами.

Историю этого преступления официальные источники до сих пор преподносят противоречиво и запутанно. Уж больно не хочется «маститым ученым» прямо говорить о том, что оно было осуществлено по прямому приказу «великого вождя всех народов» Сталина.

Но независимые исследователи путем сопоставления различных документов и воспоминаний очевидцев уже давно доказали, что убийство С.М. Кирова организовали, в соответствии с ука-

занием И.В. Сталина, сотрудники секретно-политического отдела Ленинградского управления НКВД.

Благодаря убийству Кирова, немедленно возведенного в ранг великомученика, Сталин не только избавился от опасного соперника, но и начал кампанию массового кровавого террора. Самыми первыми жертвами «кировского потока» стали родственники и знакомые убийцы Кирова Николаева, а также его подстрекатели — агенты НКВД. Около сотни людей были расстреляны немедленно.

Сталин спешил извлечь из убийства Кирова максимум политических выгод. С помощью органов пропаганды (пресса, радио, массовые митинги и т.д.) народ быстро довели до массовой истерии. По всей стране собрания невежественных, оболваненных трудящихся одобряли резолюции, требовавшие казни «врагов народа».

Уже вечером 1 декабря Президиум ЦИК СССР принял постановление «О внесении в действующие уголовно-процессуальные кодексы изменений по расследованию и рассмотрению дел о террористических организациях и террористических актов против работников советской власти».

Оно предписывало:

- «1. Следствие по этим делам заканчивать в срок не более десяти дней;
2. Обвинительное заключение вручать обвиняемым за одни сутки до рассмотрения дел в суде;
3. Дела слушать без участия сторон;
4. Кассационного обжалования приговоров, как и подачи ходатайств о помиловании не допускать;
5. Приговор к высшей мере наказания приводить в исполнение немедленно по вынесению приговора».

Постановление вступило в силу без предусмотренного действующей конституцией утверждения сессией ЦИК СССР.

Сталин встретил известие об убийстве Кирова совершенно спокойно. Когда ему позвонили из Смольного, сообщив о случившемся, он принял меры для того, чтобы отвести от себя подозрение и направить его на тех, кого решил сделать первыми жертвами.

Поздно вечером, 1 декабря 1934 года, захватив с собой Молотова, Ворошилова, Жданова, Ежова, Вышинского, Ягоду и Агра-

нова, Сталин специальным поездом выехал в Ленинград. Другим поездом туда же выехала бригада работников НКВД и союзной прокуратуры.

Председателем следственной комиссии Сталин назначил председателя КПК при ЦК ВКП(б) Н.Н. Ежова. Именно он руководил фабрикацией дела, согласно которому в убийстве С.М. Кирова повинны бывшие лидеры «левой» оппозиции.

15 декабря в Москве арестовали 15 человек, в том числе Г.Е. Зиновьева, Л.Б. Каменева, Г.Е. Евдокимова, П.А. Залуцкого. Все они были ближайшими соратниками Ленина, входили в число создателей партии. Их «дело» рассмотрело сначала Особое совещание при НКВД СССР, потом — Военная коллегия Верховного суда СССР. Обвинение основывалось на столь абсурдных доказательствах, что судьи порой затруднялись определить состав преступления.

25 декабря состоялось заседание Военной коллегии Верховного суда СССР под председательством В.В. Ульриха. На скамье подсудимых среди 14 обвиняемых был и убийца Кирова — Л. Николаев. Всех их обвиняли в создании контрреволюционной группы, которая ставила своей целью дезорганизовать управление страной путем террористических актов против руководителей партии и государства.

Волна массовых репрессий 1934—35 годов прервала связь Троцкого с большинством его единомышленников в СССР и перекрыла каналы для получения информации о положении в партии и стране.

Но Сталину этого было недостаточно. Он стремился под лозунгом борьбы с «троцкизмом» ликвидировать старшее поколение партии и большевистские традиции.

В начале 1935 года Сталин выдвинул Ежова на передовые позиции борьбы с так называемой «контрреволюцией». Он был идеальной фигурой для этой миссии, ибо не обладал никакими революционными заслугами. Вскормленный Сталиным, он смотрел на мир его глазами, а подозрительностью и жестокостью не уступал «хозяину». Сталин увидел в Ежове, кроме вполне очевидной исполнительности, еще и задатки палача-садиста, испытывающего наслаждение от страданий людей, оказавшихся в его застенках.

В конце февраля 1935 года Секретариат ЦК ВКП(б) пополнил еще один сталинский прихвостень — А.А. Жданов, несколько позже в состав Секретариата вошел и Н.И. Ежов. Последнему

Сталин поручил по линии ЦК курирование органов безопасности и он с головой отдался этому важнейшему делу. Но поскольку оно занимало основную часть рабочего времени, работу в КПК он переложил на своего заместителя Матвея Шкирятова (1883—1954), еще одного цепного пса сталинской команды.

В январе Сталин принял решение об организации судебного процесса над так называемым «Ленинградским центром». Суду предали руководителей ленинградского комсомола и сторонников Зиновьева. Это была первая попытка привязать Зиновьева и его сторонников к убийству Кирова. Всех фигурантов этого дела казнили. Едва успели их расстрелять, как было объявлено о новом судилище, теперь уже над так называемым «Московским центром».

Сталин долго размышлял, к какому из этих двух «центров» привязать Зиновьева и Каменева и, наконец, остановил выбор на «Московском центре».

Как продолжение этого кровавого спектакля, по поручению Сталина было сфабриковано дело о «Террористических заговорах против руководителей украинской компартии». Были «оформлены» несколько таких групп. Всех их «участников» приговорили к смертной казни и немедленно расстреляли.

15—16 января 1935 года состоялся судебный процесс над Зиновьевым и Каменевым. Люди они были нестойкие, подвергшись жесткому психологическому давлению следователей, быстро «сознались» в том, что как бывшие руководители оппозиции, несут моральную ответственность за это убийство. Их осудили соответственно к 10 и 5 годам заключения.

15 января 1935 года руководство ЦК ВКП(б) разослало местным партийным руководителям директиву «мобилизовать все силы на уничтожение всех вражеских элементов». Это расплывчатая формулировка «вражеские элементы» дала НКВД неограниченную свободу действий.

Как рассказал в своей книге «Тайная история сталинских преступлений» А.М. Орлов (1895—1973), в начале 1935 года Сталин приказал ответственным работникам НКВД Агранову и Миронову очистить Ленинград от «кировцев». В Ленинградское управление НКВД вызвали сотни видных партийных, комсомольских, профсоюзных, советских работников. Каждому из них предложили в течение недели покинуть Ленинград и переехать на новые места в отдаленные районы Урала и Сибири. Позже многих из них тоже казнили.

* * *

В марте 1935 года произошел конфликт прокурора СССР И.А. Акулова с руководством Азербайджана и Грузии. Акулов представил в ЦК ВКП(б) докладную записку о многочисленных фактах фальсификации следственных материалов в правоохранительных органах этих республик.

Берия и Багиров отрицали объективность докладной записки Акулова и обвинили зам. генерального прокурора Г. Рогинского, проводившего эту проверку, в преднамеренной клевете. Дело кончилось тем, что 3 марта Акулова переместили на должность секретаря ЦИК СССР вместо уволенного с этой должности А.С. Енукидзе.

Прокурором страны Сталин назначил его заместителя А.Я. Вышинского, ранее курировавшего органы государственной безопасности. В 1917-м Вышинский состоял в рядах меньшевиков. Что ж, Сталин любил окружать себя людьми с замаранным прошлым, чтобы при случае использовать старые грехи как инструмент шантажа. Вышинский полностью оправдал его надежды. Ну, а Акулова в 1937 году постигла участь других старых большевиков. Его жизнь завершилась в расстрельном коридоре подвала на Лубянке.

В мае 1935 года по решению Сталина, проведенному через Политбюро, были распущены общества «Старых большевиков» и «Политкаторжан». Эти организации давно мозолили ему глаза.

К тому времени людям, совершившим революцию, было уже за 50 лет. Эти люди, старые большевики, вступившие в партию до революции, многое знали, многое видели, у них было с чем сравнивать существующую действительность. Сталин поставил задачу ускорить уход из жизни этих людей и неуклонно следовал своему замыслу.

В середине 1935 года последовало дело старого большевика Секретаря Президиума ЦИК СССР Авеля Енукидзе. Он был другом Сталина по работе на Кавказе до революции. Но когда он написал книгу об истории большевистской партии Закавказья, не упомянув в ней Сталина, то из друга превратился в его врага. Сталин так и сказал ему во время их последнего разговора: «Авель, кто не со мной, тот мой враг!»

Енукидзе сначала исключили из партии и ЦИК СССР, сняли со всех должностей и на время оставили в покое. Но в 1937 году его арестовали и расстреляли. Сталин никогда не забывал своих «обидчиков».

В это же время СССР продал Японии свою долю акций Китайской восточной железной дороги (КВЖД). Советских служащих, обслуживавших эту дорогу, организовано вывезли на родину. Вскоре тюрьмы и лагеря страны пополнились 50-ю тысячами «японских шпионов».

Незадолго до этого, в Москве, в Высшей партийной школе была раскрыта группа оппозиционно настроенных слушателей. Среди них ходили по рукам листовки с изложением троцкистской программы. Слушателям, изучавшим по первоисточникам работы Маркса, Энгельса и Ленина, становилось ясно, что троцкизм в действительности является вариантом подлинного марксизма-ленинизма. Трагическая развязка наступила мгновенно.

Одновременно с этой акцией в Москве начались аресты лиц, обвинявшихся в подготовке «террористических актов» против руководителей партии. Данная кампания получила название «Кремлевского дела». По нему проходили 110 человек из состава обслуживающего персонала. Их обвинили в связях с зарубежной троцкистской организацией. Обвиняемых разделили на несколько групп, тем не менее, приговор и поварам, и шоферам, и электрикам и прочей обслуге был один и тот же — расстрел.

Так Сталин объявил терроризм неотъемлемой принадлежностью троцкизма, а Троцкого — непосредственным руководителем террора против руководителей партии и, прежде всего, против него — Сталина. Он приписывал Троцкому то, что творил сам. Это одна из основных черт диктаторов — все свои ошибки и преступления перекладывать на других людей.

2. Реабилитация Осипа Пятницкого и функционеров Коминтерна

С 1954 года в составе Главной Военной Прокуратуры функционировали две группы, пересматривавшие судебные-следственные дела 1930—40-х гг.

Одна группа занималась пересмотром тех следственных дел, которые проводил центральный аппарат НКВД, другая — проверкой заявлений лиц, осужденных на местах внесудебными органами. По свидетельству военного прокурора полковника Б.П. Беспалова, поток заявлений о проверке дел репрессированных резко возрос в начале 1955 года. К тому времени многие из осужденных к различным срокам заключения уже вернулись из тюрем и лагерей и писали письма о своей реабилитации.

С заявлением о реабилитации необоснованно репрессированных ответственных работников Коминтерна обратились родственники В.Г. Кнорина, И.А. Пятницкого и других. В феврале 1955 года Главная Военная Прокуратура СССР направила начальнику Следственного управления КГБ при Совмине СССР полковнику Козыреву архивно-следственное дело по обвинению И.А. Пятницкого с предложением перепроверки обвинения. Вместе с делом препровождались заявления сыновей Пятницкого Игоря и Владимира, с жалобами на то, что отец «осужден необоснованно и явился жертвой преступной деятельности Ежова, который лично арестовал Пятницкого».

Тогда же были перепроверены архивно-следственные дела В. Кнорина, Б. Куна, А. Абрамова, Б. Васильева. Определением Верховного Суда СССР следственные дела на них были прекращены за отсутствием состава преступления.

В том же году были прекращены архивно-следственные дела в отношении Бортновского-Бронковского, Рыльского-Любинецкого, Краевского, Густы, Ф. Крейчи, А. Крейчи и многих других функционеров Коминтерна, осужденных за то, что они якобы являлись членами антисоветской организации.

Проверка следственных дел проводилась основательно. С целью перепроверки обвинений относительно шпионской деятель-

ности были запрошены соответствующие данные из Государственного центрального особого архива, в котором хранились трофейные документы. Это, прежде всего, материалы германской, французской, польской, венгерской и других органов разведки и контрразведки.

Кроме того, к пересмотру следственных дел привлекались в качестве свидетелей люди, хорошо знавшие осужденных. Так, по делу Пятницкого были допрошены бывшие руководящие работники аппарата Коминтерна С. Гопнер, Е. Стасова, В. Пик, А. Гримберг, А. Крымов. Все они показали, что Осип Пятницкий никогда не входил в число сторонников оппозиции или во фракционные группы в международном коммунистическом и рабочем движении.

Кроме того, были допрошены также бывшие следователи ГУГБ НКВД, которые вели дела работников Коминтерна — А. Лангфанг, Л. Шварцман, В. Чижов, Л. Есипенко и ряд других, которые подтвердили, что к арестованным применялись такие методы получения показаний, как систематическое избиение, пытки, различные другие истязания.

Проверка дела Пятницкого завершилась в декабре 1955 года. Основной вывод, к которому пришла Главная Военная Прокуратура, — дело в отношении его было сфальсифицировано.

На заседании Военной коллегии Верховного Суда СССР 28 января 1956 года было заслушано заключение Генерального прокурора СССР по делу Пятницкого и принято следующее определение:

«Приговор Военной коллегии Верховного Суда СССР от 28 июля 1938 года в отношении Пятницкого Иосифа Ароновича по вновь открывшимся обстоятельствам и дело на него за отсутствием состава преступления прекратить».

Это заключение Генеральной прокуратуры по проверке дела Пятницкого считаю целесообразным привести полностью, ибо подобные документы оформлялись на каждого реабилитированного.

Особый контроль. Секретно

***УТВЕРЖДАЮ: Генеральный прокурор СССР,
действительный Государственный советник***

В. Руденко.

2.01.1956 г.

В Военную Коллегию Верховного Суда СССР

Заключение

(в порядке ст.ст. 373—378 УК РСФСР)

По делу Пятницкого Иосифа Ароновича

г. Москва, 27.12.1955 г.

Военный прокурор отдела Главной военной прокуратуры подполковник юстиции Борисов, рассмотрев архивно-следственное дело и материалы дополнительной проверки на Пятницкого Иосифа Ароновича, 1882 года рождения, уроженца г. Вилкомира, бывшей Ковенской обл., еврея, бывшего члена ВКП(б) с 1898 года, бывшего зав. политико-административного отдела ЦК ВКП(б) установил:

Приговором Военной Коллегии Верховного Суда СССР от 28.07.38 по ст. 58-1а, 58-8, 58-11 УК РСФСР Пятницкий был осужден к В.М.Н. — расстрелу.

Пятницкий судом признан виновным в том, что с 1932 года являлся одним из руководителей контрреволюционной правотроцкистской организации, существовавшей в системе Коминтерна, лично и через Радека был организационно связан с врагом народа Троцким, которого снабжал денежными средствами из фондов Коминтерна и передавал ему секретные сведения о работе ИККИ и братских компартий.

Кроме этого, Пятницкий признан виновным в том, что через врага народа Бухарина был осведомлен о повстанческой террористической деятельности правых и совместно с участниками контрреволюционной организации в Коминтерне разработал план подготовки террористического акта над одним из руководителей Советского правительства.

Как видно из материалов дела, Пятницкий был арестован ГУГБ НКВД 7 июля 1937 года без санкции прокурора.

На предварительном следствии Пятницкий в течение года предъявленные ему обвинения отрицал и заявлял, что никакой антисоветской работы он не вел и участником контрреволюционной организации никогда не был.

В деле, однако, имеются черновые записи Пятницкого, относящиеся к маю—июлю 1938 года, в которых он впервые признал

себя виновным в том, что является одним из руководителей контрреволюционной организации троцкистов и зиновьевцев в аппарате ИККИ, проводившей свою деятельность под руководством Московского центра троцкистско-зиновьевского блока, в который входили Радек, Пятаков и Сокольников.

Пятницкий далее показал, что контрреволюционную, так называемую антикоминтерновскую организацию первоначально возглавляли Кнорин, Бела Кун и Абрамов-Миров и что он в эту организацию вступил лишь в 1932 году или в начале 1933 года по предложению Кнорина.

Черновые записи Пятницкого, в которых он излагает данные о своей контрреволюционной деятельности, в ряде случаев им не подписаны, многие из этих записей перечеркнуты и имеют множество не оговоренных вставок и исправлений.

Кроме черновых записей Пятницкого, в деле имеются копии и выписки из показаний арестованных по другим делам Бела Куна, Кнорина, Реммеле, Мадьяра, Рыльского-Любинецкого, Васильева, Смолянского, Вильгельмсон, Меринга, Горкича и др.

На суде, как об этом указано в протоколе судебного заседания, Пятницкий виновным себя признал и показания, данные им на предварительном следствии, подтвердил.

Судебное следствие, включая вынесение и оглашение приговора, длилось 20 минут.

В связи с поступившей от сына осужденного т. Пятницкого Владимира Иосифовича жалобой была произведена дополнительная проверка, которой установлено, что Пятницкий Иосиф Аронович был осужден необоснованно.

Проверкой, в частности, установлено, что Бухарин, Радек и Зиновьев показаний о преступной деятельности Пятницкого не дали, и создание антикоминтерновской организации им не инкриминировалось (л.д. 118—121, том 1).

Рыков показаний о преступной деятельности Пятницкого также не дал и заявил лишь о том, что Пятницкий относился к той категории лиц, которые в той или иной степени сочувствовали правым (л.д. 122, том 1).

Изучением архивно-следственного дела и материалов дополнительной проверки на Кнорина и Бела Куна установлено, что они совместно с Пятницким никогда не возглавляли антисоветскую организацию в Коминтерне, дело на них было сфальсифицировано и осуждены они необоснованно.

В 1955 году определением Военной коллегии следственные дела на Кнорина и Бела Куна были прекращены за отсутствием состава преступления (л.д. 123—152, том 1 и л.д. 102—114, том 2).

Проверкой также установлено, что показания Бортновского-Бронковского и Рыльского-Любинецкого о том, что в антисоветскую организацию были завербованы Пятницким, и показания Краевского о том, что он был участником возглавляемой Пятницким, Кнориным и Бела Куном антисоветской организации, не соответствуют действительности.

В 1955 году определением Военной коллегии Верховного Суда СССР архивно-следственные дела в отношении Бортновского-Бронковского, Рыльского-Любинецкого и Кнорина прекращены за отсутствием состава преступления (том 1, л.д. 165—166, 172—177, 180—181; том 2, л.д. 31—32).

За отсутствием состава преступления Военной коллегией Верховного Суда СССР в ноябре 1955 года прекращены также следственные дела на Густы, Крейчи Ф.Ф., Крейчи А.Ф. и Гайду, которые в 1937 году были осуждены за принадлежность к антисоветской организации, возглавляемой Пятницким, Кнориным и Бела Куном (том 1, л.д. 34—74, 102—105; том 2, л.д. 117).

Кроме этого, Реммеле, Платтен-Циммерман, Фейергерд, Эберлейн, Трилиссер-Москвин, Волк, Зауэрланд, Добровольская, Флиг, Горкич и Танака, будучи арестованными за участие в контрреволюционной организации, на предварительном следствии виновными себя признали и в числе руководителей этой организации назвали Пятницкого, однако в суде все указанные лица от этих показаний отказались и виновными себя не признали (том 1, л.д. 158—159, 162, 170—171, 186—189, 192, 194—195, 315, 319; том 2, л.д. 1—2, 13—14).

Осужденные, как участники нелегальной антикоммунистической организации, Цейтлин, Идельсон и Курелла на предварительном следствии и в суде показаний на Пятницкого не дали (том 1, л.д. 182—183, 191, 193).

Арестованные Вуйович-Митрович, Котон и Мюллер на следствии назвали Пятницкого руководителем контрреволюционной организации со слов Бела Куна, Мельникова, Черномордик — со слов Абрамова-Мирова, а Джонсон-Янсон — со слов Мадьера (том 1, л.д. 168, 178—179, 201—203, 306—307, 311—312; том 2, л.д. 11—12).

Что касается показаний Васильева, Мифа, Абрамова-Мирова, Меринга, Вильгельмсон, Крепса, Чемоданова, Мадьера и Нейма-

на, то они не могут являться доказательствами вины Пятницкого, так как их показания не нашли своего подтверждения в процессе проверки по делу Пятницкого.

Васильев, Абрамов-Миров и другие названные выше лица, будучи арестованными, за участие в антисоветской организации, на предварительном следствии и в суде виновными себя признали и в числе руководителей этой организации, наряду с Пятницким, назвали Кнорина, Куна и Краевского, следственные дела которых, как было сказано выше, прекращены за отсутствием состава преступления.

Кроме того, Меринг, Вильгельмсон, Миф, Мадьяр и Чемоданов на следствии дали явно вымышленные показания в отношении лиц, занимавших в прошлом и занимающих в настоящее время руководящее положение в КПСС и в некоторых других компартиях стран народной демократии и капиталистических стран.

Вымышленные показания в отношении лиц, занимающих в настоящее время руководящее положение в некоторых компартиях стран народной демократии и капиталистических стран, были получены и от Пятницкого (том 1, л.д. 292—301, 341—342; том 2, л.д. 29).

Лица, знавшие Пятницкого И.А. по совместной работе в Коминтерне — Стасова Е.Д., Котельников Ф.Е., Разумова А.Л., Гримберг А.П. и другие показали, что Пятницкий последовательно проводил в своей работе генеральную линию партии и никогда не примыкал к каким-либо антипартийным или сектантским группировкам в международном рабочем движении (том 1, л.д. 266—268; том 2, л.д. 41—91).

По сообщению Комитета Государственной Безопасности при Совете Министров СССР, Особого архива МВД, партархива ИМЭЛ при ЦК КПСС никакими компрометирующими данными в отношении Пятницкого, в том числе данными о проведении Пятницким террористической и шпионской деятельности они не располагают.

Наоборот, в архиве имеются данные о том, что Пятницкий принимал активное участие в революционном движении, избирался делегатом XIII, XIV, XV, XVI и XVII съездов партии и занимал ответственные должности в партийных органах (том 1, л.д. 106—109, 287—291; том 2, л.д. 33—36, 115—116).

Кроме этого, как видно из материалов дополнительной проверки, бывшие сотрудники НКВД СССР Фриновский, Курский и др., которые вели следствие в отношении Пятницкого, осуждены в

разное время за незаконные методы следствия (том 1, л. д. 113—177; том 2, л. д. 26, 29—30).

Проверкой также установлено, что бывший помощник начальника 9 отделения 3 отдела ГУГБ НКВД СССР Лангфанг, который, в основном, вел следствие по делу Пятницкого, применял в отношении Пятницкого и других арестованных незаконные методы следствия.

Так, свидетель Чижов на допросе 13.04.55 показал, что Лангфанг систематически применял физические меры воздействия к арестованным.

Свидетель Темкин, находившийся вместе с Пятницким в одной камере в июне—июле 1938 года, дал показания о том, что к Пятницкому на допросе применялись физические меры воздействия и что в большинстве случаев он возвращался с допросов в синяках и кровоподтеках на теле.

По сообщению начальника Лефортовской тюрьмы КГБ при Совмине СССР, Пятницкий с 10 апреля по 27 июля 1938 года был допрошен Лангфангом 72 раза, однако ни одного протокола допроса составлено не было и в деле имеются лишь черновые данные Пятницкого, в которые Лангфанг вносил поправки, дописки и исправления (том 1, л. д. 270—286, 292—301, 325—330, 343—380; том 2, л. д. 37—40).

Таким образом, в ходе дополнительной проверки установлено, что показания Пятницкого и других лиц о проведении Пятницким антисоветской деятельности не соответствуют действительности, и что осужден он был по сфальсифицированным материалам.

С учетом изложенных выше новых обстоятельств, установленных в процессе дополнительной проверки, приговор суда в отношении Пятницкого не может быть оставлен в силе и подлежит отмене.

Руководствуясь ст. ст. 373—378 УПК РСФСР, полагал бы:

Приговор Военной коллегии Верховного Суда СССР от 28 июля 1938 года в отношении Пятницкого Иосифа Ароновича по вновь открывшимся обстоятельствам отменить и дело на него на основании п. 5 ст. 4 УПК РСФСР производством прекратить.

Приложение:

Архивно-следственное дело № 967466 в 2-х томах и материалы проверки на 380 листах от н/вх. № 021009 материалы дополнительной проверки в томе 1 на 122 листах, в том числе п/маш.

№ 48595 на 4-х листах, № 51049 на 1 листе, № 52721 на 4-х листах, № 57645 на 7 листах, и н/вх. № 021298 на 4 листах.

Военный прокурор отдела ГВП,
подполковник юстиции Борисов
СОГЛАСЕН: Зам. главного военного прокурора,
полковник юстиции Камышников

Когда я пишу эти строки, передо мной лежит пачка заключений Военной прокуратуры СССР и определений Военной коллегии Верховного Суда СССР о прекращении дел за отсутствием состава преступления, иначе говоря, о полной политической реабилитации **ВСЕХ ЛИЦ**, проходивших по так называемому «коминтерновскому делу», т.е. соратников Пятницкого по работе в Коминтерне.

Некоторые данные из этих документов я привожу ниже:

Ф.И.О.	дата ареста	дата судилища	дата расстрела	дата реабилитации
Кнорин В.Г.	22.06.37.	28.07.38.	28.07.38.	—
Кун Б.М.	28.06.37.	29.08.38.	28.08.38.	—
Абрамов-Миров А.Л.	21.05.37.	25.11.37.	25.11.37.	18.01.58.
Васильев Б.А.	17.09.37.	26.11.37.	26.11.37.	11.04.56.
Бортновский-Бронковский Б.Б.	09.06.37.	03.11.37.	03.11.37.	04.05.55.
Мельников Б.Н.	—	25.11.37.	28.07.38.	10.03.56.
Трилиссер-Москвин М.А.	23.11.38.	01.02.40.	02.02.40.	13.06.56.
Смолянский Г.Б.	26.07.37.	27.10.38.	27.10.38.	—
Краевский А.П.	26.05.37.	20.09.37.	20.09.37.	04.05.55.
Черномордик М.Б.	14.07.37.	14.09.37.	14.09.37.	08.05.55.
Рыльский-Любинецкий И.А.	20.07.37.	26.10.37.	26.10.37.	26.10.55.

Кроме этих товарищей, в следственном и реабилитационном делах Пятницкого упоминаются как активные члены «антисовского контрреволюционного право-троцкистского террористического заговора в Коминтерне» следующие лица:

Алиханов Г.Г., Вильгельмсон, Вуйович-Митрович Г.Д., Гайда П.А., Генриховский-Амстрем Г.С., Гримберг А.П., Горкич, Грольман, Густы Ф.Ф., Идельсон Б.И., Контон, Крейчи Ф.Р., Крепс М.Е., Курелла Г.Г., Ленский-Лешинский Ю.М., Меринг Р.А., Миф П.Л., Модьяр Л.И., Нейман Г.Л., Окано, Прухняк Э.А., Реммеле Г.П., Сафаров Г.И., Славинский А.С., Танако (Ямамото), Флиг, Фреергард Ф.К., Цейтлин Е.Ф., Цимерман-Платтен Б., Чемоданов В.В., Чернин, Чопич, Шубин-Виленский П.А., Эберлейн Г.

Помимо принадлежности к право-троцкистской всемирной организации, всех их обвинили в работе на одну или сразу несколько иностранных разведок. Кроме того, конечно же, в курсе на свержение Советской власти и подготовке террористических актов против советских руководителей. Все они также реабилитированы.

Приведенный мною список фигурантов «коминтерновского дела» можно было бы продолжить. Но для этого надо ознакомиться со следственными делами каждого из них, что существующее законодательство не разрешает. Кроме того, для подобного исследования потребовалось бы еще много времени и значительное место в книге. К сожалению, ни того, ни другого не хватает.

Однако должен сказать, что мне не известен ни один случай, когда кому-либо из осужденных по «коминтерновскому делу» было отказано в реабилитации. Данный факт подтвердил мне председатель КГБ периода 1954—1958 гг. генерал И.А. Серов при нашей встрече в 1956 году.

Считаю необходимым привести еще один документ из решения Комиссии партийного контроля при ЦК КПСС:

«Находясь с апреля по июнь 1938 года в Лефортовской тюрьме, И.А. Пятницкий вызывался на допросы более 76 раз, которые часто делались в течение многих часов и в ночное время, большая часть допросов не оформлялась ввиду отрицания Пятницким предъявленных ему обвинений.

Председатель КПК при ЦК ВКП(б) Комаров»

Это тот самый Комаров, который в 1937 году, сразу после ареста Пятницкого, написал в КПК донос-кляузу на Пятницкого, обвиняя его в антипартийном поведении.

На основании представления КПК при ЦК ВКП(б) Президиум ЦК своим постановлением от 15 февраля 1956 года пр. № 189/19 принял и утвердил представление КПК о партийной реабилитации И.А. Пятницкого. Так Пятницкий посмертно был восстановлен в партии, которую сам и создавал.

Фальсификация следственных дел сопровождалась постоянными физическими и моральными истязаниями. Это происходило не только с Пятницким, но с каждым арестованным. Сегодня нормальному человеку очень трудно понять тот кошмар, который творили сталинские инквизиторы в ходе так называемого «следствия». Выдержать пытки, не сломившись, могли лишь единицы.

Например, сам Ежов и его заместители (Фриновский, Агранов, Заковский, Берман и другие), а также руководство 3-го отдела управления контрразведки, фабриковавшего «коминтерновское дело» (Минаев, Николаев-Журид, Полячек, Волинский, Хотинский, Осмоловский) и целый ряд других работников ГУГБ, попав в созданные ими же жернова дознания, сломались моментально.

Всё ежовское руководство НКВД тоже было зачислено в ряды «троцкистов», «шпионов иностранных разведок» и «ярких противников» Советской власти. В 1938—39 гг. они окончили свою жизнь в расстрельных подвалах Любянки или Лефортовской тюрьмы.

Было бы интересно представить, на какой день допросов ежовскими «следователями-колокольщиками» признали бы себя троцкистами, иностранными шпионами и яркими противниками Советской власти главные инквизиторы страны — Сталин, Молотов, Каганович и прочие члены комиссии Политбюро по безопасности. Я полагаю, что никто из них не выдержал бы и пяти жестоких допросов. Ведь они не обладали ни идейной закалкой, ни физической выдержкой старых большевиков-подпольщиков.

Напомню, что печально «знаменитый» следователь А.И. Лангфанг на первых же допросах убил секретаря компартии Эстонии Я. Анвельта и перебил позвоночник секретарю компартии Литвы А. Ангаретису.

Его арестовали 4 апреля 1957 года. Через год он предстал перед Военной коллегией Верховного Суда СССР. Процесс, длив-

шийся десять дней, возглавлял генерал-майор юстиции Лихачев. Приговор — 10 лет лагерей — вызвал протест председателя Верховного Суда СССР Александра Горкина, и через полгода Военная коллегия собралась вновь, на этот раз под председательством полковника юстиции Бориса Цирлинского.

В качестве свидетелей присутствовали бывшие коминтерновцы Гринберг, Алексеев-Железняков, Темкин, а также другие очевидцы преступлений Лангфанга, прошедшие через тюрьмы и лагеря. Присутствовали на суде в качестве свидетелей и бывшие палачи: генералы Виктор Шерманов и Даниил Есипенко, полковник Григорий Власов. Двое бывших палачей (Василий Фомичев и Иван Чижов), тоже вызванные на суд в качестве свидетелей, не явились. КГБ прислало справку, что они не могут явиться на суд по уважительным причинам.

Лангфанг отчаянно защищался:

«Почему вы судите меня, а не судите Молотова, чья вина доказана и определена? Он отправлял росчерком пера на тот свет тысячи людей, а его не судят ... Меня лишили всего, а главное — моей любимой агентурной работы. Неужели это недостаточное наказание для меня? Ведь я был под сильным впечатлением убийства Кирова, я верил, что кругом враги и действовал в соответствии с указаниями партии».

Прокурор снова настаивал на том, чтобы приговорить Лангфанга к 25 годам лишения свободы, на что Лангфанг заявил: «В лагере меня убьют. Осудите меня к расстрелу. Жить с клеймом преступника я не могу».

Этот суд приговорил его к 15 годам лишения свободы, которые Лангфанг отбывал в Мордовии вместе с другими бериевскими поделщиками.

Во время работы XXII съезда КПСС Александр Лангфанг и его «коллеги» Аксенов-Щербицкий Сергей, Атакишиев Салим, Гангия Ражден, Грушков Николай, Давлианидзе Сергей, Емельянов Степан, Какучая Варлам, Либенсон Ефим, Малькиев Федор, Парамонов Георгий, Пачулия Григорий, обратились с просьбой о реабилитации. В своем коллективном заявлении они написали:

«Мы не можем нести ответственность за нарушения социалистической законности, так как лишь выполняли задание своего

руководства и считали, что боремся с врагами партии и Советского государства... Судом исключены конкретные исторические условия того времени, игнорированы директивы партийных органов... Мы были скованы партийным и служебным подчинением... обязаны были беспрекословно выполнять официальные приказы и инструкции... Отказ был бы расценен как акт саботажа... Почему покарали именно нас, небольшую группу чекистов? Мы просим возвратить нам наши честные имена, вернуть нас в советское общество, чтобы мы могли встать в ряды строителей коммунизма».

Лангфанг, с учетом предварительного заключения, полностью отбыл свой срок. В 1972 году он вышел на свободу и поселился по прежнему адресу в Москве, на улице Горького. В 1988 году по очередной жалобе Лангфанга Верховный Суд СССР проверил его дело, но не нашел оснований для пересмотра. Наконец, в 1990 году Лангфанг умер в страшных мучениях и судорогах.

Из всего сказанного выше видно, что чистки аппарата ОГПУ / ГУГБ НКВД и прокуратуры СССР производились систематически. В органах безопасности при Ф.Э. Дзержинском освобождались от нечестных и некомпетентных сотрудников.

При Менжинском ОГПУ фактически руководил Ягода — верный исполнитель сталинских комбинаций, при Ежове и Берии из органов безопасности убирали основных исполнителей воли «вождя». Причем их не увольняли с работы, как нормальных людей, а уничтожали, обрывая многие нити, ведущие к злодеяниям Сталина.

Каждый новый руководитель «органов» собирал свою команду лично преданных ему людей. Но полностью избавиться от исполнителей низшего звена прежней команды они не могли. Ведь кто-то должен был делать «грязную работу» — арестовывать, обыскивать, допрашивать, пытаться, расстреливать.

Так в кадрах Главного управления государственной безопасности остались люди вроде А.И. Лангфанга, следователя с четырехклассным образованием, ставшего генерал-лейтенантом, а также Д.И. Есипенко и И.А. Чижев, люди с незаконченным средним образованием, получившие со временем погоны генерал-майоров. Они из «следователей-колольщиков» превратились в руководителей аппарата НКВД, вошли за свои «несомненные заслуги» в команду Берии и продолжали свои черные дела, ибо заслужили доверие руководства. Таких как они было немало.

Из Генеральной прокуратуры убрали Рогинского, курировавшего органы безопасности. Убрали тихо. Он без следствия и суда прямо попал в расстрельный подвал Лубянки. Причина — слишком много знал тайн кремлевской инквизиции. Сам же Генеральный прокурор СССР А.Я. Вышинский в 1954 году пустил себе пулю в лоб, боясь суда и огласки своих преступлений.

Дорогой читатель!

Безусловно, я не смог дать полной картины нашей недавней истории, потому что мне удалось ознакомиться лишь с небольшой частью документов того времени, а из очевидцев мало кому удалось выжить. Многие детали описываемых мной событий покрыты мраком. Людей, которые могли бы пролить на них свет, уже давно нет в живых. Архивные документы, если их удастся получить, не раскрывают полностью всей трагедии сталинского правления.

В моем повествовании использованы только подлинные факты. Тем не менее, я не претендую на истину в последней инстанции. Я пытаюсь подтолкнуть читателя к собственным размышлениям, к объективности в оценках очень непростого периода в истории нашего Отечества. Однако при всех обстоятельствах надо помнить: правды много не бывает.

3. Инквизиция в прошлом и при Сталине

Инквизицию как орган борьбы с инакомыслием учредил глава католической церкви Папа Иннокентий VIII в 1484 году. В папской булле были даны рекомендации и юридические санкции для начала энергичного истребления инакомыслящих. В то время это в основном были одинокие женщины, которых называли ведьмами, служительницами дьявола.

На основании папской буллы доминиканские монахи Яков Шпрингер и Генрих Инститорис в 1487 году опубликовали инструкцию-трактат, названную «Молотом ведьм», в которой подробно описали, «как разыскивать и привлекать к суду людей, добровольно и сознательно отдавших во власть дьявола».

Под розгами и пытками люди признавались во всем. Вот некоторые из приемов получения «добровольных» показаний: людей долгое время держали вверх ногами, катали как колесо, пускали кровь, заковывали в цепи и кандалы, ставили под ледяной душ, прижигали раскаленным железом, ломали кости и т.д. и т.п. Потом следовал суд инквизиции и сожжение на костре.

Инквизиция распространилась на все страны католической Европы: Италию, Испанию, Германию, Нидерланды, Францию.

Еще тогда люди стали делиться на палачей и на жертвы. При чем палачи находились всегда, в любом обществе, в любое время. В каждой стране был свой великий инквизитор, вокруг которого группировались его сподвижники — ближайшие советники и единомышленники.

К этим властвующим группам примыкали многочисленные шайки так называемых «борцов за истинную веру», готовых на любую подлость: сыщиков, заплочных дел мастеров и палачей, кормившихся службой господам инквизиторам и за счет их жертв удовлетворявших свои низменные потребности.

Так было! От правды никуда не спрячешься! По самым приблизительным подсчетам, примерно за 200 лет (в XV—XVII веках) в Европе казнили около 10 миллионов «ведьм», в среднем, по 50 тысяч в год.

Но вернемся к нашей теме. Она похожа на дела давней эпохи и позволяет понять сущность недавней истории.

* * *

Сталинская инквизиция зарождалась постепенно, со второй половины 1920-х годов. Великим инквизитором Страны Советов стал «отец всех народов», руководитель правящей партии большевиков — ВКП(б) Иосиф Виссарионович Сталин (Джугашвили), в прошлом выпускник духовной семинарии. По-видимому, в свое время он хорошо изучил историю религии.

К своей цели он шел постепенно, маленькими шажками. Но цель, к которой он стремился, всегда была одной и той же — полная власть над громадной страной и всемирным коммунистическим движением. Он постепенно собирал вокруг себя единомышленников, готовых на все ради власти и связанных с ней привилегий. Им было все равно против кого бороться. Лишь бы быть у власти и грести дивиденды.

В книге я подробно описал борьбу Сталина со своими конкурентами в борьбе за власть.

Папа Иннокентий VIII объявил своей целью борьбу с инакомыслием, служителями дьявола и этим запугал народ и твердо держал в своих руках бразды правления.

Сталин объявил дьяволом Троцкого, а всех его фактических или потенциальных сторонников — его служителями. Постепенно всех, кто был хоть в чем-то не согласен с генеральным секретарем, объявили его противниками, то есть троцкистами, служителями дьявола. В конце концов даже сам большевизм, как движение, взрастившее его и поднявшее на высоту первого лидера, Сталин негласно счел дьявольским порождением и сверг. В названии руководимой им партии слово «большеви́стская» было упразднено.

Напомню, что к середине 1930-х годов вокруг Великого советского инквизитора собралась группа лично подобранных им соратников по искоренению инакомыслия в советском обществе. Только служба дьяволу (инакомыслие) стала называться иначе. Обвиняемых в этом преступлении теперь именовали «врагами народа» и «троцкистами». А все остальное шло по отработанной схеме Папы Иннокентия VIII, разве что с некоторыми усовершенствованиями.

Я уже писал выше, что для борьбы с «врагами народа» в 1935 году была создана Особая комиссия по безопасности при

высшем партийном органе — Политбюро ЦК. В нее вошли самые верные опричники генсека: Молотов, Каганович, Жданов, Ворошилов, а также Ежов, Маленков и Шкирятов, не являвшиеся тогда даже кандидатами в члены Политбюро. Руководителем этой комиссии Сталин назначил самого себя.

Позже, в начале 1937 года, когда Сталин уже добился всей полноты власти в партии и стране, он переименовал эту комиссию в Малое Политбюро, которое и решало все вопросы внутренней и внешней политики СССР, партии и международного коммунистического движения.

Остальные члены Политбюро ЦК и члены самого ЦК превратились в простых статистов, беспрекословно одобрявших все решения Малого Политбюро.

Исполнительным органом советской инквизиции стало Главное управление государственной безопасности (ГУГБ) НКВД. Н.Н. Ежов и его заместитель М.П. Фриновский были главными заплечных дел мастерами Малого Политбюро.

Вот некоторые данные. Из 139 членов и кандидатов в члены ЦК ВКП(б), избранных на XVII съезде партии (1934), в 1936—40 гг. были репрессированы 104, в том числе из 71 члена ЦК — 44 человека, из 68 кандидатов в члены ЦК — 60 человек. Все они обвинялись в инакомыслии, то есть были объявлены врагами народа, служителями дьявола.

Если арестованные не сразу соглашались давать «добровольные» показания, то главные члены Малого Политбюро Сталин, Молотов и Каганович давали прямые указания Н. Ежову, члену Малого Политбюро и наркому НКВД «бить и бить» неподдающихся*. Что, конечно же, выполнялось с должным усердием.

В своем докладе на XX съезде партии Н.С. Хрущев сообщил, что только Н. Ежов отправил на утверждение Политбюро 383 списка, включавшие фамилии многих тысяч лиц, подлежащих уничтожению. Из них Молотов подписал 373 списка, Сталин — 362, Ворошилов — 195, Каганович — 191, Жданов — 177. Причем Сталин никогда не подписывал ни один список в одиночку, а требовал, чтобы его подписали и другие члены Малого Политбюро. В народе это называется круговой порукой.

В Особой папке Секретариата Сталина находятся 11 томов списков, утверждающих приговоры высшим работникам партийно-государственного аппарата и Коминтерна, где значатся имена арестованных коммунистов. Из них 38848 были приговорены

* См. «Исторический архив», 1993, № 3, с. 88.

к расстрелу, еще 5498 к лишению свободы и в своем большинстве погибли в лагерях*.

Донесения и сводки, которые Н. Ежов и В. Ульрих посылали Сталину, содержали точный учет всех лиц, подвергавшихся политическим репрессиям и уничтожению.

Так, В. Ульрих сообщил И. Сталину, что за период с 1 октября 1936 по 30 сентября 1938 г. Военная коллегия Верховного Суда СССР и выездные сессии Военной коллегии на местах осудили 36157 человек, из которых 30514 были приговорены к расстрелу**.

Вообще, по данным Генеральной прокуратуры СССР, в 1935—1953 г. в СССР были расстреляны 688 тысяч человек (!), включая почти весь актив Коминтерна.

* * *

Состав высшего органа сталинской инквизиции (Малого Политбюро) я уже привел выше.

В аппарате Ежова главные роли играли Агранов Я.С., Берман М.Д., Бельский Л.Н., Жуковский С.Б., Заковский Л.М., Курский, Николаев-Журид Н.Н., Панкратов, Рыжов М.И., Фриновский М.П., Чернышев В.В. Все они — «бешеные псы» сталинской инквизиции.

Дела Коминтерна, КИМа, МОПРа, наркоматов Иностраных дел и Внешней торговли, а также издательства «Иностранная литература» фабриковали в 1937—38 г. сотрудники 9-го отделения 3-го отдела (контрразведки) НКВД. Именно они, по программе и спискам Малого Политбюро — Особой комиссии по безопасности, занимались истреблением ведущих руководителей всемирного коммунистического движения. Вот их фамилии:

Апресян, Власов, Волинский, Гнедич, Есипенков, Ефимов, Зуев, Илицкий, Кондрашин, Лангфанг, Либенсон, Листенгурт, Минаев, Нейдеман, Николаев, Новобратский, Осмоловский, Полячек, Радин, Романов, Руш, Тимошенков, Трифонов, Ушаков, Фомичев, Хотинский, Чижов, Шварцман, Ширманов.

Что касается членов Военной коллегии Верховного Суда СССР, завершавших внешнее оформление карательных акций Сталина, то они остались в тени на XX съезде партии. Эта команда нигде не упоминалась. Бессменным руководителем Военной коллегии был Василий Ульрих, армейский юрист 1-го ран-

* См.: В. Роговин «Реабилитация», с. 13, 39.

** См.: Д. Волкогонов «Триумф и трагедия». — М.: 1991, кн. 1, с. 522.

га. Он скончался в 1955 году. Судьба его сподвижников мне неизвестна. Но имена некоторых из них я оглашу. Народ должен знать имена своих палачей!

Это корпусные, дивизионные и бригадные военюристы Батлер А., Буканов В., Голяков И., Горячев А.Г., Дмитриев Я., Козлов И., Колпаков, Кондыбин, Кондратьев, Костюшенко А.Ф., Клипин Ф., Матулевич И., Никитченко И.Г., Рычагов Н., Суслин А., Цевлев Б.

Государственным обвинителем на всех открытых публичных процессах был Генеральный прокурор СССР А.Я. Вышинский.

Государственным обвинителем на большинстве закрытых судилищ, проводимых в здании самой коллегии Верховного Суда на Лубянке, в Лефортовской и Сухановской тюрьмах, в «Матросской тишине» и «Бутырке», а также на выездных заседаниях Военной коллегии был, вплоть до своей собственной казни, заместитель генпрокурора СССР, главный военный прокурор Н.С. Рогинский, тоже оказавшийся «врагом народа».

Эти имена я узнал, просматривая следственные дела своего отца и его товарищей по несчастью. Конечно, большинства из них уже нет в живых. Но знать палачей своего народа следует каждому.

* * *

Теперь приведу список руководителей международного коммунистического движения, руководящих работников аппарата Коминтерна и актива зарубежных компартий, а также людей, связанных с ними тесными служебными отношениями, ставших жертвами сталинской инквизиции как на территории СССР, так и за его пределами.

ВКП(б): А. Абрамов-Миров, Г. Алиханов, В. Антонов-Овсеенко, Х. Артузов (Фраучи), Я. Берзин (Кюзис Петерис), Я. Берзинь, Х. Боев, М. Бородин (Грузенберг), С. Брике, А. Бригадер, О. Брант, В. Будих, Н. Бухарин, Б. Васильев, Я. Волк, В. Вуйович, В. Вильгельмсон, С. Гессен, Л. Гейкис, Л. Геллер, Г. Гериш, С. Гессен, М. Грольман, А. Гримберг, А. Добровольская, Г. Домбаль, Я. Жигур, С. Закс, Г. Зиновьев, Зорин (Гомбар), Б. Идельсон, Г. Каминский, В. Каспарова, Л. Каменев, Л. Карахан, М. Кедров, В. Кнорин, Ф. Коричонер, И. Когальницкий, Н. Крестинский, М. Крепс, В. Кривицкий, Н. Кубяк, Б. Кун, В. Кучимов, К. Ландау, П. Лапинский (Я. Лавинсон), В. Лидер (Фейнштейн), А. Лонгва, Б. Мельников, П. Миф, И. Мондок, Н. Маршак, А. Мартынов (Пиккер), Ф. Махарадзе, Г. Мусабеков, Н. Насонов, В. Никольский (Нейман), Н. Осинский-Оболенский, Д. Пет-

ровский (М. Гольдфаб), П. Петровский, Ф. Петров (Раскольников), П. Попов (Ловицкий), Е. Преображенский, И. (Осип) Пятницкий, К. Радек, Я. Радзутак, Х. Раковский, В. Раков, М. Рафес, А. Рыков, Д. Рязанов, Г. Сафаров, А. Смирнов, Г. Смолянский, Г. Сокольников, Я. Стен, С. Сиротинский, Г. Скалов (Синани), О. Тарханов, С. Темкин, М. Трилиссер-Москвин, Л. Троцкий, И. Уншлихт, С. Уншлихт (Осинская), С. Фирин (Пупко), Н. Филатов, Н. Фокин, Б. Фрейер, М. Фрумкина, Е. Цейтлин, В. Чемоданов, М. Черномордик, И. Чернин, И. Цивцивадзе, Л. Шацкин, О. Штейнбрюк, Б. Шумяцкий, П. Шубин-Виленский, Я. Цируль...

Компартии Австрии и Германии: А. Альберт, Э. Арнольд, В. Банк, Ф. Брауде, В. Будих, Ф. Вольф (Раков), Э. Воленберг, Гартман (Бенц), Ф. Геккерт, В. Гирш, Ф. Глаубауф, Э. Гопфгартен, Б. Гутман, Гюнтер, М. Гранде (Г. Вагнер), В. Диттенбендер, Зауреланд, Х. Зюскинд, Ф. Квиттнер, Г. Киппенбергер, Г. Клиnger, Контон, Купферштейн, Г. Курелла, Р. Лео, Я. Локер, Г. Меринг, В. Мюллер, К. Мюллер, В. Мюнценберг, Э. Небенфюр, К. Неберфюр-Шлид, Г. Нейман, Отвальд, О. Парме, И. Рейсс (Л. Порецки), Г. Реммеле, Е. Ринг-Геринг, Я. Страуян, В. Тель, О. Унтер, Ф. Фальк, Ф. Феенгард, А. Флиг, Формайстер, А. Хюпнер, Цандер, П. Шербер, Н. Штейнбергер, В. Штеккер, Ф. Шуберг, Г. Шуберт, Ф. Шульте, Г. Эберлейн, А. Эклунд, А. Эттерер, К. Янсон (Джонсон)...

Компартия Болгарии: Р. Аврамов, А. Володин, Г. Валиев, П. Искров, Ф. Козовская, Попов, С. Спасов, Стоянов, Б. Стомяков, Танев, И. Терзиев, Р. Янчев...

Компартия Венгрии: Ф. Байаки, Д. Боканьи, Ш. Ваги, П. Гайду, Г. Гериш, Ф. Густы, Я. Журид, Ф. Карикаш, Б. Касони, Й. Кельн, Ф. Крейчи, А. Крейчи, И. Кун, Т. Малли, И. Рабинович, Ш. Радо, Л. Мадьяр, Л. Мильгорф, Б. Санто, Ш. Сабодаш...

Компартия Италии: О. Бенарио-Гутман, Б. Глан, Э. Пуллузо, Раозино, А. Ринчино, Д. Синчино (Элбэгдорж)...

Компартия Китая: Гоу-Шаотан (А. Крымов), Цюй-Цюбо (Страхов)...

Компартия Латвии: А. Аппен, Г. Альфред, Я. Ашневиц, Г. Бар, Я. Буркенфельд, Я. Берзин (К. Берзиньш), Я. Брони, И. Быков, А. Витолин, А. Гайлис, Я. Круминш, Е. Рей, А. Стигга, Э. Юревич, А. Эклунд, Л. Юревич, В. Янберг, К. Янсен (Джонсон)...

Компартия Литвы: З. Ангаретис, Б. Базаров, В. Гришкялис, З. Зембровский, А. Идловский, Ю. Мазель, Е. Тауткайте,

Е. Пажела, Я. Тылтень, И. Фельдинер, П. Эйдукавичус, А. Мескупас...

Компартия Монголии: В Монголии «чистку партии» производил московский ставленник Х. Чойболсан, под прямым руководством и контролем начальника ГУГБ НКВД СССР М.П. Фриновского. По некоторым данным, он уничтожил более половины моногольских коммунистов.

Компартия Польши: Л. Барош, Я. Белевский, В. Богутский, А. Борович, Б. Бортновский-Бронковский, М. Бронский, С. Будкевич, Х. Валецкий, А. Варский-Варшавский, А. Витковский, Г. Генриховский, А. Глан, И. Гржетич, Ф. Гружелский, Г. Грузинский, Ф. Грельшак, Ф. Гружигожевский, В. Дедушек, Г. Домбаль, С. Жбиковский, И. Зильберг, С. Залесская, А. Иодловский, Х. Каминский, М. Кобецкий, В. Костшева (М. Кошутская), А. Краевский (В. Шейн), П. Крастынь, С. Круликовский, Ю. Ленский-Лещинский, В. Лендер, Я. Левинсон (Лапинский), М. Логановский, А. Малецкий (Рубинштейн), М. Максимов, Ю. Погань (Д. Пеппер), Э. Прухняк, Я. Пашин, И. Рыльский-Любинецкий, А. Славинский (Гиршфельд), Я. Сосновский, А. Сташевский, С. Узданский, В. Фейнштейн, А. Фридман, Е. Чешско-Сохальский, М. Штерн, И. Эйзенберг, Б. Янковский...

Компартия Румынии: А. Будулеску, И. Дическу, А. Доброжану-Геря, А. Паукер, М. Чобан (Е. Филипович)...

Компартия Финляндии: Т. Антикайнен, Н. Варталайнен, Э. Гюллинга, А. Куусинен, К. Маннер, Х. Мауно, И. Мякинен (М. Штейн), Г. Ровно, А. Шотман, М. Хеймо...

Компартия Эстонии: Я. Аболтынь, Я. Анвельт, О. Мартынсон, Р. Меринг, Г. Пегельман, К. Римм, К. Тикк, Х. Туммельтау...

Компартия Югославии: С. Маркович, М. Горкич, Милетич, М. Филипович, Ф. Филипович (Б. Башкевич), В. Чопич...

Это, конечно, не полный список репрессированных деятелей Коминтерна, а только тех, о судьбах которых мне хоть что-нибудь удалось узнать. Я прошу прощения, если ошибся и неправильно указал принадлежность кого-либо из указанных лиц к той или иной компартии, так как это часто менялось по условиям их работы. Некоторые представители иностранных компартий принимали советское гражданство и вступали в ВКП(б), а советские коммунисты, уезжая по заданию руководства Коминтерна за границу на конспиративную работу, меняли свои фамилии на псевдонимы и под ними работали в зарубежных компартиях.

4. Печатные работы И.А. (Осипа) Пятницкого

- **Записки большевика.** Книга издавалась в 1925, 1931, 1933, 1936, 1956 гг., вошла в сборник избранных воспоминаний и статей в 1969 г*.
- **Из далекого прошлого.** В сборнике «Искровский период в Москве» (1928); в журнале «Пролетарская революция» № 2, 1933; в сборнике «Воспоминания о 2-м съезде партии» (1934, 1959).
- **Некоторые моменты борьбы за созыв 3-го съезда РСДРП(б).** Журнал «Большевик», 1934, № 9, с. 17—26.
- **РСДРП(б). Пражская конференция, 18—30 января 1912 г.** Сборник статей и материалов под редакцией О. Пятницкого. (М., 1937).
- **Величайший этап в истории большевизма** (к 25-летию пражской конференции). Журнал «Партийное строительство», 1937, № 2, с. 37—43.
- **Задачи профессиональных союзов.** (М., 1917).
- **Что такое социализм.** Петроград, 1917; Москва, 1918—1919.
- **Республика Советов.** (М., 1918).
- **Воспоминания об Октябрьских днях в Москве.** «Вестник путей сообщения» № 18, 1919; «Железнодорожник» № 17, 1927.
- **Организация советской власти на местах.** (М., 1920).
- **Глава из воспоминаний о рабочем железнодорожном районе.** В сборнике «Октябрьские дни в Сокольниках» (Москва, 1922).
- **Викжель до, во время и после Октябрьских дней.** В сборнике «Путь к Октябрю» (Москва, 1923); «Железнодорожник» № 1, 1923.
- **Из моей работы в Московском комитете.** В сборнике «От февраля к Октябрю», выпуск 1 (Москва, 1923); в сборнике «Великая Октябрьская социалистическая революция» (М., 1957, с. 366—379); в книге «В одном строю» (М., 1967, с. 18—26).

* Многие работы Пятницкого публиковались также в переводах на языки народов СССР и иностранные. В целях экономии места они здесь не указаны. — *Прим. ред.*

- **Железнодорожный район Московской организации большевиков и массовые организации железнодорожников.** В сборнике «От февраля к Октябрю», выпуск 1 (Москва, 1923, с. 113—120).
- **Железнодорожный район Московской организации РКП(б).** В сборнике «Железнодорожники и революция» (1923, 1925).
- **Викжедор (Всероссийский Исполнительный комитет железнодорожников).** Статья в Малой советской энциклопедии, 1930, том 2, с. 143—144.
- **Октябрь в Москве. Книга об Октябрьском вооруженном восстании в Москве.** Рукопись утрачена при аресте автора в 1937 году. Отдельные ее главы были напечатаны в журналах.
1) Подготовка большевиками Октябрьского восстания в Москве. «Историк-марксист», 1935, № 10, с. 14—34; 2) Из истории Октябрьского восстания в Москве. «Историк-марксист» №№ 4, 5, 6, 1935; 3) Московские рабочие в Октябрьские дни. «Борьба классов» № 7—8, 1934; 4) Создание органов Советской власти в Москве. «Борьба классов» № 11, 1934, с. 22—29.
- **Эпизоды из Октябрьских дней 1917 года.** «Молодая гвардия» № 21—22, 1931.
- **Октябрьские дни и железнодорожники.** «Железнодорожник» № 17, 1927.
- **Эпизоды из Октябрьских дней 1917 года (воспоминания).** «Молодая гвардия» № 21—22, 1931.
- **Московские большевики в Октябрьские дни 1917 года.** «Большевик» № 20—21, 1933; «Коммунистический Интернационал»* № 31, 1933. В сборнике «Избранные воспоминания и статьи О. Пятницкого» (Москва, 1969)*.
- **Пренебрежение Ильича к своей опасности и у Ленина во время его болезни.** Статьи О. Пятницкого в сборнике «О Ленине» (Москва, 1925).

* Журнал «Коммунистический Интернационал» являлся органом Исполкома Коминтерна. Его редакция избиралась ИККИ и подчинялась ему. Выходил с 1921 года на русском, немецком, французском, английском языках. После VII Конгресса Коминтерна добавилось издание на испанском языке, английское издание стало выходить раздельно для Англии и США. Объем журнала и периодичность его выпуска постоянно менялись. Но чаще всего он выходил еженедельно. Главными редакторами журнала в разное время были К. Радек, О. Куусинен, Г. Зиновьев, Н. Бухарин. Состав редакции постоянно менялся как персонально, так и численно.

- **В.И. Загорский.** В сборнике «Память погибших вождей» (Москва, 1927).
- **О Николае Баумане.** В книге «Очерки по истории революционного движения и большевистской организации в Бауманском районе г. Москвы (Москва, 1928).
- **Памяти товарища Л.Я. Карпова** (в сборнике «Лев Яковлевич Карпов»). М.—Л., 1928.
- **У Ленина в Горках.** В книге «О В.И. Ленине», том 2 (Москва, 1969).
- **Избранные воспоминания и статьи.** (Москва, 1969).
- **Условия приема в Коммунистический Интернационал.** Журналы «Коммунистический Интернационал» № 22, 1933 и «Большевик» № 12, 1933. Тремя отдельными брошюрами в 1933—1934. Как вступительная статья в сборнике «Коммунистический Интернационал (М., 1934).
- **Организационные задачи секций Коминтерна.** «Коммунистический Интернационал» № 3, 1924.
- **Итоги оргсовещаний секций Коммунистического Интернационала.** «Коммунистический Интернационал» № 4, 1925.
- **Кризис в Чехословацкой партии.** «Коммунистический Интернационал» № 4, 1925.
- **Ко второму оргсовещанию секций Коминтерна.** «Коммунистический Интернационал» № 2, 1926, с. 55—66.
- **О втором оргсовещании.** «Коммунистический Интернационал» № 7, 1926, с. 89—105.
- **Французские правые и оргвопрос в КПФ.** «Коммунистический Интернационал» № 7, 1926.
- **Вопросы партстроительства в секциях Коминтерна.** (Москва, 1926, 1927).
- **Достижения, недостатки и ближайшие задачи в работе секции Коммунистического Интернационала.** «Коммунистический Интернационал» № 16, с. 29—42; № 18, с. 27—35; № 19, с. 16—25; № 20, с. 36—44 (1927 г.)
- **Как ультра-левые и социал-демократы «критикуют» КПГ.** «Коммунистический Интернационал» № 42, 1927, с. 18—26.
- **Организационная работа в компартиях капиталистических стран.** (Москва, 1927, 1929).
- **Проблемы организационного закрепления идеологического влияния компартий капиталистических**

- стран. «Коммунистический Интернационал» № 36, с. 18—25, № 43, с. 27—37, 1928; «Коммунистическая революция» № 16, 1928, с. 36—48.
- **Партийное строительство. Организационная политика партии. Ячейка и ее работа.** (1928).
 - **Об организации неорганизованных.** «Коммунистический Интернационал» № 23—24, 1928.
 - **Некоторые проблемы международного профдвижения.** «Коммунистический Интернационал» № 32—33, 1925. Брошюрами «**Очередные задачи международного профдвижения**» (1930) и «**Проблемы международного профдвижения**» (1930).
 - **Консолидация компартий и причины недостаточного закрепления растущего политического влияния секций Коминтерна.** «Коммунистический Интернационал» № 18, с. 7—26, № 19—20, с. 93—108, 1930. Отдельной брошюрой «**Компартии за работой**» (1930).
 - **К V Конгрессу Профинтерна.** «Коммунистический Интернационал» № 23, 1930.
 - **Все секции Коммунистического Интернационала могут и должны стать действительно массовыми партиями.** «Коммунистический Интернационал» № 24, 1930, с. 12—22. Брошюрой «**Коминтерн за работой**» (1930).
 - **Германия. Коммунистическая партия Германии.** Статья в Малой советской энциклопедии, 1930, том 2, с. 470—474.
 - **Очередные задачи международного профдвижения.** (1930).
 - **Проблемы международного профдвижения** (1930).
 - **Безработица в обстановке нынешнего мирового экономического кризиса и задачи компартий и революционного профдвижения.** «Коммунистический Интернационал» № 22, с. 13—33, № 23, с. 20—29 (1931). Брошюрой «**Мировая безработица и задачи коммунистов**» (1931).
 - **Некоторые неотложные вопросы компартий и революционного профдвижения в капиталистических странах** (речь на XI Пленуме ИККИ). «Коммунистический Интернационал» № 15, 1931, с. 24—27. В журнале «Большевик» № 10, 1931 под названием «**О работе братских**

- компартий и красных профсоюзов среди безработных».** Брошюрой «**Неотложные вопросы**» (о работе ячеек компартии и групп красных профсоюзов и профорганизаций на предприятиях Западной Европы и Америки и среди безработных) (1931).
- **Существуют ли независимые профсоюзы?** (выступление на Исполбюро Профинтерна 11—18 августа 1931 г.). «Коммунистический Интернационал» № 28, с. 58—64; «Красный интернационал профсоюзов» № 17—18, с. 51—54, 1931.
 - **Мировая безработица и задачи компартий.** (М., 1931).
 - **Компартии на пути большевизации.** Большевизация коммунистических партий капиталистических стран посредством преодоления социал-демократических традиций (доклад на совещании преподавателей партстроительства в международных комвузах). «Коммунистический Интернационал» №№ 11, 12 и 13; «Большевик» № 9—10, 1932. Три брошюрами в 1932 г.
 - **Революционный подъем, отставание компартий и их задачи** (речь на XII Пленуме ИККИ). «Коммунистический Интернационал» № 25—26, 1932; «Большевик» № 19—20, 1932; «Красный интернационал профсоюзов» № 21—22, 1932. Брошюрой (М., 1932).
 - **О работе компартий Германии и Франции и о задачах коммунистов в профдвижении** (речь на XII Пленуме ИККИ). «Коммунистический Интернационал» № 27, 1932. Брошюрой (1932).
 - **К перевыборам правлений реформистских профсоюзов и фабзавкомов в Германии.** «Коммунистический Интернационал» № 6, 1932.
 - **Компартии капиталистических стран в борьбе за единый фронт.** «Коммунистический Интернационал» № 9, 1933; «Коммунист» № 7—8, 1933.
 - **Компартии в борьбе за массы** (речь на XIII Пленуме ИККИ 02.12.1933 г.). «Коммунистический Интернационал» № 36, 1925, с. 51—80; «Красный интернационал профсоюзов» № 1—2, 1934, с. 11—29. Брошюрой «**На борьбу за большинство рабочего класса**» (1934).
 - **Мировой экономический кризис, революционный подъем и задачи компартий капиталистических**

- стран. «Большевик» №№ 4, 7—8, 1933; «Коммунистический Интернационал» №№ 10—12, 1933. Три брошюры в 1933 г.
- **О современном положении в Германии** (доклад в Ленинской школе 11.04.1933 г.). «Коммунистический Интернационал» № 9—10, 1933, «Большевик» № 10—11, 1933. Три брошюры в 1933 г.
 - **Еще раз о работе в фашистских и реформистских профсоюзах** (речь на расширенном заседании Исполбюро Профинтерна 16.12.1933 г.). «Коммунистический Интернационал» № 4, 1934; «Красный интернационал профсоюзов» № 3—4, 1934.
 - **Вопросы международного профессионального движения. Единый фронт профсоюзов** (к VII Конгрессу Коминтерна). Стенограмма доклада на общем собрании коммунистов в Профинтерне. «Правда» № 285, 1934. «Коммунистический Интернационал» № 30, 1934; «Большевик» № 8, 1934; «Красный интернационал профсоюзов» № 19, 1934.
 - **В борьбе за мировую Советскую власть** (15 лет Коммунистического Интернационала). «Коммунистический Интернационал» № 7—8, 1934; «Большевик» № 3—4, 1934. Двумя брошюрами в 1934 г.
 - **Что дала фашистская диктатура широким слоям Германии** (речь на совещании редакторов коммунистических газет). «Правда» от 5 августа 1934 г. «Коммунистический Интернационал» № 15, 1934.
 - **Положение в Германии и некоторые вопросы единого фронта** (события в Германии 30.06.1934 г. и работа компартии Германии). «Коммунистический Интернационал» № 22, 1934.
 - **Итоги фашистской диктатуры в Германии** (экономическое и политическое положение). «Коммунистический Интернационал» № 23—24, 1934.
 - **15 лет Коммунистического Интернационала**. «Коммунистический Интернационал» № 7—8, 1934.
 - **Второй Конгресс Коминтерна**. Сборник под редакцией О. Пятницкого, В. Кнорина и Д. Мануильского. Партиздат, 1934.
 - **О фашистской диктатуре в Германии**. «Коммунистический Интернационал» № 25, 1934. В сборнике «Комму-

нистический Интернационал в документах». ИМЭЛ, 1934. Двумя брошюрами в 1934 г.

- **Новое в международном рабочем движении** (установление единого фронта). Газета «Правда» № 120, 1935.
- **Из практики борьбы коммунистов за единый фронт.** «Коммунистический Интернационал»* № 20—21, с. 26—46; «Большевик» 1935, № 12, с. 1—29 (под названием «**О едином фронте**»). В сборнике «Избранные воспоминания и статьи» (М., 1969).
- **Что обещали и что дали германские фашисты.** (Москва, 1935).
- **Принудительный труд, фашизм и организация безработных на основе единого фронта** (речь на VII Конгрессе Коминтерна 4 августа 1935 г.). Двумя брошюрами в 1935 г.
- **В какой обстановке международный пролетариат встречает 1 мая** (из беседы с агитаторами московских предприятий 27 марта 1935 г.). «Спутник агитатора», 1935.

5. Краткие биографические справки о персонажах этой книги*

АБРАМОВ (Миров-Абрамов) Александр Лазаревич (1895—1937)

Один из руководителей советской военной разведки. Большевик с 1916. Видный деятель Коминтерна. Родился в Москве, в купеческой семье. Получил образование в Германии. Участник Февральской и Октябрьской революций в Москве. С 1921 на дипломатической и коминтерновской работе в Берлине.

С 1926 зав. отделом международных связей (ОМС) ИККИ. С ноября 1935 зам. зав. службы связи ИККИ. С 5 сентября 1936 в IV (Разведывательном) управлении Генштаба РККА помощник начальника управления, руководитель испанского направления. 21 мая 1937 арестован, 25 ноября расстрелян. Реабилитирован посмертно.

АБРАМОВИЧ (Альбрехт, Четуев) Емельян Абрамович (1888—после 1961)

Родился в крестьянской семье на юге Украины. В 1908 вступил в партию большевиков. В 1911 эмигрировал. Жил в Швейцарии, в Женеве. В эмиграции работал на заводах и в мастерских, учился на медицинском факультете Женевского университета, но не закончил его. Активный участник швейцарского молодежного социалистического движения. После Февральской революции вернулся в Россию. Был ответственным организатором Охтинского района Петрограда. Работал в Петербургском, Одесском, Севастопольском комитетах партии большевиков. С августа 1917 служил в 49-м запасном полку в Одессе. Там же был избран в президиум Одесского Совета. В октябре 1917 член ревкома и боевого штаба в Одессе, затем агитатор на румынском фронте. С началом гражданской войны начальник и военный комиссар отряда Московского ВО, затем на Чехословацком и Деникинском фронтах. После основания Коминтерна — уполномоченный по романским странам.

С 1920 на нелегальной работе во Франции, в Австрии, Чехословакии. В январе 1921 участник Турского съезда французской ком-

* Слово «год», а также сокращения «г.» и «гг.» для экономии места опущены.

партии под псевдонимом Залевский. Был арестован в Ницце. Затем находился в Италии, где тоже был арестован по так называемому «делу ЧК». С 1921 секретарь советского посольства в Таллине, затем в Вене. Фактически работал на Коминтерн, будучи одним из руководителей балканской коммунистической федерации и всей коминтерновской работы на Балканах. В 1924—25 инструктор Екатеринославского губкома партии. В 1925—26 зав. ОМС ИККИ. С сентября 1926 референт Орготдела ИККИ, затем до 1931 уполномоченный Коминтерна в Китае. С 1932 на партийно-педагогической работе. С 1961 на пенсии, жил в Лиепае (Латвия).

АНВЕЛЬТ Ян Янович (1884—1937)

Из крестьян. Большевик с 1907. В 1912 окончил юридический факультет Петербургского университета. В 1917 — председатель Нарвского временного ревкома и совета, член Ревельского и Северо-Балтийского комитетов РСДРП(б). Делегат II Всероссийского съезда Советов. С августа 1917 председатель исполкома Советов Эстляндского края, с октября член ВРК. С февраля 1918 военный комиссар Северо-Западной области, с апреля 1918 нарком по делам национальностей Северной области.

Летом 1918 окончил курсы комсостава РККА в Петрограде, в октябре-ноябре помощник командира батареи на Восточном фронте. С ноября 1918 член Временного Эстляндского ревкома, председатель и заведующий военным отделом Эстляндской трудовой коммуны. С декабря 1918 по декабрь 1919 военком 6-й, затем 2-й стрелковых дивизий. С августа 1919 член Загранбюро Эстонского ЦК КП. С октября 1919 комиссар армейской группы. В феврале 1920 — феврале 1921 начальник Петроградского укрепрайона.

Делегат III Конгресса Коминтерна. С 1921 на партийной и военной работе. Руководитель компартии Эстонии. Член Польско-Прибалтийского Лендерсекретариата ИККИ, затем член ИКК Коминтерна. В 1937 арестован, убит на допросе. Посмертно реабилитирован.

АНГАРЕТИС (Алекса) Зимас Ионович (1882—1940)

Из крестьян. В партии большевиков с 1906. В 1902—04 учился в Варшавском ветеринарном институте. В 1917 член Петербургского комитета РСДРП(б), делегат 7-й (апрельской) Всероссийской конференции и VI съезда РСДРП(б). С октября 1917 член Центрального бюро литовских секций при ЦК РСДРП(б), участник Октябрьского вооруженного восстания. С декабря 1917 зам. комис-

сара по литовским делам при Наркомнаце. Примыкал к «левым» коммунистам. С ноября 1918 в партийном подполье Вильно, с декабря член ЦК КП Литвы. В декабре 1918 — феврале 1919 нарком внутренних дел Советской Литвы, в феврале-июле 1919 — Литовско-Белорусской ССР. Автор проекта конституции Лит-Бел. ССР. С мая 1919 в Двинске уполномоченный ЦК КП Литвы и Белоруссии по организации связи с партийным подпольем Литвы. В июле-августе 1920 член Виленского ВРК, с сентября 1920 по 1921 секретарь Загранбюро компартии Литвы. С 1921 представитель компартии Литвы в ИККИ, в 1926—35 секретарь ИККИ. В 1937 арестован, в 1940 расстрелян. Посмертно реабилитирован.

АНТОНОВ-ОВСЕЕНКО Владимир Александрович (1884—1939)

В революционном движении с 1901. Активный участник Октябрьской революции 1917. Член коллегии наркомата по военным делам, затем командующий войсками Украины, член Коллегии Наркомата внутренних дел, зам. председателя Малого Совнаркома. В октябре 1918 поездка по особому поручению В.И. Ленина в Берлин. В 1922—24 начальник Политуправления Красной Армии. В 1924 глава комиссии по заключению с Китаем соглашения о КВЖД. В 1924—28 полпред СССР в Чехословакии; в 1928—30 полпред в Литве; в 1930—34 полпред в Польше; в 1934—36 — прокурор РСФСР; в 1936—37 генеральный консул СССР в Барселоне (Испания). С 1937 нарком юстиции РСФСР. Репрессирован. Реабилитирован посмертно.

АНЦЕЛОВИЧ Наум Маркович (1888—1952)

С 1919 на профсоюзной и советской работе. С 1921 член Средне-Европейского бюро Профинтерна, участник II и IV Конгрессов Профинтерна. С 1928 член Исполнительной комиссии Профинтерна. С 1931 на партийно-хозяйственной работе. В 1927—34 кандидат, с 1939 член ЦК ВКП(б).

АРАЛОВ Семен Иванович (1880—1969)

В революционном движении с 1903. В годы Гражданской войны политработник Красной Армии, член РВС Республики. В 1918—20 начальник Регистрационного (разведывательного) управления Полевого штаба РВС. В 1920—21 полпред РСФСР в Литве; в 1921—23 советский полпред в Турции, в 1923—25 в Латвии; в 1925—27 член Коллегии НКВД СССР; с 1927 член Президиума,

заведующий иностранным отделом ВСНХ СССР, затем член Коллегии наркомфина. С 1938 зам. директора, потом директор Государственного литературного музея. В 1941 ушел добровольцем на фронт, участвовал в битве под Москвой. В 1946—57 на партийной работе.

АРТУЗОВ (Фраучи) Артур Христианович (1891—1937)

Выходец из семьи швейцарца-натуропата, жившего в России. Племянник М.С. Кедрова. Большевик с 1917. Окончил Петербургский политехнический институт. С 1922 руководил Контрразведывательным отделом ВЧК-ГПУ-ОГПУ. В 1930—35 начальник Иностранного отдела (ИНО) ОГПУ-НКВД. В 1935—37 заместитель начальника Разведупра Генштаба РККА. В 1937 начальник Особого бюро ГУГБ НКВД. Корпусной комиссар с 1936. Арестован 13 мая 1937, расстрелян 21 августа. Реабилитирован посмертно.

Аргунов (Воронович) Андрей Александрович (1867—1939)

Член партии эсеров, один из ее руководителей с момента создания. В 1918 член КУНУЧ и Уфимской директории, позже белоэмигрант. Активный участник борьбы против Советской власти.

БОГИНСКИЙ Валерий (Вечеркевич Антони; 1893—1925)

Польский офицер, поручик. В годы мировой войны — легионер. Член «Польской организации войсковой» (ПОВ). Участник Советско-польской войны, после которой примкнул к коммунистам. Один из руководителей Военного отдела компартии Польши. Был арестован по обвинению в организации взрыва в Варшавском университете 24 мая 1923, во время которого погиб профессор Р. Оржецкий, а также в организации взрыва в Варшавской цитадели 14 октября 1923 (произошедшего в то время, когда Богинский уже был в тюрьме). В ноябре 1923 приговорен к смертной казни, замененной пожизненным заключением. В марте 1925 польские власти решили обменять его на группу поляков, осужденных в СССР. Но 29 марта 1925 был застрелен в поезде, недалеко от пограничной станции Колосов.

БАЛАБАНОВА Анжелика Исааковна (1878—1965)

Родилась в Чернигове в семье богатого землевладельца. В 1897 уехала за границу на учебу. С 1900 жила в Италии, в 1902 вступила в Итальянскую социалистическую партию. Редактировала

партийную газету «Аванти!» (в 1912—14, 1924—35). Член ЦК ИСП (1912—16). Представитель ИСП во II Интернационале, в годы мировой войны секретарь Циммервальдского движения. В сентябре 1917 вернулась в Россию, вступила в РКП(б). В 1919 участвовала в создании Коминтерна. Была секретарем и членом бюро Исполкома Коминтерна, председателем Южного бюро ИККИ, членом коллегии НКВД Украины.

В 1922 выехала за рубеж. В 1924 исключена из РКП(б) за антисоветские заявления. Возглавляла фракцию «максималистов» в ИСП и была секретарем Интернационального бюро Революционно-социалистических партий (в Париже), в 1935 депортирована в США. В 1946 вернулась в Италию.

Балабанова пользовалась большим авторитетом как в западном социалистическом движении, так и в большевистской партии. В руководство Коминтерна ее включили по предложению Ленина. Ленин относился к ней с большим доверием и поощрял ее усилия находить общий язык с представителями разных партий, даже если они не были согласны с большевиками.

Но Председатель ИККИ Зиновьев пытался распоряжаться в ИККИ как в своей вотчине. Балабанова видела, что служит вывеской, фактически проводятся лишь те решения, на которых настаивает советская делегация. Она поняла это после ряда острых столкновений с Зиновьевым. А его главной опорой служил созданный им аппарат. Именно через него действовала советская делегация в Коминтерне. Именно этому пыталась противодействовать в ИККИ Балабанова. Так возник конфликт ее с Зиновьевым. Он обострился до такой степени, что ее уход с поста секретаря ИККИ стал неизбежным, и она ушла, навсегда покинув СССР.

БАНИК Вильгельм (Баник Мюллер, Мартин) (1800—1938)

Немецкий рабочий-печатник. В 1920—22 член СДПГ. С 1923 член КПГ. В 1919—23 служащий страхового общества в Магдебурге. С 1923 сотрудник нелегального окружного аппарата КПГ. В 1928 арестован и осужден на 30 месяцев тюремного заключения, но вскоре освобожден по амнистии.

В 1931—32 слушатель специальной военной школы в Москве. В 1932—35 сотрудник Военно-политического отдела аппарата ЦК КПГ, одновременно работал по линии Разведупра Генштаба РККА. В 1935 прибыл в Москву. До сентября 1936 работал в московской типографии «Детская литература». В октябре 1936 командирован по линии Коминтерна в Испанию. В апреле 1938 погиб в бою.

БАУЭР Отто (1882—1938)

Руководитель и теоретик левого крыла Австрийской СДП. Один из главных представителей так называемого «Австромарксизма». В годы первой мировой войны в плену в России. В 1918—19 министр иностранных дел Австрийской республики. Один из основателей и руководителей Международного рабочего объединения социалистических партий (1921—23) и Социалистического рабочего интернационала (1923—40). С 1934 в эмиграции в Чехословакии, затем во Франции.

БЕНАРИО Гутман Ольга (1908—1942)

Из семьи мюнхенского адвоката. Член КСМ Германии с 1923. Подруга Отто Брауна. Активистка коммунистического движения. Работала машинисткой в советском торгпредстве в Берлине. В апреле 1928 участвовала в организации побега О. Брауна, вместе с которым выехала в СССР.

Сотрудник Разведупра Генштаба РККА в 1930—34. Неоднократно выезжала в зарубежные командировки. В конце 1934 направлена в Бразилию в качестве помощника лидера бразильских коммунистов Луиса Престеса для организации социалистической революции в Бразилии. Арестована НКВД в марте 1936 в Москве и выдана германским властям. Погибла в концлагере.

БЕЛЕНЬКИЙ Григорий Яковлевич (Гирш Хацкелевич; 1885—1938)

В 1912—17 член пражской группы большевиков. После Октябрьской революции в 1917—25 секретарь Краснопресненского райкома партии, затем заведующий Агитпропом Исполкома Коминтерна. В 1937 арестован, в 1938 расстрелян. Посмертно реабилитирован.

БЕРГЕР Иосиф (1904—?)

Родился в Кракове. В 1920 эмигрировал в Палестину. Один из основателей компартии Палестины, позже некоторое время ее генеральный секретарь. Начиная с 1924 неоднократно приезжал в СССР. В начале 1930-х был вызван в Москву, под псевдонимом Барзилай работал в аппарат Коминтерна и по его заданию направлен в Берлин. С 1932 работал в Ближневосточной секции Коминтерна. В январе 1935 был арестован, более 20 лет провел в советских тюрьмах и лагерях. В 1956 реабилитирован, после чего уехал в Польшу, а в 1957 в Израиль. Близкий друг О. Пятницкого.

БЕРЗИН (Берзинь, Зиемелис) Ян Антонович (1881—1938)

Активный участник революционного движения в России и Латвии, член партии большевиков с 1902. В 1918—19 советский представитель в Швейцарии. В 1920 глава делегации РСФСР на переговорах с Финляндией, закончившихся подписанием Юрьевского мирного договора 1920. В феврале — июле 1921 полпред РСФСР в Финляндии; в 1921—25 зам. советского полпреда в Лондоне; в 1925—27 полпред СССР в Австрии; в 1927—32 уполномоченный Наркоминдела СССР при СНК УССР; с 1932 управляющий Центральным архивным управлением. Репрессирован. Реабилитирован посмертно.

БЕРЗИН (Петерис) Ян (Кюзис) Карлович (1889—1938)

Армейский комиссар 2 ранга (1937). Большевик с 1905. Участник Октябрьской революции в Петрограде и Гражданской войны. С декабря 1917 в аппарате НКВД РСФСР. В январе—мае 1919 — зам. наркома внутренних дел Сов. Латвии, с августа 1919 — начальник Особого отдела 15-й армии. С декабря 1920 в Разведупре РККА: начальник отдела (1920—21), зам. начальника (1921—24), начальник IV (Разведывательного) управления (1924—35, 1937). В апреле 1935 — июне 1936 зам. командующего войсками Особой Краснознаменной Дальневосточной армии. В 1936—37 — главный военный советник в республиканской армии в Испании. Награжден орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени. Арестован 27 ноября 1937, расстрелян 27 ноября 1938. Реабилитирован посмертно.

БОЕВ Христо (Федор Иванович Русев) (1895—?)

Из болгарских крестьян. В 1914 закончил школу, в том же году вступил в БСДРП («тесных социалистов»). Работал учителем в родном селе. Мобилизован в 1915. Окончил школу офицеров запаса в Софии. Поручик, командир роты. Руководитель Владайского восстания в сентябре 1918. Бежал в Советскую Россию. Сотрудник Болгарской коммунистической группы в Москве. Весной 1919 вернулся в Болгарию. В мае 1919 создал канал связи София-Варна-Одесса-Севастополь.

В октябре 1920 — июне 1921 слушатель Военной Академии им. Фрунзе. С марта 1921 по май 1939 — в кадрах IV Управления штаба РККА. В 1921—23 руководитель резидентуры Разведупра в Болгарии. В августе 1923 выехал в Югославию, затем в Австрию. В 1925 вернулся в СССР.

С февраля 1928 по 1931 — руководитель резидентуры IV Управления Штаба РККА в Стамбуле. Затем в аппарате IV Управления. С апреля 1936 — в Берлине, Париже, Шанхае. В декабре 1938 вернулся в СССР. Был репрессирован. Реабилитирован посмертно.

БОРОДИН (Грузенберг) Михаил Маркович (1884—1951)

Большевик с 1903. В 1907—18 в эмиграции в США. В 1918—22 работал в НКВД и Коминтерне в Мексике и Западной Европе. 1923—27 главный политический советник Сунь Ятсена и национального кантонского правительства Китая. Зам. наркома труда РСФСР (1927—32), зам. отв. руководителя ТАСС (1932—34), главный редактор Совинформбюро (1934—49), главный редактор газеты «Московские новости» на английском языке (1949—51). В 1951 арестован, умер в тюрьме. Реабилитирован посмертно.

БОРТНОВСКИЙ (Бронковский) Бронислав Брониславович (1894—1937)

Один из создателей и руководителей советской военной разведки. Видный деятель Коминтерна. Член СДК Польши и Литвы с 1912. Студент Политехнического института в Варшаве. В 1914 арестован, выслан в Саратов. В 1917—18 в Красной гвардии, затем в польском комиссариате Наркомнаца и органах ВЧК. Секретарь Ф.Э. Дзержинского. С 1919 на Западном фронте, зам. начальника, начальник разведотдела фронта.

В 1921—24 один из создателей и руководителей Центра советской военной разведки в Берлине. По возвращении в Москву зам. начальника IV управления ГШ РККА. С 1929 на руководящей работе в компартии Польши и Коминтерне. В 1930—34 находился в Берлине и Копенгагене.

С 1934 руководитель Польско-прибалтийского секретариата ИККИ, с 1935 года член ИККИ и кандидат в члены Президиума Исполкома Коминтерна. В 1937 арестован и расстрелян. В 1956 реабилитирован посмертно.

БРАНДЛЕР Генрих (1881—1967)

Деятель германского рабочего и коммунистического движения. Рабочий-каменщик. Член «Союза Спартака». Один из основателей, а в 1921—23 лидер КПГ. В конце 1923 отстранен от руководства партией за «правый уклон». В 1929 исключен из партии. Возглавлял так называемую «КПГ оппозиционную» и «Международное

объединение коммунистических оппозиций» (ИВКО). После второй мировой войны возглавлял группу «Рабочая политика» в ФРГ.

БРАУДЕР Эрл Рассел (1891—1973)

Деятель американского рабочего движения. Член Социалистической партии США с 1907. Один из основателей Компартии США (1921). Член ЦК. В 1927—28 работал по линии Коминтерна и Профинтерна в странах Азии. В 1930—45 возглавлял компартию США. Кандидат в члены Президиума ИККИ, член Политсекретариата ИККИ. В 1944 предпринял попытку распустить КП США и создать вместо нее «Коммунистическую политическую ассоциацию». В 1946 исключен из партии.

БРАУН Отто (он же К. Вагнер, Курт, Карл Тесс, Артур Берендт, Ли Дэ, Хуа Фу, профессор Альберт Лист) (1900—1974)

Из семьи немецкого служащего. Профессор. С 1918 член «Союза Спартак». С 1919 года в КПГ. Участник боев за Баварскую Советскую республику в 1919, мартовского (1921) путча в Средней Германии.

С 1921 на руководящей работе в нелегальном военном аппарате ЦК КПГ. Одновременно сотрудник IV (Разведывательного) управления штаба РККА. Один из руководителей разведывательного аппарата ЦК КПГ. В 1926 арестован за шпионаж в пользу СССР. 11 апреля 1928 боевики военного аппарата КПГ выкрали его из зала суда. Бежал в СССР. В 1932 закончил Военную академию им. М.В. Фрунзе, после чего военный советник Красной Армии Китая, руководил Военной академией Красной Армии Китая. В 1939 отозван в Москву.

С 1954 жил в ГДР, где работал в Институте марксизма-ленинизма.

БРИКЕ Семен Карлович (1898—1937)

С 1921 до середины 1920-х — заведующий Бюро восточной пропаганды, заместитель заведующего Восточным отделом ИККИ. В 1937 расстрелян. Реабилитирован посмертно.

БРИЧКИНА Софья Борисовна (1883—1967)

Член партии большевиков с 1903. Во время Октябрьской революции — секретарь ВРК Москвы. Затем секретарь СНК, секретарь-протоколист Политбюро ЦК, зам. зав. Секретариатом ВЦИК. В 1921—23 зам. Управделами ИККИ. В 1932—35 зам. зав. ОМС.

Позже научный сотрудник Института марксизма-ленинизма. Близкое доверенное лицо О. Пятницкого.

БРОНСКИЙ Мечислав (Браун М.И.) (1882—1941)

Польский социал-демократ, член СДКПиЛ с 1902. Партийную работу вел в Польше и Швейцарии; в годы первой мировой войны — интернационалист; был представителем польской социал-демократии на Кинтальской конференции, примыкал к Циммервальдской левой, принимал участие в деятельности швейцарских социал-демократов; с июня 1917 работал в Петрограде агитатором и пропагандистом ПК РСДРП(б); после Октябрьской революции — зам. наркома торговли и промышленности; в 1918 стоял на позициях «левых коммунистов»; с 1920 — полпред и торгпред в Австрии; с 1924 — член коллегий Наркомата финансов, Наркомата внешней торговли.

БРУН Юлиан (1886—1942)

Член социал-демократической партии Польши и Литвы с 1905. С 1908 в эмиграции. Один из руководителей Болгарской СДРП («тесняков»). В 1919 в Польше. Член компартии Польши, с 1922 член ее ЦК. Один из руководителей и главный публицист партии. С 1927 сотрудник ТАСС в Париже, Вене, Берлине. Одновременно вел активную коммунистическую деятельность. С 1941 в СССР. Умер в Саратове.

БРУН (Уншлихт) Стефания (1888—1947)

Сестра Иосифа Уншлихта. Первая жена Ю. Бруна. Член СДКПиЛ с 1903. В 1913—19 в Болгарии. В 1927—28 в Париже и Вене. Сотрудник советского торгпредства. Затем в СССР. Работала в представительстве компартии Польши в ИККИ, затем в Отделе кадров ИККИ. В 1938 арестована, но затем освобождена. В 1945 вернулась в Польшу и вступила в Польскую рабочую партию.

БУДИХ Вилли (1890—1942)

Активист германского рабочего движения, член СДПГ с 1910, с 1918 член ЦК «Союза Спартака», председатель Союза красных солдат в период ноябрьской революции 1918 в Германии. В 1920—21 в Советской России, работал среди германских военнопленных. В 1922—24 сотрудник ИККИ и МОПР.

В 1924—28 сотрудник советско-австрийской торговой фирмы. В 1928—29 работал в институте Маркса-Энгельса в Москве. В

1929—33 управделами ЦК КПГ в Берлине. В 1933 арестован нацистами, бежал из тюрьмы, прибыл в СССР. В 1934—36 секретарь Исполкома МОПР.

БУХАРИН Николай Иванович (1888—1938)

Большевик с 1906. В 1917—34 — член, в 1934—37 кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б). В 1919 член Президиума и секретарь ИККИ, с 1926 член Политсекретариата ИККИ и член Советской делегации в ИККИ. С декабря 1917 по апрель 1929 отв. редактор газеты «Правда», с февраля 1934 по февраль 1937 ответственный редактор «Известий». В 1929—30 возглавлял «правый уклон» в ВКП(б).

13 марта 1938 на процессе по так называемому «антисоветскому право-троцкистскому блоку» приговорен к расстрелу. Реабилитирован посмертно.

Ленин считал Бухарина крупнейшим теоретиком партии, и отмечал, что он законно считался ее любимцем. Он относился к тем большевикам, кто смело выступал против сталинских устремлений узурпировать власть, против искажений ленинских норм партийной жизни.

Он был человеком умным, способным и хорошо образованным, был хорошим оратором, выступал толково и остроумно, не любил закулисных интриг, был жизнерадостным и бескорыстным. Но при этом отличался взбалмошным характером.

После смерти Ленина, Бухарин оказался в центре внутривнутрипартийной борьбы, которая к тому времени приобрела особую остроту, и по существу была борьбой за лидерство в партии, на которое претендовали одновременно Троцкий, Зиновьев и Сталин. В этой борьбе Бухарин выступал на стороне Сталина, Зиновьева и Каменева. По силе своего интеллекта и уровню политической подготовки он намного превосходил каждого из них, и довольно скоро очутился в положении главного теоретика этой группы. В позиции Сталина и Бухарина было много общего. Но в дальнейшем на первый план выдвинулись их различия в подходах к коренным проблемам строительства социализма в СССР.

ВАЛЕЦКИЙ (Хорвин) Хервиц (1877—1938)

С 1921 представитель компартии Польши в ИККИ. С 1922 член Президиума ИККИ. В 1925 редактор журнала «Коммунистический Интернационал». В дальнейшем на работе в аппарате ИККИ. Репрессирован. Реабилитирован посмертно.

ВАЛЛЕНИУС Аллан Августович (1890—1942)

Швед. Член компартии Финляндии. Делегат III Конгресса Коминтерна. Участник революции 1918 в Финляндии. Работник аппарата ИККИ. С мая 1925 по 1930 представитель ИККИ в США и в Скандинавских странах. С 1930 заведующий Скандинавским отделом Коммунистического университета национальных меньшинств Запада. Репрессирован. Реабилитирован посмертно.

ВАРШАВСКИЙ (Варский) Адольф Саулович (1868—1937)

Один из организаторов СДКПиЛ. С 1907 член ЦК РСДРП(б). В 1909—10 — член редколлегии ленинской газеты «Социал-демократ». В годы первой мировой войны на подпольной работе в оккупированной Германией Варшаве. В 1918 один из организаторов польской компартии. В 20-е годы находился в подполье. В 1929 выехал в СССР, занимался историей польского рабочего движения. В мае 1937 арестован, в сентябре того же года расстрелян. Реабилитирован посмертно.

ВАСИЛЬЕВ Алексей Николаевич (1880—1941)

Большевик с 1904. С 1923 на дипломатической работе. В 1923—25 полпред и тогпред СССР в Монголии. В 1925—26 генеральный консул СССР в Мукдене (Маньчжурия). С 1926 в аппарате Восточного отдела ИККИ и на дипломатической работе.

ВАСИЛЬЕВ Борис Афанасьевич (1889—1937)

В 1925—36 политсекретарь Восточного отдела ИККИ. С 1926 заместитель заведующего, с 1928 заведующий Орготделом ИККИ. В 1937 расстрелян. Реабилитирован посмертно.

ВАЙНГАРТЕН Йозеф (?—1944)

Член компартии Германии. Служил радистом в германском флоте. Был женат на русской эмигрантке. В 1930 радист Рихарда Зорге в Шанхае. Жил в Шанхае на территории французской концессии. После 1935 в Москве, преподавал радиодело в разведшколе РККА. В 1944 заброшен в район Мюнхена, арестован Гестапо и погиб.

ВАРГА Евгений Самуилович (1879—1964)

Член партии большевиков с 1920. Деятель Коминтерна. С 1928 кандидат в члены ИККИ, член редколлегии журнала «Коммунистический Интернационал», директор института мирового хозяйства и мировой экономики, академик.

ВЕРНЕР Рут (урожденная Урсула Кучински, по первому мужу — Рут Гамбургер; по второму мужу — Рут Бертон; оперативный псевдоним «Соная») (1907—1990 ?)

Дочь крупного германского экономиста и статистика. С 1924 член КСМГ, с 1926 член КПГ. Работала в системе книгоиздательства и книготорговли. С 1928 в США, затем в Китае.

В 1930—32 сотрудничала с Р. Зорге в Шанхае. В 1933 прошла курс разведподготовки в СССР. Затем на разведывательно-диверсионной работе в Маньчжурии. С 1936 в Польше, Данциге, Швейцарии (где оказала большую помощь в создании «Красной капеллы»). В 1941—50 находилась в Великобритании, где сотрудничала с Клаусом Фуксом в «атомном шпионаже». Награждена орденами Красного Знамени в 1937 и 1969. С мая 1937 майор РККА, ушла в отставку в звании полковника. С 1950 жила в ГДР. На Западе ее считают «самой удачливой женщиной-шпионкой за всю историю мирового шпионажа».

ВЛАДИМИРСКИЙ Михаил Федорович (1874—1951)

Из семьи священника. По образованию врач. Большевик с 1903. В 1905 член МК РСДРП и Московского совета рабочих депутатов, участник декабрьского восстания. В 1906 член Московского областного бюро РСДРП(б). С 1907 в эмиграции. После февральской революции 1917 года вернулся в Россию и был направлен ЦК в Москву. С июля член Исполнительного бюро МК РСДРП(б). С 25 октября 1917 в секретариате боевого партийного центра по руководству вооруженным восстанием, член московского ВРК, член президиума московского губернского совета рабочих депутатов. Вместе с Пятницким руководил вооруженным восстанием в октябре 1917. На VII съезде РКП(б) избран членом ЦК. С 1919 член Президиума ВЦИК и зам. наркома внутренних дел. С 1922 заместитель Председателя Совнаркома и Председатель Госплана Украины, секретарь ЦК компартии Украины. В дальнейшем на различной государственной и партийной работе. В 1926—37 член Президиума ЦКК ВКП(б). В 1927—1951 член Президиума ЦИК СССР. Близкий друг О. Пятницкого.

ВИНАРОВ Иван Цолович (1896—1969)

Болгарский генерал и полковник Советской Армии. Выходец из семьи крупного землевладельца. Член Болгарской СДРП «тесняков» с 1916. Участник первой мировой войны. Активный участник Сентябрьского (Владайского) восстания 1918. Сотрудник военно-

го аппарата Болгарской компартии, занимался покупкой и похищением оружия для партии. В 1921 арестован. После ареста бежал из под стражи, эмигрировал в СССР. Занимался транспортировкой оружия из СССР в Болгарию по морю.

С 1924 сотрудник IV (Разведывательного) управления Генштаба РККА. В 1925 на нелегальной работе на Балканах. С 1926 военный советник, в 1927—29 помощник резидента в Китае. В начале 1930-х резидент в Австрии и на Балканах. В 1933—36 в СССР. Закончил Военную академию им. Фрунзе. В 1936—38 руководил нелегальной резидентурой в Париже, в 1938—41 преподаватель Военной академии им. Фрунзе. В августе-сентябре 1941 выполнял спецзадание в Турции. Участник Великой Отечественной войны. Занимался подготовкой разведчиков и диверсантов для Болгарии. Комиссар бригады особого назначения. После 1944 в болгарской армии.

ВЛАХОВ Димитрий (1878—1958)

Один из лидеров Внутренней Македонской революционной организации. После младотурецкой революции депутат турецкого парламента. С начала 1920-х активно сотрудничал с советской разведкой по переброске оружия на Балканы. В 1925—1944 член БКП. После второй мировой войны один из руководителей Социалистической Республики Македония.

ВОЙТИНСКИЙ Григорий Н. (настоящая фамилия Зархин, псевдонимы Григорьев, Григорий, Сергей, Сергеев, Тарасов) (1803—1953)

В 1920—21 представитель Иностранного отдела Дальбюро ЦК РКП(б), Секции восточных народов Сиббюро ЦК РКП(б) в Китае, член Президиума Дальневосточного секретариата Коминтерна, в 1922—23 заведующий Дальневосточным бюро Восточного отдела ИККИ, в 1923 — председатель Дальневосточного бюро Восточного отдела ИККИ, в 1924—27 (с перерывами) — представитель ИККИ в Китае. В 1926—27 председатель Дальбюро ИККИ в Шанхае. В 1927—29 на хозяйственной работе. В 1932—34 секретарь Тихоокеанского секретариата Профинтерна. С 1934 на научно-педагогической работе.

ВОЛЛЕНБЕРГ Эрих (1892—?)

Активист германского рабочего движения. С 1919 член КПГ. В 1919 участник Баварской советской республики, позже на партий-

ной работе в ряде округов. В 1923—24 оргсекретарь партийного комитета Рурской области, руководитель военно-политического отдела КПГ Юго-Западной области Германии.

В 1924—1931 в СССР: на командных должностях в Красной Армии (1924—26), сотрудник ИККИ, ИМЭЛ, издательства иностранных рабочих, преподаватель Международной Ленинской школы. С 1931 в Германии, редактор газеты «Роте Фане», инструктор Орготдела ИККИ при руководстве Союза красных фронтовиков. В 1933 исключен из партии с формулировкой: «Вел борьбу против КПГ, распространял антипартийные взгляды и клевету против руководства партии, объективно становился агентом классового врага». Репрессирован. Реабилитирован посмертно.

ВОЛЬВЕБЕР (Беренд, Антон) Эрнст (1898—1967)

Сын немецкого рабочего-социалиста. В 1915 вступил в германское социалистическое молодежное движение. Во время первой мировой войны служил во флоте. Участник восстания в Киле. Вступил в КПГ вскоре после ее создания. В 1921—24 секретарь окружного комитета КПГ земли Гессен. В 1922 — делегат IV Конгресса Коминтерна. В 1924—26 — в тюремном заключении за руководство военными организациями в Гессене, Тюрингии, Силезии. В 1927 — инструктор ЦК КПГ в Силезии, в 1927—28 секретарь окружного комитета КПГ в Силезии. В 1932—33 депутат прусского Ландтага и Рейхстага. В 1931 руководитель Революционной профсоюзной оппозиции, позже председатель общегерманского союза моряков. В 1932 (после отстранения Лео Флига) назначен оргсекретарем ЦК КПГ, одновременно работал в Западноевропейском бюро Коминтерна. В 1933 — секретарь Интернационала моряков и портовых рабочих Германии. После прихода Гитлера к власти эмигрировал в Копенгаген.

В 1934 прибыл в СССР, был инструктором по работе среди иностранных рабочих в Ленинграде. Создал и возглавил диверсионно-разведывательную службу в портах и на судах Балтийского моря, получившую название «сеть Вольвебера». В 1940 арестован в Стокгольме. Освобожден после вмешательства советского правительства. В ноябре 1944 вернулся в СССР. В 1946 выехал в Восточную Германию. В 1946—53 на руководящей работе в Департаменте транспорта. В июле 1953 — госсекретарь государственной безопасности и зам. министра внутренних дел, с ноября 1955 по ноябрь 1957 министр госбезопасности ГДР. По данным западных спецслужб, в 1945—57 руководил диверсионной работой про-

тив транспортных судов западных стран. В феврале 1958 исключен из партии «за нарушение ее устава». Умер в 1967.

ВОРОВСКИЙ (Боровский) Вацлав Вацлавович (1871—1923)

В партии с 1895. В апреле-ноябре 1917 член Загранбюро партии в Стокгольме. В 1917—19 советский представитель в Швеции, Норвегии, Дании. Выполняя поручение Ленина, вел тайные переговоры с немцами по вопросу заключения мира с Германией, в августе 1918 руководил делегацией на переговорах между РСФСР и Финляндией. В 1919 секретарь Коминтерна. В октябре 1920 председатель Российской экономической делегации в Италии. В марте-декабре 1921 вел переговоры с итальянским правительством, в 1921—23 представитель РСФСР в Италии. Одновременно секретарь делегации СССР на Генуэзской конференции 1922 года и член делегации на Лозаннской конференции 1922—23. Убит 10 мая 1923 в Лозанне белоэмигрантом М. Конради.

ВУЙВОВИЧ Войя (1895—1936)

Серб. В годы мировой войны учился во Франции. Под псевдонимом Вольф участвовал в учредительном конгрессе КИМ в ноябре 1919. Один из первых международных агентов Коминтерна, связник между Парижем, Швейцарией, Веной и Берлином. В ноябре 1920 арестован в Париже. После освобождения работал в Берлине и Москве. В 1921 на II Конгрессе КИМ избран членом Исполкома и одним из двух секретарей. В октябре-декабре 1921 представитель КИМ в ИККИ и Президиуме ИККИ. Весной 1922 член делегации Коминтерна на конференции трех Интернационалов в Берлине.

После того как В. Мюнценберг покинул КИМ, стал его генеральным секретарем. В 1924—26 член Президиума ИККИ. Ввиду участия в троцкистской оппозиции в 1926 снят с поста генерального секретаря КИМ, в сентябре 1927 исключен из Коминтерна, в январе 1928 сослан в Сибирь. В 1929 выступил с покаянием и восстановлен в РКП(б). В 1930 старший научный сотрудник Международного аграрного института. В 1931—35 референт Балканского Лендерсекретариата ИККИ. В 1935 арестован, сослан в Верхнеуральск, а позже расстрелян. Реабилитирован посмертно.

ВУКЕЛИЧ Бранко (1904—1945)

С 1924 студент Высшего технического училища в Загребе. Вступил в компартию. Арестовывался за революционную деятельность.

ность. Затем студент Академии искусств в Брно (Чехословакия). Выполнял ряд специальных заданий компартии, в том числе и курьерских.

С 1926 учился в Сорбоннском университете (Париж). Одновременно работал в типографии, печатавшей для нелегальной компартии Югославии пропагандистскую литературу. За организацию забастовки парижских типографских рабочих отбыл тюремное заключение. Затем работал в электротехнической компании графа де ля Рок, одновременно занимался журналистикой. С февраля 1933 корреспондент французского агентства «Гавас» в Японии, затем заместитель руководителя агентства в Токио. Во Франции и Японии — разведчик РККА. В 1941 арестован в Японии, осужден на пожизненное заключение. Скончался в тюрьме 13 января 1945.

ВУКЕЛИЧ Славко (?—1940)

Брат Б. Вукелича. Югославский коммунист, инженер. Во Франции помогал брату в разведывательной деятельности. Затем выехал в СССР, прошел курс специальной подготовки. С 1933 разведчик РККА. В качестве разведчика-радиста работал в Испании. После возвращения из Испании был арестован. В конце 1939 освобожден из тюрьмы, но вскоре умер.

ВЫШИНСКИЙ Андрей Януарьевич (1883—1954)

Во социал-демократии с 1903, меньшевик, являлся членом правительства Керенского, в 1917 подписал ордер на арест Ленина. В 1920 вступил в РКП(б). Один из самых злобещих фигур в политической жизни страны в 30-е годы. В 1933—35 заместитель, в 1935—39 генеральный прокурор СССР. Государственный обвинитель на московских политических процессах в 1936—38. Дал теоретическое обоснование пыткам обвиняемых. В 1940-е зам. министра иностранных дел СССР. В последние годы жизни постоянный представитель СССР в ООН.

ГАЙКИС Леон Яковлевич (1898—1937)

В 1921—22 секретарь Российско-украинско-белорусской делегации в Российско-украинско-белорусско-польской пограничной комиссии. В 1922—23 сотрудник центрального аппарата НКВД РСФСР. В 1923—24 секретарь наркома СССР по иностранным делам. В 1924—28 первый секретарь полпредства в Мексике и одновременно в 1926—27 торгпред в Мексике. В 1929—33 на ответственной работе в Профинтерне. В 1933—35 на работе в централь-

ном аппарате НКВД СССР. В 1935—36 генеральный консул СССР в Стамбуле (Турция). В 1936—37 советник полпредства, в 1937 полпред СССР в Испании. Отозван в Москву и расстрелян. Реабилитирован посмертно.

ГАЙЛИС Август Юрьевич (Валин) (1895—1937)

Латыш. Унтер-офицер, большевик с 1917, в РККА с 1918. В мае 1923 командирован из Военной академии на нелегальную работу в Германию. В 1926—27 секретарь Китайской комиссии Политбюро ЦК ВКП(б). В 1930—31 военный советник ЦК КПК. С 1937 — начальник 2-го отдела Разведупра. Комбриг. Арестован 26 июля 1937, расстрелян 26 октября. Реабилитирован посмертно.

ГАЛЛАХЕР Уильям (1881—1965)

Деятель английского и международного рабочего движения. Член КП Великобритании с 1921, член ее ЦК и Политбюро. Неоднократно избирался в состав ИККИ, член его Президиума. В 1935—50 депутат британского парламента. В 1943—56 председатель Исполкома, в 1956—63 президент БКП, с 1963 пожизненный почетный член Исполкома компартии Великобритании.

ГЕГЕЛЬШВИЛИ П.Д.

Полковник русской армии, участник Гражданской войны и борьбы с большевиками, белоэмигрант, руководитель Восточно-Европейского отдела Российского общевоинского союза (РОВС) — белоэмигрантской военной антисоветской организации.

ГЕЛЛЕР (Киарини) А.М. (1891—1935)

Родился в России. В 1916 эмигрировал в Италию, где участвовал в социалистическом движении. В начале 1920 вернулся в Советскую Россию. Послан с миссией Коминтерна в Туркестан. После возвращения работал в аппарате Коминтерна. В 1920 на II Конгрессе Коминтерна возглавлял итальянскую делегацию. Был наблюдателем во время создания ИКП в январе 1921. Вернувшись в Москву, продолжил работу в Коминтерне. После 1924 в Профинтерне.

ГЕЛЛЕР Л.Н. (псевдонимы Профессор, Профессионалист, Тарасов) (1875—?)

В 1920 председатель Совета интернациональной пропаганды в Ташкенте. В 1922—30 зав. Восточным отделом Профинтерна, од-

новременно в июне — июле 1926 член Дальбюро ИККИ, представитель Профинтерна в Дальбюро. С 1930 на преподавательской работе в Международной Ленинской школе. Репрессирован в 1937. Реабилитирован посмертно.

ГЕЛЬЦ Макс (1889—1933)

Немецкий коммунист-боевик. Рабочий. Участник первой мировой войны. С 1918 член Независимой СДПГ, с 1919 член КПГ. Исключен из КПГ за анархизм, после чего вступил в Коммунистическую рабочую партию Германии. Активный участник попытки коммунистического восстания в начале 1921. Осужден на пожизненную каторгу. В 1928 освобожден. В 1930 эмигрировал в СССР. В связи с приходом Гитлера к власти резко критиковал политику Коминтерна и руководства КПГ. Готовился к отъезду на родину. Утонул при невыясненных обстоятельствах в Подмоскowie.

ГЕНРИХОВСКИЙ Генрик (Амстердам Саул) (1898—1937)

С 1910 участник социалистического молодежного движения в Польше. В годы мировой войны студент Политехнического института Вены. Мобилизован в армию. За антивоенную деятельность арестован. В 1918—21 член еврейской социалистической организации «Поалей Цион». Возглавлял в ней левое крыло, в 1921 перешедшее в Коммунистическую рабочую партию Польши. Секретарь Еврейского бюро ЦК КРПП. В 1937 вызван в СССР, арестован и расстрелян. Реабилитирован посмертно.

ГЕШКЕ Оттомар (1882—1957)

В германском социалистическом движении с 1908. Вступил в КПГ вскоре после ее основания. Примыкал к ее левому крылу. Делегат IV и V конгрессов Коминтерна, на V избран в Президиум и Секретариат ИККИ. В 1924—33 председатель ЦК МОПР. В 1928 выступил против Э. Тельмана, в результате чего был лишен постов в КПГ. В 1933 арестован и заключен в концлагерь Бухенвальд, где находился до 1945. В 1945 вернулся в Берлин. Был президентом ассоциации жертв фашизма.

ГИПТНЕР Рихард (1901—1972)

Родился в Гамбурге. Рабочий-судостроитель. В 1919 вступил в Германскую коммунистическую молодежную лигу, в 1920—21 был ее лидером. В 1922—26 работал в КИМ. Позже выполнял различные миссии секретного аппарата Коминтерна, работал в Берлине

под руководством Г. Димитрова в Западно-Европейском бюро. В 1931 был представителем Коминтерна в Швейцарской коммунистической партии. Участник гражданской войны в Испании. Работал в Секретариате Коминтерна. В 1945 вернулся в Германию. Работал в центральном аппарате СЕПГ. Возглавлял отдел капиталистических стран в МИД ГДР. В ноябре 1955 — апреле 1958 посол ГДР в Китае, в августе 1958 — марте 1961 посол в Египте, в 1961—63 посол в Польше.

ГИРШ Вернер (1899—1941)

Участник мировой войны, моряк. Участник Ноябрьской революции в Киле. Член «Союза Спартака», затем КПГ. Публицист, журналист, редактор коммунистических газет в Германии и Австрии. С 1930 главный редактор газеты «Роте Фане». Член ЦК и руководства Союза красных фронтовиков округа Берлин-Бранденбург. С 1932 личный секретарь Эрнста Тельмана. В марте 1933 арестован, в апреле 1934 освобожден. Эмигрировал. Жил в Праге, Париже, Москве. В 1937 арестован НКВД. Скончался во время голодовки в Бутырской тюрьме. Реабилитирован посмертно.

ГИТЛОУ Бенджамен (1891—1965)

Деятель американского рабочего движения, уроженец России. Один из лидеров левого крыла Социалистической партии США. Один из основателей и руководителей КП США. В 1929 избран Генеральным секретарем КП США, но снят руководством Коминтерна с этого поста как «правый». Вместе с Д. Ловстоном в 1929 основал КП США (оппозиционную). Входил в руководство «Международного объединения коммунистических оппозиций» (ИВКО). В конце 1930-х годов отошел от рабочего движения и начал выступать с антимарксистских позиций.

ГЛАН Бетти Николаевна (1905—?)

Вдова Генерального секретаря компартии Югославии Милана Горкича. Родилась в Киеве. С 1920 работала в ревкоме, затем стенографисткой у А.В. Луначарского, в политотделе 14-й армии. Переехала в Москву. Работала на должности ответственного секретаря Главного художественного комитета Наркомпроса. С конца 1921 секретарь Французского сектора ИККИ. С 1925 секретарь русской делегации Исполкома КИМ. С 1928 — директор и художественный руководитель Центрального парка культуры и отдыха. Репрессирована. В 1954 реабилитирована.

ГОБЕРМАН Михаил Львович (1891—1986)

Член партии большевиков с 1911. В 1913 выслан за границу. В 1914 — 1917 жил в Швейцарии. По возвращении в Россию работал в Центральном бюро профсоюзов в Москве. Участник Октябрьской революции и Гражданской войны. До 1924 работал в ОМС Коминтерна, затем на хозяйственной работе. В последние годы жизни персональный пенсионер.

ГОЛЬДШТЕЙН Макс (1899—1925)

Румынский революционер, анархо-коммунист. Происходил из бедной еврейской семьи. В 14 лет вступил в организацию социалистической молодежи. После Февральской революции переехал в Одессу, работал грузчиком в Одесском порту. Примкнул к русскому революционному движению. Вступил в Красную гвардию, участвовал в боях с немецкими оккупантами под Херсоном. Во время немецкой оккупации в марте-ноябре 1918 на подпольной работе в Одессе.

Приготавливая бомбы по поручению террористической группы, при взрыве потерял руку. Несмотря на это, продолжал активно работать и вскоре вступил в коммунистическую фракцию румынской эмиграции. Узнав о занятии румынскими войсками Бессарабии, в конце 1918 пробрался в Румынию, чтобы вести революционную работу, но в 1919 был арестован и приговорен к 10 годам тюремного заключения. Бежал из тюрьмы. В 1920 участвовал в боях с белополяками и врангелевцами. В 1920 вернулся в Румынию с целью организовать покушение на министра внутренних дел Арджетояну, но покушение не удалось. Тогда Гольдштейн организовал взрыв бомбы в румынском сенате, при котором погибли министр юстиции и двое сенаторов. Ему удалось бежать и скрыться за пределами Румынии. Но в 1921 арест близких товарищей заставил его вернуться обратно в Румынию. Арестован на границе и в 1922 судился военным судом по так называемому «процессу 270». Во время следствия подвергался пыткам с целью получить признание, что взрыв был организован компартией, но Гольдштейн решительно отрицал это и доказывал, что покушение он совершил индивидуально как анархист. Приговорен к пожизненной каторге. Погиб в октябре 1925 на 57-й день объявленной им голодовки.

ГОПНЕР Серафима Ильинична (1880—1960)

Из семьи торговца. Училась на юридическом факультете женских курсов в Одессе. Член партии большевиков с 1903. Вела неле-

гальную партийную работу в Одессе, Екатеринославе, Николаеве, участник трех революций. Неоднократно подвергалась арестам. В 1910 эмигрировала, училась на литературном отделении Парижского университета, в 1916 вернулась в Россию. С 1917 — член Екатеринославского комитета РСДРП (б), депутат Совета, участница VII (Апрельской) Всероссийской конференции большевиков. В 1918 — 1928 член ВЦИК. Работала в системе Наркомпроса вместе с Н.К. Крупской. В период оккупации Украины секретарь ЦК КП(б)У, руководитель Закордонного комитета ЦК КП(б)У. В 1919 член Коллегии Наркомпроса Украины, зав. отделом. В августе 1919 — январе 1920 начальник инструкторских курсов Политуправления 12-й армии. В 1920 зав. агитпропом Екатеринославского губкома КП(б)У. В 1928—38 член ЦК КП(б)У.

В 1929—38 в Секретариате Коминтерна, заведовала Отделом агитации и пропаганды. Делегат всех конгрессов Коминтерна, кандидат в члены ИККИ. В последующие годы старший научный сотрудник и член ученого совета Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Доктор исторических наук. Герой Социалистического Труда (1960).

ГОРКИЧ Милан (Иосип Чижинский) (1904—1937)

Родился в Сараево. Член Социалистической рабочей партии Сербии с 1915. В 1923 эмигрировал в Вену, затем в Москву. Окончил Международную школу Коминтерна. Работал в отделе пропаганды Коминтерна, в Спортинтерне. В 1928—30 оргсекретарь КИМ. С 1928 член ЦК КПЮ. С 1932 руководитель КПЮ (в 1936—37 генеральный секретарь). С 1935 член ИККИ. Отозван из Франции, где занимался отправкой югославских добровольцев в Испанию, и расстрелян. Реабилитирован посмертно.

ГОРСКАЯ (в девичестве Розенцвейг, по мужу Зарубина) Елизавета Юльевна (1900—1987)

Дочь управляющего лесхоза в имении помещика. Окончила гимназию в Черновцах, училась в Парижском и Венском университетах. В 1923 вступила в компартию Австрии. В 1924—25 работала в полпредстве и торгпредстве в Вене.

В 1925—28 работала в венской резидентуре ИНО ОГПУ. Для выполнения специальных заданий из Вены выезжала в Турцию. С конца 1920-х годов вместе с мужем В.М. Зарубиным девять лет находилась на нелегальной разведывательной работе в Дании, Германии и Франции. В 1941—44 в легальной резидентуре в США.

По возвращении в Москву в 1944—46 работала в центральном аппарате внешней разведки. В сентябре 1946 была уволена в запас.

ГРАНДЕ Макс (Вагнер Герман) (1893—?)

Немецкий рабочий, затем почтовый служащий. Член СДПГ в 1912—19, член Независимой СДП в 1919—20, член КПГ с 1920. С 1924 партработник, с 1925 руководитель Союза красных фронтовиков в Тюрингии. В августе-декабре 1930 командирован Коминтерном инструктором в Швецию. С января 1931 инструктор Орготдела ИККИ. В 1937 репрессирован. Реабилитирован посмертно.

ГРОЛЬМАН Михаил Григорьевич (1896—1938)

Из семьи мелкого торговца. Окончил 8 классов гимназии в Риге и 3 курса медицинского факультета Юрьевского университета. С апреля 1917 в армии. С октября 1917 по январь 1918 член исполкома Совета солдатских депутатов 12-й армии. С марта 1919 по декабрь 1920 в 15-й армии Западного фронта по санитарной и политической части, затем в Разведупре. С 1920 член РКП(б).

С 1921, оставаясь в Разведупре, работал в ОМС Коминтерна, неоднократно выезжал по его заданиям в страны Европы и Америки. В начале 1920-х помощник заведующего Орготдела ИККИ. В 1933 помощник Пятницкого. В том же году арестован, приговорен к трем годам заключения. В 1938 расстрелян. Реабилитирован посмертно.

ГУБЕРМАН Станислав (Вжос) (1897—1936)

Брат известного скрипача Бронислава Губермана. Член СДКПиЛ с 1916. После Октябрьской революции по заданию Коминтерна работал в Германии и Австрии. С 1926 в Польше. Член ЦК КПП. В 1933—34 по поручению ИККИ на ответственной нелегальной работе в Германии. Погиб в авиакатастрофе 6 ноября 1936 по дороге в Москву.

ГУРАЛЬСКИЙ Август (Хейфиц Абрам Яковлевич) (1890—1960)

Родился в Риге. Учился в Киевском университете. С 1904 член Бунда. В январе 1913 арестован в Лодзи, но отпущен под залог. Выехал за границу. В августе 1917 член украинского комитета Бунда, в декабре член ЦК Бунда. В начале 1919 вышел из Бунда и вступил в РКП(б). Работал в Коминтерне. Во время событий марта 1921 в Германии был заместителем Белы Куна. Делегат III Конгресса

Коминтерна. Был эмиссаром Коминтерна при КПГ (1922—23), ФКП (1924—25) и в Латинской Америке (1929—33).

В 1923—24 по заданию Коминтерна нелегально работал в военной организации КПГ, был членом ЦК партии. В 1936 арестован, в 1938 освобожден. Во время Великой Отечественной войны работал среди немецких военнопленных под именем профессора Арнольда. В 1950 вновь арестован, осужден Особым совещанием МГБ к 10-и годам тюрьмы. Освобожден в 1956. Реабилитирован посмертно.

Гусев Сергей Иванович (Драпкин Яков Давидович; 1874—1933).

Родился в селе Сапожок Рязанской губернии, в семье учителя. В партии с 1896. В 1897 за участие в рабочей демонстрации арестован и сослан в Оренбург. После освобождения член Донского комитета партии, делегат II съезда РСДРП. В 1904 секретарь Петроградского комитета партии, с сентября 1904 — Одесского комитета. С 1906 член Московского комитета. В 1907 л арестован полицией и сослан в Сибирь, откуда в 1909 бежал и через Петроград выехал в Финляндию.

В 1917 вернулся в Петроград. В 1917—18 возглавлял Секретариат Петроградского ВРК. Затем управлял делами Совнаркома северной области. В 1918—19 член Реввоенсовета 2-й армии и командующий московским сектором обороны. Затем военный комиссар полевого штаба РВС республики и ряда РВС фронтов. В 1921—22 начальник Политуправления РККА. Затем председатель Туркестанского бюро РКП(б) и РВС Туркестанского фронта. С 1923 секретарь ЦКК ВКП(б) и член коллегии наркомата РКИ, затем в аппарате ЦК ВКП(б). Гусев был членом ВЦИК и кандидатом в члены ЦК ВКП(б).

В апреле 1925 послан Коминтерном в США для разрешения конфликта между лидерами Рабочей компартии США. В 1928 возглавил Центрально-европейский секретариат Коминтерна. На VI конгрессе Коминтерна избран кандидатом в члены ИККИ. В 1930 член Президиума ИККИ. Умер от болезни. Автор ряда книг, в том числе «Уроки Гражданской войны» (1920). Близкий друг и доверенное лицо О. Пятницкого.

ГУТТМАН Йозеф (1902—1958)

Член компартии Чехословакии с момента основания. Делегат VI Конгресса Коминтерна. В 1929 избран членом Политбюро партии и редактором газеты «Руде право». На 11-м пленуме ИККИ

(апрель 1931) избран членом Президиума и Политсекретариата ИККИ. В 1932—33 выступал с критикой позиции КПГ и Коминтерна по отношению к фашизму. На 13-м пленуме ИККИ за это был исключен из партии и Коминтерна. В 1938 покинул Чехословакию и эмигрировал в США.

ГИПНЕР Рихтар (1907—1972) (псевдонимы Магнус, Магнуссон)

Деятель немецкого и международного молодежного и коммунистического движения. В 1924—28 оргсекретарь КИМ. В 1929—33 секретарь Восточно-европейского бюро Коминтерна. После образования ГДР министр иностранных дел.

ДАЛИН С.А. (1902—1985)

В 1921—22 член Президиума Дальневосточного секретариата Коминтерна, уполномоченный КИМ на Дальнем Востоке. В 1922—24 представитель КИМ в Китае. В 1926—27 представитель Университета им. Сунь Ятсена в Китае. В дальнейшем на журналистской и научно-педагогической работе. Репрессирован. Реабилитирован.

ДАЛЕЦКИЙ (Фенигштейн) Яков Генрихович (1888—1937)

С 1904 член СДП Польши и Литвы. С конца 1916 в России. Участник Октябрьской революции в Саратове: член Исполкома и большевистской фракции в Совете, член горкома партии, член Исполнительной комиссии Петроградского комитета РСДРП, член Исполкома социал-демократических комитетов Польши и Литвы в России. В 1918 член ВЦИК. С 1918 на парработе. В 1920 в Польском бюро ЦК ВКП(б). В 1930-е директор ТАСС. Разделял убеждения О. Пятницкого, был дружен с ним. В 1937, после июньского Пленума ЦК ВКП(б), в ожидании ареста застрелился.

ДЗЕРЖИНСКИЙ Феликс Эдмундович (1877—1926)

Один из руководителей польского социал-демократического движения. Член РСДРП с 1895. Из дворян. С 1903 член Главного правления СДКПиЛ. С 1907 член ЦК РСДРП(б). С 1914 на картрге. С марта 1917 член МК партии и Моссовета. С августа 1917 член ЦК РСДРП(б). В октябре 1917 член Военно-революционного партийного центра и Петроградского ВРК. С ноября 1917 член Президиума ВЦИК и член коллегии НКВД. В декабре 1917 — феврале 1922 председатель ВЧК. С марта 1919 по июль 1923 нарком внутренних дел.

В июле-сентябре 1920 председатель Польского бюро ЦК РКП(б) и временного ревкома Польши. В январе 1921 председатель комиссии ВЦИК по улучшению жизни беспризорных детей. В апреле 1921 — июле 1924 нарком путей сообщения РСФСР, затем СССР. В 1922—26 председатель ГПУ-ОГПУ и с 1924 одновременно председатель ВСНХ СССР.

С 1924 кандидат в члены Политбюро. Умер в 1926, во время выступления на Пленуме ЦК ВКП(б), в результате сердечного приступа.

К сожалению, мы знаем мало правды о Дзержинском. Ныне в нем видят палача народа. Ему приписывают деяния, совершенные другими людьми. А зря. Феликс Эдмундович был честным человеком, совершенно бескорыстным, беззаветно преданным идее, которой посвятил всю свою жизнь. Я позволю себе привести два документа, раскрывающих его натуру.

На X съезде РКП(б) Дзержинский просил освободить его от должности председателя ВЧК. «Я, — заявил он, — не хочу, а главное не могу там больше работать. Вы знаете, — говорил он, — моя рука никогда не дрожала, когда я направлял карающий меч на головы наших классовых врагов, но теперь наша революция вступила в критический период, во время которого приходится карать не только классовых врагов, но и трудящихся — рабочих и крестьян в Кронштадте, в Тамбовской губернии и в других местах. Вы знаете, товарищи, — говорил Дзержинский, — что я не щадил своей жизни в революционной борьбе, боролся за лучшую долю рабочих и крестьян. А теперь приходится и их репрессировать». (Журнал «Вопросы истории», 1988, № 4, с. 182)

В конце 1926 года Дзержинский в своем письме к Куйбышеву выразил опасение, что «страна найдет своего диктатора — похоронщика революции, какие бы красные перья не были бы на его костюме». (Журнал «Коммунист», 1928, № 7, с. 104). Кого он имел в виду? Сталина или Троцкого? По-видимому, первого.

ДЗЕРЖИНСКАЯ-МУШКАТ София Сигизмундовна (1882—1968)

Родилась в Варшаве. После окончания гимназии сблизилась с СДП Польши и Литвы, служила «почтовым ящиком» главного правления партии для связи с ее функционерами в Варшаве: с Дзержинским (псевдоним «Юзеф»), Ганецким («Фюрегенберг», «Кубэ»), Матушевским («Мартин», «Туслый») и другими. В ее доме в Варшаве находилась конспиративная квартира и маленькая ти-

пография. София Мушкат работала под псевдонимами «Черна» и «Богдана».

31 декабря 1906 была арестована, но за неимением прямых улик ее вскоре отпустили. Впервые София встретилась с Дзержинским в феврале 1905. В 1909 они оформили брак в ратуше Кракова. Но в конце 1909 последовал следующий арест. После освобождения из тюрьмы Дзержинский привлек жену к партработе в качестве своего помощника. 27 февраля 1910 последовал третий арест. В это время София ждала ребенка. В апреле 1910 ее отправили на поселение, а родившегося в тюрьме сына в детский приют. После поселения София забрала сына из приюта и уехала в Швейцарию.

Осенью 1918 Дзержинский съездил на короткое время в Швейцарию. Он не виделся со своей женой 9 лет, а сына увидел впервые. В 1918 София Дзержинская работала секретарем миссии РСФСР в Берне. В январе 1919 она через Германию вернулась с группой военнопленных в Москву, а в 1920 приехала к Дзержинскому в Харьков, где он был начальником тыла Юго-Западного фронта. С 1926 София работала в Агитпропе ЦК ВКП(б) руководителем польского бюро.

В 1941 ответственный редактор Отдела печати ЦК ВКП(б). В ноябре 1941 вместе с аппаратом ИККИ прибыла в Уфу. В 1941—42 работала в радиоредакции ЦК, где возглавляла польский сектор. В 1943 возглавляла польский сектор Отдела печати и радиовещания ЦК ВКП(б). С 1944 на пенсии.

ДИАС Хосе (1895—1942)

Деятель испанского и международного рабочего движения. Родился в семье булочника. С 1912 участник и один из руководителей анархо-синдикалистского движения в Испании. С 1926 член компартии Испании. Окончил Ленинскую школу Коминтерна в Москве. В 1931 партийный секретарь в Андалузии. В 1932 избран Генеральным секретарем КПИ. После поражения республиканцев в гражданской войне эмигрировал в СССР. Покончил самоубийством в Тбилиси в марте 1942.

ДИМИТРОВ Георгий (Георга) Михайлович (1882—1949)

Один из руководителей профсоюзного и коммунистического движения Болгарии. Родился в рабочей семье. С 1902 член Болгарской СДРП. После раскола партии примкнул к фракции «тесняков». В 1913 избран депутатом болгарского парламента. В начале 1918 арестован, в декабре 1918 освобожден. После провала коммунистического

тического восстания в сентябре 1923 эмигрировал. Работал в Коминтерне. В 1933 был арестован в Берлине и обвинен в организации поджога Рейхстага. С февраля 1934 в СССР. В 1935—1943 генеральный секретарь ИККИ. С ноября 1946 председатель Совета Министров НРБ. Генеральный секретарь БКП с декабря 1948 года.

В отношении Димитрова Пятницкий и большинство руководителей Коминтерна были настроены доброжелательно, но считали, что руководить Коминтерном он не способен, фактически руководить будет Мануильский, а Димитров станет манекеном в его руках. Так и вышло в действительности. Даже речи и брошюры для него писали другие люди — Куусинен и тот же Мануильский.

Уместно привести характеристику Димитрова, которую дала ему жена Отто Куусинена в своих мемуарах:

«Георгия Димитрова я уже упоминала в связи с взрывом бомбы в Софийском соборе в 1925 году. После этого прискорбного приключения он работал в различных отделах Коминтерна, но всякий раз его приходилось смещать: его интересовали только выпивки и женщины. Когда возмущение и жалобы достигали предела, его куда-нибудь переводили.

В Коминтерне попросту отказывались с ним работать и его отправили в другое здание, в Крестинтерн к старику Мещерякову. Однажды в кабинет к Отто (я была там) ворвался Мещеряков с криком: «Товарищ Куусинен, нужно поговорить! Заберите Димитрова! Он ничего в нашей работе не понимает, знает только пить и соблазнять наших девушек. Я не начальник отдела, пока он там! Пожалуйста, заберите его от меня!

Отто обещал что-нибудь придумать. А когда Мещеряков ушел, он сказал мне, смеясь: «Никто не хочет связываться с Димитровым. Куда его деть? Лучше, наверное, отправить обратно на Балканы». И отправили. Вместе с двумя другими учащимися Ленинской школы Таневым и Поповым. Через несколько лет, году в 1930, их всех перевели в Берлин».

ДИЧЕСКУ (Дик) Ион (Иван Осипович) (1893—1938)

Из рабочих, с 1909 социалист. В 1910 окончил высшее коммерческое училище. Работал журналистом в социал-демократических изданиях Бухареста. Владел немецким, французским, итальянским и испанским языками. С начала мировой войны военный корреспондент газеты «Адеварул». Закончил военное училище, но по политическим мотивам дезертировал из королевской румынской армии.

Член РКП(б) с апреля 1917. С декабря 1917 секретарь Румынского военно-революционного комитета. Один из организаторов вооруженной борьбы в Бесарабии против румынских и австро-германских оккупантов.

С конца 1918 военком Управления Южной группы войск Восточного фронта, затем на Туркестанском фронте. С мая 1920 на Юго-Западном фронте. Затем зав. отделом информации штаба Южного фронта.

В январе-ноябре 1921 зав. Балканским сектором Регистрационного (разведывательного) управления РВС Республики. С декабря 1921 до конца 1922 слушатель Военной академии РККА, затем на преподавательской и научной работе в Москве. Преподавал в Коммунистическом университете национальных меньшинств Запада, Коммунистическом университете трудящихся Востока. Готовил кадры советских разведчиков для Балкан. Заместитель начальника отдела ЦУ НХУ Госплана.

Арестован 5 апреля 1937, расстрелян 4 января 1938. Реабилитирован посмертно.

ДОМБАЛЬ Томаш Францевич (1890—1938)

Польский революционер, деятель международного крестьянского движения. Академик, доктор экономических наук. Во время мировой войны офицер-легионер. В 1918 руководитель революционного крестьянского движения в Средней Галиции, глава «Тарнобрежской республики». С 1921 член КП Польши, депутат сейма. В 1921 приговорен к тюремному заключению за выступления в защиту СССР. В 1923 по обмену заключенными прибыл в СССР. Входил в руководство МОПР. С 1930 заместитель Генсека Крестинтерна и секретарь Аграрной комиссии ИККИ. Редактор газеты на польском языке «Советская трибуна». Зав. кафедрой Московского института механизации и электрификации. Арестован 29 декабря 1936, приговорен к расстрелу 27 августа 1937. Реабилитирован посмертно.

ДОРИО Жак (1898—1945)

С 1922 работник аппарата КИМ. В 1923 генеральный секретарь комсомола Франции. С 1924 член ЦК Французской компартии. С 1924 член ИККИ, с 1928 кандидат в члены ИККИ. С февраля по апрель 1927 член делегации Коминтерна в Китае. В 1934 исключен из партии.

Один из создателей фашистской партии Франции.

ЕЖОВ Николай Иванович (1895—1940)

Большевик с 1917. В РККА в 1919—21. Ответственный секретарь Марийского, Семипалатинского губкомов, Казахского крайкома ВКП(б), зам. наркома земледелия СССР (1929—30), инструктор, помощник зам. зав. распределом и отдела кадров ЦК ВКП(б) (1930—34), секретарь ЦК ВКП(б) и председатель Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) (1935—36). Нарком внутренних дел СССР (с сентября 1936 по декабрь 1938), нарком водного транспорта СССР (с апреля 1938 по апрель 1939). Расстрелян в 1940.

ЖБИКОВСКИЙ Стефан Владиславович (1891—1937)

Родился в семье польского сельского интеллигента. Окончил в 1915 физико-математический факультет Варшавского университета. В 1916 окончил военное училище в Полтаве. Поручик. Член РКП(б) с 1918. Организатор Польской Западной стрелковой дивизии. Был направлен на нелегальную работу в Варшаву. Организовал Военный отдел Польской компартии. В 1919 арестован, приговорен к восьми годам тюрьмы. В апреле 1921 отправлен по обмену в СССР. Работал в Коминтерне и Разведупре.

В 1923 руководитель Военного аппарата Компартии Германии под псевдонимом «Алоис», затем на нелегальной разведывательной работе в Великобритании и Китае до 1927. В 1930 окончил вечерние академические курсы высшего и старшего начальствующего состава при Разведупре РККА. 20 мая 1933 зачислен слушателем 3 курса основного факультета Военной академии им. Фрунзе. 4 мая 1934 окончил академию, был зачислен адъютантом. С 9 января 1935 в распоряжении Разведупра РККА. 10 января 1937 был назначен преподавателем кафедры Организации и мобилизации войск Военной академии им. Фрунзе. Арестован 14 июня 1937, расстрелян 26 октября 1937. Реабилитирован посмертно.

ЖИГУР Ян Матвеевич (1895—1938)

Член партии с 1912. Участник мировой войны, поручик. В Красной Армии с 1918. Командир 40-й стрелковой дивизии. В 1923 окончил Военную академию РККА.

С 1924 — в IV (Разведывательном) управлении Генштаба РККА. В декабре 1924 руководил неудачным коммунистическим восстанием в Таллине. В 1925 помощник начальника 3-го отдела IV управления, с 1926 зам. начальника. Под псевдонимом «Струмбис» военный советник в Китае. Руководил разведотделом штаба Гуан-

чжоуской группы войск. С мая 1930 зам. начальника Военно-химического управления РККА. Преподаватель Военной академии им. Фрунзе и Академии Генштаба. Арестован 14 декабря 1937, расстрелян 22 августа 1938. Реабилитирован посмертно.

ЗАКС Самуил Маркович (псевдоним — Гладнев Иван Иванович) (1884—1937)

Муж сестры Г.Е. Зиновьева — Лии. В 1911—12 секретарь большевистской газеты «Звезда», в годы мировой войны зав. финансовой частью журнала «Вопросы страхования» и одновременно глава петроградского филиала «Экспортно-импортной конторы» Парвуса-Ганецкого. В апреле 1917 его отец, петроградский купец и фабрикант Маркус Ицкович Закс, купил для сына за 144 тыс. руб. типографию «Труд», в которой печатались газеты и брошюры большевиков. После Октябрьской революции выезжал на подпольную работу в Германию, руководил партиздатствами, редактировал «Ленинградскую правду».

В 1935 исключен из партии, в 1937 расстрелян как руководитель террористической группы, якобы готовившей покушение на Сталина. Реабилитирован посмертно.

ЗАЛКА Матэ («генерал Лукач», настоящее имя Бела Франкель) (1897—1937)

Участник мировой войны в рядах австро-венгерской армии. С 1916 в плену в России. Участвовал в революционном движении военнопленных. Активный участник Гражданской войны. С 1921 в ВЧК. Дипкурьер в 1923—24. В 1925—28 директор Театра Революции в Москве. С 1928 в аппарате ЦК ВКП(б). Член бюро Международного объединения пролетарских писателей. С 1936 участник гражданской войны в Испании, командир 12-й Интербригады. Погиб в бою, похоронен в Испании.

ЗРУБИН Василий Михайлович (1894—1972)

Член РКП(б) с 1918. Активный участник Гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке. С 1921 в органах ВЧК. Начальник Экономического отдела ОГПУ во Владивостоке. С 1925 сотрудник ИНО. Во второй половине 20-х — начале 30-х годов около 13 лет на нелегальной работе в Германии и во Франции. Добился выдающихся результатов в проникновении в правящие круги этих стран. В предвоенные годы на руководящей работе в Центре. В годы Великой Отечественной войны резидент советской разведки в США.

ЗЕЛИКСОН-БОБРОВСКАЯ Цецилия Самойловна (1876—1960)

Член партии большевиков с 1898. В 1900 арестована в Харькове, повела год в тюрьме. В 1902 эмигрировала в Швейцарию. С 1903 агент «Искры». Вела подпольную работу в Твери, Тифлисе, Баку, Москве, Костроме, Иваново-Вознесенске и Серпухове. Неоднократно подвергалась арестам и ссылкам. Участница революционных событий 1905 и 1917 в Москве. С июля 1917 секретарь Московского окружного комитета. После Октябрьской революции на партийной работе, в 1928—40 в аппарате Коминтерна. Автор книги «Записки рядового подпольщика».

ЗИБЛЕР Герман (1901—?)

Родился в Силезии, в 1914 окончил 8 классов школы, работал на заводе. Рабочий-металлист. Член КПП с 1921. С 1924 сотрудник «Ордердинст» — нелегальной военной организации компартии. Переехал в Берлин, работал на заводе. Сотрудник IV управления Генштаба РККА.

С 1927 по 1930 год входил в группу Артура Хюбнера. В начале 1930 выехал в СССР. Закончил 8-месячные курсы радистов РККА. С конца 1930 наладил радиосвязь и подготовил радистов в резидентурах в Италии, затем Испании, с осени 1931 в Норвегии. С 1932 в Харбине (Маньчжурия). Радист маньчжурской резидентуры IV управления Генштаба РККА. В августе 1932 ездил в Шанхай с 20 тысячами долларов для выкупа супругов Рудник. В 1935 вернулся в Москву, был отправлен радистом в Швейцарию. С 1936 в Испании.

Радист Я. Берзина и командования Интербригад. Был ранен. В середине 1937 вернулся в СССР, где был арестован и отправлен в лагерь. С 1967 жил в Берлине.

ЗИНОВЬЕВ (Радомысльский) Григорий Евсеевич (1883—1936)

Член РСДРП с 1901. В 1917—26 председатель Петросовета. В 1919—26 член Политбюро ЦК и одновременно председатель ИККИ. Возглавлял «новую оппозицию», затем «объединенную» оппозицию в ВКП(б). До ареста 16 декабря 1934 член редколлегии журнала «Большевик».

16 января 1935 по сфабрикованному делу «московского центра» осужден к тюремному заключению. 24 августа 1936 по сфабрикованному делу о так называемом «антисоветском объединенном троцкистско-зиновьевском центре» приговорен к расстрелу.

Человек талантливый, умный, ловкий, склонный к интригам, обладал талантом оратора, но боялся риска и в трудные моменты пасовал, был склонен к аппаратной работе.

Он ненавидел Троцкого, который при каждом удобном случае высмеивал его за трусость, проявленную в трудные дни наступления Юденича на Петроград. При жизни Ленина всегда поддерживал его и был его опорой.

По воспоминаниям Айно Куусинен, «личность Зиновьева особого уважения не вызывала. Люди из его ближайшего окружения его не любили. Он был очень тщеславен, хитер, груб с людьми и неотесан. К подчиненным был излишне требователен, с начальниками — подхалим».

ЗОРГЕ Рихард (1895—1944)

В 1917—19 член Независимой СДП Германии. С 1919 член КПГ. С 1925 член ВКП(б). В 1924—28 сотрудник аппарата Коминтерна. С 1929 советский разведчик в Китае и в Японии. Осенью 1941 арестован в Японии, казнен 7 ноября 1944. По приказу Л.П. Берия, вскоре после ареста Зорге японцами, в Москве были расстреляны его жена и малолетний сын.

ЗОРИН (Гомбарг) С.С. (1890—1937)

В 1911—17 в эмиграции, член социалистической партии США. Член партии большевиков с 1917. С марта 1917 токарь на Сестрорецком заводе. В 1918 председатель Ревтрибунала Петрограда, затем комиссар почт и телеграфов Северной области. В 1919—1921 секретарь Петроградского комитета РКП(б). В 1921—1922 секретарь Брянского губкома РКП(б). С 1922 референт ИККИ. Репрессирован, реабилитирован посмертно.

ИТИН Семен Аронович (1879—1933)

Родился в Ростове-на-Дону, в семье еврейских эмигрантов из Австро-Венгрии. Окончил коммерческое училище в Берлине. С 1898 работал бухгалтером. С 1900 член РСДРП. С 1903, после II съезда, вместе с А. Абрамовым, Н. Маршак, С. Бричкиной, А. Мильман (его женой) и другими входил в группу содействия большевикам, состоявшей из студентов, работавших среди русских, живших в Берлине. В 1905—06 вместе со своей женой Мильман на партработе в Одессе. В 1907—1917 на партработе в Пензе (официально Итин работал главным бухгалтером в Пензенском земельном банке). В 1918—21 по линии наркомата иностранных дел на-

ходиллся во Владивостоке и Японии. С 1921 в Коминтерне, сначала в управлении делами, затем в Бюджетной комиссии и ОМС ИККИ, где вместе с С. Бричкиной контролировал финансовую деятельность Коминтерна. Умер своей смертью.

КАВАИ Тэйкити (1901—?)

Японский репортер в Шанхае. С 1931 сотрудник Р. Зорге. Коммунист. С помощью японского правительственного чиновника Рюки Седзима внедрился в 1932 в аппарат военной разведки японских оккупационных войск в Китае. В 1932 вернулся в Японию, где учредил «Китайско-японскую лигу борьбы». Затем снова в Китае, в Маньчжурии. Уговорил Седзима устроиться на работу в тайную полицию. Получал от него секретные документы, котоые переправлял из Мукдена в Шанхай. В 1935 был предан Седзима. Приговорен к десяти месяцам тюремного заключения условно. В 1940 вернулся на родину, в 1941 арестован, приговорен к десяти годам тюремного заключения. Освобожден в 1945.

КАГАНОВИЧ Лазарь Моисеевич (1893—1991)

Член партии большевиков с 1911. В 1924—25 и в 1928—39 секретарь ЦК ВКП(б). В 1930—35 первый секретарь МК и МГК партии. В 1934—35 председатель КПК. В 1935—44, с перерывами, нарком путей сообщения СССР, в 1937—39 нарком тяжелой промышленности, в 1939 нарком топливной промышленности, в 1939—40 нарком нефтяной промышленности. В 1938—53 зам. председателя СНК (Совмина) СССР. В 1947 первый секретарь ЦК КП Украины.

В 1953—57 первый зам. председателя Совмина СССР. В 1955—57 председатель Госкомтруда СССР. На XIII—XX съездах партии избирался членом ЦК, с 1926 кандидат, в 1935—57 член Политбюро ЦК ВКП(б).

С 1935 член Особой комиссии Политбюро по безопасности. Ближайший соратник Сталина, один из создателей культа его личности и организатор массовых репрессий в стране. В 1957 за фракционную деятельность выведен из состава ЦК КПСС и за злоупотребление властью, и нарушения социалистической законности исключен из партии.

Свою политическую карьеру Лазарь начал в Нижнем Новгороде, где встретился с Молотовым, а последний выдвинул его на пост председателя Нижегородского губисполкома. Эта встреча определила его дальнейшую карьеру. В 1922 он уже заведующий Оргот-

делом ЦК. До того был в Воронеже, в Средней Азии и, наконец, на профсоюзной работе в ВЦСПС.

Каганович был человеком умным, способным, все быстро схватывающим, но малограмотным. Он не имел никакого образования, литературным языком не владел. По специальности до партийной работы был сапожником.

КАМЕНЕВ (Розенфельд) Лев Борисович (1883—1936)

Член партии большевиков с 1903. После Октябрьской революции 1917 председатель ВЦИК, с 1918 председатель Моссовета. В 1922—23 зам. председателя Совнаркома РСФСР, в 1923—26 зам. председателя Совнаркома СССР. В 1924—26 также председатель Совета труда и обороны СССР. В 1926 нарком торговли СССР. В 1919—25 член ЦК. В 1926 кандидат в члены ЦК ВКП(б).

На III конгрессе Коминтерна (1921) избран зам. руководителя русской секции ИККИ, на V конгрессе (1925) кандидатом в члены Президиума ИККИ. В последние годы жизни директор Института мировой литературы. 16 декабря 1934 арестован. В 1935 осужден сначала на 5 лет заключения, затем на 10 лет, в 1936 расстрелян. Реабилитирован посмертно.

Человек образованный, умный, обладал талантом хорошего организатора, образцовый технократ, добродушным, не властолюбивый руководитель. В отличие от Зиновьева, был твердым в проведении порученного дела, способным к риску, но он находился под влиянием своего друга, который постоянно втягивал его в политические комбинации.

КАМИНСКИЙ Григорий Наумович (1895—1938)

Член партии большевиков с 1913. В 1920 секретарь ЦК КП Азербайджана. В 1932—34 председатель Мособлисполкома. В 1934—37 нарком здравоохранения СССР. Кандидат в члены ЦК ВКП(б) в 1925—27 и с 1934 по 1937. В июне 1937 на пленуме ЦК открыто выступил против сталинских репрессий. Там же был арестован и в 1938 расстрелян. Реабилитирован посмертно.

КАПИТАНЬ Дюла (Юлиус) (1883—1929)

Капитан Генштаба австро-венгерской армии. В годы мировой войны в русском плену. Один из руководителей движения военнопленных-интернационалистов в Сибири. Член РКП(б) с 1917. Командовал партизанскими отрядами в тылу Колчака. В 1920 руководил курсами красных командиров в Баку. В 1923—24 в Герма-

нии, один из руководителей подготовки «Германского Октября». Позже руководил военными курсами для немецких коммунистов в Москве, работал в IV (Разведывательном) управлении Генштаба РККА. Умер своей смертью.

КАСПАРОВА В. Д. (1888—1941)

В 1923—27 заведующая Отделом Востока Международного женского секретариата Коминтерна. Репрессирована. Реабилитирована посмертно.

КАТАЯМА Сэн (1859—1933)

Видный деятель японского и международного коммунистического движения, один из создателей компартии Японии. С 1922 член ИККИ и Президиума ИККИ.

КАЦ Отто (Андре Симон) (1895—1952)

Родился в Праге, сын фабриканта. Журналист. Активный сотрудник коммунистической печати Австрии, Чехословакии, Германии, Франции, Англии, США, Мексики. С 1922 член КПГ, ближайший сотрудник В. Мюнценберга. Работал также по линии Коминтерна и советской разведки. После второй мировой войны внешнеполитический комментатор газеты «Руде право». В ноябре 1952 на судебном процессе в Праге по ложному обвинению приговорен к смертной казни. Повешен. Реабилитирован посмертно

КЕДРОВ Михаил Сергеевич (1878—1941)

Член РСДРП с 1901. С ноября 1917 член коллегии наркомата по военным делам. С марта 1919 начальник Особого отдела ВЧК. Член коллегий ВЧК-ОГПУ. После Гражданской войны помощник прокурора Верховного Суда СССР, член президиума Госплана РСФСР (1931—34), начальник секторов обороны и науки Госплана СССР (1934—37). Был консультантом Пятницкого по вопросам конспирации. В 1937 арестован, в 1941 расстрелян. В 1956 реабилитирован посмертно.

КИППЕНБЕРГЕР Ганс (Алекс) (1898—1937)

Участник мировой войны, обер-лейтенант. Член КПГ с 1920. Один из руководителей Гамбургского восстания (1923). В 1924 прошел военное обучение в нелегальной военной школе Коминтерна в Москве. Одновременно учился в Коммунистическом университете национальных меньшинств Запада. В 1925—35 возглавлял

нелегальный военный аппарат компартии Германии. С 1928 депутат рейхстага. С 1929 член ЦК КПГ. В 1933 эмигрировал, с 1935 в СССР. Работал на заводе пишущих машинок в Москве. 4 ноября 1936 был арестован, 3 октября 1937 приговорен к расстрелу. Реабилитирован посмертно.

КИРСАНОВА Клавдия Ивановна (1888—1947)

Член партии большевиков с 1904. В 1905 входила в боевую дружину в Перми, в 1906 вела работу в войсках. Неоднократно арестовывалась, в 1910 приговорена к 4-м годам каторжных работ и к ссылке. После Февральской революции 1917 вела партийную работу на Урале, была председателем Совета депутатов Надеждинска. После оккупации Урала Колчаком вернулась в Москву, была секретарем Хамовнического райкома партии. В 1920 избрана секретарем Омского горкома партии. С 1922, по возвращении в Москву, была ректором Коммунистического университета им. Свердлова, заведовала Международной Ленинской школой. В 1941—45 агитатор и лектор в Советской Армии. Была членом Исполкома Международного конгресса женщин и Антифашистского комитета советских женщин.

КИШ Эгон Эрвин (1885—1948)

Австрийский журналист и публицист. Во время мировой войны офицер австро-венгерской армии. Примыкал к анархо-синдикалистам. Входил в Федерацию революционных социалистов «Интернационал», вместе с которой в мае 1919 вступил в КП Австрии. С 1925 член КПГ. В 1933 арестован, выслан в Чехословакию. Участник гражданской войны в Испании, в 1940—46 в Мексике, затем в Чехословакии.

КЛАУЗЕН Макс Готфрид Фридрих (1899—1979)

Родился в семье механика по ремонту велосипедов. С детства увлекался радиотехникой. В 1917 был призван в германскую армию. Окончил курсы радистов. Демобилизован в 1919, работал слесарем и кузнецом. В 1921 уехал в Гамбург, где работал докером, затем плавал механиком на торговых судах. В 1922 вступил в Союз германских моряков. В 1927 стал коммунистом.

В 1928 выехал в СССР, прошел обучение в разведшколе. С марта 1929 в Китае. Во время конфликта на КВЖД — в Маньчжурии. Радист советской резидентуры. С августа 1933 жил сначала в Одессе, затем в Саратовской области, работал радиомастером и трак-

тористом в городе Красный Кут. В ноябре 1935 прибыл в Японию, где стал радистом Рихарда Зорге. Для маскировки создал в Токио фирму по изготовлению множительной техники. В 1941 был арестован, приговорен к пожизненному заключению. Освобожден 9 октября 1945. С 1946 жил в Берлине.

КЛИМОВИЧ Евгений Константинович (?—1939)

Генерал-лейтенант русской армии. Окончил Полоцкий кадетский корпус, Павловское военное училище. В 1905 Виленский губернатор. В 1916 директор Департамента полиции. Во время Гражданской войны начальник контрразведки армии генерала Врангеля. Активно сотрудничал с РОВС. Умер 8 июля 1939 в Югославии.

КНОРИН (Кнориныш, Тышлер) Вильгельм Георгиевич (1890—1938)

Родился в Латвии в бедной крестьянской семье. Окончил учительскую семинарию. Большевик с 1910. В первые дни февральской революции Кнорин стал секретарем, а затем заместителем председателя Минского Совета рабочих и солдатских депутатов, превратившегося в революционный штаб Западного фронта. С мая 1918 он секретарь Северо-Западного обкома РКП(б). С декабря 1918 секретарь Центрального бюро КП(б) Белоруссии, член Временного рабоче-крестьянского правительства Белоруссии. С января 1919 член ЦИК БССР, с февраля Лит.-Бел. ССР, член Совета обороны и секретарь ЦК КП Литвы и Белоруссии. С августа 1919 по июнь 1920 военком Смоленского военного округа. В июле-сентябре 1920 член Минского губ. ВРК, зам. председателя Ревкома БССР. В 1920—22 секретарь Центрального бюро КП(б) Белоруссии.

В 1922 года Кнорина отзвали в Москву для работы в ЦК ВКП(б). В 1926—27 гг. он заведует Информационным и агитационно-пропагандистским отделом ЦК партии. Затем возвращается в Белоруссию, в 1927—28 руководит ее компартией.

В 1928—35 член ИККИ и Политсекретариата, секретарь ИККИ. С 1932 директор Института Красной профессуры. В 1935—37 зам. зав. Агитпропотделом ЦК ВКП(б). Репрессирован. Реабилитирован посмертно. Близкий друг Пятницкого.

КОГАНИЦКИЙ Исаак Яковлевич (1884—1954)

Член партии большевиков с 1904. Участник революционного движения, неоднократно арестовывался. Участник мировой и Гражданской войн. С весны 1921 сотрудник ВЦСПС и газеты

«Труд», затем в аппарате ОМС Коминтерна и управляющий делами ИККИ. В 1930—33 в ЦКК-РКИ и до 1936 в Политуправлении Наркомпути. С 1936 на пенсии по болезни.

КОЛАРОВ Василь (1877—1950)

Родился в Болгарии в семье сапожника. Изучал юриспруденцию в Женевском университете. В 1897 вступил в Болгарскую СДП. В 1903 примкнул к «теснякам». После создания в 1919 компартии Болгарии стал секретарем ЦК. Участник III—VII конгрессов Коминтерна. В 1923 по заданию Коминтерна посетил Париж, Франкфурт, Осло и Прагу, присутствовал на съездах компартий Норвегии и Чехословакии. Играл ключевую роль в событиях сентября 1923 в Болгарии.

В 1926—43 член Президиума ИККИ. В 1928—29 возглавлял Балканский секретариат ИККИ. Председатель Исполкома Крестинтерна (1928—39). В сентябре 1945 вернулся в Болгарию. В ноябре 1946 избран председателем Народной ассамблеи Болгарии. С 1947 зам. премьер-министра и министр иностранных дел. С июля 1949 до смерти премьер-министр НРБ.

КОН Феликс Яковлевич (1864—1941)

С 1882 член Польской социалистической партии «Пролетариат». С 1884 отбыл 8 лет на каторге и 13 лет в ссылке в Сибири. С 1907 в эмиграции в Австро-Венгрии и Швейцарии. С мая 1917 в Петрограде. После Октябрьской революции член Польского бюро ЦК РКП(б), начальник политуправления украинской Красной Армии. В 1922—23 секретарь Коминтерна, в 1930—31 в Наркомпросе РСФСР, в 1931—33 председатель Комитета по радиовещанию, в 1933—37 заведующий музейным отделом Наркомпроса РСФСР.

КОРНЕБЛЮМ Исаак Романович (1880—1948)

Член Цюрихской секции РСДРП с 1928 года, секретарь Крестинтерна.

КРАЕВСКИЙ (Штейн) Антон Павлович (Владислав) (1886—1937)

Член СДКПиЛ с 1904, член ее ЦК и Политбюро. Один из основателей Компартии Польши в 1918, секретарь Варшавской парторганизации. С 1920 член ЦК. С 1930 в СССР. Сотрудник аппарата ИККИ. На VII конгрессе Коминтерна избран членом ИККИ. В

1932—36 руководил отделом кадров Коминтерна, затем зав. сектором отдела печати ИККИ. Репрессирован. Реабилитирован по-смертно.

КРАСНЫЙ (Ротштадт) Юзеф Яковлевич (1877—1932)

Родился в Варшаве в семье еврея-фабриканта. Член СДКПиЛ с мая 1905. Профессиональный революционер. Под кличкой Муковский вел агитационную и организаторскую работу, был секретарем редакции газеты «Червоный штандарт». В декабре 1906 арестован на конференции СДКПиЛ и Бунда, осенью 1908 осужден на 6 лет каторги. До 1913 сидел в Кельцах и в Смоленске, затем в ссылке в Иркутской губернии. В 1914 бежал за границу. Жил в Силезии и Австрии.

В декабре 1918 участник Объединительного съезда СДКПиЛ и ППС-левицы. В декабре 1918 — марте 1919 представитель КРПП в Совете рабочих депутатов в Домбровском районе. В 1919 представитель ЦК КРПП при венгерском советском правительстве. С 1919 руководил Венским (Юго-Восточным) бюро Коминтерна. С 1922 в СССР, оргсекретарь Крестинтерна. С 1925 член и секретарь польской комиссии Истпарта. Умер своей смертью.

КРИВИЦКИЙ Вальтер Германович (Гинзбург Самуил Гершевич) (1899—1941)

Советский разведчик, капитан госбезопасности. Родился в семье торгового служащего в Австро-Венгрии. Член компартии с 1919. Владел несколькими языками. В 1918 — 1921 на нелегальной парторботе по линии Коминтерна в Австрии и Польше. С 1921 сотрудник Разведупра Генштаба РККА. С 1931 в ИНО ОГПУ. В 1934 зам. директора института военпрома. В октябре 1935 направлен в Голландию для руководства нелегальной резидентурой ИНО. В сентябре 1937, получив приказ вернуться в СССР, попросил политическое убежище во Франции, затем в США. Опубликовал ряд статей, разоблачавших сталинский режим. Разоблачил более 60 советских разведчиков, действовавших в Великобритании, ее доминионах и колониях под дипломатическим прикрытием. В феврале 1941 убит в США агентами НКВД.

КРУПСКАЯ Надежда Константиновна (1869—1939).

Жена В.И. Ленина, профессиональный революционер. Была секретарем редакции «Искра» и Заграничного бюро ЦК РСДРП(б). В 1924—25 член ЦКК. В 1927—39 член ЦК ВКП(б), член ВЦИК и

ЦК СССР. Почетный член Академии наук СССР с 1931. С 1929 зам. наркома просвещения РСФСР. Близкий друг и доверенное лицо И.А. Пятницкого.

КУН Бела (1886—1938)

Член СДП Венгрии с 1902. Участник мировой войны. С 1916 в плену в России. Большевик с 1917. Руководитель движения военнопленных интернационалистов в Советской России. Председатель Федерации иностранных групп при ЦК РКП(б). Основатель и лидер Компартии Венгрии (1918). В 1919 нарком иностранных и военных дел Венгерской советской республики. В 1921—28 член ИККИ, член Президиума и Оргбюро ИККИ. В сентябре 1936 освобожден от работы в Коминтерне. Арестован и расстрелян. Реабилитирован посмертно.

КУСКОВА Екатерина Дмитриевна (1869—1958)

Буржуазный общественный деятель, публицист. В 1905—07 член либерально-монархической организации «Союз освобождения». Сотрудница газеты левых кадетов «Товарищ». После Октябрьской революции выступала против Советской власти. В 1924 выслана за границу, где стала активным деятелем белой эмиграции.

КУУСИНЕН Айно (1893—1970)

Финская коммунистка. Жена Отто Куусинена. В 1924 — 1933 сотрудник аппарата Коминтерна, референт по Скандинавии. В 1931—33 на нелегальной работе по линии Коминтерна в США. В 1934—37 под именем шведки Элизабет Хансен агент Разведупра в Японии, сотрудница Зорге. В 1937 вызвана в Москву и арестована. После освобождения и реабилитации вернулась на родину.

КУУСИНЕН Отто Вильгельмович (1881—1964)

Родился в финском селе в семье портного. В 1905 окончил историко-филологический факультет Гельсингфорского университета. С 1904 член СДП Финляндии, возглавлял левое крыло финляндской социал-демократии. Во время революции 1905—07 командир отряда Красной гвардии в Хельсинки. В 1907—16 редактор центральной газеты СДП «Tuomies». В 1909—10 и 1911—17 председатель Исполкома Финской СДП. В 1908—17 депутат Финляндского сейма. Делегат Копенгагенского (1910) и Базельского (1912) Конгрессов II Интернационала.

В 1918 один из руководителей революции в Финляндии, народный уполномоченный по просвещению в революционном правительстве. В августе 1918 участвовал в создании компартии Финляндии. В 1919—20 на подпольной работе в Финляндии. Делегат I, III—VII Конгрессов Коминтерна. Член ИККИ с III Конгресса. В 1921—39 секретарь ИККИ.

В 1940—58 председатель Верховного Совета Карело-Финской ССР и зам. Председателя Президиума Верховного Совета СССР. С 1941 — член ЦК ВКП(б) затем ЦК КПСС. В 1952—53 и с 1957 член Президиума и секретарь ЦК КПСС.

С Куусиненом Пятницкий был знаком с первых дней своей работы в Коминтерне. Между ними сложились весьма доверительные отношения, дружили семьями. Мы с мамой часто бывали в доме Куусинена, мама дружила со всеми его женами (он был трижды женат). Куусинен мог любую идею изложить просто и понятно. Поэтому он часто писал речи и доклады для других деятелей Коминтерна. Ему поручали обоснование всех зигзагов коминтерновской политики, которые проводились под давлением Сталина, вместе с ними он сам менял свою точку зрения и всегда оставался в фарватере сталинского руководства и никогда не высывался. По возможности старался находиться в тени. Потому и остался жив во время чистки руководства Коминтерна в 30-е годы.

Пятницкий посмеивался над ним, называл «флюгером», Куусинен молча пожимал плечами и они вместе весело смеялись. Но надо отдать ему должное, Куусинен всегда поддерживал отца в его спорах с Мануильским и Лозовским, которые обычно придерживались иного мнения.

КУЧУМОВ Владимир Николаевич (1900—?)

В 1922—26 зав. иностранным курсом Комуниверситета трудящихся востока. В 1927 представитель КУТВ в Китае. В 1928—29 проректор Комуниверситета трудящихся Китая. С 1929 сотрудник Восточного секретариата ИККИ. В 1931—33 редактор журнала «Коммунистический Интернационал». Репрессирован. Реабилитирован посмертно.

ЛАДАН Павло Степанович (Недобитый) (1892—1938)

Выходец из Восточной Галиции. С 1910 в Канаде, с 1915 в США. Один из основателей КП США и руководитель ее украинской федерации. После ареста бежал в Европу. В 1921—23 в Вене, Праге, Берлине. С 1924 член ЦК компартии Западной Украины и канди-

дат в члены ИККИ. В 1926—30 работал по заданию ИККИ в США и Канаде. Репрессирован. Реабилитирован посмертно.

ЛАНГФАНГ Александр Иванович (1907—1972)

Член партии с 1925. Сотрудник ОГПУ-НКВД-МГБ, генерал-лейтенант госбезопасности. В 1920-е комсомольский работник. В 1937 старший уполномоченный, затем помощник начальника 9-го отделения 3-го (контрразведывательного) отдела ГУГБ НКВД СССР. В конце 1930-х секретарь партбюро 3-го отдела ГУГБ. Принимал самое непосредственное участие в истреблении руководящих кадров Коминтерна, КИМ, Профинтерна, Наркоминдел СССР. В 1956—57 дважды привлекался к судебной ответственности за «фальсификацию дел и истязания арестованных». Осужден Военной коллегией Верховного Суда СССР к 15 годам заключения с конфискацией имущества и поражением в правах.

ЛАМПЕ Алексей Александрович (1885—1967)

Генерал-майор старой армии, участник мировой войны. Во время Гражданской войны начальник оперативного отдела штаба армии Врангеля. В эмиграции начальник 2-го отдела РОВС. С 1939 глава профашистского объединения русских воинских союзов в Германии. Умер в Париже.

ЛЕВИ (Гартштейн) Пауль (1883—1930)

Один из руководителей германской социал-демократии. Адвокат. Входил в «Союз Спартака». На учредительном съезде КПП избран в состав ЦК. После гибели Карла Либкнехта и Розы Люксембург возглавил КПП. В 1921 вышел из партии в связи с разногласиями по вопросу о мартовском выступлении КПП. Вернулся в СДПГ, где возглавил левое крыло. Покончил жизнь самоубийством.

ЛЕВИН Макс (1885—1937)

Родился в Москве. В ноябре 1918 в Мюнхене, руководитель «Союза Спартака» и председатель солдатского Совета. Делегат учредительного съезда КПП. Совместно с Евгением Левине возглавлял Баварскую советскую республику. После ее разгрома эмигрировал в Вену, а в 1921 в Москву, где работал в аппарате Коминтерна. Репрессирован. Реабилитирован посмертно.

ЛЕВИНСОН Яков (псевдонимы Лапинский Павел и Михальский) (1879—1937)

В 1906—18 один из лидеров ППС-левицы, участник Циммервальдской и Кинтальской конференций. С 1918 коммунист. Сотрудник советского полпредства в Берлине, автор работ по мировой экономике. В мае 1937 арестован, в сентябре расстрелян. Реабилитирован посмертно.

ЛЕВИЦКИЙ Михаил Васильевич (1891—1933)

Окончил гимназию во Львове. Офицер австрийской армии. Находился в плену в России. Участник борьбы за советскую власть в Туркестане. С 1919 один из руководителей коммунистического движения в Восточной Галиции. Делегат II Конгресса Коминтерна (1920). В 1920—22 полпред УССР в Германии, Австрии, Чехословакии, в 1923—24 в Австрии. С 1924 нарком рабоче-крестьянской инспекции УССР, секретарь Житомирского обкома, зав. культурно-просветительским отделом ЦК КП(б)У. Застрелился в Сормово, куда был выслан.

ЛЕЩИНСКИЙ (Ленский) Юлиан Марианович (1889—1937)

Член СДКПиЛ с 1906. Участник Октябрьской революции в России. Помощник Сталина в Наркомнаце. В 1921—23 член польского бюро ЦК РКП(б). В 1924 работал во Французской компартии, один из редакторов газеты «Юманите». С 1925 член Политбюро компартии Польши. Возглавил фракцию «меньшинства», пришедшую при поддержке Коминтерна к руководству в польской компартии. С 1929 генеральный секретарь КПП и член Президиума ИККИ. В мае 1937 арестован, в сентябре расстрелян. Реабилитирован посмертно.

ЛИТВИНОВ Максим Максимович (Макс Валлах, клички «Папаша», «Лувинье», «Феликс» и «Ниц») (1876—1951)

Родился в 1876 в буржуазной семье. Окончил реальное училище. В 17 лет поступил в армию вольноопределяющимся. Там познакомился с марксизмом и историей социализма. После окончания службы занялся пропагандистской деятельностью в рабочих кружках. В РСДРП с 1898. В 1900 избран членом Киевского комитета РСДРП. В 1901 вместе со всем Комитетом арестован и помещен в Лукьяновский замок. Там познакомился с О. Пятницким и Н. Бауманом, вместе с ними бежал в числе десяти искровцев. Перебрался в Швейцарию, где работал в редакции «Искры». На II съезде РСДРП примкнул к большевикам. В 1903 вернулся в Россию как уполномоченный ЦК в Северо-Западном крае, имея штаб-

квартиру в Риге и заведует «границей». С 1904 член Рижского комитета РСДРП(б).

В 1905 за рубежом по заданию ЦК вместе с Л. Красиным организовал выпуск газеты «Новая жизнь». В 1907 вернулся в Россию. Был организатором Поволжской партконференции. Из-за преследований полиции бежал в Лондон, где прожил около десяти лет. Подвергался арестам в ряде стран Европы. После Октябрьской революции первый полпред в Англии; через 10 месяцев был арестован и обменен на английского разведчика Локкарта. С ноября 1918 член коллегии наркоминдела. С января 1921 полпред в Эстонии, с мая 1921 зам. наркома иностранных дел. В 1922 зам. руководителя советской делегации на генуэзской, затем глава делегации на гаагской международной конференции.

В 1930—39 нарком, в 1941—1943 зам. наркома иностранных дел СССР. В 1934—41 член ЦК ВКП(б). Член ВЦИК и ЦИК СССР. Депутат Верховного Совета СССР. Близкий друг и доверенное лицо О. Пятницкого.

ЛОВСТОН Джей (Якоб Либштейн) (1898—1990)

Один из основателей и руководителей компартии США. В 1927—29 генсек КП США. В 1928—29 член ИККИ. Был обвинен в «правом уклоне» и исключен из партии. Возглавлял КП США (оппозиционную), преобразованную в 1933 в Независимую рабочую лигу. Входил в руководство «Международного объединения коммунистических оппозиций» (ИВКО). После разрыва с марксизмом в 1940 стал одним из лидеров АФТ-КПП (крупнейшего профобъединения США), где возглавлял международный отдел.

ЛОГИНОВ Леонид Александрович (1900—1952)

Член партии с 1918. С 1924 дежурный секретарь Политбюро, ответственный работник сектора секретной работы секретариата Сталина.

ЛОГАНОВСКИЙ Мечислав Антонович (1895—1938)

Член Польской партии социалистов с 1914. Участник Октябрьской революции в Москве. Член РКП(б) с 1918. Окончил Московские курсы красных командиров. Начальник и комиссар разведки 15-й армии. С 1921 на разведывательно-дипломатической работе. В 1921—23 представитель РСФСР в Варшаве. В 1923—25 секретарь представительства СССР в Австрии. В 1925—27 руководитель Политотдела и член Коллегии НКВД. В 1927—31 советник

посольства в Иране. В 1931—34 в центральном аппарате НКВД. В 1934—37 член коллегии и заместитель наркома внешней торговли. С апреля 1937 зам. наркома пищевой промышленности. Арестован 16 мая 1937, расстрелян 29 июля 1938. Реабилитирован посмертно.

ЛОГАНОВСКАЯ Мария Ивановна (1899—1938)

Жена М.А. Логановского. Уроженка города Гомель. Русская. Секретарь Отдела кадров ИККИ. Репрессирована. Реабилитирована посмертно.

ЛОЗОВСКИЙ С.А. (Дридзо Соломон Абрамович) (1878—1949)

Родился в селе Даниловка Александровского уезда Екатеринославской губернии, в семье учителя. С 1901 член РСДРП, вел партработу в Петербурге, Казани, Харькове. Участник революции 1905 в Казани. В 1906 арестован, в 1908 по пути в ссылку бежал. В 1909—17 в эмиграции в Женеве и Париже. Член французской социалистической партии, участник французского профсоюзного движения. В конце 1917 вернулся в Россию.

На III Всероссийской конференции профсоюзов (июль 1917) избран секретарем ВЦСПС. В декабре 1917 за выступления против политики партии исключен из РСДРП(б). В 1918—19 возглавлял группу социал-демократов интернационалистов, вместе с которой в декабре 1919 вновь принят в РКП(б). В 1918—21 ответственный секретарь профсоюза текстильщиков, затем железнодорожников, председатель МГСПС.

В 1921—37 генеральный секретарь Профинтерна. В 1937—39 директор Гослитиздата. В 1939—43 зам. наркома иностранных дел, затем начальник Совинформбюро. В 1940—49 руководитель кафедры истории международных отношений и внешней политики СССР в ВПШ ЦК ВКП(б). Член ЦК ВКП(б), член Президиума и Политсекретариата ИККИ.

В январе 1949 вновь выведен из ЦК ВКП(б), исключен из партии, 18 января арестован. Осужден Военной коллегией Верховного Суда СССР и 12 августа расстрелян. Реабилитирован в 1955.

Мнение Троцкого:

«Лозовский занимает руководящее место в Профинтерне и влиятельное место в Коминтерне... Лозовскому нельзя отказать в известных способностях, в быстроте соображения, в некотором нюхе. Но все эти качества имеют у него крайне беглый и поверхностный характер...

Знание языков и знакомство с жизнью Запада привели его в те годы, когда распределение работников происходило еще очень хаотично, в Профинтерн. Когда Политбюро натолкнулось на этот факт, мы все, и первым Ленин, покачивали головами... Но обстановка переменялась. Ленин заболел, потом умер. Началась смена вех, тщательно подготовленная за аппаратными кулисами. Всплыл и Лозовский. Он попал в струю. Ведь полемизировал он со мной... С маленькими перерывами он опять возобновил борьбу с «троцкизмом». Это обеспечило ему положение в Профинтерне и сразу создало ему положение в Коминтерне...

Он может в хлесткой статье порекомендовать рабочим Южной Африки, или туземцам Филиппин, опрокинуть свою буржуазию, чтобы через час самому забыть о своем совете»...

(Л.Д. Троцкий «Коммунистический Интернационал после Ленина», с. 286—287)

ЛОМИНАДЗЕ Виссарион Виссарионович (псевдоним Бесо) (1897—1935)

В 1925—26 секретарь Исполкома КИМ. В апреле-декабре 1926 член Президиума ИККИ. В июле-ноябре 1927 представитель Коминтерна в Китае. В 1930 первый секретарь Закавказского крайкома ВКП(б), член ЦК партии. Исключен из ВКП(б). В последующие годы на хозяйственной работе. Покончил жизнь самоубийством.

ЛОНГВА Роман Войцехович (1891—1938)

Родился в Варшаве в семье коммерсанта. Был исключен из гимназии за революционную деятельность, закончил ее экстерном. В 1910—18 член ППС(л). Окончил военное училище в 1915. Штабс-капитан 66-го Бутырского пехотного полка. В августе 1917 участник корниловского мятежа. Участник Октябрьской революции в Петрограде, комендант почты и телеграфа. С декабря 1917 по август 1918 зав. Военным отделом Польского комиссариата Наркомнаца. Член РКП(б) с 1918. В июля — сентябре 1918 нач. штаба Западной пехотой дивизии. В сентябре 1918 — феврале 1919 командир 1-й бригады Западной пехотной дивизии. В феврале — сентябре 1919 начальник Западной (52-й) дивизии. В сентябре 1919 — августе 1920 начальник 2-й стрелковой дивизии под Петроградом. В августе-октябре 1920 командующий формирующейся 1-й Польской Красной Армии. С октября 1920 командир 5-й стрелковой дивизии.

В ноябре 1920 — ноябре 1921 начальник отделения Разведупра полевого штаба РВС РСФСР. С ноября 1921 начальник разведотдела вооруженных сил Украины и Крыма. В 1922—25 в штабе Украинского ВО, начальник и комиссар разведотделения, заместитель, и.о. начальника штаба. В 1925 секретарь Китайской комиссии Политбюро ЦК ВКП(б). В 1926—27 военный атташе в Китае. С 1930 командир и комиссар 43-й стрелковой дивизии. Затем в Управлении связи РККА — инспектор (1930—32), зам. начальника (1932—35), начальник (1935—37). С 1935 комкор. Арестован 21 мая 1937, расстрелян 8 февраля 1938. Реабилитирован посмертно.

ЛЮКСЕМБУРГ Роза (1871—1919)

Одна из руководителей и теоретиков польской социал-демократии, «Союза Спартак» и основателей КПГ. Убита при подавлении восстания берлинских рабочих в январе 1919.

МАДЬЯР Лайош (1891—1940)

Венгр, из семьи чиновника. До 1914 журналист, во время мировой войны военный корреспондент, в конце 1918 генеральный секретарь союза журналистов Венгрии. Во время советской республики работал журналистом. В январе 1920 был арестован. В 1922 по обмену заключенными выехал в Россию. В 1922—26 сотрудник ТАСС. В 1924—26 работал в советском посольстве в Берлине, в 1923—28 в посольстве в Пекине. После разрыва дипломатических отношений с Китаем вернулся в Москву. Работал в центральном аппарате Коминтерна, в 1929—34 зам. заведующего Восточным секретариатом ИККИ. В 1933 послан в Германию в качестве инструктора Коминтерна, но вскоре выехал в Париж. В 1935 вызван в Москву, арестован и отправлен в лагерь. Реабилитирован посмертно.

МАНУИЛЬСКИЙ Дмитрий Захарович (псевдонимы Мефодий, Ионыч, Фома, Иван Безработный) (1883—1959)

Родился в деревне в Волынской губернии, в семье волостного писаря. Учился в Петербургском университете. Член партии с 1903. В 1906 один из организаторов Кронштадтского и Свеаборгского восстаний матросов и солдат. Арестован, приговорен к ссылке на 5 лет в Якутск, но бежал из Вологодской тюрьмы в Киев. В 1907—12 в эмиграции во Франции. В 1911 окончил юридический факультет Парижского университета. В 1912—13 на нелегальной партработе в Петербурге и Москве. Затем вновь эмигрировал во Францию.

В мае 1917 вернулся в Россию. До августа 1917 в группе «межрайонцев». Участник Октябрьского восстания в Петрограде. Во время подавления мятежа Керенского-Краснова комиссар Красного Села. С декабря 1917 член коллегии Наркомпрода, с февраля 1918 зам. наркома.

В начале 1919 послан во Францию вместе с Инессой Арманд с делегацией Русского Красного Креста, но был арестован. В 1920—22 нарком земледелия Украины, секретарь ЦК КП(б)У, редактор газеты «Коммунист». В 1922 послан как представитель Коминтерна на съезд ФКП в Париже. С 1924 член Президиума ИККИ. В 1923 ездил от Коминтерна в Италию, в апреле 1924, июле 1925 в Германию.

В конце 1927 тайно посетил Берлин с целью создания Западно-европейского бюро Коминтерна. В 1928—43 секретарь ИККИ. В 1942—44 в аппарате ЦК ВКП(б). В 1944—53 зам. председателя СНК Украины и одновременно (по 1952) Наркоминдел Украины. С 1953 персональный пенсионер.

Мануильский был одним из надсмотрщиков Сталина в Коминтерне и всегда проводил его политику. Он был одним из инициаторов разгрома кадров международного коммунистического движения.

Мануильский «поднялся» на V конгрессе Коминтерна, после того, как ему удалось оболгать и скомпрометировать Х. Раковского. Мануильский показал сталинской команде, на что он способен и его интриганские способности были востребованы. Знание языков, условий европейской жизни и особенности натуры определили его дальнейшее использование.

На V конгрессе Мануильский стал членом ИККИ от компартии Украины. Ранее след его в коминтерновских архивах мне обнаружить не удалось.

Мнение Троцкого: «Мануильский тихо увядал на Украине в качестве малопригодного администратора, но хорошего рассказчика анекдотов. Он воспрянул и стал подниматься, как и все нынешние руководители, после болезни и смерти Ленина. Трамплином для него послужила интрига против Раковского. Безраздельное уважение, которым пользовался Раковский на Украине, было таково, что никто не решался в 1923 году открыть против него компанию, несмотря на понукания из Москвы. Мануильский решился...

Знакомство Мануильского с «заграницей» предопределило ареал его дальнейших подвигов — Коминтерн. Если бы собрать отзывы о нем Зиновьева и Сталина, то получился бы недурной кодекс

политического цинизма... На VI конгрессе Мануильский выступал как главный обвинитель оппозиции».

(Л.Д. Троцкий «Коммунистический Интернационал после Ленина». С. 284.)

МАО Цзэдун (1893—1976)

В 1923—25, 1928—76 член ЦИК (ЦК) КПК. В 1925—27 кандидат в члены ЦК КПК. В 1923—24 секретарь ЦИК КПК. В 1930—34 кандидат в члены Политбюро ЦК КПК. С 1935 член Политбюро ЦК КПК, с 1943 Председатель ЦК КПК. В 1924—27 кандидат в члены ЦИК Гоминьдан. В 1926 и.о. зав. отделом пропаганды ЦИК Гоминьдан. До своей смерти руководитель компартии Китая и КНР.

МАРТОВ Лев (Цедербаум Юлий Осипович) (1873—1923)

Участник революционного движения с первой половины 1890-х. В 1895 участвовал в организации Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». В 1896 арестован, сослан на 3 года в Туруханский край. В 1900 участвовал в подготовке издания «Искры», член ее редакции. С 1903 один из лидеров меньшевистского крыла РСДРП и редактор его изданий. С 1917 руководитель левого крыла меньшевистской партии. После Октябрьской революции член ВЦИК.

Один из организаторов «промежуточного» (2 S) Интернационала. В 1920 эмигрировал в Германию, где издавал «Социалистический вестник».

МАРШАК Нина Семеновна (1884—1944)

Член партии с 1903. Занималась транспортировкой нелегальной литературы. Вела партийную работу в Ростове-на-Дону и Одессе. С конца 1913 работала в Московской организации РСДРП(б). Первая жена И.А. Пятницкого. Затем стала женой А.И. Рыкова. В 1937 была арестована, умерла в лагере. Реабилитирована посмертно в 1956.

МАСЛОВ Аркадий (Чемеринский Исаак) (1891—1941)

Выходец из России. С 1899 жил в Германии. Член «Союза Спартака» и КПГ. В 1923 член ЦК КПГ и кандидат в члены ИККИ. Один из лидеров ультралевой фракции в партии. В 1924 совместно с Рут Фишер возглавил КПГ. Поддерживал линию Зиновьева в Коминтерне. В 1926 исключен из КПГ. Один из основателей Ленинбунда. В 1933 эмигрировал в Париж, где до 1936 сотрудничал с Троц-

ким. Член группы «Интернационал». В 1941 погиб на Кубе при невыясненных обстоятельствах.

МЕЛЬНИКОВ Борис Николаевич (псевдоним Семенов Б.) (1896—1938)

Родом из забайкальских казаков. Окончил реальное училище, учился в Петербургском политехническом институте, где в 1916 вступил в партию большевиков. В 1916 призван в армию, в 1917 окончил Михайловское артиллерийское училище. Подпоручик. В октябре 1917 начальник Иркутского гарнизона, член и секретарь Иркутского ревкома, затем председатель совета в Троицко-Савске. С лета по декабрь 1918 в плену у японцев. Эмигрировал в Китай, где был вновь арестован и передан белогвардейцам. До начала 1920 в заключении. Затем член Военного совета временного Приморского правительства, член Амурского областного комитета РКП(б).

Комиссар штаба Амурского фронта, 2-й Амурской армии (с 21 декабря 1920 по 30 июля 1921), военком Амурской стрелковой дивизии (август-сентябрь 1921). Член РВС Восточного фронта (с 18 декабря 1921 по 2 мая 1922). Командующий войсками Приамурского военного округа (21 сентября—18 декабря 1921). Председатель Приамурского областного бюро партии.

В 1922 помощник начальника Разведупра штаба главкома по Сибири, затем начальник 2-го (Восточного) отделения агентурной части Разведупра Генштаба РККА. В 1923—24 сотрудник управления уполномоченного НКВД СССР в Харбине (Китай). В 1924—26 начальник отделения разведотдела Генштаба РККА, одновременно в 1924—28 зав. отделом Дальнего Востока НКВД СССР. В 1928—31 генеральный консул СССР в Харбине, одновременно в 1928—29 член правления КВЖД. В 1931 временный поверенный в делах СССР в Японии. В 1932—33 зам. начальника IV (Разведывательного) управления Генштаба РККА. В 1933—34 уполномоченный НКВД СССР при Дальневосточном крайисполкоме. В 1935 ответственный инструктор ЦК КП(б)У. В 1935—37 зав. Службой связи Секретариата ИККИ. Арестован 4 мая 1937, расстрелян 28 июля 1938. Посмертно реабилитирован.

МЕНЬШОЙ-ГАЙ А.Г. (Левин Л.С.) (1893—1940)

Член партии большевиков с 1918. С осени 1918 в редакции газеты «Правда». С весны 1919 зав. отделом печати ИККИ, затем сотрудник бюро РОСТА в Ревеле (Таллине) и 2-й секретарь полпред-

ства. Одновременно вел нелегальную работу по линии Коминтерна. Репрессирован. Реабилитирован посмертно.

МИЛЮКОВ Павел Николаевич (1859—1943)

Русский политический деятель, историк, публицист. Один из организаторов и председатель партии КД, редактор партийной газеты «Речь». Апологет империалистической политики царизма. Во Временном правительстве первого состава министр иностранных дел. После Октября 1917 принимал участие в организации иностранной военной интервенции против Советской России. После Гражданской войны в Париже возглавлял «демократическую группу партии кадетов».

МИНЕВ Стоян (он же Степанов, он же Иванов Стоян Минеевич) (1890—1959)

Болгарин, по профессии учитель. Член БСДРП с 1907. Во время первой мировой войны проживал в Швейцарии, где сблизился с большевиками. Член партии большевиков с 1916. Работал в аппарате ИККИ в 1919—43. Находился на нелегальной работе во Франции, Германии, Испании и других странах. Помощник Мануильского в аппарате ИККИ. Участник гражданской войны в Испании. После роспуска Коминтерна на научной работе в СССР.

МИФ П.А. (Фортус М.) (1901—1939)

В 1921—23 преподаватель, научный сотрудник КУТВ. В 1926 проректор, в 1926—29 ректор Коммунистического университета трудящихся Китая им. Сунь Ятсена. С 1928 зам. заведующего Восточным секретариатом ИККИ. Репрессирован. Реабилитирован посмертно.

МИХАЙЛОВ Борис Данилович (Вильямс) (1895—?)

Из семьи железнодорожного служащего. Учился в Петербургском университете. Член РСДРП(б) с 1913. Участник Октябрьской революции в Москве, затем комиссар МВРК по конфискации типографий, налаживал выпуск советских газет и литературы. С февраля 1918 в Красной Армии, в августе-сентябре военком штаба 5-й армии. С сентября 1918 военком, в январе-апреле 1919 член РВС 5-й армии. В апреле-мае 1919 комиссар штаба Восточного фронта и председатель Ревтрибунала фронта, в мае-августе член РВС 9-й армии, с августа 1919 по июнь 1920 член РВС 10-й армии. С июня 1920 по февраль 1921 член РВС, начальник политотдела 11-й армии. В феврале-апреле 1921 член РВС Туркестанского фронта.

Работал в секретном аппарате Коминтерна. В 1925 эмиссар Коминтерна в компартии Франции. В 1927 направлен с миссией Коминтерна в Латинскую Америку. В 1928 под псевдонимом Вильямс участвовал в различных американских комиссиях в Москве. В мае 1929 представитель Коминтерна в США под псевдонимом Кар Уолл. В 1930—33 возглавлял коммунистическое движение в Индии. Работал нелегально в Бомбее, Калькутте и других центрах. В 1945 корреспондент газеты «Известия» в Париже.

МИЦКЯВИЧЮС-КАПСУКАС Винцас Симанович (Мишкевич-Капсукас Викентий Семенович) (1880—1935)

Из крестьян. В 1902—04 учился в Бернском университете. С 1903 член СДП Литвы. С июня 1917 большевик. Делегат VI съезда РСДРП (б), II Всероссийского съезда Советов, член Петроградского ВРК. Участник подавления мятежа Керенского-Краснова. С октября 1917 председатель Центрального бюро литовских секций при ЦК РСДРП(б)-РКП(б), с декабря 1918 председатель ЦК КП Литвы. Одновременно с декабря 1917 комиссар по литовским делам при Наркомнаце РСФСР. В декабре 1918—феврале 1919 председатель Советского правительства Литвы, в феврале-июле 1919 Председатель СНК Литовско-Белорусской ССР. В 1920—21 в Виленском партийном подполье. Делегат II и III Конгрессов Коминтерна. С 1923 в Коминтерне, с 1928 член ИККИ. Близкий друг и доверенное лицо О. Пятницкого.

МИЯГИ Иотоку (Джо, Интелли) (1903—1943)

Родился на острове Окинава в крестьянской семье. Учился в пединституте, затем вместе с семьей переехал в Калифорнию. В 1925 закончил высшую школу искусств в Сан-Франциско. Изучал социальные науки в Лос-Анджелесе. Коммунист, один из основателей Пролетарского общества искусств.

Направлен на разведработу в Японию. Член группы Зорге, наряду с Одзакки — его ближайший сотрудник. Работал художником. Систематически анализировал специальный японский журнал «Военное дело и военная техника». В 1941 арестован. После попытки покончить с собой был заключен в тюрьму без следствия и суда. Убит в тюрьме 2 августа 1943.

МОИСЕЕВ Сергей Измаилович (1879—1951)

Член партии большевиков с 1902. Секретарь Рогожско-Симоновского РК РСДРП(б), член МК РСДРП(б), сотрудник газеты «Правда» и Коминтерна.

МОЙРОВА Варвара Акимовна (1890—1951)

Из рабочей семьи. Член партии с 1917. Работала в Одессе секретарем большевистской газеты «Голос пролетария». В декабре 1917 на съезде Совета рабочих, солдатских и матросских депутатов Румыно-Черноморского фронта и Одесской области избрана членом исполкома. После оккупации Одессы уехала в Москву. После разгрома Деникина на Украине вместе с К.Н. Самойловой организовывала женотделы, проводила конференции работниц и крестьянок. Была первой заведующей женотделом ЦК КП(б)У, наркомом социального обеспечения Украины, редактором журнала «Коммунарка Украины». В 1923—30 работала в Москве заместителем заведующей женотдела ЦК партии. С 1926 директор Все-союзного объединения «Нарпит». Затем несколько лет работала в Международном женском секретариате Коминтерна, сначала заместителем К. Цеткин, а после ее смерти — руководителем Международного женского секретариата. На VI конгрессе избрана кандидатом в члены ИККИ. С 1935 председатель Всероссийского общества Красного Креста и Полумесяца.

МОЛОТОВ (Скрябин) Вячеслав Михайлович (1890—1986)

Член партии с 1905. В Октябре 1917 член Петроградского ВРК. В 1920 секретарь ЦК КП(б) Украины. В 1921—30 второй секретарь ЦК ВКП(б), член Политбюро ЦК ВКП(б). Председатель СНК СССР, первый зам. председателя СНК СССР и министр иностранных дел СССР.

Второй секретарь ЦК ВКП(б) и первый человек в окружении Сталина в 1920—45. Один из создателей режима сталинской диктатуры и организатор массовых репрессий против советского народа и актива всемирного коммунистического движения. С момента создания Оргбюро ЦК, Молотов был его руководителем и превратил этот орган в основной рычаг захвата Сталиным власти в партии. С 1935 член Особой комиссии Политбюро по безопасности. В 1957 «за фракционную деятельность» выведен из состава ЦК и «за злоупотребление властью и нарушения социалистической законности» исключен из партии. В конце 1980-х по непонятным причинам в партии был восстановлен.

Человек не блестящего ума, но чрезвычайно способный бюрократ, работавший без перерыва с утра до ночи. Много времени проводил на заседаниях различных комиссий. Всегда был корректен и вежлив, но вместе с тем являлся самым активным проводником в жизнь сталинской политики.

Молотов вместе со Сталиным подписывал списки арестованных коммунистов, определявшие какой именно приговор вынести тому или иному человеку, часто корректируя их на расстрел. Известно, что он лично подписал свыше 10 тысяч смертных приговоров. Именно он подписал решение Политбюро об аресте жен и детей арестованных коммунистов, мотивируя это тем, что они тоже должны быть изолированы от общества.

МОНАТ Пьер (1881—1960)

Один из лидеров французских анархо-синдикалистов. С 1909 возглавлял их газету «Ви Увриер» (Рабочая жизнь). В годы мировой войны руководитель группы синдикалистов-интернационалистов, которая вместе с левым крылом соцпартии стала частью ФКП. В 1924 исключен из ФКП. С 1925 руководил Синдикалистской лигой и ее газетой «Пролетарская революция».

МУРАНОВ Матвей Константинович (1873—1959)

Член партии с 1904. Депутат IV Государственной Думы. Участник революций 1905—07 и Октябрьской 1917. В 1917—23 в аппарате ЦК партии. В 1923—24 член Верховного Суда СССР, член ЦКК ВКП(б) и ВЦИК. Многолетний друг И.А. Пятницкого.

МУСАБЕКОВ Газафар Мухамед Оглы (Мохмудович) (1888—1938)

Член партии с 1918. Участник Гражданской войны в Закавказье. Председатель СНК ЗСФСР, одновременно с мая 1925 один из председателей ЦИК СССР. На III конгрессе Коминтерна избран кандидатом в члены ИККИ от Азербайджана. На XV—XVII съездах ВКП(б) избирался кандидатом в члены ЦК. Освобожден от всех должностей на июньском (1937) пленуме ЦК ВКП(б), выведен из состава ЦК и арестован. В 1938 расстрелян. Реабилитирован в 1956.

МЮНЦЕНБЕРГ Вильгельм (1889—1940)

Деятель рабочего и коммунистического движения Швейцарии и Германии, а также международного коммунистического движения. По профессии рабочий-обувщик. В 1915—19 секретарь Социнтерна молодежи. В 1919—21 секретарь КИМ. Делегат II—IV и VI конгрессов Коминтерна. В 1921 основатель и руководитель Межрабпома. С 1924 депутат Рейхстага и член ЦК КПГ. Руководитель всей агитационно-пропагандистской деятельности КПГ.

После прихода к власти нацистов эмигрировал во Францию. Выступал против тактики единого фронта. Выведен из ЦК КПГ, в 1939 исключен из КПГ. В начале второй мировой войны интернирован французами. Убит при невыясненных обстоятельствах после бегства из лагеря. Был доверенным лицом О. Пятницкого.

НАСОНОВ Николай Михайлович (псевдонимы Чарли, Юноша) (1902—?)

В 1922—23 член Дальбюро ЦК КСМ. В 1923—24 секретарь Владивостокского губкома РКСМ. В 1924—25 секретарь Среднеазиатского бюро ЦК КСМ. В 1925—27 представитель КИМ в Китае. В 1927 член Исполкома КИМ. В 1932—33 зав. негритянской секцией Восточного секретариата ИККИ. Репрессирован. Реабилитирован посмертно.

НЕБЕНФЮР (Шмид) Карл Карлович (1900—1939)

Крупный советский военный разведчик. Австриец. Сын кузнеца. Один из основателей компартии Австрии. Сотрудник Венского (Юго-Восточного) бюро Коминтерна. Делегат III конгресса Коминтерна и II конгресса КИМ в Москве. Член РКП(б) с 1922. Сотрудник IV (Разведывательного) управления Генштаба РККА. На нелегальной работе в Румынии, Турции, Франции, Португалии. Арестован 9 января 1938, расстрелян 31 марта 1939. Реабилитирован посмертно.

НЕБЕНФЮР (урожденная Венгельс) Эрна (1897—1979)

Немецкая коммунистка, жена и помощница К. Небенфюра, с которым познакомилась на III конгрессе Коминтерна в Москве. Вместе с ним участвовала в разведдеятельности, выполняя ответственные поручения IV управления Генштаба РККА. В 1938—54 в лагерях и в ссылке в Казахстане. Реабилитирована посмертно.

НЕЙМАН Хейнц (1902—1937)

Член КПГ с 1919. С 1922 редактор, с 1924 внешнеполитический редактор, с 1929 главный редактор газеты «Роте Фане». В 1924—28 представитель КПГ при ИККИ. С 1927 кандидат, с 1929 член ЦК КПГ, до 1932 кандидат в члены Политбюро и член Секретариата ЦК КПГ. В 1930—32 депутат Рейхстага. В 1927 участник коммунистического восстания в Кантоне (Китай).

С конца 1920-х возглавлял в КПГ так наз. «большевистскую фракцию» (группа Неймана-Реммеле). Был конкурентом Э. Тель-

мана, но потерпел поражение и в 1932 направлен инструктором Коминтерна в Испанию. В декабре 1934 арестован в Швейцарии, в мае 1935 выслан. Эмигрировал в СССР. Репрессирован. Реабилитирован посмертно.

НЕСТЕРОВИЧ псевдоним Ярославский) Владимир Степанович (1895—1925)

Белорус. В 1916 окончил пехотное училище, в 1917 штабс-капитан. Большевик с 1917, с 1918 в Красной Армии. Командовал 1-м Московским революционным полком, затем бригадой, 42-й стрелковой дивизией, 9-й кавалерийской дивизией, 31-й бригадой Гомельской кавдивизии. Отличился в боях против войск Н. И. Махно. В 1919 награжден орденом Красного Знамени, в 1921 почетным революционным оружием.

В 1922—23 учился в Военной академии РККА, после чего командирован на нелегальную работу за границу. В Вене работал под «крышей» советского торгпредства, под фамилией Ярославский. Координировал действия Военного центра Болгарской компартии. После взрыва 16 апреля 1925 в Софийском соборе решил отойти от дел и уехал в Германию. В августе 1925 был отравлен в кафе города Майнца сотрудниками ИНО ОГПУ.

НИКОЛЬСКИЙ (Нейман) Владимир Абрамович (он же Берг Виктор Александрович, Васильев, Василий) (1898—1943).

Член РКП(б) с 1921. Окончил три класса коммерческого училища. В 1919—20 служил в частях народно-революционной армии ДВР. В 1921 сотрудник Административной секции Коминтерна. В июне 1921 выехал в Китай как представитель Профинтерна от Дальневосточного секретариата Коминтерна под фамилией Никольский. До декабря 1921 работал в Шанхае, в 1921—25 в Маньчжурии. В 1938 арестован, в 1943 погиб в лагере. Реабилитирован посмертно.

НИН Андрес (1892—1937)

В 1920—21 генеральный секретарь Национальной конфедерации труда Испании. В 1921—30 жил в СССР. Член РКП(б), депутат Моссовета. Входил в руководство Коминтерна и Красного профинтерна. Выезжал на нелегальную работу в Германию и в Италию. Выслан из СССР в сентябре 1930 как троцкист. Вернулся в Испанию, где возглавил испанских троцкистов. Постепенно стал отходить от Троцкого. Объединившись с группой «правых» коммунистов («Блок рабочих и крестьян»), в 1935 основал Рабочую

партию марксистского единства (ПОУМ). Во время гражданской войны в Испании был похищен агентами ИНО ГУГБ НКВД и убит.

ОДЗАКИ Ходзуми (Отто, Инвест) (1901—1944)

Японец, из семьи журналиста. Журналист, писатель и поэт. В 1922—25 учился в Токийском университете. Доктор юриспруденции. С 1926 работал в газете «Токио Асахи Симбун». С 1927 сотрудник китайского отдела редакции «Осака Асахи Симбун». С ноября 1928 японский корреспондент в Шанхае. Владел китайским и английским языками.

С октября 1930 друг и сотрудник Зорге. В 1931—41 опубликовал 11 книг на японском языке, многочисленные статьи на японском и английском языках. С 1934 вновь в Японии, работал в газете «Токио Асахи Симбун» и в Обществе исследования проблем Восточной Азии. С 1937 сотрудничал в исследовательском обществе «Сева». Сотрудник аппарата японской секретной службы. В 1938 премьер-министр Коноэ назначил его советником Кабинета министров по вопросам Китая. Одновременно был консультантом исследовательского бюро Южно-маньчжурской железнодорожной компании — опорного пункта японской разведки в Китае. С августа 1939 редактировал «производственный» ежемесячный отчет ЮМЖДК. Арестован в 1941, казнен 7 ноября 1944 вместе с Зорге.

ПЕТРИКОВСКИЙ (Петренко) Сергей Иванович (1894—1964)

Уроженец Люблина, сын учителя. Большевик с 1911. Учился в Петербургском университете. В 1914—15 руководитель большевистской организации университета. В 1915 арестован охранкой и сослан в Енисейскую губернию. В ссылке мобилизован в армию, юнкер Владимирского пехотного училища. В 1917—18 начальник гарнизона и член штаба Красной гвардии Харькова. Активный участник Гражданской войны на командных должностях в вооруженных силах советской Украины и Крыма. Осенью 1920 начальник 40-й стрелковой дивизии.

Затем на руководящей работе в Разведупре Генштаба РККА. Был представителем начальника Разведупра по Европе, тесно сотрудничал с Коминтерном, курируя совместные мероприятия обеих организаций и выполняя отдельные задания оргсекретаря ИККИ, особенно по передаче денег европейским компартиям. В 1934—37 заочно учился в Военно-воздушной академии им. Жуковского, после окончания — начальник ЦАГИ. С декабря 1935 бригадный комиссар, с марта 1938 бригадный инженер, с февраля 1943 гене-

рал-майор инженерно-авиационной службы, старший военпред на заводе № 20 МВС СССР. Близкий друг И.А. Пятницкого.

ПЕТРОВСКИЙ Давид Александрович (Липец Давид Ефимович, с 1934 Брегер Максимилиан Александрович) (1886—1937)

В 1902—19 член Бунда. Делегат V съезда РСДРП. Окончил университет в Брюсселе. После Октябрьской революции вернулся в Россию. В 1919 вступил в РКП(б) и РККА, работал лектором. В 1920—24 комиссар и начальник ГУВУЗ Республики. В 1924—30 в ИККИ. Был представителем ИККИ в Великобритании. Член Президиума ВСНХ. Начальник Главного управления учебными заведениями НКТП. Арестован 11 марта 1937, расстрелян 10 сентября 1937. Реабилитирован посмертно.

ПЕТРОВСКИЙ Петр Григорьевич (1899—1941)

Сын Г.И. Петровского (1878—1958). Член партии большевиков с 1916. В 1917 окончил гимназию. Секретарь Выборгского райкома РСДРП(б) в Петрограде, участник штурма Зимнего дворца. В 1918 один из руководителей союза молодежи в Петрограде. В марте-мае 1918 секретарь райкома партии в Москве. В июне-декабре комиссар и председатель ЧК при политотделе штаба 4-й армии, председатель Самарской губчека. В январе-феврале 1919 начальник политотдела 22-й стрелковой дивизии. В апреле-июле секретарь Уральского горкома партии и председатель ревкома, один из руководителей обороны Уральска, главный редактор газеты «Яицкая правда». С июля 1919 по октябрь 1921 секретарь Уральского губкома партии, председатель Уральского губревкома. Делегат VIII и X—XV съездов партии. Участник подавления Кронштадтского мятежа в 1921. В дальнейшем член ЦК РКСМ, секретарь ЦК и МК ВЛКСМ, председатель советской делегации в Исполкоме КИМ, член ИККИ. В 1926—28 зав. агитпропом Ленинградского горкома ВКП(б), главный редактор «Ленинградской правды», редактор журнала «Звезда». Затем на административно-хозяйственной работе. Репрессирован, реабилитирован посмертно.

ПИК Вильгельм (1876—1960)

Из семьи немецкого рабочего. С 1895 член Социалистической партии Германии. В мае 1915 арестован за антивоенную пропаганду. После освобождения отправлен на фронт. Один из основателей «Союза Спартака» и КПГ. Один из руководителей Коминтерна. С 1949 президент ГДР. Близкий друг О. Пятницкого.

ПИККЕР Саул (Александр) Самуилович (псевдоним Мартынов) (1865—1935)

Один из лидеров российской социал-демократии. В годы первой мировой войны сотрудник Парвуса в Копенгагенском институте по изучению социальных последствий войны. В 1923 вступил в РКП(б). Редактор журнала «Коммунистический Интернационал».

ПОГАНЬ (Пеппер) Йозеф (Джон) (1886—1938)

Один из основателей компартии Венгрии в 1918. Профессор экономики. Нарком по военным и иностранным делам, нарком образования, командир 2-го корпуса армии Венгерской советской республики. Эмигрировал в Австрию, затем в СССР. Работал в аппарате Коминтерна. В 1921 вместе с Б. Куном один из организаторов мартовского восстания в Германии. С 1922 представитель ИККИ в США. С 1926 кандидат в члены Секретариата ИККИ. В 1929 за поддержку группы Ловстона-Гитлоу в КП США освобожден от работы в Коминтерне. Жил в СССР, работал в Госплане. Репрессирован. Реабилитирован посмертно.

ПОЛЛИТ Гарри (1890—1960)

С 1906 член Независимой рабочей партии Великобритании. С 1912 в Британской соцпартии. Один из основателей КП Великобритании в 1920. С 1922 член ЦК и Политбюро. В 1929—56 лидер КПВ. В 1924—1943 член ИККИ, с 1935 член Президиума ИККИ.

ПРУХНЯК Эдвард (псевдоним Стефан Копец, клички Олек и Север) (1888—1937)

Ученик Ленинской школы в Лонжюмо. Участник Февральской революции в Москве. В 1918—19 секретарь ЦК КПП. С 1925 кандидат и член Политбюро Польской компартии. С 1928 в ИККИ. В мае 1937 арестован, в сентябре расстрелян. Реабилитирован посмертно.

ПЯТНИЦКИЙ (Таршис) Иосиф (Осип) Аронович (1882—1938)

Партийные клички «Цыган», «Черный», «Шварц», «Смуглый», «Вильениц», «Фрейтаг», «Пятница», «Покемунский», «Князь Сенадирадзе», «Осип», «Альберт», «Генрих», «Самара» в подпольный период деятельности. «Мишап — его псевдоним, который он подписывал все секретные и конспиративные документы Коминтерна. Товарищи по партии обычно называли его «Пятница» либо «Осип». Эти же партийные клички создали ему новое имя и фамилию.

Родился в семье столяра-краснодеревщика в городе Вилкомира Ковенской губернии. С 13 лет работал дамским портным в Паневеже, Ковно и Вильно. В социал-демократическом движении с 1898. С 1901 агент «Искры». 14 марта 1902 арестован. Бежал из Лукьяновского замка в Киеве вместе с Н. Бауманом и М. Литвиновым и еще семью «искровцами». В марте 1903 в Лондон впервые встретился с Лениным, Крупской и другими членами редакции «Искры». Участвовал в подготовке II и III съездов РСДРП. После II съезда — большевик. Участник революции 1905—07 в Одессе и Москве. С 1911 руководил всей транспортно-технической и конспиративной деятельностью Заграничного центра партии. Неоднократно арестовывался царской охранкой. С 1914 в Енисейской ссылке. Приехал в Москву 23 марта 1917 и был направлен на работу среди железнодорожников. С 25 октября 1917 один из руководителей восстания в Москве и Московской области. С февраля 1919 председатель профсоюза железнодорожников Советской России. В 1918—22 член Исполкома Моссовета и ВЦИК РСФСР. В 1920 секретарь МК РСДРП(б), в 1920—21 кандидат в члены ЦК партии. С марта 1921 на работе в Коминтерне. В 1924—27 член ЦКК, в 1927—37 член ЦК ВКП(б), член ВЦИК и ЦИК СССР.

РАДЕК (Собельсон) Карл Бернгардович (1885—1939)

Участник социал-демократического движения в Галиции, Польше и Германии. Большевик с 1917. В апреле 1917 выехал из Швейцарии в ленинском «пломбированном вагоне», в Стокгольме вошел в состав Зарубежного бюро ЦК. В 1918—19 зав. Отделом печати Наркоминдела. В 1919—24 член ЦК РКП(б). В 1920—24 член ИККИ, секретарь ИККИ в 1920, член Президиума ИККИ в 1921—24. В 1923—24 зав. Восточным отделом ИККИ. В 1925—27 ректор Коммунистического университета трудящихся Китая им. Сунь Ятсена. Один из лидеров троцкистской оппозиции. Исключен из партии в 1927. В 1928—29 в ссылке. В 1932—36 зав. бюро международной информации ЦК ВКП(б). Свидетель обвинения на процесса «Объединенного троцкистско-зиновьевского центра» (январь 1936). 30 января 1937 на процессе так называемого «параллельного антисоветского троцкистского центра» приговорен к 10 годам заключения. Убит в тюрьме 19 мая 1939. Реабилитирован посмертно.

РАДО Шандор (псевдонимы Альберт, Дора) (1899—1981)

Родился в семье венгерского торговца и буржуазного политического деятеля. Окончил гимназию. В 1917 призван в армию.

Окончил офицерскую школу крепостной артиллерии. Одновременно поступил на юридический факультет Будапештского университета. В 1918 служил в бюро секретного делопроизводства арtpолка. С декабря 1918 член венгерской компартии, в 1919 политкомиссар 6-й дивизии армии Советской Венгрии. Затем в эмиграции в Вене. Сотрудник журнала «Коммунизм». В июне 1920 организовал информационное агентство «Роста-Вена», распространявшее информацию о СССР, затем телеграфное агентство «Интел», передававшее информацию в Москву. В 1921 делегат III конгресса Коминтерна. С лета 1922 в Германии, студент Берлинского, затем Лейпцигского университетов. Сотрудник военного аппарата КПГ. В 1924—25 в Москве, картограф.

С 1925 в Берлине, с 1933 во Франции, руководитель картографических агентств, одновременно сотрудник конспиративного аппарата Коминтерна. С 1935 сотрудник IV (Разведывательного) управления Генштаба РККА. С 1936 в Швейцарии. Сотрудник, с начала второй мировой войны — резидент «Красной капеллы» в Швейцарии. После окончания второй мировой войны эмигрировал в Египет, но по сфабрикованному НКВД обвинению в совершении уголовного преступления в августе 1945 выдан СССР и арестован контрразведкой СМЕРШ.

В декабре 1946 особым совещанием при МГБ СССР осужден на 10 лет лишения свободы якобы за шпионаж. В 1956 реабилитирован. После освобождения жил в Будапеште.

РАДО (урожденная Янсен) Елена (1901—1958)

Член КПГ с 1919. В 1921—22 сотрудница Балканской коммунистической федерации в Вене. В 1924—26 ее корреспондентка в Москве, затем сотрудница агитпропа ЦК КПГ. Неоднократно арестовывалась. С 1933 во Франции. Сотрудничала в эмигрантской прессе. С 1936 в Швейцарии. Помощница и жена Шандора Радо. Агентурные псевдонимы Мария и Арнольд.

РАКОВ Вернер Готтальдович (Инков Владимир, Вольф, Феликс) (1893—1937)

Немец родом из Латвии. С 1900 жил в Германии. Окончил гимназию в Ганновере. Работал в банке. В 1914 вернулся в Россию. Во время мировой войны интернирован в Пермской губернии. После Октябрьской революции участник движения военнопленных интернационалистов. Редактировал коммунистические газеты на немецком языке. В декабре 1918 с группой К. Радека направлен в

Германию. Участник учредительного съезда КПГ, участник создания Бременской советской республики. На партийной работе в Кенигсберге, Гамбурге. С 1920 информатор Малого бюро Коминтерна. Сотрудник Западноевропейского секретариата Коминтерна в Берлине.

В 1922 под именем Владимир Инков резидент советской военной разведки в Вене. В 1923—24 руководил разведотделом (информотдел, 12-й отдел) военного аппарата КПГ. Осенью 1923 член германского ревкома. В 1924—27 по заданию ИККИ на нелегальной работе в США. В 1928 исключен из ВКП(б) за участие в троцкистской оппозиции. В июне 1929 восстановлен в партии. Позже под именем Владимир Богданович Котлов на руководящих должностях в химической промышленности. В 1933 исключен из партии за «фракционную, антипартийную работу против КПГ». 10 июля 1934 восстановлен в партии решением Интернациональной контрольной комиссии ИККИ. На момент ареста редактор немецкой газеты «ДДЦ». Арестован НКВД 27 июля 1936, расстрелян 14 сентября 1937. Реабилитирован посмертно.

РАКОШИ Матиас (1892—1971)

Родился в еврейской семье в Венгрии. В 1910 вступил в Венгерскую СДП. Участник мировой войны. С 1915 в русском плену. Член компартии Венгрии с момента основания. Во время Венгерской советской республики занимал различные правительственные посты. После поражения Советской Венгрии выехал в Вену, затем в Россию. Работал в центральном аппарате Коминтерна. В январе 1921 присутствовал на учредительном съезде компартии Италии. Летом 1923 под псевдонимом Пингвино находился в Милане как эмиссар Коминтерна. В декабре 1924 по заданию ИККИ выехал с секретной миссией в Венгрию, где в сентябре 1925 был арестован политической полицией режима диктатора Хорти и 15 лет провел в одиночной камере. Это спасло ему жизнь, так как иначе в 1930-е его бы расстреляли в подвалах Лубянки вместе с другими функционерами Венгерской компартии.

В 1940 освобожден из венгерской тюрьмы по обмену, так как из-за недостатка в кадрах его затребовало руководство Коминтерна. В феврале 1945 вернулся в Венгрию. В 1945—56 генеральный секретарь ЦК Венгерской компартии. С ноября 1945 по август 1952 зам. премьер-министра, с августа 1952 по июль 1953 премьер-министр. В июле 1956 снят со всех постов, в октябре бежал в СССР. Умер в феврале 1971.

РАФЕС Моисей Григорьевич (псевдоним Макс) (1833—1942)

С 1920 сотрудник Отдела агитации и пропаганды ИККИ. Работал в Китае в 1926—27. В 1926 секретарь Дальневосточного бюро ИККИ в Шанхае. В 1927—28 зав. отделом иностранной информации ТАСС. Арестован 11 мая 1938, 2 июня 1940 приговорен к 10-и годам лишения свободы. Заключение отбывал в лагерях в Коми АССР, где и умер. Реабилитирован посмертно.

РЕЙНШТЕЙН Борис Иванович (1866—1947)

Деятель российского и американского рабочего движения, член Социалистической рабочей партии и компартии, США участник создания Коминтерна, работник ИККИ.

РЕЙСС (Порецкий) Игнатий Станиславович (Натан Маркович, Людвиг) (1899—1937)

Родился в семье служащего в австрийской части Галиции. С 1919 связник Коминтерна. В 1920 на нелегальной работе в Польше. Сотрудник Разведуправления Генштаба РККА, в 1922—26 в Германии, в 1926—27 в Вене. В конце 1920-х работал в Чехословакии, затем в Польше. В 1931 перешел в ИНО ОГПУ. Сотрудник резидентуры во Франции-Швейцарии. Порвал с советским режимом, выступил в прессе с обвинениями в адрес сталинского руководства. Солидаризировался с IV (троцкистским) Интернационалом. Убит сотрудниками ИНО ГУГБ НКВД в сентябре 1937 в Швейцарии.

РЕММЕЛЕ Герман (1880—1939)

Немецкий рабочий-металлист. Член СДПГ с 1897, член КПГ с 1920. Член ЦК КПГ с 1921, член Политбюро ЦК КПГ в 1924—33. Депутат Рейхстага в 1924—33. Секретарь ЦК КПГ до 1932. Член Президиума ИККИ, в 1926—29 представитель КПГ в ИККИ. Вместе с Х. Нейманом возглавлял так называемую «большевистскую фракцию» в руководстве КПГ, пытавшуюся отстранить Э. Тельмана от руководства партией. В 1933 эмигрировал в СССР. Репрессирован. Реабилитирован посмертно.

РИММ Карл Мартынович (Клаас Зельман, Пауль) (1891—1938)

Сын эстонского батрака. Окончил гимназию в Дерпте. Сельский учитель в деревне Леписту. В годы мировой войны подпоручик. Член РКП(б) с 1918. Организовал первый в Эстонии отряд Красной гвардии. После оккупации Прибалтики Германией пере-

ехал в Вологду. Член райвоенсовета, командир пулеметной роты. Участник боев в Екатеринбургe, в Архангельске, под Нарвой. В 1924 окончил Военную академию РККА. В декабре 1924 во время коммунистического восстания в Эстонии начальник штаба. Затем начальник командных курсов РККА, начальник штаба дивизии.

С 1930 заместитель и военный советник Рихарда Зорге в Шанхае. Затем на разведработе в других городах Китая. С середины 1930-х в Тяньцзине. Позже начальник отдела Разведупра. Арестован 11 декабря 1937, расстрелян 22 августа 1938. Реабилитирован посмертно.

РОЗОВСКИЙ Наум Савельевич (?—1939)

Армейский военюрист, военный прокурор ряда военных округов, затем зам. главного военного прокурора. В 1936—39 главный военный прокурор РККА и зам. генерального прокурора СССР, курировал работу НКВД. В 1939 снят с работы якобы за ее развал и устранение от надзора за следствием, а также за активное участие в делах политзаключенных, находившихся в производстве в НКВД. Расстрелян.

РОЙ Манабендра Нат (Нарендра Нат Бхаттачария) (1892—1954)

Родился в Бенгалии в семье брамина. С 1907 член террористической группы «Югунтар». В 1915 бежал через Японию в США. Руководил радикально-националистической группой «Гадр». Один из основателей компартии Мексики. Делегат II—V конгрессов Коминтерна. Жил в Москве до 1929. Кандидат, в 1927—28 член ИККИ. Руководитель индийского коммунистического движения. В 1929, после исключения из Коминтерна, член бюро Интернационального объединения коммунистических оппозиций (ИВКО) в Берлине. С 1930 в Индии, в 1931—36 в тюрьме. Возглавлял левое крыло ИНК. Являлся членом Исполкома ИНК. В 1940 исключен из ИНК. Создал и в 1940—48 возглавлял Индийскую радикально-демократическую народную партию. В 1948 вышел из партии, создал Индийский институт возрождения. Разрабатывал философию «нового гуманизма».

РОЛАНД-ГОЛЬСТ (1869—1952)

Голландская публицистка и писательница. Входила в руководство левого крыла СДРП Нидерландов. С 1915 возглавляла Революционно-социалистический союз. Одна из основательниц компар-

тии Нидерландов в 1918. В 1927 перешла на позиции христианского социализма и пацифизма.

РОСМЕР (настоящая фамилия Грио) Альфред (1877—1964)

Один из лидеров анархо-синдикализма во Франции. С 1909 один из редакторов газеты «Рабочая жизнь». Один из создателей ФКП. Входил в Исполком Коминтерна. В 1924 исключен из партии. Редактировал журнал «Пролетарская революция». Один из руководителей международного троцкистского движения. С 1929 издавал еженедельник «Верите» (Правда). В 1938 в доме Росмера состоялась учредительная конференция IV Интернационала.

РОТ Лео (Гесс Эрнст, Альберт) (1910—1973)

Член германского комсомола с 1925. В 1926 исключен из КСМГ «за активную троцкистскую деятельность» (это в 16 лет!). В 1926—28 в оппозиционной группе Корша. В 1929 вступил в КПГ. С 1930 сотрудник аппарата ЦК КПГ. В 1931 курсант военной школы. Входил в руководство военно-политического аппарата КПГ, отвечал за разведывательную службу. В начале 1936 эмигрировал в СССР. В конце 1936 арестован органами НКВД. По некоторым данным, позже был освобожден и направлен в Испанию.

РУДНИК Яков Матвеевич (1894—1963)

Родился под Киевом в бедной еврейской семье. Окончил коммерческое училище. Учился в Петербургском политехническом институте, был мобилизован в армию. Окончил военное училище, прапорщик. Большевик с марта 1917. В Октябре 1917 комиссар ВРК в Финляндском полку. Участник штурма Зимнего и подавления восстания юнкеров, мятежа Керенского-Краснова. Организатор Красной гвардии Финляндии. В начале 1918 член Коллегии ВЧК в Петрограде. Затем в политотделе Высшей военной инспекции. С начала 1919 на нелегальной работе в Украине. В марте 1919, спасаясь от ареста, выехал из Одессы на пароходе с демобилизованными французскими солдатами во Францию. Активно участвовал в коммунистическом и забастовочном движении во Франции, подвергался преследованиям. В сентябре 1920 вернулся в Россию, политработник на Южном фронте. Затем в аппарате Коминтерна.

В феврале 1921 направлен резидентом советской разведки во Францию. В 1922 арестован и осужден на два года тюрьмы. В 1925—40 сотрудник ОМС ИККИ. В 1925—27 находился в Австрии, в 1929—31 в Китае, где был арестован под фамилией Руек.

Находился в заключении до 1937. В 1939 вернулся в СССР. Работал в Институте востоковедения. В 1941—43 в армии, затем в Институте международных отношений.

РЫКОВ Александр Иванович (1881—1938)

Человек сугубо мирный, очень толковый и здравомыслящий, обладал незаурядными организационными способностями, умел работать с людьми. Это был истинный технократ, без особого таланта и без явных недостатков, осторожный в принятии ответственных решений. Он никогда не делал того, с чем не был согласен и в чем не был убежден до конца.

По существу, именно Рыков создал ВСНХ, был его председателем и руководителем аппарата. Во время болезни Ленина, он был его заместителем в Совнаркоме и СТО, а после смерти Ленина возглавил одновременно правительства СССР и РСФСР.

РЮТИН Мартемьян Никитич (1890—1937)

В 1917 председатель Совета депутатов в Харбине. В 1918—19 командующий войсками Иркутского военного округа. С 1920 на партработе в Иркутске, Дагестане, Москве. В 1927—30 кандидат в члены ЦК партии. В 1930 член президиума ВСНХ.

В 1930 написал обращение «Ко всем членам ВКП(Б)», в котором обвинил Сталина в извращении ленинизма и в узурпации власти. Был арестован, отправлен в лагерь и позже расстрелян. Реабилитирован посмертно.

САФОНОВ Михаил Абрамович

Член партии с 1917. В 1917 солдат самокатного (мотоциклетного) батальона. Был связным и телохранителем у секретаря МК и члена Боевого партийного центра И.А. (Осипа) Пятницкого во время Московского вооруженного восстания 1917 и с тех пор до его ареста был его личным шофером в Коминтерне и ЦК ВКП(б).

СВЕРДЛОВ Яков Михайлович (1885—1919)

Участник революции 1905 на Урале. С 1912 член ЦК РСДРП. В 1917 член Петроградского ВРК, один из руководителей октябрьского переворота. С ноября 1917 секретарь ЦК партии большевиков и председатель ВЦИК. С января 1919 член Оргбюро ЦК РКП(б). Один из создателей Коминтерна.

Свердлов в 1917—19 являлся самым близким помощником Ленина. Именно с его помощью он в 1918 разогнал Учредительное

собрание. Смерть Свердлова от гриппа Ленин считал величайшей, невозполнимой утратой для партии.

Напротив, многие современные исследователи считают Свердлова одним из величайших преступников среди большевиков. Именно он был инициатором и организатором, во-первых, «красного террора», во-вторых, пресловутого «расказначивания», т.е. массовых репрессий, повлекших физическое уничтожение более чем миллиона людей.

СВЕРЧЕВСКИЙ Кароль (1897—1945)

Поляк. С 1914 в эвакуации в Москве. С 1917 в Красной гвардии. Участник Гражданской войны. С 1918 член РКП(б). В 1927 окончил Военную академию им. Фрунзе. В 1928—31 в разведотделе штаба Белорусского ВО. В 1931—36 начальник отделения в IV (Разведывательном) управлении Генштаба РККА. Занимался военным обучением иностранных коммунистов под псевдонимом «Вальтер» руководил военно-разведывательной школой Коминтерна в Подмоскowie. В 1936—38 участник гражданской войны в Испании. Командир 14-й Интербригады. В 1939—41 старший преподаватель, начальник специального (разведывательного) факультета Военной академии им. Фрунзе.

Участник Великой Отечественной войны. На командных должностях в советских, с 1943 в польских частях, командовал 2-й польской армией. После войны заместитель министра обороны Польши. Убит боевиками УПА.

СЕМАР Пьер (1887—1939)

С 1924 член ЦК и Политбюро Французской компартии. В 1924—30 генеральный секретарь ФКП. В 1924—25 член ИККИ. Убит нацистами.

СЕМАУН Касым Джон (1899—1971)

В 1924—27 представитель Компартии Индонезии в ИККИ. В 1924—28 член ИККИ. В 1927—28 член Президиума ИККИ. В 1924—28 член Исполкома Профинтерна.

СКАЛОВ Георгий Борисович (псевдоним Синани) (1896—1935?)

В 1922—23 ректор Московского института востоковедения. В 1923—24 военком 5-й Витебской стрелковой дивизии, начальник Политуправления Туркестанского фронта. В 1925—27 военный со-

ветник в Китае. В 1927—28 слушатель Восточного факультета Военной академии им. Фрунзе. В дальнейшем на работе в аппарате ИККИ (руководитель Латиноамериканского Лендерсекретариата), в Институте мирового хозяйства, и мировой политики АН СССР.

По так называемому «кремлевскому делу» обвинен в подготовке покушения на Сталина. Репрессирован. Реабилитирован посмертно.

СМИРНОВ Александр Петрович (1877—1938)

Член партии с 1896, участник революции 1905—07. В 1922—23 член ЦК, в 1924—30 член Оргбюро ЦК ВКП(б). С 1923 нарком земледелия РСФСР, секретарь Крестинтерна, заместитель Председателя СНК РСФСР и секретарь ЦК партии. Репрессирован. Реабилитирован посмертно.

СНЕВЛИЕТ (Маринг) Генрикус (1883—1942)

Деятель голландского и индонезийского рабочего движения. С 1913 один из основателей и руководитель социал-демократии Индонезии. С 1921 представитель ИККИ в Китае. С 1924 в Москве, затем в Голландии. Лидер компартии Голландии. В 1927 исключен из партии за поддержку идей Троцкого. В 1929 основал Революционно-социалистическую партию. В 1933—38 депутат голландского парламента. Во вторую мировую войну — лидер голландского движения Сопротивления. Арестован и казнен нацистами.

СОЛЬЦ Арон Александрович (1872—1945)

Член партии с 1898. Участник борьбы за советскую власть в Москве в 1917, член МК и редакции газеты «Правда». С 1920 член ЦКК РКП(б), с 1921 член Верховного Суда РСФСР, затем Верховного Суда СССР. В 1923—24 член Президиума ЦКК ВКП(б). В 1921 член кооперативной комиссии ИККИ. На VI конгрессе Коминтерна избран членом Интернациональной контрольной комиссии. Близкий друг О. Пятницкого.

СОСНОВСКИЙ Ян Теодорович (1895—1937)

Поляк, член ППС с 1905. В 1917 организатор Красной гвардии в Самаре. Активный участник Гражданской войны в Самарской и Симбирской губерниях. Затем член Коллегии польского комиссариата Наркомнаца. Член московской группы компартии Польши с 1919. С 1920 в РККА, на работе в Польском бюро ЦК РКП(б). В 1921—25 член российско-украинско-польской пограничной комис-

сии. В 1925—27 под прикрытием сотрудника НКВД в Варшаве был представителем ОМС Коминтерна. Репрессирован. Реабилитирован посмертно.

СТАЛИН (Джугашвили) Иосиф Виссарионович (1877—1953). С начала 1920-х был членом Политбюро и секретарем ЦК, наркомом национальностей и рабоче-крестьянской инспекции.

Он был скрытен и необычайно мстителен. Никогда никому ничего не забывал и не прощал, обязательно мстил, хотя бы через двадцать лет. Найти в его характере какие-либо симпатичные черты очень трудно — личному секретарю Бажанову это не удалось.

Сталин очень часто не знал, как ему быть и что делать. Но виду не показывал. Бажанов много раз видел, как он колебался, не решаясь принять решение, скорее предпочитал идти за событиями, чем ими руководить. Но природная хитрость и здравый смысл позволяли ему найти удачный выход из любого положения. Как оратор, был слаб, говорил с сильным грузинским акцентом и с трудом подбирал нужные слова.

Им владела одна всепоглощающая страсть — жажда абсолютной власти. И все же, на первый взгляд, трудно понять и объяснить, как с таким скудным арсеналом данных, Сталин смог придти к такой власти. До 1912 года в партии о Сталине мало кто знал. На Пражской конференции РСДРП Сталина кооптировали в ЦК без всяких выборов. В событиях 1917 он никакой роли не сыграл, оставался в тени, выжидал результатов. На фронтах Гражданской войны его деятельность очень спорна. А во время Польской кампании 1920 года, когда сорвалось наступление на Варшаву из-за невыполнения им и его армиями приказов главного командования, его деятельность стала одной из главных причин поражения.

Настоящая карьера Сталина началась с того времени, когда Зиновьев и Каменев, желая захватить наследство Ленина, организовали борьбу против Троцкого, и избрали Сталина союзником, которого надо было иметь в партаппарате. Они тогда не понимали, что партийный аппарат открывает прямую дорогу к власти.

Ленин ввел Сталина в ЦК и в свой круг, не опасаясь конкуренции со стороны малокультурного и политически слабого Сталина. По той же причине Зиновьев и Каменев позже сделали его генеральным секретарем ЦК. Они видели в нем политически ничтожного, но очень удобного помощника, отнюдь не соперника.

(По воспоминаниям Бориса Бажанова, бывшего секретаря Сталина.)

* * *

В 1929 году, реагируя на изменения политики Коминтерна, происходящие под давлением Сталина, член Президиума ИККИ, секретарь ЦК компартии Италии Серра (Анжело Таска), долгое время представлявший свою партию в ИККИ, направил в Исполком Коминтерна открытое письмо, в котором прямо обвинил Сталина в узурпации власти, в навязывании Коминтерну своей ошибочной политики, и дал Сталину свою характеристику.

«Ответственность за все лежит на Сталине. Коминтерна не существует. Коммунистической партии не существует. Сталин — учитель и хозяин, который руководит всем. Находится ли он на высоте своего положения? По плечу ли ему такая ответственность? Я отвечаю прямо: Сталин неизмеримо ниже. Посмотрите на все, что он совершил и вы не найдете в этом ни одной его мысли. Он переворачивает чужие идеи, которые крадет и потом представляет в схематической форме, производящей впечатление силы мысли, которой нет на самом деле. Для него идеи — пешки, которыми он пользуется, чтобы выиграть партию за партией...

Сталин занимается плагиатом, ибо он не может ничего иного, он интеллектуально посредственен и бесплоден; поэтому он тайно ненавидит интеллектуальное превосходство Троцкого, Бухарина и других, не может им этого простить, использует их идеи от случая к случаю сообразно обстановке и, присвоив их, переходит в наступление против обворованных, потому что ему важны не принципы, а монополия власти.

С такими-то политикой и методами Сталин представляет в России головной отряд контрреволюции; он ликвидатор (покуда у него развязаны руки) самого духа Октябрьской революции. Между Лениным и Сталиным пропасть не количественная, а качественная. Я считаю, что самое большое несчастье, которое могло постичь Советскую Россию после смерти Ленина, это сосредоточение власти в руках Сталина, и русская партия, и все мы очень дорого заплатим за то, что не учли ясные указания Ленина на его счет.

Сегодня у Сталина в кулаке не только русская партия, но и весь Интернационал, и огромное несоответствие между подобной властью и способами ее осуществления приводят к катаклизмам, которые могут стать для революции роковыми. Такой представляется мне ситуация, и я смотрю на все это с содроганием души, и не могу с этим примириться».

(Annaei Feltzinell. Vol VIII. Milano. 1966, p. 67)

Эта характеристика Сталина, его политический портрет, написанный рукой итальянского коммуниста, очень точно уловили основные черты его натуры, как политического деятеля.

СТАСОВА Елена Дмитриевна (Герта, Штурм, Фридман; 1873—1966)

Член партии большевиков с 1898. Была секретарем Петербургского и ЦК партии. В 1907—12 работала в Тифлисе. Неоднократно подвергалась арестам, в 1913 сослана в Енисейскую губернию.

В 1917 организовала Секретариат ЦК РСДРП(б) и до IX съезда была его секретарем. В июле 1920 по поручению Малого бюро ИККИ занималась подготовкой съезда народов Востока и организацией Ближневосточного бюро Коминтерна. С 1921 под фамилией Фридман уполномоченная ОМС в Берлине, а также председатель ЦК красной помощи Германии; под фамилией Штурм — член международного женского секретариата (МЖС).

С 1926 член Оргбюро ИККИ и член ЦК ВКП(б). В 1927—38 зам. председателя Исполкома МОПР, председатель ЦК МОПР, с 1930 член партколлегии ЦКК. В 1934 председатель Всемирного женского антивоенного конгресса. С августа 1935 в Иностранной контрольной комиссии Коминтерна. В 1938—46 редактор журнала «Интернациональная литература» на французском и английском языках. Близкий друг О. Пятницкого.

СТЭН Ян Эрнестович (1899—1937)

Член партии большевиков с 1914. В 1924—27 зав. сектором агитационно-пропагандистского отдела ИККИ, в 1929—28 зам. зав. АПО ЦК ВКП(б). С 1928 на научной работе, с 1932 профессор Института Красной профессуры. Расстрелян. Реабилитирован посмертно.

СУВАРИН (Лифшиц) Борис Константинович (1895—1984)

Французский социалист. Родился в Киеве. В 1900 с родителями переехал во Францию. В годы мировой войны руководитель комитета за созыв III Интернационала. Один из основателей и руководителей КП Франции. Член ИККИ. Представитель ФКП в Коминтерне. В 1924 исключен из партии за поддержку Троцкого. В дальнейшем работал в буржуазной прессе.

СУЛТАН-ЗАДЕ Аветис (1889—1938)

Иранский революционер и публицист. С 1907 участник социал-демократического движения в Закавказье, член партии большеви-

ков с 1912. В 1920—23 и в 1927—32 один из руководителей Компартии Ирана, член ее ЦК; член ИККИ, делегат II, III, IV и VI Конгрессов Коминтерна. В 1923—27 и с 1932 на советской и хозяйственной работе в СССР. Расстрелян. Реабилитирован посмертно.

ТАРХАНОВ Оскар Сергеевич (он же Разумов, Таубе, Танин, Эрберг, Каррио) (1901—1938)

Член РКП(б) с 1918. В 1919—20 секретарь Крымского подпольного обкома комсомола и член обкома партии. Первый председатель Центрального бюро юных пионеров. В 1923—24 член и секретарь Исполкома КИМ. В 1926—27 работал в Китае, затем в Монголии. В 1927 исключен из партии за троцкизм. В 1928 восстановлен. На момент ареста советник полпредства в Монголии. Арестован 12 июня 1937, расстрелян 3 февраля 1938. Реабилитирован посмертно.

ТЕЛЬМАН Эрнст (1886—1944)

Деятель германского и международного коммунистического движения, председатель КПГ с 1925. С 1924 кандидат, затем член ИККИ. В 1933 арестован нацистами. Убит в концлагере Бухенвальд 18 августа 1944.

ТИВЕЛЬ (Левит) А.Ю. (1899—?)

В 1921—22 секретарь Восточного отдела ИККИ. В 1922—23 зав. секретариатом Г.Е. Зиновьева. В 1923—24 секретарь редакции журнала «Коммунистический Интернационал». В 1924—25 секретарь АПО ИККИ. В 1926—30 зав. иностранным отделом ЦК ВКП(б).

ТЕМКИН Арон Семенович (1896—?)

Член партии с 1915. Участник Октябрьской революции в Москве. В 1924 член Оргбюро ИККИ. С 1926 представитель МОПР в Оргбюро ИККИ. В 1929—37 начальник главка наркомата пищевой промышленности СССР. В 1937 арестован (был сокамерником И. Пятницкого в Лефортовской тюрьме). Реабилитирован в 1956.

ТОЛЪЯТТИ (псевдоним Эрколли) Пальмиро (1893—1964)

Родился в Генуе в семье мелкого государственного служащего. Закончил юридический факультет Туринского университета. С 1914 в Итальянской социалистической партии. Член ЦК Итальянской компартии с мая 1922. В 1924 на V конгрессе Коминтерна

избран членом Президиума ИККИ. В 1926 избран членом Оргбюро и Секретариата Коминтерна. С 1927 генеральный секретарь ИКП. В июле 1937 послан Коминтерном в Испанию под псевдонимом Альфред. В сентябре 1939 арестован в Париже, освобожден в феврале 1940. Выехал в Москву. В апреле 1944 вернулся в Италию. Умер в августе 1964 во время поездки в СССР.

ТОМСКИЙ (Ефремов) Михаил Павлович (1880—1936)

Это был смелый человек, всегда говорил, что думал, и восстал против несправедливости. Создатель и руководитель советских профсоюзов, собрал их в единую организацию из разрозненных корпоративных профсоюзов. Председатель ВЦСПС в 1919—1929. Член ЦК партии в 1919—34, член Политбюро в 1922—30. С 1932 зав. объединенным госиздательством.

Томский считал, что всякую болезнь, возникшую в обществе, надо лечить в зачаточном состоянии, ибо запущенная болезнь заканчивается для общества печально. Он восстал против «окаменения» партийного и государственного аппарата, увидев в этом начало создания касты чиновников, выступал против образования рабочей аристократии, против применения чрезвычайных мер при проведении коллективизации и индустриализации, что было объявлено «правым уклоном в ВКП(б)». Покончил жизнь самоубийством.

ТРЕППЕР Леопольд (клички «Лео» и «Отто»; 1904—1982)

Родился в Польше в семье лавочника. С 1918 член левой сионистской молодежной организации «Хашомир хацаир». С 1924 в Палестине. С 1929 член КП Палестины. С конца 1929 во Франции. С 1932 в СССР. Окончил Коммунистический университет национальных меньшинств Запада.

С 1936 по линии Коминтерна на нелегальной работе в Бельгии и во Франции. С 1938 резидент военной разведки в Бельгии, с 1940 во Франции. Руководил деятельностью разведывательной организации «Красная капелла». В ноябре 1942 был арестован гестапо. В сентябре 1943 бежал. После возвращения в СССР арестован и заключен в лагерь. Освобожден в 1954. С 1957 в Польше. В 1973 эмигрировал во Францию, затем в Израиль.

ТРИЛИССЕР (Москвин) Меер Абрамович (1883—1940)

Член партии с 1901. В 1905—06 член Военного комитета партии, руководитель военной работы финляндской организации

РСДРП(б), узник Шлиссельбургской крепости в 1909—14. После Февральской революции 1917 работал в военной организации Иркутского комитета РСДРП(б). В 1918 член Сибирской ЧК. В период японской интервенции на Дальнем Востоке на подпольной работе в Благовещенске. После изгнания японцев председатель Амурского облревкома, секретарь Амурского обкома РКП(б), затем комиссар ДВР по Амурской области, член Дальбюро ЦК РКП(б), член Госполитохраны ДВР.

С августа 1921 начальник отделения Особого отдела ВЧК, одновременно в апреле—ноябре 1921 заведующий Дальневосточным отделом ИККИ, член Президиума ИККИ, с декабря 1921 помощник начальника ИНО ВЧК-ГПУ. С мая 1922 начальник ИНО ГПУ-ОГПУ.

С 1926 зам. начальника ОГПУ. В 1930—34 зам. наркома рабоче-крестьянской инспекции РСФСР. В 1934—35 член Комиссии советского контроля при СНК СССР, уполномоченный по Дальневосточному краю. В 1935—38 член и секретарь ИККИ. Курировал деятельность спецслужб ИККИ. Репрессирован. Реабилитирован посмертно.

ТРОЦКИЙ (Бронштейн) Лев Давидович (1879—1940)

В годы жесточайшего сталинского террора, всех неугодных его диктаторскому режиму обвиняли именно в троцкизме, привязывая к этому термину и другие эпитеты: контрреволюционер, террорист, шпион, «враг народа».

Троцкий — сын мельника из-под Полтавы. Член РСДРП с 1897. Активный участник революции 1905—07. После очередного ареста бежал из ссылки за границу. В Россию вернулся в мае 1917. В конце августа 1917, после большевизации Петроградского Совета, был избран его председателем. В Октябре 1917 один из главных руководителей восстания в Петрограде.

На II съезде Советов вошел в состав первого правительства РСФСР в качестве наркома иностранных дел. С марта 1918 до 1925 нарком по военным и морским делам. С сентября 1918 одновременно председатель Реввоенсовета РСФСР. В 1912—27 член ЦК партии большевиков, в 1919—26 член Политбюро ЦК РКП(б)/ВКП(б) и член Исполкома Коминтерна.

Неоднократно возглавлял оппозицию в дискуссиях по важнейшим вопросам партийного и государственного строительства. В 1927 исключен из партии, в 1929 выслан из СССР, в 1932 лишен советского гражданства. Убит в Мексике агентами НКВД.

Вот как характеризовал Троцкого сэр Уинстон Черчилль, государственный деятель Великобритании, посвятивший борьбе с коммунизмом много лет жизни:

«Троцкий был честолюбив, причем честолюбив в самом обыкновенном конкретном значении этого слова. Все существующие в мире принципы коллективизма не способны были излечить его от эгоизма, бывшего для него болезнью смертельно опасной. Он не только хотел разрушить государство, он хотел царствовать над его развалинами. Всякая система правления, при которой он не находился у вершины власти, или, по крайней мере, у самой вершины, была для него отвратительна. Сила диктатуры пролетариата состояла для него в том, что только ему должно было оказываться беспрекословное повиновение, именно он должен был диктовать от имени пролетариата.

...Это создавало для него трудности. Товарищи стали ему завидовать. У них стали возникать подозрения. В своем звании командующего русской армией, которую он смог возродить, несмотря на неопишуемые трудности и опасности, Троцкий стоял совсем рядом с пустующим тронном Романовых.

...Товарищи отнюдь не пребывали в бездействии. Они тоже сознавали потенциальную угрозу, которую представляла для них новая русская армия, собранная им из обломков старой. Пока Ленин был жив, опасность представлялась им отдаленной. Более того, Ленин видел в Троцком своего политического наследника. Он пытался защитить его. Но в 1924 году Ленин умер, и Троцкий, все еще занятый своей армией и все еще поглощенный круглосуточной деятельностью по руководству своим министерством, все еще встречаемый приветственными кликами, которые раньше звучали в честь Николая II, вдруг обнаружил, что против него образовалась сильная и сплоченная оппозиция.

...Его интриги, дерзость, писания филиппик, зверства и победы привели лишь к тому, что другой товарищ, стоявший ниже него в революционной иерархии (т.е. Сталин — В.П.), уступавший ему по уму, если не по преступности, правит теперь вместо него, в то время, как когда-то торжествующий Троцкий, одно движение наспуленных бровей которого означало смерть для тысяч людей, пребывает в унынии»...

(У. Черчилль. Лев Троцкий. Журнал «Звезда», 1995, № 11.)

УЛЬБРИХТ Вальтер (1893—1973)

Немецкий «левый» социал-демократ (с 1912), затем коммунист (с 1918). С 1923 член ЦК КПГ. В 1925—29 (с перерывами) пред-

ставитель КПГ в ИККИ. С 1928 кандидат в члены ИККИ. В 1933 один из руководителей нелегальной КПГ. С 1935 член Политбюро ЦК КПГ. В 1943—45 член Национального комитета «Свободная Германия». В 1950—71 руководитель СЕПГ.

УНШЛИХТ Иосиф Станиславович (1878—1938)

Родился в городке Млава Полоцкой губернии. Окончил технические курсы в Варшаве по специальности электротехника. Член СДКПиЛ с 1900. Участник революции 1905—07 в Польше. В 1907—11 член Варшавского областного, Лодзинского окружного парткомов и Краевого правления СДКПиЛ. Семь раз арестовывался, с 1916 в ссылке. После Февральской революции член Исполкома Иркутского Совета и комитета РСДРП(б). С апреля 1917 в Петрограде.

В Октябре 1917 член Петроградского ВРК и исполкома Петроградского совета. Депутат Учредительного собрания от Петрограда. С декабря 1917 член коллегии НКВД. Во время германского наступления на Петроград в феврале 1918 один из организаторов обороны Пскова.

С 1919 нарком по военным делам, член ЦИК Лит.-Бел. советской республики, зам. председателя Совета обороны Лит.-Бел. С апреля 1919 член РВС 16-й армии, с декабря 1919 — член РВС Западного фронта. Член Польского бюро ЦК РКП(б). В 1920 член Временного ревкома Польши.

В 1921—23 первый зам. председателя ВЧК-ГПУ-ОГПУ. С 1923 член РВС и начальник снабжения РККА. Курировал деятельность советской военной разведки. Одновременно тесно сотрудничал с конспиративными службами Коминтерна, будучи членом Военной и Нелегальной комиссий ИККИ. В 1925—30 первый зам. председателя РВС СССР и зам. Наркомвоенмора СССР. В 1925—27 кандидат в члены ЦК ВКП(б), член ВЦИК и Президиума ЦИК СССР. Арестован 11 июня 1937 арестован, расстрелян 28 июня 1938. Реабилитирован посмертно.

УНШЛИХТ (Осинская) Софья (1881—1937)

С 1905 член СДКПиЛ. С 1918 член Компартии Польши. С 1921 в Германии. В 1922—23 сотрудник Западноевропейского Секретариата Коминтерна.

В 1924 член фракции «меньшинства» в КПГ, с 1925 член ЦК. Затем на руководящей работе в Коминтерне. Арестована и расстреляна в 1937. Реабилитирована посмертно.

ФАЙНБЕРГ Иосиф (1886—1957)

В 1919—23 сотрудник Отдела печати ИККИ. В 1923—24 представитель ИККИ во Владивостоке. В 1924—25 референт Восточного отдела ИККИ. В 1925—26 корреспондент ТАСС в Китае. В 1926—35 сотрудник аппарата ИККИ. С 1935 на переводческой работе.

ФАРКАШ (Левин-Вольф) Михаэль (1904—1965)

Венгерский еврей. Участник венгерского и чешского молодежного коммунистического движения. Затем уехал в СССР, работал в центральном аппарате КИМ. Выполнял различные поручения Коминтерна в Европе, в т.ч. в Испании во время гражданской войны. На VII конгрессе Коминтерна (1935) избран кандидатом в члены Президиума ИККИ.

Во время второй мировой войны генеральный секретарь КИМ вплоть до ликвидации Коминтерна.

После войны член Политбюро Венгерской компартии (1948—53), глава политической полиции и министр обороны Венгрии. В октябре 1956 исключен из партии и арестован. В апреле 1957 приговорен к 16 годам тюрьмы, но позже помилован.

ФЕЙНШТЕЙН Владислав (псевдоним — Здислав Ледер) (1880—1937)

В 1906—11 член Главного правления СДП Польши. В 1921—24 представитель Профинтерна в Германии.

В мае 1937 арестован, в сентябре расстрелян. Реабилитирован посмертно.

ФЕРРА (Морель) Андрэ (1902—?)

Учился в университете в Париже. В 1921 вступил в ФКП. Член и один из секретарей ЦК молодежной коммунистической организации.

С 1925 член ЦК ФКП, с 1927 член Политбюро. С сентября 1931 возглавлял антиколониальную секцию партии. С января 1930 до середины 1931 представитель ФКП в Коминтерне. В ноябре 1932 — феврале 1934 главный редактор газеты «Юманите». Ввиду несогласия с политикой ФКП и Коминтерна участвовал в создании оппозиционной группы, издававшей журнал «Que Faire?» (Что делать?). В 1936 вышел из ФКП, выступив с публичной критикой Народного фронта. Участник второй мировой войны и сопротивления.

ФИЛАТОВ Николай Алексеевич (1891—1941)

Член партии с 1912. На XVII съезде ВКП(б) избран кандидатом в члены ЦК. В 1930—34 секретарь райкома партии в Москве. В 1934—37 председатель Мособлисполкома. В августе 1937 освобожден от должности, в феврале 1938 исключен из партии и арестован. Реабилитирован в 1956.

ФИЛИЯ Мелитон Глахунович (клички Жорж и Августуло) (1888—1931)

Сотрудник советских представительств в Париже и Берлине. С 1926 в Коминтерне. Последние годы жизни — редактор тбилисской газеты.

ФИШЕР Рут (урожд. Эльфрида Эйслер, по мужьям Фридендер, Голке, Плушо, Дюбуа) (1895—1961)

Одна из основателей компартии Австрии в 1918. В начале 1920-х эмигрировала в Германию. Руководитель ультралевого крыла КПП. В 1924—26 вместе с А. Масловым возглавляла КПГ. Сторонница Г.Е. Зиновьева в Коминтерне. В 1927 исключена из партии. Один из организаторов Ленинбунда. После 1933 в эмиграции во Франции. Входила в группу «Интернационал», до 1936 сотрудничала с Троцким. С 1941 в США. После второй мировой войны убежденная антикоммунистка. Дала свидетельские показания комиссии Маккарти о коммунистической деятельности своих братьев Герхарда и Ганса Эйслеров. Автор ряда книг по истории коммунизма.

ФЛИГ Лео (1893—1939)

Родился в Берлине в семье еврея-адвоката. Работал в банке. Участник мировой войны. После демобилизации вступил в «Союз Спартака». В ноябре 1919 делегат учредительного конгресса КИМ, на котором избран лидером. После 1923 работал в центральном аппарате КПГ, руководил ее нелегальной деятельностью в тесном сотрудничестве с Пятницким. Член ЦК и Политбюро КПГ (1927—1930). Затем заместитель заведующего ОМС Коминтерна. В 1933 покинул Германию. В 1935—37 в Париже. Вызван в Москву и арестован. Умер в тюрьме. Реабилитирован посмертно.

ФЛОРИН Вильгельм (1894—1944)

Немецкий рабочий-металлист. Активист молодежного социалистического движения, член Социалистической партии Германии.

В мае 1920 примкнул к коммунистической фракции, вступившей в КПГ. В 1924 избран членом ЦК КПГ и депутатом Рейхстага. В 1925 секретарь регионального комитета КПГ в Руре, в 1932 партсекретарь Берлин-Брандербургского региона. В 1931 избран кандидатом в члены Президиума ИККИ. В 1933 после прихода к власти Гитлера уехал в Париж. В декабре 1933 избран членом Президиума ИККИ. В начале 1935 выехал в Москву. В 1935—37 в Секретариате Коминтерна. В июле 1944 скоропостижно скончался в Москве.

ФОКИН Н.А. (псевдонимы — Молодой, Зимилев) (1899—?)

В 1924—26 сотрудник аппарата Исполкома КИМ, в 1924—27 представитель КИМ в Китае, член Дальбюро ИККИ, в 1927—30 зав. Восточным отделом Исполкома КИМ, в 1930—33 зам. заведующего Восточным отделом Профинтерна. Репрессирован. Реабилитирован посмертно.

ФРЕЙЕР В.С. (псевдонимы — Индус, Сейгель) (1897—?)

С 1924 референт по Индии Восточного отдела ИККИ, в 1926—27 референт Дальбюро ИККИ и ЦК КПК по аграрному вопросу. В 1927—28 зам. заведующего Восточным отделом Крестинтерна. Репрессирован. Реабилитирован посмертно.

ФРИД Деже (Дедиер Арминович) (1896—1936)

Член Венгерской СДП. Участник мировой войны, лейтенант австро-венгерской армии. С 1915 в русском плену. В апреле 1918 в Иркутске избран членом ЦМК организации военнопленных-интернационалистов Сибири, один из организаторов интернациональных отрядов Красной Армии. С июня 1918 член Главного штаба Сибвоенкомата, участвовал в боях на Приморском фронте, затем в партизанском отряде. Попал и плен к японцам, бежал за границу из Никольск-Уссурийской тюрьмы. С 1921 снова в Сибири, но в конце года выехал в Чехословакию. С 1924 на работе в аппарате ИККИ, затем в Разведуправлении Генштаба РККА. В сентябре 1936 выехал в Испанию, воевал в интербригаде, погиб под Мадридом.

ФРИНОВСКИЙ Михаил Петрович (1898—1940)

Член партии с 1918. С 1919 в органах ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД. В 1936—37 зам. наркома внутренних дел СССР, начальник ГУГБ НКВД. Командарм 1-го ранга. В 1938—39 нарком военно-морского флота СССР (уникальный случай в мировой истории — палач

командовал флотом, абсолютно ничего не понимая в военно-морских делах). 19 марта 1939 арестован якобы «за фальсификацию уголовных дел» и 3 февраля 1940 расстрелян.

ХАКЕН Иозеф (1880—1949)

С 1925 член Политбюро и ЦК Компартии Чехословакии. В 1925—1934 (с перерывами) представитель КПЧ в Коминтерне. В 1926—27 член Президиума ИККИ. С 1936 отошел от политической деятельности.

ХЕЙМО Мауно (1894—1937)

Финн. После мировой войны примкнул к коммунистам. В 1920 послан Коминтерном в Швецию и Норвегию для налаживания связи, но был арестован. После освобождения, в 1922—31 зав. бюро Секретариата ИККИ. Во время фракционной борьбы в компартии Финляндии поддержал Куусинена. Позже принял советское гражданство и вступил в РКП(б).

В 1929—35 выполнял различные поручения Коминтерна в Центральной и Западной Европе. В 1937 арестован и расстрелян. Реабилитирован посмертно.

ХЕЙНЕ Гейнц

Известный германский разведчик, а также исследователь истории Гестапо и Абвера.

ХО ШИ МИН (1890—1969)

Родился во вьетнамской деревне, в семье мелкого чиновника. В декабре 1911 устроился матросом на французский корабль. С 1919 в Париже, работал фотографом. Участвовал в молодежном социалистическом движении. В декабре 1920 участвовал в учредительном съезде компартии Франции. Участвовал в деятельности Крестинтерна, Профинтерна, КИМа. В декабре 1924 в Кантоне тесно сотрудничал с миссией Коминтерна во главе с Бородиным, работал переводчиком в советском консульстве. В 1927 вернулся в Москву. Осенью 1928 уехал в Бангкок для революционной работы в Южной Азии.

В январе 1930 в Гонконге организовал учредительный съезд компартии Индокитая, был избран ее лидером. В июне 1931 арестован в Гонконге, пробыл в заключении 6 месяцев. В 1932 нелегально жил в Шанхае, затем вернулся в СССР. Закончил Ленинскую школу Коминтерна.

В конце 1938 выехал в Китай. В 1941 основал Демократический фронт освобождения Вьетнама. В августе 1942 арестован чанкайшистами, освобожден в сентябре 1943.

После капитуляции японской армии 2 сентября 1945 провозгласил Демократическую Республику Вьетнам и в марте 1946 стал ее президентом.

ХУАН Пин (псевдоним Воровский) (1901—1981)

В 1921—23 член пекинской организации КПК. В 1923—24 на учебе в КУТВ. В 1924—26 секретарь Гонконгского комитета КПК. В 1926 зав. рабочим отделом Гуандунского комитета КПК. В 1927 член Военного совета Южного бюро ЦК КПК, один из руководителей Кантонской коммуны.

В 1928 член делегации КПК на VI конгрессе Коминтерна. До 1932 на руководящей партийной и профсоюзной работе. После ареста в 1932 вышел из КПК.

ХЮБНЕР Артур (?—?)

Из рабочей семьи. С 1916 в рабочем движении. Член КПГ с момента основания. В 1920 участник конгресса Коммунистического интернационала молодежи в Москве.

В 1920-е сотрудник Разведупра Генштаба РККА в Германии. Владелец магазина современной радиоаппаратуры в Берлине. В 1931 вернулся в СССР. Окончил специальные курсы радистов РККА. В 1930-е разведчик-радист в Румынии и Скандинавских странах. Знал шесть языков.

С конца 1930-х в СССР, работал инженером на Урале. В 1941 арестован, получил 15 лет лагерей. В 1958 уехал в ГДР, где вскоре умер. Реабилитирован посмертно.

ЦЕЙТЛИН Е.В. (1898—1937)

С 1919 председатель, с 1922 секретарь ЦК РКСМ. В 1922—24 член ИККИ, в 1926—29 сотрудник аппарата ИККИ. Репрессирован. Реабилитирован посмертно.

ЦИВЦИВАДЗЕ (Илько) Илья Венедиктович (1881—1938)

Член партии с 1903. Активный участник революций 1905—07 и Октября 1917. Вместе с Пятницким руководил в 1917 Московским восстанием, был членом бюро и секретарем МК РСДРП(б). С 1921 на ответственной партийной и хозяйственной работе, председатель следственной комиссии Моссовета, зам. председателя

московского ревтрибунала, член ВЦИК. В 1937 арестован, в 1938 расстрелян. В 1956 реабилитирован посмертно.

ЦХАКАЯ Михаил (Миха) Григорьевич (1865—1950)

Из семьи священника. Учился в Тифлисской духовной семинарии. В революционном движении с 1886. Член партии большевиков с 1898. С мая 1917 представитель ЦК партии в Закавказье, член Кавказского краевого Совета, с октября член Кавказского крайкома РСДРП(б).

В 1917—19 член Тифлисского комитета партии. В июле 1919 арестован меньшевистским правительством Грузии, освобожден в мае 1920. Вошел в состав ЦК КП(б) Грузии. Член ИККИ с 1920. В феврале 1921 член ВРК Грузии. С 1923 председатель Президиума ЦИК Грузинской ССР, один из председателей ЦИК ЗСФСР, член Президиума ЦИК СССР, позже депутат Верховного Совета СССР.

ЦЮЙ ЦЮБО (псевдонимы — Литератор, Страхов) (1899—1935)

В 1920—22 корреспондент китайской газеты «Чэньбао» в РСФСР. С 1923 главный редактор печатных органов ЦИК КПК «Синь цинь-нянь» и «Цяньфэн». В 1924—26 кандидат в члены ЦИК, член Политсовета ЦИК гоминьдана. С 1925 член ЦИК (ЦК) КПК, в 1927—31 член Политбюро ЦК КПК. В 1928—30 член Президиума и Политсекретариата ИККИ, глава делегации КПК в Коминтерне. В 1931—35 нарком просвещения Китайской советской республики. Казнен гоминьдановцами.

ЧЕШЕЙКО-СОХАТСКИЙ Ежи (псевдоним Братковский) (1892—1933)

Член ППС с 1914. В 1919—20 член и Генеральный секретарь ЦИК ППС. В 1921 перешел в компартию Польши. С 1922 член ее ЦК. С 1924 депутат сейма. С 1929 член Политбюро КПП и генеральный секретарь КП Западной Украины. С 1930 представитель ЦК КПП в ИККИ. В 1931—32 кандидат в члены Президиума ИККИ и Политсекретариата ИККИ. Отстранен от работы как «идейно чуждый элемент». 15 августа 1933 арестован, 4 сентября покончил с собой в тюрьме.

ЧЖАН Готао (Чжан Тэли, псевдонимы Амосов, Спиридонов) (1897—1979)

В 1921—23, 1925—38 член ЦК КПК. В 1924—26 кандидат в члены ЦИК гоминьдана. В 1927—38 член Политбюро ЦК КПК. В 1922 глава делегации КПК на I съезде народов Дальнего Востока. В 1928—30 член делегации КПК в Коминтерне. В дальнейшем на партийных постах в КПК, но в 1938 вышел из нее.

ЧЖАН Тайлэй (1899—1927)

В 1921 секретарь китайской секции Дальневосточного секретариата Коминтерна в Иркутске, делегат III конгресса. Коминтерна. В 1922—24 член Исполкома КИМ. В 1925—26 переводчик М. М. Бородин. В 1925—27 кандидат в члены, в 1927 член ЦК КПК, кандидат в члены ЦК КПК, секретарь Южного бюро ЦК КПК, секретарь Гуандунского комитета КПК. В 1927 председатель Кантонского советского правительства. Погиб во время восстания в Кантоне.

ЧЖОУ Эньлай (1898—1976)

С 1927 член ЦК КПК, член Политбюро ЦК КПК, с 1928 член Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК. В 1920—24 на учебе во Франции. В 1924—26 член Постоянного комитета, заведующий Военным отделом Гуандунского комитета КПК, политкомиссар Военной школы Хуанпу.

В 1925—26 глава гражданской администраций района Восточной реки провинции Гуандун. В 1926—27 член, председатель Военной комиссии ЦИК КПК. В марте 1927 один из руководителей восстания рабочих Шанхая. В дальнейшем на руководящих партийных и государственных постах в КПК и КНР.

ЧЭНЬ Дусю (1880—1942)

В 1920—21 один из создателей КПК. В 1921—22 секретарь Центрального бюро КПК. В 1922—25 председатель ЦИК КПК. В 1925—27 глава делегации КПК на IV конгрессе Коминтерна. В 1929 исключен из КПК по обвинению в троцкистской деятельности.

ШАЦКИН Лазарь Абрамович (1902—1937)

В 1918—22, 1926—28 член ЦК РКСМ (ВЛКСМ). В 1920—22 первый секретарь ЦК РКСМ, в 1919—21 сотрудник аппарата КИМ. Член ИККИ от КИМ (в 1920, 1926, 1928), редактор журнала «Коммунистический Интернационал», представитель КИМ в Президиуме ИККИ в 1928. В 1927—30 член ЦКК ВКП(б). Репрессирован. Реабилитирован посмертно.

ШМЕРАЛЬ Богумир (1880—1941)

С 1897 член Чешской СДРП, входил в ее руководство. С 1919 лидер левого крыла партии ЧСДРП (марксистская «левая»). После создания КПЧ в 1921—29 и с 1936 член ЦК. В 1922—35 член ИККИ, был также членом Президиума ИККИ. С 1935 член ИКК Коминтерна. В 1920—30-е годы выполнял ответственные поручения ИККИ в ряде стран Европы и Азии. С 1938 в СССР, работал в Коминтерне.

ШТЕРН (правильно Стерн, известен как Фред и Клебер) Манфред Залманович (1896—1954)

Родился в Волоке (Буковина) в семье мелкого еврейского торговца. Студент медицинского факультета Венского университета. Участник мировой войны. Попал в русский плен. Участник движения военнопленных-интернационалистов в Сибири. Участник Гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке.

После Гражданской войны сотрудник IV (Разведывательного) управления Генштаба РККА и военного аппарата Коминтерна. В 1921 участник мартовского восстания в Германии, в 1923 участник Гамбургского восстания. В 1932—34 в Китае, главный военный советник ЦК КПК. С 1936 в Испании, командир 11-й Интербригады. Отозван в СССР, арестован, приговорен к 15 годам лишения свободы. Реабилитирован посмертно.

ШУБЕРТ Франц (Занд, Артур, Занд Эрвин) (1893—?)

Родился в Кетцельдорфе, в Австро-Венгрии. В 1912—20 член СДПГ, с 1920 член КПГ.

В 1907—26 (за исключением периода мировой войны) работал слесарем на заводах в Кёльне. В годы войны пехотинец, затем оружейный мастер в авиагруппе. С 1924 до конца 1935 сотрудник нелегального военного аппарата КПГ. В 1930—31 учился в военной школе в СССР. В 1933—35 на нелегальной работе в Германии. Шуберту по поручению КПГ удалось наладить связь с Э. Тельманом через тюремного надзирателя, получить через адвоката обвинительный акт против Э. Тельмана и частично опубликовать его. С 1936 в СССР.

В ноябре 1936 арестован органами НКВД, в декабре 1941 приговорен к расстрелу. В январе 1942 обращался из заключения к Г. Димитрову с просьбой о пересмотре дела, которое было направлено в Верховный суд РСФСР. Дальнейшая его судьба неизвестна.

ШУМЯЦКИЙ Борис Захарович (псевдоним — Червонный А.) (1886—1938)

Большевик с 1903. В 1905—07 один из руководителей восстаний в Красноярске и Владивостоке. В 1918—19 председатель губисполкома в Сибири, в 1920—22 председатель Совета Министров ДВР. В 1921 уполномоченный Коминтерна на Дальнем Востоке, затем уполномоченный НКВД РСФСР по Сибири и Монголии. В 1922—23 советник полпредства РСФСР в Иране; в 1923—25 полпред и торгпред СССР в Иране. С 1926 член бюро Ленинградского губкома ВКП(б), затем ректор Коммунистического университета трудящихся Востока, член Средазбюро ЦК ВКП(б); с 1930 председатель «Союзкино», с 1933 начальник Главного управления кинопромышленности и заместитель председателя Комитета по делам искусств при СНК СССР.

ШЮЛЛЕР (Шилер) Рихард (1901—1957)

В 1921—28 секретарь Исполкома КИМ, с 1922 член ИККИ. В 1928—33 член ЦК, в 1929—33 член Политбюро компартии Австрии.

ЭБЕРЛЕЙН ГУГО (1887—1944)

В годы мировой войны член «Союза Спартака». Один из основателей КПГ и член ЦК до конца 1920-х. Делегат от КПГ на I конгрессе Коминтерна. В начале 1920-х руководил нелегальным аппаратом КПГ. В конце 1920-х как «примиренец» выведен из ее руководства. После этого вернулся в Москву, работал в ОМС Коминтерна. В 1934 за нелегальную работу был арестован во Франции. После освобождения снова вернулся в Москву. В 1935—37 член ИККИ и ИКК Коминтерна. В 1938 арестован, позже убит в одном из северных лагерей. Реабилитирован посмертно.

ЭВЕРТ Артур (1890—1959)

Родился в Польше в семье крестьянина. В 1908 вступил в Соцпартию Германии. С мая 1914 по август 1919 жил в Канаде. После возвращения в Германию вступил в КПГ. В июне 1923 был германским делегатом на пленуме ИККИ: в 1926 под псевдонимом Браун участник VI пленума ИККИ, где представлял Британскую комиссию. В мае 1927 участник VIII пленума ИККИ, где представлял Американскую комиссию.

В сентябре 1927 под псевдонимом Грей в качестве эмиссара Коминтерна присутствовал на VI съезде КП США. В августе 1928

на VI конгрессе Коминтерна избран кандидатом в члены ИККИ. В октябре 1928 снят с постов в КПГ и Коминтерне как сторонник «примиренцев». В июне 1929 выступил на XII съезде КПГ с покаянной речью. В 1929 зам. зав. Восточным секретариатом ИККИ. В начале 1930-х эмиссар Коминтерна в Латинской Америке, затем в Китае. В 1934 отправлен сначала в США (под именем Гарри Бергер), затем в Бразилию, где работал в Оргсекретариате ЦК бразильской компартии.

В 1935 участвовал в попытке организовать коммунистическую революцию в Бразилии. В декабре 1935 арестован. В мае 1937 приговорен к 13 годам тюремного заключения. В тюрьме сошел с ума. В мае 1945 освобожден по амнистии.

В августе 1947 вернулся в Восточную Германию на советском судне. Жил в ГДР в различных медицинских институтах вплоть до своей смерти.

ЭЙДУКЯВИЧУС Пранас Винцович (Эйдукевич Франц Викентьевич; 1869—1938)

Деятель литовского революционного и коммунистического движения. Член ЦК СДП Литвы. Председатель ЦК КП Литвы. В 1924—25 секретарь Нелегальной комиссии Коминтерна. В 1937 репрессирован. Реабилитирован посмертно.

ЭЙСЛЕР Герхард (1887—1968)

Профессор, доктор наук. В годы первой мировой войны лейтенант австро-венгерской армии. Муж Х. Массинг, брат Рут Фишер. В 1918 вступил в Компартию Австрии. В 1920 переехал в Германию, вступил в КПГ, позже стал одним из ее руководителей. Во время «германского Октября» был секретарем Генриха Брандлера в рабочем правительстве Саксонии. Подвергался преследованиям, находился на нелегальном положении.

В 1927—28 член ЦК КПГ. В 1929—31 инструктор ИККИ в Китае. Сотрудничал с группой Зорге, работал в Профинтерне. Вернувшись в Москву, учился в Ленинской школе Коминтерна. В 1933—36 под псевдонимом Эдвардс инструктор Коминтерна при компартии США.

Сражался в рядах антифашистов в Испании. Организатор и комментатор подпольной радиостанции КПГ. В 1941—49 находился в США, где неоднократно арестовывался. В 1949 нелегально выехал в ГДР, где возглавил Госкомитет по радиовещанию. Умер во время официальной поездки в СССР.

ЭМБЕР-ДРО Жюль (1891—1971)

Родился в Швейцарии. Был протестантским пастором. Во время мировой войны отказался служить в швейцарской армии, за что был отдан под суд. Вступил в Швейцарскую соцпартию, где поддерживал левое крыло. В марте 1921 стал одним из основателей компартии Швейцарии. На III конгрессе Коминтерна избран секретарем ИККИ. В 1925 избран членом Оргбюро ИККИ.

Выполнял ряд секретных заданий Коминтерна во Франции (1921—1922, 1926, 1927), Италии (1922, 1923, 1924, 1926), Испании (1922, 1924, 1930), Голландии (1924) и Португалии (1923). Возглавлял Латинский секретариат Коминтерна. В 1929 в качестве инструктора Коминтерна направлен в Южную Америку. В декабре 1928 после снятия Бухарина был освобожден от всех постов в Коминтерне. Выступил с публичной самокритикой.

В 1931 вернулся в Швейцарию, где являлся одним из лидеров компартии. Во время второй мировой войны участвовал в работе «Красной капеллы».

В 1943 после длительного конфликта с новым лидером ШКП Хофмайером исключен из компартии. Вернулся в Швейцарскую СДП. В 1947—58 был ее секретарем.

Ягода Генрих Григорьевич (Негуда Енохим Гершонович; 1891—1938)

С 1920 член Президиума ВЧК, с 1924 заместитель председателя ОГПУ, в 1934—36 нарком внутренних дел СССР. В 1936—37 нарком связи. Арестован в 1937, расстрелян в 1938.

Многие годы Ягода нужен был Сталину для выполнения самых гнусных его поручений. Он отвечал за охрану Кремля и подчинялся только лично Сталину. По приказу Ягоды сотрудники ОГПУ-НКВД составили досье с компрометирующими материалами на всех ответственных партработников, начиная с секретарей райкомов и горкомов.

Ягоду и Сталина связывали жуткие тайны и множество преступлений. Троцкий назвал его «всеми презираемым ничтожеством». Но именно такие люди расчищали Сталину путь к вершинам единоличной власти. На успешную карьеру Ягоды в ОГПУ повлияло то, что в самом начале борьбы Сталина с Троцким он без колебаний принял сторону Сталина и с тех пор пользовался его покровительством.

По свидетельству очевидцев, он был человеком скрытным и хмурым, отличался злопамятностью, беспринципностью, был склонен

к вспышкам ярости. В то же время был очень работоспособен и быстро схватывал суть дела. Не поддерживая дружеских отношений ни с кем из подчиненных, он все же сумел создать в центральном аппарате органов госбезопасности коллектив преданных ему сотрудников.

Ягода стоял у истоков ГУЛАГа, именно его руками в конце 1920-х Сталин начал раскручивать кровавый маховик политических репрессий. Когда нужда в нем отпала, Сталин его уничтожил.

ЯНСЕН (Джонсон) Карл Эрнстович (1882—1938)

Латыш. В 1920-е на работе в Китае. С 1923 член Исполкома Профинтерна. В 1924 зав. ОМС Профинтерна. В 1925—27 референт Бюро печати и информации полпредства СССР в Китае, представитель Профинтерна в Китае.

В дальнейшем генеральный секретарь Тихоокеанского секретариата Профинтерна, заведующий Восточно-колониальной секцией Профинтерна, преподаватель Международной Ленинской школы и НИИ национально-колониальных проблем. Репрессирован. Реабилитирован посмертно.

Краткая библиография по «открытой» истории Коминтерна

Адибеков Г.М. и др. **Организационная структура Коминтерна 1919—1943.** М.: «Росспэн», 1997. — 286 с.

Бобренев В.А. **За отсутствием состава преступления.** М.: «Олимп», 1998. — 472 с.

Ватлин А.Ю. **Троцкий и Коминтерн (1923—1933).** М.: Знание, 1991. — 64 с.

Деятели Коминтерна. / Составители А.Г. Самсонова, Е.Н. Соснович/. М.: ВГБ им. Ленина, 1990. — 194 с.

История Коммунистического Интернационала 1919—1943. Документальные очерки. / Отв. ред. А.О. Чубарьян/. М.: «Наука», 2002. — 412 с.

Коминтерн и гражданская война в Испании. Документы. М.: «Наука», 2001. — 527 с.

Коммунистический Интернационал в документах (Решения, тезисы и воззвания конгрессов Коминтерна и пленумов ИККИ 1919—1932). М.: Партиздат, 1933. — 1007 с.

Коммунистический Интернационал. Краткий исторический очерк. М.: Политиздат, 1969. — 600 с.

Куусинен А. **Господь низвергает своих ангелов. Воспоминания 1919—1965.** / Пер. с фин./ Петрозаводск: «Карелия», 1991. — 240 с.

Привалов В.В., Польников Е.А. **Коминтерн и массовые организации рабочего класса.** Л.: ЛГУ, 1978. — 174 с.

Соркин Г.З. **Действительность против вымыслов. Критика буржуазной и реформистской историографии Коммунистического Интернационала.** М.: «Мысль», 1974. — 252 с.

Толмачев Е.П. **Современный взгляд на историю Коминтерна (1924—1943).** Спецкурс. М.: МГУ, 1992. — 128 с.

Троцкий Л.Д. **Коммунистический Интернационал после Ленина: Великий организатор поражений.** М.: «Принтима», 1993. — 312 с.

Улунян А.А. **Коминтерн и геополитика: Балканский рубеж 1919—1938.** М.: ИВИ, 1997. — 220 с.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Несколько слов об авторе	3
Предисловие автора	6

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1. Становление революционера	12
Глава 2. Бурный 1917-й	32
Глава 3. Годы Гражданской войны	50

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава 4. Создание Коммунистического Интернационала	64
Глава 5. Попытки «устроения» мировой революции	73
Глава 6. Кое-что из деятельности исполкома Коминтерна	105

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Глава 7. Невидимая часть коминтерновского айсберга	133
Глава 8. Коминтерн и советская разведка	297
Глава 9. VII Конгресс Коминтерна (25 июля — 21 августа 1935 года) и подготовка к генеральной чистке Коминтерна	340
Глава 10. Ни единойжды не солгавший (Осип Пятницкий, человек и большевик)	353

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Глава 11. Руководитель Политико-административного отдела ЦК ВКП(б). Положение в партии и стране (август 1935 — июнь 1937 г.)	366
--	-----

Глава 12. Июньский Пленум ЦК ВКП(б) 1937 года (арьергардный бой остатков ленинской гвардии со сталинской кликой за идеалы Октябрьской революции)	417
---	-----

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

Глава 13. Формирование «антисоветской контрреволюционной правотроцкистской организации» в Коминтерне	437
Глава 14. Арест Осипа Пятницкого	473
Глава 15. Подготовка открытого публичного процесса над деятелями «антисоветского контрреволюционного заговора» в Коминтерне	481
Глава 16. Провал сталинской затеи узаконить разгром Коминтерна	488
Глава 17. Крах Коминтерна	536

ПРИЛОЖЕНИЯ

1. Как Сталин установил режим личной власти	556
2. Реабилитация Осипа Пятницкого и функционеров Коминтерна	600
3. Инквизиция в прошлом и при Сталине	613
4. Печатные работы И.А. (Осипа) Пятницкого	620
5. Краткие биографические справки о персонажах этой книги	627

По вопросам оптовой покупки книг
издательства АСТ обращаться по адресу:
Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж
Тел. 215-43-38, 215-01-01, 215-55-13

Книги издательства АСТ
можно заказать по адресу:
107140, Москва, а/я 140,
АСТ — «Книги по почте».

Научно-популярное издание

ПЯТНИЦКИЙ
Владимир Иосифович

**ОСИП ПЯТНИЦКИЙ
И КОМИНТЕРН
НА ВЕСАХ ИСТОРИИ**

Ответственный за выпуск *Ю. Г. Хацкевич*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 30.04.2004.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 37,8+1,68 вкл. Тираж 3000 экз. Заказ 1178.

ООО «Харвест». Лицензия ЛВ № 32 от 27.08.02.
РБ, 220013, Минск, ул. Кульман, д. 1, корп. 3, эт. 4, к. 42.

Республиканское унитарное предприятие
«Издательство «Белорусский Дом печати».
220013, Минск, пр. Ф. Скорины, 79.

LONG LIVE THE THIRD
COMMUNIST INTERNATIONAL!
EVVIVA IL TERZA
INTERNAZIONALE COMUNISTA!

VIVE LA TROISIEME
INTERNATIONALE COMMUNISTE!
ES LEBE DIE DRITTE
KOMMUNISTISCHE INTERNATIONALE!

ISBN 985-13-2140-0

9 789851 321403